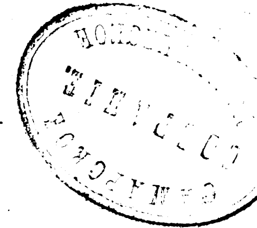
Адресъ редакціи и конторы: уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9

МАРТЪ. 1900.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 3.



СОДЕРЖАНІЕ:

(См. 2-ю стр. обложки).

МАРТЪ. 1900.

Russkoe bogatstvo.

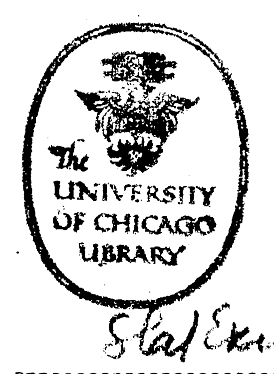
РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

№ 3.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.
1900.



Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 марта 1900 года.

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. на оборотѣ).

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 10 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) Непринятыя рукописи, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1899 г., если авторы не потребуютъ ихъ обратно въ теченіе шести мѣсяцевъ съ 1-го ноября 1899 г., будут уничтожены.

РАЗДОЛЬЕ.

(Повѣсть).

XIII.

Дѣвицы и дамы въ цвѣтахъ и свѣжихъ туалетахъ толпились вокругъ Риты, заканчивавшей одѣванье къ вѣнцу. Хорошенькихъ между ними было достаточно, но тѣмъ некрасивѣе казалось среди нихъ заплаканное лицо невѣсты, съ котораго платокъ пятнами уносилъ пудру. Вотъ приближается Софья Глѣбовна съ футляромъ въ рукѣ.

— У насъ въ обычаѣ,—говоритъ она, обѣгая аудиторію растроганнымъ взглядомъ,—чтобы серьги невѣстѣ вдѣла самая счастливая изъ присутствующихъ женщинъ. Я хотѣла просить васъ, chère belle...—оборачивается она къ одной изъ барынь.— Но нѣтъ! Большаго счастья, чѣмъ досталось на долю à ta vielle mère, mon enfant,—я и пожелать тебѣ не могу. Дай, я сама надѣну тебѣ серьги...

— Какъ кошка съ собакою жили!—шепчетъ Фредѣ престарѣлая ех-гувернатка Риты, притащившаяся на свадьбу; въ то же время до Фреды доносится шипѣнье нѣжной матери на дочь:—Mais finissez donc de vous afficher au tel point!*).—И тутъ же, умиленно щурясь, Софья Глѣбовна лепечетъ дамамъ что-то про «этихъ невинныхъ дѣвочекъ, которыя идутъ подъ вѣнецъ, какъ въ пещеру людоѣда»...

Фредѣ несказанно противна вся эта комедія; она выходитъ освѣжиться на балконъ и застаетъ тамъ Одобарова. Блѣдный, нервный, съ усталыми глазами, онъ тоже вышелъ передохнуть: вѣдь ему на цѣлый еще день впереди роль любезнаго хозяина и шафера. Фреда участливо спросила его о здоровьѣ, онъ только рукою махнулъ.

— А вы, миссъ Фреда, отчего не прикололи себѣ ни одного цвѣтка?—сказалъ онъ, оглянувъ ея костюмъ.—Впрочемъ, и не надо. Ничего, кромѣ этого золотого обручика въ вашемъ сіяніи... Право, у васъ иногда, какъ сіяніе, ваши прелестные волосы.

---

*) Но перестань же срамиться до такой степени!

И это бѣлое платье такого строгаго стиля... Вы замѣчательно умѣете одѣваться, миссъ Фреда.

— Зачѣмъ вы и со мною говорите такъ... насильно? Будто я не вижу, что вамъ не до того, Анатолій Павловичъ.

Онъ вздохнулъ, пожалъ дѣвушкѣ руку и подалъ ей двѣ полураскрытыхъ чайныхъ розы.—Возьмите всетаки. Молодости такъ идутъ цвѣты.—Но его уже искали, пора было ѣхать въ церковь.

Толпа бабъ и ребятишекъ, еле сдерживаемая урядникомъ и становымъ въ парадной формѣ, зѣвала на невиданное великолѣпіе: церковь уставлена тропической зеленью и устлана коврами; лучшія ризы причта сіяютъ серебромъ, хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ заливается чудными модуляціями, которыя вмѣстѣ съ туманомъ ладона уносятся вверхъ подъ куполъ, пронизанный полосами солнца.

— Взгляните на Риту,—шепчетъ сосѣдка Фредѣ. И вправду— это уже не заплаканная, жалкая Рита: подъ кружевною вуалью и померанцевымъ вѣнкомъ просвѣтленное лицо, какое у нея бываетъ за роялемъ. Восторженная молитва заслонила ей все: перешептыванія и насмѣшки гостей на ея счетъ, помпу, которой стараются прикрыть некрасивую свадьбу, вплоть до плюгавенькаго жениха рядомъ... «И какъ она можетъ молиться такъ у всѣхъ на глазахъ, въ минуты такого униженія?»— подумалось Фредѣ.

Но вотъ женихъ тоже взглянулъ на Риту; на мгновеніе что-то боязливое, смущенное отразилось въ его юркихъ чертахъ, онъ слегка покраснѣлъ и потупился... потомъ тѣмъ развязнѣе шепнулъ что-то своему шаферу, подмигнувъ на невѣсту. Оба улыбнулись.

Странное впечатлѣніе произвела эта мимическая сценка на Фреду. Только-что передъ тѣмъ пришло ей въ голову, что, можетъ быть, скоро и она будетъ стоять здѣсь, какъ Рита; но не смѣшная, а во всемъ блескѣ молодости и этого традиціоннаго наряда...

Что-же? развѣ и *для нея* это не будетъ публичнымъ униженіемъ—продажею себя въ рабство, среди насмѣшекъ и сплетенъ? Сможетъ ли она не опустить глазъ (какъ Базиль сейчасъ) передъ довѣрчивымъ, влюбленнымъ взглядомъ Анатолія Павловича? Она невольно обернулась въ сторону Одобарова. Онъ какъ разъ смотрѣлъ на нее, задумавшись, и дѣвушкѣ почудился уже и теперь этотъ восхищенный отблескъ въ его взглядѣ. Ей стало душно, гадко. Поспѣшно выбравшись на воздухъ, она присѣла на скамью въ тѣни.

Сейчасъ-же все прошло, конечно. Какія глупости! Точно старая дѣва! Если бы даже у нихъ что и вышло съ Одобаровымъ, у него хватитъ такта, въ его годы, не разыгрывать Ромео.

Будто нѣтъ въ распоряженіи благовоспитанныхъ людей цѣлаго выбора оригинальныхъ и изящныхъ формъ отношеній между мужчиною и женщиной, помимо этихъ шаблонныхъ приторностей?

— Ну-съ, обморока, очевидно, на лицо не имѣется. И прекрасно. Хоть поболтаемъ малость, а то всѣ эти дни васъ, какъ ртуть, не поймать было, миссъ Фреда. Замотали васъ совсѣмъ съ этой свадьбою.

Хмаровъ поставилъ стаканъ съ водою въ траву и подсѣлъ рядомъ, на скамью. Очевидно, онъ замѣтилъ, что она избѣгала его въ послѣдніе дни.

— Жестокіе у насъ нравы, государыня моя,—прибавилъ онъ, перехвативъ смущенный взглядъ Фреды въ сторону церкви: не обратили бы вниманія на ихъ tête à tête.

— Что-жъ тутъ особеннаго?—задорно отозвалась Фреда.— Обыкновенный mariage de raison *): Ритѣ нуженъ мужъ, Базилю деньги. Они вѣнчаются... Вѣдь и въ вашемъ «народѣ» бракъ всего чаще—просто хозяйственная сдѣлка. Сами вы говорили...

— То, да не то... И какъ вы это гадко сказали, миссъ Фреда,—поморщился докторъ.

— Цинично? Что-жъ дѣлать, Викторъ Даниловичъ? C'est la vie.

— Циничнѣе я право ничего не видывалъ,—отвернувшись пробурчалъ тотъ. Фреда нервно ощипывала одобаровскія розы; два пятна румянца все ярче разгорались у нея на щекахъ.

— Скажите,—заговорила она послѣ маленькой паузы.—Вы серьезно *такъ* ужъ увѣрены въ себѣ... въ своей нравственности, чтобы строго судить другихъ?

— Ужъ будто надобно столько «нравственности», чтобы поручиться за себя, что платка изъ чужого кармана не вытащишь?

Хмаровъ внимательно поглядѣлъ исподлобья на дѣвушку, уловивъ, наконецъ, взвинченность ея тона.

—И чего это вы такая нынче... сердитая? Э—э! да у насъ должно быть опять горюшко завелось?.. Вотъ оно что! А?

Подъ лаской этого прямого, добраго взгляда Фреда опустила голову; она не въ силахъ была солгать или увернуться. Уйти развѣ?

А между тѣмъ здѣсь такъ хорошо: надъ головою разгоряченное до блѣдности небо; подъ ногами густая мурава на могилкахъ, не вытоптанная здѣсь, со стороны алтаря; ласточки снуютъ между тополей вокругъ церкви, радостно вскрикивая въ тишинѣ... точно нѣтъ тамъ за стѣною этой толпы злословящихъ и кощунствующихъ...

— Что же, угадалъ? Есть горюшко?—переспросилъ Хмаровъ.

*) Бракъ по разсчету.

— Есть,—чуть слышно отозвалась Фреда и поспѣшила вмѣшаться въ публику, уже выходившую изъ церкви.

Рита раздавала столпившимся вокругъ нея барышнямъ цвѣты, шпильки, кусочки фаты, талисманы для того, чтобы поскорѣе выйти замужъ.

— Э, нѣтъ! не такъ!—суетился одинъ изъ шаферовъ.—Мы глаза вамъ завяжемъ, м-lle...pardon, м-me Рита. И той, кому вы протянете цвѣтокъ—первой звать меня въ шафера.—Рита подавала цвѣтокъ Фредѣ, но та отклонилась и выдвинула впередъ сосѣдку.

— Отчего вы не взяли? Развѣ вы не хотите замужъ?—спросилъ Фреду Одобаровъ.

— Я не суевѣрна,—отвѣтила она, чтобъ отвязаться. Но Рита, искренно или притворно уже входившая въ роль «молодой», отщипнула и ей пучекъ лайковыхъ бутоновъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, возьми, Фреда. Я такъ желаю тебѣ счастья!

— И я тоже,—сказалъ выразительно Одобаровъ. Фредѣ было смѣшно и досадно.

День тянулся нестерпимо. Жара, даже въ прохладномъ раздольевскомъ домѣ, стояла удручающая. Группы томившихся жаждою и скукою гостей скитались изъ угла въ уголъ, поглощая несмѣтныя количества мороженаго, фруктовъ, ледяного питья и тоскливо поглядывая на медленно накрываемый въ залѣ парадный столъ «покоемъ».

Обѣдъ тянулся три часа. Фредѣ пришлось все время выслушивать отъ своей сосѣдки, скучнѣйшей швейцарки Игловскихъ, про мытарства, которыя та претерпѣла, попробовавъ какъ-то бросить мѣсто и жить въ городѣ уроками. Это нытье дѣйствовало на нервы. «Вотъ,—думалось Фредѣ со злобою, съ горечью,—вотъ что и тебѣ предстоитъ, если не Одобаровъ. Прозябанье среди скуки и грязи губернскаго города, подъ вѣчнымъ страхомъ потерять грошевые уроки; рискъ попасть въ больницу, если простудишься,—или пріобрѣсти непрошеннаго поклонника въ лицѣ перваго уличнаго нахала... А въ перспективѣ—участь безцвѣтности—въ родѣ Викторіи или этой Берты... Будешь тутъ разборчивой! Да и кто изъ нихъ тутъ разборчивъ, Боже мой?!»

Ужъ никакъ не Рита, которая при словѣ «горько», какъ ни въ чемъ не бывало, цѣлуется со своимъ pantin—Базилемъ! Не Анатолій Павловичъ, разсыпающій перлы любезности передъ папа—Игловскимъ, котораго самъ терпѣть не можетъ... И всѣмъ однако превесело! Вонъ какъ Хмаровъ искренно хохочетъ съ этою дурочкой Лидой Игловской, въ которую маменька тщетно стрѣляетъ взглядами. Смѣется и Мари съ Вильневскимъ, который, кажется, начинаетъ за нею ухаживать. Странная она сегодня, Мари: мрачно-возбужденный взглядъ, интересна, раз-

говорчива—но какъ-то неровно; и смѣхъ ея сухой, колючій, точно снѣгъ при вѣтрѣ прямо въ лицо... Ужъ не ревнуетъ ли своего Хмарова? И Фреда сама, вдругъ, засмѣялась чему-то вовсе не смѣшному въ разсказѣ Берты; та вскинула на нее удивленно блѣдными глазами и замолчала.

Въ толкотнѣ одного изъ тостовъ Фреда очутилась на минуту возлѣ Хмарова, который говорилъ Машѣ, протягивая ей бокалъ:

— Ну, Марья Иполитовна,—молчаливый тостъ! А, миссъ Фреда! Присоединяйтесь къ намъ: за что-то хорошее! И прочь всякія черныя мысли!—прибавилъ онъ ей въ полъ-голоса. А Одобаровъ, чокаясь съ нею по пути, сказалъ ей тоже съ чувствомъ:

— Всего, чего желаете,—отъ души!

— А теперь за тебя, братъ, приниматься пора!—кричалъ, хлопая его по плечу, толстякъ кузенъ.—Барышни! Что золотое времячко терять? Un coeur à prendre!

Стулья гремѣли, голоса сливались въ гулъ. Фреда вернулась еще болѣе разсѣянная къ своей Бертѣ: у нея гвоздемъ засѣла мысль о «молчаливомъ тостѣ».

Но скоро ее опять совсѣмъ «замотали»: всѣ уѣхали провожать «молодыхъ», а ее оставили приглядѣть за уборкою и приготовленіями на вечеръ. Солнце уже зашло, когда дѣвушка, страшно усталая, выбралась, наконецъ, отдохнуть въ садъ и бросилась на первый попавшійся диванчикъ. Подошвы горѣли, какъ обожженныя, голова пустая и такое отвращеніе ко всему на свѣтѣ... Лишь бы оставили ее въ покоѣ, вотъ такъ, откинувшись на свѣжую, дерновую спинку скамьи, подъ липами въ цвѣту...

Она лежала съ закрытыми глазами, понемногу приходя въ себя: тишь, прохлада лѣтнихъ сумерекъ, напитанная этимъ чуть-чуть хмѣльнымъ запахомъ липы, проникали въ нее съ каждымъ глоткомъ воздуха—молодостью, отрадою жить...

Чьи-то шаги заставили ее встрепенуться; она издали узнала Хмарова и притаилась. Но онъ увидалъ ее и безъ приглашенія подсѣлъ къ ней.

— Вонъ вы гдѣ? А я-то бѣгалъ, искалъ васъ. Зналъ, что вы дома.

Онъ снялъ фуражку и, разбирая свои кудрявые волосы, ласково и весело глядѣлъ ей снизу въ лицо.—Что, хорошо небось! Вы, поди, такой благодати въ своемъ Петербургѣ не нюхивали?..—Фреда молчала.—Устала, бѣдная? И охота тоже этакъ надрываться!..

— А если не охота,—то что?—отозвалась Фреда сквозь зубы.

— Свѣтъ не клиномъ сошелся. Поискать надо. По мнѣ, къ

чорту бы всѣ одобаровскіе разносолы да всякіе сюперфлю-эвапорэ...

— Что?

— А вотъ эти всѣ ваши бантики, туфельки, брошки. Чѣмъ такъ-то маяться. Какъ ни жить--да полюдски. А то вѣдь глядѣть на нихъ всѣхъ тутъ—душу воротитъ... Небось, налюбовались сегодня? Тьфу!

— Однако, не замѣтно, чтобъ вы слишкомъ скучали,—колко ввернула Фреда. Потомъ, вдругъ вспыхнувъ, выпалила со злостью:

— Ну, хорошо,—то *я* со своими «сюперфлю-эвапорэ»... Мнѣ хоть дѣваться некуда. А вы?! *Васъ* что держитъ здѣсь на ихъ разносолахъ, на ихъ жалованіи, ради ихъ прихоти? Презираете, а живете при нихъ... не хуже меня!..

Хмаровъ смутился.

— Это, видите ли, цѣлая исторія,—проговорилъ онъ, потирая затылокъ. Потомъ онъ выпрямился, тряхнулъ головою и заговорилъ рѣшительнѣе:

— Когда я курсъ кончилъ, оставили меня при клиникѣ, у профессора нервныхъ болѣзней N. Слыхали можетъ? Почти знаменитость. Ударился это я сгоряча въ науку—что твои Вирховъ или Пастеръ—самое настоящее изслѣдованіе заварилъ. Только къ веснѣ сталъ мой professore замѣчать, что первоначальнаго жара во мнѣ поубыло, отлынивать сталъ. А тутъ ему еще кто-то шепни, что меня, того и гляди, на родину могутъ... фьють! Онъ возьми, да, не говоря дурного слова, меня Одобарову порекомендуй. Я было заартачился. Такъ уломалъ. «И денегъ, говоритъ, прикопите, заграницу съѣздить, и работу со скуки тамъ прикончите—много ли осталось? Да и понаблюдать есть что въ этомъ семействѣ». Подумалъ—подумалъ, куда ни шло на годъ, полтора.

— Что же «изслѣдованіе»?

— Кончаю черезъ пень-колоду.

— Что такъ?

— Да какъ вамъ сказать? Кто его знаетъ, куда у меня время дѣвается? Пріѣхалъ сюда, Марья Ипполитовна меня приструнила: чѣмъ небо коптить, лѣчи мужиковъ, дармоѣдъ этакій! Ну и лѣчу. Такъ—на то, на се, невѣдомо куда, полтора года и ухнуло. Конечно, ваша правда—пора бы ужъ и честь знать!

— Отчего вы всегда, Викторъ Даниловичъ, точно стыдитесь признаться, что работаете... дѣлаете столько полезнаго для крестьянъ. Il faut avoir le courage de ses opinions*).

— То-то, голубушка, оно и зазорно, что не хватаетъ куражу... не лѣчить то-есть, а...

— Какъ такъ?

*) Надо имѣть мужество исповѣдывать свои убѣжденія.

— А вы уже воображаете ни вѣсть какая польза отъ этого моего лѣченія? Такъ, по слабости человѣческой: видишь больно, какъ капелекъ или пластырька не дать?.. Одна слава!

— Но, Викторъ Даниловичъ, если *все* для васъ, какъ вы говорите, «одна слава»... и наука, и практика... Что же у васъ есть, что будетъ дальше въ жизни настоящаго?..

Фреда глядѣла на него сквозь сумерки серьезными, ясными глазами, а вся ея стройная фигура, подавшаяся впередъ, выражала напряженный интересъ въ ожиданіи его отвѣта... Видно было, какъ важенъ и нуженъ ей этотъ отвѣтъ. Хмаровъ молчалъ и смотрѣлъ на эту необыкновенную, бѣлую Фреду рядомъ съ нимъ. Ему совѣстно было—въ который разъ уже—уклониться отъ прямого отвѣта.

— Что-жъ, если не хотите, не довѣряете...—начала она.

— То-то оно и есть, что я даже слишкомъ, — самъ не знаю съ чего,—вамъ довѣряю,—проговорилъ онъ, низко наклонивъ голову, себѣ въ ладони,—знаю я васъ безъ году недѣлю, вижу въ васъ цѣлую уйму... ну какъ бы сказать: не симпатичнаго, смѣшного... А заговоришь съ вами—языка не удержать. Чувствуешь, что человѣкъ пойметъ, не для одного разговора спрашиваетъ. Такъ ужъ слушайте!

И Хмаровъ кратко, взвѣшивая выраженія, сталъ разсказывать Фредѣ то, что занимало нѣсколько поколѣній молодежи въ послѣднюю четверть вѣка... Ту трагедію любви, ошибокъ, страданія, ребячества и геройства, которая выхватила столько молодыхъ силъ у семьи, науки, искусства, мирныхъ профессій, привлекающихъ личные вкусы... А его, Хмарова (такова ужъ натура его), всегда захватываетъ самое бурное, самое опасное изъ этихъ теченій.

— Ну... и вотъ, Фреда...

Онъ, не договоривъ, замолчалъ. Она не отзывалась, но и не отняла у него руки, которую онъ тихонько взялъ въ обѣ свои. Пальцы чуть-чуть вздрагивали и, кажется, отвѣтили на его пожатіе... Въ темнотѣ, подъ деревьями они уже лишь смутно различали силуэты другъ друга. Золотыми точками вкалывались сквозь почернѣвшую, густую листву первыя намѣтившіяся въ небѣ звѣзды, сгущенный ароматъ липъ мягко, волнами проходилъ по лицу и проникалъ въ грудь... Часто потомъ вспоминались обоимъ эти нѣсколько минутъ молчанія рядомъ. Для обоихъ это былъ кульминаціонный моментъ молодости, когда жизнь круто поворачиваетъ въ ту или другую сторону на цѣлые годы; а двое чужихъ людей дѣлаются на всегда близкими, самыми близкими,—на радость или на горе...

А тѣмъ временемъ Хмарова уже повсюду разыскивали. Въ домѣ стоялъ переполохъ изъ-за несчастнаго случая на обратномъ пути: пьяный Одобаровскій кучеръ вывалилъ гос-

подъ на косогорѣ; дамы отдѣлались испугомъ, но у Анатоля была сильно ушиблена правая рука въ кисти.

Хмаровъ не нашелъ, впрочемъ, ничего серьезнаго. Тѣмъ не менѣе Софья Глѣбовна слегла въ постель и поминутно требовала извѣстій о сынѣ; Лариса суетилась по дому и сбивала окончательно съ толку перепившуюся прислугу, а гостей нужно было накормить и уложить спать.

Въ первомъ часу ночи Фреда все еще была на ногахъ; Хмаровъ встрѣтилъ ее въ корридорѣ, выходя отъ Одобарова, и даже разсердился:

— Да будетъ ли этому конецъ? Чего вы спать не идете? Что тамъ еще такое? Анатолій Павловичъ?.. Цѣлъ, цѣлъ, вашъ Анатолій Павловичъ. Самъ пойду сейчасъ доложу старой привередницѣ, а вы извольте къ себѣ на верхъ отправляться. Безъ разговоровъ! Шатается привидѣнье-привидѣньемъ.

Онъ проводилъ дѣвушку до лѣстницы въ мезонинъ и подождалъ, пока она не взошла. Потомъ отправился успокаивать Софью Глѣбовну.

Усталость скосила Фреду почти моментально. Только смутно, вмѣстѣ съ медовымъ запахомъ липъ черезъ отворенное окно, чувствовала она, засыпая, что-то очень, очень хорошее, чего до сихъ поръ еще никогда не бывало въ ея жизни...

Для Маши тоже отмѣтился этотъ вечеръ. Вернувшись изъ первыхъ домой, она не знала, что случилось съ дядей, и сейчасъ же проскользнула въ садъ. Она бѣжала такъ, что у нея духъ захватывало, по направленію къ Belle-vue, гдѣ они обыкновенно встрѣчались съ Николаемъ. Неужели не придетъ и сегодня, выдержитъ характеръ?! Три дня уже не видала она его... Сама виновата. Нужно было вызвать его и разсказать ему весь разговоръ съ дядей; а она вмѣсто того сгоряча набросала сумасшедшее письмо, на которое Николай отвѣтилъ:

«И я не могу такъ, Маша. Или мы ужъ слишкомъ различно все понимаемъ—тогда намъ лучше разстаться... Или ты играешь мною. Скажи, чему мнѣ вѣрить? Тому ли, что ты говорила мнѣ утромъ, уходя со мною изъ вашего дома, или тому, что пишешь вечеромъ? Выбирай же между *ихъ* страданьемъ и предразсудками и смысломъ нашей жизни. Растрачивать ее въ безплодныхъ горестяхъ — мы не имѣемъ права. Рѣшай безъ аффектовъ и теперь же... Позовешь—я открыто приду за тобою, и мы уйдемъ навсегда вмѣстѣ. Иначе видѣться мы не будемъ. Н.»

И онъ сдержалъ слово. На ея записки, которыми она умоляла его придти, переговорить въ паркъ—одинъ разъ только еще,—онъ молчитъ и не приходитъ. А между тѣмъ Маша на-

вѣрное знала, что, поговори они еще разъ какихъ-нибудь 10 минутъ,—но такъ, чтобы она могла все высказать,—онъ пойметъ и повѣритъ. И по 2—3 часа ждала она его вечерами и не могла покориться. Сегодня это напряженное состоянiе достигло крайнихъ предѣловъ въ теченiе одуряющаго сутолокою дня. Всѣ ея помыслы были прикованы къ часовой стрѣлкѣ, медленно двигавшейся къ вечеру, а съ тѣхъ поръ, какъ она бѣжала по темнымъ аллеямъ, ее точно вихрь какой-то подхватилъ: уноситъ всю ея жизнь, швырнетъ сейчасъ на площадку и разобьетъ въ дребезги... У входа въ Belle-vue Маша пошатнулась и прислонилась къ стволу дерева. Дыханья нѣтъ, ноги подгибаются подъ нею, въ глазахъ круги фосфорическаго свѣта.

Мѣсяцъ недавно поднялся и освѣщалъ только противоположный край площадки. Тамъ, на границѣ свѣта и тѣни, сидѣлъ на скамьѣ Николай. Сидѣлъ, весь сгорбившись, сжимая лобъ ладонями; лица его не было видно за рукою.

Вотъ онъ выпрямился, отыскалъ фуражку, всталъ и пошелъ по направленiю къ аллеѣ, подъ угломъ къ той, гдѣ стояла Маша. Она видѣла, какъ онъ приближается въ поле ея зрѣнiя и все еще не въ силахъ была пошевельнутся, крикнуть. А онъ не видитъ, или не хочетъ видѣть?.. Уйдетъ! Со стономъ рванулась Маша съ мѣста. Онъ обернулся.

Теперь Маша сидѣла на скамьѣ, все еще не въ состоянiи слова выговорить отъ захватывавшаго духъ сердцебiенiя; она только дрожащими пальцами проводила по волосамъ Николая, который, на колѣняхъ, цѣловалъ ей руки, платье, какъ безумный.

— Не смогъ! Не вытерпѣлъ. Пошелъ на хитрость съ собою! Понимаешь, Маша, увѣрилъ себя, что сегодня ты не можешь придти... у васъ тамъ свадьба... — говорилъ онъ съ растеряннымъ смѣхомъ, со слезами въ голосѣ.—Маша, моя Маша!

Николай всталъ, съ трудомъ перевелъ духъ и сѣлъ рядомъ съ нею, все еще растерянно проводя по лбу рукою.

— Ничего я не понимаю... какъ же теперь, Маша?—бормоталъ онъ, уже пристыженный за свой порывъ. А съ нея точно спала сковывавшая ей движенiя и мысли слабость, самое волненiе таяло въ тихой радости. Она положила ему обѣ руки на плечи и шепнула, глядя ему прямо въ глаза:—Вотъ и все! — Но Николай съ усилiемъ отвелъ ея руки и, взявъ ихъ въ обѣ свои, склонился къ нимъ низко лицомъ и глухо спросилъ:

— Навсегда и безъ оговорокъ?

Она вздохнула и странно спокойнымъ голосомъ, звонкимъ въ окружающей тишинѣ, выговорила:

— Навсегда, но еще не теперь...

Николай нетерпѣливо отстранился.

— Постой... Дай сказать... Всѣ эти дни мнѣ казалось, что ничего-то я не придумаю, только мучаюсь въ какой-то пустотѣ. И, вдругъ, сейчасъ вотъ, я поняла все. И еслибъ ты не пришелъ сегодня и я не могла бы тебѣ сказать... я бы вѣрно умерла.

— Маша, Маша! опять аффекты, все «вдругъ», все во власти минуты!—тоскливо перебилъ онъ.

— Нѣтъ, теперь нѣтъ. Слушай, ты хорошо сдѣлалъ, что промучалъ меня эти три дня. Еще вчера былъ бы, можетъ, аффектъ: я или все бы сломала, чтобы показать тебѣ, всѣмъ показать, какъ люблю тебя, и что ты лучше всѣхъ... Или «наше» бы сломала... Не могу и видѣть, какъ они горюютъ— дядя и бабуся... И потомъ, минутами мнѣ казалось, что ты мало меня любишь: стряхнулъ меня, какъ пыль, съ своей жизни и уже дальше думаешь... Нѣтъ, нѣтъ, не перебивай. Мнѣ и то трудно сказать все... столько мыслей.

Она зажала ему ротъ ладонью.

— Ну, а когда я сейчасъ прибѣжала сюда и увидала тебя вонъ тамъ, на краю скамейки, я сразу поняла, какіе мы съ тобою глупые... Да, да, и ты, мой умникъ-разумникъ, только глупый, глупый мальчикъ!—Она засмѣялась даже ему незнакомымъ счастливымъ смѣхомъ и продолжала скороговоркою, не давая перебить себя:—Видишь что: не бѣда, что мы разные... Главное—у насъ одно, и любимъ мы не мало. Одно только нужно еще: чтобы во *мнѣ* окрѣпла увѣренность, что «наше»—будетъ счастье и будетъ честно. Тогда мы сможемъ и ихъ убѣдить... дядю и бабусю.

— Но вспомни же, Маша, что ты сама говорила, когда мы ушли тогда... изъ кабинета.

— Видишь... Говорила, а потомъ — опять сомнѣнія. Вотъ этого-то я и боюсь. Я не хочу, не хочу, чтобы были сомнѣнія... они мнѣ все отравятъ. Я буду думать, что повисла камнемъ на тебѣ и тяну тебя внизъ... Нѣтъ! Надо сперва попробовать, могу ли я быть, *какъ всѣ*: работать, знать навѣрное, что хорошо, что дурно... Чтобы я навѣрное знала, что имѣю право... Надо попробовать.

— Но какъ, Маша?

— Сейчасъ. Видишь, мнѣ надо *одной* попробовать. Уйти отъ всѣхъ васъ... Да, и отъ тебя... Ты сильнѣе меня, я при тебѣ не свободна... и слишкомъ ужъ мнѣ жаль всегда тебя огорчать... Такъ вотъ: я уѣду или въ Москву, тамъ всѣ твои друзья, они помогутъ. Или въ N, если это устроитъ Хмаровъ. Какъ это будетъ, я право еще не знаю. Но мнѣ необходимо пожить одной между людьми, на свой страхъ, скажемъ,— годъ... Тогда станетъ видно, годна ли я на что-нибудь, убѣж-

денія выяснятся — все, чему я еще не такъ накрѣпко вѣрю... не по твоему еще... Ну, а потомъ, если ты захочешь и я... тогда будетъ счастье, а не «аффекты»... И она опять тихо засмѣялась.

— Тебѣ весело, Маша!

— Глупый ты, глупый, какъ же не весело, когда все это *можетъ быть?* И опять нѣтъ того ужаснаго, что было еще сегодня между нами!

Она наклонила къ себѣ его голову и, прижавшись щекою къ его волосамъ, прошептала, вздрагивая:

— Никогда, никогда такого не должно быть больше. Слышишь? Какъ чужіе! Это хуже всякаго горя, хуже смерти... Я не могу тебѣ сказать, что это за боль!

— Точно я не знаю, — улыбнулся, наконецъ, и Николай.

— Ты? Нѣтъ. У тебя все по своему. Ты вотъ еще до сихъ поръ не совсѣмъ понялъ! — убѣжденно повторила Маша и задумалась.

Но видно и Николай понялъ: онъ не пряталъ отъ нея больше глазъ, не отстранялся отъ ея довѣрчивой ласки. Бережно, нѣжно обнялъ онъ свою черноглазую, своеобычную Машурку и, какъ въ далекіе годы прошлаго, сидѣли они и говорили, опять забывая въ счастьи этой близости и только что пережитую бурю, и разлуку впереди.

А теплая лѣтняя ночь и имъ дышала въ лицо своими хмѣльными благоуханіями съ тихо шепчущихся надъ ними старыхъ липъ.

XIV.

Сурово вернулъ слѣдующій день обѣихъ дѣвушекъ въ будни. По вчерашнему металлически-голубѣло небо, обдавая зноемъ цвѣтники; старыя липы пахли медомъ и гудѣли пчелами; лишь ощипанныя на букеты клумбы напоминали о послѣ-праздничномъ похмѣльѣ. Въ домѣ же оно царило съ утра среди суеты приборки и разъѣзда гостей; а къ полудню стало погромыхивать настоящими сценами.

Самая жестокая изъ нихъ разразилась на голову Мари, которую Лариса безбожно разнесла за вчерашнее исчезновеніе; на всѣ ругательства, крикомъ разносившіяся по дому, Маша молчала, кусая въ кровь губы, а потомъ ей же пришлось ухаживать за матерью въ истерикѣ.

Дѣвушку, впрочемъ, еще больше смущала невозможность немедля переговорить съ дядею о своемъ новомъ рѣшеніи,— точно она утаиваетъ... Но къ Анатолію Павловичу не было доступа. Не смотря на всѣ увѣренія Хмарова, что ушибъ пустой, изъ города выписали хирурга. Самъ больной съ рукою

на перевязи лежалъ на диванѣ въ затемненномъ кабинетѣ и, отхлебывая успокоительнаго питья, слабымъ, кроткимъ голосомъ разговаривалъ съ Аленой Никаноровной, водворившейся съ чулкомъ у окна, какъ всегда при трудно больныхъ въ домѣ.

Софья Глѣбовна тоже лежала съ обвязанною фуляромъ головою у себя, въ темной спальной. Ея «crise», понятно, продолжалась; тѣмъ болѣе, что мысли, которыя она перебирала, были пренепріятныя. Она подводила итогъ всѣмъ послабленіямъ и безпорядкамъ за мѣсяцъ передъ-свадебной суеты. Весь домъ необходимо подтянуть, особенно этихъ развольничавшихся дѣвченокъ... Еще хуже итоги денежные: управляющій пристаетъ со счетами, требующими немедленной уплаты. Счеты колоссальные—нельзя же было и приданое, и свадьбу сдѣлать кое-какъ. А теперь она же и о деньгахъ еще думай! Анатоль—мокрая курица, никогда ничего не умѣетъ уладить... И въ темнотѣ спальной раздавались вздохи, на которые изъ двери дѣвичьей высовывалась голова Ульяны.

Съ другой стороны—въ гостиной дежурила Фреда. Она тоже могла, наконецъ, заняться своими не менѣе угнетающими итогами... Поутру ее разбудилъ какой-то стукъ; она вскочила въ испугѣ—не проспала ли?—но тотчасъ же откинулась на подушку, сладко потянулась и вдохнула полною грудью уже разогрѣтый солнцемъ, пахнущій липами воздухъ. Послѣ немногихъ часовъ сна, вчерашняя усталость отзывалась еще во всѣхъ членахъ; но вмѣстѣ съ нею и удивительно хорошее, радостное ощущеніе чего-то новаго, съ которымъ она заснула вчера...

Вдругъ, въ корридорѣ послышались шаги и голосъ Маши... Фреду точно выхватилъ кто изъ ея блаженной полу-дремоты. Какъ могла она забыть вчера Машу?! Совсѣмъ забыть—точно загипнотизированная... Растерянная въ водоворотѣ нахлынувшихъ мыслей и вопросовъ одинъ другого больнѣе, полъ-дня бродила дѣвушка посреди хаоса въ домѣ, подъ сыпавшимися на нее приказаніями и окриками, еле сознавая, что дѣлаетъ и говоритъ. Теперь, наконецъ, могла она понемногу опомниться и разобраться въ тишинѣ и прохладѣ гостиной.

Нужно было быть понаивнѣе Фреды, чтобы не понять всего значенія вчерашняго разговора подъ липами: такъ не говорятъ двое безъ любви... Но что-же въ такомъ случаѣ эта задушевность *съ нею* влюбленнаго въ Машу Хмарова? Прежняя свѣтская «звѣздочка» вздрагивала въ ней отъ обиды и иронизировала тономъ дѣвицы, «проученной» Пьеромъ: «Хороши твои новые люди, нечего сказать! Тѣ-же людишки, тѣ же страстишки! Сегодня идеальная любовь, парящая превыше буржуазныхъ предразсудковъ, гармонія душъ и убѣжденій... Завтра—увлеченіе первымъ встрѣчнымъ недурненькимъ личикомъ,—измѣна, ревность и т. п. А послѣ завтра, пожалуй—mariage de raison

съ какой нибудь Ритой... Все станется! Вѣдь если сами люди—мелочь и дрянь, какъ вѣрить ихъ принципамъ? Грошъ—цѣна ихъ увлеченiямъ, мертвая буква—ихъ умныя книжки, пустой звукъ—ихъ громкiя слова о справедливости, самоотверженiи, жизни безъ рабства и лжи!»

Но теперешней Фредѣ эти «трезвыя размышленiя» причиняли только жгучую боль, и не за ними ей укрыться отъ новаго горя. Всякое слово, мысль, ощущенiе отнынѣ связаны съ этою болевою точкою въ ней самой; этими тончайшими нитями опутана вся ея жизнь,—въ нихъ будетъ биться, цѣпляя ихъ, все молодое—лучшее, что только есть въ ея вольной душѣ... А гдѣ боль—тамъ слабость... Ей же нужно теперь именно все самообладанiе въ ея трудномъ положенiи относительно Маши: какъ уберечь ихъ неокрѣпшую дружбу и вмѣстѣ собственное достоинство,—стать выше обычныхъ тривiальностей: соперничества, гадкихъ побужденiй ревности?.. Но кому кого еще ревновать?! Искренняя интонацiя хмаровскаго: «И вотъ, Фреда»... брали вновь за сердце, точно кто сжималъ его рукою, и оно бьется, вырывается, переполненное ликованьемъ и вмѣстѣ болью...

Шаги Хмарова въ залѣ... вѣрно, идетъ къ Софьѣ Глѣбовнѣ? Фреда встрѣчалась съ нимъ мелькомъ уже не разъ сегодня, и ей удавалось не выдать себя ни лицомъ, ни голосомъ. Но какихъ это ей стоило усилiй! Какъ блѣдно было сравнительно—все пережитое изъ-за Пьера! Самъ Хмаровъ показался ей не въ духѣ: тоже, должно быть, не особенно ловко чувствуетъ себя между ней и Машей?..

Фреда схватилась за попавшееся подъ руку вышиванье. Докторъ, войдя, внимательно взглянулъ на нее и остановился на полъ-дорогѣ, противъ открытой балконной двери. Фреда работала молча; онъ постоялъ минуту, щурясь на красныя, точно накаленныя солнцемъ дорожки, потомъ спросилъ совсѣмъ просто:

— Отдохнули?

— О нѣтъ,—отозвалась Фреда тономъ свѣтской дѣвицы, занимающей вчерашняго бальнаго кавалера, прiѣхавшаго съ визитомъ.—Совсѣмъ не отдохнула. Все утро пришлось возиться съ серебромъ и сервизами... красивыя вещи бываютъ иногда очень не-сно-сны...

Хмаровъ покосился на нее черезъ плечо. Молчали еще минуту, двѣ. Смѣлый воробей скакалъ по террасѣ, бросая, точно вопросы, свои крикливыя ноты и бочкомъ поглядывая на неподвижнаго человѣка въ дверяхъ. Фреда усердно клала крестики на канву—едва ли по узору.

— У васъ тутъ утромъ никакъ шквалъ налетѣлъ?—попробовалъ спросить еще разъ Хмаровъ.

— Es ist eine alte Geschichte*),—звонко засмѣялась Фреда. И, вспомнивъ строчку изъ того же стихотворенія: «Der Andre liebt eine Andere...» **), густо вспыхнула и смѣшалась. Но Хмаровъ не обернулся и видѣть не могъ; она же поторопилась прибавить:

— О, мы съ м-lle Мари бывалые мореходы... Однако! что мы съ вами кричимъ? Быть можетъ, Софья Глѣбовна уснула...—какъ-бы спохватившись, оборвала она сама себя, приложивъ палецъ къ губамъ.

Хмаровъ прямо, пристально еще разъ посмотрѣлъ на нее, повелъ плечами и шагнулъ на террасу. Тутъ онъ постоялъ минуту, точно колеблясь, ожидая; потомъ спустился по ступенькамъ и пошелъ садомъ къ себѣ, обычнымъ крупнымъ шагомъ, съ открытою головою по солнцепеку. Фреда прижала ладони къ пылающему лицу; ей сжимало горло.

— Миссъ Фреда!—позвала ее Софья Глѣбовна изъ спальни.

Съ тревогою ждала Фреда обѣда: очень возможно, что больные не выйдутъ, и тогда они очутятся *втроемъ*...

На ея счастье подъѣхалъ Черновъ и вытащилъ своего раскисшаго друга въ столовую, къ молодежи. Но молодежь была невыносимо вялая сегодня; за то Черновъ, на радостяхъ, что нѣтъ старшихъ дамъ, расходился, особенно, когда разговоръ попалъ на дворянскіе выборы нынче осенью, которыми онъ очень интересовался, поскольку выборы предводителя отразятся на земскихъ дѣлахъ и на съѣздѣ. Горячо напалъ онъ на Одобарова, имѣвшаго неосторожность проронить ноющее: «Ахъ, не все ли равно!»

— Тебѣ-то, батюшка, конечно, все равно!—кричалъ Черновъ. У тебя время халата и дивана при всякихъ «положеніяхъ». Я, молъ, святъ, оскорбленъ непониманіемъ—плевать мнѣ на ваши самоуправленія и тому подобный вздоръ!.. И смѣть еще требовать доброй памяти за то, что поворковалъ часокъ—четверть вѣка тому назадъ!

— Ничего не требую! Пора тебѣ знать... Одной милости прошу: оставьте меня въ покоѣ!—нервно перебилъ его Одобаровъ, морщась отъ громкаго голоса пріятеля.

— Это почему? Какая такая привилегія? Человѣку нѣтъ еще и 50 лѣтъ, а онъ вотъ уже лѣтъ 10 какого-то Обломова изъ себя изображаетъ... Баллотируйся осенью въ предводители. Слышишь!

— Голубчикъ, Егоръ Александровичъ, да съ ума ты сошелъ!

— Ничуть. Отчего бы тебѣ не попробовать? Состояніе есть, разговаривать, слава Богу, умѣешь. Даже, при случаѣ, и

---

*) Это старая исторія.

**) А тотъ любилъ другую...

тону задать: ты хоть и кисляй сталъ, а выправка—вторая натура.

— Нѣтъ, ты право рехнулся: съ моимъ-то здоровьемъ... Наконецъ, не могу я, пойми! Изъ принципа. Самъ ты, небось, уходишь...

— Экъ, куда хватилъ! Мы съ Негребовскимъ совсѣмъ другое дѣло. Тутъ всякому видно, по какой причинѣ. А ты? И прежде въ берлогѣ лапу сосалъ и впредь також де... Иди! съ тобою и мы останемся, кое-кто подберется еще. Баллотируйся— выберутъ: ты уже нынче величина индифферентная.

Одобаровъ нетерпѣливо сталъ доказывать, что это для него принципіально невозможно, при его взглядахъ на права и обязанности общественнаго дѣятеля, по европейски—исключающихъ всякій произволъ. Но Маша горячо поддерживала Чернова: помимо того, что ее всегда огорчало дядино «сосанье лапы», она воспламенилась надеждами на выгоды чистомѣстнаго характера отъ возвращенія дяди и его друзей къ общественнымъ дѣламъ—«много хорошаго» на пользу репьевцевъ, раздольевцевъ и др. бѣдствующихъ у нея на глазахъ.

Ей ужъ не разъ доставалось за эту манеру «за деревьями не видать лѣса» отъ Николая, а еще больше отъ Хмарова, который и теперь лаконически заявилъ: «Охота тоже путаться!» и сталъ набрасывать десяткомъ мѣткихъ штриховъ каррикатуру «хорошаго предводителя».

И тотчасъ между нимъ и Машею завязался свой споръ, зазвучали оттѣнки разногласія, до котораго общіе споры никогда не доходили. А Фреда, слѣдя за этимъ пониманіемъ ихъ другъ друга на полусловѣ, по одному жесту, по взгляду, никогда не чувствовала себя болѣе выключенною изъ всего этого—имъ кровнаго. Нѣтъ у нея и не будетъ, сколько она ни прилаживайся, ничего такого, что, осмысливая и наполняя даже жизнь безъ любви,—если и не замѣняетъ счастья, то хотъ заслоняетъ собою тоску по счастью. Ничего, что спаяло бы накрѣпко ея жизнь съ жизнью любимаго человѣка...

Все, что говорилъ онъ ей вчера,—что оно ей? Даже и не вспомнила за собственными горестями. А для Хмарова оно...

Фреда невольно взглянула на Хмарова. Тотъ, очевидно, уже нѣсколько времени наблюдалъ за нею черезъ столъ. По крайней мѣрѣ, когда Фреда покраснѣла, встрѣтившись съ нимъ взглядомъ, и поспѣшила спрятаться за свое «милое» выраженіе,—докторъ не сдержалъ улыбки, глаза его заблестѣли и, точно стряхнувъ съ себя какую-то заботу, онъ веселѣе заспорилъ съ Черновымъ и Машей.

Черновъ сообщилъ, между прочимъ, что семья его перебирается на зиму въ N—скъ, ради воспитанія дѣтей. Это по-

дало Машѣ мысль проситься ѣхать съ ними, чтобы, подготовившись, сдать, наконецъ, экзамены на домашнюю учительницу; самъ собою представлялся, такимъ образомъ, случай «уйти отъ всѣхъ и пробовать». Побаивалась она того, что дядя не захочетъ разстаться съ нею; но Анатолій Павловичъ съ радостью ухватился за предлогъ удалить Машу изъ Раздолья, безсознательно даже довольный тѣмъ, что самъ остается на мѣстѣ, въ покоѣ.

Онъ сильно постарѣлъ въ послѣднее время. Но, съ кокетливою грустью замѣчая, какъ прибавляется сѣдина въ его густыхъ волосахъ, онъ самъ себѣ не отдавалъ отчета въ томъ, какъ еще замѣтнѣе проступаютъ симптомы душевной дряхлости сквозь молодившую его нервную подвижность и впечатлительность. Онъ въ самомъ дѣлѣ не чувствовалъ своихъ 47-ми лѣтъ, искренно вѣрный идеаламъ своей юности, не подозрѣвая, что они все больше линяютъ и блекнутъ у него безъ употребленія, какъ коллекція яркихъ бабочекъ подъ стекломъ. А между тѣмъ пустая болѣзнь—эта ушибленная рука—обнаруживала въ немъ даже нѣкоторыя материнскія черточки: онъ мнительничалъ и требовалъ къ себѣ общаго вниманія,—ни дать, ни взять Софья Глѣбовна; разсказы нянчившейся съ нимъ Алены Никаноровны про его дѣтскіе годы, про старину—баюкали его горести и тревоги; совсѣмъ по стариковски брюзжалъ онъ на забывчивость Семена, на плохо приготовленное блюдо, на мухъ и жару. Всего же больше, на скуку оттого, что не можетъ писать. Когда же Маша взялась писать подъ его диктовку, онъ до того надоѣлъ всѣмъ жалобами на ея неразборчивый почеркъ, что сама Софья Глѣбовна предложила ему на время Фреду въ секретари. Правда, Анатоль что-то черезчуръ заглядывается на хорошенькую миссъ (ничего особеннаго, mon Dieu!—всѣ мужчины ужъ таковы!). Чтожъ, пускай, пускай набьетъ себѣ поскорѣе оскомину во флиртѣ съ этою негодницей, одновременно строющей глазки и мужлану-доктору. Тѣмъ лучше оцѣнитъ потомъ чистаго ангела-утѣшителя, Оленьку... Романъ во вкусѣ Онэ. Это вѣдь нынѣшняя молодежь только черства и прозаична; а Софья Глѣбовна, вѣрная традиціямъ своего bon vieux temps, очень любила приправлять жизнь романами, отлично умѣя сдерживать ихъ въ границахъ безвредности и даже, при случаѣ, извлечь изъ нихъ долю пользы.

Такимъ образомъ, Фреда стала проводить часы между завтракомъ и обѣдомъ въ прохладномъ и мрачномъ кабинетѣ Анатолія Павловича. Пошла она туда очень неохотно, съ гримаскою вспомнивъ свои недавніе гадкіе разсчеты...

Тѣмъ усерднѣе принялась она писать; но Анатолій Павловичъ то и дѣло перебивалъ работу разговорами. Онъ

нѣсколько разъ предлагалъ отдохнуть: вѣдь такъ жарко и потомъ вся эта сухая матерія... Онъ диктовалъ ей статейку по французски—возраженія на брошюру одного иностраннаго экономиста. Много такихъ широко задуманныхъ рукописей накоплялось годъ отъ году въ бумагахъ Одобарова. Онѣ ему скоро надоѣдали и, недописанныя, кончали свой вѣкъ въ одномъ изъ ящиковъ бюро.

Фреда увѣряла, что не устала и что писать подъ диктовку не скучнѣе, чѣмъ перечитывать романы m-me Жанлисъ или зашивать фонъ подушки.

— Да *я*-то не возьму грѣха на душу: прибавлять вамъ еще скуки,—восклицалъ Одобаровъ.—Напротивъ, хотѣлось бы чѣмъ-нибудь развлечь васъ. Поболтаемъ... Или вотъ что: отдохните у меня: дѣлайте, что хотите. Вотъ бумага, конверты для письма. Вотъ новое изданіе Шелли. Вы любите Шелли? Не обращайте на меня вниманія—я найду чѣмъ заняться.

Но Фредѣ вовсе не улыбался этотъ «отдыхъ» на глазахъ у Анатолія Павловича. Его «милости» оскорбляли ее теперь, когда она видимо начинала ему нравиться. Давно ли онъ при всей своей «добротѣ» не удостаивалъ ее десяти словъ въ недѣлю? Теперь она не хочетъ... Чуткій Одобаровъ уловилъ холодокъ въ ея отвѣтахъ.

— Вы недовѣрчивы и горды, миссъ Фреда. Относитесь ко мнѣ проще. Вѣрьте, я искренній другъ вамъ. Молоды вы еще и не знаете, что такое отношеніе, какъ мое къ вамъ, не часто попадается по дорогѣ.

Настаивать онъ, однако, не сталъ и, подиктовавъ еще немного, попросилъ ее почитать ему вслухъ «Освобожденнаго Прометея».

День ото дня, впрочемъ, эти «занятія» съ Одобаровымъ стали все больше привлекать дѣвушку. Правда, Анатолій Павловичъ незамѣтно подтасовалъ ихъ: вмѣсто физики и экономики, появился на сцену начатый имъ когда-то опытъ біографіи того же Шелли; оказалось необходимымъ переписать всю рукопись, ради большихъ вставокъ. При всякомъ удобномъ случаѣ Одобаровъ прерывалъ диктовку воспоминаніями о своей заграничной жизни, о знакомствѣ своемъ съ разными hommes de lettres. Онъ показывалъ Фредѣ фотографіи, коллекціи гравюръ и рѣдкихъ изданій. Читали они вмѣстѣ Гете, Тэна, Гюго и Грановскаго. Фреда невольно оживлялась въ этой родственной ей атмосферѣ былыхъ дней; а по мѣрѣ того, какъ розовѣли щечки дѣвушки, молодѣли и бархатные глаза ея друга.

Держалъ онъ себя, впрочемъ, съ большимъ тактомъ, разъ навсегда замѣтивъ, что малѣйшій оттѣнокъ ухаживанія съ его стороны портитъ настроеніе Фреды, для которой всякое напоминаніе теперь о ея неблаговидныхъ планахъ «реванша»

было ложкою дегтя въ удовольствіи этихъ занятій съ Анатоліемъ Павловичемъ; она педантично слѣдила за нимъ и за собою, часто даже подумывая о томъ, не слѣдовало ли бы подъ какимъ-нибудь предлогомъ совсѣмъ оборвать это подозрительное секретарство, но не хватало духа обидѣть Одобарова, да и себя лишить единственнаго разнообразія. А между тѣмъ она съ досадою сознавала, что опять даетъ себя нести теченію — куда вынесетъ, — какъ то уже было въ исторіи ея разрыва съ Пьеромъ и ея сближенія съ Хмаровымъ...

XV.

Какъ-то во время работы Фреды у Анатолія Павловича, зашелъ въ кабинетъ Хмаровъ; разговаривая съ «принципаломъ», онъ нѣсколько разъ вопросительно взглянулъ на дѣвушку. Когда же онъ ушелъ, Фреда стала такъ разсѣяна и нетерпѣлива, что Одобаровъ даже освѣдомился, что съ нею? Она сослалась на мигрень и ушла къ себѣ — прилечь, по его совѣту. Вмѣсто того, однако, она пробѣгала по комнатѣ часъ цѣлый въ большомъ волненіи. Ее бросало въ холодъ и жаръ отъ мысли, что могъ заподозрить Хмаровъ въ этомъ ея уединеніи часами съ Анатоліемъ Павловичемъ? Ахъ, Боже мой, да то именно, что и каждый заподозрилъ бы, что въ немъ и *есть*... какъ ни закрывай на это глаза.

Къ обѣду въ этотъ день пріѣхали гости. Лишь только спала жара, молодежь отправилась побродить по парку; шли вразбивку, группами, и вотъ, Фреда очутилась рядомъ съ Хмаровымъ, который тотчасъ замедлилъ шагъ, чтобы отстать отъ другихъ. Со дня Ритиной свадьбы ихъ интимныя бесѣды такъ и оборвались, хотя неловкость постепенно между ними стерлась. Теперь докторъ заговорилъ настойчиво, глядя ей прямо въ лицо:

— Слушайте-ка, миссъ Фреда: что это вы — совсѣмъ ужъ нынче въ крѣпостную зависимость поступили?

У Фреды духъ перехватило отъ сердцебіенія и, чувствуя, что краснѣетъ, она спросила возможно проще, чтобы выиграть время:

— А что?

— Да хотя бы то: съ какой стати вы теперь еще одобаровскую галиматью переписывать взялись?

— Но чего-жъ вы сердитесь, Викторъ Даниловичъ?

— Хоть кого зло возьметъ глядѣть: помыкаютъ ею, помыкаютъ, а она, знай себѣ, — у-лы-бается!.. — Онъ съ досадою изломалъ въ кусочки и отшвырнулъ прочь прутикъ, который вертѣлъ въ рукахъ. — Кровь высосать рады изъ человѣка, ей Богу! Ишь прозрачная совсѣмъ стала — еще бы, корпѣть въ

четырехъ стѣнахъ... А знаете, что? Пойдемте-ка завтра погулять! По утру, часовъ въ 8. А, миссъ Фреда?

Дѣвушка отвѣтила не сразу и черезчуръ ужъ равнодушно:

— Пожалуй быть можетъ, и m-lle Мари пошла бы съ нами?

Она искоса пристально оглянулась на своего собесѣдника; тотъ иронически усмѣхнулся.

— Что такъ? Скомпрометировать себя опасаетесь?

— Н-ѣ-тъ,—начала было Фреда неувѣренно, чувствуя, на какую опасную почву ступаетъ; но тутъ же, устыдившись своей трусости, прибавила:—А, впрочемъ... пожалуй и это...

— Отчего же Марью Ипполитовну прогулки со мною не компрометируютъ?

— Марья Ипполитовна дѣлаетъ, что хочетъ, и... — Фреда запнулась.

— Что и?..

Фреда молчала и думала: не слѣдовало ли бы предостеречь «ихъ»? Не дальше, какъ вчера, Софья Глѣбовна выговаривала при ней Ларисѣ за то, что та позволяетъ Мари, когда и куда угодно, уходить часами съ докторомъ. Замѣчаніе сопровождалось зловѣщей мимикой, — очевидно, бабушка подозрѣваетъ больше, чѣмъ считаетъ нужнымъ обнаруживать.

— Что и?..—повторилъ нетерпѣливо Хмаровъ.

— И на это обращаютъ вниманіе,—храбро отвѣтила Фреда.

— Кто обращаетъ? Кому какое дѣло? — настаивалъ, кусая губы, Хмаровъ; потомъ сообразилъ самъ: — А! Бабинька и мамахенъ?

— Да.

— И романическія предположенія, не правда ли?

— Да.

Докторъ искренно расхохотался.

— Викторъ Даниловичъ, вы такъ заразительно смѣетесь,— влетѣла въ разговоръ Лида Игловская, подошедшая къ нему.— Скажите, о чемъ это? Можно?

— Мы говорили... о старыхъ сплетницахъ, — не сморгнувъ, отвѣтилъ Хмаровъ и разсказалъ забавный деревенскій анекдотъ. Всѣ смѣялись.

Игловскія запоздали въ этотъ вечеръ; надвинулся дождь, дамы побоялись ѣхать въ темнотѣ, и рѣшено было заночевать въ Раздольѣ. Покуда Фреда уходила распорядиться насчетъ ужина и комнатъ для гостей, винтъ въ гостиной устроился, къ великому ея удовольствію, безъ нея. Но гдѣ же молодежь? Фреда вышла на террасу и ничего не могла разглядѣть со свѣта.

— Идите къ намъ, Фреда, — позвалъ ее голосъ Мари изъ

дальняго угла, гдѣ барышни и Хмаровъ разговорились подъ дождикъ.

Да еще какъ разговорились! Три мѣсяца видались почти ежедневно, но до сихъ поръ отношенія исчерпывались крокетомъ, пикниками, болтовнею о чемъ попало. Сегодня, длиннымъ, дождливымъ вечеромъ просто скука взяла. Побренчали на фортепіано, поиграли въ «блошекъ», побродили по апартаментамъ и, наконецъ, усѣлись на террасѣ. Разговоръ рѣшительно не клеился, перепадали томительныя паузы; выручалъ еще сетеръ, Луксъ, который лѣзъ тереться о платья барышенъ мокрой головою, вызывая тѣмъ форсированный смѣхъ и восклицанія. Анатолій Павловичъ побился-побился, стараясь привить собесѣдованіе на разныя темы, но, потерявъ терпѣнье, ушелъ къ себѣ. «И это молодежь! въ 20 лѣтъ имъ говорить не о чемъ! Двухъ словъ связать не умѣютъ! Вотъ плоды...» восклицалъ онъ мысленно и погрозилъ кому-то кулакомъ въ пространство.

А позади него на балконѣ молчаніе, нетерпѣливый вздохъ, случайное восклицаніе, нашедшее себѣ отзвукъ... Нѣсколько вопросовъ, навстрѣчу которымъ уже спѣшатъ задушевные, взволнованные отвѣты,—и въ пять минутъ скуки, отчужденія какъ не бывало... Такъ вотъ они какіе — этотъ насмѣшникъ докторъ со всей своей ученостью и эта надутая Мари, которая всегда выставляется, какъ образецъ злонравія, дѣвочкамъ Игловскимъ! Простые они, хорошіе и ничуть не страшные. А щебетуньи институтки — вовсе ужъ не такія пай-дѣвочки: и онѣ тронуты недовольствомъ, жалуются на затхлость жизни дома. Изо дня въ день сольфеджи, экзерцисы, гости; или варенье, вышиванье полосъ на кресла, подъ чтеніе англійскихъ романовъ. Безъ Берты никуда, ни на шагъ' Папа̀ говоритъ,—ихъ надо «выдержать» съ самаго начала, не распускать, какъ вонъ Мари Мирневскую. У него и ключъ отъ библіотеки — выдаетъ все скучнѣйшее старье; когда-то когда допросишься даже Тургенева. Правда развѣ, что «Наканунѣ» и «Новь» безнравственные романы? А «Обрывъ»? Удается изрѣдка стащить у мамы французскій романъ — только тамъ вѣдь никогда ничего нѣтъ про «самое важное»: какъ жить, чтобы не скучно было и не стыдно? Сунься съ такими вопросами къ кому дома— сейчасъ пошли нотаціи! А съ посторонними — какъ заговоришь? Вонъ сколько времени раздольевцевъ дичились! И отчего это, Господи, люди совсѣмъ не разговариваютъ обо всемъ главномъ въ жизни?! Если бы *всѣ* захотѣли не бояться другъ друга, не обижаться, — все говорить, что думаешь... вѣдь всѣмъ бы, всѣмъ стало лучше?! Правда?!

Наивные, стремительные вопросы дѣвочекъ, отважно пробиравшіеся въ самую чащу этихъ абсолютныхъ «хорошо» и «дурно» молодого человѣчества, которые съ годами такъ за-

путываетъ «практика жизни»,—вызывали и троихъ старшихъ «раздольевцевъ» на искренность. Даже Фреда не молчала нынче. Теряясь собственнымъ волненіемъ въ волненіи другихъ, она забывала свои печали и непріятности, не прислушивалась ко всякому слову между Машей и Хмаровымъ; не смущалась тѣмъ, что Хмаровъ тутъ, рядомъ съ нею — сидитъ на балюстрадѣ, опираясь локтемъ о высокую спинку ея кресла. Далеко не съ обычною увѣренностью вставляла она свое скептическое слово въ споры... Слушали, впрочемъ, другъ друга плохо. Каждаго брало нетерпѣніе высказать свои завѣтныя мысли-мечты, затираемыя обыденностью... А кругомъ, по листьямъ плюща такъ славно шуршитъ дождикъ; тонкая, влажная свѣжесть вѣетъ запахомъ левкоевъ, геліотропа, сырой земли изъ темноты сада; и вдругъ, въ самый разгаръ спора пройдетъ по душѣ минута тишины — просвѣтленной задумчивости, полной грусти и счастья.

Жаль было уходить, когда позвали ужинать. Щурясь отъ яркаго свѣта, присмирѣвшіе, чинно усѣлись они вокругъ длиннаго стола, съ его серебромъ, хрусталемъ, вазами и канделябрами. Но скоро улыбки и взгляды стали перелетать другъ отъ друга, полные значенія; и лица у всѣхъ были такія оживленныя. Софья Глѣбовна, конечно, не преминула поахать надъ интересностью Оленьки, мотая себѣ втихомолку на усъ еще чью-то не меньшую интересность и чье-то плохо скрываемое вниманіе.

А Хмаровъ долго потомъ засидѣлся у себя на крылечкѣ: не всегда «вольно» бываетъ, должно быть, въ 25 лѣтъ отвести мысли отъ голубоглазыхъ ангеловъ и тому подобной чепухи...

Барышни тоже проговорили ночь напролетъ, однѣ на верху. Говорили о Богѣ и безсмертіи, о правѣ каждаго на счастье и о томъ, что такое настоящее счастье. Одна Лидочка заснула подъ утро, остальные потихоньку выбрались на верхній балконъ, чуть занялась заря. Притихшія, усталыя и вмѣстѣ возбужденныя, смотрѣли онѣ, рука объ руку, какъ разливаются краски по небу надъ чернымъ паркомъ и далью полей въ утренней дымкѣ; какъ разгораются эти краски отъ нѣжныхъ переливовъ перламутра до золота и пламени и, наконецъ, вспыхнули всѣ подъ первымъ солнечнымъ лучомъ. Никогда еще не дышалось вольнѣе, не вѣрилось такъ доброму на свѣтѣ; никогда еще не рвалось такъ отважно къ нему сердце...

Этотъ вечеръ привелъ опять Фреду къ Машѣ и Хмарову. Что-то само собою уравновѣсилось между ними и ею, прояснилось въ ихъ отношеніяхъ, какъ прояснѣло оно въ чутко приподнятомъ настроеніи Фреды за послѣдующія недѣли. Каж-

дое утро гуляла она теперь съ Машей и Хмаровымъ; эти 2—3 часа наполняли ей потомъ съ избыткомъ день.

— Вы точно по облакамъ ходите, миссъ Фреда,—замѣтилъ ей какъ-то Анатолій Павловичъ.

— Развѣ?—откликнулась она разсѣянно, но это была сущая правда. Что за бѣда, если подчасъ приходилось расплачиваться за эти чудныя утра пароксизмами остраго отчаянія, наединѣ со своею злополучной любовью тутъ же, рядомъ съ «ихъ» счастьемъ. Что Маша и Хмаровъ любятъ другъ друга и счастливы, въ этомъ убѣждало Фреду многое. Всего больше внутреннее ощущеніе какой-то сдержанности Хмарова съ нею (особенно со времени ихъ разговора о занятіяхъ ея у Анатолія Павловича), сдержанности, которой и слѣда не было въ его товарищеской короткости съ Машею. Разъ, между прочимъ, Фреда слышала, какъ докторъ спросилъ Мари:

— Отчего вы ей не скажете?

— Да Фреда знаетъ,—отозвалась та. И дѣйствительно она теперь отъ Фреды не таилась. Но говорила она о всемъ «своемъ» такъ рѣдко и такъ застѣнчиво (даже по имени Николая ни разу не назвала), что Фредѣ и въ голову не приходило отнести все это къ кому другому, а не къ Хмарову; тѣмъ болѣе, что Николая съ Машей она вмѣстѣ никогда не видала. «Подглядывать» же за отношеніями Маши и Хмарова теперь, когда они такъ довѣрчиво приблизили ее къ себѣ, Фредѣ казалось гадостью. Довольно казнилась она ужъ и за свои грѣшныя сомнѣнія, противъ воли пробивавшіяся въ ней иногда: точно ли не было тогда, подъ липами, да и теперь нѣтъ ли порою чего-то особеннаго у Хмарова *къ ней-то самой*? Въ наказаніе Фреда заставляла себя безъ зависти смотрѣть на счастье своихъ друзей.

Да, и у нея теперь есть настоящіе друзья, съ которыми день ото дня крѣпнетъ прочное душевное родство, исключающее всякую мнительность навсегда, хотя бы потомъ и годами въ разлукѣ... Но такъ далеко Фреда и не задумывалась, впрочемъ; съ нея довольно было, что завтра, послѣ завтра она пойдетъ гулять съ ними; *онъ* будетъ говорить съ нею, *онъ* считается съ ея мнѣніями и видимо радъ, что она приходитъ... Дружескія бесѣды, впрочемъ, рѣдко отличались идиллическимъ согласіемъ: споры разгорались часто жаркіе. То, случалось, Хмарову достанется за плохо-обоснованную авторитетность, то онъ въ свою очередь нападетъ на Машу за ея «барски-покаянныя идеи», которыя только деморализируютъ ея энергію и будутъ мѣшать ей работать, какъ всѣ: «себѣ на хлѣбъ, людямъ на пользу».

Въ одно утро Маша особенно упрямо настаивала на необходимости заранѣе отучать себя отъ всякихъ прихотей и

брезгливости, разъ собираешься жить среди народа и для него. Вовсе не въ смыслѣ какого-то искусственнаго «опрощенія», an und für sich, а чтобы потомъ переносить неудобства, едва замѣчая ихъ; чтобы мелочныя заботы о себѣ,—своемъ жильѣ, обѣдѣ, платьѣ,—не заслоняли чего поважнѣе...

Хмаровъ нетерпѣливо перебилъ ее:

— Ахъ, Марья Ипполитовна, вамъ ли объ этомъ толковать часами, когда вы и теперь-то вонъ, случается, пообѣдать забываете; въ зеркало заглянуть не согрѣшите. Вотъ кому другому не мѣ-ша-ло-бы...—очень добродушно поддразнилъ онъ, присаживаясь на низенькій плетень, опутанный хмѣлемъ, неподалеку отъ барышенъ, расположившихся на травѣ въ тѣни.

Но Фреда, которую давно уже мутило отъ «этихъ непреложныхъ должно», вспыхнула, какъ порохъ.

— Вы чрезвычайно послѣдовательны, Викторъ Даниловичъ!—заговорила она иронически.—Объясните хоть по крайней мѣрѣ, почему это *мнѣ именно* полагается подвергать себя этимъ истязаніямъ? Да, да, я не стыжусь признаться, что для меня было бы истязаніемъ жить въ рубищѣ, въ нечистотѣ. Не стыжусь, потому что признаю законность извѣстныхъ культурныхъ потребностей для человѣка на извѣстномъ культурномъ уровнѣ. Безъ удовлетворенія этихъ потребностей (иному столь же необходимыхъ, какъ вашъ кусокъ хлѣба), нельзя сохранить бодрость тѣла и духа; не принудишь себя развернуть полную энергію въ работѣ... какъ никакими убѣжденіями не заставишь человѣка, изнуреннаго голодомъ, перетаскивать тяжести... Что же вы молчите?

— Слушаю,—спокойно отозвался Хмаровъ, погруженный въ наблюденія надъ гусеницею, всползавшей по колу плетня; лица его не было видно за нависшими на лобъ волосами.

— Но я васъ спрашиваю: чего ради мнѣ... ровно никуда не «собирающейся», предписывается, да еще такъ авторитетно, подобный режимъ?

— А хотя бы ради школы.

— Школы!—натянуто разсмѣялась Фреда, не слушая горячившуюся Машу.—Школы, которая должна выучить птицъ дышать водою и бабочекъ — рыть норы! Неправда ли? Эхъ, одного вы не хотите принять въ разсчетъ, господа, что не такъ-то ужъ легко уложить на Прокрустовомъ ложѣ вашихъ «должно» индивидуальность съ ея влеченіями и дарованіями, разнообразными, какъ сами люди. Для натуръ тонко-организованныхъ эти ваши прописи—абсурдъ, рабство, жизнь стада!.. И не запугать вамъ ими тѣхъ «inquiets, chercheurs, délicats»*), которымъ мало, мало,—слышите,—вашего «насыщенія первыхъ

* Не удовлетворенныя, тонкія натуры.

потребностей», которые требуютъ цвѣта, аромата отъ жизни,— и сами даютъ ихъ жизни...

— Ну, требовать-то могутъ себѣ сколько душѣ угодно, а ужъ насчетъ того, чтобы давать?.. Гм!

— Да, да, даютъ! Тогда какъ ваша «курица въ супѣ», ваша «всеобщая польза» низведутъ въ концѣ концовъ жизнь,— ne vous déplaise,— къ грубому матеріализму колупаевскихъ аппетитовъ.

— Ого!—вырвалось у Хмарова:—глядите ужо, какъ-бы ваши тонкоорганизованные «шершеры» не зарвались въ колупаевскую мораль. Для нихъ-то, конечно, курица въ супѣ—готова...

Онъ хрустнулъ пальцами и кончилъ глухо, съ нервнымъ подергиваньемъ рта:

— Оно, конечно, вкусы разные бываютъ. Другому всего важнѣе носить перчатки и каждый день мѣнять бѣлье... Чортъ ихъ побери, какія-то тамъ скучныя «прописи» нравственной чистоплотности...

— Фреда, Фреда!.. Нѣтъ, это ты просто наперекоръ говоришь... Ну можно ли?—«грубый матеріализмъ», когда въ основѣ всего идея справедливости, право и возможность *каждому* на высшее развитіе... т. е. доступъ къ болѣе тонкому пониманію правды... всего прекраснаго на свѣтѣ...

— Эхъ, старая пѣсня!—перебилъ Машу Хмаровъ. Онъ стоялъ, отвернувшись, и глядѣлъ на выгонъ, весь лоснившійся паутинками на солнцѣ.—Оно даже не совсѣмъ въ вашемъ деликатномъ вкусѣ—такіе захватанные аргументики, миссъ Фреда...— прибавилъ онъ сквозь зубы, немного погодя.

Но Фреда и сама на себя была зла за неловкій скачокъ въ сторону, именно тогда, когда споръ близко подошелъ къ вопросу, втайнѣ ее мучившему въ послѣднее время.

Все больше убѣждалась она со дня на день, что ни хмаровское «ultimum refugium», ни машино «отдаваніе себя народу»—не по ней; а, между тѣмъ, то честное, хорошее, смутно-героическое, чему она за одно съ ними вѣрила, чего вмѣстѣ съ ними хотѣла—было вѣдь у нихъ всѣхъ одно, общее...

Какъ же, чѣмъ сможетъ она активно стать ихъ союзникомъ рано или поздно? И, подавляя въ себѣ разнородныя чувства,— обиду, боль за намекъ Хмарова, страхъ уронить себя въ его глазахъ—окончательно попасть въ разрядъ защищаемыхъ ею презрѣнныхъ «шершеровъ»,—она заговорила храбро, хотя блѣднѣя и съ дрожью въ голосѣ:

— Вы знаете, я не про васъ... не про ваши идеалы это сказала... Но зачѣмъ же такъ слѣпо нападать... озлобляться сейчасъ же на всякое усиліе другихъ—тоже искреннее,—*иначе* искать все новые и новые пути... каждому по вкусамъ, по способностямъ. Отстаивать права свободной личности...

— И привилегіи паразитизма...—не оборачиваясь вставилъ Хмаровъ...

— Ахъ, Боже мой, да дайте хоть договорить!

— Не безпокойтесь, миссъ Фреда, личность сильная, даровитая, и безъ нашихъ съ вами о ней попеченій, проявитъ то, что въ ней есть самоцвѣтнаго... Безъ долгихъ разглагольствованій пробьетъ себѣ «новые пути»... А пока, вмѣсто этакого «новаго» да «сверхъ-человѣческаго»—не мѣшало бы кое-что старое-престарое потверже помнить. Вотъ хотя бы то, что «права» всегда связаны съ нѣкоторыми «обязанностями». А мы, охъ какъ не любимъ вспоминать объ этомъ!..

Фреда крѣпко стиснула пальцы, еле-сдерживаясь отъ рѣзкой отповѣди, и проговорила съ усиліемъ:

— Прекрасно. Но надо прежде всего узнать: *какія* это обязанности? *Что* каждый *долженъ*, сообразно со своими силами, вкусами... подготовкою?.. И какъ взяться за это должное?.. Сами вы вонъ говорите, что перестройка жизни въ будущемъ потребуетъ работы во всѣхъ направленіяхъ, во всѣхъ слояхъ. Такъ и путей вѣдь должно быть—не одинъ-два, а пятьдесятъ, сто!.. Чтобы *каждый* могъ честно работать, не насилуя себя, примѣняя всѣ свои знанія и способности... Вѣдь должно, должно же?!.

Послѣднія слова прозвучали у Фреды такъ страстно-тоскливо, что Хмаровъ оглянулся. Она сидѣла, прислонившись головою къ дереву и глядя куда-то далеко, за предѣлы уютной куртинки. И вся она,—взглядомъ этимъ, позою, напряженнымъ выраженіемъ,—ждала, казалось, отвѣта себѣ... Янтарные отблески солнца сквозь рѣдѣющую листву падали ей въ свѣтлые волосы, на блѣдное приподнятое лицо, забирались въ глубь расширенныхъ зрачковъ... И вдругъ, очнувшись подъ взглядомъ Хмарова, она смутилась, сдѣлала движеніе встать. Но Маша удержала ее за обѣ руки и, прильнувъ разгоряченнымъ лицомъ къ ея ладонямъ, проговорила задушевнымъ шопотомъ:

— Такъ будемъ же искать, Фреда! вмѣстѣ... Да?

Часто прогулки ихъ простирались и за предѣлы парка. Они бродили втроемъ, куда глаза глядятъ, по твердо укатанной дорогѣ. На встрѣчу двигаются вереницы возовъ, высоко нагруженныхъ снопами. Лѣниво, покачивая ярмами, плетутся волы, рядомъ шагъ за шагомъ переступаютъ люди въ грязныхъ рубахахъ, съ соломою въ волосахъ: сѣдобородый дѣдъ съ библейскимъ лицомъ поддерживаетъ цѣлую скирду сухимъ плечомъ на косогорѣ; степенно поклонится господамъ и сверкнетъ бѣлыми зубами и бѣдовымъ взглядомъ изъ подъ насупленнаго платка шустрая дѣвка; черномазый и черноглазый, какъ цы-

ганенокъ, хлопчикъ, разиня ротъ, «дивится» на барышенъ съ высоты воза... Пять шесть поклоновъ—и опять обнажившійся просторъ полей, по которому переливаетъ осенними запахами—полыни, пыли, свѣжей соломы. Небо и дали тоже прозрачно-блѣдны уже по осеннему; развѣ съ запоздавшаго клина низкорослой гречи въ цвѣту и росѣ пахнетъ медомъ и лѣтомъ.

Вонъ въ сторонѣ убираютъ послѣдній загонъ барской пшеницы. Жнея грозно размахиваетъ крыльями; слѣдомъ разсыпались бабы, подбирающія снопы; объѣздчикъ верхомъ покрикиваетъ на нихъ. А у дороги таборъ: подъ телѣгами хламъ, баклажки, собаки, дѣти; какая-нибудь 5-ти лѣтняя дѣвица нянчаетъ братишку полуголаго, въ ватной шапочкѣ; другой, кромкой привязанный къ колесу, ползаетъ, набивая себѣ ротъ землею; третій туго-спеленутый кричитъ-заливается подъ палаткою изъ рядна, пока мать, пыльная и потная, не прибѣжитъ сунуть ему грудь или грязную соску.

Хмаровъ охотно идетъ къ людямъ—позубоскалитъ съ молодежью, перекинется задорнымъ словцомъ съ бойкой бабенкою, со старухою-ворчуньей и тутъ же разговорится о дѣлѣ, дастъ медицинскій совѣтъ. Всѣмъ онъ имъ «свой» еще съ тѣхъ временъ, когда босоногимъ мальчуганомъ бѣгалъ съ деревенскою дѣтворою выдирать гнѣзда и купаться въ Днѣпрѣ. Маша наоборотъ тяготится этими поклонами, этими встрѣчами: ей совѣстно гулять и разговаривать на глазахъ у людей, неразгибающихся съ зари до зари въ тяжкой работѣ. Смущенно спѣшитъ она мимо, едва признавая знакомыхъ, а потомъ грызетъ себя упреками: вотъ и про нее, какъ про дядю, скажутъ, что она «гордая», что «панская милость—до порога...»

Фреда втихомолку тоже волнуется, но иначе,—своими собственными вопросами. Она вглядывается, вслушивается:—этотъ грязный людъ пересталъ уже быть для нея весь на «одно лицо», какъ прежде. Многихъ она знаетъ даже по имени, ловитъ здѣсь юмористическую сценку, тамъ намекъ на драму. Побывала она и на деревнѣ съ Машею у больныхъ. Но все это проходитъ передъ нею, какъ картины на выставкѣ: впечатлѣнія поверхностны, разрознены; жутко рѣзнетъ иное по нервамъ испугомъ, сочувствіемъ, отвращеніемъ—и только. Живые факты, какъ и разсказы о страданіяхъ и бѣдахъ въ этой чуждой ей, непонятной и неинтересной жизни, разогрѣваютъ въ ней, какъ и въ памятный мартовскій вечеръ, полгода тому назадъ, много-много тепленькую, теоретическую жалость, неспособную подвинуть на жертву и трудъ. Никогда она не будетъ въ состояніи забыть, что отъ этихъ людей воняетъ, что съ нихъ можетъ переползти насѣкомое, не войдетъ въ хату безъ брезгливости. Никогда не загорится въ ней сердце острою обидою за несправедливости къ этому народу, скорбнымъ сты-

домъ—за «власть тьмы» въ немъ, какъ за что-нибудь дурное въ самой себѣ. Что же это такое? «Толстокожій эгоизмъ тонко-организованныхъ натуръ», какъ сострилъ разъ Хмаровъ?..

Не рѣшаясь признаться друзьямъ въ своихъ недоумѣніяхъ, Фреда искала отвѣтовъ въ *ихъ* книгахъ. Такъ напала она на статью Добролюбова о «Наканунѣ». Слова Елены: «Быть доброй—этого мало; дѣлать добро... да—это главное въ жизни! Но *какъ* дѣлать добро?» и горячія строки, вызванныя 30 лѣтъ тому назадъ этими словами—брали Фреду за сердце тоскою и надеждой. Пускай сама она не умѣетъ любить, какъ Елена, какъ Маша, но искренна же и ея тоска по «другому, хорошему, что мы могли бы дѣлать, да не знаемъ, какъ надобно»... Вѣдь и ее грѣетъ та же надежда, что канунъ раздѣляетъ отъ дня «всего какая-нибудь ночь»... Не можетъ же долго-долго еще тянуться эта ночь кругомъ, этотъ смутно-брезжущій разсвѣтъ въ ней самой?..

И поддаваясь легко, охотно, какъ всегда, беззаботности, воспитанной въ ней золотымъ дѣтствомъ и тепличною ранней весною, Фреда отодвигала всѣ назойливые вопросы въ ближайшее будущее этого грядущаго «дня», а сама шла «по облакамъ», въ смѣнѣ темныхъ и свѣтлыхъ настроеній...

XVI.

Въ «эмпиреяхъ» своихъ прогулокъ и бесѣдъ, друзья наши прозѣвали, однако, кое-какіе симптомы, свидѣтельствовавшіе о томъ, что сплетни на ихъ счетъ расползлись уже за предѣлы Раздолья. Такъ, Вильневскій, замѣтно начинавшій ухаживать за Машею, вдругъ перестал бывать. Изрѣдка, на полчаса привозили теперь и барышенъ Игловскихъ, причемъ маменька, какъ встревоженная насѣдка, ни на шагъ не отпускала ихъ отъ себя. А тѣмъ временемъ придирчивость и нотаціи Софьи Глѣбовны принимали все болѣе зловѣщій тонъ; все чаще гдѣ нибудь изъ-за кустовъ, изъ-за двери неожиданно появлялась по близости фигура Ульяны...

Фредѣ же, въ частности, давно пора было бы обратить вниманіе на неровности съ нею Анатолія Павловича, его частыя рукопожатія, странные подчасъ вопросы и взгляды. Но до него ли ей было теперь? Охотно давъ себя убѣдить въ томъ, что онъ ей «добрый, старый другъ»—и только, она давно уже отбросила съ нимъ всякія щепетильности, довѣрчиво и разсѣянно принимая эту «дружбу». Особенно послѣ одного разговора.

Разъ какъ-то Анатолій Павловичъ замѣшкался диктовать, отыскивая что-то въ бумагахъ. Фреда ждала съ перомъ въ рукѣ, глядя прямо передъ собою, на занавѣшенный портретъ.

— Что вы смотрите?—неожиданно спросилъ Одобаровъ,— Васъ интригуетъ этотъ таинственный портретъ? Молодость любопытна. Хотите взглянуть?—И онъ отдернулъ занавѣску.

— Вы, конечно, знаете, кто это,—заговорилъ онъ отрывисто,—я не люблю показывать кому попало этотъ портретъ... Но *вы*, вы оцѣнили бы и полюбили бы ее... Я иногда улавливаю даже въ васъ какое-то отдаленное сходство, un je ne sais quoi.

И, сперва волнуясь, съ большими паузами, потомъ воодушевляясь воспоминаніемъ, Одобаровъ сталъ разсказывать Фредѣ про эту чудную женщину, ея умъ, рѣдкую душу, могучій талантъ, метеоромъ мелькнувшій на сценѣ. Беатриче умерла года три спустя послѣ... ихъ разлуки. Онъ узналъ изъ газетъ, тотчасъ помчался въ Италію... прямо на кладбище. Холмикъ весь въ цвѣтахъ, крестъ, на бѣломъ мраморѣ котораго свѣжимъ золотомъ горятъ два слова: «Beatriche Leoni»... какъ бывало на лентахъ букетовъ и вѣнковъ, которыми публика дарила свою любимицу—живую, счастливую Беатриче. Во весь обратный путь эти золотыя слова неотступно змѣились передъ нимъ, точно выжженные въ мозгу; онъ мучительно силился схватить какой-то таинственный и ужасный смыслъ, въ нихъ скрытый... Потомъ, часами вглядываясь въ живое лицо портрета, онъ заставлялъ себя и не могъ заставить понять, что ея уже *нѣтъ*... Совсѣмъ нѣтъ... осталась лишь могилка въ цвѣтахъ у подножья бѣлаго креста съ ея именемъ тамъ, далеко—гдѣ

Море движется роскошной пеленой
Подъ голубыми небесами...

Одобаровъ съ большимъ чувствомъ прочелъ въ полголоса все пушкинское «Ненастный день потухъ», такъ много-много говорившее ему... Про Фреду онъ, казалось, забылъ. Когда же, спохватившись, онъ сталъ извиняться передъ нею за «изліянія», она очень душевно успокоила его... а также и себя разъ на всегда: взглянетъ ли на другую женщину человѣкъ, десять лѣтъ влюбленный въ память своей красавицы? И ее-то, Фреду, онъ удостоилъ замѣтить только за какое-то сходство...

Скоро, впрочемъ, Фредѣ стало и совсѣмъ не до Анатолія Павловича: послѣ затишья наступили смутныя времена.

— Позвольте васъ спросить: гдѣ вы были и съ кѣмъ вы цѣловались?!

Этотъ вопросъ не безъ эффекта встрѣтилъ Машу, когда она вошла въ бабушкину спальню по особому приглашенію

черезъ Ульяну. Софья Глѣбовна, еще одѣтая, сидѣла въ креслѣ передъ туалетомъ. Двѣ свѣчи, отражаясь въ зеркалѣ, ярко озаряли ея черты, окаменѣвшія въ выраженіи брезгливаго негодованія; гнѣвный взоръ ея пронизывалъ виноватую, кольцо съ измрудомъ, поблескивая, вертѣлось на пальцѣ.

— Oh, maman!—простонала Лариса, тоже приглашенная на «объясненіе». Мари молчала. Когда же бабушка съ новымъ удареніемъ повторила вопросъ, она подняла голову и, взглядомъ въ упоръ встрѣчая взглядъ бабки, отчетливо выговорила:

— Если вы знаете, что я цѣ-ло-ва-лась, вамъ должно быть извѣстно, съ кѣмъ и гдѣ.

— Несчастная! Она даже не оправдывается!—взвизгнула Лариса.

— Да,—осадила обѣихъ Софья Глѣбовна,—я привыкла знать всегда и все, что дѣлается въ моемъ домѣ... И требую, чтобы все, что въ немъ дѣлается, было достойно имени Павла Одобарова.

Мари оглянулась машинально по направленію бабушкинаго пальца, на портретъ миловиднаго корнета гвардіи—Павла Одобарова въ юности.

— Поэтому,—продолжала Софья Глѣбовна съ вѣскими удареніями,—если вы желаете быть терпимой дольше подъ этимъ почтеннымъ кровомъ (по французски все это выходило гораздо торжественнѣе), — то я требую, слышите-ли, требую! здѣсь, въ присутствіи вашей несчастной матери, клятвеннаго обѣщанія отъ васъ, что, подавивъ въ себѣ отнынѣ развратные инстинкты своего презрѣннаго отца, вы будете вести себя такъ, какъ оно подобаетъ дѣвушкѣ изъ благородной семьи, всегда дорожившей своею честью превыше всего...

Глаза Маши ярко горѣли, но она все еще кусала губы и молчала.

— Я не хотѣла огорчать тебя, Лара — продолжала Софья Глѣбовна, театрально повышая тонъ, — не убѣдившись сперва сама въ недостойномъ поведеніи этой несчастной дѣвочки. Не назову я тебѣ и негодяя, которому она...

Бабушка не кончила: при словѣ «негодяй», Маша повернулась и ушла къ себѣ, заперевъ за собою дверь. Мать бросилась за нею, кричала, стучала. Потомъ все стихло.

Фреда тѣмъ временемъ сидѣла у себя и читала; она слышала, какъ бушевала Лариса у машиной двери, но «сцены» были вѣдь не рѣдкостью въ Раздольѣ. Около часа спустя Маша вышла къ ней, блѣдная, заплаканная.

— Фреда,—сказала она тихимъ, охрипшимъ голосомъ,—я пришла съ тобою проститься. Передай, пожалуйста, эти письма дядѣ и Виктору Даниловичу. Я уйду — часу здѣсь больше не

останусь. Хотятъ скандала,—пускай! Уйду, пока не вздумали еще запереть меня...

И она разсказала (опять не называя Николая) то, что сейчасъ произошло внизу.

— Но куда ты пойдешь, Маша, одна, безъ денегъ?

— Къ Черновымъ. Кто-нибудь съ деревни подвезетъ.

Онѣ сидѣли, обнявшись, на кровати. Слезы медленно скатывались у Маши съ рѣсницъ и капали Фредѣ на руку.

— Не глупо ли,—говорила Маша,—о чемъ я плачу? Ты думаешь, можетъ, отъ обиды? Нѣтъ. Что мнѣ ихъ обиды?! Просто мнѣ больно отрываться отъ Раздолья... Казалось бы, за что мнѣ любить все здѣшнее? А вотъ же жаль... Лишь бы не заболѣть еще... Голова каменная, дрожь...

Она примолкла. Обернувшись, Фреда увидала, что Маша откинулась на подушку въ своемъ обычномъ забытьѣ и шопотомъ бредитъ. Что тутъ было дѣлать? Позвать дядю или Хмарова?—Разсердится. А какъ ее пустить уйти, такую?

Однако, когда къ утру Маша очнулась, она не заговаривала уже больше о томъ, что уйдетъ. Вся съежившись, поплелась она къ себѣ, потребовавъ, чтобы и Фреда ложилась спать. Фреда прилегла, не раздѣваясь, но никакъ не могла заснуть; ее мутило безпокойство, какой-то неопредѣленный страхъ; неслышно пробралась она въ корридоръ къ полуоткрытой двери машиной комнаты. Маша, тоже одѣтая, стояла у комода и наливала себѣ, очевидно наугадъ, какое-то темное лѣкарство изъ пузырька въ рюмку. Фреда инстинктивно кинулась къ ней и накрыла рюмку ладонью. Маша вздрогнула всѣмъ тѣломъ. Мгновеніе онѣ стояли обѣ, растерянно глядя другъ на друга; потомъ Маша отвернулась и черезъ силу, какъ-то невнятно и глухо проговорила:

— Дай! Я все равно не засну безъ капель...

Фреда читала на сигнатуркѣ, что это опій... такая большая склянка... вѣрно взята тайкомъ у Хмарова изъ аптеки... и Маша налила себѣ почти цѣлую рюмку! Все еще сама не попадая зубъ на зубъ отъ внутренней дрожи, Фреда открыла окно, выплеснула лѣкарство изъ рюмки, а пузырекъ спрятала въ карманъ. Маша молча слѣдила за ея движеніями измученнымъ, мрачнымъ взглядомъ.

— По какому праву?—выговорила она наконецъ.—Я рѣшила и, все равно, сдѣлаю...

Она присѣла, понурившись, на кровать. Фреда стала возлѣ нея на колѣни и обняла ее.

— Маша, Маша, опомнись! Что ты говоришь! Ты не одна... онъ любитъ тебя... Боже мой, Маша!

— Что-жъ, что любитъ...—по прежнему безучастно отозвалась та.—Я такъ устала... ни на что не годна... Развѣ я че-

ловѣкъ? Я психопатка. Ты этого понять не можешь.. Зачѣмъ было вмѣшиваться? Самое бы лучшее—развязать всѣхъ...

— Полно, Маша! Не говори... Потомъ... Лягъ. Я посижу съ тобой. Хочешь? Ты моя милая, родная моя дѣвочка... Моя хорошая, хорошая...

И, замѣчая, что эти безсвязныя, ласкательныя слова всего лучше дѣйствуютъ на Машу, Фреда до тѣхъ поръ шептала ихъ больной на ухо, нѣжно гладя ее по волосамъ, пока та не задремала.

Маша спала, истомленная. Давно уже былъ бѣлый день, а Фреда все еще сидѣла возлѣ нея на стулѣ, боясь пошевельнуться, чтобы не разбудить ее. Теперь только переживала дѣвушка сознательно все, что сейчасъ было. Какъ будто толкнулъ ее кто схватить рюмку. Отчего? Маша стояла у комода вѣдь совсѣмъ спокойная. Фреда достала пузырекъ и посмотрѣла на свѣтъ. Вотъ оно самое простое и вѣрное средство, разрѣшающее всякія сомнѣнія! Глотокъ этой бурой жидкости, и— ни скорби, ни огорченій, ни борьбы...

Рука ея начинала опять дрожать; она поскорѣе спрятала ядъ, чувствуя, какъ и въ ея головѣ начинаютъ брать верхъ ненормальныя, перенапряженныя въ безсонницѣ мысли. Долго еще сидѣла она и смотрѣла на Машу, на ея милое, печальное даже и во снѣ лицо. «Онъ ее любитъ и зачѣмъ она сказала: развязать всѣхъ? Кого всѣхъ?»

Но члены ныли отъ усталости, мысли заволакивало точно густымъ дымомъ и, незамѣтно склонившись къ ногамъ Маши на кровать, Фреда крѣпко заснула, несмотря на неудобную позу.

Маша проснулась съ тяжелою головою, разбитая. Но, кажется, не больна? Это сразу ободрило ее. При первомъ ея движеніи, встрепенулась и Фреда, какъ человѣкъ, чувствующій даже во снѣ гнетъ заботы, надъ которой задремалъ. Маша застѣнчиво-печально улыбнулась на ея испуганный видъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Фреда, не бойся! *То* прошло... Увѣряю тебя. Будемъ еще пробовать... Правда?

Было однако уже около девяти часовъ; пора предпринимать что-нибудь. Маша попросила Фреду собрать ей кое-какія вещи въ дорогу, а сама пошла къ дядѣ.

Анатолій Павловичъ зналъ еще съ вечера о разыгравшейся въ домѣ исторіи: Лариса, не достучавшись у дочери накинулась на него и наговорила ему возмутительныхъ вещей. Онъ, все онъ виноватъ! Вотъ до чего довелъ онъ свою любимицу вѣчнымъ потворствомъ, своимъ атеизмомъ, своими идеями!.. Теперь, по первому слову Маши, Анатолій Павловичъ распорядился, чтобы запрягли фаэтонъ: онъ самъ отвезетъ ее къ Черновымъ... благо и его это избавляло отъ дальнѣйшихъ конфликтовъ дома на цѣлый день.

Маша же покуда прошла къ Аленѣ Никаноровнѣ, хоть слова ласковаго добиться на прощанье; но та долго отмалчивалась, озабоченно разыскивая у себя въ сундукѣ какія-то вещи для своей питомицы.

— Оставь!—наконецъ перебила она дѣвушку властно.— Сами знаете,—не на такое я васъ ростила... Чтожъ, дѣлайте по своему, коли всѣхъ умнѣе стали... А меня ужъ оставьте— стара подъ вашу дудку плясать... Нечего старую дуру и спрашивать...

Но, видя умоляющіе, налитые слезами глаза Маши, она прибавила мягче:

— Вотъ схожу, Богъ дастъ, въ Кіевъ, помолюсь угодникамъ... Ужо провѣдать тебя зайду. Жди.—Потомъ она принялась внушать Машѣ, чтобы та въ чужихъ людяхъ ключей бы не разбрасывала, поаккуратнѣе бы причесывалась, Богу утро и вечеръ молиться не забывала бы...

Время, однако, шло, а лошадей все не подавали; когда же Анатолій Павловичъ освѣдомился, скоро ли будетъ этому запряганью конецъ, оказалось, что запрягать и не думаютъ. Старая барыня приказали приготовить фаэтонъ для себя; пара сѣрыхъ расковалась; второй кучеръ поѣхалъ за сѣномъ и т. д. Анатолій Павловичъ, отлично понимая, что все это не спроста, накричалъ на Семена и вышелъ въ столовую, гдѣ слышался уже голосъ Софьи Глѣбовны, отдававшей какія-то распоряженія Фредѣ.

— Вы развѣ куда собираетесь, maman?—спросилъ онъ, цѣлуя у матери руку. Софья Глѣбовна возсѣдала на своемъ готическомъ креслѣ у чайнаго стола, въ бѣломъ пеньюарѣ и свѣже-сплоенномъ чепцѣ. Она внимательно взглянула на сына.

— Да, я хочу съѣздить въ поле, посмотрѣть la récolte *). До сихъ поръ еще не собралась, а нынче кажется не жарко.

Благоразумно воздерживаясь отъ замѣчанія, что въ полѣ смотрѣть уже не на что, Одобаровъ замѣтилъ, будто про себя:

— Въ такомъ случаѣ я велю запречь вороныхъ въ коляску, когда Яковъ вернется.

— А куда ты?

— Къ Черновымъ.

— Но твоя рука?

— Это не повредитъ.

— Ты бы лучше завтра поѣхалъ. Нельзя же, мой другъ, обоихъ кучеровъ съ конюшни брать.

— Да вѣдь вы не на долго, maman...—Онъ уже видимо начиналъ волноваться, тогда какъ Софья Глѣбовна невозмутимо

---

*) Урожай.

макала свой сухарикъ въ кофе. Фреда слѣдила съ любопытствомъ за тѣмъ, какъ-то вывернется «гутаперчевый» Анатоль.

— Если ты ужъ непремѣнно хочешь сегодня къ Черновымъ, поѣдемъ послѣ завтрака вмѣстѣ,—проговорила Софья Глѣбовна, видимо обдумывая, тотъ ли шахъ она дѣлаетъ. Потомъ кончила уже съ увѣренностью:—Велимъ заложить карету и поѣдемъ. Я должна Черновой визитъ. Можетъ поэтому они и на свадьбѣ у насъ не были.

Анатоль нервно барабанилъ пальцами по столу. Въ эту минуту вбѣжала Лариса, на ходу застегивая свой пестрый капотъ, въ большой ажитаціи.

— А моя-то, моя безумная!—кричала она,—бѣжать, говорятъ, собралась! Dites je vous en prie! Ce monstre*).

— Лара!—строго остановила ее мать.—Есть вещи, о которыхъ при постороннихъ не говорятъ...

«Посторонняя», т. е. Фреда, поспѣшила удалиться, чтобы поскорѣе предупредить Машу о происшедшихъ осложеніяхъ.

Но покуда она ходила на верхъ, Ульяна, посланная звать Машу на семейный судъ, ворвалась въ комнату Алены Никаноровны и нахально крикнула—безъ всякихъ «барышня миленькая» на этотъ разъ:

— Пожалуйте въ столовую! Бабушка васъ требуютъ.

Алена Никаноровна поднялась, блѣдная, высокая, точно гнѣвъ выпрямилъ ей сгорбленную годами спину.

— Иди, дѣточка,—сказала она Машѣ, какъ бы ограждая ее отъ «Грачихи».— А ты, змѣя подколодная, какъ это смѣешь на барышню кричать? Чтобъ духу твоего здѣсь не было!..

Ульяна за бока схватилась отъ насильственнаго смѣха.

— Простите, ваше превосходительство, охъ, простите меня дуру глупую. Совсѣмъ забыла, ваше благородіе, что мы нынче въ господскую родню попали... Ручку пожалуйте...—выкрикивала она своимъ высокимъ фальцетомъ, брызжа слюною и изгибаясь въ поклонахъ. Въ открытыхъ дверяхъ толпились любопытные.

— Вонъ, гадина, прохрипѣла Алена Никаноровна, впиваясь ей пальцами въ плечо и выталкивая ее изъ комнаты.

— Не любишь, старая сводня, не любишь, барская половинщица! Шабашъ вамъ теперь со внукомъ-соплякомъ пыжиться! Знаютъ теперь господа...—доносился изъ корридора визгъ Ульяны, продолжавшей ломаться среди кучки прислуги.

— Спасибо, дѣточки, подо что подвели на старости лѣтъ!—шептала дрожащими губами старуха; она тяжело опустилась на сундукъ и заплакала. Маша постояла передъ нею, убитая; потомъ, въ порывѣ негодованія, забывая горькій опытъ, выне-

*) Скажите пожалуйста!.. Это чудовище...

сенный ею изъ столкновеній ея «правды» съ одобаровщиною, бросилась вонъ изъ комнаты со словами:

— Я не позволю имъ оскорблять тебя, бабуся! Хотятъ объясненій,—хорошо-же: я все отпою имъ, все!—И красная, съ полураспустившеюся косою, Маша помчалась въ столовую.

«Объясненіе» при закрытыхъ дверяхъ разгоралось тамъ бурное...

Весь остальной день прошелъ, разумѣется, въ общихъ «нервахъ». Лариса нѣсколько разъ принималась кричать, что не отпуститъ никуда Машу, ни за что, ни на шагъ отъ себя! На что maman язвительно замѣчала: «Поздно, поздно спохватилась, мой другъ!»

Начинался сызнова обмѣна упрековъ, драматическихъ восклицаній и жестовъ, съ послѣдующими истериками. Анатолій Павловичъ то пытался убѣждать и ублажать, то самъ пылилъ, запирался съ трескомъ у себя въ кабинетѣ или бѣжалъ наверхъ умолять Машу воздержаться отъ дальнѣйшихъ выходокъ и отнюдь не видаться съ Николаемъ. Только на этихъ условіяхъ брался онъ уладить ея отъѣздъ съ Черновыми.

Маша лежала у себя совсѣмъ измученная. Она дѣйствительно «отпѣла имъ всю правду», но и наслушалась же!.. Какихъ только обвиненій не было брошено другъ другу въ лицо! Какая тина всколыхнулась подъ красивою бархатной муравою этого старо-дворянскаго семейнаго болота—съ его доблестными традиціями... Въ нѣсколько дней у Маши лицо потемнѣло отъ безсонницы и непрерывнаго кипѣнья; она замолчала даже съ Фредою, и только въ письмахъ къ Николаю отводила душу.

Передавая эти письма безъ адреса Хмарову, Фреда еще больше утверждалась въ мысли, что Маша его невѣста. Все вообще точно умышленно складывалось такъ, чтобы держать дѣвушку въ этомъ заблужденіи. Имя Николая, какъ зачумленнаго, въ домѣ не произносилось: въ гостиной онъ назывался «cet infâme», «ce misèrable» *), что равно могло быть отнесено и къ Хмарову, какъ и глухая воркотня Анатолія Павловича, гдѣ Николай значился подъ презрительнымъ «этотъ». Самъ докторъ теперь рѣдко показывался въ домъ, и обращеніе съ нимъ, какъ съ сообщникомъ, было ультра-ледяное. Продержать же его, вѣроятно, еще нѣкоторое время, чтобы не дать подтвержденія сплетнямъ: всѣ старанія были теперь направлены на то, чтобы затушить скандалъ передъ сосѣдями и «людьми».

Какъ нарочно, канунъ машинаго отъѣзда пришелся на Успенье—престольный праздникъ въ Раздольѣ. И дался же

*) Этотъ злодѣй, этотъ негодяй.

этотъ день обѣимъ дѣвушкамъ! Гостей съ утра наѣхало душъ двадцать. Занимая и угощая ихъ, Фредѣ приходилось еще зорко слѣдить и за тѣмъ, не пора ли устремиться на выручку Машѣ, которую Софья Глѣбовна, ради вящшаго доказательства, что слухи — вздоръ, чуть не каждыя пять минутъ подзывала къ своему креслу, изводя ее нѣжностями и поцѣлуями на глазахъ у всей публики. На Машѣ лица не было. Въ воздухѣ такъ и висѣло что-то напряженное, готовое вотъ-вотъ разразиться. Гости переглядывались съ злораднымъ любопытствомъ, насторожившись... Не малаго труда стоило Фредѣ подогрѣвать оживленіе и непринужденность тона въ такихъ условіяхъ; и не даромъ сегодня нѣсколько разъ принимался благодарить ее Одобаровъ.

Послѣ обѣда отправились пикникомъ въ лѣсъ. Помогая Фредѣ устраивать чай и дессертъ на травѣ, Анатолій Павловичъ все твердилъ ей, подъ сурдинку, какая чудная актриса могла бы изъ нея выйти.

— Une vocation manquée *),—отшучивалась Фреда.

— Да нѣтъ же, серьезно. Я искренно восхищаюсь вами: сколько такта, находчивости, утонченной граціи и вмѣстѣ— простоты и чуткой сердечности! Вѣдь я понимаю, что вами двигаетъ гуманное желаніе помочь намъ, особенно нашей бѣдненькой Машѣ...

Фреда слушала, разсѣянно улыбаясь: вниманіе ея было отвлечено тѣмъ, что Маша и Хмаровъ отбились отъ общества, улучивъ, наконецъ, моментъ переговорить наединѣ. Вѣчно застаетъ ее въ расплохъ приливъ этого нелѣпаго ревниваго чувства, какъ ни твердитъ она себѣ, что смирилась, что счастье ихъ дорого ей... Тѣмъ оживленнѣе болтала она и смѣялась съ этимъ лихомъ на сердцѣ, раздавая чашки и тарелочки съ мороженымъ.

Пошелъ сильный дождь, съ утра висѣвшій надъ землею.

Фреда попала на обратный путь въ кабріолетъ съ Хмаровымъ, но подъ хлеставшимъ ливнемъ было не до разговоровъ; да и самъ докторъ былъ какой-то странный, смущенный. Онъ настоялъ на томъ, чтобы Фреда надѣла его пальто, вышучивалъ ея жалкій видъ подъ намокшею и повисшею грибомъ шляпкой. Порою, впрочемъ, взглядъ его серьезно и мягко останавливался на дѣвушкѣ, точно онъ хотѣлъ бы заговорить съ нею иначе... и не рѣшался.

Эта прогулка не прошла Фредѣ даромъ: вечеромъ она слегла въ сильномъ жару. Все тѣло болитъ, кровать проваливается съ нею куда-то; въ темнотѣ порхаютъ еще болѣе черныя пятна въ золотыхъ ободкахъ, и Фредѣ почему-то ужасно важно слѣ-

*) Заглохшее даромъ призваніе.

дить за тѣмъ, какъ мѣняются ихъ очертанія. Вотъ свѣтъ рѣзнулъ по глазамъ, но лежать стало ловко, и чей-то ласковый голосъ шепчетъ ей: «Приподнимись, Фреда, выпей». Она жмется къ кому-то близкому, и ей хочется плакать... Потомъ кто-то сказалъ. «Не будите ее, она, кажется, покойно спитъ». За кѣмъ-то затворяется дверь. Уже утро, и Фреду смутно тревожитъ, что сегодня нужно было для чего-то встать пораньше...

За то и досадно же стало ей, когда, проснувшись послѣ полудня, она узнала, что Маша уѣхала. Фреда напала на доктора, пришедшаго ее провѣдать: какъ было не разбудить ее! Но Хмаровъ сказалъ ей, что Маша сама чуть-чуть не осталась ухаживать за нею и взяла съ него слово вызвать ее обратно, если бы болѣзнь Фреды оказалась посерьезнѣе лихорадки. У ослабѣвшей Фреды такъ и закапали растроганныя слезы.

Разсказалъ ей Хмаровъ и про то, какой «бенефисъ со всѣми онерами» устроила Лариса Павловна на прощанье. Бабинька, разумѣется, провожать не соблаговолили; а нѣжная маменька расчувствовалась въ послѣднія минуты, что Маша уѣзжаетъ изъ родительскаго дома безъ всякихъ сборовъ, перерыла ей чемоданъ, напихавъ туда кучу ненужностей. Потомъ были, какъ полагается, и благословенія, и заклинанія, и обмороки. Теперь въ домѣ точно въ могилѣ.

— Внизъ и не показывайтесь, — говорилъ Фредѣ докторъ. — Не совѣтую: живьемъ съѣдятъ. Останутся, какъ отъ козлика, рожки да ножки...

XVII.

Болѣзнь Фреды въ самомъ дѣлѣ оказалась лишь лихорадкою, схваченной ею въ лѣсу, и дня черезъ два дѣвушка вернулась къ своимъ обязанностямъ. Дамы встрѣтили ее, разумѣется, одними попреками за неудобства, которымъ онѣ подверглись по ея милости; зато Анатолій Павловичъ выражалъ живѣйшее сочувствіе. Не разъ за эти дни освѣдомлялся онъ о ея здоровьѣ, присылалъ ей книги и газеты. Онъ очень скучалъ безъ Фреды, особенно въ часы ихъ занятій: раскрытая его книга, недописанная страница, все въ кабинетѣ напоминало о ней, и оттого, что ея нѣтъ, становилось такъ пусто и тоскливо... Когда же онъ опять увидалъ дѣвушку, граціозно склоненную надъ его столомъ, привычною рукою подбирающую листы рукописи, онъ самъ изумился, до чего ему это пріятно... Задумался, вздохнулъ и недовѣрчиво улыбнулся... А говорилъ онъ ей снова о томъ, какъ неподражаемо хороша и добра она была въ день пикника; о томъ, какъ мертво безъ нея все въ домѣ. Особенно теперь, когда и безъ того жизнь идетъ такъ тяжело... Съ одними дѣлами есть отъ чего потерять голову!

Бѣднаго Анатолія Павловича дѣйствительно одолѣвали эти проклятыя денежныя дѣла. Хотя всѣмъ продолжала безконтрольно завѣдывать Софья Глѣбовна, а онъ призывался только въ экстренныхъ случаяхъ; но теперь эти случаи повторялись безпрестанно. Каждую недѣлю гнали его въ городъ улаживать затрудненія съ банками и частными кредиторами — все какими-то неопрятными, подозрительными личностями. Анатоль брезгливо ежился, уставалъ и волновался до припадковъ, начиналъ къ тому же прозрѣвать, что, въ концѣ концовъ, онъ лишь таскаетъ воду въ решетѣ...

Давно уже одобаровское состояніе, одно изъ крупнѣйшихъ въ губерніи, неудержимо скользило внизъ по общей наклонной плоскости къ разоренью. Жизнь за границею и въ столицахъ поглотила значительную долю его, начиная съ выкупныхъ суммъ; хищнически и безтолково эксплуатируемыя вотчины, обезцѣненныя продажами безъ оглядки, давно уже перестали быть «золотымъ дномъ». А «господа» продолжали себѣ и въ деревнѣ проживать «сколько надо», не считаясь съ недородами, кризисами и чудовищно наростающей лавиною долговъ, плодившихъ векселя, векселя и векселя. Итогъ имъ, даже приблизительно, былъ никому не извѣстенъ; всего меньше Софьѣ Глѣбовнѣ, несокрушимо увѣренной въ томъ, что все процвѣтаетъ, будетъ процвѣтать и должно процвѣтать во славу рода Одобаровыхъ—волею Божьей и преданностью Доменика. Процвѣло же все до такой степени, что выдѣлъ приданаго Риты обнаружилъ почти полный крахъ.

Одновременно съ этимъ испортился вдругъ и характеръ преданнаго Доменика. Бывало, онъ не только всегда находилъ по первому слову деньги на ремонтъ усадьбы, чистку парка и всякіе личные расходы господъ, но обладалъ еще и даромъ быстро, безъ лишнихъ разговоровъ, улаживать сложнѣйшія финансовыя затрудненія. Теперь же онъ предъявлялъ одну за другою пренепріятныя бумажки, *требуя* огромныхъ суммъ для немедленныхъ уплатъ по нимъ—будто все это его ни мало не касалось,—да еще приправляя эти требованія карканьемъ, «портившимъ кровь» Софьѣ Глѣбовнѣ. Анатоль метался безъ толку и мямлилъ, а между тѣмъ очевидно нужно было предпринять что-нибудь рѣшительное. Сама Софья Глѣбовна во всѣхъ этихъ учетахъ и перезалогахъ ровно ничего не понимала, да и понимать не считала нужнымъ: кругомъ разорялись помѣщики, до тонкости постигнувшіе и продѣлавшіе всѣ эти новомодныя хитрости. Къ чему, когда подъ рукою вѣрное, старинное средство—богатая невѣста въ лицѣ Оленьки Игловской. Дѣвочка недурна, кротка, наивна—не выйдетъ изъ повиновенія свекрови. Анатоля давно пора женить: но оборваться же на немъ славному роду Одобаровыхъ! Вчерашняя фантазія со скуки

пріобрѣтала солидную матеріальную подкладку. Разумѣется, все и будетъ такъ, какъ того захочетъ Софья Глѣбовна Одобарова! Не притупили еще, слава Богу, старческія немощи ея зоркій взглядъ, не ослабили ея твердую руку, привыкшую играть людьми, какъ пѣшками. Да и кто осмѣлится стать ей поперекъ дороги?! Ужъ не ничтожество же—Фреда?! Сдунуть ее, какъ пушинку, прочь—и все тутъ. Вотъ не прозѣвать бы только чего... Пора, давно пора положить конецъ этому нелѣпому ея секретарству при Анатолѣ!

Былъ, впрочемъ, въ домѣ нѣкто, еще болѣе, чѣмъ Софья Глѣбовна, недовольный «секретарствомъ» Фреды. Хмаровъ разъ, другой опять зашелъ въ эти часы въ кабинетъ подъ разными предлогами; потомъ совсѣмъ пересталъ безъ зова показываться, даже къ обѣду.

Воскресенье подъ вечеръ. Николай только что кончилъ урокъ черченья съ тремя мальчиками, которыхъ взялся учить въ свободное время, и поднялъ окно. Никакъ Хмаровъ идетъ? Онъ и есть. Хмаровъ вошелъ, выряженный по охотничьи, въ грязныхъ ботфортахъ, съ ружьемъ и пустымъ ягдташемъ. Послѣднее было для доктора, отличнаго охотника, настолько необыкновенно, что Николай внимательно взглянулъ на него. Лицо его казалось постарѣвшимъ, хмурымъ, совсѣмъ сѣрымъ; между бровей лежала складка какой-то назойливой озабоченности. Тѣмъ не менѣе, снимая свою амуницію, онъ шутливо бросилъ Николаю:

— Эй ты, мудрецъ, разрѣши: что дѣлать человѣку, который, имѣвъ глупость влюбиться, жениться не можетъ?

— Полагаю, — отозвался Николай, — прежде всего хорошенько обдумать: точно ли онъ жениться не можетъ?

— Ну, а если скажетъ, что обдумалъ, и—никакъ не можетъ?

— Я бы спросилъ—почему?

— Ну, тамъ... вообще...

Николай пожалъ только плечами. Хмаровъ устало присѣлъ къ столу скрутить папиросу, но тотчасъ опять поднялся.—И духота у тебя тутъ, Николай. Пройдемся, что ли.

Они вышли задворками и огородомъ на край крестьянскаго луга и сѣли подъ старой вербою. Рѣзкою сыростью осени прохватывало здѣсь, въ низинѣ, хотя теплынь стояла лѣтняя. И трава, которая лѣзла послѣ второго покоса густою зеленою щеткою,—уже жесткая, пахнетъ больше болотомъ. Огромныя лохматыя тѣни раскидались по ней; справа только, сквозь жиденькую рощу, врѣзывалось заходящее солнце и

жаромъ горѣло въ излучинѣ рѣчки; полосы золотистой пыли осѣдали тамъ на мураву правильными бороздами между стволовъ. Звуки съ села доносились урывками, далекіе; только рядомъ, въ камышѣ вдругъ поднимали ссору утки; потомъ и онѣ сошли всѣ на воду и дѣловито уплыли. Что-то скучно-печальное было въ тишинѣ ярко-догоравшаго сентябрьскаго вечера.

— Ну, ладно,—заговорилъ, наконецъ, опять Хмаровъ,— разберемся. Допустимъ, что *онъ* (глупецъ-то!)—плебей, невѣдающій, «а завтра гдѣ ты, человѣкъ?» А *она*—неземное существо, созданное для радостей и благоуханій и, слѣдовательно, долженствующее навѣрное знать впередъ, что ей и завтра и послѣзавтра и вообще, пока Господь вѣку пошлетъ, обезпечены всякія радости и благоуханія...

Николай поморщился и, поправивъ воротъ блузы, проговорилъ съ запинкою:

— Дрянь дѣло... Пожалуй, что бросить надо...

— Вотъ то-то же!—вяло откликнулся Хмаровъ, растянувшись во весь ростъ на травѣ, и, заложивъ руки подъ голову, замурлыкалъ въ полголоса: «Проведемте-жъ, друзья»...

— Хмаровъ! На чистоту: ты все это, разумѣется, объ себѣ?..

— Не все ли равно? Вопросъ рѣшенъ принципіально—и баста!—Потомъ, приподнявшись на локтѣ, онъ прибавилъ вскользь:—Знаешь, я на дняхъ уѣду. Совсѣмъ. Ужъ принципала предупредилъ.

— Мѣсто есть?

— Мѣсто?—очень нужно! У насъ, братъ, нынче сбе-ре-же-нія завелись. Не оттого ли все? Пожалуй, одно баловство съ жиру...

— Баловство ли, Хмаровъ?

Докторъ вскочилъ, точно его укололи:

— Вотъ видишь, ты какой! Чего тамъ еще ковырять! Сказано: бросить надо!

— Хм! то-то не вышло бы по твоему, по всегдашнему: тяпъ-ляпъ вотъ и корабь.

— Да и разжевывать не къ чему. Ну, скажи по совѣсти,— знаю я, на чей харчъ завтра попаду? Притомъ же прекрасныя и неземныя существа отлично умѣютъ отыскивать «цвѣтъ и ароматъ жизни» тамъ, гдѣ ихъ искать надлежитъ, помимо насъ съ тобою, голубчикъ....

— Послушай, ты, конечно, все это о Фредѣ?

— А то о комъ же? Не о Ларисѣ же? Право, ты сегодня безтолковѣе этого пня, Николай! — И, ткнувъ ногою гнилую корягу, докторъ безпокойно заходилъ взадъ и впередъ мимо Николая.

— Хмаровъ, ты нервничаешь. Про Фреду Маша говорила...

— Маша говорила, — передразнилъ Хмаровъ,—это *тебѣ*, что Маша сказала, то и свято... Много она смыслитъ въ людяхъ, твоя Маша! Расчувствовалась, вотъ и фею-фантазію въ героини произвела.. А, впрочемъ, знаешь,—заговорилъ онъ, опять подсаживаясь къ Николаю,—есть у нея, у Фреды, что-то свое, особенное... хорошее... И смотритъ оно на тебя точно изъ самой души, этакими глазами... хрустальными... Кажись, мысли дурной, слова лукаваго въ ней завестись не можетъ—такъ смотритъ. Своими глазами потомъ будешь видѣть, что очень даже она на всякую мразь способна и къ однимъ-то благоуханіямъ барышня приспособлена... а взглянетъ она на тебя—себѣ не повѣришь! Такъ вотъ онъ и пристыдитъ тебя этотъ взглядъ! Какъ привороть какой! Изволь тутъ!

Хмаровъ развелъ руками, а у самого въ голосѣ прорывались мягкія, задушевныя ноты, какъ въ лучшихъ его пѣсняхъ. Потомъ, нехотя стряхивая съ себя настроеніе этихъ нѣсколькихъ минутъ, онъ всталъ и взъерошилъ волосы:

— Ну, чуръ намъ! Привороты да феи всякія, знаешь ли, намъ не къ рылу... Пойду домой. Будь здоровъ!

Докторъ побрелъ пѣшкомъ назадъ такой же «сумный», какимъ пришелъ. За нимъ поодаль плелся его лягашъ, опасливо отставая отъ чудившаго хозяина, когда тотъ, вдругъ, останавливался, сжимая кулаки, ворчалъ себѣ въ бороду и яростно хлесталъ шомполомъ придорожные репейники, призраками торчавшіе въ сумеркахъ вдоль межника.

Поздно еще въ этотъ вечеръ видѣла Фреда изъ окна, какъ вспыхивала во дворѣ искорка папиросы, сквозь облетѣвшіе кустарники..

Часто теперь Фреда просиживала полъ-ночи въ темнотѣ машиной комнаты. Здѣсь ей легче дышалось: въ незаслоненное деревьями окно видно отсюда широко надъ усадьбою и полями звѣздное небо, вплоть до горизонта. Осеннее небо — высокое, застывшее и ясное. И звѣздъ на немъ какъ-то больше стало; чище и ярче лѣтняго горятъ онѣ: отчетливо бѣлѣетъ, какъ пескомъ посыпанный, Млечный Путь, вонъ изумрудомъ мигаетъ Сиріусъ, прямо въ глаза смотритъ ясный Арктуръ. Вонъ Сѣверный Вѣнецъ... Хмаровъ часто показывалъ имъ съ Машею разныя созвѣздія, когда они, бывало, ускользнутъ послѣ вечерняго чая во дворъ на четверть часика. Присядутъ на ступенькахъ подъѣзда, разговорятся потихоньку... Такъ, о пустякахъ, но какъ славно. Или вдругъ замолчатъ...

И воспоминанье за воспоминаньемъ уводятъ Фреду въ это чудное прошлое, съ его «утопіями»... Она забывалась мало по малу въ этомъ раздумьѣ, глядя подолгу въ звѣздныя пространства, незамѣтно охваченная ихъ величавою ясностью и

покоемъ. Такъ, бывало, отецъ ея, — неудачникъ, всю жизнь скоротавшій между мѣщаночкой-женою и кучею дѣтворы, вѣчно требовавшей отъ артиста обѣда, учебниковъ, сапогъ,—ухитрялся вырываться въ звукахъ на просторъ мысли и чувства. Теперь дочь Георга Нейсли жадно прислушивалась порою, среди хаотическихъ шумовъ и рѣжущихъ диссонансовъ жизни, къ далекимъ созвучьямъ заглушаемой ими музыки... Вѣдь есть же въ нихъ смыслъ и связь?.. Пускай покуда часть людей марьонетки, тѣшащіяся поддѣльными звѣздами; другая затерта пока еще «желѣзными законами» до состоянія полудикарей... Вѣдь сознано это! Вѣдь добивается уже человѣчество... хоть горсть его,—чтобы лучше, здоровѣе, справедливѣе жилось изъ поколѣнія въ поколѣніе. Чтобы шире могла развернуть крылья спеленутая мысль, чтобы честнѣе руководила ею совѣсть... Добивается, ищетъ... И дается же вѣдь нѣтъ-нѣтъ осколочекъ самоцвѣтнаго камня чистой воды тѣмъ въ руки, кто страстно ищетъ. Быть можетъ, даже бьющимся въ пустотѣ Фредамъ?!

Вдругъ... сорвется, черкнетъ по небу золотомъ и потухнетъ безъимянная звѣздочка. Вздрогнетъ дѣвушка и поникнетъ лбомъ на руки: сорвалась и ея мечта... Опять тяжесть, ноющая боль въ груди... какъ зубъ болитъ. Гейневская «зубная боль въ сердцѣ»... «Это скверная боль, сударыня, и ей отлично помогаетъ свинецъ, приправленный порошкомъ Бертольда Шварца»...

Опять фразы! На все-то у нея однѣ фразы!.. Ахъ, тоска, тоска!

XVIII.

Какъ-то вечеромъ Фреда, еще одна въ столовой, заваривала чай, когда неожиданно вошелъ Хмаровъ и, не здороваясь, сказалъ ей отрывисто:

— Мнѣ нужно поговорить съ вами. Я уѣзжаю на дняхъ. Совсѣмъ.

Онъ видѣлъ, какъ вспыхнуло на мгновеніе лицо дѣвушки и потомъ поблѣднѣло до прозрачности, какъ растерянно мигнулъ ея взглядъ. Но тотчасъ, овладѣвъ собою, она отвѣтила просто:

— Зачѣмъ же дѣло стало? Садитесь, поговоримъ.

— Здѣсь неудобно. Приходите завтра поутру... часу въ восьмомъ въ кленовый кругъ. Знаете, подъ горою. Погуляемъ, стариной тряхнемъ...

Фреду взяло за сердце то, какъ болѣзненно дернулся его ротъ отъ неудавшейся улыбки на послѣднихъ словахъ. Отвѣтить она не успѣла,—вошла Софья Глѣбовна и выразительно взглянула на парочку у стола. У Фреды предательски горѣли

щеки и уши. Хмаровъ наскоро проглотилъ стаканъ чаю и сказалъ, уходя:

— Такъ, до свиданья.

Софья Глѣбовна радостно насторожилась. Наконецъ-то! Ей, какъ кладъ, не давалось до сихъ поръ накрыть «свиданіе» влюбленныхъ, которые, что-что, а ужъ обмѣняться поцѣлуемъ гдѣ нибудь въ паркѣ, разумѣется, не утерпятъ. Время уходитъ, давно бы пора открыть глаза Анатолю на его кабинетную идиллію. Словамъ онъ не повѣритъ,—пускай увидитъ самъ. Конечно, онъ разволнуется на первыхъ порахъ, но потомъ впадетъ въ мрачность и апатію, а, слѣдовательно, легче подчинится материнской волѣ.

Но Ульяна напрасно прокараулила всю ночь. Утромъ же, когда ее позвали къ Софьѣ Глѣбовнѣ, Фреда, не думая прятаться, вышла черезъ дѣвичье крыльцо и калитку въ садъ.

Дѣвушка шла медленно, задумавшись. Подъ ногами шуршали опавшіе листья; кое-гдѣ по нимъ, точно битое стекло, блестѣла вода на солнцѣ. Но солнце все пряталось. День стоялъ сѣренькій, перемѣнчивый; минутами совсѣмъ нависалъ дождь. Въ мягкомъ, сыромъ воздухѣ сильно пахло вялымъ листомъ, какъ-то подбодряя нервы Фредѣ, послѣ мучительныхъ колебаній всетаки рѣшившейся идти. Надо, такъ надо! Взять на себя, пройти черезъ этотъ трудный часъ жизни, оборвать сразу все не выясненное между ними, смутно бередящее надежду... А потомъ онъ уѣдетъ. Навсегда! Фреда стискивала зубы отъ боли и всетаки шла. А если она не выдержитъ? Если у него прорвется слово любви, которое она оттолкнуть не сможетъ?..

Она остановилась у спуска. Подъ горою слабо шелестѣли деревья нижняго парка, сильно тронутыя уже желтымъ, краснымъ, бурымъ всѣхъ оттѣнковъ. По небу надъ ними неслись безпорядочно тучи, то нахмуриваясь, то пропуская волну матоваго солнечнаго свѣта, которая быстро катилась, догоняемая тѣнью, по долинѣ и полямъ, къ горизонту. Вотъ прорвался лучъ поярче, мазнулъ широкою полосою палевыя и розовыя верхушки молодыхъ кленовъ, почти подъ ногами Фреды. Тамъ ждетъ Хмаровъ.

Дѣвушка вошла въ аллею, круто спускавшуюся внизъ; вошла медленно, понурившись, время отъ времени проводя рукою по лицу: для того ли, чтобъ смахнуть цѣплявшуюся съ вѣтокъ паутину, или сгоняя прочь путающіяся, малодушныя мысли?..

Хмаровъ уже давно ждалъ ее, измученный и злой. Онъ не спалъ почти всю ночь; у него въ глазахъ рябило отъ желтаго свѣта и пестрой мозаики желтыхъ листьевъ на землѣ, здѣсь, въ кленахъ. Онъ увидалъ Фреду издали въ аллеѣ. Она шла,

глядя себѣ подъ ноги; вѣтеръ слегка шевелилъ легкія бѣлокурыя пряди на лбу и вискахъ; блѣдный овалъ лица прятался подбородкомъ въ пуховый платокъ, въ который она зябко куталась. И когда Хмаровъ разсмотрѣлъ по новому обрѣзавшіяся, одухотворенныя страданьемъ черты ея, всю эту подавленную, черезъ силу, казалось, спускающуюся къ нему съ горки Фреду, онъ рванулся къ ней навстрѣчу. Спросить ее, все высказать ей сразу, прямо, по хмаровски, и унести ее прочь отъ всего этого страданья и униженія... Фреда вздрогнула, остановилась и подняла на него спокойный, слегка только затуманенный взглядъ.

— Что случилось, Викторъ Даниловичъ? Надѣюсь, ничего дурного съ Машей? Вы звали меня переговорить. О чемъ?

— Ужъ будто вы и не догадываетесь?!—вырвалось у него съ раздраженіемъ. Но Фреда шла дальше; только кровь слабо разлилась подъ нѣжною кожей, да еще плотнѣе запахнула она платокъ на груди.

— Догадываюсь,—говорила она, роняя спѣшныя, коротенькія фразы.—Опять будете нападать на меня — за то, что я «кочкою сижу», не ищу лучшаго. Нѣтъ, не будемъ говорить объ этомъ. Безполезно. Право же не вижу я шансовъ на удачу. При моей безхарактерности, моей избалованности...

— Больно ужъ вы дальнозорки и опасливы, миссъ Фреда. Что-жъ, намѣреваетесь прокисать здѣсь до безконечности?—онъ упрямо уставился ей въ лицо и взглядомъ требовалъ отвѣта на то, чего спросить, всетаки, не хватало духу.

— Ничего я не намѣреваюсь,—вспыхнула было Фреда, но тотчасъ удержалась, почувствовавъ, что ссора всего легче выдастъ ее, и кротко спросила:

— Отчего вы такъ вдругъ собрались уѣзжать, Викторъ Даниловичъ? Мѣсто хорошее нашли?

Онъ хрустнулъ пальцами и спросилъ, какъ эхо, ея-же, «милымъ»—ненавистнымъ ему тономъ:

— А вы закажете себѣ къ зимѣ новую шляпку, миссъ Фреда?

Дѣвушка оглянулась на него удивленно, съ упрекомъ; а его пуще взяло зло на нее и на самаго себя: какъ таки позволять ей до такой степени вертѣть собою!

— Зачѣмъ вы такъ?—печально заговорила она.—Неужели же вы думаете, что для меня не важно... не хотѣлось бы... знать все про васъ и... про Машу? Вы вѣдь одни у меня друзья здѣсь... Да и не только здѣсь—во всемъ свѣтѣ.

— Анатолій Павловичъ тоже вѣдь нынче у васъ въ друзьяхъ состоитъ,—выпалилъ Хмаровъ и спугнулъ грустную задушевность послѣднихъ словъ Фреды.

— Анатолій Павловичъ очень добръ ко мнѣ, и я ему за это очень благодарна,—сухо отозвалась она.

— Что и требовалось доказать! И чудесно: благодарное заступничество, вызывающее въ пай-дѣвочкѣ святую благодарность... Вамъ ли роптать на судьбу, миссъ Фреда?!

Фреда гордо выпрямилась.

— Чтобы такъ разговаривать, не стоило приходить сюда,— сказала она рѣзко, со свѣтлыми, холодными глазами и, сдвинувъ брови, повернулась идти.

— Нѣтъ, стоило!—крикнулъ Хмаровъ, стискивая ей руку выше кисти и не пуская ее.—Стоило, потому что вы лѣзете, какъ дитя неразумное, чортъ знаетъ во-что! Вѣдь не любите же вы его въ самомъ дѣлѣ, вашего Анатолія Павловича?!

Въ этомъ восклицаніи Хмарова страстно прорвалось все накипѣвшее въ немъ за послѣдніе дни,—такое, отчего неудержимою радостью закружило всѣ мысли Фреды... Но въ тотъ же мигъ молніей сверкнуло въ нихъ сознаніе рокового значенія этой минуты: все, что будетъ дальше, зависитъ отъ нея... И Фреда нашла въ себѣ силу почти шопотомъ выговорить, отвернувшись;

— А можетъ и люблю...

Хмаровъ выпустилъ ея руку и отошелъ прочь.

У Фреды сильными ударами билось сердце, «Разъ, два, три, четыре»,—зачѣмъ-то считала она ихъ. Въ окружающей тишинѣ съ легкимъ шелестомъ облетали большіе, лапчатые листья и, колыхаясь въ воздухѣ, медленно садились на землю. Хмаровъ стоялъ съ опущенною головою; завитки волосъ падали ему низко на лобъ, пальцы вздрагивали, нервно теребя бороду.

— Полно, Викторъ Даниловичъ, не будемъ ссориться на прощанье,—позвала его тихо, но уже вполнѣ овладѣвъ голосомъ, Фреда.—Когда вы уѣзжаете?

Онъ присѣлъ на другой конецъ скамьи, не глядя на дѣвушку. Она спрашивала еще что-то... кажется, про вѣсти о Машѣ, про адресъ. Онъ отвѣчалъ наобумъ. Все равно, говорить имъ было больше не о чемъ. Лучше уйти. Каждая секунда такого разговора и такого молчанія—вмѣстѣ и уже врозь—становилась нестерпимою... Фреда встала. Еще немного, и она слабѣетъ, не выдержитъ. Ноги точно въ землю уростаютъ. Хмаровъ взглянулъ ей снизу въ лицо, пристально, быстро и тоже всталъ:

— Ну, когда такъ,—до свиданья!

Фреду больно кольнуло то, что онъ, казалось, такъ просто и легко сказалъ это: точно ему ничего не стоитъ уйти, точно и не хочетъ онъ даже хоть на минуту еще ее удержать. Гордость помогла ей сдѣлать усиліе надъ собою, отчаянное, послѣднее и, протягивая ему руку, она только сказала...

— Скажите Машѣ, чтобъ она меня не бросала...—Голосъ у нея немного дрогнулъ. Хмаровъ удержалъ ея руку:

— Слушайте... Неужто же все хорошее, что у насъ было... Вотъ прогулки наши, бывало, разговоры... все это «такъ» только было? Со скуки? Какъ объ стѣну горохъ, такъ все оно объ вашу жизнь?—Онъ съ трудомъ выдавливалъ слово за словомъ.

Фреда подняла на него серьезный, искренній взглядъ— тѣ «хрустальные глаза», которымъ Хмаровъ не могъ не вѣрить.

— Нѣтъ! право же нѣтъ!—выговорила она. И, рѣшительно высвободивъ руку, скоро-скоро пошла прочь.

— Фреда!

Но она была уже на полу-горѣ. Только на мгновеніе остановилась... Нѣтъ! однимъ духомъ взобравшись на верхъ, она почти бѣгомъ уходила, не оборачиваясь.

Это свиданіе побудило Хмарова еще ускорить отъѣздъ, а Софью Глѣбовну съ Ульяною, «проворонившихъ» его, подвинуло на болѣе рѣшительныя мѣры. Въ тотъ же вечеръ Хмаровъ получилъ записку: «Мнѣ необходимо васъ видѣть. Приходите завтра къ 4-мъ часамъ въ старую трельяжную бесѣдку». Красивый англійскій почеркъ—кажется, Фрединъ... Шибко екнуло ретивое, но потомъ взяло сомнѣніе. Онъ нарочно пошелъ въ домъ даже къ завтраку,—съ Фредою ему не удалось слова сказать; но что-то въ ея обращеніи заставило доктора еще больше усумниться, чтобъ записка была отъ нея. Попробовалъ онъ навѣдаться въ кабинетѣ,—но «занятія» сегодня не состоялись. Софья Глѣбовна не отпускала отъ себя Фреду съ утра; Анатолю было объявлено, что накопилось много писемъ, требующихъ отвѣта: «А у меня глаза совсѣмъ отказываются служить, мой другъ».

Фреда до половины четвертаго писала подъ диктовку эти медоточивыя родственныя письма; потомъ у Софьи Глѣбовны пропало изъ лорнета стеклышко. Искали въ комнатахъ, на террасѣ; наконецъ, Софья Глѣбовна сказала Фредѣ:

— Пожалуйста, миссъ Фреда, сходите поискать, не обронила ли я его въ трельяжной бесѣдкѣ сегодня утромъ? Еще затеряется въ травѣ.—А сама, отправляясь въ тунель «дѣлать моціонъ», велѣла Семену попросить къ ней Анатолія Павловича.

Трельяжная бесѣдка была въ двухъ шагахъ отъ дома, но совсѣмъ уединенный заросшій уголокъ. Сюда рѣдко кто заглядывалъ; земля и дерновыя скамьи заросли бурьяномъ, дикій виноградъ на свободѣ цѣлыми полотнищами бурыхъ, темнозеленыхъ и красныхъ листьевъ перекидывался черезъ верхъ трельяжей, опутывалъ сосѣдніе кусты и высоко всползалъ по

ближайшимъ деревьямъ; всегда здѣсь чирикала какая-нибудь птица, любопытный глазъ ящерицы выглядывалъ изъ травы; теперь здѣсь славно пригрѣвало осеннее солнце. Фреда присѣла и, облокотившись на край растрескавшагося стола, прилегла лбомъ на руки.

Она устала, устала! Двое сутокъ, во снѣ и на яву все въ кошмарѣ разговора своего съ Хмаровымъ; а тутъ еще съ часу на часъ обостряется придирчивость Софьи Глѣбовны и неопредѣленное, но подчеркнутое ухаживаніе ея сына... Между этихъ двухъ огней надо искусно лавировать, а она до того ужъ домучилась, что способна только плакать по всякому поводу. Расплакалась и безъ всякаго повода, какъ только присѣла одна въ бесѣдкѣ.

Велико было ея изумленіе, когда, поднявъ голову на шумъ торопливыхъ шаговъ, она увидала въ рамкѣ входа блѣдное, возбужденное лицо Анатолія Павловича, съ пристальнымъ, почти злымъ выраженіемъ въ прищуренныхъ отъ солнца глазахъ. Правда, взглядъ этотъ только мелькнулъ передъ нею,—съ тревогою, ласкою заглядывалъ онъ ей уже въ глаза.

— Что съ вами, Фреда?—говорилъ Анатолій Павловичъ, все еще слегка задыхаясь отъ сердцебіенія.—Вы плачете? Васъ обидѣли? Господи, да что же это все такое?!

Отчаяніе этого возгласа окончательно смутило Фреду.

— Что случилось, Анатолій Павловичъ? У васъ такой разстроенный видъ?

Онъ безпокойно оглянулся.

— Не знаю. Я ничего не понимаю. Одно только: вы не должны плакать. Скорѣе, скорѣе скажите, что сдѣлать, чтобы вы не плакали. Что съ вами?—и онъ сжималъ ей руки до боли.

Дѣвушка отстранилась и вытерла глаза.

— Увѣряю васъ, Анатолій Павловичъ, ничего особеннаго,—отвѣтила она съ досадою.

— Нѣтъ, Фреда, нѣтъ! Скажите мнѣ, какъ другу, какъ брату, о чемъ вы плакали?

Это вышло у него такъ сердечно, что Фредѣ самой вдругъ захотѣлось высказать ему всю правду, какъ доброму, старшему брату:—пускай хоть пожалѣетъ... Но въ глазахъ Одобарова, пока она собирала мысли, мелькнуло опять то выпытывающее выраженіе, съ которымъ онъ пришелъ... и дѣвушка проговорила только, пожавъ плечами:

— Право же, ничего особеннаго. Я пришла сюда поискать стекло изъ лорнета Софьи Глѣбовны; присѣла и раздумалась... У меня достаточно печальнаго въ жизни, чтобы иногда не всплакнуть... Пора, однако, домой, Анатолій Павловичъ. Опоздаемъ къ обѣду.

— Нѣтъ, постойте, одно слово еще! Вы видите, я взвол-

нованъ... и не безъ причины... Вы можете, конечно, не отвѣтить мнѣ, но, ради Бога... скажите правду... Фреда, вы любите?..

Фреда вспыхнула, румянецъ разлился ей на уши и шею. Но тотчасъ же, гордо откинувъ головку, она отвѣтила только ироническимъ вопросомъ:

— Кого же мнѣ любить?

Потомъ ушла, минуя главную аллею, гдѣ вдали показалась Софья Глѣбовна. Одобаровъ же прямо помчался на мать.

— Ну что?! Не говорилъ я! Все вздоръ, сплетни!

— Вашъ докторъ осторожный человѣкъ и предпочитаетъ ночь дню — вотъ и все,—презрительно отозвалась та. — Но эта дѣвчонка не стѣсняется. Посылать такія записки открытыми... Это цинизмъ! Вся дворня возмущена!

— Вы видѣли эту записку, maman?

— Не доставало! Ты изумляешь меня, Анатоль! Поди, спроси ее у твоего семинариста, si cela vous tient tant au coeur *), что изъ за какой-то дѣвки ты смѣешь мнѣ...

— Я никому, даже вамъ, не позволю говорить о ней такъ! Не допущу я, чтобы въ моемъ домѣ повторилась исторія m-lle Jeanne. Слышите! Наконецъ, не дочь она вамъ и не внучка, чтобы вы могли требовать отъ нея отчета въ каждомъ ея шагѣ...

— Насколько мнѣ извѣстно, этотъ домъ *мой*,—отчеканивая слова, оборвала его мать, — и разврата въ немъ я не допущу. Etvous, mon fils, вы тоже, полагаю, не братъ и не мужъ ей, чтобы такъ вступаться за эту... Довольно! Очень жалѣю, что впутала тебя въ эту дрянную исторію. Тебѣ такъ вредно волноваться. Иди, успокойся!

— Я не уйду, покуда вы мнѣ не пообѣщаете оставить Фреду въ покоѣ, а мерзкимъ вашимъ сплетницамъ не велите проглотить языкъ. Не могу я допустить, чтобы у меня на глазахъ оскорбляли ни въ чемъ не повинную дѣвушку. Да и вы тоже, maman, надѣюсь?.. — кончилъ онъ тѣмъ мягкимъ, умоляющимъ взглядомъ, какимъ, бывало, юноша Анатоль смотрѣлъ въ глаза распекавшей его матери.

— Полагаю, твоя мать не торговка и не фурія, чтобы, основываясь на однѣхъ сплетняхъ, начать преслѣдовать невинное существо. Увидимъ, кто изъ насъ правъ. А теперь ступай. Прилягъ до обѣда и положи компрессъ на голову. Смотри, какіе у тебя красные глаза и какъ ты дышешь...

И Анатоль ушелъ успокаиваться. Но онъ давалъ себѣ слово заступится за Фреду, милую, несчастную... Нѣтъ, не дастъ онъ ее въ обиду! Сегодня же вечеромъ позоветъ онъ

*) Если ты принимаешь это близко къ сердцу.

ее къ себѣ заниматься и предупредить ее насчетъ темной интриги, которой ее хотятъ оплести. Вмѣстѣ они обсудятъ, какія принять мѣры.

Но и вечеромъ Софья Глѣбовна Фреду въ кабинетъ не пустила: ей вдругъ понадобилось пересмотрѣть зимнія вещи, чтобы отобрать тѣ изъ нихъ, которыя требуютъ передѣлки. Напрасно Анатолій Павловичъ расхаживалъ по залѣ и двадцать разъ заглядывалъ въ будуаръ, гдѣ по столамъ и кресламъ были раскинуты платья, манто, мѣха. Фреда, какъ автоматъ, развертывала и складывала ихъ, подъ ядовитое брюзжанье Софьи Глѣбовны, вполнѣ, впрочемъ, заслуженное,—до того она была вяла и невнимательна. Только что передъ тѣмъ, Хмарову удалось спросить ее про записку. Она успѣла ему отвѣтить, что не писала. Какая еще записка?—Боже мой? И безъ того ужъ она перестаетъ понимать... Свиданіе въ кленахъ, кажется, еще больше запутало и натянуло ихъ отношенія... Дѣвушка напрасно силилась уяснить себѣ: какой онъ теперь съ нею? То Хмаровъ казался ей озлобленнымъ, презрительно игнорирующимъ ее, то сердце у нея надрывалось, чувствуя на себѣ его потускнѣвшій, несчастный взглядъ, противъ воли выдававшій его...

А на слѣдующій день Анатолій Павловичъ сообщилъ за завтракомъ, что докторъ поторопился уѣхать, вызванный какой-то депешей... «Что? Струсилъ, убѣжалъ!»—выразительно говорилъ взглядъ Софьи Глѣбовны сыну; потомъ она обернулась къ похолодѣвшей при этомъ извѣстіи Фредѣ и, безцеремонно разглядывая ее въ лорнетъ, воскликнула иронически:

— Да кто же наваливаетъ столько горчицы въ эту подливку, ma chère! Что съ вами? Съ нѣкоторыхъ поръ вы невѣроятно разсѣяны...

Фреда остановила на полъ-дорогѣ еще ложку горчицы— она въ самомъ дѣлѣ поусердствовала и принуждена была сызнова заправлять салатъ.

Послѣ завтрака maman прошла въ кабинетъ къ Анатолю и безапелляціонно объявила ему, что считаетъ дальнѣйшія занятія Фреды у него неумѣстными: самъ же онъ заботится о добромъ имени дѣвушки и не долженъ компрометировать ее передъ прислугою, запираясь съ нею часами вдвоемъ. Ужъ и то Богъ знаетъ, что разсказываютъ!..

Вспышку его негодованія она пропустила мимо ушей. Слишкомъ подогрѣвать событія Софья Глѣбовна, впрочемъ, раздумала, опасаясь со стороны сына какого-нибудь coup-de-tête въ Одобаровскомъ духѣ. Его надо брать дрязгами, устало-

стью. Да и торопиться особенно некуда: сватовство раньше весны едва ли сладится, изъ-за чего же ей съ этихъ поръ лишать себя услугъ ловкой Фреды? Чѣмъ можетъ быть опасна эта дѣвченка Анатолю, еслибъ даже между ними что и было?.. Софья Глѣбовна принадлежала къ числу матерей, считающихъ, что даже лучше, когда сыновья имѣютъ извѣстнаго рода развлеченія дома... Все на глазахъ.

Тѣмъ не менѣе она была сильно не въ духѣ.

Одобаровъ же, видя, что мать никакихъ враждебныхъ дѣйствій противъ Фреды не предпринимаетъ, нѣсколько успокоился и рѣшилъ, до поры до времени, не смущать дѣвушку предостереженіями: она и безъ того такая вонъ блѣдненькая, унылая, разсѣянная. Даже скрыть не можетъ.

Фреду дѣйствительно сразилъ внезапный отъѣздъ Хмарова, безъ добраго слова ей на прощанье. И эта ужасная пустота безъ него! Вечеръ ползетъ, ползетъ, конца ему нѣтъ. Анатолій Павловичъ, какъ часовой, шагаетъ черезъ кабинетъ, столовую и переднюю. Подъ огромнымъ зонтомъ кружевного абажура Софья Глѣбовна раскладываетъ свой пасьянсъ; Лариса то бродитъ по комнатамъ, безцѣльно трогая бездѣлушки, то подсядетъ къ роялю, сыграетъ два-три такта вальса; то бросится въ качалку, фальшиво напѣвая: «Сердце жаждетъ наслажденья». Эти звуки въ тишинѣ подъ высокими потолками заставляютъ вздрагивать... и опять уже автоматически движущаяся рука, перекладывая карты, точно производитъ какое-то заклинаніе, водворяющее мертвую скуку въ полу-освѣщенномъ, огромномъ домѣ. Фреда цѣпенѣетъ, точно на вѣкъ обреченная «прокисать» въ этомъ окоченѣвшемъ, дряхломъ Раздольѣ. Одна за одною гаснутъ и въ ней самой послѣднія искорки жизненности; только изрѣдка прохватываетъ ее какъ ознобъ желаніе: хоть бы ужъ заболѣть что ли!

Но ни болѣзнь, ни другое какое событіе не шли ей на выручку. День ото дня все, казалось, плотнѣе застывало вокругъ нея, сковывая ей мысли и волю. Только почта поднимала въ ней всякій разъ чисто физическую дрожь. Но ни отъ кого ни строки... И снова въ теченіе цѣлаго дня Фреда, съ пустою головой и тупо-ноющей въ сердцѣ «зубною болью», смѣняла занятія по приказанію. Спала она теперь даже много, но и во снѣ чувствовала все тотъ же гнетъ: что-то, съ чѣмъ не хотѣлось просыпаться, съ чѣмъ засыпать было пыткою.

Заглянувъ разъ въ гостиную, Одобаровъ увидалъ Фреду одну: Лариса слонялась гдѣ-то по дому, maman заперлась у себя съ управляющимъ. Фреда у столика передъ окномъ набивала папиросы. Анатолій Павловичъ быстро подошелъ къ ней, но остановился и молчалъ, растерявшись, какъ юноша. Фреда равнодушно на него оглянулась и продолжала свое дѣло.

— Наконецъ-то я могу спросить васъ...—заговорилъ онъ почти шопотомъ, тревожно озираясь на дверь будуара:—что съ вами? Отчего вы такая всю эту недѣлю? Неужели васъ до такой степени разстраиваютъ эти нелѣпыя сплетни?

— Какія сплетни? — Фреда остановилась на минуту растирать табакъ.

— Ахъ, конечно, все глупости... Но если не это, то что же съ вами? Вы больны?

— Нѣтъ. Отчего вы думаете?

— Отчего? Отчего? будто я не вижу! Будто я не слѣжу за каждымъ выраженіемъ вашимъ... хотя вы сразу отдалились отъ меня, замкнулись въ себѣ... Вы думаете, я не мучаюсь этимъ? Мнѣ Богъ знаетъ какія мысли приходятъ иногда въ голову...

Фреда молчала, опираясь лбомъ на руку и глядѣла въ окно, съ чувствомъ тупой усталости. Тамъ вѣтеръ мелъ дорожки и яростно трепалъ на трельяжахъ спутанные пласты дикаго винограда, кроваво-красные мѣстами, гдѣ ихъ пронизывало солнце.

— Вы, конечно, въ правѣ были недовѣрчиво отнестись ко мнѣ,—продолжалъ, все больше волнуясь, Одобаровъ.—Всѣ эти дни мнѣ точно дѣла до васъ нѣтъ. «Политика», что подѣлаешь! Ради вашего же блага. И если бы вы знали только, чего мнѣ самому стоила эта политика?! Что могли вы подумать?!

Фреда же, по правдѣ сказать, рада была, что въ послѣднее время Анатолій Павловичъ оставляетъ ее въ покоѣ; къ неровностямъ въ его обращеніи она давно привыкла и не придавала имъ никакого значенія.

— Нѣтъ, Фреда, я безпрерывно думаю о васъ, страдаю за васъ всею душою и... если бы въ моей власти было хоть чуточку облегчить вамъ жизнь... Порою мнѣ сдается, что я могъ бы... Приходятъ вѣдь иногда сумасбродныя мысли въ голову. Отчего же не высказать ихъ близкому человѣку? Вы не разсердитесь, вѣдь? Для этого мы слишкомъ добрые друзья. Не правда ли?

Дѣвушка съ отчаяніемъ чувствовала необходимость сейчасъ же оборвать этотъ странный разговоръ, грозившій вотъ-вотъ прямымъ вопросомъ.

— Но право же, Анатолій Павловичъ, я просто разстроена... Вотъ, Маша уѣхала... Вы знаете, какъ я привязалась къ ней... а она даже не пишетъ...

Одобаровъ чуть-чуть улыбнулся и замолчалъ: онъ понялъ, что она не хочетъ, чтобы онъ договорилъ, и всетаки договаривалъ взглядомъ, отъ котораго Фреда была не въ силахъ отвернуться; договаривалъ съ упрекомъ ей и большою печалью.

Этой покорной печали было столько въ его темныхъ глазахъ, совсѣмъ похожихъ на Машины въ эту минуту, что Фреда готова была бы сдѣлать все, лишь бы онъ не смотрѣлъ на нее такъ... Повинуясь заговорившему въ ней чувству вины передъ нимъ, острой жалости и вмѣстѣ благодарности за то, что онъ замолчалъ, дѣвушка охватила обѣими руками его руку, замѣтно вздрагивавшую на столѣ, и приникла къ ней лбомъ, тихонько вздрагивая сама, безъ слезъ, но съ чѣмъ то жгучимъ въ глазахъ и въ горлѣ. Анатолій Павловичъ осторожно дотронулся до ея волосъ и ушелъ, пробормотавъ:

— Успокойтесь, дорогая... Послѣ, послѣ...

Ушелъ, не замѣтивъ нѣмой пантомимы за своею спиной: Софья Глѣбовна, а за нею Доменикъ стояли въ дверяхъ будуара. Они, разумѣется, видѣли конецъ сцены. Софья Глѣбовна, величественнѣе чѣмъ когда, прослѣдовала мимо оторопѣвшей Фреды, не удостоивъ ее даже взглядомъ. Управляющій протрусилъ слѣдомъ, на цыпочкахъ, съ гаденькою улыбочкою изъ-подъ усовъ. Фредѣ показалось даже, что онъ подмигнулъ ей. Вся красная, она встала, потомъ опять сѣла. Но тутъ же, упрямо мотнувъ головою, подумала: «Тѣмъ лучше». Теперь, когда возможность уйти изъ Раздолья, вдругъ, стала необходимостью, дѣвушку точно живою водою обрызнули. Сразу почувствовала она самообладанье и рѣшимость порвать эту цѣпь зависимости; опять могла она думать и хотѣть, и не бояться... Вѣдь не крѣпостная же она въ самомъ дѣлѣ?.. Чего ей трусить?

Но заговорить набралась она храбрости только уже поздно вечеромъ. Софья Глѣбовна выслушала ее, не отнимая руки, которою по обыкновенію защищала себѣ глаза отъ свѣта лампы. Потомъ съ брезгливымъ жестомъ сказала:

— Уѣзжайте, пожалуйста... Хотя контрактъ вашъ кончается только черезъ годъ, въ ноябрѣ...

— Но я...—заикнулась было Фреда.

— Ужъ не воображаете ли вы, что я стану васъ удерживать?! Послѣ всего, что вы позволили себѣ въ домѣ, гдѣ безстыдное поведеніе, подобное вашему, не принято терпѣть даже среди горничныхъ!...

И на Фреду хлынулъ потокъ обвиненій, вплоть до циничной догадки, что ей *необходимо* уѣхать... Дѣвушка стояла ошеломленная, какъ человѣкъ, котораго неожиданно окатили ушатомъ помоевъ. Даже потомъ, когда она съ омерзеніемъ припоминала эту грубую сцену, она не могла возстановить ее цѣликомъ. Вспоминались только отдѣльныя фразы, русскія и французскія, которыя Софья Глѣбовна выкрикивала уже безъ всякой риторики и декламаціи, взбѣшен-

ная дерзостью этой дѣвчонки, осмѣливающейся въ довершеніе всего lui tenir tête *), ей, Софьѣ Глѣбовнѣ Одобаровой!!..

И, вдругъ, между ними двумя очутился Анатолій Павловичъ. Прибѣжавъ на крики, онъ, за мгновеніе у дверей гостиной, наслушался такихъ мерзостей, что подлетѣлъ къ матери съ горящими глазами, блѣдный и дѣйствительно «импонирующій».

— Maman,—проговорилъ онъ, повидимому, спокойно, но очень вѣско.—Maman, вы замѣтили мнѣ какъ-то, что я не братъ и не мужъ Фридерикѣ Георгіевнѣ, чтобы вступаться за нее... Я долженъ предупредить васъ, что съ сегодняшняго утра отъ нея одной зависитъ... дать мнѣ право защитить ее,—какъ мою *невѣсту*... Вы разстроены, Фреда; пойдите, отдохните... Я увѣренъ, что и maman, успокоившись, сознаетъ, какъ не права она передъ вами. Ее враждебно настроили всѣ эти дикія сплетни, добавилъ онъ, легонько отодвигая Фреду къ дверямъ. Проводивъ ее черезъ залъ, онъ вернулся къ матери со стаканомъ воды. Но, близкая къ обмороку, Софья Глѣбовна замахала на него руками и прохрипѣла:

— Прочь, прочь! Ульяшу! Dieu le misericorde!

Скоро, впрочемъ, она одумалась и не только не кричала больше «прочь!», но не отпускала сына отъ одра своихъ страданій. Только въ третьемъ часу ночи вырвался Анатолій Павловичъ на минуту къ Фредѣ. Онъ предложилъ дѣвушкѣ, во избѣжаніе дальнѣйшихъ непріятностей, завтра-же уѣхать въ ближайшій уѣздный городъ, куда самъ онъ пріѣдетъ къ ней надняхъ, чтобы сообща обсудить дальнѣйшій планъ дѣйствій. Тогда же, обдумавъ хорошенько на свободѣ все, дастъ Фреда ему и отвѣтъ, возможно ли то, что онъ ей сказалъ при матери... что давно уже хотѣлъ сказать ей—и не осмѣливался...

— Нѣтъ, нѣтъ, Фреда! Сейчасъ ни слова объ этомъ!—энергично перебилъ онъ дѣвушку, пытавшуюся возразить.—Подумайте и рѣшите, какъ для *васъ* лучше...... Главное для васъ... А я!...—Онъ махнулъ рукою.

Потомъ рѣшительно, какъ все, что дѣлалъ въ эти часы взвинченнаго настроенія, поцѣловалъ ей руку и побѣжалъ распоряжаться, ухаживать за maman, писать рекомендательныя письма для Фреды.

Фреда уѣзжала рано. Вотъ скрылся за изгородью подъѣздъ, на нижней ступенькѣ котораго остался провожавшій ее Анатолій Павловичъ, скрылись любопытныя лица въ окнахъ, постройки ныряютъ другъ за друга и за прозрачныя деревья. Давно не знала Фреда такого облегчающаго грудь вздоха, какъ тотъ, которымъ она втягивала теперь холодноватый воздухъ погожаго, осенняго утра, чуть-чуть еще туманный, съ запахомъ

*) Пойти на перекоръ.

дымка. Роса бисеромъ унизываетъ траву, блѣдно-голубое небо, блѣдно-голубая вода, обнаженная отъ камышей; порыжѣвшая листва придорожныхъ вербъ вздрагиваетъ, вся влажная, подъ первымъ солнечнымъ лучомъ. Легкіе контуры, прозрачность, мягкіе тоны на всемъ... Фреда дышала съ наслажденіемъ, и съ нея сбѣгала тяжесть пережитыхъ здѣсь горестей и обидъ, точно и ихъ прогоняло солнце, вмѣстѣ съ сыростью и холодомъ осенней ночи въ сизую, курящуюся туманами даль. Вонъ, почти уже въ этой дали виднѣется одобаровская усадьба: бѣлѣетъ ограда; надъ паркомъ, среди тополей блеснула желѣзная крыша мезонина.

Коляска четверкою быстро увозитъ ее прочь отъ всего этого; въ жизнь, на свободу... Скорѣе, скорѣе бы только!

Но развѣ одно дурное осталось тамъ, позади? Развѣ той же Фредою уѣзжаетъ она, какой пріѣхала сюда дождливымъ ноябрьскимъ вечеромъ въ прошломъ году? И теплое чувство къ этому дому, этому парку шевельнуло нѣжность и грусть въ душѣ Фреды. Вѣдь было тутъ и такое, чего жаль, чему не повториться въ ея жизни... быть можетъ никогда больше...

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Двѣ пѣсни.

Я полями иду на чужой сторонѣ;
Ярко звѣзды горятъ въ голубой вышинѣ;
Вотъ въ душистыхъ садахъ, у широкой рѣки
Замигали одинъ за другимъ огоньки...
Кто-то тихо плыветъ
По уснувшей рѣкѣ,
Громко пѣсню поетъ
На чужомъ языкѣ...
Я полями иду, и томительно мнѣ,
И тоскуетъ душа на чужой сторонѣ...
Но когда присмотрюсь: тотъ же сводъ надо мной,
Что на родинѣ блещетъ вечерней красой,
Тѣ же звѣзды горятъ въ вышинѣ
На чужой сторонѣ...

А какъ вслушаюсь въ пѣсню, что льется волной
За зеленымъ холмомъ надъ зеркальной рѣкой—
Много звуковъ знакомыхъ услышу я въ ней,
Много звуковъ изъ пѣсенъ родимыхъ степей:
Такъ же льются они, такъ же страстью дрожатъ
И печали полны, о любви говорятъ;
И смущенной душой
Слышу я вдалекѣ
Сердцу звукъ дорогой
На чужомъ языкѣ...
Я иду и мечтаю во мракѣ ночномъ:
«Тѣ же звѣзды вверху, тѣ же люди кругомъ...
«Ихъ огни вдалекѣ и манятъ, и зовутъ...
«Такъ же любятъ они, такъ же пѣсни поютъ...
«Этимъ людямъ чужимъ въ незнакомомъ краю
«Я привѣтную пѣсню спою».

Я полями иду къ задремавшей рѣкѣ,
Громко пѣсню пою на родномъ языкѣ—
Страстно льется она и тоскою звучитъ,
И отчизной полна, о любви говоритъ,
Я пою... и умолкъ на рѣкѣ за холмомъ
Одинокій пѣвецъ и не плещетъ весломъ,
И смущенной душой
Слышитъ онъ вдалекѣ
Сердцу звукъ дорогой
На чужомъ языкѣ.

Юрій Свѣтогоръ.

Камера соглашенія и третейскаго суда желѣзодѣлательной промышленности Сѣверной Англіи.

(*Окончаніе*).

Въ своемъ первомъ третейскомъ судѣ въ 1884 году D-r Spence Watson указываетъ, что его незнакомство съ подробностями дѣла „можетъ по временамъ обусловливать нѣкоторую медленность процедуры, такъ какъ ему потребуется объясненіе техническихъ терминовъ“ *). Напротивъ, въ 1885 году, будучи третейскимъ судьей въ четвертый разъ, тотъ же д-ръ Watson заявляетъ, что, послѣ нѣкотораго колебанія, онъ не счелъ себя въ правѣ отказаться отъ приглашенія, такъ какъ сознавалъ, что „прежніе третейскіе суды дали ему извѣстное знакомство съ исторіей заработной платы въ промышленности, и что болѣе удобно имѣть третейскимъ судьей человѣка, уже совершавшаго ранѣе эту работу, чѣмъ обратиться къ новому лицу“ **).

Не смотря ни на громадную важность вопросовъ, отдаваемыхъ на рѣшеніе третейскаго суда, ни на посредственную личную заинтересованность членовъ камеры въ этомъ рѣшеніи, ни наконецъ на то, что вся процедура суда имѣетъ рѣзко выраженный характеръ спора, въ которомъ каждая сторона напрягаетъ всѣ усилія, чтобы одержать побѣду надъ противникомъ, — не смотря на все это, обсужденіе вопросовъ передъ третейскими судьями велось въ желѣзодѣлательной промышленности, почти безъ исключенія, въ совершенно вѣжливомъ *тонѣ*. Объ этомъ неоднократно свидѣтельствуютъ сами третейскіе судьи. Такъ, напримѣръ, д-ръ Спенсъ Уатсонъ замѣчаетъ въ апрѣлѣ 1884 года: „Мнѣ приходилось присутствовать въ жизни при многихъ жаркихъ спорахъ, когда дебатируемые вопросы далеко не имѣли такого непосредственнаго значенія для споривших; и тотъ фактъ, что возможно обсуждать подобные вопросы съ такимъ спокойствіемъ и терпимостью, поистинѣ, очень отраденъ ***). „Я радъ,—говоритъ тотъ же знаменитый арбитрэторъ въ 1888 году,—что третейскій судъ прошелъ съ такою гармоніей. Мнѣ чрезвычайно пріятно видѣть лю

*) Price l. c. стр. 51.

**) Arbitrat. Proceed. 1885 г. октябрь, стр. 3.

***) Price l. c., стр. 46.

дей, смотрящихъ на дѣло съ весьма различныхъ точекъ зрѣнія и всетаки столь вѣжливыхъ..., какъ участники этого третейскаго суда“ *).

Другой третейскій судья—Sir Joseph Pease (Пизъ) поздравляетъ обѣ стороны съ тѣмъ, какъ велось обсужденіе, въ теченіе котораго не было сказано „ни одного раздражающаго слова“ **).

Послѣ окончанія засѣданій суда роль представителей сторонъ оканчивается, и арбитрэторъ одинъ въ тиши своего кабинета приступаетъ къ обдумыванію и рѣшенію вопроса на основаніи того матеріала, который доставили ему пренія.

Какъ велика та масса умственной работы, которая выпадаетъ при этомъ на долю третейскаго судьи, добросовѣстно относящагося къ возложенной на него обязанности, можно видѣть хотя бы изъ того любопытнаго факта, что, при своемъ первомъ третейскомъ судѣ въ желѣзодѣлательной промышленности, Спенсъ Уатсонъ, по его собственнымъ словамъ, употребилъ на обдумываніе и рѣшеніе вопроса 12 вечеровъ, по шести часовъ въ каждый, т. е. всего 72 часа напряженнѣйшей умственной работы.

И всю эту массу тяжелаго и нравственно отвѣтственнаго труда арбитрэторъ совершаетъ обыкновенно даромъ, не получая за него ни одного пенса вознагражденія. Такъ, тотъ же докторъ Уатсонъ въ теченіе своей жизни исполнялъ обязанности третейскаго судьи въ различныхъ отрасляхъ промышленности четырехъ сѣверныхъ графствъ болѣе 50 разъ, изъ которыхъ 47 приходится на періодъ между 1884 и 1894 годами, составляя въ среднемъ почти по 5 третейскихъ судовъ ежегодно... „Изъ 50 третейскихъ судовъ, въ которыхъ я былъ судьей“,—говоритъ Уатсонъ въ 1894 году, „я только трижды получилъ какое бы то ни было вознагражденіе: разъ—только желѣзнодорожные расходы, разъ—небольшой гонораръ и разъ—болѣе значительную плату, когда работа, на самомъ дѣлѣ, потребовала нѣсколькихъ недѣль. Быть можетъ, иные подумаютъ, что выгодно быть арбитрэторомъ, но, тѣмъ не менѣе, остается фактомъ, что я исполнялъ эту обязанность 47 разъ безъ всякаго вознагражденія... Это конечно стоило мнѣ громаднаго количества времени и труда, но я приверженецъ мира съ головы и до пятъ и готовъ пойти ради него на всякія жертвы“ ***).

Такъ говоритъ д-ръ Уатсонъ, а между тѣмъ онъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ ньюкастльскихъ адвокатовъ, заваленный массою профессіональной работы. Принимая во вниманіе все вышесказанное, нельзя не отдать дани удивленія тѣмъ высокоидеаль-

*) Arbitration Praceedings before R. Spence Watson стр. 12. Ноябрь 1888 г.

**) Price l. c., стр. 46.

***) Newcastle Leader Extra, стр. 17.

нымъ побужденіямъ, которыя одни могутъ объяснить его неизмѣнную отзывчивость на всѣ обращенныя къ нему просьбы быть третейскимъ судьей въ промышленныхъ спорахъ.

Вслѣдствіе большого количества умственной работы, требующейся для рѣшенія вопроса, рѣшеніе обыкновенно объявляется третейскимъ судьей не ранѣе, какъ черезъ недѣлю или двѣ послѣ засѣданія суда.

Въ вердиктѣ своемъ третейскій судья иногда кратко резюмируетъ тѣ аргументы, на которые обѣ стороны опирались въ своей защитѣ, но большею частью не указываетъ тѣхъ соображеній, которыя привели его лично къ данному рѣшенію. „Въ большинствѣ случаевъ",—говоритъ Спенсъ Уатсонъ,—„третейскій судья приходитъ къ заключенію послѣ столь продолжительнаго размышленія и взвѣшиванія аргументовъ и послѣ такого безконечнаго множества умственныхъ процессовъ, что было бы чрезвычайно трудно изложить въ краткой и удобопонятной формѣ тѣ соображенія, которыя привели его къ тѣмъ или инымъ заключеніямъ" *).

Познакомившись съ внѣшнею стороною третейскаго суда, взглянемъ теперь на то, что составляетъ его внутреннее содержаніе. Чѣмъ руководствуется третейскій судья, постановляя свое рѣшеніе? Существуютъ ли ясные, точно установленные *принципы*, которымъ онъ долженъ слѣдовать, подобные тѣмъ „правиламъ практики", которымъ неизмѣнно слѣдуетъ постоянный комитетъ при разрѣшеніи мѣстныхъ споровъ?

Вникая въ подробности прошлыхъ третейскихъ судовъ, можно, съ большимъ или меньшимъ вѣроятіемъ, судить о тѣхъ соображеніяхъ, которыми руководствовались третейскіе судьи въ тѣхъ или иныхъ отдѣльныхъ рѣшеніяхъ. Въ силу того традиціоннаго характера, которымъ отличается вся дѣятельность камеры, принципы, положенные въ основу прошлыхъ вердиктовъ, становятся прецедентами для будущихъ рѣшеній. Но прецеденты эти оставляютъ широкій просторъ для субъективныхъ взглядовъ третейскаго судьи. Арбитрэторъ, правда, не можетъ, не возбуждая ропота, игнорировать ихъ совершенно, но, съ другой стороны, онъ даже долженъ остерегаться ихъ шаблоннаго примѣненія уже по одному тому, что исторія рѣдко повторяется стереотипно, что обстоятельства, при которыхъ приходится рѣшать дѣло сегодня, не могутъ быть въ точности сходны съ обстоятельствами прежнихъ рѣшеній. Но, независимо отъ этого, третейскій судья, свободный въ своемъ рѣшеніи, отвѣтственный за него только передъ своею совѣстью, можетъ отнестись критически къ прошлымъ третейскимъ судамъ, можетъ найти неправильнымъ примѣ-

---

*) Newcastle Leader Extra, стр. 18.

неніе извѣстнаго принципа при данныхъ обстоятельствахъ и соотвѣтственно измѣнить свое рѣшеніе.

Итакъ, извѣстные руководящіе принципы для рѣшеній третейскихъ судей по вопросамъ объ общихъ измѣненіяхъ заработной платы несомнѣнно существуютъ, но принципы эти глубоко отличны отъ тѣхъ „правилъ практики", которымъ слѣдуетъ въ своей дѣятельности постоянный комитетъ. Тамъ, при данныхъ обстоятельствахъ, примѣненіе извѣстнаго правила обязательно; здѣсь, до извѣстной степени, зависитъ отъ третейскаго судьи, положитъ ли онъ въ основу своего рѣшенія то или иное соображиніе, или, комбинируя разныя соображенія, дастъ перевѣсъ тому или другому. Цѣль тѣхъ продолжительныхъ преній, которыя стороны ведутъ передъ третейскимъ судьей, и заключается именно въ томъ, чтобы склонить его удѣлить въ будущемъ рѣшеніи возможно больше мѣста тому принципу, который, при данныхъ обстоятельствахъ, представляетъ наибольшія выгоды для данной стороны. Передъ постояннымъ комитетомъ такихъ принципіальныхъ споровъ быть не можетъ; тамъ все сводится къ установленію фактовъ: разъ факты установлены, рѣшеніе вытекаетъ само собою, представляя, по мѣткому сравненію Уэббъ, какъ бы ариөметическую задачу, для рѣшенія которой можно бы примѣнить не только живой человѣческій умъ, но и достаточно совершенную числительную машину *). Напротивъ, въ третейскихъ судахъ по общимъ вопросамъ всегда остается достаточно мѣста для субъективныхъ взглядовъ третейскаго судьи.

Обращаясь послѣ этихъ общихъ замѣчаній къ частному разсмотрѣнію отдѣльныхъ принциповъ, которыми фактически руководствовались въ своихъ рѣшеніяхъ третейскіе судьи желѣзодѣлательной промышленности, слѣдуетъ замѣтить, что область примѣненія этихъ принциповъ далеко не исчерпывается случаями разрѣшенія споровъ путемъ третейскаго суда; въ сущности, тѣ же самыя соображенія играютъ роль и при установленіи общаго уровня заработной платы путемъ соглашенія, но только въ этихъ послѣднихъ случаяхъ формулировка принциповъ въ аргументаціи сторонъ является менѣе ясною и строгою.

Главный, основной принципъ регулированія общаго уровня заработной платы, проходящій красною нитью черезъ всю исторію камеры, — *принципъ соотвѣтствія между заработною платою и среднею продажною цѣною желѣза.* Принципъ этотъ примѣнялся сознательно и послѣдовательно въ большинствѣ случаевъ третейскаго суда, и онъ же игралъ главную роль при установленіи заработной платы путемъ соглашенія. Вслѣдствіе этого, за все время существованія камеры наблюдается болѣе или ме-

---

*) Webb. l. c. стр. 183—4; ср. также Lotz, стр. 309; Labour Commission I. c. 15006—16.

нѣе полное соотвѣтствіе между продажною цѣною желѣза и заработною платою. Кривая линія, изображающая на діаграммѣ колебанія заработной платы, лишь изрѣдка уклоняется въ сколько-нибудь значительной степени отъ колебаній кривой, представляющей движеніе цѣнъ. Въ стенографическихъ протоколахъ третейскихъ судовъ представители обѣихъ сторонъ постоянно заявляютъ о своей вѣрности этому принципу, и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда примѣненіе его является явно невыгоднымъ для той или другой стороны, сторона эта обыкновенно не рѣшается отвергать его категорически, а требуетъ лишь его комбинаціи съ другими принципами. Наконецъ, свое наиболѣе полное осуществленіе, свое безусловное, исключительное признаніе этотъ принципъ находитъ въ „подвижныхъ скалахъ", которыя четыре раза регулировали заработную плату въ исторіи камеры и регулируютъ ее непрерывно съ 1889 года и до настоящаго времени *).

Простой самъ по себѣ, принципъ регулированія заработной платы соотвѣтственно цѣнѣ желѣза, представляетъ, однако, при своемъ примѣненіи на практикѣ немалыя трудности, заключающіяся, во-первыхъ, въ точномъ опредѣленіи средней продажной цѣны желѣза и во-вторыхъ, въ установленіи нормальнаго отношенія между этою цѣною и заработною платою.

Подъ *среднею продажною цѣною желѣза*, служащею основаніемъ для регулированія общаго уровня заработной платы, разумѣется не та рыночная цѣна, которая котируется на биржѣ въ день установленія платы, а *средняя фактурная цѣна всего готоваго желѣза, дѣйствительно проданнаго и отправленнаго покупателямъ всѣми фирмами, входящими въ составъ камеры, за извѣстный промежутокъ времени.*

Опредѣленіе этой средней цѣны, имѣющее первостепенное значеніе для дѣятельности камеры, обставлено спеціальными мѣрами предосторожности, обезпечивающими абсолютную точность и достовѣрность получаемыхъ цифръ. Въ общихъ чертахъ, способъ опредѣленія средней продажной цѣны желѣза заключается въ слѣдующемъ:

Всѣ участвующія въ камерѣ фирмы обязаны по истеченіи каждыхъ двухъ мѣсяцевъ доставлять „присяжному счетоводу" камеры **) — м-ру Уотергаузу (Waterhouse) въ Лондонѣ — точныя свѣдѣнія, какъ о количествѣ каждаго сорта желѣза ***), отправленнаго покупателямъ за истекшіе два мѣсяца, такъ и о вырученной за каждый сортъ суммѣ, причемъ эта сумма должна представлять чистую выручку (netto), за исключеніемъ стоимости

---

*) Price l. c., стр. 62—63, см. далѣе.

**) „Chartered accountant".

***) Въ вѣдомость, доставляемую Уотергаузу, включается каждый фунтъ желѣза, подходящій подъ понятіе „готоваго" желѣза. Изъ нея не исключаются ни самые высокіе, ни самые низкіе сорта.

фрахта и погрузки (въ Миддельсбро и Дарлингтонѣ желѣзо продается съ доставкою на бортъ), дисконта (въ случаяхъ продажи въ кредитъ) и коммиссіонныхъ расходовъ *).

По полученіи этихъ свѣдѣній, м-ръ Уотергаузъ или самъ отправляется на Сѣверъ Англіи, или командируетъ туда своихъ клерковъ. Всѣ фирмы посѣщаются, и доставленные ими отчеты свѣряются съ подлинными конторскими книгами **).

Покончивъ съ провѣркою и возвратившись въ Лондонъ, Уотергаузъ подводитъ итогъ полученныхъ и провѣренныхъ данныхъ ***) и посылаетъ по экземпляру этого итога обоимъ секретарямъ камеры ****).

Итогъ содержитъ въ себѣ количества и среднія цѣны желѣза, проданнаго всѣми фирмами, какъ по отдѣльнымъ сортамъ, такъ и во всей массѣ, и представляетъ слѣдующій видъ:

---

*) Каждая принадлежащая къ камерѣ фирма получаетъ отъ м-ра Уотергауза особую книгу, въ которую она обязана вносить подробности всѣхъ своихъ фактурныхъ отправленій. Въ первомъ столбцѣ этой книги показаны количества отправленнаго желѣза и суммы фактуръ. Второй столбецъ—для фрахта; въ немъ обозначается: куда желѣзо отправлено и стоимость доставки. Затѣмъ имѣется третій столбецъ для выясненія условій дисконта и четвертый—для коммиссіонныхъ расходовъ. На основаніи этой книги фирмы и опредѣляютъ, по истеченіи каждыхъ двухъ мѣсяцевъ, количество проданнаго желѣза каждаго сорта и полученную за него „чистую" выручку.

**) Для провѣрки полученныхъ данныхъ бухгалтеры прежде всего свѣряютъ ихъ съ вышеупомянутой книгой, изъ которой они непосредственно вычислены. Но этимъ провѣрка не ограничивается. Такъ какъ эта книга ведется со спеціальною цѣлью опредѣленія заработной платы, то заводчики могли бы, въ интересахъ пониженія послѣдней, занести въ нее невѣрныя данныя, напримѣръ, показать увеличенные расходы на фрахтъ... По этому Уотергаузъ или его клерки свѣряютъ на выдержку данныя этой книги съ основными конторскими книгами фирмы. Эти послѣднія ведутся всѣми фирмами въ образцовомъ порядкѣ и безпрепятственно предоставляются въ распоряженіе бухгалтеровъ.

По словамъ Уотергауза, при провѣркѣ свѣдѣній, сообщенныхъ фирмами, онъ чувствуетъ себя главнымъ образомъ представителемъ рабочихъ членовъ камеры. Поэтому, просматривая цифры вышеупомянутыхъ вычетовъ за фрахтъ, дисконтъ и коммиссіи, онъ старается убѣдиться, нѣтъ ли въ этихъ цифрахъ чего-нибудь лишняго, но не считаетъ нужнымъ заботиться о томъ, сдѣланы ли фирмою всѣ вычеты, на которые она имѣетъ право. „Какъ практическій человѣкъ", онъ предоставляетъ фирмамъ самимъ заботиться о своихъ интересахъ.

***) При подсчетѣ итоговъ вычисленіе поручается Уотергаузомъ двумъ клеркамъ, которые должны независимо другъ отъ друга придти къ одному и тому же результату. Этимъ устраняется возможность ошибокъ.

****) M-r Waterhouse's Explanation Report 1880 стр. 6—9; Schulze-Gaevernitz l. c. стр. 908—11.

Продажи въ теченіе 2 мѣсяцевъ, кончая 31 декабря 1897 г.

Сортъ.	Вѣсъ фактуръ. тонн.	центн.	кварт.	фунт.	% всего количества.	Средняя „netto" цѣна за тонну.
Рельсы	592	17	1	22	2,78	4 ф. ст. 14 ш. 8,46 п.
Листы	8,430	16	2	24	39,54	4 „ „ 19 „ 2,63 „
Балки (bars) . .	9,712	3	1	2	45,55	5 „ „ 6 „ 8,39 „
Угловое желѣзо .	2,585	15	0	4	12,13	5 „ „ 1 „ 2,85 „
Итого	21,321 т.	12 ц.	1 кв.	24 фунт.	100%	5 ф. ст. 2 ш. 8,96 п.*).

Послѣдняя цифра этой таблицы—5 фун. ст. 2 шилл. 8,96 п. и есть та средняя цѣна желѣза, которая служитъ базисомъ при регулированіи заработной платы.

Такія опредѣленія цѣны желѣза производятся для камеры непрерывно съ 1872 года; но первоначально цѣна вычислялась не за двухъ, а за трехмѣсячные періоды, и опредѣленія ея производились только четыре, а не шесть разъ въ годъ, какъ въ настоящее время. Переходъ къ двухмѣсячнымъ періодамъ былъ сдѣланъ въ 1883 году и обусловливался тѣмъ соображеніемъ, что во времена оживленія промышленныхъ дѣлъ, рабочіе, узнающіе изъ газетъ о повышеніи рыночной цѣны и ожидающіе, вслѣдствіе этого, повышенія платы, часто обнаруживаютъ сильное нетерпѣніе, и нетерпѣніе это, очевидно, становится тѣмъ сильнѣе, чѣмъ дольше имъ приходится ждать появленія отчета Уотергауза. Поэтому срокъ опредѣленія фактурной цѣны и былъ сокращенъ на одинъ мѣсяцъ **).

Но совершенно независимо отъ большаго или меньшаго промежутка времени, неизбѣжно протекающаго между измѣненіемъ рыночной цѣны и появленіемъ слѣдующаго отчета Уотергауза, отчетъ этотъ приноситъ иногда горькое разочарованіе нетерпѣливо ожидающимъ его рабочимъ. Дѣло въ томъ, что, при повышающейся констелляціи рынка, фактурныя цѣны нерѣдко сильно отстаютъ отъ рыночныхъ котировокъ, возбуждающихъ радостныя надежды рабочихъ. Это объясняется тѣмъ, что на фактурныя цѣны послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ вліяетъ выполненіе контрактовъ, заключенныхъ много ранѣе, иногда за шесть мѣсяцевъ, по гораздо болѣе низкимъ цѣнамъ. Поэтому, фактурная цѣна не можетъ повышаться такъ быстро, какъ порою повышаются рыночныя цѣны. Рабочіе не имѣютъ однако серьезнаго основанія жаловаться на отставаніе фактурныхъ цѣнъ отъ рыночныхъ, такъ какъ, при понижающейся конъюнктурѣ, то же самое обстоятельство проявляется въ обратномъ направленіи: фактурныя цѣны падаютъ менѣе быстро, чѣмъ рыночныя, и такимъ образомъ задерживаютъ паденіе заработной платы ***).

*) Jronworkers Journal 1898 г. февраль стр. 5.

**) Price l. c. стр. 68.

***) M-r Waterhous Explanation l. c. стр. 4, 10—11; Trow, Ironworkers Journal, 1894 г. декабрь стр. 2.

Къ этому вопросу о соотношеніи между фактурными и рыночными цѣнами мы надѣемся еще вернуться впослѣдствіи, при критическомъ разсмотрѣніи различныхъ способовъ регулированія заработной платы; тогда мы постараемся показать, почему только фактурныя, а никакъ не рыночныя цѣны, могутъ служить надежнымъ основаніемъ для установленія заработной платы.

Второе затрудненіе, неразрывно связанное съ регулированіемъ заработной платы по средней продажной цѣнѣ желѣза, заключается въ установленіи *нормальнаго отношенія* между заработною платою и цѣною. Если бы при каждомъ послѣдующемъ третейскомъ судѣ было принято считать за нормальное то отношеніе, которое было установлено при предыдущемъ регулированіи заработной платы, то задача третейскаго судьи была бы очень проста и сводилась бы къ рѣшенію пропорціи: увеличить или уменьшить прежній уровень платы настолько, насколько увеличилась или уменьшилась средняя продажная цѣна желѣза. Но дѣло обыкновенно осложняется тѣмъ, что во многихъ случаяхъ было бы совершенно неправильно считать предыдущее отношеніе нормальнымъ, такъ какъ на установленіе его могли влiять особыя, вовсе ненормальныя условія... Поэтому, на третейскихъ судахъ между заинтересованными сторонами обыкновенно завязываются горячіе споры о томъ, какое отношеніе между цѣною и платою слѣдуетъ считать нормальнымъ и принимать за точку отправленія при регулированіи заработной платы. Рабочіе, напримѣръ, настаиваютъ на извѣстномъ отношеніи, существовавшемъ въ извѣстное время, признаваемое ими за нормальное; предприниматели возстаютъ противъ этого и въ свою очередь предлагаютъ третейскому судьѣ принять за нормальное другое конкретное отношеніе. Или — другой примѣръ — рабочіе считаютъ правильнымъ, чтобы для установленія нормальнаго отношенія было вычислено среднее отношеніе платы къ цѣнѣ за все время существованія камеры, включая, какъ времена депрессіи, такъ и времена самаго интенсивнаго оживленія дѣлъ. Напротивъ, заводчики настаиваютъ на исключеніи изъ такого разсчета періодовъ „ненормальнаго и чрезмѣрнаго благоденствія“ *) и т. п.

Во всякомъ случаѣ, рѣшеніе вопроса о нормальномъ отношеніи между цѣною и платою въ концѣ концовъ зависитъ отъ личнаго взгляда третейскаго судьи, и такимъ образомъ субъективный элементъ вносится въ вопросъ объ установленіи общаго уровня заработной платы даже и въ томъ случаѣ, если третейскій судья держится одного опредѣленнаго принципа—регулированія заработной платы соотвѣтственно продажной цѣнѣ желѣза.

Но, какъ мы видѣли выше, продажная цѣна желѣза является, хотя и главнымъ, но далеко не единственнымъ факторомъ, опре-

*) Price l. c. стр. 69—70; Schulze-Gaevernitz l. c. стр. 363.

дѣляющимъ уровень заработной платы при третейскомъ судѣ. Третейскій судья рѣшаетъ вопросъ на основаніи всей совокупности аргументовъ, приводимыхъ сторонами во время преній, и, въ большинствѣ случаевъ, принимаетъ во вниманіе другіе принципы и соображенія кромѣ продажной цѣны; мало того, второстепенные принципы получаютъ иногда явно преобладающее, если не исключительное, значеніе въ его рѣшеніи.

Познакомимся съ нѣкоторыми изъ этихъ второстепенныхъ принциповъ. Какъ мы замѣтимъ, всѣ они, равно и какъ главный принципъ, основываются на элементарныхъ экономическихъ законахъ, которые было бы совершенно невозможно игнорировать третейскому судьѣ, желающему достигнуть здраваго рѣшенія.

Такъ, если мы спросимъ себя, на какомъ экономическомъ соображеніи основанъ главный принципъ—регулированія заработной платы соотвѣтственно продажной цѣнѣ издѣлія, то мы, конечно, найдемъ, что соображеніе это заключается въ слѣдующемъ. При повышеніи цѣны, caeteris paribus, увеличивается прибыль предпринимателя и, слѣдовательно, увеличивается та доля общаго продука труда и капитала, которую послѣдній можетъ уступить первому безъ положительнаго ущерба для себя; при пониженіи цѣны, имѣетъ мѣсто обратное.

Очевидно, однако, что это соображеніе будетъ вѣрно именно только „caeteris paribus", и если, напримѣръ, одновременно съ повышеніемъ цѣны желѣза повысится цѣна матеріаловъ или другія издержки производства, то прибыль предпринимателя и фондъ, подлежащій раздѣлу между капиталомъ и трудомъ, не только не увеличатся съ повышеніемъ цѣны, а быть можетъ даже уменьшатся. Изъ этого слѣдуетъ, что арбитрэторъ не можетъ не обращать вниманія на *измѣненія въ другихъ издержкахъ производства*, помимо расхода на заработную плату. Такъ, на первомъ третейскомъ судѣ Дэвида Дэля въ іюлѣ 1877 года заводчики требовали пониженія заработной платы на 10% и мотивировали это требовіе весьма значительнымъ паденіемъ продажной цѣны желѣза, происшедшимъ со времени послѣдняго установленія платы третейскимъ судомъ Уильямса и Мунделлы, въ январѣ 1876 года. Не отрицая справедливости этого факта, представители рабочихъ доказали однако, что пониженіе продажной цѣны желѣза сопровождалось удешевленіемъ матеріаловъ: чугуна и каменнаго угля, и что это удешевленіе матеріаловъ, въ связи съ предыдущимъ пониженіемъ заработной платы на 7½%, постановленнымъ Уильямсомъ и Мунделлою, вполнѣ вознаграждаетъ предпринимателей за пониженіе продажной цѣны *).

*) Пониженіе продажной цѣны листового желѣза равнялось 19 шилл. 9 пен. за тонну, а уменьшеніе расходовъ на чугунъ, уголь и заработную плату достигало 19 шилл. 3 пен.

Заводчики были вынуждены признать правильность этихъ утвержденій, и третейскій судья — Дэвидъ Дэль — рѣшилъ дѣло въ пользу рабочихъ, оставивъ заработную плату безъ измѣненія. *)

Измѣненія въ объемѣ сбыта товара также составляютъ факторъ, вліяющій, независимо отъ измѣненій цѣны, на размѣръ предпринимательской прибыли и потому также заслуживаютъ вниманія третейскаго судьи **). Требуя въ тѣхъ или иныхъ случаяхъ пониженія платы, предприниматели неоднократно ссылаются передъ третейскими судьями то на уменьшеніе спроса на желѣзо, то „на великую депрессію желѣзодѣлательной промышленности", то на упадокъ рельсоваго производства ***). И такіе аргументы не остаются безъ вліянія на третейскаго судью. Такъ, напримѣръ, почти не подлежитъ сомнѣнію, что въ 1876 году третейскіе судьи Уильямсъ и Мунделла основали свой вышеупомянутый вердиктъ, понижавшій заработную плату на $7^1/_2\%$, „не на принципѣ продажныхъ цѣнъ", а, по выраженію рабочихъ, „на новомъ и опасномъ фундаментѣ промышленной депрессіи" ****). По словамъ самихъ арбитрэторовъ, понижая въ этомъ случаѣ заработную плату, они не имѣли въ виду установить правильное отношеніе между продажною цѣною и платою, а стремились своимъ вердиктомъ устранить депрессію, оживить спросъ и дать рабочимъ болѣе полное занятіе. Поэтому въ послѣдующихъ третейскихъ судахъ представители рабочихъ рѣшительно и, повидимому, вполнѣ справедливо возстаютъ противъ того, чтобы рѣшеніе Мунделлы и Уильямса принималось за исходный пунктъ при регулированіи заработной платы соотвѣтственно продажной цѣнѣ желѣза *****).

Четвертымъ весьма важнымъ соображеніемъ, несомнѣнно игравшимъ время отъ времени существенную роль при общихъ измѣненіяхъ заработной платы, являются *измѣненія въ положеніи рабочаго рынка*, т. е. увеличеніе или уменьшеніе предложенія труда сравнительно со спросомъ. Такъ, напримѣръ, на послѣднемъ третейскомъ судѣ д-ра Спенсъ Уатсона въ ноябрѣ 1888 года рабочіе основывали свое требованіе повышенія заработной платы, между прочимъ, на слѣдующемъ аргументѣ: „Не только въ этомъ, но и во всѣхъ округахъ",—такъ говорится въ письменномъ „искѣ" рабочихъ,—„спросъ на трудъ превосходитъ

*) Arbitration Proceedings before M-r D. Dale, іюль, 1877 годъ стр. 7, 9, 11, 13, 14, 15; Arbitration Proceedings before M-r Schaw-Lefevre 1878 г., стр. 6; Price l. c. стр, 65.

**) Schulze-Gaevernitz l. c. т. II стр. 363.,

***) Price l. c. стр. 66.

****) Ibid. стр. 69.

*****) Arbitration Proceedings:: Dale 1877 г. стр. 6, 7, 9, 13, 17 и 25; Schaw-Lefevre 1878 г. стр. 4 и 5; Dale 1879 г. стр. 6, 11, 12 и 13; Pease ноябрь 1882 г. стр. 9; Spence Watson октябрь 1885 г., стр. 5.

предложеніе, и рабочихъ невозможно достать. Это происходитъ оттого, что въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ рабочіе покидали желѣзодѣлательную промышленность и переходили въ другія отрасли производства;.... вслѣдствіе такого положенія рабочаго рынка, какого не существовало за много лѣтъ, мы считаемъ нашъ трудъ сильно увеличившимся въ цѣнности и считаемъ нужнымъ доказать въ защиту нашего требованія, что одна продажная цѣна не всегда регулировала заработную плату, но что общее положеніе рабочаго рынка всегда имѣло значительное вліяніе на рѣшенія камеры или ея арбитрэторовъ" *).

Шестью годами ранѣе, передъ третейскимъ судьей Джозефомъ Пизомъ рабочіе также требовали повышенія заработной платы вслѣдствіе недостатка рабочихъ рукъ и приписывали прошлые успѣхи камеры тому обстоятельству, что въ началѣ ея исторіи „каждый третейскій судья рѣшалъ вопросъ не на узкомъ основаніи, а смотрѣлъ на дѣло широко и постановлялъ рѣшенія согласно съ цѣнностью труда и съ положеніемъ рабочаго рынка во время засѣданія" **).

Но изъ всѣхъ второстепенныхъ факторовъ, вліявшихъ на установленіе заработной платы, безусловно наибольшее значеніе имѣли *измѣненія заработной платы въ сосѣднемъ Стаффордширскомъ желѣзодѣлательномъ округѣ*. Сохраненіе равенства платы между обоими конкуррирующими округами составляетъ принципъ, наложившій свой отпечатокъ на рѣшенія многихъ третейскихъ судей. Такъ, по словамъ Прайса, „вердиктъ Шо-Лефевра въ 1878 году былъ, повидимому, въ значительной степени основанъ на стаффордширской заработной платѣ" ***). На этомъ третейскомъ судѣ заводчики требовали 5-ти-процентнаго пониженія заработной платы и, въ оправданіе своего требованія, ссылались, между прочимъ, на то, что въ Стаффордширѣ, нѣсколько времени тому назадъ, состоялось такое же пониженіе, постановленное третейскимъ судомъ м-ра Чемберлэна. Что этотъ аргументъ дѣйствительно не остался безъ вліянія на рѣшеніе Шо-Лефевра, можно ясно видѣть изъ слѣдующихъ подлинныхъ словъ его вердикта: „Принявъ въ соображеніе",—говоритъ арбитрэторъ,—„всѣ представленные мнѣ факты, относящіеся къ современному положенію и вѣроятному будущему желѣзодѣлательной промышленности, и принявъ также въ соображеніе недавнее пониженіе заработной платы въ Стаффордширѣ, которое, по моему мнѣнію, низвело заработки въ этомъ округѣ до болѣе низкаго уровня, чѣмъ современные заработки на Сѣверѣ Англіи, я, хотя и про-

*) Arbitration Proceedings before D-r Spence Watson 1888 г. ноябрь, стр. 3.

**) Price стр. 64; Arbitration Proceedings before M-r J. Pease стр. 8, 14 и 15.

***) Price l. c. стр.

тввъ своего желанія, пришелъ къ заключенію, что я обязанъ постановить, чтобы заработная плата пуддлеровъ была понижена на 6 пенсовъ за тонну, а заработная плата прочихъ рабочихъ на 5%" *).

Тѣмъ же принципомъ равенства платы между Сѣверомъ Англіи и Стаффордширомъ несомнѣнно руководствовался и д-ръ Спенсъ Уатсонъ въ своемъ третейскомъ судѣ осенью 1888 года. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ роль, сыгранная этимъ принципомъ, была особенно ясна потому, что продажная цѣна желѣза не оправдывала въ это время повышенія заработной платы, а была даже ниже той цѣны, при которой состоялось послѣднее пониженіе (на 2½%), постановленное тѣмъ же д-ромъ Уатсономъ три года тому назадъ. Но въ концѣ 1888 года въ обоихъ желѣзодѣлательныхъ округахъ стало замѣчаться оживленіе дѣлъ, повсюду ощущался недостатокъ рабочихъ рукъ, и стаффордширскіе рабочіе получили прибавку въ 5%. Это послѣднее обстоятельство и послужило главнымъ основаніемъ для тождественнаго рѣшенія Спенсъ Уатсона, что онъ и выразилъ совершенно опредѣленно во вступительныхъ словахъ своего вердикта: „Мои обязанности", говоритъ д-ръ Уатсонъ, „были въ настоящемъ случаѣ легче, чѣмъ въ какомъ бы то ни было изъ предыдущихъ третейскихъ судовъ, въ которыхъ я былъ вашимъ арбитрэторомъ, вслѣдствіе болѣе близкаго согласія въ обращенныхъ ко мнѣ аргументахъ обѣихъ сторонъ... Въ теченіе аргументаціи было допущено обѣими сторонами, что между тѣмъ какъ продажная цѣна желѣза... можетъ считаться главнымъ факторомъ при регулированіи заработной платы, тѣмъ не менѣе заработная плата въ Стаффордширскомъ округѣ, конкуррирующемъ съ Сѣверомъ Англіи въ спросѣ на трудъ, равно какъ до нѣкоторой степени и въ самомъ производствѣ,—составляетъ такой факторъ, который не можетъ быть игнорированъ" **).

Таковы нѣкоторыя изъ главнѣйшихъ соображеній, несомнѣнно игравшихъ болѣе или менѣе значительную роль въ рѣшеніяхъ третейскихъ судей на ряду съ принципомъ соотвѣтствія между цѣною и заработною платою. Мы видимъ, что третейскіе судьи далеко не ограничивались примѣненіемъ одного послѣдняго принципа, а часто комбинировали его съ другими, давая порою второстепеннымъ принципамъ явное преобладаніе надъ главнымъ. Поэтому, мы никакъ не можемъ согласиться съ нѣкоторыми взглядами, высказанными гг. Сидней и Беатрисою Уэббъ въ главѣ о третейскомъ судѣ ихъ замѣчательной книги: „Промышленная демократія".

*) Arbitration Proceedings before M-r Schaw Lefevre 1878 г. стр. 3, 6 и 19.

**) Arbitration Proceedings before D-r Spence Watson. Ноябрь. 1888 г. стр. 12.

Справедливо усматривая главную трудность третейскаго суда вообще въ отсутствіи строго опредѣленныхъ принциповъ рѣшеній, гг. Уэббъ объясняютъ исключительный успѣхъ, выпавшій на долю этого способа разрѣшенія споровъ въ желѣзодѣлательной промышленности Сѣверной Англіи тѣмъ, что въ этой отрасли обѣ стороны держались одного и того же принципа регулированія заработной платы соотвѣтственно цѣнѣ желѣза, „прибѣгая по очереди къ другимъ соображеніямъ только ради аргумента, когда разсчитывали, что главный принципъ будетъ въ данное время противъ нихъ". „Очевидно", продолжаютъ гг. Уэббъ, „что третейскіе суды такого рода въ дѣйствительности подходятъ подъ категорію интерпретаціи или примѣненія того, что является на дѣлѣ соглашеніемъ, уже состоявшимся между сторонами. Вопросъ очень близко подходитъ къ вопросамъ фактическимъ, на которые отвѣтъ можетъ быть данъ лишь только будутъ безпорно установлены нужныя цифры" *). Словомъ, по мнѣнію Уэббъ, задача третейскихъ судей въ желѣзодѣлательной промышленности почти ничѣмъ не отличалась отъ задачи, выполняемой постояннымъ комитетомъ при разрѣшеніи частныхъ споровъ.

Но все изложенное нами выше, какъ намъ кажется, несомнѣнно доказываетъ глубокую неправильность этого взгляда. Можно ли въ самомъ дѣлѣ утверждать, чтобы стороны прибѣгали къ второстепеннымъ принципамъ только „ради аргумента", когда фактически извѣстно, что третейскіе судьи неоднократно полагали второстепенные принципы, напримѣръ принципъ равенства со Стаффордширомъ, въ главную основу своихъ рѣшеній. Самая продолжительность времени и труда, требующаяся третейскому судьѣ для обдумыванія рѣшенія, была бы совершенно необъяснима, если бы все дѣло сводилось къ примѣненію одного опредѣленнаго принципа къ данному случаю. Вспомнимъ слова д-ра Уатсона относительно невозможности приводить мотивы рѣшеній при объявленіи вердикта: „третейскій судья приходитъ къ заключенію послѣ столь продолжительнаго размышленія и взвѣшиванія аргументовъ и послѣ такого безконечнаго множества умственныхъ процессовъ, что было бы чрезвычайно трудно изложить въ краткой и удобопонятной формѣ тѣ соображенія, которыя привели его къ данному заключенію". Если бы вопросъ рѣшался на основаніи одного принципа соотвѣтствія между заработной платой и цѣною, изложеніе мотивовъ рѣшенія, очевидно, не могло бы представить никакихъ затрудненій. Наконецъ, основное различіе между третейскимъ судомъ и такъ называемыми „подвижными скалами" — третьимъ способомъ регулированія заработной платы, съ которымъ мы познакомимся нѣсколько ниже, — и заключается именно въ томъ, что, между тѣмъ какъ въ под-

*) Webb. l. c. стр. 231—3.

вижныхъ скалахъ цѣна является единственнымъ регуляторомъ платы, въ третейскомъ судѣ всегда принимаются во вниманіе и другія соображенія...

Изъ числа этихъ соображеній въ третейскихъ судахъ желѣзодѣлательной промышленности Сѣверной Англіи не было исключено даже соображеніе о *„living wage“* („платѣ необходимой для жизни“), которое авторы „Промышленной демократіи“, повидимому, считаютъ несовмѣстимымъ съ принципомъ соотвѣтствія между заработною платою и цѣною товара *). Но если подъ „living wage“—этимъ новѣйшимъ, довольно неопредѣленнымъ лозунгомъ наиболѣе радикальной секціи англійскаго рабочаго класса—понимать принципъ сохраненія извѣстнаго minimum'а платы, необходимаго для жизни рабочаго, то этотъ принципъ, какъ передавалъ намъ д-ръ Спенсъ Уатсонъ, не только признавался третейскими судьями въ желѣзодѣлательной промышленности, но никогда не отрицался и самими заводчиками. Вслѣдстіе этого, въ прошлой исторіи камеры колебанія заработной платы соотвѣтственно цѣнѣ желѣза фактически ограничивались снизу извѣстнымъ предѣломъ, представлявшимъ ни что иное, какъ тотъ minimum платы, который, по мнѣнію третейскаго судьи, необходимъ для существованія рабочаго. „Мы слѣдуемъ“, говоритъ Троу, „тому же принципу, который принятъ въ другихъ отраслахъ промышленнности, именно, что продажная цѣна товара, который мы производимъ, должна регулировать нашу плату до тѣхъ поръ, пока она даетъ достаточно для того, чтобы мы могли жить; но если вы (т. е. заводчики) будете регулировать заработную плату соотвѣтственно продажнымъ цѣнамъ, и наша плата опустится ниже уровня необходимаго для жизни, то вы должны будете оставить это (т. е. оставить принципъ регулированія платы по цѣнѣ), или намъ придется совсѣмъ покинуть промышленность“ **).

Въ томъ, что такія соображенія дѣйствительно имѣли большое значеніе при третейскихъ судахъ, происходившихъ во времена интенсивныхъ промышленныхъ кризисовъ конца семидесятыхъ и средины восьмидесятыхъ годовъ, можно легко убѣдиться изъ того, какую крупную роль играли въ этихъ третейскихъ судахъ споры объ абсолютной высотѣ заработковъ различныхъ категорій рабочихъ, споры, имѣвшіе цѣлью доказать или опровергнуть достаточность этихъ заработковъ для существованія рабочаго и его семьи ***). И мы рѣшаемся категорически утверждать, что такіе доводы далеко не являлись несущественными въ гла-

---

*) Webb. l. c. стр. 230—1.

**) Arbitration Proceedings. M-r. D. Dale 1877, стр. 15.

***) Arbitration Proceedings. Schaw-Lefevre 1878 г. стр. 13—15, 16—19. D-r Spence-Watson. 1885 г., октябрь стр. 7, 14.

захъ третейскихъ судей, а наоборотъ имѣли подчасъ самое серьезное вліяніе на ихъ рѣшенія. Такъ, напримѣръ, внимательно анализируя подробности третейскаго суда Спенсъ Уатсона въ октябрѣ 1885 г., мы совершенно ясно видимъ, какъ грозная баттарея доводовъ, выставленныхъ предпринимателями въ пользу пониженія платы на $7^1/_2$%, разбилась въ глазахъ третейскаго судьи о тотъ простой фактъ, что заработная плата и безъ того стояла на самомъ низкомъ уровнѣ, когда-либо существовавшемъ въ прошлой исторіи камеры. Принимая во вниманіе это обстоятельство, д-ръ Уатсонъ ограничился пониженіемъ платы только на $2^1/_2$ процента, вмѣсто требуемыхъ $7^1/_2$, и есть полное основаніе думать, что и на это незначительное пониженіе онъ согласился лишь потому, что предприниматели сослались на происшедшее за послѣднее время удешевленіе предметовъ потребленія. Такимъ образомъ, принципъ „living wage" былъ въ данномъ случаѣ главною путеводною нитью третейскаго судьи *)...

Что же касается объясненія причинъ исключительнаго успѣха третейскаго суда въ желѣзодѣлательной промышленности, то объясненія этого, на нашему убѣжденію, слѣдуетъ искать не столько въ принципіальной сторонѣ рѣшеній третейскихъ судей, сколько въ нѣкоторыхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, благопріятствовавшихъ успѣху этого способа разрѣшенія споровъ.

Быть можетъ, важнѣйшее изъ этихъ обстоятельствъ заключалось въ томъ, что первые третейскіе суды желѣзодѣлательной промышленности совпали съ небывалымъ промышленнымъ расцвѣтомъ начала семидесятыхъ годовъ и, вслѣдствіе этого, дали рабочимъ цѣлый рядъ повышеній заработной платы. Такъ, въ маѣ 1869 года, немедленно послѣ основанія камеры, Рупертъ Кетлэ повысилъ заработную плату на 5%; за этимъ первымъ повышеніемъ платы послѣдовало второе, равное 10%, постановленное Томасомъ Юзомъ въ январѣ 1870 года. Далѣе, въ февралѣ и іюнѣ 1871 года состоялись еще два третейскіе суда того же Юза, которые окончились: первый—пониженіемъ платы на 5%, а второй—повышеніемъ ея на тотъ же процентъ. Наконецъ въ апрѣлѣ 1873 г. Рупертъ Кетлэ повысилъ заработную плату еще на $7^1/_2$% и довелъ ее до такого уровня, какой ни разу не былъ достигнутъ, ни ранѣе, ни послѣ того, въ исторіи промышленности. Такимъ образомъ, пять первыхъ третейскихъ судовъ привели въ совокупности къ повышенію заработной платы на $22^1/_2$%. Такой результатъ не могъ не оказать сильнаго вліянія на отношеніе рабочихъ къ третейскому суду. Они съ самаго начала увѣровали въ этотъ способъ разрѣшенія споровъ, убѣдившись, что онъ можетъ давать имъ не одни лишь пониженія платы, но и повышенія, и что, слѣдовательно, принадлежность третейскаго судьи къ

*) Arbitration Proceedings before D-r Spence-Watson. 1885 г. октябрь

высшимъ классамъ общества отнюдь не составляетъ непреодолимаго препятствія для справедливой оцѣнки требованій рабочихъ. Разъ пріобрѣтенное убѣжденіе оказалось прочнымъ, и рабочіе остались вѣрными третейскому суду и тогда, когда счастливое время начала семидесятыхъ годовъ миновало, и послѣдующіе третейскіе суды стали давать, подъ вліяніемъ господствовавшей депрессіи, пониженія платы. Наученные опытомъ, рабочіе уже понимали, что истинная причина пониженій коренится не въ способѣ регулированія платы, не въ пристрастіи и предубѣжденіяхъ третейскихъ судей, а во внѣшнемъ обстоятельствѣ—промышленномъ кризисѣ. Такимъ образомъ рабочіе желѣзодѣлательной промышленности избѣгли той логической ошибки—post hoc ergo propter hoc,—которая, какъ мы увидимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, имѣла роковыя послѣдствія для судебъ третейскаго суда въ другихъ отрасляхъ производства.

Удачный выборъ третейскихъ судей былъ, повидимому, вторымъ обстоятельствомъ, способствовавшимъ успѣху третейскихъ судовъ въ желѣзодѣлательной промышленности Сѣверной Англіи. Фактъ повторного избранія однихъ и тѣхъ же лицъ: Кетлэ, Юза, Дэля, Спенсъ Уатсона, служитъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ того, что обѣ стороны были въ общемъ довольны ихъ рѣшеніями. „Мы вѣримъ", говоритъ Троу, „что успѣхъ третейскаго суда на Сѣверѣ Англіи въ немалой степени зависѣлъ отъ того искусства, съ которымъ сэръ Рупертъ Кетлэ разрѣшилъ первый вопросъ о заработной платѣ, поставленный на его рѣшеніе" *).

По словамъ того же Троу **), вожди рабочихъ, близко стоящіе къ дѣлу, ни разу, ни при одномъ третейскомъ судѣ не имѣли основанія жаловаться на самого третейскаго судью и обвинять его въ неправильномъ рѣшеніи, такъ какъ вердикты третейскихъ судей всегда соотвѣтствовали относительной силѣ аргументаціи сторонъ. Если, поэтому, рѣшеніе было противъ рабочихъ, то Троу и его товарищи винили въ этомъ или внѣшнія обстоятельства, какъ-то положеніе рынка и т. п., приведшія къ такому результату, или, если рѣшеніе оказывалось, съ объективной точки зрѣнія, экономически неправильнымъ, обвиняли самихъ себя, что не сумѣли съ достаточною убѣдительностью высказать свои аргументы и доказать третейскому судьѣ правильность своего требованія или своей защиты. „Тотъ фактъ, что рѣшеніе неблагопріятно для той или другой стороны", говоритъ Троу, „показываетъ, что аргументы этой стороны были слабѣе аргументовъ другой стороны, и нѣтъ никакого основанія порицать изъ-за этого вердиктъ третейскаго судьи или самый принципъ третейскаго суда". Троу и Коксъ припоминаютъ даже одинъ случай, когда

*) Ironworkers Journal. 1894. Дек. стр. 2.
**) Нижеслѣдующее мы слышали отъ г.г. Троу и Коксъ лично.

они проиграли дѣло единственно вслѣдствіе того, что забыли отвѣтить на одинъ аргументъ противниковъ, забыли потому, что отвѣтъ былъ слишкомъ простъ, но аргументъ заводчиковъ остался тѣмъ не менѣе въ силѣ, и правое дѣло было проиграно. Такими же, хотя и менѣе очевидными, недостатками аргументаціи пострадавшей стороны, а никакъ не ошибками третейскихъ судей, объясняются, по мнѣнію Троу, и другіе случаи неправильныхъ рѣшеній.

Быть можетъ въ этихъ словахъ и есть извѣстная доля преувеличенія, легко объяснимаго фанатическою вѣрою Троу въ благотворное значеніе третейскаго суда, но, все же, едва ли возможно думать, чтобы онъ сталъ брать на себя лично отвѣтственность за неправильныя рѣшенія, если бы большинство третейскихъ судей желѣзодѣлательной промышленности не стояли дѣйствительно на высотѣ своей задачи.

Съ 1 іюля 1889 года два вышеописанные способа установленія общаго уровня заработной платы: соглашеніе и третейскій судъ уступили мѣсто въ желѣзодѣлательной промышленности Сѣверной Англіи третьему способу: такъ назыв. *„подвижнымъ скаламъ“* (sliding scales). Сущность подвижной скалы заключается въ томъ, что на болѣе или менѣе продолжительно время устанавливается не опредѣленный уровень заработной платы, а лишь опредѣленное отношеніе между заработною платою и продажною цѣною издѣлія, и въ теченіе этого времени заработная плата колеблется автоматически соотвѣтственно колебаніямъ цѣны.

Организація или, какъ говорятъ, *„построеніе“* скалъ весьма различно, въ зависимости отъ особенностей той или другой отрасли промышленности. Въ желѣзодѣлательномъ производствѣ построеніе скалъ отличается большою простотою и сводится къ слѣдующему.

Всѣ скалы желѣзодѣлательной промышленности даютъ *на каждый фунтъ стерлинговъ средней продажной цѣны тонны готоваго желѣза*, опредѣленной по уже извѣстному намъ способу Уотергауза, *по одному шиллингу (за тонну) заработной платы пуддлера и сверхъ того*, въ дополненіе къ этой перемѣнной части платы, *еще нѣкоторую постоянную сумму, различную въ разныхъ скалахъ и именуемую „преміей“*. Такъ напримѣръ, въ той скалѣ, которая дѣйствуетъ въ желѣзодѣлательной промышленности Сѣверной Англіи въ настоящее время, премія равна 2 шиллингамъ, и, соотвѣтственно этому, скала характеризуется краткою формулою: „2 shillings above shillings for pounds“, т. е. „2 шиллинга сверхъ шиллинговъ, соотвѣтствующихъ фунтамъ стерлингамъ цѣны“. Слѣдовательно, согласно этой скалѣ, пуддлеръ долженъ получать: при цѣнѣ желѣза въ 5 ф. с. за тонну, — 5 ш. (пере-

мѣнное слагаемое платы) + 2 ш. (премія) = 7 ш. за тонну. При цѣнѣ въ 7 ф. с.—7 ш. + 2 ш. = 9 ш. заработной платы за тонну и т. д. *).

Очевидно, что чѣмъ выше премія данной скалы, тѣмъ эта скала выгоднѣе для рабочихъ, и наоборотъ, чѣмъ премія ниже, тѣмъ скала выгоднѣе для предпринимателей. Поэтому при установленіи скалъ главный предметъ, на которомъ сосредоточиваются дебаты сторонъ, и составляетъ именно высота преміи, или, что въ сущности то же, *„базисъ“* скалы, т. е. основное отношеніе между заработною платою и цѣною.

Но съ установленіемъ „базиса“ построеніе скалы является еще не вполнѣ законченнымъ. Остается условиться о томъ, какъ велико должно быть измѣненіе цѣны, чтобы оно вызывало соотвѣтствующее измѣненіе заработной платы. Въ скалахъ желѣзодѣлательной промышленности Сѣверной Англіи всякое измѣненіе цѣны на 5 шилл. влечетъ за собою увеличеніе или уменьшеніе заработной платы пуддлера на 3 пенса; всѣ же измѣненія цѣны, меньшія 5 шилл., остаются безъ вліянія на заработную плату. Зная базисъ и эту такъ назыв. *„градацію“* скалы, мы получаемъ возможность вычислить *заработную плату пуддлера* при любой цѣнѣ желѣза. Такъ, напримѣръ, по нынѣ дѣйствующей скалѣ при цѣнѣ желѣза въ 6 фун. ст. 6 шилл. 5 пен. за тонну, разсчетъ заработной платы пуддлера будетъ слѣдующій:

по 1 ш. за каждый фунтъ стерл. цѣны	= 6 шилл.	—	„
за 6 ш. 5 пен., какъ за 5 шиллинг.	= —	„	3 пен.
премія	= 2	„	— „
всего	— 8 шилл.		3 пен.

При цѣнѣ желѣза въ 6 фун. ст. 8 шилл. 5 пен., плата будетъ, очевидно, та же—8 шилл. 3 пен.

При цѣнѣ въ 5 фун. ст. 10 шилл. 1 пен., пуддлеръ получитъ:

по 1 ш. за каждый фунтъ стерл. цѣны	= 5 шилл.	—	„
за 10 ш. 1 пен., какъ за 10 шиллинг.	= —	„	6 пен.
премія	= 2	„	— „
всего	— 7 шилл.		6 пен.

Такъ опредѣляется по подвижной скалѣ заработная плата пуддлеровъ, которая, какъ мы знаемъ, повсюду одинакова. Что же касается другихъ рабочихъ, получающихъ весьма различную плату въ зависимости отъ разнообразныхъ условій работы, то само собою разумѣется, что ихъ плату невозможно непосред-

*) „Standart piece rates“. Report of the Labour Departem. of the Board of Trade. 1894. стр. 110.

ственно вычислить по скалѣ. Но затрудненіе легко разрѣшается тѣмъ, что плата прочихъ рабочихъ, какъ она ни разнообразна, всегда колеблется въ опредѣленномъ отношеніи къ измѣненіямъ платы пуддлеровъ: именно, на каждые 3 пен. измѣненія платы этихъ послѣднихъ плата прочихъ рабочихъ измѣняется на $2^1/_2\%$ основной нормы—„Standart"'а *).

Какъ мы сейчасъ видѣли, въ подвижныхъ скалахъ желѣзодѣлательной промышленности установлена довольно крупная градація, и, слѣдовательно, далеко не всякое измѣненіе цѣны влечетъ за собою измѣненіе платы; этимъ, въ значительной степени, ограничивается непостоянство заработной платы, свойственное этому способу ея регулированія **).

Другое ограниченіе колеблемости платы достигается тѣмъ, что опредѣленія продажной цѣны (по способу Уотергауза), вслѣдъ за которыми могутъ слѣдовать измѣненія заработной платы, производятся, какъ мы знаемъ, лишь черезъ извѣстные, болѣе или менѣе продолжительные—въ настоящее время двухмѣсячные — промежутки времени ***). Замѣтимъ при этомъ, что подъ дѣйствіемъ подвижной скалы цѣна за два мѣсяца, предшествующіе данному, опредѣляетъ заработную плату за два мѣсяца, слѣдующіе за даннымъ: такъ, цѣна за январь и февраль опредѣляетъ заработную плату за апрѣль и май, цѣна за мартъ и апрѣль—плату за іюнь и іюль и т. д. ****).

Изъ всего вышеизложеннаго очевидно слѣдуетъ, что къ подвижнымъ скаламъ вполнѣ примѣнимо то, что было сказано ранѣе объ отставаніи фактурныхъ цѣнъ, опредѣляемыхъ Уотергаузомъ, отъ рыночныхъ цѣнъ, котируемыхъ на биржѣ. Мало того, при подвижныхъ скалахъ такое отставаніе получаетъ особенно большое значеніе, такъ какъ фактурная цѣна является здѣсь единственнымъ регуляторомъ заработной платы.

Этою же отличительною чертою скалъ обусловливается необходимость ограниченія ихъ дѣйствія извѣстнымъ *срокомъ*. Въ самомъ дѣлѣ, устанавливая постоянное отношеніе между заработною платою и цѣною, всякая подвижная скала устраняетъ на время своего дѣйствія вліяніе другихъ факторовъ, какъ то состоянія рабочаго рынка, заработной платы въ другихъ округахъ и т. п. Правда, эти факторы всегда принимаются во вниманіе при самомъ установленіи скалы; ими обусловливается высота преміи и, слѣдовательно, базисъ скалы: чѣмъ совокупность этихъ факторовъ благопріятнѣе для рабочихъ, тѣмъ премія будетъ выше, и наоборотъ. Но, разъ скала установлена, цѣна желѣза становится

*) Ibid,

**) Price l. c. стр. 80.

***) Ibid.

****) Ср., напримѣръ, Ironworkers journal 1898 г. февраль стр 5.

единственнымъ моментомъ, вліяющимъ на высоту заработной платы. Такимъ образомъ, если въ теченіе дѣйствія скалы произойдутъ существенныя измѣненія въ другихъ факторахъ, кромѣ продажной цѣны, заработная плата, опредѣляемая скалою, очевидно, не будетъ болѣе соотвѣтствовать этимъ измѣнившимся условіямъ *). Поэтому подвижныя скалы никогда не устанавливаются разъ на всегда, а устанавливаются или на опредѣленный срокъ, или на срокъ неопредѣленный, но съ предоставленіемъ каждой изъ сторонъ права потребовать прекращенія дѣйствія скалы. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ дѣйствіе скалы прекращается черезъ извѣстное время по подачѣ заявленія недовольною стороною, причемъ заявленіе это можетъ быть подано или во всякое время, или только спустя извѣстный срокъ отъ начала дѣйствія скалы. Такъ, напримѣръ, при установленіи скалы 1889 года минимальный срокъ ея дѣйствія былъ назначенъ двухлѣтній, но она могла оставаться въ силѣ и дольше, на неопредѣленное время, пока отъ той или другой стороны не послѣдовало бы заявленіе объ ея прекращеніи; спустя три мѣсяца послѣ такого заявленія, скала должна была прекратить свое дѣйствіе **).

Что касается самаго *установленія* скалъ, то оно производилось въ желѣзодѣлательной промышленности почти всегда путемъ соглашенія; только въ одномъ случаѣ опредѣленіе „базиса“ скалы было предоставлено третейскому рѣшенію Дэвида Дэля ***). Но какъ бы то ни было, мы видимъ изъ этого, что подвижныя скалы не могутъ считаться совершенно самостоятельнымъ способомъ регулированія заработной платы, такъ какъ для своего установленія онѣ требуютъ примѣненія соглашенія, а иногда и третейскаго суда. Точно также обращеніе къ одному изъ этихъ основныхъ способовъ разрѣшенія споровъ становится неизбѣжнымъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда измѣненія, происшедшія въ другихъ факторахъ, напримѣръ, въ положеніи рабочаго рынка или въ стоимости матеріала, требуютъ измѣненія „базиса“ скалы. Такимъ образомъ, подвижныя скалы въ сущности такъ же основываются на договорѣ между сторонами, какъ и всякое единичное установленіе платы путемъ соглашенія или третейскаго суда. Ихъ характерное отличіе — автоматичность дѣйствія — имѣетъ только условное и ограниченное значеніе, проявляющееся лишь послѣ заключенія договора и впредь до его окончанія. Поэтому, всѣ тѣ условія, которыя обезпечиваютъ заключеніе и честное соблюденіе коллективныхъ договоровъ,—и, главнымъ образомъ, сильная организація сторонъ—имѣютъ при системѣ подвижныхъ

*) Schulze Gaevernitz l. c. стр. 406; Lab. Commission l. c. 15017—26.

**) Labour Commission l. c. 15026—28, Ironworkers journal 1889 г. май стр. 6 и 7, августъ стр. 5.

***) Labout Commission I. c. 15014—1.

скалъ не меньшее значеніе, чѣмъ при другихъ способахъ регулированія заработной платы *). Къ сожалѣнію, автоматичное дѣйствіе скалъ иногда затемняетъ въ глазахъ рабочихъ ихъ договорный характеръ; это, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, приводитъ порою къ ослабленію численной и финансовой силы рабочихъ союзовъ, что, въ свою очередь, вооружаетъ противъ системы подвижныхъ скалъ многихъ изъ лучшихъ представителей рабочаго класса.

До сихъ поръ мы говорили о скалахъ желѣзодѣлательной промышленности вообще, не касаясь ихъ индивидуальныхъ особенностей. Теперь остается дополнить эту общую характеристику краткимъ историческимъ обозрѣніемъ отдѣльныхъ скалъ, дѣйствовавшихъ въ желѣзодѣлательной промышленности за время существованія камеры.

Первая подвижная скала была введена въ 1872 году, въ эпоху блестящаго расцвѣта желѣзодѣлательной промышленности. Премія ея была, поэтому, сравнительно весьма высока: 2 шиллинга 9 пен. сверхъ традиціонныхъ „шиллинговъ, соотвѣтствующихъ фунтамъ стерлингамъ цѣны“. Но не смотря на столь благопріятный для рабочихъ „базисъ“, эта скала просуществовала только 3 мѣсяца. Рабочіе потребовали ея прекращенія вслѣдствіе того, что въ Стаффордширѣ заработная плата въ короткое время стремительно поднялась на 20%, между тѣмъ какъ, за то же время, сѣверная подвижная скала дала только 7½% повышенія. Предпринимателямъ пришлось уступить; скала была оставлена, и заработная плата сравнена со Стаффордширомъ.

Слѣдующая попытка установленія подвижной скалы была сдѣлана въ 1874 году. Чтобы избѣжать того утеса, о который разбилась первая скала, составители второй вошли въ соглашеніе со стаффордширскими заводчиками и рабочими и выработали скалу общую для обоихъ округовъ. Премія этой скалы, извѣстной въ исторіи камеры подъ названіемъ *„скалы Дерби“*, была много ниже преміи первой скалы, а именно скала давала всего лишь „9 пенсовъ сверхъ шиллинговъ за фунты“. Такое пониженіе преміи было вызвано, по словамъ рабочихъ, тѣмъ, что заводчики воспользовались „переполненнымъ состояніемъ рабочаго рынка“; по словамъ же заводчиковъ, причиною пониженія преміи было вздорожаніе матеріаловъ. Но, какъ бы то ни было, и эта скала оказалась очень недолговѣчною. Вслѣдствіе наступившаго кризиса, предприниматели нашли ее невыгодною для себя и черезъ 12 мѣсяцевъ отказались отъ нея... *).

---

*) Schulze-Gaevernitz l. c. стр. 407.

**) Въ скалѣ Дерби продажная цѣна желѣза опредѣлялась слѣдующимъ образомъ: средняя цѣна двѣнадцати избранныхъ стаффордширскихъ фирмъ складывалась съ цѣною всѣхъ сѣверныхъ заводовъ, и

Третья скала была установлена въ 1880 году и любопытна тѣмъ, что базисъ ея былъ опредѣленъ не соглашеніемъ, а третейскимъ судомъ Дэвида Дэля, почему она и именуется скалою Дэля *). Премія этой скалы равнялась 1 шилл. 6 пен. **). Она дѣйствовала почти 2 года и была до истеченія законнаго срока внезапно прекращена, вслѣдствіе стачки рабочихъ нѣкоторыхъ заводовъ, вызванной благопріятнымъ для нихъ измѣненіемъ въ положеніи рабочаго рынка и рѣзкимъ несоотвѣтствіемъ между фактурными и котированными цѣнами ***). Въ 1883 году скала Дэля была возобновлена, но лишь на самое короткое время ****).

Наконецъ, въ 1889 году была установлена *четвертая* и послѣдняя подвижная скала, которая оказалась счастливѣе всѣхъ своихъ предшественницъ, такъ какъ продолжаетъ существовать до настоящаго времени и, повидимому, вполнѣ удовлетворяетъ обѣ стороны. Проф. Schulze-Gaevernitz слѣдующимъ образомъ описываетъ обстоятельства, приведшія къ установленію этой скалы. „Послѣ оставленія вторично возобновленной скалы Дэля", говоритъ Schulze, „послѣдовало въ 1884—88 годахъ одинъ за другимъ пять третейскихъ судовъ, въ которыхъ обязанность третейскаго судьи исполнялъ д-ръ Спенсъ Уатсонъ. Но это слишкомъ частое вмѣшательство третьяго лица мало соотвѣтствовало основной идеѣ камеры. Идея ея—идея компромисса (Versöhnlichkeit), требующая, чтобы обѣ стороны дѣлали другъ другу взаимныя уступки и „не доводили спора до послѣдняго пфеннига", отъ чего ихъ предостерегалъ еще Рупертъ Кетлэ въ 1873 году. Многоопытный третейскій судья, Спенсъ-Уатсонъ усматривалъ даже въ такомъ образѣ дѣйствія опасность для будущаго существова-

сумма дѣлилась по поламъ (Arbitration Proceedings before M-r Pease стр. 12, Price l. c. стр. 91), Въ 1891 году стаффордширская камера снова возбуждала вопросъ объ амальгамаціи скалъ, дѣйствующихъ въ обѣихъ округахъ, но предложеніе это не встрѣтило сочувствія на Сѣверѣ Англія. (Ironworkers Journal 1891 годъ, ноябрь, стр. 8; 1892 годъ, мартъ стр. 6, сентябрь стр. 4).

*) Слѣдуетъ однако замѣтить, что и первая скала 1872 года была выработана особою коммиссіей подъ главнымъ руководствомъ Дэля, и потому также называется иногда скалою Дэля. (Arbitration Proceedings: Spence-Watson 1884 г., апрѣль, стр. 8; Dale 1879 стр. 14; Price l. c. стр. 21).

**) При переговорахъ объ установленіи этой скалы, заводчики предлагали первоначально назначить премію въ 1 шилл., а рабочіе требовали 1 шилл. 6 пен. На слѣдующій день заводчики уступили еще 3 пен., но рабочіе продолжали настаивать на своемъ. Тогда вопросъ о томъ, должна ли премія равняться 1 шилл. 3 пен., или 1 шилл. 6 пен., былъ отданъ на разрѣшеніе Дэля, который высказался въ пользу послѣдней цифры (Arbitration proceedings before M-r. Pease 1882 г. апрѣль, стр. 9, 14).

***) Объ этой наиболѣе серьезной изъ стачекъ, происшедшихъ за время существованія камеры, см. далѣе.

****) Labour Commission l. c. 14978; Price l. c. стр. 91—92.

нія камеры. Въ своемъ вердиктѣ отъ 28 ноября 1888 года, онъ совѣтовалъ самымъ настоятельнымъ образомъ ввести „автоматическое установленіе будущей заработной платы посредствомъ подвижной скалы“, которая, по его мнѣнію, заслуживаетъ рѣшительнаго предпочтенія передъ частымъ повтореніемъ третейскихъ судовъ. Вскорѣ послѣ этого представители обѣихъ сторонъ приступили къ выработкѣ скалы. На случай возникновенія разногласій во время переговоровъ, таковыя должны были подлежать разрѣшенію м-ра Уатсона. Услуги послѣдняго однако не потребовались *). Выработка новой скалы была первоначально поручена камерою особой коммиссіи, состоявшей изъ 4-хъ предпринимателей, 4-хъ рабочихъ и обоихъ секретарей. Проектъ, составленный этою коммиссіей, былъ затѣмъ обсужденъ ассоціацией заводчиковъ, съ одной стороны, и рабочимъ союзомъ, съ другой, причемъ этотъ послѣдній не только подвергъ его разсмотрѣнію на собраніи делегатовъ, но и разослалъ по отдѣльнымъ ложамъ для непосредственнаго обсужденія всею массою членовъ, большинство которыхъ высказалось за принятіе проекта. Тогда 15 апрѣля 1889 года состоялось экстренное засѣданіе камеры, на которомъ новая скала была окончательно утверждена **).

Какъ мы уже упоминали выше, эта скала была установлена minimum на два года—съ 1 іюля 1889 г. до послѣдней субботы іюля 1891 года,—но могла дѣйствовать и далѣе, впредь до подачи тою или другою стороною заявленія объ ея прекращеніи. Такого заявленія еще не послѣдовало и до настоящаго времени ***).

*) Schulze-Gaevernitz l. c. стр. 394.

*) Ironworkers Journal 1889 г. февраль стр. 6, май стр. 5.

***) Въ 1893 году заводчики, правда, потребовали временной пріостановки дѣйствія скалы, но цѣль этой пріостановки не имѣла ничего общаго съ недовольствомъ скалою и желаніемъ ея отмѣны, а заключалась въ слѣдующихъ совершенно постороннихъ соображеніяхъ. Какъ мы припомнимъ изъ описанія дѣятельности постояннаго комитета, частныя измѣненія заработной платы могутъ быть производимы не иначе, какъ въ случаѣ измѣненія условій или способовъ работы. Теперь мы должны прибавить, что изъ этого общаго правила допускаются исключенія для тѣхъ періодовъ, когда между заводчиками и рабочими не существуетъ опредѣленнаго условія относительно общаго уровня заработной платы: когда, напримѣръ, срокъ стараго условія уже истекъ, а новое условіе еще не заключено. Въ такое переходное время обѣ стороны получаютъ carte blanche и могутъ предъявлять въ постоянный комитетъ требованія о частныхъ пересмотрахъ платы независимо отъ измѣненій въ условіяхъ работы. Эти правила камеры и привели къ заявленію предпринимателей о пріостановкѣ дѣйствія скалы. Дѣло въ томъ, что правленіе одного изъ крупнѣйшихъ заводовъ Stockton Malleable Works находило, что нѣкоторые изъ его рабочихъ получаютъ несоразмѣрно высокую плату, между тѣмъ какъ заводъ находится въ крайне стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Поэтому правленіе завода два раза обращалось въ постоянный коми-

Чему же слѣдуетъ приписать столь блестящій успѣхъ скалы 1889 года? Почему эта скала оказалась сравнительно долговѣчною, между тѣмъ какъ всѣ ея предшественницы терпѣли фіаско въ весьма непродолжительномъ времени?

Первая причина ея успѣха заключается, повидимому, въ томъ, что, послѣ прежнихъ малоудачныхъ попытокъ, удалось, наконецъ, найти такой „базисъ“, который удовлетворяетъ обѣ стороны. Какъ говорилъ намъ Эдуардъ Троу, „подвижная скала 1889 года вполнѣ удовлетворяетъ рабочихъ. Не смотря на то, что они въ настоящее время (сентябрь 1897 г.) получаютъ на 3 пен. за тонну меньше, чѣмъ въ Стаффордширѣ, они тѣмъ не менѣе считаютъ скалу „fair“, т. е. правильною, справедливою“. По мнѣнію того же Троу, высказанному передъ королевскою коммиссіей труда въ 1892 году, прежнія скалы были оставлены потому, что, вслѣдствіе неопытности составителей, не было обращено достаточнаго вниманія на то, каково было бы дѣйствіе скалы въ теченіе продолжительнаго времени, при разныхъ конъюнктурахъ. Напротивъ, при установленіи скалы 1889 года, была прослѣжена заработная плата за послѣднія 13 лѣтъ (1875 — 89 гг.), и рабочимъ было показано, каково было бы вліяніе на эти заработки проектируемой подвижной скалы, еслибы она дѣйствовала все это время: заработная плата была бы въ среднемъ выше на 10%. „Поэтому“, говоритъ Троу, „послѣдняя скала имѣетъ нѣкоторые шансы сдѣлаться постоянною“. *).

тетъ съ требованіемъ пониженія платы этихъ рабочихъ. Комитетъ отклонялъ, однако, эти ходатайства на томъ основаніи, что въ условіяхъ работы не произошло никакихъ измѣненій. Наконецъ, въ іюлѣ 1893 года ассоціація заводчиковъ рѣшила подать заявленіе о прекращеніи дѣйствія подвижной скалы, чтобы дать возможность правленію Стоктонскаго завода понизить заработную плату упомянутыхъ рабочихъ. Но уже въ самомъ заявленіи предпринимателей категорически утверждалось, что они вовсе не желаютъ отмѣны подвижной скалы, а требуютъ только пріостановки ея дѣйствія для вышеуказанной цѣли. Цѣль эта, однако, не была достигнута вслѣдствіе единодушнаго и рѣшительнаго сопротивленія рабочихъ, которые объявили, что не согласятся на возобновленіе скалы въ ея прежнемъ видѣ, если будутъ произведены частныя измѣненія, требуемыя фирмою Stockton Malleable Works. Послѣ нѣсколькихъ совѣщаній заводчики были вынуждены взять свое заявленіе назадъ; и, такимъ образомъ, дѣйствіе скалы 1889 года не было пріостановлено ни на минуту. (См. выше гл. III; Ironworkers Journal 1887 г. августъ стр. 5; 1892 г. ноябрь стр. 8; 1893 г. іюнь стр. 8, іюль стр. 4, сентябрь стр. 8, октябрь стр. 6, ноябрь стр. 4, декабрь стр. 4; 1894 г. январь стр. 4).

*) Labour Commission l. c. 15269—73, 15339. Ironworkers Journal 1889 г. май стр. 5 и 6. Для правильнаго сравненія послѣдней подвижной скалы 1889 года, какъ съ предыдущими скалами, такъ и вообще съ прежними заработками, слѣдуетъ принять во вниманіе, что послѣдняя скала опредѣляетъ заработную плату за тонну такъ называемаго „малаго вѣса“ (short weight) или имперскую тонну, равную 2240 фунтамъ; между тѣмъ, прежде плата всегда устанавливалась за тонну „большого вѣса“ (long weight)—2,400 фун.

Но помимо внутренняго достоинства послѣдней скалы — совершенства базиса, ея успѣху благопріятствовали также внѣшнія обстоятельства, аналогичныя тѣмъ, которыми мы объясняли нѣсколько выше успѣхъ третейскаго суда въ камерѣ Сѣверной Англіи. Установленіе скалы совпало съ началомъ промышленнаго оживленія: въ теченіе одного года цѣна желѣза поднялась съ 5 ф. ст. 4 шилл. 5 пен. (въ апрѣлѣ 1889 г.) до 6 ф. ст. 16 шилл. 5 пен. (въ апрѣлѣ 1890 г.) Соотвѣтственно этому повышенію цѣны, подвижная скала дала рабочимъ въ первый же годъ своего существованія повышеніе заработной платы съ 7 шилл. до 8 шилл. 9 пен. за тонну, *) т. е. на $17^{1}/_{2}\%$ повышеніе, достигнутое, такъ сказать, механически, безъ всякой борьбы и усилій. Это должно было сразу произвести весьма благопріятное впечатлѣніе на тѣхъ рабочихъ, которые въ началѣ были склонны относиться къ скалѣ скептически и раздѣлять все болѣе и болѣе распространяющееся за послѣдніе годы мнѣніе, будто бы „подвижныя скалы двигаются только внизъ". Убѣдившись въ ошибочности этого взгляда, рабочіе остались вѣрными скалѣ и тогда, когда, вслѣдствіе измѣнившейся конъюнктуры и наступившаго паденія цѣнъ, она начала давать имъ пониженія платы, вмѣсто повышеній. Къ тому же понниженія эти были сравнительно весьма постепенныя: только черезъ 3 года, къ апрѣлю 1893 года, заработная плата опустилась до того уровня, на которомъ она стояла передъ началомъ дѣйствія скалы, т. е. до 7 шилл. Отсутствіе рѣзкаго паденія платы также, до нѣкоторой степени, примиряло рабочихъ со скалой и давало имъ мужество, постепенно примѣняясь къ ухудшающимся обстоятельствамъ, терпѣливо ждать возвращенія болѣе благопріятной конъюнктуры.

Наконецъ, за послѣднія 5 лѣтъ, съ 1893 до 1897 года включительно, положеніе цѣнъ и заработной платы отличалось замѣ-

---

Чтобы перевести цифры платы, даваемыя послѣдней скалой съ „малой" тонны на прежнюю „большую", слѣдуетъ прибавлять къ этимъ цифрамъ по 6 пен.; иными словами, при прежнемъ счетѣ, премія скалы 1889 года была бы равна не 2 шилл., а 2 шилл. 6 пен. (Labour Commission 1 с. 15339; Arbitration Proceedings before Schaw-Lefevre 1878 г. стр. 19). Сдѣлавъ эту необходимую оговорку, приведемъ вкратцѣ тѣ цифровыя данныя, которыя были представлены рабочимъ для сравненія послѣдней скалы съ прежними заработками. Съ 1875 и до 1889 года средняя заработная плата пуддлеровъ за 155 мѣсяцевъ равнялась 7 шилл. 0,23 пен. за тонну (большого вѣса). По отношенію къ средней продажной цѣнѣ желѣза за то же время это составляетъ 1 шилл. 9 пен. „сверхъ шиллинговъ за фунты". Между тѣмъ, послѣдняя подвижная скала даетъ 2 шилл. 6 пен. „сверхъ шиллинговъ за фунты" (за тонну большого вѣса), т. е. больше противъ средняго отношенія предыдущихъ 13 лѣтъ (1 шилл. 9 пен.) на 9 пенсовъ, которые и составятъ около 10% (10,7%) средней платы этихъ лѣтъ, равной 7 шилл. 0, 23 пен. (Ironworkers Journal 1889 г. май стр. 6).

*) „Малаго вѣса" см. выше.

чательнымъ постоянствомъ: плата колебалась только въ ничтожныхъ предѣлахъ—3 пенсовъ, равняясь попеременно то 7 шилл., то 6 шилл. 9 пен. за тонну *). Разумѣется, скала не подвергалась за это время никакимъ испытаніямъ, такъ какъ дѣйствія ея почти не проявлялось ни въ томъ, ни въ другомъ направленіи.

Приведемъ въ заключеніе нѣкоторыя цифровыя данныя, показывающія значеніе подвижныхъ скалъ по сравненію съ третейскимъ судомъ и соглашеніемъ въ прошлой исторіи камеры. По нашему приблизительному подсчету, за 29 лѣтъ и 2 мѣсяца ея существованія подвижныя скалы регулировали заработную плату въ теченіе 12 лѣтъ и 3 мѣсяцевъ; третейскій судъ—около 14 лѣтъ, и соглашеніе—около 3 лѣтъ. Общее число отдѣльныхъ „установленій" („settlements") заработной платы, произведенныхъ каждымъ изъ трехъ способовъ, равнялось (до 1 августа 1898 г.): подвижными скалами—72, третейскимъ судомъ—20 и соглашеніемъ—8, всего 100 случаевъ установленія общаго уровня заработной платы **).

V. Условія успѣшной дѣятельности камеры и ея результаты.

Изучая организацію и дѣятельность камеры, мы до сихъ поръ описывали только то, что происходитъ, такъ сказать, на сценѣ. Теперь намъ остается заглянуть за кулисы, чтобы ближе ознакомиться съ тѣми скрытыми рычагами, которыми главнымъ образомъ обусловливается успѣшное функціонированіе камеры. Изъ всего предыдущаго мы могли убѣдиться, что камера представляетъ весьма полную и совершенную систему, превосходно приспособленную для мирнаго разрѣшенія всѣхъ споровъ, возникающихъ въ промышленности. Но гдѣ же, спрашивается, ручательство за то, что рѣшенія камеры будутъ исполняться обѣими сторонами и въ особенности рабочими? Гдѣ, съ другой стороны, та сила, которая можетъ заставить предпринимателей и рабочихъ всегда отдавать всякій возникшій споръ на разсмотрѣніе и разрѣшеніе камеры или постояннаго комитета? Гдѣ, однимъ словомъ, санкція, обезпечивающая соблюденіе всѣхъ правилъ камеры?

Какъ намъ извѣстно изъ первой главы настоящаго очерка, камеры соглашенія и третейскаго суда находятъ эту санкцію

---

*) Цифры заработной платы пуддлеровъ съ 1885 и до 1897 года сообщены намъ г. Коксъ. Ср. также Ironworkers Journal. Съ 1898 года въ желѣзодѣлательной промышленности Сѣверной Англіи, повидимому, снова наступаетъ нѣкоторое повышеніе цѣны и заработной платы (Ironworkers Journal. 1898 г., февраль, стр. 5; Labour Gazette 1898 г., іюнь, стр. 185).

**) Ironworkers Journal 1894 г. декабрь, стр. 2; 1895 г., августъ, стр. 6; 1895—98 passim; Price таблица на стр. 21—23 и данныя, сообщенныя г. Коксъ.

только въ тѣсномъ единеніи съ рабочими союзами, такъ какъ только союзы обладаютъ достаточными матеріальными и нравственными средствами, чтобы заставить рабочихъ всегда подчиняться рѣшеніямъ и правиламъ камеры.

Союзъ „Iron and Steel Workers of Great Britain" не останавливается ни передъ какими самыми энергическими мѣрами для поддержанія авторитета камеры. Онъ не только отказываетъ въ какой бы то ни было денежной поддержкѣ рабочимъ, нарушившимъ правила, но подвергаетъ ихъ и другимъ положительнымъ карамъ, находящимся въ его распоряженіи.

Нѣсколько конкретныхъ примѣровъ лучше всего пояснятъ образъ дѣйствія союза.

Въ сентябрѣ 1897 года рабочіе одного цеха („forkers") на заводѣ Tudhoe Iron Works нарушили правила камеры, прекративъ работу безъ всякаго предупрежденія и отказавшись передать возникшій спорный вопросъ на разрѣшеніе постояннаго комитета. Увѣдомленный объ этомъ комитетъ немедленно собрался на экстренное засѣданіе и постановилъ нижеслѣдующее:

„Рабочіе (поступившіе вышесказаннымъ образомъ) утратили право оставаться на службѣ фирмы, и фирма имѣетъ полное право взять на ихъ мѣсто кого она пожелаетъ, и всякій другой рабочій въ правѣ принять мѣсто, предложенное фирмою. Комитетъ считаетъ своею прямою обязанностью, согласно правиламъ и принципамъ камеры, оказать фирмѣ всевозможное содѣйствіе въ прінсканіи нужныхъ рабочихъ на мѣсто тѣхъ, которые отказались передать свое дѣло юрисдикціи камеры.

Вилльямъ Уитвель—президентъ.
Дж. Коксъ—Вице-президентъ.
Д. Р. Уинпенни } секретари" *).
Эд. Троу }

Хотя резолюція эта формально исходитъ не отъ рабочаго союза, а отъ постояннаго комитета, тѣмъ не менѣе совершенно очевидно, что она черпаетъ свою главную силу въ томъ, что подъ нею подписались высшіе руководители союза: Троу и Коксъ. Ихъ подписи служатъ ручательствомъ, что увольненіе упомянутыхъ рабочихъ не приведетъ заводчика къ столкновенію съ союзомъ; съ другой стороны, тѣ же подписи заранѣе оправдываютъ въ глазахъ товарищей и общественнаго мнѣнія тѣхъ рабочихъ, которые были бы склонны занять мѣсто нарушителей правилъ. Наконецъ, только правленіе союза, всегда хорошо освѣдомленное о положеніи рабочаго рынка во всѣхъ частяхъ страны, можетъ легко доставить и въ дѣйствительности обыкновенно доставляетъ требуемыхъ въ такихъ случаяхъ замѣстителей.

*) Ironworkers Journal 1897 г., октябрь, стр. 8.

Другой сравнительно недавній случай примѣненія той же, очевидно, весьма эффективной кары—лишенія мѣста съ согласія и одобренія союза—произошелъ весною 1894 года на заводѣ Stockton Malleable Works. Шесть человѣкъ рабочихъ этого завода, переведенные постояннымъ комитетомъ, по ихъ собственной просьбѣ, съ поденной работы на сдѣльную, стали черезъ короткое время снова просить, чтобы ихъ вернули на прежнюю поденную плату. Но, принимая во вниманіе, что со времени установленія сдѣльной платы не произошло никакого измѣненія въ условіяхъ работы, комитетъ, согласно извѣстному намъ правилу, отвѣтилъ на это вторичное требованіе отказомъ. Тогда недовольные этимъ рѣшеніемъ рабочіе потребовали разсчета, и къ нимъ присоединились, изъ симпатіи, другіе рабочіе того же отдѣленія завода. Дѣло, однако, не дошло до остановки работы. Постоянный комитетъ постановилъ резолюцію совершенно аналогичную предыдущей, а рабочій союзъ немедленно доставилъ правленію завода полный комплектъ замѣстителей и исключилъ непокорныхъ рабочихъ изъ своихъ членовъ *).

Какъ видимъ, для поддержанія авторитета камеры, союзъ не останавливается и передъ этою послѣднею мѣрою—исключеніемъ изъ членовъ, не смотря на явный ущербъ, причиняемый этимъ финансамъ союза. „Намъ не нужно нечестныхъ людей“, говоритъ Троу, генеральный секретарь. Однажды, по его настоянію, 500 человѣкъ рабочихъ завода Britannia, нежелавшихъ подчиниться рѣшенію третейскаго судьи, были исключены изъ союза однимъ почеркомъ пера **).

Было бы, однако, большою ошибкою думать, что честное исполненіе рѣшеній камеры и постояннаго комитета и неуклонное слѣдованіе правиламъ, установленнымъ для мирнаго разрѣшенія споровъ, достигается исключительно страхомъ, внушаемымъ такими репрессивными мѣрами. На самомъ дѣлѣ, ближайшее знакомство съ особенностями союза „Iron and Steel Workers of Great Britain“ показываетъ, что репрессивныя мѣры, которыми располагаетъ этотъ союзъ, зачастую далеко не такъ страшны для индивидуальныхъ рабочихъ, какъ могло бы казаться съ перваго взгляда.

Возьмемъ, напримѣръ, самую суровую изъ этихъ мѣръ: исключеніе непокорнаго члена изъ союза, и посмотримъ, что означаетъ такая кара для подвергающагося ей рабочаго. Какъ ни велико значеніе союза для общихъ интересовъ рабочей массы, нельзя не придти къ заключенію, что отдѣльный рабочій сравнительно

---

*) Ironwerkers Journal май 1894 г. стр. 4; и со словъ г. Троу.

**) Zur Nieden стр. 212; Labour Commission l. c. 15219 и со словъ г. Троу.

малю теряетъ, лично и непосредственно, отъ исключенія изъ союза такого типа, какъ союзъ „Iron and Steel Workers“.

Въ отличіе отъ наиболѣе могущественныхъ и богатыхъ изъ англійскихъ трэдъ-юніоновъ, какъ-то союзы прядильщиковъ, мастеровыхъ или котельщиковъ, союзъ „Iron and Steel Workers of Great Britain“, имѣющій всего лишь около 7.000 членовъ (въ 1897 году), не преслѣдуетъ широкихъ задачъ взаимопомощи. Взимая весьма невысокій еженедѣльный членскій сборъ (по 4 пен.) *) и обладая поэтому сравнительно небольшими денежными средствами **), этотъ союзъ не страхуетъ своихъ членовъ ни отъ несчастныхъ случаевъ, ни отъ безработицы, болѣзни или старости, а ограничивается только двумя видами пособій (benefits): такъ называемый „dispute benefit“ ***), т. е. пособіемъ на случай стачки, предпринятой съ согласія союза, и „funeral benefit“ т. е. пособіемъ на похороны ****). Вслѣдствіе такой ограниченности пособій, члену, подвергающемуся исключенію изъ союза, почти не приходится терять цѣнныхъ „пріобрѣтенныхъ правъ“ и задумываться надъ судьбой, которая можетъ постичь его при наступленіи болѣзни, безработицы, несчастнаго случая или старости. Это должно, очевидно, сильно облегчить постигающую его кару и, слѣдовательно, уменьшить значеніе этой кары, какъ средства поддержанія дисциплины среди членовъ союза.

Съ другой стороны, рабочій, исключенный изъ союза „Iron and Steel Workers“, далеко не испытываетъ и такихъ затрудненій въ дальнѣйшемъ пріисканіи средствъ существованія, какъ постигнутый такою же карою членъ союза котельщиковъ или прядильщиковъ. Между тѣмъ какъ члены этихъ послѣднихъ союзовъ почти монополизируютъ свою отрасль производства и отказываются работать съ не-членами, закрывая для нихъ такимъ образомъ доступъ на громадное большинство верфей и фабрикъ, союзъ „Iron and Steel Workers“ дозволяетъ non-unionist'амъ мирно работать рядомъ со своими членами. „Мы не вѣримъ въ принужденіе“, говоритъ Троу въ объясненіе столь либеральной и терпимой политики.

Вслѣдствіе всего вышесказаннаго, руководителямъ союза при-

---

*) Кромѣ того при вступленіи въ союзъ каждый членъ уплачиваетъ единовременно 2 шилл. 6 пен. (Rules of the Associated Iron and Steel Workers of Great-Britain стр. 4).

**) Къ 1 января 1897 г. наличныя средства союза достигали 5396 ф. ст. 19 шилл. 2 пен. т. е. около 53.000 рублей.

***) Стачечное пособіе выдается въ размѣрѣ 10 шилл. въ теченіе первыхъ 6 мѣсяцевъ стачки (за исключеніемъ первой недѣли) и въ размѣрѣ 5 шилл. въ слѣдующіе 6 мѣсяцевъ (Rules стр. 10).

****) Похоронное пособіе равняется 5 ф. ст. (50 руб.) въ случаѣ смерти члена, 4 ф. ст. въ случаѣ смерти жены и 1 ф. ст. въ случаѣ смерти ребенка (Rules стр. 13 и 14).

ходится полагаться, для поддержанія дисциплины среди членовъ вообще и для достиженія неуклоннаго соблюденія правилъ камеры въ частности, не столько на внѣшнія репрессивныя мѣры, сколько на свой личный нравственный авторитетъ.

Главную опору камеры, главную причину ея блестящаго успѣха, нужно, безъ всякаго сомнѣнія, видѣть въ томъ громадномъ нравственномъ вліяніи, которое имѣли на рабочихъ вожди союза: Джонъ Кэнъ въ первые семь лѣтъ существованія камеры, а затѣмъ съ 1876 года и до настоящаго времени—Эдуардъ Троу.

Осенью 1897 года, когда пишущему эти строки пришлось быть на Сѣверѣ Англіи, рабочіе желѣзодѣлательной промышленности готовились чествовать своего генеральнаго секретаря за его многолѣтнія заслуги и собирали по подпискѣ фондъ для обезпеченія его въ уже наступающей старости. По этому поводу сэръ Дэвидъ Дэль помѣстилъ въ газетахъ открытое письмо къ вицепрезиденту камеры, Джемсу Коксу, въ которомъ краткими, но яркими чертами обрисовалъ значеніе Троу, какъ піонера промышленнаго мира.

„Я радъ слышать“, пишетъ Дэль, „что принимаются мѣры для признанія великихъ услугъ, оказанныхъ мистеромъ Троу не только желѣзодѣлательной и стальной промышленности, но и дѣлу промышленнаго мира вообще.

„М-ръ Троу былъ однимъ изъ первыхъ членовъ камеры соглашенія и третейскаго суда желѣзодѣлательной промышленности Сѣверной Англіи, основанной 28 лѣтъ тому назадъ.

„Онъ уже тогда защищалъ взгляды, которыхъ всегда неизмѣнно держался съ тѣхъ поръ,—что всѣ разногласія между предпринимателями и рабочими должны быть, во первыхъ, подвергаемы полному, свободному и дружественному обсужденію, а затѣмъ, если это не приведетъ къ примиренію разногласій, таковыя должны быть передаваемы третейскому суду.

„М-ръ Троу не довольствовался одною защитою этихъ взглядовъ, онъ перешелъ къ ихъ практическому осуществленію.

„Въ продолженіе болѣе четверти вѣка онъ принималъ самое близкое участіе въ организаціи и дѣятельности камеръ, члены которыхъ обязаны слѣдовать принципамъ соглашенія и третейскаго суда.

„Это не было легкою работою. Онъ долженъ былъ проявлять большую силу характера и большую твердость и долженъ былъ рисковать потерею популярности.

„Гдѣ онъ считалъ это своею обязанностью, онъ, не колеблясь, вступалъ въ борьбу съ неразумными взглядами рабочихъ и отказывался поддерживать такіе взгляды.

„По временамъ внезапный импульсъ неразумія могъ побудить часть тѣхъ, чьимъ онъ былъ представителемъ, отказаться подвергнуть свои требованія процедурѣ соглашенія и третейскаго

суда, но, какому бы риску ни подвергалась его популярность или даже его положеніе, м-ръ Троу никогда не отступалъ, но всегда смѣло и твердо настаивалъ на соблюденіи обязательства оставаться на работѣ и предоставлять спорный вопросъ на разрѣшеніе того трибунала, которому, какъ рабочіе, такъ и работодатели обязались подчиняться. Но разъ это было признано, м-ръ Троу становился талантливымъ и честнымъ защитникомъ требованій рабочихъ, относясь столь же равнодушно къ милости предпринимателей, какъ онъ передъ этимъ относился къ немилости рабочихъ.

„Въ этомъ важнѣйшемъ изъ современныхъ соціальныхъ вопросовъ—примиреніи противоположныхъ требованій капитала и труда и сохраненіи постоянной, вѣрной, непрерывной работы, ненарушаемой ссорами и стачками, м-ръ Троу былъ піонеромъ и вождемъ и является теперь общепризнаннымъ авторитетомъ.

„Въ качествѣ члена королевской коммиссіи труда, онъ обнаружилъ всѣ тѣ характерныя черты, которыя я ему приписалъ, и оказался однимъ изъ самыхъ способныхъ и полезныхъ ея членовъ.

„Я знаю, что къ нему обращались ученые и люди практики изо всѣхъ частей Европы за свѣдѣніями и совѣтами относительно тѣхъ англійскихъ методовъ соглашенія и третейскаго суда, въ связи съ которыми имя м-ра Троу пользуется столь широкою и всеобщею извѣстностью.

„Все это заставило м-ра Троу отказаться отъ какой-либо другой дѣятельности, которая могла бы дать ему матеріальныя выгоды, и поэтому всѣ тѣ, кто цѣнитъ работу, совершенную м-ромъ Троу въ теченіе его жизни, и въ особенности тѣ, кто прямо или косвенно воспользовался ея плодами, тѣмъ болѣе обязаны воспользоваться предоставленнымъ имъ теперь случаемъ выразить ему свою благодарность“ *).

Справедливость всего того, что высказано здѣсь Дэлемъ объ его старомъ противникѣ и другѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Просматривая отчеты засѣданій правленія союза и протоколы собирающихся время отъ времени конференцій делегатовъ, нельзя не придти къ заключенію, что мнѣнія Троу имѣютъ почти всегда рѣшающее значеніе въ дебатахъ этихъ собраній. Вѣра въ абсолютную честность и опытность любимаго вождя преодолѣваетъ всѣ сомнѣнія и заставляетъ слѣдовать за нимъ какъ наиболѣе интеллигентныхъ изъ рабочихъ, избираемыхъ въ члены правленія и въ делегаты конференцій, такъ и рядовую массу.

На эту послѣднюю секретарь союза имѣетъ два могучихъ способа воздѣйствія. Во первыхъ, онъ приходитъ въ непосредственное соприкосновеніе съ массою на періодическихъ митин-

*) Ironworkers Journal 1897 г. декабрь стр. 4.

гахъ, устраиваемыхъ для своихъ членовъ отдѣльными ложами союза. На эти митинги Троу обыкновенно приглашается въ качествѣ почетнаго гостя, и здѣсь онъ всегда обращается съ рѣчью къ членамъ союза, неотразимо дѣйствуя на нихъ обаяніемъ своей свѣтлой личности, здравою логикою аргументаціи и воодушевляющимъ огнемъ своего краснорѣчія.

Другой способъ воздѣйствія Троу на рядовыхъ рабочихъ—способъ вліяющій не столь сильно на чувства, но за то болѣе постоянный и систематичный—заключается въ изданіи небольшого ежемѣсячнаго журнала: „The Ironworkers Journal", черезъ посредство котораго поддерживается непрерывающаяся духовная связь между руководителями союза и его членами, разбросанными по отдѣльнымъ заводамъ и округамъ. Благодаря журналу, всякій рабочій, интересующійся общими дѣлами, постоянно знакомится съ дѣятельностью союза, камеры и комитета и такимъ образомъ научается понимать и цѣнить значеніе этой дѣятельности и слѣдовать за своими руководителями не только въ силу слѣпой вѣры и привязанности къ нимъ, но и вслѣдствіе разумнаго и сознательнаго убѣжденія въ справедливости тѣхъ основныхъ идей, которыя Троу непрестанно и неутомимо словомъ и дѣломъ проводитъ въ жизнь. На страницахъ журнала печатаются между прочимъ отчеты дебатовъ камеры и стенографическіе протоколы третейскихъ судовъ, изъ чтенія которыхъ тѣ же рабочіе наглядно убѣждаются въ томъ, какого безцѣннаго защитника своихъ интересовъ они имѣютъ въ лицѣ своего генеральнаго секретаря, неуступающаго ни одному изъ предпринимателей въ основательности своихъ техническихъ и экономическихъ знаній, въ искусствѣ, находчивости и остроуміи аргументаціи, въ талантахъ первокласснаго оратора. Они видятъ, какъ этотъ даровитый и преданный защитникъ напрягаетъ всѣ усилія, отстаивая каждое пенни ихъ заработка, и какъ сами работодатели, оспаривая его доводы, постоянно отдаютъ ему дань безусловнаго личнаго уваженія.

Принимая во вниманіе все вышесказанное, мы начинаемъ понимать причины того громаднаго авторитета, которымъ Троу пользуется среди рабочихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ намъ становится понятною и одна изъ главнѣйшихъ причинъ успѣха камеры соглашенія и третейскаго суда желѣзодѣлательной промышленности Сѣверной Англіи.

Свое непоколебимое убѣжденіе въ благотворномъ значеніи соглашенія и третейскаго суда Троу вынесъ не изъ книгъ, а изъ опыта жизни.

Въ шестидесятыхъ годахъ, будучи простымъ рабочимъ—пуддлеромъ, Троу, по словамъ Zur Nieden, „лично пережилъ всѣ ожесточенныя битвы рабочаго союза. Изъ этихъ битвъ онъ вынесъ убѣжденіе, что стачки, которыя всякій разъ означаютъ для

предпринимателей колоссальныя потери, а для рабочихъ—нужду и страданія, въ своемъ исходѣ всегда зависятъ отъ внѣшнихъ факторовъ, такъ какъ, при повышающейся тенденціи рынка, выигрываютъ рабочіе, а при понижающейся,—предприниматели. Поэтому Троу всею силою своего вліянія настаиваетъ на томъ, чтобы не было стачекъ, которыя, какъ онъ выражается, правда, побѣждаютъ и убиваютъ, но не могутъ убѣдить" *).

Благодаря усиліямъ Троу, разрѣшеніе всякихъ споровъ посредствомъ соглашенія и третейскаго суда было признано основнымъ правиломъ того союза, во главѣ котораго онъ стоитъ; даже въ тѣхъ округахъ, гдѣ не существуетъ формально организованныхъ камеръ, члены союза „Iron and Steel Workers of Great Britain" не имѣютъ права приступить къ стачкѣ, не предложивъ предварительно работодателю обратиться къ третейскому суду. „Если бы", говоритъ Троу, „члены нашего союза рѣшили игнорировать правила нашей ассоціаціи и приступили къ стачкѣ, когда имъ былъ предложенъ третейскій судъ, то я отказался бы отъ своего положенія скорѣе, чѣмъ принять участіе въ одномъ изъ этихъ конфликтовъ, которые влекутъ за собою столько страданія и бѣдствій" **).

Дѣятельными помощниками Троу въ его борьбѣ за соблюденіе рѣшеній и правилъ камеры со стороны рабочихъ являются не только другіе руководители союза, но также почти всегда и рабочіе представители въ камерѣ, которые обыкновенно пользуются большимъ вліяніемъ на избравшихъ ихъ заводахъ и, по свидѣтельству самихъ предпринимателей, не щадятъ усилій для обезпеченія мирнаго разрѣшенія споровъ.

Но, какъ намъ извѣстно изъ предыдущаго изложенія, правильному функціонированію камеры можетъ препятствовать не только поведеніе рабочихъ, но также порою и поведеніе предпринимателей. Отъ этой послѣдней опасности камера находитъ защиту у тѣхъ же должностныхъ лицъ рабочаго союза, Троу и его ассистента Джемса Кокса, которые постоянно зорко слѣдятъ за всѣми дѣйствіями заводчиковъ и немедленно доводятъ до свѣдѣнія камеры о всякомъ замѣченномъ ими нарушеніи правилъ со стороны кого-либо изъ этихъ послѣднихъ.

Приведемъ для примѣра два-три такихъ случая.

По правиламъ камеры всякое частное соглашеніе между заводчикомъ и его рабочими должно представляться на утвержденіе постояннаго комитета, который наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы такія соглашенія не противорѣчили общимъ нормамъ регулированія заработной платы. Но въ 1879 году одинъ заводчикъ понизилъ заработную плату нѣкоторыхъ своихъ рабочихъ ниже установлен-

*) Zur Nieden l. c. стр. 212.
**) Newcastle Leader Extra стр. 11.

ныхъ нормъ и не представилъ заключеннаго, завѣдомо неправильнаго соглашенія на утвержденіе комитета. По словамъ Троу, рабочіе получали въ данномъ случаѣ высокую плату и не протестовали противъ неправильности, не желая ссориться съ заводчикомъ. Такимъ образомъ, обѣ стороны были виновны: одна въ нарушеніи правила, другая въ попустительствѣ. Но какъ бы то ни было, кто-то сообщилъ Троу о происшедшемъ; онъ отправился на мѣсто дѣйствія и по книгамъ фирмы (всѣ предприниматели всегда показываютъ свои разсчетныя книги Троу и Коксу) убѣдился въ справедливости сообщеннаго ему факта. Дѣло было немедленно передано въ постоянный комитетъ, который постановилъ, чтобы фирма возвратила рабочимъ всѣ недоплаченныя имъ деньги *). Если бы заводчикъ отказался исполнить это рѣшеніе, ему ничего не оставалось бы, какъ выйти изъ состава камеры.

И случаи послѣдняго рода небезизвѣстны въ прошлой исторіи камеры. Такъ, во время глубокой промышленной депрессіи конца семидесятыхъ годовъ не только вышеупомянутый заводчикъ, но и многіе другіе предприниматели воспользовались, по словамъ Троу, безработицею, чтобы заставить своихъ рабочихъ согласиться, подъ страхомъ разсчета, на тайныя пониженія платы и, въ особенности, на уничтоженіе разныхъ премій, привиллегій и т. п.; когда же на нѣкоторыхъ заводахъ болѣе смѣлые изъ рабочихъ стали рѣшительно протестовать противъ такого нелегальнаго образа дѣйствія, эти заводы предпочли выйти изъ состава камеры скорѣе, чѣмъ подчиниться ея юрисдикціи **)...

Другой характерный примѣръ нарушенія правилъ камеры со стороны заводчика мы возьмемъ изъ сравнительно недавняго прошлаго.

Въ 1893 г. фирма Stockton Malleable Works обратилась въ постоянный комитетъ съ требованіемъ пониженія платы за вальцованіе стали. „Это требованіе", говорилъ Троу въ засѣданіи камеры 16 сентября 1898 года, „было разсмотрѣно постояннымъ комитетомъ. Подкоммиссія, состоявшая изъ самыхъ опытныхъ работодателей и рабочихъ произвела подробнѣйшее разслѣдованіе дѣла на мѣстѣ, и заработная плата была установлена единогласно работодателями и рабочими. Каковъ же былъ результатъ? Рабочіе получили разсчетъ, а въ газетахъ была помѣщена публикація о томъ, что фирма ищетъ новыхъ рабочихъ для исполненія той же работы за плату, сильно пониженную сравнительно съ платою, установленной комитетомъ". „Этотъ случай", продолжаетъ Троу, „болѣе серьезенъ, чѣмъ думаютъ нѣкоторые изъ членовъ камеры... рѣшеніе камеры должно честно исполняться обѣими сторонами, несмотря ни на какія жертвы. Рабочіе не стали бы протестовать,

*) Со словъ г. Троу.

**) Arbitration Proceedings before M. J. Pease 1882 г. Апрѣль стр. 8.

если бы предприниматель совсѣмъ остановилъ свой заводъ, но они протестуютъ противъ временной остановки и попытки нанять новыхъ рабочихъ съ цѣлью измѣненія заработной платы, установленной постояннымъ комитетомъ".

На это обвиненіе, брошенное Троу въ глаза правленію „Stockton Malleable Works", представитель этого завода, м-ръ Эптонъ (Upton), пытался было отвѣчать, но его объясненіе никого не удовлетворило. Безпристрастный президентъ камеры первый согласился съ правильностью толкованія Троу, и вслѣдъ за тѣмъ и самъ м-ръ Эптонъ былъ вынужденъ признать, что сдѣлалъ „ошибку" *).

Подобные поступки предпринимателей угрожаютъ, по словамъ Троу, самому существованію камеры. „Если",—говорилъ Троу въ полной негодованія рѣчи, произнесенной имъ въ камерѣ по аналогичному поводу, „если поступокъ работодателя не будетъ обслѣдованъ, и рабочимъ не будетъ оказана справедливость, то труды послѣднихъ 24 лѣтъ будутъ разсѣяны по вѣтру, и всѣ наши хвастливыя рѣчи о славномъ успѣхѣ нашей камеры рушатся, и камера перестанетъ существовать. Между тѣмъ какъ рабочіе не соглашаются съ противниками третейскаго суда и являются его честными и искренними защитниками, предприниматели первые подаютъ примѣръ обратнаго; и если необразованные, немыслящіе и неграмотные рабочіе воспользуются этимъ примѣромъ,—то на комъ будетъ вина? На необразованныхъ, немыслящихъ и неграмотныхъ или на высоко образованномъ и интеллигентномъ предпринимателѣ? Я полагаю на тѣхъ, кто подаетъ примѣръ" **).

Первый, непосредственный результатъ дѣятельности камеры выразился въ почти полномъ *прекращеніи стачекъ и локоутовъ*.

*) Ironworkers Journal 1890 г. октябрь стр. 5 и 6.

**) Ironworkers Journal 1893 г. августъ стр. 5. Члены предпринимательской секціи камеры, повидимому, отвѣчаютъ за убытки, которые могутъ быть причинены рабочимъ нелегальнымъ образомъ дѣйствія кого-либо изъ заводчиковъ. „Если бы, говорилъ Троу передъ коммиссіей труда, кто-либо изъ работодателей отказался подчиниться рѣшенію постояннаго комитета или камеры, то я увѣренъ, что всѣ прочіе работодатели, согласно данному намъ въ 1876 году обѣщанію, были бы готовы вознаградить рабочихъ за всякую потерю, которую они потерпѣли вслѣдствіе образа дѣйствія работодателя (Labour Commission l. c. 15278). Въ томъ же 1876 году имѣлъ мѣсто, по словамъ Троу, и обратный случай. Когда въ маѣ этого года нѣсколько человѣкъ рабочихъ отказались подчиниться правиламъ камеры, всѣ остальные рабочіе-подписчики рѣшили возмѣстить пострадавшей фирмѣ половину ея убытковъ, достигавшихъ 678 фун. стерл. 10 шилл. 1 пен., „такъ какъ они считали себя обязанными честно исполнять рѣшенія камеры и соблюдать ея правила" (Ibid. l. c. 15159—60). Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что за позднѣйшіе годы намъ неизвѣстно случаевъ примѣненія такой круговой поруки ни со стороны предпринимателей, ни со стороны рабочихъ.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ точныхъ цифровыхъ данныхъ о числѣ стачекъ, происшедшихъ на заводахъ, принадлежащихъ къ камерѣ со времени ея основанія, но отзывы главныхъ дѣятелей камеры единогласно свидѣтельствуютъ о томъ, что стачки эти были весьма незначительны, какъ по числу, такъ и по своей продолжительности.

„До основанія камеры", говорилъ президентъ ея Уитвелль въ своемъ показаніи передъ коммиссіей труда, „было большое число стачекъ; въ 1886 году имѣемъ очень продолжительную стачку, которая длилась около 5 мѣсяцевъ... Со времени основанія камеры были 2 или 3 очень которткія „остановки" (stoppages), продолжавшіяся обыкновенно только день или два... Напримѣръ, третейскій судья постановлялъ пониженіе платы; это вызывало вспышку раздраженія, и нѣкоторые изъ рабочихъ, особенно изъ молодежи, оказывали сопротивленіе въ теченіе одного, двухъ или трехъ дней... Но рабочіе члены камеры прилагали въ такихъ случаяхъ всевозможныя усилія, чтобы побудить непокорныхъ подчиниться рѣшенію третейскаго судьи, и всегда скоро достигали цѣли... такъ какъ рабочіе оказываютъ величайшее уваженіе своимъ вождямъ и, разъ избравъ ихъ въ камеру, слушаютъ главнымъ образомъ ихъ совѣта" *). Тѣ немногія стачки, о которыхъ говоритъ здѣсь Уитвелль, были исключительно *частными стачками*, происходившими на одномъ или нѣсколькихъ заводахъ. *Общихъ стачекъ со времени основанія камеры не было вовсе* **).

Показаніи Уитвелля вполнѣ подтверждаются Троу. Генеральный секретарь союза также категорически заявляетъ, что со времени основанія камеры не было ни одной общей стачки, и припоминаетъ только три непродолжительныя („на нѣсколько дней") частныя остановки, происшедшія: одна въ 1872, другая въ 1880 и третья въ 1882 году ***).

Наконецъ, въ 21-мъ отчетѣ постояннаго комитета—за 1890 г., мы читаемъ слѣдующее оффиціальное резюмэ дѣятельности камеры: „Обозрѣвая дѣятельность камеры со времени ея основанія—22 марта 1869 года, комитетъ чувствуетъ увѣренность, что всѣ согласятся съ тѣмъ, что это учрежденіе принесло громадную пользу округу, на который оно простирало свою дѣятельность. Оно было полезно не только для тѣхъ, кто непосредственно участвуетъ въ желѣзодѣлательной промышленности, но и для соприкасающихся съ нею производствъ. Очевидно, что всякая остановка работы въ такой крупной отрасли, какъ желѣзодѣлательная промышленность Сѣверной Англіи, неизбѣжно должна не

---

*) Labour Commission l. c. 14996—7, 15037—38, 15041—2.

**) Ibid. 15042—43.

***) Newcastle Leader Extra 1894 г. стр. 10 и 11.

только дезорганизовать каменноугольную и доменную промышленность, но и причинить большія неудобства и потери въ другихъ отрасляхъ. Хотя камера не можетъ приписать себѣ заслуги полнаго прекращенія стачекъ со времени своего основанія, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ указать, что тѣ стачки, которыя имѣли мѣсто за это время, произошли при обстоятельствахъ особаго раздраженія или возбужденія и были непродолжительны. Допуская, что случались по временамъ отступленія отъ правилъ и принциповъ камеры, можно тѣмъ не менѣе съ увѣренностью ожидать, что тѣ продолжительныя столкновенія между капиталомъ и трудомъ, которыя округъ видѣлъ въ прежніе годы, при дѣйствіи такого института, какъ камера, совсѣмъ отошли въ область прошедшаго" *).

Таковы компетентные отзывы главныхъ дѣятелей камеры. Просматривая имѣющіеся у насъ печатные матеріалы, мы пришли къ заключенію, что данныя о числѣ и характерѣ стачекъ, сообщаемыя Уитвеллемъ, Троу и отчетомъ постояннаго комитета, въ общемъ несомнѣнно вѣрны и требуютъ лишь незначительныхъ дополненій.

Такъ, мы нашли, что къ тремъ стачкамъ, перечисленнымъ Троу въ его наиболѣе опредѣленномъ изъ трехъ вышеприведенныхъ, отзывовъ слѣдуетъ прибавить еще двѣ, пропущенныя имъ стачки, изъ которыхъ одна произошла въ 1879, а другая въ 1882 году вскорѣ послѣ первой, упомянутой Троу, стачки того же года. Такимъ образомъ *за все почти тридцатилѣтнее существованіе камеры насчитывается пять весьма непродолжительныхъ частныхъ стачекъ*, происшедшихъ: первая въ 1872 году, вторая въ 1879, третья въ 1880 и двѣ послѣднія въ 1882 году. Какъ видимъ, изъ всѣхъ пяти стачекъ цѣлыхъ четыре падаютъ на короткій промежутокъ времени между 1879 и 1882 годами. Повидимому, это трехлѣтіе составило нѣкоторый смутный перерывъ въ славной исторіи камеры, когда быть можетъ самое существованіе ея временно подвергалось опасности. Три - четыре тревожные года, однако, не могутъ имѣть большого значенія по сравненію съ остальными 25-ю годами вполнѣ успѣшной дѣятельности камеры.

Что касается утвержденія постояннаго комитета, что тѣ стачки, которыя имѣли мѣсто въ продолженіе существованія камеры, произошли „при обстоятельствахъ особаго раздраженія или возбужденія и были непродолжительны", то, для доказательства справедливости этихъ словъ, мы приведемъ подробности самой серьезной и продолжительной изъ этихъ стачекъ, происшедшей въ февралѣ 1882 года, а затѣмъ, въ примѣчаніи, кратко охарактеризуемъ и остальныя стачки.

---

*) Labour Commission l. c. стр. 14978.

Какъ было упомянуто выше, въ теченіе 1880 и 1881 года заработная плата регулировалась такъ назыв. „скалою Дэля". Опредѣленіе средней продажной цѣны желѣза за октябрь—декабрь 1881 года, произведенное Уотергаузомъ и долженствовавшее служить, по упомянутой подвижной скалѣ, базисомъ для установленія заработной платы на февраль—апрѣль 1882 года, дало цифру чрезвычайно низкую сравнительно съ тою, которой ожидали рабочіе на основаніи послѣднихъ биржевыхъ котировокъ. Вслѣдствіе внезапно наступившаго оживленія дѣлъ и долгосрочности заключаемыхъ заводчиками контрактовъ, между фактурною и котированною цѣною оказалась громадная разница, доходившая для нѣкоторыхъ сортовъ желѣза до 1 фун. стерл. на тонну. Это вызвало взрывъ раздраженія въ рабочей массѣ, и 1 февраля 1882 года рабочіе нѣкоторыхъ заводовъ: въ Стоктонѣ, Гартлепулѣ, Консеттѣ прекратили работу, требуя досрочнаго уничтоженія скалы и немедленнаго повышенія заработной платы. Стачка продолжалась около недѣли и окончилась тѣмъ, что предприниматели согласились отказаться отъ скалы и повысить заработную плату на $7^1/_2$ %.

Весьма любопытно замѣтить, что секретарь рабочаго союза Эдуардъ Троу, всегда вѣрный принципамъ камеры, отнесся съ безусловнымъ осужденіемъ къ неумѣстной уступчивости, проявленной заводчиками въ данномъ случаѣ, такъ какъ рабочіе нарушили правила, отказавшись отъ работы вмѣсто того, чтобы обратиться въ камеру. По свидѣтельству самихъ предпринимателей, большинство рабочихъ представителей въ камерѣ употребили, со своей стороны, всѣ усилія, чтобы предотвратить стачку, а позднѣе, чтобы побудить стачечниковъ подчиниться правиламъ камеры, вернуться на работу и отдать возникшій споръ на разрѣшеніе установленнаго трибунала. „Дѣйствія рабочихъ делегатовъ", говорятъ заводчики, „заслуживаютъ полнѣйшаго признанія и уваженія со стороны предпринимателей". Рука объ руку съ Троу и делегатами шли также рабочіе другихъ заводовъ, которые, не смотря на неудовольствіе, причиненное отчетомъ Уотергауза, обнаружили неуклонное желаніе поступать честно и добросовѣстно.

Какъ видимъ, эта стачка дѣйствительно произошла при обстоятельствахъ „особаго раздраженія или возбужденія": отъ рабочихъ несомнѣнно требовалось большое самообладаніе, чтобы остаться спокойными, несмотря на жестокое разочарованіе, принесенное отчетомъ Уотергауза. Это сознавалось всѣми, и слѣдствіемъ стачки 1882 года было то, что сроки опредѣленія продажной цѣны были сокращены съ трехмѣсячныхъ на двухмѣсячные, чтобы хотя нѣсколько ослабить несоотвѣтствіе между фактурными и рыночными цѣнами *).

---

*) Arbitration Proceedings before Sir J. Pease 1882 г., апрѣль, стр. 7, 9 и 12. *Вторая стачка 1882 года* произошла въ маѣ, когда еще не успѣло

Другое дополненіе къ вышеприведеннымъ отзывамъ, которое мы считаемъ необходимымъ сдѣлать въ интересахъ возможно полнаго выясненія результатовъ, достигнутыхъ камерою, заключается въ слѣдующемъ.

Въ число тѣхъ пяти стачекъ, о которыхъ мы говорили выше, вошли только болѣе или менѣе серьезныя забастовки, правда не общія и не продолжительныя, но все же простиравшіяся на цѣлый заводъ или даже, въ большинствѣ случаевъ, на нѣсколько заводовъ. Всѣ эти стачки были вызваны обстоятельствами, непосредственно связанными съ общими измѣненіями заработной платы: недовольствомъ подвижною скалою (стачка 1880 г. и первая стачка 1882 г.) или рѣшеніемъ третейскаго судьи (стачка 1872 г. и вторая стачка 1882 г.) и т. п.

Но рядомъ съ этими стачками въ прошлой исторіи камеры, разумѣется, также встрѣчаются *спорадическіе* случаи прекращенія

улечься возбужденіе, вызванное предыдущею стачкою, и опьяненіе достигнутымъ ею успѣхомъ. На этотъ разъ рабочіе нѣкоторыхъ заводовъ были недовольны рѣшеніемъ третейскаго судьи Джозефа Пиза, отказавшаго имъ въ требованіи дальнѣйшаго повышенія платы. Но и эта стачка была непродолжительна: видя, что предприниматели дѣйствуютъ твердо, и что собственные представители отказываются имъ помогать, рабочіе въ самомъ скоромъ времени возобновили работу, и стачка не воспрепятствовала даже вторичному избранію м-ра Пиза на должность третейскаго судьи въ ноябрѣ того же года. (Arbitration Proceedings before Sir J. Pease 1882 г., ноябрь, стр. 6). *Стачка 1880 г.* произошла при точно такихъ же обстоятельствахъ, какъ первая вышеописанная стачка 1882 г. Рабочіе были также разочарованы отчетомъ Уотергауза и пріостановили работу на нѣкоторыхъ заводахъ, но, благодаря усиліямъ Троу и другихъ рабочихъ-членовъ камеры, работа возобновилась черезъ самое короткое время, послѣ чего м-ръ Уотергаузъ подробно объяснилъ въ засѣданіи постояннаго комитета тѣ пріемы, посредствомъ которыхъ онъ опредѣляетъ среднюю продажную цѣну желѣза, и его объясненіе было отпечатано для того, чтобы рабочіе могли убѣдиться въ безусловной правильности и точности его опредѣленій. Это объясненіе на время удовлетворило рабочихъ, и они спокойно продолжали работать подъ дѣйствіемъ скалы въ теченіе 21 мѣсяца, пока въ 1882 г. не произошла вторичная (вышеописанная) вспышка по тому же поводу. (M. Waterhouse's Explanation 1880 г., стр. 4). Но если стачка 1880 и 2 стачки 1882 года произошли дѣйствительно по винѣ рабочихъ, нарушившихъ правила камеры, хотя и при смягчающихъ обстоятельствахъ, то замѣшательства *1879 года* носили совершенно своеобразный характеръ и были продуктомъ недоразумѣнія, вызваннаго недостаточно ясно формулированнымъ вердиктомъ третейскаго судьи (Дэля) по вопросу о спеціальномъ пониженіи платы нѣкоторыхъ разрядовъ рабочихъ. Сложность и запутанность затронутаго здѣсь вопроса не позволяютъ намъ, однако, входить въ разсмотрѣніе его подробностей. Будетъ достаточно замѣтить, что и здѣсь остановка работы была самая кратковременная, а вопросъ ее вызвавшій — совершенно спеціальный, отличный отъ обычныхъ предметовъ дѣятельности камеры. (Arbitration Proceedings before M-r D. Dale 1879 г., октябрь). Наконецъ *стачка 1872 г.* была вызвана недовольствомъ рабочихъ однимъ изъ третейскихъ рѣшеній Томаса Юза, но подробности ея намъ неизвѣстны.

работы отдѣльными цехами или *небольшими группами* рабочихъ въ связи со спорными вопросами, подлежащими вѣдѣнію постояннаго комитета. Примѣры такихъ остановокъ мы видѣли выше, при разсмотрѣніи гарантій успѣшной дѣятельности камеры. Обусловленныя или необращеніемъ въ постоянный комитетъ въ надлежащемъ случаѣ, или неисполненіемъ уже постановленнаго рѣшенія комитета, эти остановки работы являются всегда нарушеніемъ правилъ камеры, но, по малочисленности участвующихъ въ нихъ рабочихъ, очевидно не могутъ быть поставлены въ параллель съ вышеупомянутыми стачками, а должны быть выдѣлены въ особую категорію.

Слѣдуетъ также замѣтить, что затрудненія этой второй категоріи—съ отдѣльными небольшими группами рабочихъ были бы, до извѣстной степени, неизбѣжны не только при дѣйствіи такого учрежденія, какъ описываемая нами камера, но и при идеально совершенной системѣ мирнаго разрѣшенія споровъ. Дѣло въ томъ, что такія затрудненія могутъ иногда обусловливаться индивидуальными качествами характера немногихъ отдѣльныхъ лицъ. Среди десятка предпринимателей и нѣсколькихъ тысячъ рабочихъ всегда найдутся немногія такія лица, которыя вообще неспособны внимать голосу разсудка въ вопросахъ, затрагивающихъ ихъ интересы, или готовы пожертвовать всѣмъ ради удовлетворенія своего каприза. Въ такихъ исключительныхъ случаяхъ все нравственное вліяніе вождей и всѣ репрессивныя мѣры должны очевидно оказаться безсильными для достиженія соблюденія правилъ камеры.

Точно также, взвѣшивая значеніе такихъ остановокъ, вызываемыхъ небольшими группами рабочихъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду вліяніе „новичковъ" и молодежи. Такъ, во время промышленнаго оживленія 1889 года Уитвелль обращалъ особое вниманіе рабочихъ представителей на возможность нарушенія правилъ камеры со стороны пришлыхъ рабочихъ, появившихся въ то время на Сѣверѣ Англіи. Принося съ собою совсѣмъ другіе навыки, усвоенные на родинѣ, пришельцы должны быть еще воспитаны до пониманія цѣли и значенія такого учрежденія, какъ камера соглашенія и третейскаго суда *). То же самое относится и къ молодежи, увлекающейся и впечатлительной, еще непознавшей изъ собственнаго жизненнаго опыта, что значитъ стачка или безработица **).

Но какъ бы то ни было, чтобы по возможности не оставить ничего недосказаннаго, мы попытались—за послѣднія 12 лѣтъ—подвести итогъ и такимъ остановкамъ работы, въ которыхъ уча-

*) Ironworkers Journal 1889 г. августъ стр. 5.

**) Newcastle Leader Extra стр. 11; Ironworkers Journal 1892, мартъ стр. 5.

ствовали лишь небольшія группы рабочихъ, или необратившіяся со своею жалобою въ постоянный комитетъ, или (въ чрезвычайно рѣдкихъ (2) случаяхъ) непожелавшія подчиняться рѣшенію комитета. Въ результатѣ, мы насчитали за 12-тилѣтній періодъ, между 1887 и 1898 годомъ, всего около 9 такихъ случаевъ, причемъ оказалось, какъ бы въ подтвержденіе того, что было сказано нѣсколько выше, что больше половины этихъ случаевъ (5) имѣли мѣсто на одномъ и томъ же заводѣ, правленіе котораго повидимому, всегда доставляло камерѣ всего больше хлопотъ, а другіе случаи произошли на другомъ заводѣ, лишь въ самое послѣднее время примкнувшемъ къ камерѣ *).

Таковы имѣющіяся у насъ, правда, несовсѣмъ полныя и точныя, свѣдѣнія объ „остановкахъ“ работы, происшедшихъ на заводахъ, принадлежащихъ къ камерѣ, за 29 лѣтъ ея существованія. Сопоставляя эти ничтожныя цифры стачекъ съ громаднымъ числомъ—1300 общихъ и частныхъ вопросовъ, — разрѣшенныхъ камерою мирнымъ путемъ, и принимая во вниманіе все вышесказанное, нельзя не согласиться съ утвержденіемъ Уитвелля, что „камера положила конецъ господству принципа стачекъ и грубой силы въ желѣзодѣлательной промышленности“ **).

2) Обезпечивъ почти тридцатилѣтній миръ между рабочими и предпринимателями, камера несомнѣнно оказала этимъ могучую поддержку желѣзодѣлательной промышленности Сѣверной Англіи въ ея борьбѣ за міровой рынокъ. „Заказчики“, говоритъ Троу, „могли смѣло помѣщать свои заказы на Сѣверѣ Англіи въ увѣренности, что никакая смута (disturbance) не воспрепятствуетъ выполненію контрактовъ“ ***) Такимъ образомъ, рабочіе были не только избавлены отъ безработицы, непосредственно причиняемой стачками, но и безработица, обусловленная, какъ періодическими кризисами промышленности, такъ и спеціальнымъ кризисомъ, вызваннымъ переходомъ отъ желѣза къ стали, была значительно ослаблена, благодаря успѣшной дѣятельности камеры. Вдвойнѣ справедливы поэтому слова, произнесенныя Троу на „серебряномъ юбилеѣ“ камеры въ январѣ 1894 года: „Наша политика соглашенія и третейскаго суда отстранила голодъ отъ многихъ дверей, поддержала огонь во многихъ очагахъ и не дала дѣтямъ погибнуть отъ недостатка пищи и тепла“ ****).

3) Но помимо сохраненія внѣшняго мира, камера совершенно измѣнила и внутреннія *отношенія между предпринимателями и рабочими.* Отчужденность, недовѣріе и подозрительность, которыя

*) Отчеты постояннаго комитета въ Ironworkers Journal. 1889 г. сентябрь, октябрь, 1890 г. январь, май — іюль, октябрь, 1894 г, май, 1897 г. октябрь.

**) Ironworkers Journal 1894 г. мартъ стр. 1.

***) Ironworkers Journal 1896 г. августъ стр. 4.

****) Ironworkers Journal 1894 г. мартъ стр. 2.

стороны питали другъ къ другу, мало-по-малу смѣнились противоположными чувствами: взаимнаго довѣрія, уваженія и искренней симпатіи *)

По словамъ Троу, до основанія камеры рабочіе смотрѣли на предпринимателей, какъ на враговъ и тирановъ, совершенно неспособныхъ „внимать голосу разсудка" въ своихъ отношеніяхъ къ рабочимъ **). Недовѣріе къ предпринимателямъ ярко проявилось даже во время переговоровъ, непосредственно предшествовавшихъ основанію камеры. Собравшись на предварительный митингъ, делегаты рабочихъ единогласно постановили потребовать отъ заводчиковъ, чтобы они прежде всего гарантировали, что они, делегаты, не подвергнутся удаленію съ завода или инымъ притѣсненіямъ за откровенное выраженіе своихъ мнѣній во время имѣвшихъ послѣдовать переговоровъ... „Къ счастью," говоритъ Троу, „это было излишнее требованіе. Факты „виктимизаціи" многихъ руководителей рабочихъ, возбудившіе въ прошломъ такую подозрительность, были въ большинствѣ случаевъ обусловлены тѣмъ, что рабочіе приходили въ соприкосновеніе только съ управляющими (managers), которые были всегда готовы притѣснять рабочихъ и вредить имъ въ глазахъ заводчиковъ путемъ неправильной передачи истинныхъ фактовъ; но со времени перваго же собранія, на которомъ работодатели и рабочіе пришли въ близкое, непосредственное соприкосновеніе другъ съ другомъ, безъ вмѣшательства управляющихъ,—никогда не возникало болѣе и тѣни основанія для подобныхъ жалобъ, такъ какъ предприниматели всегда признавали и уважали, какъ въ засѣданіяхъ камеры и комитета, такъ и въ заводскихъ конторахъ, отвѣтственное положеніе, занимаемое представителями рабочихъ, вполнѣ признавали ихъ право защищать интересы рабочихъ и такимъ отношеніемъ заслужили довѣріе этихъ послѣднихъ" ***). Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ каждымъ послѣдующимъ засѣданіемъ камеры и комитета представители рабочихъ все болѣе и болѣе убѣждались въ ложности своего предвзятаго мнѣнія объ абсолютной неспособности предпринимателей „внимать голосу разсудка" въ вопросахъ, касающихся рабочихъ отношеній ****).

Съ другой стороны, и предприниматели въ скоромъ времени совершенно измѣнили свой взглядъ на представителей рабочихъ вообще и на руководителей рабочаго союза въ частности. Они

---

*) Labour Commission l. c. 15033, 15073, 15171; Ironworkers Journal 1894 г. мартъ стр. 1., 1895 г. мартъ стр. 4.

**) Report of Proceedings at the Industrial Conference held in London March 16. 1894. стр. 25.

***) Лекція Троу въ Кэмбриджѣ; Ironworkers Journal 1894 г. декабрь стр. 1.

****) Industrial Conference l. c. стр. 25; Ironworkers Journal 1896 г. августъ, стр. 4.

убѣдились, придя въ близкое отношеніе къ этимъ лицамъ, что имѣютъ дѣло не съ безшабашными агитаторами, сѣющими смуту ради смуты, а съ разумными людьми, честно и твердо защищающими интересы рабочихъ, но въ то же время способными взглянуть и на другую сторону вопроса и отнестись справедливо къ интересамъ предпринимателей и самой промышленности *).

„Однажды", разсказываетъ Троу, „въ Дарлингтонъ прибыла делегація нѣмецкихъ заводчиковъ съ цѣлью интервьюировать м-ра Дэля и меня, и одинъ изъ делегатовъ сказалъ, обращаясь ко мнѣ: „М-ръ Троу! мы находимъ, что наиболѣе интеллигентные изъ нашихъ рабочихъ—самые ярые агитаторы, и что съ ними всего труднѣе имѣть дѣло". Троу отвѣчалъ: „Это происходитъ оттого, что вы не обращаетесь съ ними по человѣчески; вы не обсуждаете съ ними вопроса, не разъясняете имъ ихъ недоумѣній и не стараетесь дать имъ понять истинное положеніе... Вы относитесь къ нимъ свысока (you pooh, pooh them), и эти люди уходятъ отъ васъ вашими врагами! Если бы вы поговорили съ ними въ теченіе получаса и вошли въ разсмотрѣніе всѣхъ обстоятельствъ дѣла, вы обратили бы ихъ въ друзей, и истинное положеніе было бы выяснено" **).

„Сэръ Дэвидъ Дэль," говорилъ далѣе Троу, продолжая развивать ту же самую мысль, „всегда готовъ просидѣть часы, просидѣть сколько угодно времени, чтобы выяснить и устранить возникшее недоразумѣніе". И рабочіе въ высшей степени цѣнятъ такое внимательное отношеніе къ ихъ нуждамъ, такое стремленіе всегда поступать съ ними по справедливости. Уваженіе къ ихъ человѣческой личности, проявляющееся въ такомъ обращеніи, они ставятъ едва ли не выше матеріальныхъ выгодъ. „Рабочіе", сказалъ Троу, прибѣгая къ афоризму, „скорѣе готовы принять пониженіе платы отъ Дэля, чѣмъ повышеніе отъ иного заводчика".

Но, благодаря примѣру такихъ руководителей камеры, какъ Дэль и Уитвелль, другіе заводчики желѣзодѣлательной промышленности Сѣверной Англіи также, въ большей или меньшей степени, прониклись духомъ гуманнаго и справедливаго отношенія къ рабочимъ. По словамъ Троу, „во всемъ свѣтѣ не существуетъ лучшихъ работодателей, чѣмъ работодатели Сѣверной Англіи. За однимъ или двумя исключеніями, они относятся къ рабочимъ чистосердечно и дружественно" ***).

4) Положенные въ основу камеры и проведенные ею на прак-

*) Ironworkers Journal 1897 г. августъ стр. 5.

**) Industrial Conference l. c. стр. 26 и со словъ Г. Троу.

***) Industrial Conference l. c. стр. 26. Какъ было изложено выше при описаніи дѣятельности постояннаго комитета, отношенія управляющихъ къ рабочимъ также совершенно измѣнились.

тикѣ принципы уваженія къ личности рабочаго и признанія его абсолютной равноправности оказали громадное *воспитательное вліяніе на рабочихъ*, которые, какъ мы знаемъ, стояли при основаніи камеры на весьма низкомъ культурномъ и нравственномъ уровнѣ. „Это подняло ихъ нравственно," говоритъ Троу, „заставивъ ихъ уважать собственное человѣческое достоинство. Прежде многіе изъ нихъ не ставили ни въ грошъ своего достоинства, не были „respectable" и предавались пьянству. Теперь рабочіе сами уважаютъ свою личность, видя, что ее уважаютъ другіе".

5) Но если рабочіе несомнѣнно выиграли въ нравственномъ отношеніи, благодаря существованію камеры, то, съ другой стороны, естественно возникаетъ вопросъ, не проиграли ли они *матеріально* отъ замѣны боевой политики стачекъ мирною политикою соглашенія и третейскаго суда. Не было ли куплено слишкомъ дорогою цѣною матеріальныхъ жертвъ сохраненіе мира и установленіе дружественныхъ отношеній къ предпринимателямъ? Быть можетъ, если бы рабочіе держались за послѣднія 29 лѣтъ не мирнаго, а аггрессивнаго образа дѣйствія, они добились бы отъ предпринимателей большихъ уступокъ въ заработной платѣ и другихъ условіяхъ работы?

На эти предложенные нами вопросы Троу отвѣчалъ, что, по его искреннему и глубокому убѣжденію, рабочіе желѣзодѣлательной промышленности *добились мирнымъ путемъ большихъ результатовъ въ смыслѣ улучшенія своего матеріальнаго положенія, чѣмъ могли бы добиться аггрессивною политикою стачекъ.*

а) Относительное улучшеніе матеріальнаго положенія рабочихъ желѣзодѣлательной промышленности Сѣверной Англіи выразилось прежде всего въ томъ, что пропорція, въ которой общій продуктъ капитала и труда дѣлится между этими двумя факторами производства, измѣнилась въ пользу послѣдняго изъ нихъ. Такъ, при одной и той же цѣнѣ желѣза, рабочіе получаютъ по послѣдней подвижной скалѣ *на 10% больше*, чѣмъ по скалѣ, дѣйствовавшей 18 лѣтъ тому назадъ (скала Дэля 1880 года) *). И эта разница была бы несомнѣнно еще значительнѣе, если бы мы взяли для сравненія съ настоящимъ не 1880 г., а время, предшествовавшее основанію камеры. Къ сожалѣнію, для Сѣверной Англіи не сохранилось статистическихъ данныхъ о цѣнахъ и заработной платѣ шестидесятыхъ годовъ. Но такія данныя имѣются для „Midlands", т. е. Стаффордширскаго округа, гдѣ заработная плата въ общемъ соотвѣтствовала платѣ Сѣвера и устанавливалась также мирнымъ путемъ посредствомъ камеры, весьма близкой по своей организаціи къ камерѣ Дэля. И вотъ, что показываютъ цифры, относящіяся къ Midlands:

---

*) Labour Commission l. c. 15338—9.

Въ среднемъ *за 1851—71 годы*, при цѣнѣ желѣза въ 8 фун. стерл. 2 шилл. за тонну, заработная плата пуддлера равнялась 8 шилл. 1 пен. (за тонну „малаго вѣса").

По скалѣ, дѣйствующей на Сѣверѣ Англіи *въ настоящее время*, при той же цѣнѣ въ 8 фун. стерл. 2 шилл., заработная плата равняется 10 шиллингамъ. Такимъ образомъ, изъ общаго продукта рабочій получаетъ въ настоящее время *на 25% больше*, чѣмъ прежде *)

b) Но совершенно независимо отъ этого увеличенія нормы вознагражденія по отношенію къ цѣнѣ желѣза,—„сверхъ этого увеличенія", какъ выразился Джемсъ Коксъ—заработки рабочихъ также возрасли вслѣдствіе *усовершенствованія машинъ и методовъ производства*. Какъ намъ извѣстно, постоянный комитетъ такъ регулируетъ сдѣльную плату, чтобы рабочимъ всегда доставалась своя доля пользы отъ всякаго улучшенія; такимъ образомъ, слѣдуя одно за другимъ, техническія усовершенствованія мало-по-малу увеличиваютъ заработки въ весьма значительной степени: по примѣрному опредѣленію Троу на $^2/_3$ ихъ первоначальной суммы **).

c) Наконецъ, не слѣдуетъ забывать, что, благодаря камерѣ, уменьшались періоды безработицы, что должно было также оказывать благопріятное вліяніе на заработки.

Таковы были три направленія, въ которыхъ улучшилось положеніе рабочихъ.

Но если бы даже въ матеріальномъ благосостояніи членовъ камеры и не произошло столь значительнаго улучшенія, какъ въ положеніи нѣкоторыхъ другихъ разрядовъ англійскаго рабочаго класса, то и такой фактъ отнюдь не служилъ бы свидѣтельствомъ противъ благотворнаго значенія мирныхъ способовъ разрѣшенія споровъ. Какъ мы знаемъ, за послѣднія 20 лѣтъ желѣзодѣлательная промышленность была, по выраженію Троу, „увядающею промышленностью". При такихъ экономическихъ условіяхъ, не только улучшеніе положенія рабочихъ, но хотя бы одно сохраненіе прежняго уровня составляло, очевидно, чрезвычайно трудную задачу, совершенно несравнимую съ тою, которая выпадала на долю рабочихъ союзовъ въ другихъ, болѣе счастливыхъ отраслахъ производства.

6) Тѣмъ же тяжелымъ кризисомъ, тяготѣвшимъ надъ желѣзодѣлательною промышленностью въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ существованія камеры, объясняется и одинъ, уже отмѣченный нами ранѣе фактъ, который съ перваго взгляда рѣзко противорѣчитъ всему тому, что мы до сихъ поръ говорили о блестящихъ

---

*) Со словъ гг. Троу и Коксъ; хр. Arbitration Proceedings before M-r J. Pease 1882 г., апрѣль, стр. 11.

**) Labour Commission l. c. 15293—300.

успѣхахъ, достигнутыхъ камерою. Фактъ этотъ—громадное уменьшеніе числа заводовъ и рабочихъ-подписчиковъ, принадлежащихъ къ камерѣ. Между тѣмъ какъ въ 1874 году къ составу камеры принадлежали 35 заводовъ и 14,000 рабочихъ членовъ, въ 1898 году числа эти понизились до 11 заводовъ и 4,046 рабочихъ *).

Чтобы разсѣять сомнѣнія, на которыя могутъ естественно навести эти поразительныя цифры, обратимъ прежде всего наше вниманіе на нѣкоторыя статистическія данныя объ общемъ производствѣ желѣза на заводахъ Сѣверной Англіи, независимо отъ того, состоятъ эти заводы членами камеры или нѣтъ. Производство желѣза, достигавшее въ 1873 году 630,862 тоннъ, упало въ 1890 году до 251,471 тонны, т. е. уменьшилось слишкомъ въ два съ половинною раза **). Что же сталось съ заводами, которые доставляли этотъ громадный излишекъ производства 1873 сравнительно съ 1890 годомъ, и въ частности, какая судьба постигла тѣ изъ этихъ заводовъ, которые принадлежали къ камерѣ?

Какъ разсказываетъ проф. Lotz, путешествіе по окрестностямъ Миддлесбро и Дарлингтона даетъ наглядный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Повсюду виднѣются безмолвныя, покинутыя заводскія постройки и трубы, переставшія дымить ***).

Болѣе сорока предпріятій, нѣкогда процвѣтавшихъ на Сѣверѣ Англіи, не могли перенести кризиса, вызваннаго паденіемъ спроса на желѣзо и замѣною его сталью, и совсѣмъ прекратили свою дѣятельность ****). Въ числѣ этихъ закрывшихся заводовъ было 20, принадлежавшихъ къ камерѣ *****). Вотъ, слѣдовательно, первая и главная причина уменьшенія числа ея членовъ.

Другіе заводы, обладавшіе большими средствами, пытались, какъ мы знаемъ, бороться съ кризисомъ, слѣдуя тенденціи времени, т. е. замѣняя производство желѣза производствомъ стали. Но первоначально камера вовсе не регулировала условій труда въ стальной промышленности, и такимъ образомъ тѣ заводы и тѣ отдѣленія заводовъ, которые передѣлывались съ желѣза на сталь, естественно сами собою отпадали отъ камеры и также уменьшали составъ ея членовъ. Только съ конца восьмидесятыхъ годовъ †) камера включила въ сферу своей дѣятельности и стальную промышленность и такимъ образомъ предотвратила отпаденіе стальныхъ отдѣленій нѣкоторыхъ изъ крупнѣйшихъ заводовъ; Consett, Stockton Malleable и Jarrow ††).

*) Labour Commission l. c., 14987; Ironworkers Journal 1898 г. мартъ, стр. 4.

**) Labour Commission l. c. 15134—36.

***) Lotz. l. c. стр. 271.

****) Times, 1896. November 21. „Industrial North“.

*****) Labour Commission l. c. 15.049, 15160.

†) Слово „Steel“ было включено въ оффиціальное наименованіе камеры только въ 1890 году. Ironworkers Journal 1890 г. февраль стр. 7.

††) Labour Commission l. c. 15137, 15140, 15142, 15160.

Но если бы даже включеніе стального производства въ область компетенціи камеры было сдѣлано много раньше, когда сталь только что начинала завоевывать себѣ права гражданства, и если бы такимъ образомъ всѣ заводы, перешедшіе на сталь, остались членами камеры, то и въ такомъ случаѣ, по мнѣнію такихъ компетентныхъ экспертовъ, какъ Уитвелль и Троу, все таки произошло бы значительное уменьшеніе въ числѣ рабочихъ подписчиковъ камеры. И вотъ почему. Во первыхъ, при переходѣ отъ желѣза къ стали исчезаетъ цехъ пудлеровъ и замѣняется сталелитейщиками (Steelsmelters); но сталелитейщики не принадлежатъ къ союзу „Iron and Steel Workers of Great Britain", а имѣютъ свою собственную національную организацію, не стоящую ни въ какой связи съ камерою соглашенія и третейскаго суда. Такимъ образомъ, исчезновеніе цеха пуддлеровъ составляетъ прямую, ничѣмъ не вознаграждающуюся потерю для камеры. Между тѣмъ какъ на желѣзныхъ заводахъ къ ней принадлежатъ всѣ разряды такъ наз. „ученыхъ" (skilled") рабочихъ, (кромѣ вспомогательныхъ: машинистовъ, кочегаровъ, мастеровыхъ и т. п.), изъ рабочихъ стального производства членами камеры состоятъ только „бессемеровальщики" и рабочіе „вальцовыхъ" отдѣленій *).

Но помимо отпаденія отъ камеры цеха сталелитейщиковъ, переходъ отъ желѣза къ стали обыкновенно сопровождается общимъ сокращеніемъ числа рабочихъ завода, такъ какъ для производства даннаго вѣса стали требуется гораздо меньше труда и рабочихъ рукъ, чѣмъ для производства такого же количества желѣза. Еще въ 1877 г., когда производство стали только что возникало, заводчикъ Gill утверждалъ передъ третейскимъ судьей Дэвидомъ Дэлемъ, что, между тѣмъ какъ на производство 1 тонны стальныхъ рельсовъ затрачивается только 8 шилл. заработной платы, плата, идущая на производство тонны рельсовъ желѣзныхъ, составляетъ 28 шилл. **). Въ настоящее время, вслѣдствіе усовершенствованій въ производствѣ стали, разница эта еще значительно больше. „Въ прежніе годы", говорилъ Троу въ своемъ показаніи передъ коммиссіей труда, „на рельсовыхъ заводахъ считалось хорошею выработкою 60 тоннъ въ недѣльную смѣну (на станъ—mill) и когда мы добились 100 тоннъ въ недѣлю на нѣкоторыхъ улучшенныхъ заводахъ, мы думали, что достигли совершенства. Но въ настоящее время на нѣкоторыхъ рельсовыхъ (стальныхъ) заводахъ вырабатываютъ по 350 и 450 тоннъ въ недѣльную смѣну, и для выработки этихъ 350 или 450 тоннъ требуется меньше, значительно меньше рабочихъ, чѣмъ прежде для производства 60 или 100 тоннъ—и это объясняетъ сокращеніе числа членовъ" ***).

*) Labour Commission l. c. 15160—164.
**) Labour Commission l. c. 15165.
***) Labour Commission l. c. 15166.

Итакъ, мы видимъ, что цѣлый рядъ внѣшнихъ обстоятельствъ, связанныхъ съ замѣною желѣза сталью, достаточно объясняетъ уменьшеніе числа заводовъ и подписчиковъ камеры; и, слѣдовательно, это явленіе нисколько не свидѣтельствуетъ объ ослабленіи довѣрія къ камерѣ со стороны заводчиковъ или рабочихъ; напротивъ, довѣріе къ ней, по утвержденію Уитвелля, больше, чѣмъ когда бы то ни было *).

7) Но разумѣется, какъ и прежде бывали нѣкоторые единичные случаи отпаденія отъ камеры отдѣльныхъ фирмъ **), вслѣдствіе нежеланія подчиняться ея юрисдикціи, такъ и въ настоящее время на Сѣверѣ Англіи существуютъ такіе заводы, владѣльцы которыхъ не сочувствуютъ камерѣ и не желаютъ принадлежать къ ея членамъ. Главную причину несочувствія этихъ заводчиковъ слѣдуетъ, вѣроятно, видѣть въ томъ, что принадлежность къ камерѣ неизбѣжно влечетъ за собою раскрытіе многихъ подробностей производства передъ конкуррентами, постоянно посѣщающими заводы въ составѣ слѣдственныхъ подкоммиссій. По этой или инымъ неизвѣстнымъ намъ причинамъ, администрація нѣкоторыхъ заводовъ Сѣверной Англіи отвѣчаетъ упорнымъ отказомъ на приглашенія камеры и неоднократно выраженныя со стороны собственныхъ рабочихъ желанія присоединиться къ ея членамъ ***).

Тѣмъ не менѣе, существованіе камеры не остается безъ вліянія и на эти заводы, не принадлежащіе къ ея составу. Вліяніе это двоякое. Одни заводы, числомъ 5 съ 2500 рабочими, не посылаютъ своихъ представителей въ камеру, не участвуютъ въ расходахъ по ея содержанію и не отдаютъ своихъ мѣстныхъ споровъ на разрѣшеніе ея постояннаго комитета, но слѣдуютъ за нею по общимъ вопросамъ, измѣняя общій уровень заработной платы своихъ рабочихъ одновременно и соотвѣтственно измѣненіямъ, производимымъ камерою ****).

Другіе заводы не дѣлаютъ правда и этого, но за то примѣняютъ принципы камеры мѣстно, устраивая у себя въ маломъ масштабѣ учрежденія, подобныя камерѣ †). Такъ, напримѣръ, на громадномъ сталелитейномъ заводѣ Bolchow, Waughan & C° въ Eston'ѣ существуетъ „мѣстный соединенный комитетъ", и дѣйствуетъ особая подвижная скала ††).

---

*) Labour Commission l. c. 14980—81.

**) См. выше.

***) Labour Commission l. c. 15166; Zur Nieden l. c. стр. 216· Ironworkers Journal 1889 г. февраль стр. 6, 1890 г. февраль стр. 6, 1893 г. мартъ стр. 7, 1894 г. мартъ стр. 2.

****) Labour Commission l. c. 15030—33, и со словъ г. Троу.

†) Labour Commission l. c. 15166—9.

††) Соединенный комитетъ въ Эстонѣ состоитъ изъ трехъ представителей рабочихъ завода и трехъ членовъ его администраціи. Всѣ частные споры, возникающіе на заводѣ, поступаютъ первоначально въ этотъ ко-

До сихъ поръ мы говорили только о Сѣверѣ Англіи, но вліяніе камеры простирается далеко за предѣлы этого округа. Рѣшеніямъ по общимъ вопросамъ слѣдуютъ также заводы западнаго Кумберлэнда: въ городахъ Воркингтонѣ и Бэрроу (Barrow), и южнаго Іоршкира: въ Гуллѣ и Лидзѣ. Нѣкоторые изъ этихъ заводовъ даже охотно примкнули бы къ камерѣ въ качествѣ ея полноправныхъ членовъ; но сама камера не принимаетъ ихъ въ члены и отказывается брать съ нихъ денежные взносы на свое содержаніе, исходя изъ того справедливаго взгляда, что такое учрежденіе можетъ успѣшно фукціонировать, въ полномъ своемъ объемѣ, только въ предѣлахъ одного округа, гдѣ условія производства болѣе или менѣе однообразны. Поэтому, кумберлэндскіе и южноіоркширскіе заводы ограничиваются тѣмъ, что добровольно подчиняются общимъ измѣненіямъ заработной платы, постановляемымъ камерою Сѣвера *).

Принимая во вниманіе существованіе такихъ отношеній и подсчитывая по приблизительнымъ даннымъ, сообщеннымъ намъ г. Троу (въ сентябрѣ 1897 г.), число всѣхъ рабочихъ, находящихся въ большой или меньшей зависимости отъ камеры соглашенія и третейскаго суда желѣзодѣлательной промышленности Сѣверной Англіи, мы придемъ къ заключенію, что число это въ нѣсколько разъ превосходитъ число дѣйствительныхъ членовъ-подписчиковъ камеры и достигаетъ весьма внушительной цифры 14,500 человѣкъ, которые распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

I. На Сѣверѣ Англіи:

1) На 11 заводахъ, состоящихъ полноправными членами камеры:

митетъ и разрѣшаются имъ путемъ соглашенія. Въ случаѣ недостиженія послѣдняго, вопросъ переходитъ на разсмотрѣніе высшей инстанціи, состоящей изъ двухъ лицъ: директора-распорядителя завода, м-ра Эвансъ и генеральнаго секретаря союза, Эдуарда Троу. Наконецъ, если и эти лица не придутъ къ соглашенію между собою, дѣло рѣшается третейскимъ судомъ согласно уставу рабочаго союза. Вопросы объ общихъ измѣненіяхъ заработной платы всѣхъ рабочихъ завода рѣшаются прямо высшею инстанціею (т. е. Эвансомъ и Троу) или третейскимъ судомъ, минуя соединенный комитетъ. Въ настоящее время заработная плата регулируется особою подвижною скалою, базисомъ которой служитъ цѣна стальныхъ рельсовъ, составляющихъ главный предметъ производства завода. По словамъ эксперта Томаса (въ его показаніи передъ коммиссіею труда), система мирнаго разрѣшенія споровъ, принятая въ Эстонѣ, дѣйствуетъ вполнѣ удовлетворительно. Такія же мѣстныя учрежденія, созданныя по образцу главной камеры, встрѣчаются и на нѣкоторыхъ другихъ заводахъ, какъ-то Britannia Works и North Eastern Steel Works въ Миддлесбро (Zur Nieden l. c., стр. 217; Labour Commission l. c. 14922—43, 15106).

*) Labour Commission l. c., 15215—8; 15244—50; 15361—3; 15367—8; Zur Nieden l. c., стр, 214.

а) ея подписчиковъ—„skilled workmen“. . . .	4.000
b) подручныхъ рабочихъ—„labourers“	2.000
2) На 5 заводахъ, не принадлежащихъ къ камерѣ, но слѣдующихъ за нею по общимъ вопросамъ	2.500
Всего на Сѣверѣ Англіи. . . .	8.500
II. Въ другихъ округахъ, слѣдующихъ за камерою по общимъ вопросамъ	6.000
Всего	14.500

Разумѣется, такому подсчету, какому мы только что подвергли здѣсь сферу прямого вліянія камеры, совершенно не поддается ея косвенное вліяніе, то вліяніе, которое она оказываетъ своимъ примѣромъ. Мы уже упоминали выше о нѣкоторыхъ заводахъ Сѣверной Англіи, устроившихъ у себя мѣстныя учрежденія на подобіе камеры. Но примѣру камеры Дэля послѣдовали не только отдѣльные заводы, но и цѣлые округа желѣзодѣлательной промышленности. Такъ, въ 1876 г. возникла такая же камера („The Midlands Jron and Steel Wages Board“) въ старѣйшемъ Стаффордширскомъ округѣ, а въ 1890 году—въ Западной Шотландіи.

Наконецъ, мы не будемъ говорить о тѣхъ проявленіяхъ косвеннаго вліянія камеры Сѣверной Англіи, которыя выразились не въ опредѣленныхъ конкретныхъ фактахъ, а въ общей могучей пропагандѣ идей соглашенія и третейскаго суда. Это послѣднее вліяніе не только широкою волною разлилось по другимъ отраслямъ англійской промышленности, но и проникло въ другія страны Европы и Америки. По словамъ президента камеры Уитвелля, ему пришлось слышать во время своего пребыванія въ Соединенныхъ Штатахъ, что „одно чтеніе правилъ камеры“ уже дѣйствуетъ тамъ благотворно, направляя на надлежащій мирный путь разрѣшеніе споровъ между предпринимателями и рабочими *).

А. Зотовъ.

---

*) Ironworkers Journal. 1892 г. мартъ, стр. 5; 1894 г. сентябрь, стр. 2; 1896 г. августъ, стр. 4; 1897 г. августъ, стр. 5.

Родина.

Не синева небесъ Италіи счастливой,
Не дикая краса швейцарскихъ стройныхъ горъ,
Не Рейна береговъ рисунокъ прихотливый
Волнуютъ душу мнѣ, слезой туманятъ взоръ.
Нѣтъ, милый край родной! твое мнѣ имя свято.
Подъ небомъ пасмурнымъ просторъ твоихъ степей
И сосенъ лѣсъ густой, и маленькія хаты,
И тусклые кресты погостовъ и церквей...
Какъ сердцу моему вы близки и родны,
Картины грустныя родимой стороны!..
И грезятся душѣ веселой пѣсни слезы...
И сказки милыя далекой старины,
И шопотъ вѣковой сѣдѣющей сосны,
И сладкій ароматъ задумчивой березы...

Галина.

Деревенская консультація.

(Очерки и наблюденія).

I.

На счетъ правовъ и дѣловъ.

За послѣднее время въ юридическихъ обществахъ, земскихъ собраніяхъ и печати ставился на очередь и обсуждался вопросъ: нужна ли для деревни болѣе или менѣе правильно организованная юридическая помощь. Много говорилось по этому поводу за, много противъ, но дѣло не подвинулось впередъ ни на одинъ шагъ, вопросъ остался „открытымъ" къ немалому удовольствію тѣхъ, кому выгодно держать невѣжественную деревню въ правовомъ отношеніи in statu quo.

Слѣдуетъ замѣтить вообще, по отношенію деревни и крестьянина, мы (какъ хотите называйте это „мы": правящіе классы, интеллигентное общество и т. п.) заняли и занимаемъ странное положеніе: все, что по отношенію „насъ" сдѣлалось необходимой потребностью, ходячей истиной, дѣломъ давно рѣшеннымъ и сданнымъ въ архивъ, для деревни все еще представляется въ видѣ вопроса, возбуждающаго „продолжительныя и оживленныя пренія". По отношенію къ крестьянину и деревнѣ все извинительно, все можно „ставить на очередь", обо всемъ допускается говорить и при томъ очень много.

Такъ, въ параллель съ юридической, возьмемъ медицинскую помощь.

Повидимому, что можетъ быть наивнѣе вопроса: нужна ли деревнѣ правильно организованная медицинская помощь? а между тѣмъ, вооружившись пріемами, при помощи которыхъ вообще „дебатируются" крестьянскіе вопросы, можно не безъ успѣха доказывать, что деревня и проживающій въ ней мужикъ на столько хранимы небесами, что ни въ какой („вашей") медицинской помощи не нуждаются. Въ подтвержденіе подобнаго положенія можно сослаться на слѣдующій примѣръ, почерпаемый изъ оффиціальнаго источника (докладъ Л-ской уѣзд. управы за 1898/99 годъ). Въ прошломъ году, какъ видно изъ этого доклада, въ дер. Малой Угорщи изъ 120 дворовъ сгорѣло 100; крестьяне (все, что въ ковычкахъ— подлинныя слова доклада) „зимою ютились въ холодныхъ помѣщеніяхъ, приспособляя для жилья риги и т. д."; „вслѣдствіе

сильной сухости нынѣшняго лѣта, колодцы пересохли, и крестьяне пользовались для питья какой-то мутной жижицей, имѣвшейся на днѣ колодцевъ"; „кромѣ того плохой урожай хлѣба заставилъ крестьянъ питаться не совсѣмъ доброкачественнымъ хлѣбомъ, къ которому примѣшивался въ значительной степени кострецъ"; „нѣкоторыя постройки были безъ дверей и завѣшивались тряпьемъ, въ другихъ полъ былъ кое какъ набросанъ и т. д.". При такихъ-то ужасныхъ, прямо-таки не человѣческихъ условіяхъ, дер. Малую Угорщи въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцѣ посѣтилъ, какъ и слѣдовало ожидать, брюшной тифъ. Заболѣло 52 человѣка и, представте себѣ,—умерло всего 2.

Спрашивается: если люди приспособляются жить въ хлѣвахъ, завѣшанныхъ вмѣсто дверей тряпьемъ, пить, вмѣсто воды, мерзостную „жижицу", ѣсть не хлѣбъ, а „кострецъ" и, болѣя брюшнымъ тифомъ, не ухитряются умирать всѣ въ повалку, то какая же нужна для такихъ невозможныхъ людей правильно-организованная медицинская помощь? Не вполнѣ ли достаточно одного общаго и при томъ безмезднаго Врача.

Конечно, наблюдая наши „малыя угорщи", слѣдуетъ согласиться, что по отношенію къ деревнѣ милости Господа Бога по истинѣ неисчерпаемы и въ нихъ никогда не слѣдуетъ отчаяваться, тѣмъ не менѣе нужно пожить по сосѣдству бокъ-о-бокъ съ этими уголками мѣсяцъ—другой (при условіи не фыркая на мужика и не изводя его „штрахфами"), какъ къ проживающему или къ его женѣ (къ послѣдней чаще) непремѣнно явится: то баба—„кровями вся изошла", то мужикъ съ обвязанной грязной тряпицей ногой—„топоромъ зарубилъ", или—„вотъ здѣсь подкатило,—все въ жаръ кидатъ", то приведутъ тщедушнаго ребенка съ опаснымъ налетомъ въ горлѣ. И если только въ шкафу проживающаго найдется запасъ хины, карболки, гигроскопической ваты, какой ни наесть тинктуры, а у него самого или у его жены окажется желаніе помочь безпомощному, сермяжному люду, тогда уже отбою не будетъ отъ паціентовъ, нерѣдко очень серьезныхъ: мужику и бабѣ некогда нервничать и баловаться...

Значитъ, не смотря на всю приспособленность деревни къ нечеловѣческимъ условіямъ, все же обойтись однимъ безмезднымъ Врачемъ, ей трудновато.

Съ одинаковымъ явленіемъ приходится считаться и по отношенію правового склада деревни. Должно сказать правду: безсудіе, правовая безтолковщина и безправіе царятъ по нашимъ захолустьямъ великія. Въ нихъ, повидимому, слѣдовало бы задохнуться; но на посторонній глазъ, какъ и въ исторіи съ брюшнымъ тифомъ Малыхъ Угорщъ, все это идетъ какъ будто мимо мужика, нисколько не трогая его „за живое мѣсто". Онъ по прежнему, съ воловьимъ терпѣніемъ и спокойствіемъ, пашетъ, боронитъ, рубитъ, платитъ, въ храмовые праздники, а иногда и не

въ очередь напивается. Ну, какая ему нужна юридическая помощь? Зачѣмъ она? Однако, не взирая на кажущуюся тишину, достаточно пожить по нашимъ захолустьямъ грамотному человѣку, кое-что читающему, кое-что знающему, мѣсяцъ другой, чтобы къ нему непремѣнно понавѣдался тотъ или другой изъ сосѣдей „покалякать на счетъ правовъ и дѣловъ“, а если у новичка хватитъ не только терпѣнія выслушать чаще всего безсвязный, путанный разсказъ „на счетъ этихъ правовъ и дѣловъ“, но явится и желаніе помочь мужику разобраться, найти выходъ изъ разорительной путаницы правоотношеній, тогда и въ этомъ случаѣ у него не будетъ отбоя отъ кліентовъ. Деревня со всѣхъ сторонъ понесетъ къ нему свое другое горе.

И это понятно.

При нѣкоторой внимательности къ крестьянскимъ бытовымъ и правовымъ условіямъ, тотъ фактъ, что современная деревня все больше и больше выбивается изъ проложенной колеи, представляется внѣ всякаго сомнѣнія. Топоръ, соха и волокуша, какъ эмблемы первобытныхъ, простѣйшихъ формъ жизни, перестали на самомъ дѣлѣ сосредоточивать на себѣ всѣ интересы и все вниманіе деревни. Конечно, земля для громаднаго большинства остается единственной кормилицей, а потому посѣяться впору убраться во время сохраняетъ въ глазахъ деревни значеніе „великаго дѣла“, но вниманіе крестьянина начинаетъ замѣтно уклоняться въ сторону отъ этого „великаго дѣла“, уклоняться между прочимъ потому, что въ будничный обиходъ деревни ежедневно вторгается рядъ фактовъ и событій изъ нашей, общегражданской жизни, ничего не имѣющихъ общаго съ сохой и волокушей, но тѣмъ не менѣе затрагивающихъ самыя настоятельныя нужды деревни. Эти то факты и событія и становятся поперегъ дороги къ „великому дѣлу“. Посѣвая лишнюю смуту въ первобытномъ міровоззрѣніи деревни, они выдвигаютъ передъ растерявшимся мужикомъ рядъ новыхъ, совсѣмъ уже непонятныхъ для него вопросовъ: какъ? почему? за что? по какимъ-такимъ правамъ?

Таинственная „повѣстка,“ какъ одна изъ формулъ, указывающихъ на прикосновенность мужика къ нашему, обще-гражданскому потоку, пріобрѣтаетъ за послѣднее время въ самой захолустной деревнѣ все большее и большее значеніе, все чаще и чаще начинаетъ тревожить крѣпкій сонъ ея обитателей. Она, — эта таинственная повѣстка,—напоминаетъ мужику, что за тѣснымъ міромъ его родной околицы лежитъ другой міръ, страшный своимъ правомъ отнимать и „обвязывать“ (такъ перекрестила деревня наше слово обязывать), путать и требовать. Очутившись въ грубыхъ, какъ кора древесины, рукахъ,—повѣстка „приглашаетъ“ мужика „пожаловать“ къ соучастію въ возникающемъ процессѣ путанья, она властно говоритъ ему, ничего кромѣ сохи и топора незнающему и непонимающему: въ качествѣ полноправнаго гражда-

нина русской земли защищайся и нападай, памятуя при этомъ, что никто невѣдѣніемъ отечественныхъ законовъ отговариваться не можетъ...

Ребяческая, по истинѣ горемычная, безпомощность деревни нигдѣ не выражается съ такой силой, какъ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ „на счетъ ея правовъ и дѣловъ". Самый умный, обстоятельный крестьянинъ, съ которымъ въ дѣлахъ обыденныхъ и хозяйственныхъ пріятно и полезно побесѣдовать, попавши въ скромнѣйшую правовую передрягу, становится неузнаваемымъ, путается и теряется въ простѣйшихъ положеніяхъ; разсказъ его утрачиваетъ обычную бойкость, смѣтку, связность; онъ не находитъ словъ и оборотовъ для передачи ни того, что говоритъ за него, ни того,— что противъ. Вводя въ свою рѣчь то, что нейдетъ ни къ селу, ни къ городу, и забывая о самыхъ существенныхъ обстоятельствахъ, крестьянинъ своимъ многословіемъ окончательно затемняетъ основную мысль, гвоздь дѣла; или, чтобы затушевать свое невѣжество, не ударить себя передъ слушателемъ въ грязь лицомъ, онъ ударяется въ другую крайность: боится сказать лишнее слово, такъ что каждое слово, путемъ не малыхъ усилій, приходится клещами вытягивать изъ него. Но, такъ или иначе, въ томъ или другомъ случаѣ, съ многословіемъ или краткословіемъ, вы слушаете безпомощный лепетъ человѣка, очутившагося въ безразсвѣтномъ, темномъ лѣсу, гдѣ для заблудившагося нѣтъ ни тропинки, ни выхода; какъ ни бейся,—вездѣ колода, пень, дерево сплошной стѣной. Самыя простѣйшія процессуальныя и правовыя положенія, безъ которыхъ нельзя обойтись, разъ рѣчь коснулась „на счетъ правовъ и дѣловъ", только усиливаютъ смущеніе заблудившагося. Все, что для насъ азбучная истина, ходячая мелкая монета, для крестьянина темная вода во облацѣхъ небесныхъ...

Волей-неволей, разъ попавши въ деревенскіе юрисконсульты, сколько усилій стоило мнѣ разъяснить моимъ слушателямъ значеніе, напр., такихъ, повидимому, простыхъ вещей, какъ сроки, исковыя пошлины, подсудность, и какъ часто мои усилія и краснорѣчіе пропадали даромъ...

Приходитъ крестьянинъ, жалуется („жалится", какъ у насъ говорятъ), что сынъ его, городской лавочникъ, „богатѣй—два коня на стойлѣ, подюжѣй твово Васьки"—„кровь забылъ," никакого „воспособія" отцу съ матерью не даетъ. Я совѣтую ѣхать въ городъ, обратиться къ городскому судьѣ, пишу прошеніе, высчитываю сколько надо приложить исковыхъ пошлинъ и, зная на сколько все это для старика мудреныя вещи, въ заключеніе проэкзаменовываю его. Хотя и съ запинками, но старикъ экзаменъ выдерживаетъ; кажется,—все въ порядкѣ.

Черезъ двѣ, три недѣли старикъ приходитъ опять и объясняетъ, что въ городѣ „суда ему на сына не дали".

— Не можетъ этого быть,—говорю.

— Казенну, баитъ, подать сперва плати. Я баю: судья праведный, повремени до Покрова, со льнами управимся; а у него только и словъ: безъ казенной подати—нѣтъ тебѣ суда на сына.

— Да вѣдь я тебѣ, старикъ, толкомъ говорилъ: деньги надо къ бумагѣ приложить, пошлину.

Старикъ почесывается.

— Ишь ты статья какая... А?—деньги... Значитъ до льновъ?

И опять пошла у насъ сказка про бѣлаго бычка: я толкую про судебныя пошлины, а старикъ гнетъ на льны и казенну подать.

Та же исторія со сроками. Крестьянинъ, считая, что его дѣло правое, никакъ не можетъ примириться, что это правое дѣло можетъ безповоротно проиграться, сдѣлаться неправымъ, только потому, что какая то „бумага" подана недѣлею, мѣсяцемъ позднѣе, чѣмъ слѣдовало. Толкуешь, толкуешь мужику объ этомъ, мужикъ только поддакиваетъ... Въ концѣ концовъ думаешь: ну, созналъ таки, что дѣло окончательно проиграно; а онъ, послѣ поддакиванья,—опять за свое:

— Помоги, родимый,—да въ видѣ умилостивленія прибавитъ:—я тѣ на ржеяицу дѣвокъ своихъ жать пришлю; у меня три дѣвки, да баба.

Такъ же плохо дается деревнѣ и всякая другая форма.

Пришли два крестьянина; одинъ изъ нихъ грамотный, т. е. умѣющій безграмотно, каракулями подписать свое имя и отчество.

Мѣстный маклакъ, скупающій по дешевымъ цѣнамъ у разорившихся помѣщиковъ земли, завладѣлъ ихъ землей, вырубилъ лѣсъ, распахалъ цѣлину, да еще взыскиваетъ съ мужиковъ, въ видѣ неустойки, 150 руб. Разспросивъ объ обстоятельствахъ дѣла, я обѣщаю написать жалобу на рѣшеніе. Во второй приходъ, передавая мужикамъ жалобу, я подробно, нѣсколько разъ объясняю,—гдѣ и какъ надо подписать. Повидимому, чего проще,—гдѣ подписать? однако къ вечеру, сдѣлавши въ оба конца верстъ 15, мужики опять появляются.

— Чего вамъ еще?

— Сумлѣніе у насъ вышло.

— На счетъ чего сомнѣніе?

— Онъ баитъ: здѣсь пиши (подъ заголовкомъ мѣста, куда подается прошеніе), а я баю, кажись бы, вотъ здѣсь надоть (подъ вторымъ заголовкомъ,—отъ кого подается прошеніе). Ну и боязно стало...

Говоря о томъ, какъ передаются слушателю крестьянскія „права и дѣла," я долженъ прибавить, что эта передача ужасно тяжело дается мужику, онъ даже физически устаетъ больше, чѣмъ отъ своей обыкновенной, кажется, нелегкой работы, съ него буквально потъ льетъ въ три ручья, онъ не успѣваетъ выти-

раться полой кафтана. По обилію этого пота можно судить, что мозговая работа идетъ во всю. Однако, не смотря на напряженность работы, ни мысль, ни выраженія не даются говорящему. Смотрѣть на смутившагося мужика и слушать его безпомощный лепетъ обидно и жалко.

И это съ крестьянами наиболѣе обстоятельными, умственными, вовсе не смущенными непривычностью обстановки или оффиціальностью пріема; о какой либо оффиціальности нѣтъ и рѣчи; деревенскія „консультаціи" происходятъ тамъ, гдѣ застигнетъ мужикъ: въ полѣ, въ лѣсу, на первой попавшейся колодѣ. Тотъ же мужикъ, покончивши мучительный пересказъ „на счетъ правовъ и дѣловъ", сразу перерождается: откуда берется смѣтка, славное, бойкое слово.

Съ менѣе „одаренными натурами" дѣло идетъ еще того хуже, а съ бабами уже изъ рукъ вонъ скверно. Не смотря на пріобрѣтенную привычку говорить съ крестьяниномъ и желаніе понять: въ чемъ же суть дѣла? ничего подчасъ не выходитъ, только самъ руками разводишь. Толкуетъ баба часъ, толкуетъ два о томъ, какъ „Филофей съ товарищи" купилъ землю, приплететъ къ этому Филофею всѣхъ Андроновъ, Сидоровъ, всѣхъ бабъ на деревнѣ, всѣ свары, упадетъ въ ноги, со слезами проситъ: „ты ихъ то, золотенкій, выпиши, а насъ съ дуракомъ-то моимъ впиши," но кого „выписать," какъ „вписать," откуда „выписать" — такъ и остается досадной загадкой, тѣмъ болѣе досадной, что баба плелась за двадцать верстъ, значитъ это непонятое мною „вписать" и „выписать" составляетъ для нея насущный вопросъ; быть можетъ дѣло идетъ о послѣднемъ кускѣ хлѣба.

Еще одно общее замѣчаніе. Жизнь нашихъ захолустьевъ складывалась и складывается такъ, что въ деревенскомъ міровоззрѣніи крѣпко засѣла пословица: законъ, что дышло, куда повернешь, туда и вышло, а потому въ глазахъ крестьянина (я говорю про гражданскія правоотношенія) нѣтъ законности и беззаконности, а есть только ваше желаніе помочь или не помочь ему; въ этомъ вы его не разубѣдите.

Издалека пришла ко мнѣ баба; десятокъ яицъ принесла: „не побрезгуй, родимый, отъ своихъ курочекъ," съ просьбой „дать ей управу на ея разбойника" (свекра). Отыскивая эту управу, баба раньше толкалась въ волость, къ земскому, къ губернатору: вездѣ ей отказывали.

Напрасно я увѣряю пришедшую, что у меня нѣтъ никакой силы и власти; что „давать управу" не мое дѣло. Не вѣритъ баба моимъ словамъ.

— У тебя, сказываютъ, такая книжка есть; взглянь въ нее.— Такъ, съ непоколебленной вѣрой въ чудесную силу таинственной книжки, которой я владѣю, и съ убѣжденіемъ, что только я не хочу взглянуть и помочь горю, баба и ушла отъ меня.

II.

Знающіе человѣчки.

Признанная адвокатура весьма рѣдко принимаетъ участіе въ дѣлѣ отправленія сельскаго правосудія; даже самое слово адвокатъ съ его видоизмѣненіями (аблакатъ, дровокатъ, брехунъ и пр.) не имѣется въ обращеніи между крестьянами нашей мѣстности, его замѣняетъ „знающій человѣчекъ". Однако, не выступая открыто на сцену, адвокатура по захолустьямъ не только существуетъ, но и процвѣтаетъ. У выбитой изъ колеи современной деревни накопилось такъ много „правовъ и дѣловъ", она, эта деревня, такъ плохо понимаетъ ихъ смыслъ, такъ больно чувствуетъ свою безпомощность разобраться, что по неволѣ стучится за этой помощью въ двери каждаго, умудрившаго свой разумъ свѣтомъ науки да умѣнья „выводить строку".

Иной разъ заинтересуешься:

— Кто вамъ, мужики, эти бумаги пишетъ?

— Знающій человѣчекъ есть такой на примѣтѣ.

— Откуда онъ явился?

— На Стану прежде писаремъ служилъ. Дошлый!

— И на водку, гляди, тоже дошлый?

— Въ самомъ лучшемъ видѣ. Баитъ: правы да суды—во гдѣ у меня! (мужикъ показываетъ крѣпко сжатый кулакъ). Не поднеси—не разожметъ.

— Ни въ жисть,—подтверждаетъ такую аттестацію „знающаго человѣчка" другой мужикъ.

По разнообразію составныхъ элементовъ, а также по измѣнчивости и непостоянству этихъ элементовъ, опредѣлить физіономію крѣпкихъ держателей въ своихъ кулакахъ мужицкихъ „правовъ и дѣловъ" вещь довольно трудная. Городской пропойца, Богъ вѣсть какими судьбами заброшенный въ деревню и въ ожиданіи болѣе благопріятнаго вѣтра прикомандировавшійся въ качествѣ мужицкаго юрисконсульта къ ближайшей судейской резиденціи и винной лавочкѣ, также внезапно и также безслѣдно куда-то изчезаетъ. Былъ и сплылъ... Впрочемъ, не слѣдуетъ думать, чтобы ряды деревенской адвокатуры восполнялись только этими кочующими, неуловимыми городскими пропойцами. Вовсе нѣтъ; я самъ, напр., зналъ одного настоящаго генерала, посвятившаго остатки дней сочиненію необыкновенно кляузныхъ бумагъ; слава о его юридическомъ дочествѣ шла между мужиками далеко за предѣлы нашей „округи"; зналъ служителей алтаря, удѣлявшихъ свое время сочиненію весьма своеобразныхъ прошеній-хрій,

составленныхъ по всѣмъ правиламъ элоквенціи. Къ этимъ столбамъ захолустной адвокатуры примыкаютъ разнообразные „чины запаса“, лавочники, заштатные кабатчики, писаря и писарьки, отчасти состоящіе при мѣстныхъ органахъ власти, отчасти этими органами отъ себя прогнанные, и т. п. Словомъ—это разношерстная и разнокалиберная —

Смѣсь одеждъ и лицъ,
Племенъ, нарѣчій, состояній.

Кормясь, по силѣ возможности и умѣнья, около мужика, захолустная адвокатура, не смотря на разнообразіе и измѣнчивость своихъ элементовъ, успѣла однако выработать въ своей „практикѣ“ одну очень характерную черту. Должно замѣтить, что мужикъ, какъ любой ребенокъ, не знаетъ закона, но боится его,—какъ пугала. Въ силу сложныхъ и долговременныхъ условій, въ крестьянскомъ міровоззрѣніи понятіе о законѣ слилось съ понятіемъ о чемъ-то холодномъ, неумолимо строгомъ, падающемъ бѣдой внезапно, какъ снѣгъ на голову. Мужика пороли—по закону, тащили коровенку со двора—по закону, выгоняли съ земли—по закону, брали сына въ солдаты—по закону... Словомъ вездѣ, гдѣ напасть и бѣда, тамъ—законъ и по закону. Своей другой стороной,—стороной права и защиты,—законъ слишкомъ рѣдко обращался къ крестьянскому міру, слишкомъ рѣдко для того, чтобы видоизмѣнить вѣками сложившееся воззрѣніе. Противоставляя одностороннему, неумолимо строгому, писанному закону другой законъ, нигдѣ не начертанный, мужикъ и теперь еще говоритъ: суди меня по божески...

Вотъ эту-то боязнь закона подмѣтила въ мужикѣ захолустная адвокатура и,—конечно грубо,—тѣмъ не менѣе съ большой пользой для себя воспользовалась ею. При этомъ замѣчательно, что чѣмъ больше за послѣднее время сельская Ѳемида открещивается отъ закона, стремится забыть о самомъ его существованіи, тѣмъ съ большимъ рвеніемъ сельская адвокатура, колотя оторопѣвшаго мужика по лбу растрепаной „книжкой“, старается напомнить ему о бытіи отечественныхъ законовъ. Произведенія „знающихъ человѣчковъ“ это безконечная вереница идущихъ и неидущихъ къ дѣлу, существующихъ и несуществующихъ россійскихъ законовъ. При чтеніи этихъ произведеній иной разъ просто въ глазахъ рябитъ отъ одной номенклакуры статей; читаешь и диву даешься: откуда что берется и при томъ берется такъ, что о какомъ бы скромнѣйшемъ гражданскомъ правонарушеніи ни шла рѣчь, но „знающій человѣчекъ“ непремѣнно упекаетъ противную сторону, если не на каторгу, то покрайней мѣрѣ „въ мѣста не столь отдаленныя“.

Надо представить себѣ, какія мурашки пробѣгаютъ по спинѣ

разинувшаго ротъ мужика, когда „знающій человѣчекъ“ торжественно вычитываетъ ему свою рацѣю, всѣ эти—законъ, да по закону, да еще по буквальному смыслу закона. По неволѣ, отъ страха за собственную участь и отъ удовольствія видѣть своего супротивника въ мѣстахъ не столь отдаленныхъ, рука мужика лишній разъ лѣзетъ за пазуху и развязываетъ кошель.

Вообще должно сказать, что захолустная адвокатура, за свой, неособенно длинный періодъ существованія, успѣла уже влить въ жизнь деревни свою специфическую каплю яда. Не безъ ея замѣтнаго участія на деревенской сценѣ начинаютъ фигурировать „самые достовѣрные лжесвидѣтели“, покупаемые за полштофъ водки, подъ ея же вліяніемъ и благословеніемъ мужикъ, чтобы отлынуть отъ долга, начинаетъ присматриваться и входить во вкусъ фиктивныхъ сдѣлокъ. Она же, эта захолустная адвокатура, указала крестьянскимъ банкирамъ на простоту и удобопримѣняемость въ дѣлѣ сельскаго кредита двойныхъ векселей.

Оставаясь постоянно прикрытой „мракомъ неизвѣстности“, случается, что захолустная адвокатура заставляетъ расплачиваться за свои пріемы и прегрѣшенія своего же кормильца не однимъ кошелемъ, но и тѣмъ, что похуже кошеля.

Однажды приходитъ ко мнѣ кучка мужиковъ.

— Слышь, драть насъ велѣно.

— Скверное, говорю, дѣло.

— Хуже быть не надо. Почитай-ка, что здѣсь прописано.

Читаю рѣшеніе. Драть (по 20 розогъ) велѣно всѣхъ предстоящихъ, за исключеніемъ одного, которому изъ уваженія къ старости (60 лѣтъ) и сѣдинамъ, розги замѣнены арестомъ.

Вмѣстѣ съ рѣшеніемъ мужики передаютъ мнѣ цѣлый ворохъ бумагъ.

Это своего рода поэма, весьма яркая и характерная для захолустной адвокатуры, но въ то же время по многословію крайне утомительная, а нерѣдко очень безсмысленная. Призвавъ все терпѣніе, я дочитываю поэму до конца и добираюсь до сути дѣла.

Приговоренные къ наказанію розгами крестьяне подрядились у одного изъ лѣсопромышленниковъ на рубку лѣса. Условіе найма было составлено и написано въ волостномъ правленіи, при его подписаніи часть задаточныхъ денегъ была выдана крестьянамъ на руки, большая же часть удержана старшиной въ погашеніе накопившихся на рубщикахъ недоимокъ. Вслѣдъ за составленіемъ условія, въ той же мѣстности, бокъ-о-бокъ появился другой лѣсопромышленникъ. Такимъ образомъ въ одной берлогѣ столкнулись два медвѣдя, которые, конечно, не ужились и не подѣлились между собой. Работа была спѣшная, рукъ не хватало; чтобы раздобыть эти руки, позднѣе поселившимся медвѣдемъ была пущена въ ходъ обыкновенная въ такихъ случаяхъ политика спаиванья и сманиванья. Крестьяне не устояли противъ

искушеній этой политики; выпивъ достаточное количество даровой водки, не возвращая полученныхъ задатковъ и не стукнувъ топоромъ у перваго лѣсопромышленника, стали на работу ко второму.

Такъ какъ политика спаиванья и сманиванья въ большомъ ходу въ лѣсномъ дѣлѣ, то первый лѣсопромышленникъ, вѣроятно, и самъ не безгрѣшный въ подобной же политикѣ, если не въ данномъ случаѣ, такъ въ другомъ, махнулъ на поступокъ крестьянъ рукой; но на бѣду, къ мужикамъ подвернулся „знающій человѣчекъ", который не только убѣдилъ ихъ въ нравственности и безнаказанности перехода отъ одного работодателя къ другому, но еще посулилъ пріятную, какъ для себя, такъ и для мужиковъ перспективу:

— Тыщи, баитъ, съ него толстосума сдеремъ.

Познакомившись изъ бумагъ со всѣми обстоятельствами дѣла, говорю подошедшимъ:

— Хвалить васъ, мужики, нечего, такъ добрые люди не дѣлаютъ.

Мужики переминаются и почесываются.

— Чево хвалить, знамо—не ладно сдѣлали. Только, хошь вѣрь, хошь не вѣрь,—а не подвернись гривачъ,—намъ бы и не въ домекъ эдакія дѣла. Тоже похвалялся: мы-ста, да мы-ста, я ему купецку шубу выворочу на изнанку!

Въ секретъ, за что именно и какимъ способомъ должна совершиться эта своеобразная операція выворачиванія купеческой шубы на изнанку, „знающій человѣчекъ", конечно, не посвятилъ мужиковъ, но задавшись положеніемъ (выписываю маленькій образчикъ изъ находившихся у меня прошеній-хрій), что „присутствіе воли составляетъ необходимое условіе каждаго юридическаго дѣйствія", и вооружившись старой „анисимовкой" („книжку намъ казалъ въ три цвѣта, самый, баитъ, настоящій законъ, вишь, какъ разукрашенъ"), держатель въ кулакѣ деревенскихъ правовъ и дѣловъ сталъ доказывать въ безчисленныхъ прошеніяхъ, что свободная воля мужиковъ, получившихъ задатки и непошедшихъ на работу, „была порабощена" первымъ лѣсопромышленникомъ и что какъ поработитель, такъ и власти, способствовавшія порабощенію, подлежатъ на основаніи такихъ-то и такихъ-то статей законовъ ссылкѣ въ самыя отдаленныя мѣста. Въ особенности не скупился знающій человѣчекъ на статьи и даже на тексты Св. писанія въ прошеніяхъ, посылавшихся отъ мужиковъ на имя прокурора. Каждое изъ такихъ прошеній заканчивалось восклицаніемъ въ родѣ:

„Воззри на сіи беззаконія лучезарный ликъ Царскаго Ока!"

Лучезарный ликъ, конечно, не воззрѣлъ: но мѣстныя власти не на шутку разсердились кляузами и указаніями на отдаленныя мѣста, а такъ какъ „знающій человѣкъ" по своему положенію

находился въ неуязвимомъ состояніи, то сельская юстиція, въ отвѣтъ на его измышленія и законы, тоже вооружившись положеніемъ о наймѣ рабочихъ, приговорила: выдрать мужиковъ за ихъ уклоненіе отъ работы и переходъ къ другому работодателю.

На этотъ разъ, къ счастію, деревенская Ѳемида не замѣтила, въ своемъ гнѣвѣ, одного существеннаго обстоятельства: отсутствія жалобы на мужиковъ со стороны лѣсопромышленника. Это обстоятельство, однако же не безъ мытарствъ,—въ концѣ концовъ избавило ихъ отъ розогъ.

Поддерживая въ глазахъ деревни свой престижъ и источники доходовъ ссылками на безчисленные существующіе и несуществующіе законы, захолустная адвокатура, въ цѣляхъ того же престижа и доходовъ, разсовываетъ отъ имени мужика свои произведенія всевозможнымъ органамъ власти, не справляясь, конечно, на сколько эти органы въ состояніи или не въ состояніи, по самой компетенціи своей, помочь крестьянину разобраться. Особенно любятъ знающіе человѣчки пускать въ ходъ такія правительственныя учрежденія, которыхъ мужику не выговорить.

Приходитъ ко мнѣ старуха лѣтъ 75. У нея, кромѣ сына и дочери, давно поженившіеся внуки. Владѣя 28 десятинами земли, старуха 21 десятину отдала сыну,—а 7 „записала на дочь". Такой дѣлежъ поселилъ семейную вражду; сынъ и его потомство ожидали, что старуха отдастъ все имъ. На землѣ росъ порядочный лѣсъ; сынъ пріискалъ покупателя на лѣсъ, который, узнавши, что часть земли „записана" старухой на дочь, потребовалъ, чтобы сдѣлка на продажу лѣса совершилась у нотаріуса, и чтобы тамъ же, въ конторѣ, сообразно долямъ владѣнія, были раздѣлены и деньги. Старуху „поволокли" въ городъ и въ конторѣ выдали (вмѣстѣ съ дочерью)—165 руб.

Старуха жила вмѣстѣ съ сыномъ. По возвращеніи изъ города, сынъ сталъ разсказывать, какъ его „ограбили" въ конторѣ (заставили отдать матери и сестрѣ 165 р.). Внукъ (тоже давно женатый), выслушавъ разсказъ отца о грабежѣ, подбѣжалъ къ старухѣ и ударилъ ее ногой въ грудь. Старуха упала.

— Малыя дѣтки,—разсказывала старуха, — голосомъ вопятъ: батюшка! не бей баушки,—убьешь баушку. Сгинемъ мы въ тюрьмѣ. А онъ одно кличитъ: кому тюрьма, а мнѣ домъ.

Кое какъ, ползкомъ, выбралась старуха изъ избы и поселилась жить у дочери.

Выслушавъ разсказъ старухи, я объясняю ей порядокъ принесенія жалобы въ подобныхъ случаяхъ, но мои объясненія, видимо, не особенно ей нравятся; по словамъ старухи сынъ, какъ „лисивая собака", успѣлъ подладиться ко всѣмъ мѣстнымъ властямъ, „къ кому съ чайкомъ, къ кому съ тетеричкой; намеднись двухъ зайцевъ стащилъ." Въ утѣшеніе, я указываю старухѣ на

возможность обжалованія неправильныхъ дѣйствій и рѣшенія, но и это не удовлетворяетъ старуху.

— Чего же ты хочешь отъ меня? я не понимаю тебя.

— Поспрошалъ бы ты, соколикъ, на счетъ моей бумажки въ Питерѣ.

— Развѣ ты посылала въ Питеръ бумагу?

— На пошту сама свезла, на Ильинску пятницу.

— Куда же ты послала свое прошеніе?

— Ой, родненькій, не спрашивай. Тако мѣсто, тако мѣсто, не вымолвить.

Желая добраться до такого мѣста, я перечислилъ: коммиссію прошеній, прокурора, губернатора, министерства и т. д., но на все получалъ или отрицательные отвѣты, или „кажись не то". Наконецъ, я вспомнилъ о правительствующемъ сенатѣ и назвалъ его. Старуха ужасно обрадовалась, хотя никакъ не могла выговорить слово „правительствующій".

— Оно само,—оно само.

— Кто же тебя надоумилъ подавать туда прошеніе?

— Писарекъ одинъ; такъ-таки жалостливо все прописалъ. Бѣды, баитъ, имъ всѣмъ отъ такова мѣста не изжить.

— А деньги онъ взялъ съ тебя?

— За тако мѣсто, да денегъ не взять. Сыщи-ка кто, баитъ,— другой, што я тебѣ, старушка, нашелъ.

III.

Никандровъ клинъ.

На этотъ разъ я найденъ на „чищобѣ" (такъ зовутся на мѣстномъ языкѣ низины, вышедшія изъ подъ вырубленнаго лѣса и расчищаемыя подъ луга). Послѣ обыкновенныхъ вопросовъ: какъ звать? изъ какой деревни? мы: я и мой новый кліентъ, крестьянинъ лѣтъ подъ пятьдесятъ, Никандра Ивановъ, изъ деревни Замосты, усаживаемся на первой полувысохшей колодѣ и приступаемъ,—я къ слушанію Никандра Ивановъ—къ разсказу „на счетъ правовъ и дѣловъ".

— Дѣловъ этихъ самыхъ у насъ съ три короба, не знай съ какого конца и зачинать.

— Начинай съ какого хочешь, послѣ разберемся.

Никандра Ивановъ повелъ свою рѣчь такъ:

— Пустошку наши мужики присмотрѣли у Анкудиновскаго барина, худова слова молвить нечего, пустошка добрая. Такъ и эдакъ стали прикладывать: коли, значитъ, у него позему хватитъ, безъ хлѣба не просидимъ; опять „суки" есть, самъ знаешь му-

жику на три-четыре хлѣба съ „суками“ есть чѣмъ обернуться. Штожъ, и мы промежъ себя калякаемъ съ бабой, какъ люди, такъ и мы; имъ въ добро и намъ не въ худо. Полведра роспили. Дальше да больше, дальше да больше, денежки стали сбивать, дядю Фанасья съ Петрухой въ городъ справили, на счетъ бумаги. Старикъ-то нашъ въ тѣ поры еще живъ былъ, только онъ маломалость въ энти самыя дѣла входилъ, прямо тебѣ сказать во вниманіе ихъ не бралъ, помирать собирался. Штожъ, баю, помирать такъ помирать, тоже всѣхъ дѣловъ не передѣлаешь. Ну, оно значитъ ничего, померъ тихимъ манеромъ. Попа отчитывать позвали, все какъ слѣдствуетъ. Не энтотъ попъ у насъ былъ, а старенькій, отцомъ Андреемъ звали.

Вытеревъ полой зипуна обильно струившійся потъ и сдѣлавъ передышку на отцѣ Андреѣ, мужикъ продолжалъ:

— Худо-ли, хорошо-ли живемъ, ни мы ково, ни насъ кто— въ обиду. Ты можетъ знашь Семенову бабу, Прасковьей ее звать, изъ лица така щедровита? Гляди, она у тебя съ своими дѣвками овсы бралась жать.

Заявляю, что Прасковьи щедровитой не знаю.

— Гдѣ тебѣ всѣхъ знать, мало-ль ихъ хвосты-то бьютъ.

— Что же сдѣлала-то она?

— А вотъ какихъ дѣловъ натворила. Пристала къ своему дураку, что твой оводъ, день пилитъ, другой пилитъ, ну, тому, значитъ, и не въ терпежъ. Изъ себя онъ мужикъ ничево, смирный, работящій такой, только ужъ баба-то надъ нимъ большіе верхи взяла. Ко мнѣ привалилъ, не хрестя лба, прямо, какъ есть оболтусомъ, въ шапкѣ, подъ образа. Я его хорошо такъ выспрашиваю: зачѣмъ молъ, Семенъ Ивановичъ, пожаловалъ? А онъ, не долго думая, и рѣзани меня подъ самое сердце: ты, хоша, молъ, на отцовской полосѣ сидишь, одначе тебѣ тутъ не мѣсто. Што ты, баю, непутевый, бѣлены штоли объѣлся, али натрескамшись спозаранку. Дальше да больше, дальше, да больше и что тутъ промежъ насъ вышло... И, Боже мой!

— Подрались, что-ли?

— Можетъ и подрались бы, не приключились Василь Яковлевичъ. Самъ подумай,—какъ онъ меня этимъ словомъ изобидѣлъ: на отцовской землѣ у него, вишь, сыну не мѣсто. Пошли мы въ Контору *) жалиться. Такъ и эдакъ, баимъ, давайте намъ, господа судьи, суда праведнаго. Однако, што жъ ты полагаешь? судовъ намъ не дали. Я къ писарю: на какихъ такихъ правахъ, Иванъ Фанасьичъ, намъ у васъ судовъ не найдтить? А на такихъ, баитъ, правахъ, коли вы мужики свары почали заводить, такъ ищите

*) Конторой у насъ зовется по старой памяти Волостное Правленіе и Волостной Судъ.

про себя судовъ въ другихъ мѣстахъ, а у насъ правовъ про васъ не запасено. За это, можно сказать, благодаримъ покорно, Иванъ Фанасьичъ, трешницу приняли, а правовъ не запасено. А не хочешь ли ты, баитъ, за такія несуразности въ холодную, тамъ васъ, дураковъ, уму-разуму учатъ? Опосля такихъ словъ, повернули мы, значитъ, оглобли, да не солоно хлѣбавши идемъ изъ конторы, а Семеновъ-то парень....

— Постой-ка. За что ты писарю трешницу далъ?

— А уже это какъ по закону полагается.

— Да судились-то вы въ чемъ?

— Какъ въ чемъ, милый человѣкъ? Въ большихъ обидахъ, ты послухай-ка, што дальше-то будетъ, чистый, я тебѣ скажу, бабій полонъ.

— Часъ отъ часу не легче; бабій полонъ откуда взялся?

— А вотъ откелева: Митріева-то женка, тожъ не будь дурой, къ человѣчку такому сунулась: я, баитъ, желаніе имѣю дойтить до самого царскаго виличія. Ты подумай-ка,—куда змѣя-ехидина метнула! Што жъ, баю, и мы не воры церковные, хорониться отъ людей намъ нечево,—пойдемъ. А энтотъ самый человѣчекъ, взямши книжку, какъ вдаритъ по ней! вотъ, баитъ, гдѣ ты у меня сидишь, да ей энту самую книжку къ энтому самому мѣсту, тоись, прямо, тебѣ сказать, въ поганую ее морду. Баба свѣту не взвидѣла; одначе, нечево, полѣзла за пазуху, да рубъ съ полтиной денегъ. Человѣчекъ опять за книжку, да какъ почелъ вычитывать, какъ почелъ, и вывелъ дѣло въ самую строку: тебя, баитъ, Аксинья къ престолу царскому предоставлю, а тебя Микандру въ Сибирь зашлю, законъ такой переступилъ, царскую казну въ большущіе изъяны ввелъ. Ай-да, баю, сродственнички дорогіе! Какъ свадебку играть, мой меренокъ плакалъ, Микандру Иванову въ поясъ, а нонѣ Сибирь выходитъ. Да я бы за такова коня, вѣришь Богу, по нонѣшнимъ цѣнамъ 50 цалковыхъ не взялъ, одно слово конь, куда хошь: хошь—въ соху, хошь—въ телѣгу. А они это и въ чувство не берутъ, галдятъ одно: Сибирь тебѣ по книжкѣ, да и капутъ. Вижу, дѣла мои плохія,—я къ Савелью: баю, пропадать, дядя Савелій, моей головѣ, покажь бумагу на землю, Сибирь мнѣ. А онъ, песъ старый, снюхамшись съ Митріемъ, бумаги не кажетъ. Не про тебя, баитъ, она писана, токмо ты за малыша передъ Господомъ-Богомъ отвѣтишь. Взяло меня сердце; ахъ ты, баю, старый хрѣнъ, сиротскую ригу себѣ за пятишницу сгребъ, а другихъ ни вѣсть чѣмъ коришь. А про энту саму ригу, баитъ, Земскій да Контора знаетъ. То-то, баю, Земскій да Контора, конторская-то совѣсть, что твоя собачья, по базарамъ разошлась.

Вижу—дѣйствительно дѣло плохо: чѣмъ больше даю мужику, попавшему въ юридическую передрягу, высказываться, чѣмъ больше, отъ непривычной натуги, онъ обливается потомъ, тѣмъ

глубже и глубже залѣзаемъ мы съ нимъ въ непролазную трущобу, безъ конца и просвѣта. Бабій полонъ, человѣчекъ, царевъ престолъ, анкудиновская пустошка, трешница, большущій изъянъ, меренокъ, конторскій судъ, чья-то рига, чья-то собачья совѣсть, за что-то Сибирь... все это, перепутываясь и переплетаясь въ безразсвѣтно-темномъ представленіи мужика, образуетъ нѣчто невозможно-хаотическое. Чтобы выяснить себѣ суть дѣла, схватить спорно-правовую нить, я оставляю систему слушанія и перехожу къ системѣ вопросовъ.

— Объ Сибири забудь, мало ли что вамъ врутъ, до нее очень далеко! ты говори-ка, что я тебя спрашивать буду.

Мужикъ облегченно вздохнулъ.

— Ладно.

— Изъ за чего у тебя съ бабами свара вышла?

— Все на счетъ клину.

— Какого клина?

— Да того же самого: какъ вдаришься, значитъ, въ Микитинъ ельникъ, да минешь Крутой вражикъ, такъ оттелева и держи все вправо, на луговину. Клинъ добрый, помирать съ нимъ не надоть... дѣла-то только наши... э-эхъ!.. все тебѣ выкладать?

— Все, какъ попу на духу.

— Махонькая заковычка въ клину есть.

Я обрадовался „заковычкѣ“, въ надеждѣ выбраться при ея помощи на болѣе торную, юридическую дорогу.

— Какая такая заковычка?

— Избу нову ставить мы задумали, а Лукашъ въ тѣ поры и подвернись, срубъ, вишь, онъ вывезъ, срубъ гожій, бревно къ бревну, что твоя свѣча. Зачалъ онъ приставать къ старику: бери срубъ, а его къ землѣ припусти. Старикъ баитъ: намъ Микандра съ эндакой уймой не совладать, надоть свата припустить.

— И припустили?

— На куль съ четью, писарька такова нашли, онъ и въ бумагѣ прописалъ: по гробъ живота тебѣ и всему роду твоему съ четью куль (т. е. право владѣть такой площадью земли, на которой высѣвается опредѣленное количество озимой ржи).

Мнѣ неоднократно приходилось наблюдать эту своеобразную форму земельно-правовыхъ отношеній въ быту деревни („припущеніе“), а потому я зналъ, что въ силу своей крайней сбивчивости и противорѣчія съ установившимися понятіями о правѣ собственности, „припущеніе по гробъ живота“ является постояннымъ источникомъ крестьянскихъ раздоровъ, но на этотъ разъ я ошибся „въ заковычкѣ“. Суть въ концѣ концевъ оказалась не въ ней; по словамъ же Никандра „хоша не безъ баталіевъ“, но ему до сихъ поръ удавалось улаживать всѣ недоразумѣнія съ Лукашемъ „по хорошему“. Пришлось снова обращаться къ бабьему полону.

— Ты о Прасковьѣ-щедровитой упоминалъ, при чемъ она тутъ?

— Какъ при чемъ, батюшка? изъ за нее, ехидины, вся свара пошла.

— Вы, можетъ, сродственники?

— Сродственнички, настоящіе сродственнички, одна мать родила, сестрицей любезной прозывается.

— А Митріева жена?

— Тожъ матки одной дѣти. Ейной-то дѣвки, свадьбу играмши и т. д.

На сценѣ опять появляется меренокъ и его достоинства.

— О малышѣ ты упоминалъ, какъ его звать?

— Васюткой.

— Можетъ и онъ тебѣ сродственникъ?

— Племяшъ, какъ есть племяшъ; Авдотья, матка-то евонная, на самово Миколу вешняго померши, а братильникъ, Филатомъ его звать, баитъ: пои-корми сироту, а мнѣ идтить на сторону, счастье пытать.

Слѣдуетъ разсказъ о Филатѣ, куда онъ пошелъ, что сначала нашелъ и какъ въ концѣ концевъ сгинулъ.

— А можетъ быть онъ и живъ?

— А Господь его вѣдаетъ, токма который годокъ вѣстей про себя не шлетъ.

Путемъ такихъ-то вопросовъ, долго ли, коротко ли, скорѣе очень долго (одно возстановленіе, и то приблизительно, времени возникновенія деревенскихъ правоотношеній и событій требуетъ большого навыка и внимательности, такъ какъ при поголовной безграмотности деревни время того или другого событія приходится опредѣлять путемъ сопоставленія съ другими событіями, оставившими замѣтный слѣдъ въ крестьянской памяти въ родѣ: „въ тѣ поры народъ шибко меръ“, „въ тѣ поры горушкинскій баринъ мызу ставилъ“, „въ тѣ поры коровья болѣсть по деревнямъ ходила“ и проч.), мнѣ удалось ознакомиться съ дѣломъ Никандра во всей его полнотѣ. Передо мной явилась страничка изъ того огромнаго фоліанта юридическихъ казусовъ, которые (конечно, въ связи съ другими условіями) губятъ благосостояніе мужика тогда, когда онъ, повидимому, началъ выбиваться изъ когтей нужды; казусовъ на столько достойныхъ вниманія,—на мой по крайней мѣрѣ взглядъ,—что я считаю не лишнимъ отмѣтить въ нихъ нѣкоторыя обще-характерныя черты.

Суть ихъ вотъ въ чемъ.

Завѣтная, нѣжно-лелѣемая мечта каждаго мужика (что бы о немъ ни толковали), это пріобрѣсти къ своимъ надѣльнымъ полосамъ какой бы то ни было „клинъ“, „пустошку“; для осуществленія своей, повторяю, любимѣйшей мечты, мужикъ становится въ кабалу къ кулаку, тащитъ со двора послѣднюю коро-

венку, доводитъ себя и коня до измора, до костей и кожи на зимней вывозкѣ бревенъ и дровъ. Въ этомъ многожеланномъ клину мужикъ видитъ спасительную гавань, гдѣ надѣется укрыться отъ надвинувшихся на него малоземелья и голодухи.

Въ силу разнообразнѣйшихъ причинъ (распространяться о которыхъ здѣсь не хватитъ мѣста), завѣтная „пустошка" въ огромномъ большинствѣ случаевъ пріобрѣтается не въ одиночку, но въ складчину, „съобча". Такъ и говорится: „купилъ Парамонъ, или иной имя рекъ, съ товарищи". Денежныя (и притомъ весьма разнообразныя, отъ десятковъ до сотенъ рублей) доли складчиковъ не закрѣпляются никакимъ письменнымъ актомъ, но только держатся въ памяти товарищей; соотвѣтственно этимъ разнообразнымъ долямъ совершается нарѣзка „клиньевъ" складчикамъ, при чемъ практикуется только два орудія и способа (иныхъ орудій подъ рукой у мужика не имѣется) измѣренія: шагъ и коса (рукоять косы), самая же размежевка клиньевъ выражается приблизительно такой формулой: гони отъ Потрясучьева ручья на ишарину, а какъ доведется до большова камня, отступя на три косы, вали прямо на горѣло мѣсто и т. д. Весьма часто, вслѣдъ за покупкой складчиками „пустошки" идетъ внутренняя перетасовка въ „клиньяхъ" въ формѣ: то—„припуска, по гробъ живота, тебѣ и роду твоему", то—обыкновенныхъ, закрѣпленныхъ, и то далеко не всегда, безграмотной рукой деревенскаго писаки продажъ, то—вырѣзокъ отдѣляющихся членовъ семьи. Каждое изъ этихъ видоизмѣненій въ первоначальной площади права собственности (клина) опять таки сопровождается своеобразнымъ отмежеваніемъ, по формулѣ: вали, парень, отселева до телева... Словомъ, съ пріобрѣтеніемъ завѣтной „пустошки" ко всѣмъ деревенскимъ неурядицамъ и путаницамъ присоединяется еще невѣроятная путаница земельныхъ отношеній...

Вся эта хитрая механика покупки „съобча" „припусковъ" и вырѣзокъ, возросшая на почвѣ законодательныхъ недочетовъ и безграмотности крестьянской массы, держится кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, „не безъ баталіевъ", по выраженію Никандра, до тѣхъ поръ, пока живы „старики"-складчики, первые пріобрѣтшіе „пустошку", пока ихъ память сохраняетъ долевое участіе пріобрѣтателей и вступщиковъ, пока живыя урочища (ельникъ, горѣло мѣсто и проч.), по которымъ нарѣзывались клинья, у всѣхъ на глазахъ. Съ годами все это измѣняется къ худшему: старики „прибираются", память измѣняетъ живымъ, горѣлы мѣста распахиваются... Тогда-то достаточно того или другого событія въ жизни деревни или семьи, чтобы началась исторія: плохо прилаженная хитрая механика трещитъ и лопается по всѣмъ швамъ; происходитъ безтолковѣйшая и разорительнѣйшая правовая кутерьма. Напрасно, попавъ въ эту кутерьму, ничего непонимающій полу-дикарь мужикъ стучится тогда въ двери своей сель-

ской Өемиды: на растерянный, безтолково-длинный пересказъ „на счетъ правовъ и дѣловъ“ и „большущихъ обидъ“, его не особенно многодумная богиня чаще всего отвѣчаетъ не менѣе безтолковымъ, полнымъ безправія, приговоромъ; напрасно тогда ищетъ мужикъ по нашимъ трущобамъ „знающаго человѣчка“ въ качествѣ своего просвѣтителя и наставителя,—здѣсь просвѣтитель, „тыча въ поганую морду“ просвѣщаемаго невѣдомо-страшной книгой, „выводитъ“ съ подобающимъ авторитетомъ „дѣло въ строку“: тебя, Аксинья, къ царскому престолу предоставлю, а тебя, Никандру, въ Сибирь зашлю, законъ переступилъ... И идетъ такимъ-то широкимъ путемъ торжествующая кутерьма по нашимъ убогимъ, погруженнымъ въ мракъ невѣжества вѣсямъ и селамъ, оставляя въ наблюдателѣ безформенно тяжелое впечатлѣніе: кто-то по силѣ возможности рветъ, кто-то платится, кто-то плачется и за всѣхъ отдувается...

Въ такую-то кутерьму попалъ и Никандръ. Вся его исторія (въ краткомъ пересказѣ, безъ меренковъ, ригъ, Сибири и пр.) такова. Лѣтъ девять тому назадъ, когда земля, особенно послѣ вырубленнаго лѣса, шла на нашемъ мѣстно-поземельномъ рынкѣ за безцѣнокъ, когда юридическимъ представителемъ крестьянскаго дома (хозяиномъ, большакомъ) считался отецъ Никандра, Иванъ Степановъ, дѣйствительнымъ же большакомъ былъ Никандръ, двѣнадцать крестьянъ Замостья „Петръ Степановъ съ товарищи“ купили у Анкудиновскаго барина пустошь Шаницу. По принятому обычаю („супротивъ отца мнѣ не идтить“) въ бумагѣ *), т. е. купчей крѣпости въ числѣ покупщиковъ былъ упомянутъ не Никандръ, какъ не самостоятельный членъ семьи, но юридическій большакъ,—Иванъ Степановъ. Купленную пустошь крестьяне разрѣзали на клинья, соразмѣрные съ денежными взносами.

Послѣ покупки пустоши, старикъ Иванъ Степановъ „собирался помирать“ довольно долго, года четыре, пять. „Отчитавши“ и похоронивши старика черезъ попа Андрея, Никандръ, конечно, безъ соблюденія какихъ бы то ни было, невѣдомыхъ ему формальностей, вполнѣ увѣренный въ своемъ правѣ, продолжалъ, какъ и при жизни отца, такъ же спокойно орать и сѣяться въ клину. Это спокойствіе тянулось года три, четыре. Первая, вѣроятно, не безъ наускиванья и участія какого-нибудь „знающаго человѣчка,“ заподозрила авторитетъ наслѣдственнаго права Никандра Прасковья щедровитая, за ней потянулась Митріева жена, за бабами дядя Савелій съ малышемъ... и пошла гулять губительная крестьянская свара...

*) Всѣ юридическіе акты сливаются у крестьянъ подъ одно, а потому всѣ носятъ и одно имя: бумага.

— Помоги, родимый, разоръ идетъ! Дѣвка Ѳеклушка, какой человѣкъ, и та голосомъ вопитъ, и ей, вишь, подавай...

Итакъ, заявился еще нежданно новый претендентъ на наслѣдство,—въ лицѣ „дѣвки-Ѳеклушки“.

Положеніе Никандра осложнялось тѣмъ, что въ его лицѣ встрѣтилось два права: обычное и обще-гражданское. По силѣ перваго, Никандръ безъ всякихъ протестовъ съ чьей-либо стороны занялъ мѣсто, по смерти старика, хозяина надѣльныхъ полосъ и усадьбы; по силѣ второго,—всѣ члены семьи требовали отъ него участія и дѣлежа. Подобное раздвоеніе и противорѣчіе никоимъ образомъ не укладывалось въ міровоззрѣніи мужика, не укладывалось тѣмъ болѣе потому, что Никандръ, вмѣстѣ съ своимъ парнемъ, закабалился на двѣ зимы на пилку, рубку и возку дровъ, и взятыя впередъ, подъ эту кабалу, деньги именно послужили, если не единственнымъ, то во всякомъ случаѣ главнѣйшимъ фондомъ для покупки клина. Въ дальнѣйшей обработкѣ клина, въ его культивированіи опять-таки ничья спина не трещала такъ, какъ трещала спина Никандра и его парней. Но этой кабалой и культивировкой клина ни правовая, ни экономическая сторона дѣла не исчерпывалась, ибо въ то время, когда Никандръ стоялъ въ кабалѣ у еврея, Филатъ (отецъ малыша) съ сестрой вдовой (нынѣ умершей), матерью „дѣвки Ѳеклушки“ морозились, сгребая сугробы снѣга съ полотна желѣзной дороги и, слѣдуя неукоснительному обычаю, всѣ деньги передавали большаку, большакъ же на эти деньги покупалъ хлѣбъ, который вмѣстѣ съ другими ѣлъ тотъ же Никандръ съ парнями... Словомъ образовывался такой клубокъ сплетенія права и труда, какъ основы первобытнаго права, что распутать его по отдѣльнымъ нитямъ представлялось дѣломъ очень труднымъ.

Наше отвлеченное, голое право не понятно мужику. Никандръ упрямо стоялъ на своемъ исключительномъ правѣ на весь клинъ; его возраженія на мои доводы формулировались такъ: „мои денежки плакали,“ „не безъ короба*), и мы выдавали Авдотью“, „а кто ростить Васютку“ и т. д. Только послѣ не малыхъ усилій мнѣ удалось, не скажу, чтобы убѣдить мужика, но припереть къ стѣнѣ двумя аргументами: безповоротнымъ проигрышемъ дѣла, если таковое дойдетъ до суда, и непосильными для мужика расходами, связанными съ каждымъ, даже безнадежнымъ дѣломъ. Передъ силой этихъ аргументовъ Никандръ началъ склоняться къ мысли покончить дѣло съ сонаслѣдниками „по хорошему“, т. е. подѣлиться.

Мнѣ, въ качествѣ юрисконсульта, оставалось выполнить еще одну, далеко не легкую, задачу: объяснить Никандру формальности,

*) Коробъ, — на мѣстномъ языкѣ, — приданное, уносимое дѣвушкой изъ дома большака въ домъ мужа; то же самое что и окрута.

которыя онъ, вмѣстѣ съ другими сонаслѣдниками, долженъ исполнить, чтобы утвердиться въ наслѣдственныхъ правахъ на землю. Между этими формальностями, какъ извѣстно, играетъ важную роль, такъ называемый, „вызовъ наслѣдниковъ къ открывшемуся наслѣдству черезъ троекратную публикацію въ „Сенатскихъ Вѣдомостяхъ“. Задача предстояла, повторяю, далеко не изъ легкихъ; не слѣдуетъ забывать, что со мной рядомъ на колодѣ сидѣлъ нашъ настоящій, захолустный мужикъ, не испытавшій никакихъ „вѣяній“, дальше своей околицы, топора и сохи ничего не знающій. Трудно рѣшить, кто больше изнемогалъ подъ бременемъ задачи: я ли, объясняя Никандру такія мудреныя вещи, какъ публикація, да еще въ какихъ-то „Сенатскихъ Вѣдомостяхъ“, или Никандръ, внимавшій моимъ объясненіямъ и время отъ времени безнадежно кряхтѣвшій и поддакивавшій мнѣ.

Исторія съ злосчастнымъ вызовомъ тянулась долго; наконецъ, къ великой радости вижу, что совсѣмъ отуманившееся, застывшее лицо мужика нѣсколько прояснилось.

— Да пошто ихъ звать-то, кормилецъ? Сами безъ зову лѣзутъ, Прасковью позавчера за ноги съ поля сволочилъ.

— Какъ за ноги сволочилъ?

— А што-жъ ей, оглашенной, въ глаза што-ли смотрѣть? Ты, Н. М—чъ, разсуди меня съ ними по божески: у добрыхъ людей озимина посѣяна, а у меня въ клину, за сварами-то нашими, путемъ и не орано. Вѣрь слову, вся душа изболѣла. Выѣхалъ я позавчера въ поле, орать зачалъ, а Прасковья подъ самова коня и подкатись. Лежитъ на бороздѣ, что твое бревно. „Топчи, кличетъ, конемъ, живота рѣшусь,—а не орать тебѣ!“ Ну, извѣстно, я ее за ноги,—а ейный-то парень съ хворостиной на меня...

IV.

Общинные порядки.

Въ дер. Мшаринѣ сдѣлались свободными два душевыхъ надѣла; при настоящемъ малоземельѣ—событіе весьма важное въ крестьянской жизни, тѣмъ болѣе важное потому, что Мшарина деревня небольшая, всего 15 дворовъ,—слѣдовательно, прирѣзъ земли на каждый дворъ доводился сравнительно порядочный. На деревнѣ, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, образовались двѣ партіи: крестьяне, болѣе зажиточные, стояли за частичный раздѣлъ освободившихся душевыхъ надѣловъ, бѣднота требовала общаго передѣла. Такое положеніе партій представлялось вполнѣ естественнымъ: въ общій передѣлъ должна была поступить вся земля, т. е. и надѣлы состоятельныхъ крестьянъ; эти же надѣлы, какъ лучше унавоженные и обработанные, могли, не умаляясь

въ урожайности, выдержать въ теченіе первыхъ лѣтъ то скудное унавоживаніе, которымъ распоряжалась бѣднота. Борьба между партіями велась страстная; дѣло не разъ доходило чуть не до общей драки. Въ концѣ концовъ бѣднота осилила.

Ко мнѣ пришелъ самый замѣтный представитель партіи деревенскихъ богатѣевъ,—Семенъ Ивановъ; мужикъ очень умный и хозяйственный; кромѣ надѣльныхъ полосъ, у него прикупная земля, порядочный садикъ, пчеловодство. Надѣльныя полосы Семена Иванова такъ унавожены и обработаны, что, не спрашивая: чья полоса? можно по росту и густотѣ хлѣба безошибочно опредѣлить—это полоса Семена Иванова. О совершившемся общемъ передѣлѣ Семенъ Ивановъ говорилъ чуть не съ пѣной у рта, односельчанамъ—бѣднотѣ у него не было другого имени, какъ разбойники, грабители, пьяницы и т. п. Въ особенности доставалось отъ Семена Иванова „Игнашкѣ,“ мужику, стоявшему во главѣ партіи бѣдноты.

Жалуясь на послѣдствія совершившагося передѣла, Семенъ Ивановъ доказывалъ, что вообще отъ передѣловъ выигрываютъ одни „лежебоки и пьяницы,“ каждый же, мало-мальски порядочный мужикъ только терпитъ и разоряется.

Выслушавъ Семена Иванова, я высказалъ, что ничего нельзя сдѣлать въ данномъ случаѣ, такъ какъ мірской приговоръ составленъ вполнѣ правильно; если же онъ предполагаетъ, что большинство общества сознаетъ вредъ передѣловъ, то этому горю можно помочь на будущее время,—путемъ перехода отъ общиннаго пользованія землей къ подворному. Указавъ и прочитавъ статью закона (опредѣляющую порядокъ перехода отъ общиннаго землевладѣнія къ подворному), я объяснилъ, что съ уничтоженіемъ передѣловъ сама собою уничтожится лентообразная черезполосица, такъ какъ надѣльные участки будутъ пріурочены къ однимъ мѣстамъ, и каждый получитъ право обработывать и облюбовывать свою землю, какъ пожелаетъ.

Семенъ Ивановъ, конечно, ни отъ кого и никогда не слыхалъ о существованіи прочитаннаго мною закона; онъ былъ очень доволенъ и радужными красками рисовалъ хозяйственную картину будущаго подворья. По его словамъ, большинство „обчества“ непремѣнно будетъ стоять за переходъ къ подворью.

— Если большинство пойдетъ на подворье,—составляйте приговоръ, а потомъ я укажу, что дѣлать дальше.

Съ тѣмъ мы и разстались. Прошло довольно времени отъ этого свиданія, прежде чѣмъ Семенъ Ивановъ опять предъявился ко мнѣ.

— Приговоръ принесъ?

— То-то нѣтъ.

— Не столковались, значитъ?

— Толковали мы промежъ себя не мало, только не ладно твое подворье выходитъ.

— Почему такъ?

— А потому самому, Н. М-чъ, что другъ дружку сожремъ; прямая, я тебѣ скажу, поножевщина у насъ пойдетъ.

Такой отвѣтъ меня ужасно заинтересовалъ; это было уже не единоличное мнѣніе Семена Иванова, но отголосокъ взглядовъ, хотя и небольшого, но все же крестьянскаго „міра". Мнѣ хотѣлось допытаться, путемъ какихъ экономическихъ соображеній пришелъ этотъ „міръ" къ выводу, что переходъ къ новой формѣ землевладѣнія будетъ сопровождаться „поножовщиной".

— Ты видалъ наши поля?—спросилъ меня Семенъ Ивановъ.

— Какъ не видать.

— То же, что и у тебя: гдѣ песокъ, а гдѣ и гнила *), одно маитъ, другое родитъ. У бредюхинской межи у насъ, почитай, все сплошь песокъ да подзолъ; сколь ни вали въ нихъ позема, а все толку мало; мнѣ ли, другому ли приведется садиться здѣсь, а суму впередъ надѣвай. Теперича, какъ ни какъ, а все у тебя: и подзолъ, и гнила; тамъ не родитъ,—здѣсь Господь Богъ подаетъ, ну и живемъ. На что у насъ Аркашъ смиренъ мужикъ, малаго ребенка не обидитъ, и тотъ баитъ, если меня, старика, да къ бредюхиной межѣ пошлютъ, обереги Богъ отъ грѣха, себя не пожалѣю. И каждый такъ толкуетъ, помирать съ голодухи ни у кого охоты нѣтъ.

Должно замѣтить, что у мшаринскихъ крестьянъ два поля тянутся довольно узкой полосой версты на три; представляя будущее (при подворьи) пріурочиваніе земли къ однимъ мѣстамъ, Семенъ Ивановъ замѣтилъ:

— Значитъ, такъ дѣло выходитъ: тебѣ, къ примѣру сказать, Н. М-чъ, земля подъ самой околицей, а мнѣ—вона гдѣ, глазомъ не видать; ты десять разъ съ поземомъ обернулся, а я одинъ, да и то коня въ конецъ смаялъ. Ты полагаешь, это правильно?

— Выселяться придется,—въ разбродъ жить.

Семенъ Ивановъ посмотрѣлъ на меня недоумѣвающе.

— Хлѣвы и избы на участки переносить.

— А ты капиталы наши-то знаешь?

Будучи знакомъ съ положеніемъ крестьянскихъ капиталовъ, я подошелъ къ дѣлу съ другой стороны.

— Однако латыши селятся хуторами?

— А что жъ ей, чухнѣ, и дѣлать-то? Пришелъ онъ съ семьей, скотину привелъ, въ лѣсу не проживешь, гдѣ ладнѣе — тамъ и селись, только воду найди. Я и самъ полагаю на пустошку уйдти; избу съ землей старшимъ ребятамъ отдамъ.

— Значитъ, ты одобряешь хуторное хозяйство?

*) У насъ вмѣсто „глина" говорятъ „гнила".

— Тѣснота одолѣваетъ, бабъ въ избѣ много стало. Опять въ пустошкѣ у меня 56 десятинъ, проживу съ остальными ребятами. А можетъ при подворьи нашимъ-то мужичкамъ,—не безъ ехидства прибавилъ Семенъ Ивановъ,—ихъ милость, господинъ Д-iй *) землицы прирѣжитъ, у него ее уйма, ну тогда, гляди, и они палаты себѣ срубятъ...

Отвѣтивъ шуткой на шутку: „на чужой де каравай ротъ не разѣвай, а кормись хоть малымъ, да своимъ", мы перешли къ обсужденію другой стороны дѣла при будущимъ подворьи, — къ судьбѣ крестьянской скотины, незнающей отъ Егорья до снѣга другого корма, кромѣ подножнаго.

— Худо ли, хорошо ли, а теперича скотина до Петрова дня по паренинѣ **) гуляетъ, а тогда гдѣ жъ ей кормиться?

— На своей землѣ.

— На одной десятинѣ жиру не нагуляешь, — опять тутъ же, значить, и овсы будутъ.

— На всѣхъ поляхъ придется изгороди дѣлать.

— Ты почемъ нонѣ за жердье тужелинскимъ платилъ?

— Пять рублей—сотня.

— Свой-то лѣсокъ бережешь?

— Какъ не беречь; его рубить скоро, а ростить долго.

— А намъ и беречь—нечего; обойди наши дубравы, да подсчитай—сотни жердья не найдешь...

Словомъ, какъ мы ни прикидывали о возможности перехода къ новой формѣ землевладѣнія, какъ ни соображали ближайшихъ послѣдствій подворья, вездѣ, — по словамъ Семена Иванова,— выходило „другъ дружку сожремъ": сожремъ за близость къ водопою, сожремъ за поземъ, сожремъ за задворки (лучшія, огородныя земли помѣщаются въ чертѣ двора; здѣсь же крестьяне начинаютъ сѣять клеверъ), сожремъ при участковой жеребьевкѣ, сожремъ за каждую курицу, перескочившую за черту участка. Выходило общее пожираніе; борьба не на животъ, а на смерть, въ предвкушеніи которой самый смирный изъ пожираемыхъ и пожирающихъ предупредительно заявлялъ: „обереги Господь Богъ отъ грѣха".

Мои бесѣды съ Семеномъ Ивановымъ происходили почти одновременно съ той порой, когда чуть не ежедневно приходилось наталкиваться на статьи, гдѣ назойливо, на всѣ лады и тоны, начиная отъ самыхъ мажорныхъ до самыхъ минорныхъ, доказывалась необходимость „упраздненія" общины. По этимъ статьямъ вкратцѣ выходило такъ: корень зла деревни въ общинномъ землевладѣніи; лентообразныя полосы и передѣлы, какъ

---

*) Ближайшій сосѣдъ мшаринскимъ крестьянамъ.

**) Въ составъ паренины входятъ и всѣ луговыя мѣста въ чертѣ парового поля...

необходимыя условія общиннаго землевладѣнія, мѣшаютъ мужику развернуться во всю ширь; онъ задыхается въ нихъ; онъ изъ года въ годъ голодуетъ, благодаря имъ. Уничтожьте великое зло и картина, по щучьему велѣнью, сразу измѣнится: вмѣсто лентообразныхъ полосъ съ жалкими: рожь, овесъ, паръ, рожь, овесъ, паръ... взоръ будетъ услаждаться уходящими въ безпредѣльную даль полями, съ чудными переливами всякихъ злаковъ; взамѣнъ не кормящаго даже въ проголодь трехполья, явится многополье съ кормовыми травами и корнеплодами, отъ избытка которыхъ будутъ ломиться мужицкіе амбары и сѣновалы; вмѣсто убогихъ „животишекъ" съ лѣзущими наружу костями, по тучнымъ пажитямъ будутъ прогуливаться такіе великолѣпные экземпляры четвероногихъ, для вмѣщенія молока которыхъ не хватитъ посудины; а самъ мужикъ, огражденный правомъ собственности и X томомъ свода россійскихъ законовъ, богатѣя съ часу на часъ, пойметъ и оцѣнитъ, наконецъ, на рубежѣ XIX столѣтія всю прелесть своего правомѣрно-гражданскаго бытія...

Перспективы выходили, по истинѣ, обольстительныя.

Но когда я прислушивался къ тихому голосу мужика на счетъ „позема", „подзола", „жердей", „задворковъ" и проч. будничныхъ вещей и мелочей; когда этотъ мужикъ предлагалъ къ моему разрѣшенію щекотливый вопросъ: а ты наши-то капиталы знаешь? и когда мнѣ представлялся смиренный Аркашъ, выброшенный веленіемъ судьбы на „подзолъ,"—тогда обольстительныя перспективы скрывались передо мной такой громадной волной экономической неурядицы, которая можетъ добраться и до насъ, благодушествующихъ и измышляющихъ всякія „упраздненія" землевладѣльцевъ. На этотъ разъ разорвавшаяся цѣпь, пожалуй, еще больнѣе ударитъ

Однимъ концомъ по барину,
Другимъ по мужику...

Что (при условіи, когда знаніе и право изъ области надеждъ и пожеланій перейдутъ, по отношенію къ деревнѣ, въ область совершившагося факта) современная форма общиннаго землевладѣнія должна, помимо всякихъ насильственныхъ, пришедшихъ извнѣ „упраздненій", видоизмѣниться въ силу однихъ только законовъ исторической и экономической необходимости,—это безспорно. Современное общинное землевладѣніе, съ его чернымъ паромъ, лентообразными нарѣзками и передѣлами, съ его неопредѣленностью границъ права личности и права общины, вполнѣ отвѣчаетъ тѣмъ орудіямъ производства и тому умственному багажу, которыми располагаетъ деревня. Нѣтъ словъ, что все это вмѣстѣ взятое (форма землевладѣнія, орудія производства и умственный багажъ) очень плохо кормитъ наросшее и наростающее по-

колѣніе деревни, но все это, опять таки вмѣстѣ взятое, составляетъ неразрывныя, цѣпко хватающіяся другъ за друга звѣнья. Во что видоизмѣнится современная форма землевладѣнія,—сказать трудно, такъ какъ не приходится еще наблюдать признаковъ перехода и измѣненія, но во всякомъ случаѣ, принимая во вниманіе массовой умъ деревни (при условіи его просвѣщенія), трудно предполагать, чтобы она остановилась на навязываемой формѣ подворья и, въ конечномъ результатѣ экономической работы и броженія, перемѣнила бы кукушку на ястреба.

Но если въ настоящее время не замѣтны признаки, указывающіе на стремленіе деревни перейти отъ общинной формы землевладѣнія къ какой либо иной формѣ, то съ каждымъ годомъ все чаще и чаще приходится быть свидѣтелемъ своеобразной и вмѣстѣ съ тѣмъ ужасно жестокосердной борьбы общины съ отдѣльными личностями. О такой борьбѣ лѣтъ пятнадцать тому назадъ, даже меньше,—лѣтъ десять,—въ нашей мѣстности не было и въ поминѣ, въ настоящее же время она можетъ считаться едва ли не самымъ характернымъ знаменіемъ надвигающейся грозы малоземелья и безкормицы.

Передо мной, въ лицѣ крестьянина Филипа Матвѣева, одна изъ многочисленныхъ жертвъ этой жестокосердной борьбы.

Еще недавно я зналъ Филипа за мужика зажиточнаго и степеннаго; помимо достатка, эта зажиточность и степенность проглядывали во всей фигурѣ Филипа, въ его умѣньи держать себя, въ медленно-разсудительной, съ оттѣнкомъ добродушнаго юмора, рѣчи. Но на этотъ разъ Филипъ пришелъ ко мнѣ инымъ; все измѣнилось въ степенномъ мужикѣ: начиная съ исхудалаго, осунувшагося лица, съ глазъ, въ которыхъ сквозила мучительная, не дающая покою мысль, и кончая рванымъ, съ разноцвѣтными заплатами зипуномъ.

— Не слыхалъ, какихъ дѣловъ со мной натворили?

— Кто натворилъ?

— Да наши, съ кѣмъ хлѣбъ-соль водилъ: Лукашка, Кузьма. Живьемъ меня съѣли. Почитай-ка.

Поданная мнѣ бумага сразу выяснила причину быстро совершившейся перемѣны въ Филипѣ: это приговоръ сельскаго общества объ отобраніи отъ него надѣльной земли и соотвѣтствующее постановленіе подлежащей власти, утвердившей приговоръ. Въ силу этого приговора большакъ-домохозяинъ, всѣми нитями своего существованія привязанный къ землѣ и „міру“, ничего дальше своей околицы не знавшій и не видавшій, превратился на старости лѣтъ въ бездомовника и бродягу.

Весь смыслъ на столько же разорительной, на сколько нравственно-мучительной борьбы, переживаемой Филипомъ, исчерпывался душевымъ надѣломъ, долженствовавшимъ, въ чаяніи недородовъ и голодухи, пополнить пустующіе закромы общины...

Кто-то,—кляузниковъ, охочихъ до мужицкихъ грошей, начинаетъ плодиться по нашимъ палестинамъ великое множество,—указалъ односельчанамъ Филипа о формальномъ пробѣлѣ, допущенномъ лѣтъ тридцать тому назадъ при его пріемѣ въ „общество“. Коварное указаніе возымѣло свое дѣйствіе; аппетиты на филиповскіе полосы разыгрались; съ простого калякамія на завалинкахъ дѣло перешло на сходы, гдѣ партія многосемейныхъ одолѣла и выкинула мужика за бортъ.

Въ приговорѣ сельскаго общества и въ состоявшемся постановленіи объ его утвержденіи было сказано, что земля отбирается отъ Филипа, какъ отъ чужака, пришлаго человѣка.

— Я-то пришлый человѣкъ, подумай только, што прописали. На барщину гоняли вмѣстѣ съ Лукашкой. Пришлый! Што на старости лѣтъ выспалъ отъ обчества? О, Господи, Господи!

Мнѣ много приходилось выслушивать крестьянскихъ безхитростныхъ разсказовъ на тему „разоръ идетъ“. Тутъ-то, повидимому, и мѣсто жалобамъ, слезамъ и причитаніямъ. Но всѣ эти повѣствованія передавались такимъ тономъ, съ такимъ удивительно-наружнымъ спокойствіемъ, что со стороны можно было подумать, рѣчь шла о чемъ-то постороннемъ, чужомъ, а не своемъ собственномъ „разорѣ“. У крестьянина глаза помѣщены не на слезливомъ мѣстѣ. Однако на этотъ разъ мнѣ пришлось, наконецъ, увидать и мужицкія слезы. Призывая Бога въ свидѣтели великой обиды, Филипъ заплакалъ.

— Сколько лѣтъ ты живешь на Логу?

— Самъ подсчитай: за шестой десятокъ мнѣ перевалило, а бралъ я за себя Наталью по двадцатому году. Съ той самой поры покойный Василій меня и въ домъ за мѣсто сына принялъ.

— А сколько лѣтъ, какъ Василій померъ?

— Да горазъ поболѣ двадцати годовъ. Дочка у него была одна, а я ему, вишь, приглянулся, баитъ: хоша ты сирота, одначе бери мою дѣвку за себя, хозяйствуй пока што при мнѣ. Такъ годиковъ пять съ нами и прожилъ... Пришлый! Самъ сына обженилъ, двухъ дочекъ замужъ повыдалъ. Наткось, чужакъ имъ сталъ...

Словомъ, суть дѣла Филипа такова: домохозяинъ Василій Афонасьевъ изъ Лога, имѣя одну дочь, принялъ въ домъ зятя (Филипа) и, умирая, оставилъ ему (конечно, безъ духовнаго завѣщанія) дворъ, все хозяйство и надѣлъ. Такимъ образомъ, зять (Филипъ) сталъ большакомъ и полноправнымъ членомъ общины, каковымъ и оставался въ теченіе болѣе 20 лѣтъ. Черезъ 20 лѣтъ община вспомнила, что пріемъ новаго члена состоялся безъ формальнаго съ ея стороны согласія, выразившагося въ формѣ приговора, и, какъ юридическая распорядительница землей, отняла надѣлъ и распредѣлила его между остальными членами.

Подобнаго рода приговоры, разъ при составленіи ихъ участвовало установленное число общниковъ, не возбуждаютъ въ подле-

жащихъ властяхъ никакихъ вопросовъ и утверждаются безъ всякой дальнѣйшей критики, между тѣмъ всѣ приговоры (гдѣ идетъ рѣчь о столкновеніи права личнаго съ правомъ общины) представляютъ рядъ положеній очень сложныхъ, какъ съ правовой, такъ и съ бытовой стороны. Такъ, въ данномъ случаѣ: община является распорядительницей земли, но чѣмъ же устанавливается ея право лишать дочь наслѣдственнаго права на надѣлъ отца? Затѣмъ, если крестьянинъ, хотя и безъ мірского приговора, вошелъ въ одну изъ семей общины и въ теченіе болѣе 20 лѣтъ вносилъ валюту за землю (выкупные платежи), а община, безъ всякаго протеста, принимала эту валюту, то тѣмъ самымъ онъ и его семья развѣ не закрѣпили за собой право собственности (въ предѣлахъ общиннаго права) на надѣлъ? Далѣе,—какое юридическое значеніе придавать молчаливому согласію общины на пребываніе въ ея средѣ новаго члена въ теченіе нѣсколькихъ давностей, особенно когда съ этимъ пребываніемъ связано исполненіе новымъ членомъ всѣхъ мірскихъ тяготъ, въ видѣ натуральныхъ и денежныхъ податей и повинностей и т. п., и т. п.

Такіе вопросы сами собою напрашиваются на разрѣшеніе даже при поверхностномъ знакомствѣ съ каждымъ приговоромъ, гдѣ дѣло касается современной борьбы (за надѣлы) въ средѣ деревенскихъ общинъ, но, повторяю, къ величайшему сожалѣнію и, конечно, въ ущербъ справедливости, эти вопросы не удостоиваются никакого вниманія, такъ что выкинутымъ за бортъ изгоямъ общины остается только, какъ Филипу, безнадежно повторять:

— Ума не приложу, какъ вѣкъ изжить.

V.

Полувѣръ.

На этотъ разъ, безъ всякихъ предварительныхъ объясненій, прямо валятся въ ноги.

— Помоги.

Ожидающій помощи лѣзетъ за пазуху и изъ тряпокъ вынимаетъ бумагу. Это судебное рѣшеніе, изъ котораго прежде всего я узнаю, что моего новаго кліента зовутъ Дмитріемъ Захаровымъ. По бородатому лицу и всему костюму, Захаровъ настоящій, захолустный мужикъ, но по русски говоритъ очень плохо, превращая постоянно букву е въ э, твердые же звуки замѣняя постоянно мягкими, нѣсколько пѣвучими. Такая особенность невольно возбуждаетъ любопытство.

— Ты русскій?

— Нэ.

— Чухонецъ?

— Нэ.

— Да кто жъ ты такой?

— Ми полувѣры.

Твердитъ одно „ми полувѣры“ и дальше въ опредѣленіи своей національности неидетъ.

Чтобы выяснить такую интересную національность, я подхожу къ мужику съ другой стороны:

— Церковь-то есть у васъ?

— Серковь э и попъ э.

Въ концѣ концовъ я узнаю, что лѣтъ 40, 50 тому назадъ изъ прибалтійскихъ губерній выселилось нѣсколько семей (сколько именно, я не могъ добиться, но, надо полагать, довольно значительное количество). Переселившіеся приняли православіе, вмѣстѣ съ которымъ усвоили внѣшній обликъ господствующей народности, но по русски говорить не выучились. Мой полувѣръ, уже родившійся и выросшій на мѣстѣ переселенія, объяснилъ это тѣмъ, что дома они постоянно говорятъ по чухонски. Почему выходцы окрестились „полувѣрами“, будучи оффиціально православными, придерживаются-ли они лютеранства, или догматы православія перемѣшались съ догматами лютеранства, и почему „полувѣръ“ замѣнилъ самую національность, мой новый кліентъ не могъ объяснить.

— По чухонски грамотѣ знаешь?

— Э.

— А порусски?

— Нэ.

У полувѣра своя правовая бѣда, разъяснить смыслъ которой, пожалуй, гораздо труднѣе, чѣмъ втолковать Никандру юридическія тонкости общаго владѣнія и наслѣдственнаго права.

Дѣло, повидимому, простое. Цѣлую зиму полувѣръ со всей семьей, двумя парнями и дочерью,—стоялъ у сарая лѣсопромышленника на работѣ; рубилъ, пилилъ и вывозилъ дрова. Всего Захаровъ заработалъ 95 руб., изъ которыхъ при наймѣ, въ видѣ задатка, получилъ 15 руб., да рублей на двадцать забралъ хлѣбомъ, топорами, рукавицами и проч., а за остальными 60 руб. долго и безуспѣшно ходилъ къ еврею; пошла обыкновенная канитель: приходи завтра, приходи черезъ недѣлю. Наконецъ, еврей совсѣмъ прогналъ мужика. Полувѣръ обратился въ судъ, но тутъ-то и началась исторія. Еврей оказался большимъ кляузникомъ и на судѣ, какъ выражаются юристы на техническомъ языкѣ, „не вступая въ отвѣтъ по существу, предъявилъ отводъ.“ Суть же этого „отвода“ состояла въ томъ, что не я де, Мовша, долженъ отвѣтствовать передъ Дмитріемъ Захаровымъ, а другой еврей, Соломонъ, ибо, хотя я, Мовша, и нанималъ мужика, но не для себя лично, но для того же Соломона, которому и лѣсъ продалъ... Словомъ, я не я, и лошадь не моя. Хитрая исторія „съ отводомъ“,

конечно, подтверждалась условіемъ на продажу лѣса отъ Мовши Соломону.

Должно замѣтить, что этого Соломона не только никто не видалъ въ глаза, но даже никто не подозрѣвалъ о самомъ его существованіи.

Что могъ возразить на судѣ противъ всѣхъ хитросплетеній мой полувѣръ, вообще плохо понимающій по русски, а въ юридическихъ „отводахъ“ ровно ничего не понимающій, я не знаю; вѣроятно, что нибудь лепеталъ несуразное, но во всякомъ случаѣ, не взирая на всю неблаговидность сшитаго на живую нитку „отвода“, сельская Ѳемида, на основаніи „внутренняго убѣжденія“ (любимѣйшій аргументъ современной сельской богини правосудія во всѣхъ подходящихъ и не подходящихъ случаяхъ), признала „отводъ“ заслуживающимъ уваженія и въ искѣ полувѣру съ Мовши отказала. Срокъ на обжалованіе рѣшенія полувѣръ, конечно, пропустилъ, такъ какъ ни о какихъ судебныхъ срокахъ полувѣръ и не слыхивалъ.

Дѣло съ Мовшей было безповоротно проиграно. При такомъ положеніи дѣла, мнѣ, въ видѣ утѣшенія, оставалось только посовѣтовать полувѣру постараться разыскать проблематическаго Соломона,—и предъявить къ нему искъ; но мой совѣтъ и утѣшеніе плохо подѣйствовали на полувѣра; лепечетъ своимъ дѣтски-немощнымъ, слезливымъ голосомъ:

— Мошка соль давалъ, рукавись Мошка далъ,—а деньга—нэ.

Или:

— Лошадка паль,—ходи такъ...—и въ поясненіе недающейся фразы протягиваетъ руку.

Н. Соколовскій.

(*Продолженіе будетъ*).

РАБЪ.

Николай Дмитріевичъ Стрѣльцовъ такъ усталъ за зиму, что къ веснѣ у него появилась безсонница и отвращеніе къ работѣ. Онъ испугался и отправился къ доктору.

— Уѣхать надо, и чѣмъ скорѣе—тѣмъ лучше...

— Уѣхать? Куда?

— Да куда-нибудь, только подальше отъ города... Вы сколько лѣтъ природы-то не нюхали?

— Да много... Когда перешелъ на послѣдній курсъ—взялъ урокъ въ отъѣздъ, въ Малороссію, на лѣто... А какъ кончилъ университетъ, такъ и не разставался съ городомъ... Вотъ шесть лѣтъ значитъ...

— Ну, и уѣзжайте!.. Только, пожалуйста, не въ Сокольники, не въ Пушкино... Чтобы безъ баловъ, безъ любительскихъ спектаклей, а главное, безъ платформы... Вамъ нуженъ отдыхъ настоящій: тишина, чистый воздухъ, поле, лѣсъ... И работать какъ можно меньше...

— Ну это трудно,—сказалъ съ усмѣшкой Николай Дмитріевичъ и, видя строгое недоумѣніе на лицѣ доктора, поторопился пояснить: — Авансъ!

— Отработаете зимой; лѣтомъ отдыхайте...

— Зимой не отработывать, а заработывать надо, зимой и вздохнуть некогда. Кромѣ ежедневной работы въ газетѣ, я рецензентъ въ трехъ русскихъ театрахъ... Вѣчно бѣжишь, вѣчно торопишься, какъ въ лихорадкѣ все время...

— А къ чему?

Стрѣльцовъ ничего не отвѣтилъ.

Къ іюню онъ, всетаки, поселился на дачѣ въ тихомъ, почти безлюдномъ селѣ Вознесенскомъ, выбранномъ имъ по указанію одного знакомаго семейства. Ему сразу понравилось бѣдное село со старенькой церковью и заглохшимъ погостомъ, съ узкой, но чистой рѣчкой, въ высокихъ зеленыхъ берегахъ.

Деревня растянулась по ту сторону рѣчки, а на этомъ берегу, на церковной землѣ, были только домики причта.

«Вотъ гдѣ можно будетъ и поотдохнуть и поработать въ тишинѣ!»—подумалъ Стрѣльцовъ и сейчасъ же далъ задатокъ чиновнику Козловскому, у котораго онъ нанялъ мезонинъ.

Самъ Козловскій нанималъ дачу у причетника и жилъ съ троими дѣтьми и свояченицей въ двухъ нижнихъ комнатахъ.

Дача причетника примыкала къ землѣ священника, на которой стоялъ зимній домъ батюшки и флигелекъ старой матушки—тещи священника. Священникъ, отецъ Михаилъ Голгоѳскій, сдавалъ на лѣто свой домъ дачникамъ, а самъ перебирался въ маленькій флигель тещи и селился въ немъ съ пятью дѣтьми, съ женой и со старой матушкой — Дарьей Ивановной. Флигелекъ былъ старый, тѣсный, но батюшка всѣхъ увѣрялъ, что онъ и помѣстительный, и «здоровый».

— Вы не смотрите, что онъ на видъ трухлявый, въ него два семейства влѣзутъ... Да много-ли и надо лѣтомъ? Лѣтомъ и качка—прачка!

Никто не понималъ, что собственно значитъ послѣдняя фраза, но домашніе такъ привыкли къ ней, что и не старались вникать въ ея смыслъ и уже съ первыми весенними лучами приготовлялись переселяться изъ теплаго зимняго гнѣзда въ тѣсный, холодный флигель. Старая матушка уже съ марта принималась за уборку его, мыла окна и развѣшивала ситцевыя перегородки. Самъ батюшка не имѣлъ своего угла лѣтомъ и каждую весну говорилъ:

— Лѣтомъ-то?!.. Господи! На чистомъ воздухѣ спать чудесно! Лѣтомъ и качка—прачка!

Но послѣ первой же ночи, проведенной въ полуразвалившейся бесѣдкѣ, батюшка стлалъ себѣ постель гдѣ-нибудь въ уголкѣ, во флигелѣ и добродушно приговаривалъ:

— Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше!

И такъ спалъ онъ все лѣто, на случайномъ мѣстѣ, безъ кровати, безъ всякихъ удобствъ. Но онъ не только не жаловался, а точно и не желалъ ничего лучшаго. Лѣто было для него сплошнымъ праздникомъ. Батюшка любилъ поговорить, а зимой ему, на этотъ счетъ, было плохо: старшія дѣти уѣзжали въ городъ—мальчики въ семинарію, а дѣвочки въ епархіальное училище; дома оставался только мальчикъ Сеня, не сходившій съ рукъ попадьи, которая была постоянно чѣмъ-то обижена. И батюшка не любилъ говорить съ ней; онъ зналъ, что съ чего бы ни начать разговоръ—непремѣнно свернешь на деньги. Матушка какъ-то незамѣтно умѣла направлять разговоръ на эту тему и кончалось всегда упреками и непріятностями. Отецъ Михаилъ умолкалъ на цѣлый день до новаго разговора, новыхъ упрековъ и новой ссоры.

Дачники совершенно измѣняли всю его жизнь. Каждый дачникъ былъ его другомъ уже потому только, что могъ быть его собесѣдникомъ.

— Зиму-то молчишь, молчишь — устанешь,—оправдывался

онъ обыкновенно, самъ чувствуя, что накидывался на дачника съ разговорами, какъ голодный на пищу.

Отъ дачниковъ же батюшка, обыкновенно, пользовался и газетами, которыя не имѣлъ возможности выписывать самъ. Онъ садился на скамейку, подъ единственную липу своего садика, и прочитывалъ ихъ отъ первой строчки до послѣдней, а по вечерамъ обсуждалъ прочитанное съ кѣмъ нибудь изъ сосѣдей.

Въ этомъ году отецъ Михаилъ отдалъ свой домъ въ наймы учителю гимназій, Петру Ивановичу Семенову, и уже заранѣе радовался, что будетъ съ кѣмъ душу отвести за лѣто, такъ какъ дачникъ попался образованный; батюшка за эту образованность даже уступилъ ему десять рублей, за что и выдержалъ нападеніе со стороны обѣихъ матушекъ: и молодой, и старой. Но оказалось, что учитель такъ усталъ за зиму отъ своей каторжной жизни, какъ онъ говорилъ, что цѣлыми днями неподвижно сидѣлъ на террасѣ и смотрѣлъ куда-то вдаль, а къ заходу солнца надѣвалъ крылатку и большую соломенную шляпу и уходилъ съ удочкой къ рѣкѣ, гдѣ цѣлыми часами сидѣлъ такъ же безмолвно и неподвижно. Батюшка скоро понялъ, что промахнулся, уступивъ такому дачнику десять рублей, но не хотѣлъ признаться въ этомъ женѣ и увѣрялъ, что очень доволенъ жильцами.

У Семенова была жена, двѣ дочери и сынъ лѣтъ девяти. Батюшка не любилъ разговаривать съ «дамствомъ», и поэтому скоро примирился съ мыслью, что ему нечего ждать отъ своихъ жильцовъ, и каждый вечеръ уходилъ посидѣть на скамеечкѣ къ домику причетника и поджидалъ кого нибудь изъ его жильцовъ.

Стрѣльцову понравился этотъ доброжелательный священникъ съ его своеобразнымъ языкомъ и любознательностью. А главное ему было пріятно добродушіе батюшки. И это добродушіе точно шло отъ него на все село Вознесенское. И сгорбленная, какъ старушка, церковь, и заросшій погостъ съ заглохшими памятниками, и свѣтлая рѣчка, лѣниво пробирающаяся между зеленыхъ береговъ — все казалось Стрѣльцову добродушнымъ и милымъ.

И такъ было тихо кругомъ, что ему просто не вѣрилось, что онъ всего въ двухъ часахъ ѣзды отъ города, отъ его несмолкаемаго шума и тревожной суетни... Да и сосѣди попались тихіе, добрые. Чиновникъ Козловскій, у котораго Стрѣльцовъ нанималъ комнату на лѣто, былъ вдовецъ, лѣтъ тридцати двухъ-трехъ. Онъ каждое утро уѣзжалъ въ городъ на службу, а съ дѣтьми его, двумя дѣвочками, оставалась его свояченица

Анна Дмитріевна. Козловскій возвращался на дачу съ шестичасовымъ поѣздомъ, шелъ отъ желѣзной дороги три версты пѣшкомъ и весь вечеръ не могъ двинуться дальше скамейки у калитки палисадника. Стрѣльцова умилялъ этотъ труженикъ, когда онъ возвращался домой усталый, потный, нагруженный разными покупками. Да и Анна Дмитріевна умиляла Стрѣльцова, вѣдь и она не отдыхала лѣтомъ, а работала безъ отдыху съ утра до вечера: шила на машинѣ часовъ по пяти въ день, стряпала въ кухнѣ, чистила ягоды, сидѣла у жаровни и трясла тазы съ кипящимъ вареньемъ,—однимъ словомъ, постоянно была занята. И къ ней у Стрѣльцова было то умиленное чувство, которое охватило его съ первой минуты переѣзда изъ города.

«Гдѣ и работать, какъ не здѣсь?! День не разорванъ на кусочки, какъ въ городѣ, полнѣйшая тишина, спокойствіе, можно забыть всѣ дрязги, всѣ мелкія дѣлишки и работать безъ конца», думалъ онъ.

И онъ рѣшилъ работать добросовѣстно и много и отработать за лѣто весь авансъ.

Но день шелъ за днемъ, а работа не клеилась. Онъ посылалъ въ газету какіе-то обрывки фразъ и мыслей и чувствовалъ, что не исполняетъ своихъ обязательствъ передъ редакторомъ. Его такъ тянуло къ рѣчкѣ или въ поле, что онъ постоянно откладывалъ работу и уходилъ изъ дому «собраться съ мыслями», какъ оправдывалъ онъ себя.

Тамъ, въ полѣ, было безлюдно и безмолвно. Громадное небо сливалось гдѣ-то далеко-далеко съ темнымъ лѣсомъ, а между нимъ, Стрѣльцовымъ, и этимъ лѣсомъ волновалась желто-зеленая нива съ ея теплымъ запахомъ и мягкимъ шумомъ. На Стрѣльцова сейчасъ же налетали какіе-то неясные образы, ласкающіе звуки, въ головѣ колыхались гармоничныя волны недоговоренныхъ мыслей, какія-то выраженія безъ словъ, какія-то грезы безъ опредѣленной формы. Онъ съ восторгомъ отдавался этимъ грезамъ и уходилъ съ утра въ поле, на рѣчку, въ лѣсъ. Наконецъ, редакторъ строго написалъ ему, что газета остается иногда безъ «Дневника дачника». Стрѣльцовъ сталъ брать въ поле бумагу и карандашъ. Но выходило совсѣмъ не то, что было нужно редактору и газетѣ. Онъ злился, рвалъ бумагу, принимался опять писать и чуть не со слезами бросалъ карандашъ и растягивался на травѣ.

Стрѣльцовъ сталъ запираться у себя въ комнатѣ и съ утра садился за столъ у окна и бралъ перо. Редакторъ, видя, что онъ присылаетъ ему въ газету совсѣмъ негодный для нея матеріалъ, прислалъ ему свои темы, усиленно напирая на то, что нужно выполнять взятыя на себя обязательства. Стрѣль-

цовъ злился, грызъ перо и принуждалъ себя работать. Только по вечерамъ выходилъ онъ за калитку и позволялъ себѣ бесѣдовать со священникомъ.

— Гроза будетъ,—заявлялъ ему батюшка.

— Почему такъ?

— Всѣ поры вопіютъ!.. Еллектричества скопилось на землѣ черезчуръ много...

Завязывался споръ съ чиновникомъ Козловскимъ: батюшка доказывалъ, что «субстанція каждаго естества есть еллектричество», чиновникъ Козловскій устало спрашивалъ его:

— Доказано ли?

Священникъ приводилъ примѣры исцѣленій электричествомъ и мало-по-малу переходилъ на свою любимую тему—на политику.

Тутъ Стрѣльцовъ, не переносившій—какъ поэтъ—разговоровъ о политикѣ, вставалъ и уходилъ.

Скоро онъ сталъ избѣгать встрѣчъ со священникомъ; онѣ брали у него слишкомъ много и ничего не давали ему. А онъ самъ сознавалъ, что теряетъ слишкомъ много времени въ безполезныхъ разговорахъ и прогулкахъ. Онъ рѣшилъ никого и ничего не видѣть и не слышать и цѣлыми часами сидѣлъ въ своей душной, тѣсной комнатѣ.

Но черезъ досчатыя стѣны къ нему лѣзли чужія слова, чужая жизнь, и онъ невольно участвовалъ въ ней.

Разъ, сидя у открытаго окна, онъ услыхалъ свое имя.

— Что вашего сочинителя давно не видно?—спрашивалъ священникъ.

— Это вы про Николая Дмитріевича?—отвѣтилъ ему Козловскій.—Не сочинитель онъ, батюшка, а поэтъ! Настоящій поэтъ! Да нужда одолѣла... Не нужда бы, такъ изъ него Пушкинъ вышелъ бы! Ну, а, конечно, для хлѣба писать трудно, особенно стихи! Геніальный господинъ!

— И весь день стихи строчитъ?—не безъ ироніи спросилъ отецъ Михаилъ.

— Да вѣдь онъ поэтъ! Что же ему другое дѣлать?

— И печатаютъ?—продолжалъ въ томъ же тонѣ батюшка.

— Онъ обязался поставлять въ газету каждый день тридцать двѣ строчки стиховъ... Да вѣдь вы берете у насъ «Послѣднія Вѣсти?» Изволили тамъ обратить вниманіе на «Дневникъ дачника»... «Пчелка» подписано...

— Неужли онъ?

Батюшка точно даже испугался.

— Онъ и есть.

— Ахъ ты, сдѣлай милость! И не скажетъ ничего! Сколько мы съ нимъ вотъ тутъ бесѣдовали... Хоть бы проговорился!.. Пчелка!.. А и ловко жалитъ... Я не очень-то охотно стишки

читаю... А Пчелку люблю... Хлестко пишетъ! Какъ онъ тутъ недавно велосипедистокъ раздѣлалъ—объяденіе! Да и въ самомъ дѣлѣ,—прилично ли дѣвицѣ или барышнѣ этакую позу принимать и номеръ себѣ вывѣшивать? Ужъ и вышутилъ же вашъ поэтъ ихъ! Ловко...

Стрѣльцовъ оставилъ перо и не могъ не слушать, что говорилось про него.

— И большіе капиталы зашибаетъ? — дѣловымъ тономъ спросилъ священникъ.

— Да онъ, собственно, на жалованьи у газеты. Нанялся съ обязательствомъ поставлять столько-то строкъ въ день... Хочешь не хочешь—пиши... Иногда, говоритъ, въ полчаса напишетъ, а иногда и цѣлый день просидитъ...

— Да ужъ нанялся—продался!..

Стрѣльцовъ захлопнулъ окно; но и черезъ затворенную раму до него долетали отдѣльныя слова и фразы; онъ попытался собрать мысли для послѣднихъ строкъ начатаго стихотворенія, когда опять услыхалъ ту же фразу: нанялся—продался!

Онъ схватилъ шляпу и убѣжалъ задворками въ поле.

Да! Онъ продался! Когда три года тому назадъ онъ принесъ редактору «Послѣднихъ Вѣстей» свою поэму—тотъ прямо сказалъ ему:

— Содержаніе наивное... Свобода и природа это также устарѣло, какъ весна и луна... Но форма хороша... Изъ васъ можетъ выработаться полезный сотрудникъ. Мнѣ нуженъ сатирическій поэтъ. Публика любитъ это... Идите ко мнѣ на службу.

И онъ пошелъ. Нужны были деньги, хотѣлось жить. Студенческое существованіе въ меблировкѣ, съ котлетами на маргаринѣ, становилось тяжкимъ, хотѣлось быть не хуже другихъ, а для этого прежде всего надо быть одѣтымъ, какъ подобаетъ «порядочному человѣку», а онъ даже этого не могъ достичь, живя только на гонораръ за стихотворенія. А тутъ еще явилась любовь къ женѣ одного изъ товарищей, изящной женщинѣ съ тонко-развитымъ вкусомъ. Она любила слушать его вещи, искренно восхищалась ими, переводила съ нимъ Верлена и поощряла его работать. Затѣмъ начались поѣздки за городъ, прогулки вдвоемъ, полныя поэзіи и радости жизни. Въ одну изъ такихъ прогулокъ онъ понялъ, что любимъ этой тонкой, изящной женщиной. Жизнь сразу показалась ему легкой и ясной, и онъ всю ночь провелъ за письменнымъ столомъ, излагая на бумагѣ, какъ жизнь прекрасна, какъ безконечно широко будущее, какая красота кругомъ насъ, внутри насъ...

Когда онъ принесъ поэму Вѣрѣ Александровнѣ, у нея сидѣлъ ея братъ съ невѣстой и матерью невѣсты. Вѣра встрѣтила его ласково, но такъ сдержанно, что онъ весь съежился.

— Николай Дмитріевичъ Стрѣльцовъ, поэтъ,—представила она его, какъ будто извиняясь.

И ему показалось, что она со страхомъ смотрѣла на короткіе рукава его пиджака, изъ-подъ которыхъ смотрѣло несвѣжее бѣлье. Онъ чувствовалъ, что она—еслибы могла—закрыла его чѣмъ-нибудь, чтобы ея гости не видѣли его расшлепанныхъ сапогъ, съеженнаго жилета, всего его поношеннаго существа. Онъ запряталъ ноги подъ стулъ, и мысли его ушли далеко отъ того, что было написано въ поэмѣ.

И онъ сказалъ все это Вѣрѣ, какъ только они остались одни. Она смѣялась, увѣряла, что все это ему показалось, что онъ «всетаки» дороже ей всѣхъ на свѣтѣ. И онъ схватился за эти слова и, успокоенный и, радостный, сказалъ ей:

— Конечно, бѣдность не порокъ!

— Но большая гадость!—отвѣтила ему она шутливо, но въ ея глазахъ онъ прочелъ не шутку.

Съ этихъ поръ онъ постоянно замѣчалъ, что она при другихъ становится совсѣмъ иною; тѣ глаза, что на единѣ такъ любовно смотрѣли на него—при чужихъ осматривали его съ какимъ-то страхомъ; онъ постоянно видѣлъ, или вѣрнѣе чувствовалъ, какъ любовь и любованіе имъ замѣнялись въ ней стыдомъ за него. Сначала это его злило, онъ называлъ ее «пустой барынькой», ничтожествомъ, которое можетъ считаться съ такими пустяками, но и самъ считался съ ними и иногда страдалъ невыносимо. Его звали въ театръ, онъ не смѣлъ признаться, что ему не на что ѣхать, и лгалъ, что уже обѣщалъ другимъ, и навлекалъ на себя гнѣвъ Вѣры, а самъ чуть не плакалъ отъ горя и злобы на себя.

Предложеніе редактора «Вѣстей» явилось неожиданнымъ разрѣшеніемъ очень многихъ вопросовъ. Стрѣльцовъ принялъ его безъ малѣйшаго колебанія; оно устраняло такъ много страданій, а требовало такъ мало: тридцать двѣ строчки стиховъ въ день! Ему—при его способности работать—это казалось пустякомъ. Но вѣдь это составляло въ годъ болѣе тысячи риѳмованныхъ строкъ обличенія или просто глумленія. Сначала темы предлагались редакціей, потомъ самъ Стрѣльцовъ долженъ былъ находить ихъ, считаясь съ духомъ и направленіемъ газеты. И чего-чего не вышутилъ онъ за эти три года, надъ кѣмъ только не поглумился! Въ редакціи его цѣнили, ему увеличили жалованье, жизнь пошла шумно и бойко. Вѣра Александровна хоть и надоѣла ему немного, но была его вѣрной спутницей и въ театрахъ, и въ ресторанахъ, и на скачкахъ,—вездѣ, гдѣ собирались люди. Въ послѣднюю зиму онъ взялъ еще на себя

обязанности драматическаго рецензента, такъ какъ жизнь требовала все большихъ и большихъ тратъ и его жалованья не хватало ему и онъ долженъ былъ постоянно дѣлать долги.

Все это такъ издергало Стрѣльцова, что онъ съ радостью ухватился за совѣтъ доктора, рѣшилъ уѣхать въ деревню и отсюда писать «Дневникъ дачника».

И первое время ему казалось, что работа пойдетъ и пойдетъ хорошо. Но когда онъ увидалъ, что природа съ ея просторомъ и покоемъ только мѣшаетъ ему въ его работѣ, а дача совсѣмъ не отвѣчаетъ тому впечатлѣнію тишины и кротости, которое онъ испытывалъ первые дни пребыванія въ деревнѣ—онъ затосковалъ. Онъ принуждалъ себя садиться за письменный столъ, бралъ перо и безконечно теръ себѣ лобъ рукою.

Сосѣдка по дачѣ, Наденька Семенова, увидя какъ-то его въ такой позѣ, громко сказала сестрѣ:

— Муки творчества!

И съ тѣхъ поръ это сдѣлалось его прозвищемъ. Стрѣльцовъ слыхалъ не разъ какъ Наденька говорила, когда онъ проходилъ мимо ея палисадника:

— Вонъ «Муки творчества» прогулятся пошли.

Это злило его и отвлекало отъ работы. Чувство умиленія, наполнявшее его въ первые дни жизни на дачѣ, мало по малу смѣнилось мелкимъ раздраженіемъ отъ постояннаго вторженія въ его голову чужой жизни, чужихъ интересовъ.

Особенно развлекалъ и раздражалъ его звонкій голосъ Наденьки Семеновой. Съ утра она садилась на террассѣ заниматься съ братишкой, и Стрѣльцовъ слышалъ какъ она кричала:

— Ну, что ты написалъ? Смотри, что ты написалъ?!. «Сичасъ!» Что это за сичасъ?

— А какъ-же?—безучастно спрашивалъ мальчикъ.

— Сейчасъ... Я тебѣ говорю не сичасъ, а сейчасъ,—растягивая это слово, говорила она.

— А что такое «сейчасъ?»—спрашивалъ братъ.

— Ты не знаешь? Не знаешь?—возвышая голосъ говорила Наденька. Изволь писать и не разсуждать! Сейчасъ...

— А что такое сеечасъ?—не унимался братъ.

— Господи! Какая мука!

— Сама не знаешь,—поддразнивалъ мальчикъ.

— Молчи, говорятъ тебѣ!

— А! Не знаешь, не знаешь!.. Тоже учительница!

— Папаша!—кричала Надя, прикажите ему замолчать!

— Папаша!—кричалъ и братъ, не вѣрьте ей: она все вретъ!

А внизу подъ окномъ въ это же время Анна Дмитріевна чуть не до слезъ спорила съ мясникомъ изъ-за какихъ-то жилъ и совершенно несчастнымъ голосомъ убѣждала его:

— Побойся ты Бога! Такую цѣну берешь и ѣсть нечего!. Уварится—что тутъ подать?

И такъ каждый день! Ни громадный синій небосводъ, ни краса лѣса, цвѣтовъ, ни запахъ полей—ничто, казалось, не существовало для этихъ людей!

Разъ, когда Стрѣльцовъ, по обыкновенію, сидѣлъ у окна и выжималъ изъ себя свои тридцать двѣ строчки, къ нему въ комнату влетѣлъ звонкій и тревожащій голосъ Наденьки; она кричала на служившую у нихъ подгорничной дѣвочку—Ѳиму:

— Какъ ты смѣешь брать мои щипцы? Какъ ты смѣешь?

— Я не брала! Ей Богу, барышня, не брала...

— Развѣ я не вижу? Опять вихры завиты!

— Да я, барышня, гвоздемъ...

— Какъ гвоздемъ?

— Накалила гвоздь, да и закрутила волосы на него...

Наденька громко и весело расхохоталась.

Ѳима жила у Семеновыхъ «дѣвчонкой»; хозяйство шло безпорядочно, кухарки мѣнялись каждую недѣлю и Ѳиму звали и гоняли съ утра до вечера. Ея маленькія ноги въ старыхъ барышниныхъ туфляхъ не отдыхали ни минуты. Да и ей самой надо было все увидать, все узнать, все выспросить и донести своимъ барышнямъ. Уже черезъ недѣлю послѣ переѣзда на дачу она знала всѣхъ дачниковъ батюшкиной «палестины», сбѣгала за рѣку, на село, гдѣ также отдавались дачи, побывала и на станціи съ письмами отъ барышенъ и объявила, что на «плацформу» ходить не зачѣмъ—не интересно! Да барышни Семеновы почти и не ходили гулять по платформѣ, такъ какъ до нея надо было идти версты три по солнцу, а Наденька больше всего боялась загара. Старшая сестра, шепелявая Милочка, очень скучала на дачѣ и главнымъ ея развлеченіемъ были бесѣды съ прислугой. Ѳима постоянно подбѣгала къ террассѣ и сообщала ей что нибудь.

— У матушки работница ушла,—какъ-то объявила она барышнямъ.

— Какъ ушла?!—живо откликнулась Милочка.

— Взяла да ушла... Домой ушла работать... Теперь въ деревнѣ работы—страсть!

— А кто же у матушки будетъ?

— За дѣвчонкой поѣхалъ отецъ Михаилъ. Въ его приходѣ, сказываютъ, есть сирота, безъ матери... Отецъ давно набивался: возьми, батька, къ дѣлу пріучи... Не къ чему было!. А сегодня матушка такую бурю подняла — страсть! Да и старая-то матушка туда же!!.. Не можемъ, говорятъ, съ однимъ работникомъ управиться: онъ и печку топи, и навозъ вози, и воду

носи, и самовары ставь! А двадцатаго-то у нихъ праздникъ: Инны, Пинны и Риммы... Всѣ три поповны именинницы... Матушка и разбушевалась: давай прислугу! Батька перетрусилъ!.. Поѣхалъ за дѣвчонкой!

Ѳима говорила скоро-скоро, захлебывалась, точно боялась не успѣть сказать всего, что хотѣлось.

— Ѳимка!—раздался откуда-то хриплый голосъ учителя Семенова.—Иди полъ домывать!.. Начала и бросила! Только грязь размочила! Дрянь!!

Когда вечеромъ Стрѣльцовъ вышелъ изъ своего добровольнаго заточенія, онъ увидалъ Ѳиму за калиткой дачи священника. Она очевидно поджидала кого-то. Ея худенькое, черненькое личико тревожно вертѣлось на длинной шеѣ въ модномъ, высокомъ воротникѣ. Вычурная блузка съ барышнинаго плеча неуклюже горбилась на ея дѣтской фигуркѣ; сухая талія была перетянута поясомъ съ блестящей пряжкой. Увидя Стрѣльцова, она какъ-то неестественно пригнулась, но онъ успѣлъ разглядѣть, что туфли на высокихъ каблукахъ у нея были надѣты на босую ногу. Ему стало и смѣшно, и жалко ее. Но онъ сейчасъ же отогналъ отъ себя эту жалость. Такая дѣвочка, съ ея страстью къ нарядамъ, къ побрякушкамъ, къ новостямъ и всякаго рода новымъ впечатлѣніямъ, представилась ему выразительницей всей той женской суетности и пустоты, которыя столько разъ осмѣивалъ онъ. Слова и риѳмы закружились у него въ головѣ и онъ рѣшилъ вернуться домой, чтобы, не откладывая, написать на эту не новую, но всегда интересную тему свои тридцать двѣ строчки.

Когда онъ шелъ назадъ, его обогнала тележка священника. Рядомъ съ батюшкой сидѣла узкоплечая и сутуловатая дѣвочка, съ голой шеей и непокрытой головой. Жидкіе, свѣтлые волосы были заплетены въ одну коску, которая поднималась кончикомъ кверху.

У калитки своего дома священникъ остановился и крикнулъ:

— Степанъ!

Выбѣжалъ хромоногій работникъ, а за нимъ и сама матушка. Ѳима стояла невдалекѣ и жадно смотрѣла на пріѣхавшую.

— Каково благораствореніе!—обратился отецъ Михаилъ къ шедшему мимо Стрѣльцову.

Но матушка сейчасъ же перебила его:

— За сколько?—спросила она мужа, кивнувъ на дѣвочку.

— Рубль въ мѣсяцъ, ну и одеженку какую, когда... Ступай, Стеша! завтра начнешь услуженіе.

— Какъ завтра?—вскрикнула попадья.—А сегодня кто

ужинъ соберетъ? Васъ—слава тебѣ Господи—сядетъ за столъ артель цѣлая, все я служи!

И она повела дѣвочку во флигель.

Солнце стояло уже высоко, когда Стеша выбѣжала со двора батюшкиной «усадьбы» и глянула кругомъ. Сзади дачъ шелъ глубокій оврагъ, за которымъ сейчасъ же начиналось громадное безконечное поле. Рожь колыхалась и разсылала кругомъ свой теплый запахъ. Растрепанныя головки васильковъ синѣли въ ея чащѣ.

По небу медленно двигалась тяжелая лиловая туча, и уже дальній край поля помутнѣлъ.

Стеша съ испугомъ увидала эту тучу, которую на дачномъ дворѣ ей не было видно, и всплеснула руками.

— Наши-то, чай, спѣшатъ сѣно въ копны складать!—прошептала она и первымъ ея движеніемъ было куда-то броситься и что-то спасать изъ-подъ этой лиловой тучи.

— Стеша!—раздался голосъ попадьи.—Стешка! Куда же ты запропастилась?

Дѣвочка вздрогнула, обернулась и, точно нехотя, засѣменила робкой походкой, а ея косичка крючкомъ, съ вплетеннымъ въ нее кусочкомъ кумачу, покачивалась въ тактъ ея походкѣ.

— Бѣги же скорѣй! Не слышишь? Ступай воды изъ колодца накачай! Да поворачивайся!

Стеша взяла ведро и пошла къ колодцу.

Но чрезъ нѣсколько минутъ, она уже была за оврагомъ, въ полѣ. Лиловая туча не давала ей покою. Пронесетъ, или не пронесетъ? думала она, когда перескакивала оврагъ и бѣжала по узкой межѣ. Мимо ея ушей пролетѣли было звуки матушкинаго голоса: «Стешь! А, Стешь!»—но дѣвочка не слушала ихъ. Жужжанье мошекъ, стрекотанье кузнечиковъ, шумъ вѣтра, скользящаго по сѣро-зеленому полю—всѣ эти знакомые звуки наполнили всю ее и звали ее къ себѣ, какъ свою.

Она видѣла темную тучу на ярко синемъ небѣ, видѣла сочные колосья, качавшіеся выше ея головы, чувствовала ихъ хлѣбный запахъ и бѣжала впередъ, чему-то улыбаясь.

Она не знала гдѣ ихъ деревня, помнила только, что «солнышко садится аккуратъ за ихъ избой», и смотрѣла съ радостью какъ туча бѣжитъ на солнце, значитъ—думала она—уходитъ отъ ихъ деревни. Ей стало еще веселѣе, и она, не чувствуя ни тяжести своего тѣла, ни колючекъ подъ босыми ногами, бѣжала впередъ и наслаждалась своей быстротой.

Гдѣ-то вдали проворчалъ громъ. Стеша остановилась и перекрестилась. Она не боялась грозы и не пряталась отъ нея,

хотя знала, что молнія можетъ убить, но на это есть Божья воля, и прячься не прячься—не поможешь.

Стеша сѣла немного вбокъ отъ межи въ тѣневую сторону ржи и закинула голову. Туча покрыла солнце и расползлась уже на полъ-неба. Въ ея темной и мягкой глубинѣ, почти не останавливаясь, ворчалъ громъ. Стеша слушала его не съ испугомъ, а со вниманіемъ, и улыбка не сходила съ ея хорошенькаго лица. Сѣрые глаза смотрѣли ясно и бодро, бѣлые зубы сверкали изъ-подъ пухлыхъ розовыхъ губъ. Во всемъ лицѣ была разлита покойная радость. Ничего она такъ не любила, какъ лугъ, поле, лѣсъ. Бывало уйдетъ съ ребятишками за ягодами или за грибами — такъ цѣлый день отецъ и не знаетъ гдѣ она, чѣмъ сыта, кто накормилъ ее? Но за то онъ и не ругалъ ее за ея любовь къ свободѣ и всегда добродушно говорилъ про нее:

— Одна заря вгонитъ, другая выгонитъ!

При этомъ воспоминаніи объ отцѣ Стеша вздохнула. И зачѣмъ онъ теперь услалъ ее за столько верстъ? Какъ хорошо ей было дома, въ деревнѣ. Тамъ у нея подружка Настя, такая же одиннадцатилѣтняя дѣвочка, какъ и она, веселая и добрая. Встанутъ онѣ съ ней иной разъ съ солнышкомъ; какъ только скотину выгонятъ, такъ и онѣ убѣгутъ за земляникой. Утренняя роса жжетъ имъ босыя ноги и онѣ хохочутъ отъ радости и чувства простора. А потомъ купаться побѣгутъ. Рѣка тутъ же, подъ горкой. Въ жару—разъ по семи купаются. Вечеромъ пѣсни поютъ, свой дѣтскій хоръ составили, и первыя запѣвалы—она, Стеша, да Настя! А потомъ поскачутъ верхомъ въ ночное, лошадей тамъ оставятъ, а сами бѣгутъ домой и прямо въ постель. Положимъ, у Стеши никогда еще не было постели, но такъ она называла свой уголъ на лавкѣ, гдѣ лежала какая-то подстилка. Отецъ никогда не билъ ее, ругалъ мало, да и то когда выпьетъ. А вообще они жили дружно и лучшаго Стеша и не желала. Вдругъ пріѣхалъ батюшка - священникъ, отецъ позвалъ Стешу, велѣлъ ей умыться и переодѣться. Она умылась, а переодѣться ей было не во что, такъ какъ ея «перемѣна»—т. е. вторая рубашка и вторая юбка, которыя у нея были на перемѣну — висѣли мокрыя, только что выстиранныя Стешей. Отецъ такъ и отослалъ ее въ томъ же платьѣ, въ какомъ она была дома, только волосы ей помазалъ маслицемъ изъ лампадки. Стеша была такъ ошеломлена этимъ пріѣздомъ священника, что не поняла хорошо своего положенія. Она покорно влѣзла въ телѣжку, сѣла рядомъ съ батюшкой и всю дорогу ѣхала какъ деревянная.

Только тутъ она очнулась. Она вспомнила какъ бабушка Матрена говорила, когда Стешу отправляли со двора, что все это «Паранькины штуки». Стеша вспомнила, что какъ-то та

же баушка Матрена говорила, что Паранька мѣтитъ за ея отца, но она не вѣрила, чтобы чернозубая Прасковья могла еще выйдти замужъ. Она и батькѣ тоже самое сказала.

— Что такъ?—спросилъ тогда отецъ.

— Она ужъ вѣковуша.

— Кто сказалъ?

— Да у нея ужъ зубы валиться хотятъ...

Тогда отецъ разсмѣялся, а теперь никакъ и вправду жениться вздумалъ?

Улыбка сошла съ розовыхъ губъ Стеши. Она оглянулась кругомъ. Туча разлилась по всему небу отъ края до края и нависла надъ полемъ сплошной сѣрой крышкой. Громъ раскатывался жидко и далеко. Дождя не было, но пахло дождемъ. Стеша не двигалась съ мѣста. Куда ей идти? Что она будетъ дѣлать здѣсь, у чужихъ людей, въ чужомъ мѣстѣ? Не успѣла пріѣхать вчера: и на столъ собери, и посуду перемой, и постели постилай... Спать положили на половикѣ въ кухнѣ, на полу. Сегодня чуть свѣтъ подняли: собирай постели по всѣмъ угламъ, въ самоваръ дуй, воды натаскай!.. Ничего-то она не умѣетъ. Вчера три тарелки разбила, обѣ матушки закричали на нее, хорошо батька вступился. Сегодня опять съ утра кричатъ... Она и сбѣжала! И не пойдетъ назадъ ни за что на свѣтѣ! Пусть управляются, какъ знаютъ! А она вернется къ себѣ въ деревню!.. Вотъ Настя-то обрадуется!

И Стеша самодовольно и важно растянулась на землѣ. Тамъ, высоко, подъ самой тучей, пробѣжалъ неясный шопотъ.

— Разгонитъ!—подумала Стеша, понявъ, что это налетѣлъ тотъ вѣтеръ, который на землѣ не чувствуется.

И она стала слѣдить, какъ небо свѣтлѣлось и прояснялось. Появились бѣлыя тѣни, и пушистыя клочья быстро заскользили по сѣроватому фону. Громъ ушелъ куда-то далеко-далеко. Въ полѣ стало опять жарко и ароматно. Стеша ждала, чтобы проглянулъ хоть маленькій кусочекъ синяго неба, и тогда рѣшила пуститься въ путь, къ себѣ въ деревню.

— Вотъ Настька-то рада будетъ! — опять утѣшила она себя.

— Стеша! Стеша!—услыхала вдругъ она чей-то знакомый голосъ.

Точно кричала Настя. Стеша вся обомлѣла.

— Стеша! Ау-у!—опять услыхала она.

— Ау!—радостно откликнулась дѣвочка.

— Вотъ ты гдѣ?! Ишь, куда забралась! Ужъ я бѣжала, бѣжала!.. Думала конца межѣ не будетъ!..

Передъ изумленной Стешей стояла незнакомая ей Ѳима и она ничего не могла понять.

— Нечего смотрѣть-то!.. Бѣги скорѣй! Достанется тебѣ отъ матушки!..

Стеша была совершенно уничтожена. Она никакъ не могла взять въ толкъ, какимъ образомъ эта незнакомая ей барышня—какъ она мысленно назвала Ѳиму—могла найти ее.

А Ѳима все утро слѣдила за Стешей. Уже наканунѣ,—какъ только священникъ привезъ дѣвочку—она объявила своимъ барышнямъ:

— Ну ужъ и дѣвчонку батюшка привезъ!

— А что?

— Сѣра очень! Деревенщина!

А сегодня утромъ, когда попадья послала Стешу къ колодцу, Ѳима опять побѣжала смотрѣть на нее. И только что она стала разсматривать ея толстую парусинную рубашку, собранную на шнурокъ, вокругъ тонкой шейки, какъ Стеша бросила ведра, взглянула на небо и—не видя Ѳимы—бросилась бѣжать за оврагъ въ поле.

Вотъ почему, когда матушка хватилась Стеши и стала неистово кричать, Ѳима вызвалась найдти ее и привести назадъ.

И привела.

Солнце спустилось уже довольно низко, когда Стрѣльцовъ вышелъ изъ своей комнаты. Черезъ два часа долженъ былъ идти поѣздъ, съ которымъ онъ обыкновенно отсылалъ стихи въ редакцію, а у него не только не было написано ни одной строчки, но даже не было ни одной подходящей мысли въ головѣ. Весь день не выходилъ онъ изъ дачи и весь день у него въ ушахъ нылъ горькій дѣтскій плачъ.

У-у-у!—ревѣла сегодня утромъ дѣвочка, служащая у священника, и ревѣла такъ безнадежно, что эти звуки на цѣлый день засѣли въ ушахъ Стрѣльцова и пробудили въ немъ какую-то особую жалость къ незнакомой ему дѣвочкѣ. Затѣмъ эта жалость перешла на всѣхъ людей и мало-по-малу сосредоточилась на немъ самомъ. Онъ бросилъ перо и пошелъ внизъ къ рѣкѣ.

Было тепло и тихо, пахло водой и мокрой травой. Рѣчка извивалась въ зеленыхъ берегахъ и отливала темной сталью.

Учитель Семеновъ сидѣлъ, по обыкновенію, на стулѣ, принесенномъ ему съ дачи Ѳимой, и удилъ рыбу. Его крылатка и соломенная шляпа прямо бросились въ глаза Стрѣльцову. Онъ хотѣлъ было подойдти и поговорить съ нимъ, но Семеновъ такъ апатично взглянулъ на него и такъ нехотя отвѣ-

тилъ на его поклонъ, что сразу отпала всякая охота разговаривать съ нимъ.

— Осмѣять развѣ такихъ рыбаковъ?—сейчасъ же подумалъ Стрѣльцовъ, по своей привычкѣ всюду искать темы. Вытащитъ окунька длиною съ вершокъ и доволенъ... И правду говорятъ: «на одномъ концѣ червякъ, а на другомъ дуракъ...»

Тема показалась подходящею и Стрѣльцовъ сѣлъ на берегу, въ густой травѣ, досталъ изъ кармана карандашъ, тетрадь и принялся писать.

Гдѣ-то вдали закуковала кукушка. Легкій, предзакатный вѣтерокъ скользнулъ по землѣ. Бѣлоснѣжныя чашечки кувшинокъ и ихъ блестящіе, распластанные листья заколыхались на мелкой ряби. А потомъ сейчасъ же опять все стихло и безмолвная кротость разлилась и по ясному небу, и по тихой рѣчкѣ, и по душистому лугу съ пестрыми цвѣтами.

— На одномъ концѣ червякъ, а на другомъ дуракъ, опять повторилъ Стрѣльцовъ. Ну и что же? Кому это нужно? Сидитъ рыболовъ и счастливъ, и оставь его въ покоѣ? И зачѣмъ глумиться надъ нимъ? И зачѣмъ искусственно раздувать въ себѣ это злобно-насмѣшливое настроеніе ко всему и ко всѣмъ? И безъ того такъ много злобы на свѣтѣ, такъ мало прощенія, такъ мало жалости...

— Опять размякъ!—вслухъ сказалъ онъ. Тутъ не до жалости, когда ѣсть надо.

Это глумленіе надо всѣми—его хлѣбъ, онъ живетъ имъ и нечего сантиментальничать и размякать. Онъ энергично взялъ тетрадь и карандашъ.

— Нанялся-продался!—вспомнилъ онъ. И какъ легко рѣшили они это. Имъ и въ голову не пришло *чего* это стоило ему! Они и не подозрѣваютъ, что въ его душѣ поютъ иные звуки, что его сердце проситъ иныхъ пѣсенъ. Въ городѣ онъ какъ-то примирился со своимъ положеніемъ. Тамъ въ сутолокѣ жизни, съ тысячами ежедневныхъ заботъ, навязанныхъ себѣ потребностей и отношеній, онъ не замѣчалъ, куда пришелъ онъ. Здѣсь, подъ этимъ громаднымъ небомъ, онъ показался себѣ такимъ жалкимъ...

Стрѣльцовъ бросилъ карандашъ и, заложивъ руки подъ голову, растянулся на спинѣ. Густая, сочная трава высокой стѣнкой окружила его. Въ ясномъ, блѣдномъ небѣ плыли бѣлыя, легкія облака, и Стрѣльцовъ сталъ съ любопытствомъ слѣдить за ними: вотъ точно медвѣдь на заднихъ лапахъ, онъ хочетъ обнять какой-то чурбанъ, но вдругъ у него оторвалась передняя лапа и все туловище размазалось и вмѣсто медвѣдя ужъ появилась гигантская голова въ шлемѣ и съ бородой, а черезъ минуту и шлемъ и вся голова расщепались на мелкіе куски и представились въ видѣ кудряваго дерева.

Стрѣльцовъ вспомнилъ, какъ въ дѣтствѣ, да и въ юности, онъ любилъ уходить съ матерью въ поле и ложиться такъ и слушать ея разсказы—сначала сказки, а потомъ и быль—и слѣдить за облаками и какъ-то сочетать ихъ съ разсказами мамы. Потомъ она слушала его, можетъ быть, не всегда понимала, но вѣрила ему, каждому слову вѣрила, главное вѣрила въ его талантъ и придавала большое значеніе ему. И онъ вспомнилъ теперь, какъ она говорила ему: «Ты будешь властвовать надъ жизнью, а не она надъ тобой!».

Облака на небѣ стали по немногу розовѣть, потомъ сдѣлались золотыми, затѣмъ мало по малу совсѣмъ потухли, а Стрѣльцовъ все лежалъ и смотрѣлъ, и его мысли ползли въ головѣ такъ-же медленно и безсвязно, какъ эти облака, такъ же разрывались на клочья и такъ же мѣняли свою форму и содержаніе. Онъ не зналъ который часъ, забылъ спросить себя объ этомъ, чего съ нимъ не случалось уже очень давно.

Вдругъ онъ услыхалъ недалеко отъ себя всхлипыванія. Онъ прислушался. Кто-то плакалъ горькими, задавленными слезами. Стрѣльцовъ привсталъ. На берегу рѣчки, почти у самой воды сидѣла Стеша и плакала въ свой дырявый, ситцевый фартукъ.

Солнце уже закатилось. Семеновъ ушелъ съ рыбной ловли. Изъ деревни, изъ-за рѣки неслись писклявые голоса дѣвушекъ и слова пѣсни ясно раздавались въ тихомъ вечернемъ воздухѣ:

Ничего на свѣтѣ мнѣ не надо,
Любоваться твоей красотой!

Стеша отняла фартукъ отъ глазъ и, вытянувъ худенькую шейку, жадно вслушивалась въ пѣсню. И въ ихъ деревнѣ теперь дѣвушки точно также тянутъ эту же самую пѣсню! И Стеша была-бы съ ними и подтягивала бы имъ. А здѣсь...

И она опять начала громко всхлипывать.

— Дѣвочка! О чемъ ты? невольно спросилъ ее Стрѣльцовъ.

Стеша съ испугомъ обернулась и первымъ ея движеніемъ было бѣжать.

— Ты не бойся, не бойся! погоропился онъ успокоить ее. Я тебя не трону... Сиди себѣ на здоровье!

Дѣвочка съ любопытствомъ смотрѣла на Стрѣльцова.

— Это ты сегодня ревѣла? спросилъ онъ.

— Я! просто и кротко отвѣтила она.

— Отчего?

— За волосья! коротко пояснила она, добавляя слова жестомъ.

— Кто?

— Матушка...

— За что?

— Убѣгла! Вотъ за что!

— А зачѣмъ же ты убѣжала? Вотъ и наказана, поддразнилъ ее Стрѣльцовъ.

— И опять убѣгу...

— Куда?

— Домой... Вотъ куда!..

— А отецъ опять привезетъ тебя къ батюшкѣ...

— Ну-къ чтожъ! А я опять сбѣгу... Чего мнѣ здѣсь въ душинѣ сидѣть? Была охота!

Она такъ смѣшно дернула плечомъ, что Стрѣльцовъ разсмѣялся. Дѣвочка серьезно посмотрѣла на него и обидчиво надулась. Стрѣльцову стало сейчасъ же жаль ее, ему захотѣлось ее приласкать и онъ сказалъ:

— Да развѣ тебѣ дома лучше?

— Ну!.. отвѣтила она такимъ тономъ, точно и сравненія не допускала, и опять дернула плечомъ.

— Тебя тутъ хорошо кормить будутъ...

— Я и дома не голодная!

— Одѣнутъ хорошо...

— Мнѣ и такъ тёпло!

— Ты ужъ большая... Работать надо...

— Я и дома не сложа руки сижу... Слава тебѣ Господи!

Она говорила какъ взрослая, т. е. какъ говорятъ почти всѣ деревенскія дѣти, но Стрѣльцову, не знавшему деревни, это казалось особенно забавнымъ. И ему захотѣлось поразспросить ее.

— Что же ты дѣлаешь дома?

— А то какъ-же? И самоваръ я наставь, и посуду собери, и прибери все!.. Да мало ли!..

И она махнула рукой.

— Такъ отчего же ты отъ матушки бѣжишь?

— Не хочу ей потрафлять!

— Какъ не хочешь?

— А такъ вотъ:—не хочу!

— Должна!

— Зачѣмъ?

— Ты раба!

Дѣвочка посмотрѣла съ презрительной усмѣшкой на Стрѣльцова и съ убѣжденіемъ проговорила:

— Нѣтъ не раба, а отроковица Степанида!

Стрѣльцовъ разсмѣялся и сейчасъ же остановился. Что-то кольнуло его.

«Нѣтъ! Не раба!»...

— Стешь! А Стешь! послышался сверху, изъ села, голосъ Ѳимы.

Дѣвочка вдругъ вытянула мордочку, какъ звѣрокъ, повер-

нула ее сперва направо, потомъ налѣво и быстро вытянулась, утопая въ густой травѣ.

— Стешь! Стеша-а!..

Голосъ Ѳимы слышался все ближе и ближе.

— Стешка! Матушка ругается! Иди скорѣе.

Стрѣльцовъ приподнялся со своего мѣста и увидалъ Ѳиму. Она также увидѣла его и, не доходя шаговъ тридцать, остановилась и крикнула:

— Николай Дмитричъ! Не видали ли гдѣ тутъ дѣвчонку—попову работницу?

«Отчего она знаетъ какъ меня зовутъ?» подумалъ Стрѣльцовъ и почему-то разсердился.

— Ее тутъ не было! крикнулъ онъ.

И Ѳима, не желая терять времени, побѣжала назадъ, сверкая стоптанными каблуками.

Стеша точно замерла въ травѣ. Стрѣльцовъ пододвинулся близко къ ней и сѣлъ рядомъ почти у самой воды. Подъ крутымъ берегомъ ему была видна спокойная сталь рѣчки. Бѣлоснѣжные вѣнчики кувшинокъ сжались и поникли. Ихъ плоскіе, круглые листы неподвижно распластались по спокойной водѣ. На блѣдномъ небѣ зажглась серебряной искрой первая звѣздочка. Ночь незамѣтно спускалась на землю.

Стеша приподнялась на локтѣ, оглянулась кругомъ и сѣла. Волосы у нея растрепались и она спокойно стала заплетать ихъ въ тощую коску. Стрѣльцовъ уже съ нѣжностью смотрѣлъ на нее.

— Отроковица Степанида! повторилъ онъ свою мысль уже громко.

— Такъ въ церкви мнѣ говорятъ! смѣло и спокойно сказала она.

— А я кто? Рабъ Николай?

— Не знаю про тебя, равнодушно отвѣтила дѣвочка.

И потомъ, точно сообразивъ что-то, прибавила:

— И то рабъ! Вѣдь ты ужъ большой!

Стрѣльцовъ вздрогнулъ. Что то неясное, но постоянно ноющее въ немъ, вдругъ наполнило всего его острой, невыносимой болью и ему разомъ стало ясно, до ужаса ясно все то, что такъ томило и мучило его.

— Да, рабъ! рабъ! прошепталъ онъ.

Дѣвочка съ изумленіемъ взглянула на него.

«Конечно рабъ и рабъ добровольный, вотъ что страшнѣе всего! Всю жизнь ломать себя, всю жизнь подчиняться кому то или чему-то, все время дѣлать не то, что хочешь дѣлать! И ради чего? Смѣшно сказать! И вотъ эта дѣвочка, отроковица Степанида, духомъ въ тысячу разъ свободнѣе его! Она не же-

лаетъ потрафлять и смѣетъ говорить это! А онъ не смѣетъ, даже и не пытается смѣть!.. Да и одинъ ли онъ? Кругомъ него—всѣ такъ! Всѣ, всѣ-такіе же безпробудные рабы какъ и онъ: «Любви стыдятся, мысли гонятъ, торгуютъ волею своей, главы предъ идолами клонятъ и просятъ денегъ да цѣпей!»

Стрѣльцовъ проговорилъ послѣднія слова вслухъ. Дѣвочка, съежившись въ комочекъ, съ испуганнымъ любопытствомъ смотрѣла на него.

— Да, цѣпей! И какихъ тяжелыхъ цѣпей! Ты не видала, какъ человѣка скуетъ себя по рукамъ и по ногамъ, и волочится по землѣ, и винитъ кого-то... Хочетъ идти на лѣво—идетъ направо, хочетъ зарыдать — улыбается, хочетъ закричать на весь міръ—только прошипитъ... И такъ всю жизнь! И все клянетъ судьбу!... А не подумаетъ—кто виноватъ?

Самъ, самъ виноватъ!.. Понимаешь: онъ тратилъ деньги на всякія глупости, а продаетъ свободу! Говорятъ: свободу не купишь!.. Вздоръ! Не продавай ее только, и она всегда при тебѣ и никто ее отъ тебя не отниметъ... А всѣ мы продаемъ, а потомъ плачемъ!.. Стыдимся того, чего нечего стыдиться: стоптанныхъ сапоговъ, протертыхъ локтей, прячемъ ихъ какъ позоръ... А настоящаго-то позора — добровольныхъ кандаловъ— не стыдимся...

И онъ придвинулся къ дѣвочкѣ и заговорилъ тише, точно повѣряя ей тайну:

— И я рабъ, настоящій рабъ! Я продалъ въ рабство всего себя: продалъ душу, вдохновеніе, мысль! И ради чего? Что покупается этимъ? Стыдно сказать, больно подводить итоги...

Слезы подступили къ горлу Стрѣльцова. Онъ не могъ, да и не хотѣлъ удерживать ихъ. Дѣвочка съ ужасомъ увидѣла ихъ и спросила дѣловымъ тономъ:

— Гдѣ больно-то?

Онъ не могъ отвѣтить ей. Онъ чувствовалъ, что способенъ разрыдаться. Дѣвочка подползла къ нему и взяла своими рученками его руку.

— Гдѣ больно-то?.. Да ты не плачь!.. Ну что,—такой большой и плачешь!..—Она еще ближе подползла къ нему и прижалась совсѣмъ близко.

— Дѣвочка! Милая! Если бы ты могла понять... Нѣтъ, лучше не понимай! И подольше не понимай, что значитъ— надѣяться властвовать надъ жизнью и стать ея рабомъ!.. Думать, что вольный свѣтъ на волю данъ и всю жизнь, ползать въ цѣпяхъ...

Онъ не могъ уже сдерживаться и разрыдался. Дѣвочка все нѣжнѣе и испуганнѣе прижималась къ нему. Когда онъ поуспокоился и очнулся, онъ увидалъ, что Стеша заснула, по-

ложивъ головку на его колѣни. Онъ боялся пошевелиться, чтобы не разбудить ее.

Когда на другой день Козловскій возвратился на дачу изъ города (гдѣ онъ и ночевалъ) онъ уже засталъ на лавочкѣ у калитки своей дачи отца Михаила и свояченицу Анну Дмитріевну. Онъ сразу замѣтилъ, что оба они разстроены чѣмъ-то. Но батюшка завелъ обыкновенную свою бесѣду:

— Въ городѣ что?

Козловскій, усталый, пыльный, потный, едва передвигалъ ноги и отвѣчалъ коротко:

— Жарища!..

— Ну, а насчетъ «вмѣшательства», что по городу говорятъ?

Но въ это время послышался такой взволнованный голосъ матушки, что отецъ Михаилъ забылъ про политику и безпокойно сказалъ:

— Слышите: бушуетъ!

— Что случилоссь?

— У всѣхъ насъ слишкомъ много человѣчества въ услуженіи находится! Моей Дарьѣ Ивановнѣ мало одного работника! Вотъ и бушуетъ...

— А дѣвочка гдѣ-же?

— Сбѣжала!

— Какъ сбѣжала?

— Свободы захотѣла... И отецъ у нея такой же! Самъ съ дѣвчонкой по цѣлымъ днямъ не ѣвши сидѣть будетъ, а не пойдетъ въ услуженіе! И Стешка подлая туда же... Яблоко отъ яблоньки не далеко катится! Свобода! Всыпать бы хорошенько и ей, да и отцу, вотъ и узнали бы, что значитъ свобода...

— А у насъ что?—тревожно спросилъ Козловскій, взглянувъ на огорченное лицо свояченицы.

— Дачникъ уѣхалъ.

— Какой дачникъ?

— Николай Дмитріевичъ...

— Когда?

— Сегодня, чуть свѣтъ... Всю ночь и не ложился. Пропадалъ гдѣ-то... Пришелъ часовъ въ шесть, укладываться сталъ...

— Запилъ,—рѣшилъ Козловскій. Эти сочинители насчетъ выпивки тоже, скажу вамъ...

— Нѣтъ! — вступился батюшка. — Я съ нимъ говорилъ утречкомъ, когда онъ пришелъ ко мнѣ телѣжку брать, на желѣзную дорогу ѣхать... Не похожъ на пьянаго... И разсуждалъ

весьма здраво: боюсь, говоритъ, разбаловаться у васъ... Слишкомъ ужъ хорошо здѣсь... А мнѣ работать надо!.. Порядочному человѣку, говоритъ, работа — прежде всего. Потому: хлѣбъ нашъ насущный, а не глупости всякія, въ родѣ свободы... Разныя, говоритъ, бредни вдругъ въ голову полѣзли... Ну и нужно скорѣе голову въ хомутъ... Простился такъ ласково, сѣлъ на телѣжку и еще крикнулъ: помолитесь, говоритъ, батюшка, за раба Николая!..

Ек. Лѣткова.

Разбитое крыло.

(Изъ М. Гюйо).

Въ ручьѣ,—словно пѣны клочокъ бѣлоснѣжный,—
Мелькаетъ перо, колыхаясь въ волнахъ;
Остатокъ крыла,—окровавленный, нѣжный,—
Кто могъ тебя выронить тамъ, въ небесахъ?

Не знаю. Все ясно въ лазури пустынной;
Молчитъ и смѣется, блестя, небосклонъ.
— Что жъ грудь моя сжалась, въ тоскѣ безпричинной?
Какою утратой я втайнѣ смущенъ?..

— Умчалось, исчезло перо въ отдаленьи.
Бѣгите жъ и вы,—мои грезы любви,
Всѣ старыя слезы, всѣ думы, стремленья,—
Вы тоже разбитыя крылья мои!

Ив. Тхоржевскій.

Американскіе милліардеры *).

I.

Ихъ всего 400 семей—этихъ людей, состояніе которыхъ считается не десятками и сотнями тысячъ, а десятками и даже тысячами милліоновъ. И эти четыреста человѣкъ держатъ въ своихъ рукахъ едва-ли не всю промышленную жизнь Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, распоряжаются жизнью милліоновъ рабочихъ, давятъ тяжестью своихъ долларовъ на судебныя и общественныя учрежденія своей страны, на ея политику,

Америка,—самая молодая изъ странъ цивилизованнаго міра,— и въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, опередила Старый Свѣтъ. Капиталистическій процессъ дошелъ тамъ до своихъ крайнихъ предѣловъ, капиталы разрослись до неслыханныхъ размѣровъ и сосредоточились въ немногихъ рукахъ. На вершинѣ соціальной лѣстницы очутилась небольшая группа лицъ, не имѣющихъ ничего общаго съ простыми смертными. Эти избранные живутъ исключительно въ собственныхъ дворцахъ, отеляхъ и виллахъ, путешествуютъ исключительно на собственныхъ яхтахъ и въ собственныхъ поѣздахъ. Съ прочими смертными они сталкиваются только на биржахъ, въ своихъ конторахъ, въ мастерскихъ своихъ фабрикъ и заводовъ. Вся эта масса ничтожныхъ людей, у которыхъ не найдется, быть можетъ, и сотни тысячъ состоянія, должна безпрекословно исполнять волю своихъ повелителей и рукоплескать ихъ блестящимъ успѣхамъ. Для нихъ пишутъ картины великіе художники, для нихъ поютъ знаменитые артисты, для нихъ покидаютъ своихъ больныхъ свѣтила медицины.

Въ прошломъ году состоялась свадьба одного изъ этихъ счастливцевъ, молодого Вандербильта. Одинъ алмазъ въ обручальномъ кольцѣ невѣсты, миссъ Виргиніи Файръ, стоилъ 218.000 франковъ. Кольцо это было заказано у одного знаменитаго европейскаго ювелира и привезено въ Нью-Іоркъ спеціально посланнымъ для этого человѣкомъ. Въ этомъ кольцѣ одинъ только не-

*) Матерьяломъ для этой статьи послужили статьи de Norvins „Les milliardaires americains", печатавшіяся въ *Revue des revues* въ 1898 и 1899 гг.

достатокъ—его счастливая обладательница не можетъ носить перчатокъ или должна прорѣзать въ нихъ довольно большія отверстія.

Брачное ложе молодыхъ сдѣлано по рисункамъ самой невѣсты изъ литого золота, украшеннаго блѣдно-голубой эмалью. Золотыя колонны поддерживаютъ балдахинъ изъ бѣлаго шелка, отдѣланнаго драгоцѣнными кружевами.

Въ день свадьбы одно бѣлье будущей мадамъ Вандербильтъ оцѣнивалось въ 50.000 франковъ. Юбка положительно превосходила предѣлы человѣческаго воображенія. На одни украшавшія ее кружева можно было бы въ теченіе года прокормить дѣтей цѣлаго квартала Нью-Іорка и сверхъ того устроить имъ лѣтній отдыхъ. Когда эта подробность была сообщена миссъ Виргиніи Файръ, она, повидимому, почувствовала живѣйшее удовольствіе.

Свадебное путешествіе молодыхъ превзошло по великолѣпію самыя смѣлыя ожиданія любителей таких зрѣлищъ. Оно продолжалось три недѣли и обошлось болѣе 300.000 франковъ. Молодые люди путешествовали одни и, само собой разумѣется, въ собственныхъ поѣздахъ, и, конечно, они не допускали присутствія постороннихъ въ тѣхъ отеляхъ, которые они почтили своимъ посѣщеніемъ.

Но не только въ дни радости окружаютъ себя эти избранники судьбы такимъ царственнымъ великолѣпіемъ. Горе, пожалуй, требуетъ еще большихъ расходовъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ изъ американскихъ миллiардеровъ Антоніо Терри женился на знаменитой французской пѣвицѣ Сибилѣ Сандерсонъ. Въ первый же мѣсяцъ брачной жизни молодую разбилъ тяжелый параличъ, который съ тѣхъ поръ не поддается никакому лѣченію.

Несчастные молодые супруги поселились въ своей виллѣ Сенъ Жерменъ. Лучшіе спеціалисты по нервнымъ болѣзнямъ были тотчасъ же выписаны изъ Англіи, Франціи и Германіи. Кромѣ того четверо американскихъ врачей были приглашены жить на виллѣ Сенъ Жерменъ, чтобы непрерывно дежурить у постели больной. Въ помощь имъ на виллѣ находилось шесть сидѣлокъ, дежурившихъ постоянно по двое.

Страстная любовь къ музыкѣ дошла у несчастной больной до болѣзненнаго напряженія. Только звуки музыки приносили нѣкоторое облегченіе ея невыносимымъ страданіямъ. М-ръ Терри пригласилъ къ себѣ молодого талантливаго скрипача, который за громадное вознагражденіе согласился безвыѣздно жить на его виллѣ и играть любимыя вещи больной. Однажды у больной явилось страстное желаніе послушать ту оперу, въ которой она еще такъ недавно имѣла блестящій успѣхъ. Тотчасъ же м-ръ Терри выписалъ изъ столицы самыхъ знаменитыхъ артистовъ и Эсклармонда была поставлена въ комнатѣ самой м-мъ Терри.

Справедливость требуетъ прибавить, что м-ръ Терри не ограничивался безумными тратами для облегченія страданій своей несчастной подруги. Со времени ея болѣзни онъ отказался отъ всѣхъ дѣлъ и знакомствъ и проводилъ цѣлые дни безвыходно въ комнатѣ больной, стараясь предупреждать ея малѣйшія желанія.

Посмотримъ теперь, кто же сами по себѣ и по своему происхожденію эти люди, владѣющіе такими несмѣтными богатствами, и какимъ образомъ возникли эти колоссальныя состоянія.

Далеко не всѣ они родились и выросли на Пятой авеню Нью-Іорка, гдѣ теперь ихъ общая резиденція. Немногіе считаютъ въ своемъ роду нѣсколько поколѣній богачей, какъ Асторы или Вандербильты. Большинство этихъ неисчислимыхъ состояній создались въ теченіе одного, много двухъ поколѣній. Нерѣдко теперешній милліардеръ начиналъ свою карьеру, не имѣя ни гроша за душой.

Вотъ, напримѣръ, какъ начиналась жизнь теперешняго короля сталелитейнаго производства, Андрью Карнеги. Онъ родился въ бѣдной шотландской семьѣ въ Дюнферлинѣ. Когда мальчику было двѣнадцать лѣтъ, родители его переселились въ Америку, въ Аллегани. Тамъ Андрью, также какъ и всѣмъ его роднымъ, пришлось сразу взяться за работу. Мальчикъ поступилъ на бумаго-прядильню и получалъ тамъ 6 франковъ въ недѣлю. На фабрикѣ онъ пріобрѣлъ репутацію внимательнаго и расторопнаго мальчика. Скоро его перевели къ машинамъ и къ 15-ти годамъ онъ получалъ уже 15 франковъ въ недѣлю. Въ это время его семья рѣшила перебраться въ Питсбургъ. Тамъ ему посчастливилось найти мѣсто разсыльнаго при телеграфѣ. Одно, что смущало мальчика—это полное незнакомство съ городомъ, о чемъ онъ умолчалъ при поступленіи. Онъ боялся, что ему откажутъ отъ мѣста, когда узнаютъ, что онъ не знаетъ ни улицъ, ни домовъ именитыхъ горожанъ. Поэтому въ свободное время, часто даже по ночамъ, онъ неустанно бродилъ по городу, читая дощечки на подъѣздахъ и стараясь запечатлѣть въ памяти незнакомыя имена.

Ожидая на телеграфѣ своей очереди нести телеграмму, онъ не болталъ съ другими телеграфистами, а внимательно прислушивался, когда какой нибудь чиновникъ выстукивалъ на аппаратѣ телеграмму. Такая любознательность заинтересовала одного изъ чиновниковъ и онъ показалъ ему телеграфный алфавитъ. Вскорѣ онъ пріобрѣлъ рѣдкое искусство читать телеграммы по слуху. Въ это время его назначили телеграфнымъ чиновникомъ съ жалованьемъ 125 франковъ въ мѣсяцъ. Это уже былъ крупный шагъ впередъ.

Однажды въ Питсбургъ пришелъ первый поѣздъ Пенсильванской желѣзной дороги. Движеніе по ней было только что открыто. Управляющій дорогой бросился на телеграфъ и про-

диктовалъ Андрью Карнеги телеграмму главному директору дороги въ Альтону. Когда управляющій кончилъ говорить, телеграмма была уже передана. Карнеги выстукивалъ также скоро, какъ тотъ говорилъ. Какъ только желѣзная дорога провела свой собственный телеграфъ, управляющій пригласилъ туда Андрью Карнеги, которому едва минуло 16 лѣтъ. Тамъ онъ получалъ уже 175 франковъ. 13 лѣтъ прослужилъ Карнеги на этомъ мѣстѣ, аккуратно, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, дѣлая скромныя сбереженія. Къ концу этого срока у него скопилась уже сумма въ 5.000 франковъ.

Въ это время одинъ мѣстный житель, м-ръ Вудруфъ, составилъ модель спальнаго вагона, которые не были еще извѣстны въ то время. Явившись со своимъ проектомъ на вокзалъ Питсбурга, онъ показалъ рисунки молодому телеграфисту. Карнеги снесъ ихъ управляющему дорогой, и тотъ выразилъ полное одобреніе этому изобрѣтенію. Тогда Карнеги вступилъ съ Вудруфомъ въ компанію для постройки вагоновъ новаго образца.

Съ этого момента начинается быстрый ростъ его состоянія. Въ настоящее время у него 300 милліоновъ капитала. Кромѣ того, въ одномъ Коннесвиллѣ у него 20,000 гектаровъ каменноугольныхъ залежей. На его фабрикахъ работаетъ 15,000 рабочихъ и 10,000 въ его каменноугольныхъ копяхъ.

Такъ же скромно началъ свое поприще другой знаменитый нью-іоркскій милліардеръ, м-ръ Клэркъ. Онъ родился въ 1839 году, въ семьѣ одного небогатаго пенсильванскаго фермера. Несмотря на скромныя средства, отецъ старался дать своимъ сыновьямъ возможно болѣе полное образованіе. Они прослушали даже курсъ гражданскаго права въ мѣстной академіи. Но не къ научнымъ занятіямъ влекло его старшаго сына.

Въ 1857 году Америкой овладѣла золотая горячка. Всѣ любители легкой наживы устремились въ Калифорнію. Но у Клэрка не было средствъ снарядить въ такой далекій путь своихъ сыновей и только въ 1860 году онъ отпустилъ ихъ въ обѣтованную землю. На несчастье, въ дорогѣ старшій сынъ заболѣлъ и принужденъ былъ остаться въ Георгтоунѣ. Во время болѣзни онъ истратилъ всѣ деньги, данныя ему на дорогу, и познакомился со своей будущей женой, которая дѣлила съ нимъ впослѣдствіи всѣ превратности его жизни, полной приключеній. Выздоровѣвъ, онъ долженъ былъ какъ-нибудь зарабатывать себѣ существованіе. Ему предложили мѣсто сельскаго учителя и онъ, конечно, съ радостью схватился за него. Но онъ былъ созданъ для спокойной и незамѣтной доли школьнаго учителя. Въ слѣдующемъ же году, собравъ свои скромныя сбереженія, онъ пустился въ путь, въ Колорадо. Тамъ онъ пробовалъ счастья на разныхъ поприщахъ,— работалъ и въ рудникахъ, и на фермахъ, самъ имѣлъ ферму и въ концѣ концовъ скопилъ капиталъ въ 5.000 долларовъ. Тогда

онъ накупилъ большіе запасы разныхъ орудій, одежды, муки и картофеля и переправился съ этимъ въ тѣ мѣстности, гдѣ шла лихорадочная работа по добыванію золота. Тамъ онъ повелъ самую выгодную розничную торговлю. Картофель онъ продавалъ отъ 2½ до 5 франковъ фунтъ, табакъ—по 30 франковъ, муку—по 7 франковъ 50 сантимовъ фунтъ, яица—по 5 франковъ штуку. Нѣсколько разъ онъ повторялъ эту экскурсію, и каждый разъ онъ получалъ колоссальные барыши. Въ это время у него было уже нѣсколько собственныхъ магазиновъ. Но все-таки ему еще далеко было до почетнаго званія милліардера, когда съ нимъ случилось слѣдующее удивительное обстоятельство.

Заразившись всеобщей жаждой золота, м-ръ Клэркъ пріобрѣлъ за очень высокую цѣну небольшой золотой пріискъ. Но первыя же попытки разработки показали, что м-ръ Клэркъ попалъ впросакъ. Золота тамъ совсѣмъ не было, а серебряная руда, хотя и встрѣчалась, но такая бѣдная, что не покрывала издержекъ на работу. Золотоискатели между тѣмъ отхлынули изъ этой мѣстности и м-ръ Клэркъ долженъ былъ примириться съ крупной потерей.

Однажды къ нему въ магазинъ является съ озабоченнымъ видомъ старый рабочій рудокопъ.

— Скажите, хозяинъ, правда, говорятъ, что эта большая шахта, которую зовутъ Клэркъ-Колура, принадлежитъ вамъ?

— Безъ сомнѣнія мнѣ,—отвѣчалъ Клэркъ.

— Я тамъ былъ, тамъ не работаютъ. Изъ любопытства я заглянулъ туда. Почему вы его не разрабатываете—это громадный рудникъ.

— Я знаю, милѣйшій мой, что васъ подослали посмѣяться надо мной. Меня, по-просту, обокрали. Мошенники всѣ разбѣжались, а въ рудникѣ не оказалось ни одной унціи золота или серебра.

— Золота или серебра? Еще бы! Такъ вѣдь это же мѣдная руда! Конечно, тамъ нѣтъ ни золота, ни серебра, но зато мѣди 15 процентовъ.

Съ этой площади, имѣвшей 175 футовъ длины и 95 ширины, Клэркъ извлекъ въ два года 30 милліоновъ фунтовъ мѣди.

Одинъ этотъ рудникъ далъ ему съ тѣхъ поръ 35 милліоновъ дохода. Самъ по себѣ этотъ рудникъ оцѣнивается и теперь въ 50 милліоновъ. Кромѣ того у него есть въ Аризонѣ еще болѣе богатые мѣдные пріиски. Основанный имъ въ Буттѣ банкъ приноситъ ему громадные доходы.

Въ настоящее время онъ поселился въ Нью-Іоркѣ и занимается возведеніемъ разныхъ изумительныхъ построекъ. Мавзолей для его жены, умершей лѣтъ пять тому назадъ, обошелся ему въ 800.000 франковъ. Теперь онъ строитъ себѣ дворецъ въ стилѣ Людовика XIV. До сихъ поръ онъ затратилъ на него

5 милліоновъ и предполагаетъ, что отдѣлка и обмеблированіе его будетъ стоить еще около 2½ милліоновъ. Рисунки для него были исполнены во Франціи.

При такихъ же приблизительно скромныхъ условіяхъ вступали въ жизнь Джемсъ Гиль и король хлопчатобумажнаго производства Робертъ Кнайтъ. Джемсъ Гиль былъ сыномъ мелкаго фермера въ Верхней Канадѣ. Родители мечтали пустить его по духовной карьерѣ и съ этой цѣлью отдали его въ пресвитерьянскую коллегію. Пробывъ тамъ десять лѣтъ, юноша заявилъ, что не чувствуетъ ни малѣйшаго призванія къ духовному званію. Выйдя оттуда, онъ поступилъ на службу въ пароходное общество по Миссиссипи, сначала въ качествѣ помощника кочегара, а потомъ въ болѣе высокихъ должностяхъ. Тамъ застала его война за освобожденіе рабовъ, и онъ взялся за доставку войска и провіанта федеральной арміи. Въ тоже время его назначили главнымъ агентомъ двухъ желѣзнодорожныхъ линій—Сенъ-Поль и Тихоокеанской. Но его не удовлетворяла служба, хотя и выгодная, въ чужихъ предпріятіяхъ. Онъ рѣшилъ провести собственную желѣзнодорожную линію. Ему удалось привлечь къ участію въ своемъ проектѣ двухъ капиталистовъ, и дѣло быстро пошло впередъ.

Теперь Джемсъ Гиль могъ бы, если бы пожелалъ, путешествовать двѣ недѣли, не останавливаясь день и ночь, дѣлая по 50 миль въ часъ и все это время оставаться въ предѣлахъ желѣзныхъ дорогъ, которыми онъ управляетъ. Его доходъ равняется 30.000 франковъ *въ день*. На его службѣ состоитъ 30.000 человѣкъ, которымъ онъ выплачиваетъ ежегодно 75 милліоновъ вознагражденія. Онъ имѣетъ 1.500 локомотивовъ, 4.000 пассажирскихъ и 80.000 товарныхъ вагоновъ. Его пароходы плаваютъ по Тихому океану, поддерживая сообщеніе съ китайскими и японскими портами.

Конечно, не всѣ американскіе милліардеры создали свои состоянія съ такой головокружительной быстротой, хотя надо сказать, что это явленіе не исключительное, и такіе факты далеко не исчерпываются приведенными выше примѣрами.

Но пріобрѣсти колоссальное состояніе еще не значитъ попасть въ число избранныхъ четырехсотъ. Исконные обитатели 5-й авеню долго съ подозрительнымъ недовѣріемъ смотрятъ на такого parvenu. Кромѣ милліоновъ—это, конечно, условіе sine qua non—онъ долженъ еще чѣмъ-нибудь завоевать себѣ право на признаніе. Въ этомъ отношеніи пути могутъ быть самые разнообразные. М-ръ Клэркъ, напримѣръ, о которомъ мы уже упоминали выше, строитъ себѣ для этой цѣли дворецъ въ стилѣ Людовика XIV, и, главное, въ 7½ милліоновъ франковъ стоимостью. До сихъ поръ м-ръ Клэркъ еще не признанный членъ касты четырехсотъ. Она ждетъ, когда это изумительное соору-

женіе будетъ доведено до конца и тогда, надо надѣяться, ожиданія м-ра Клэрка исполнятся.

Нѣсколько иной способъ избралъ м-ръ Малькольмъ Гарри Вельманъ,—чернокожій милліардеръ, составившій себѣ состояніе игрою на скачкахъ. Негръ въ средѣ четырехсотъ! Тутъ было о чемъ призадуматься. Но м-ръ Малькольмъ Вельманъ билъ навѣрняка, онъ уже испробовалъ свое средство на Чикаго и безстрашно отправился въ Нью-Іоркъ... Впереди него въ столицу прибыла неисчислимая коллекція чемодановъ, сундуковъ, картонокъ и ящиковъ, содержавшихъ различныя принадлежности туалета новоприбывшаго. Уже одинъ этотъ фактъ долженъ былъ заинтересовать обитателей 5-й авеню, но когда имъ мало-по-малу стало извѣстно содержимое этихъ безчисленныхъ ящиковъ и картонокъ—побѣда была полная!

На первомъ же обѣдѣ, данномъ м-ромъ Вельманомъ по случаю своего пріѣзда, собралась вся золотая молодежь. На память объ этомъ обѣдѣ всѣ присутствующіе получили отъ гостепріимнаго хозяина по золотой статуеткѣ его любимой лошади—Прокторъ Кнотъ, а дамамъ преподнесены были зонтики, оправленные въ чистое золото. Но самое интересное заключалось въ томъ, что гости получили разрѣшеніе осмотрѣть великолѣпный гардеробъ хозяина. Молодежь пришла въ полнѣйшій восторгъ отъ всѣхъ этихъ безчисленныхъ утреннихъ, вечернихъ и обѣденныхъ туалетовъ, отъ громаднаго выбора костюмовъ для всѣхъ видовъ спорта, отъ цѣлой выставки обуви, шляпъ и галстуховъ.

На долгое время м-ръ Вельманъ сдѣлался законодателемъ модъ въ Нью-Іоркѣ. Его портные, его шляпники, его сапожники были завалены заказами, а самъ онъ—приглашеніями во всѣ лучшіе дома Нью-Іорка.

Болѣе продолжительное сраженіе пришлось выдержать дамѣ— м-ссъ Поттеръ Пальмеръ, женѣ крупнаго землевладѣльца въ Чикаго, состояніе котораго оцѣнивается свыше 600 милліоновъ. На этотъ разъ ареной послужилъ Ньюпортъ, это излюбленная лѣтняя резиденція четырехсотъ.

Два года м-ссъ Пальмеръ вела неустанную борьбу съ холодностью высшаго свѣта, нежелавшаго признавать эту даму, явившуюся Богъ знаетъ откуда и заявлявшую претензію на равенство съ м-ссъ Асторъ, съ м-ссъ Морсъ, съ м-ссъ Пидльтонъ и т. п... Побѣдой м-ссъ Пальмеръ была обязана случайному обстоятельства. На второй годъ ея пребыванія въ Ньюпортѣ туда явились одинъ за другимъ принцъ Альбертъ бельгійскій и графъ Туринскій, племянникъ итальянскаго короля. На счастье м-ссъ Пальмеръ оказалось, что во время ея путешествій въ Европу она завязала дружескія знакомства съ нѣсколькими царственными домами, въ томъ числѣ съ бельгійскимъ и итальянскимъ. Принцъ Альбертъ даже пожелалъ остановиться у нея по пріѣздѣ въ Нью-

портъ, а графъ Туринскій поспѣшилъ посѣтить ее немедленно по пріѣздѣ. Этого было вполнѣ достаточно. Съ тѣхъ поръ всѣ двери широко открылись передъ м-ссъ Пальмеръ.

Въ настоящее время ея мужъ строитъ собственный домъ въ Нью-Іоркѣ, куда мечтаетъ переселиться его жена. Вчерашняя „трактирщица", какъ презрительно называли ее обитатели 5-й авеню, войдетъ полноправнымъ членомъ въ ихъ семью, особенно если оправдаются слухи о помолвкѣ ея племянницы съ принцемъ Альбертомъ бельгійскимъ. Родство съ титулованными родами очень высоко цѣнится въ этомъ мірѣ безродной знати.

Однимъ судьба обидѣла американскихъ милліардеровъ—древностью рода. Всѣ они если не сегодняшняго, то вчерашняго происхожденія. А съ этимъ не можетъ мириться ихъ гордость. Они не желаютъ также покупать себѣ титуловъ римскихъ графовъ или бароновъ—это достойно какихъ нибудь жалкихъ французскихъ выскочекъ, а не всесильныхъ королей Америки. Ихъ собственные роды должны сдѣлаться древними и благородными.

Странно было бы, если-бы при своемъ состояніи они не могли доставить себѣ такого пустяка! Можетъ же Америка приготовлять собственные цилиндры или собственныя бумажныя матеріи, почему же ей не имѣть собственной аристократіи. За деньгами остановки не будетъ! Сказано—сдѣлано. Нашлись остроумные люди, составившія три родословныя книги для родовитыхъ американскихъ семей, различныхъ категорій:

„1) *Американская родословная книга.* Въ нее внесены всѣ семьи, основанныя до провозглашенія независимости (1786 г.).

2) *Американская геральдика,* куда вошли со своими щитами и гербами семьи, основанныя до 1800 года.

3) *Американцы королевскаго происхожденія.* Внесенныя сюда семьи уступаютъ въ древности рода, но зато ведутъ прямое и законное происхожденіе отъ царствующихъ родовъ".

Послѣдняя категорія считается самой заманчивой. Геніальный человѣкъ, которому пришла въ голову эта идея, осуществилъ ее блестящимъ образомъ. Онъ опубликовалъ имена двухсотъ американскихъ семей, въ которыхъ и мужъ и жена оказались чистѣйшей царской крови. Зовутъ этого знаменитаго генеалога Чарльсъ Броунитъ, онъ именуетъ себя членомъ Американской исторической ассоціаціи. Одинъ изъ самыхъ искусныхъ его фокусовъ заключался въ томъ, что путемъ неопровержимымъ данныхъ онъ доказалъ прямое и законное происхожденіе Жакоба Астора отъ англійскаго короля Генриха IV.

„На какихъ же грамотахъ, на какихъ дипломахъ основываются эти притязанія? Богъ мой! Дѣло самое простое! Все это идетъ отъ каретника. Вышеупомянутый генеалогъ объясняетъ, что онъ пользовался главнымъ образомъ гербовникомъ карет-

ника, называемымъ *Gore Boll of Arms* *). Этотъ гербовникъ каретника представляетъ собой ничто иное, какъ коллекцію 99-ти гербовъ, нарисованныхъ отъ руки, принадлежавшую когда-то каретнику Гору. Этотъ ремесленникъ, жившій въ началѣ прошлаго вѣка, срисовывалъ въ свою книгу гербы своихъ главныхъ кліентовъ. Вотъ оригинальный архивъ, изъ котораго возникла и продолжаетъ возникать американская знать".

Случайная американская аристократія сочла нужнымъ вмѣстѣ съ древностью воспринять и нѣкоторыя черты изъ исторіи славныхъ европейскихъ родовъ. Своимъ взаимныхъ ссорамъ и препирательствамъ она пожелала придать внушительный и роковой характеръ родовой вражды какихъ нибудь Монтеки и Капулети. Недавно даже на этой почвѣ разыгралась драма, напоминающая исторію *Ромео и Джульеты*. Молодой Альфредъ Вандербильтъ полюбилъ миссъ Грэсъ Вильсонъ. Но роды Вандербильтовъ и Вильсоновъ находятся въ непримиримой враждѣ. О согласіи на бракъ нельзя было и думать. Молодымъ людямъ грозило, если не проклятіе, то лишеніе наслѣдства, но они смѣло пошли на встрѣчу судьбѣ. Бракъ совершился и родители той и другой стороны исполнили свои угрозы. Дальнѣйшее теченіе драмы не соотвѣтствуетъ мрачной развязкѣ трагедіи Шекспира. Молодые супруги, лишенные всякихъ средствъ къ существованію, рѣшили сами пробить себѣ дорогу. Альфредъ Вандербильтъ поступилъ въ качествѣ механика на Центральную Нью-Іоркскую желѣзную дорогу. Два года онъ въ синей блузѣ рабочаго чинилъ на ряду съ другими локомотивы. По субботамъ рабочіе съ удивленіемъ наблюдали, какъ наслѣдникъ одного изъ крупнѣйшихъ американскихъ богачей являлся въ контору за своимъ скромнымъ заработкомъ. На этотъ заработокъ онъ и жилъ съ женой, и никто не слышалъ отъ нихъ ни одной жалобы. Ни разу молодой Вандербильтъ не попытался смягчить гнѣвъ своего отца. Въ концѣ концовъ такая выдержка и твердость переломили упорство старика, и онъ самъ сдѣлалъ первый шагъ для примиренія съ сыномъ. Въ настоящее время блудный сынъ вернулся въ объятія отца, устроившаго по этому поводу рядъ блестящихъ празднествъ.

Но, перенимая до нѣкоторой степени нравы европейской аристократіи, милліардеры не желаютъ отказываться отъ преимуществъ, связанныхъ съ современными условіями американской жизни, преимуществъ, которыми никогда не пользовались настоящіе древніе роды. Въ числѣ этихъ преимуществъ на первомъ планѣ стоитъ право развода. Америка, какъ извѣстно, очень облегчаетъ для своихъ гражданъ полученіе развода. Въ нѣкоторыхъ же штатахъ, какъ напримѣръ въ Сѣверной Дакотѣ, эта процедура упрощена до крайней степени. Американская знать

*) Списокъ гербовъ Гора.

широко пользуется преимуществомъ, какое ей даютъ свободныя учрежденія своей страны.

Недавно м-ръ Вилли Скиперъ съ завидной быстротой произвелъ весь этотъ процессъ. Заѣхавъ въ Сѣверную Дакоту и заявивъ о своемъ жительствѣ тамъ, онъ уѣхалъ по своимъ дѣламъ, предоставивъ своему уполномоченному вести всѣ подготовительныя дѣйствія. По истеченіи трехъ мѣсяцевъ—необходимый срокъ для полученія правъ гражданства въ Дакотѣ—онъ былъ вызванъ въ судъ на 16 мая 1897 года. Въ 10 часовъ утра онъ изложилъ свои жалобы противъ жены, которую обвинялъ въ томъ, что она покинула супружескій кровъ. Вслѣдъ затѣмъ слово было предоставлено отвѣтчицѣ, которая живетъ въ Нью-Іоркѣ и дѣлала свои показанія по телефону. Потомъ прочелъ свое заключеніе назначенный судомъ посредникъ, и въ два часа судья произнесъ приговоръ о разводѣ, который и былъ врученъ жалобщику. Такимъ образомъ, бракоразводный процессъ продолжался четыре часа.

Вообще разводы, хотя и не всегда такіе скоропалительные, составляютъ самое обычное явленіе въ средѣ четырехсотъ.

Иногда это ведетъ даже къ нѣкоторымъ неловкостямъ, такъ какъ вторичные браки заключаются часто внутри той же избранной группы. Собирая въ своемъ салонѣ всѣхъ этихъ Асторовъ, Вандербильтовъ, Бельмантовъ, Рокфелеровъ и Вильсоновъ, хозяйка не можетъ избавиться отъ нѣкотораго смущенія. Она невольно опасается, какъ бы въ концѣ вечера не произошло замѣшательства. Мужьямъ такъ легко тутъ перепутаться женами. Безъ всякаго злого умысла мужъ можетъ предложить руку вчерашней женѣ вмѣсто сегодняшней, а это можетъ повести къ новымъ осложненіямъ, быть можетъ, къ новому обмѣну женами.

Но не только эта случайная особенность—свободное отношеніе къ семейнымъ узамъ—отличаетъ американскую знать отъ родовитыхъ европейскихъ аристократій. Есть еще одна черта, болѣе важная, конечно, которая подчеркиваетъ ихъ глубокое несходство и лишаетъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, какого-нибудь твердаго базиса нарождающуюся американскую аристократію. Эта черта—неуваженіе къ тому роду занятій, которое создало имъ ихъ теперешнее положеніе. Никогда ни военное, ни землевладѣльческое дворянство въ Европѣ не относилось съ презрѣніемъ къ своему основному занятію. Напротивъ, оно старалось воспитывать своихъ дѣтей такъ, чтобы и они могли продолжать дѣло отцовъ. Такимъ образомъ они упрочивали положеніе и жизненную роль своего сословія. Совершенно иную картину мы видимъ въ Америкѣ. Создавъ при помощи торговыхъ и промышленныхъ операцій свои колоссальныя богатства, дающія

имъ громадную власть, американскіе милліардеры какъ бы стыдятся своего дѣла. Они не только не пріучаютъ своихъ дѣтей къ своимъ занятіямъ, но наоборотъ держатъ ихъ въ сторонѣ отъ всякой дѣятельности и воспитываютъ изъ нихъ людей, которые могутъ только растрачивать наслѣдственныя состоянія и совершенно неспособны продолжать трудную и сложную работу отцовъ.

А работа эта дѣйствительно трудная и сложная, требующая недюжинныхъ силъ и познаній. Въ прошломъ году въ Нью-Іоркѣ произошелъ слѣдующій любопытный фактъ. Богатѣйшій человѣкъ въ мірѣ, король нефтяного производства, Джонъ Рокфелеръ объявилъ, что онъ предлагаетъ 5.000,000 фр. вознагражденія въ годъ тому человѣку, который вполнѣ замѣнитъ его въ дѣлахъ, такъ какъ самъ онъ чувствуетъ утомленіе и желаетъ устраниться отъ всякой дѣятельности. Такое заявленіе произвело страшный переполохъ въ Нью-Іоркѣ.

Вечеромъ въ тотъ день, когда это стало извѣстно, онъ по обыкновенію отправился въ клубъ. Тамъ его тотчасъ же засыпали разспросами о томъ, что случилось, и неужели онъ, дѣйствительно, хочетъ удалиться отъ дѣлъ.

— Да, — отвѣчалъ онъ, — я ищу человѣка, который могъ бы замѣнить меня. Найду-ли я его? Пять милліоновъ большая сумма, она можетъ расшевелить энергію многихъ. И все-таки я не увѣренъ, что найдется тотъ, кого я ищу, хотя и не требую невозможнаго! Достаточно знать основательно производство нефти и способы очистки ея. Само собой разумѣется, необходимо также полное знакомство съ желѣзными дорогами и ихъ управленіемъ, знаніе желѣза, употребляемаго въ промышленности, желѣзной руды, а также умѣнье оцѣнить недвижимую собственность...

— Это все что нужно? — спросилъ одинъ изъ присутствовавшихъ.

— Почти все! Впрочемъ, я желалъ бы еще, чтобы этотъ человѣкъ имѣлъ точныя и полныя свѣдѣнія о пароходномъ сообщеніи, объ управленіи и эксплуатаціи общества морской доставки грузовъ. Банкъ меня меньше заботитъ. Здѣсь достаточно не быть совершеннымъ новичкомъ. Но, чего я требую, такъ это доскональнаго знанія всѣхъ тайнъ биржи и товарнаго рынка. Вы видите, это не Богъ знаетъ какъ трудно! Кромѣ того я желалъ бы, чтобы избранный мною человѣкъ отличался безусловной честностью, — честностью, какъ я ее понимаю, и не имѣлъ бы ни тѣни какихъ бы то ни было предразсудковъ (scrupules).

— Что вы подразумѣваете подъ предразсудками? — спросилъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Сейчасъ я поясню. Мнѣ нуженъ человѣкъ настолько благородный, чтобы для него интересы его патрона имѣли бы такое же значеніе, какъ и его собственные, и въ то же время ха-

рактеръ холодный и непреклонный, для котораго разореніе дюжины производствъ, питавшихъ тысячи семей, не имѣло бы никакого значенія. Человѣкъ, котораго я выберу, будетъ сдержанъ, трудолюбивъ и энергиченъ; въ то же время онъ будетъ смѣлъ. Онъ будетъ знать людей, и они будутъ ненавидѣть его. Онъ съумѣетъ сокращать заработокъ и возвышать цѣны. Онъ не будетъ знать ни отдыха, ни усталости, круглый годъ онъ будетъ работать, не отрываясь. У него не будетъ отпусковъ. Однимъ словомъ, я ищу своего двойника. Тотъ, кто захочетъ заработать 5 милліоновъ въ годъ, долженъ будетъ взять меня за образецъ.

Вотъ какъ одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей четырехсотъ рисуетъ идеалъ американскаго милліардера, или, лучше сказать, его типъ, такъ какъ дѣйствительность вполнѣ совпадаетъ съ этой фантазіей. Здѣсь все интересно—и большія разностороннія познанія, какихъ требуетъ отъ будущаго милліардера его роль, и тѣ нравственныя качества, которыя обезпечиваютъ ему успѣхъ. Онъ долженъ съ спокойнымъ сердцемъ разорять десятки предпріятій, попадающихся ему на пути, лишать хлѣба тысячи семей, доводить до минимума заработки рабочихъ и повышать цѣны продуктовъ. И за это, конечно, ему платятъ ненавистью всѣ—и конкурренты, и рабочіе, и потребители. И онъ долженъ умѣть презирать эту ненависть.

И это все не фразы, не рисовка—это все голая правда и при томъ еще далеко не вся правда. Одну немаловажную черту упустилъ Рокфелеръ, рисуя портретъ этого рыцаря быстрой наживы—онъ забылъ, что ему нужно умѣть управляться съ законами, измѣнять или обходить ихъ, смотря по надобности. Это умѣнье, дѣйствительно, едва-ли не самое необходимое для кандидата въ милліардеры, такъ какъ главное орудіе, съ помощью котораго онъ создаетъ свои богатства, ограничено закономъ. Это орудіе такъ называемый трестъ (trust) или синдикатъ. Соединяя въ своихъ рукахъ громадные капиталы, трестъ ведетъ побѣдоносную борьбу со всѣми крупными и мелкими промышленниками въ извѣстной области, пока онъ не пріобрѣтетъ монополіи въ избранной отрасли промышленности. Пораженій онъ не знаетъ. И мелкіе и крупные промышленники одинаково безсильны передъ нимъ; онъ можетъ уступить только передъ еще болѣе могущественнымъ синдикатомъ.

Недавно директоръ *Образцоваго Нефтяного Товарищества*, Рокфелеръ, былъ вызванъ въ верховный судъ Огіо по обвиненію въ многочисленныхъ злоупотребленіяхъ. Возвратившись съ засѣданія въ тотъ отель, гдѣ онъ остановился, Рокфелеръ столкнулся лицомъ къ лицу съ высокимъ широкоплечимъ старикомъ. Всесильный милліардеръ былъ, повидимому, нѣсколько взволнованъ этой встрѣчей. Протягивая старику руку, онъ сказалъ ему самымъ ласковымъ голосомъ:

— Ну что, Джоржъ, какъ вы поживаете? Старѣемъ мы оба, неправда-ли? Не раскаяваетесь-ли вы, что не послушались моихъ совѣтовъ въ то давнее время?

— Можетъ быть, я бы лучше сдѣлалъ, еслибы послушался васъ, — отвѣчалъ тотъ взволнованнымъ голосомъ, — вы дѣйствительно разорили меня, какъ и обѣщали. Да, вы меня разорили благодаря вашимъ деньгамъ и благодаря вашей безчестности. Вы разорили меня, и вы не посмѣете отрицать это.

Рокфелеръ и не пытался отрицать. Онъ поспѣшилъ только выйти изъ комнаты, чтобы прекратить разоблаченія своего раздраженнаго противника. Но скандалъ уже былъ произведенъ. Полузабытая исторія борьбы этого старика Джоржа Райса съ Рокфелеромъ снова всплыла наружу.

Дѣло происходило еще въ 1876 году, когда Рокфелеръ только что основалъ Образцовое Нефтяное Товарищество. Въ это время у Джоржа Райса былъ въ Виргиніи керосиновый заводъ. Его извѣстная честность обезпечивала ему хорошій сбытъ, и онъ обрабатывалъ въ годъ до 100,000 бочекъ нефти. Но тутъ вмѣшался нефтяной синдикатъ Рокфелера. Онъ предложилъ всѣмъ кліентамъ Джоржа Райса поставлять керосинъ на 15 сантимовъ дешевле за галонъ. Джоржъ Райсъ рѣшилъ изслѣдовать, какимъ способомъ синдикатъ могъ такъ понизить цѣны. Оказалось, что все дѣло въ желѣзныхъ дорогахъ. Тогда какъ всѣ частные нефтепромышленники должны перевозить керосинъ въ бочкахъ въ обыкновенныхъ вагонахъ, уплачивая и за вѣсъ бочекъ, синдикатъ Рокфелера пользуется исключительнымъ правомъ перевозить нефть въ цистернахъ, вслѣдствіе чего перевозка обходится на 500 франковъ дешевле за каждый вагонъ.

Конкурренція при такихъ условіяхъ, конечно, была невозможна, и Джоржъ Райсъ рѣшилъ ликвидировать свои дѣла и добиться судебнаго слѣдствія надъ дѣлами Образцоваго Нефтяного Товарищества. Слѣдствіе выяснило прежде всего, что управленіе нефтянымъ синдикатомъ и желѣзными дорогами было въ одних ъ и тѣхъ же рукахъ. Поэтому желѣзная дорога перевозила въ убытокъ себѣ грузы нефтяного синдиката, доставляя тѣмъ самымъ громадные барыши своимъ директорамъ.

Слѣдствіе шло очень медленно, а между тѣмъ нефтяной синдикатъ все шире развивалъ свою дѣятельность. И вездѣ онъ дѣйствовалъ тѣми же самыми безошибочными пріемами. Появляясь въ какомъ-нибудь городѣ, агенты его предлагали поставлять керосинъ дешевле, чѣмъ это дѣлалось передъ тѣмъ.

Иногда торговцы, наученные опытомъ, отказывались брать у нихъ, такъ какъ знали, что удешевленіе это временное и, разоривъ прежняго керосиноваго заводчика, синдикатъ не замедлитъ поднять цѣны. Въ такомъ случаѣ синдикатъ заводилъ отъ себя розничную торговлю и предлагалъ непосредственно потребите-

лямъ керосинъ за гораздо болѣе дешевую плату. Торгуя даже въ убытокъ себѣ, синдикатъ быстро разорялъ и прежнихъ торговцевъ и заводчиковъ. Когда же эта цѣль была достигнута, онъ уже безбоязненно могъ снова поднять цѣны. Конкуррентовъ не существовало болѣе.

Только въ 1887 году судъ въ Огіо постановилъ приговоръ, по которому Образцовое Нефтяное Товарищество объявлялось закрытымъ. Передъ судебной властью синдикатъ на этотъ разъ оказался безсильнымъ. Тогда онъ направилъ свои старанія на исполнительную власть, и тутъ его постоянный аргументъ—золото — оказался достаточно убѣдительнымъ. Исполнительная власть не нашла нужнымъ спѣшить съ приведеніемъ въ исполненіе приговора суда. Синдикатъ продолжалъ дѣйствовать, и прежніе тарифы примѣнялись на желѣзныхъ дорогахъ.

Въ 1892 году верховный судъ снова постановилъ приговоръ о немедленномъ закрытіи Образцоваго Нефтяного Товарищества. На этотъ разъ Рокфелеръ сдѣлалъ видъ, что подчиняется. Но въ дѣйствительности онъ ограничился только тѣмъ, что измѣнилъ названіе своего общества, которое продолжаетъ благополучно функціонировать до сихъ поръ, принося своему директору 60 милліоновъ дохода въ годъ.

Вся нефтяная промышленность находится въ настоящее время въ рукахъ этого синдиката. Владѣльцы нефтяныхъ источниковъ должны поставлять на его заводы неочищенную нефть по опредѣленнымъ минимальнымъ цѣнамъ. Не подчиняться этимъ таксамъ они не имѣютъ возможности, такъ какъ другихъ керосиновыхъ заводовъ, которые могли бы платить имъ болѣе подходящую цѣну, не существуетъ. И производители и потребители находятся въ одинаковой зависимости отъ синдиката. Правительственные чиновники, съ которыми ему приходится имѣть дѣло, на жалованьи у него.

Благодаря этому, директоръ нефтяного синдиката, Рокфелеръ, въ настоящее время самый богатый человѣкъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Любопытно прослѣдить за ростомъ его капиталовъ.

Въ 1855 году Джонъ Рокфелеръ имѣлъ всего 5,000 долларовъ; въ 1870—50,000; въ 1875—милліонъ; въ 1885—50 милліоновъ. Теперь въ 1899 у него—256 милліоновъ долларовъ или милліардъ триста милліоновъ франковъ, не считая доходовъ съ недвижимыхъ имуществъ и доли прибылей съ различныхъ банковъ, которые достигаютъ 200 милліоновъ.

Въ настоящее время онъ снова попалъ въ нѣкоторое затрудненіе, изъ котораго, впрочемъ, вѣроятно выйдетъ также побѣдоносно, какъ и изъ всѣхъ предыдущихъ.

Генеральный прокуроръ суда въ Огіо, Моннетъ, заявилъ публично, что ему было предложено отъ нефтяного синдиката

2 милліона франковъ съ тѣмъ, чтобы онъ измѣнилъ свое заключеніе по дѣлу Нефтяного Товарищества.

„Я, быть можетъ, умолчалъ бы объ этомъ,—прибавляетъ въ заключеніе Моннетъ,—но это дѣло стало извѣстно Джоржу Райсу, и онъ заговорилъ объ немъ".

Наврядъ ли это разоблаченіе можетъ принести серьезныя непріятности Рокфелеру. Если нашелся человѣкъ, совѣсть котораго устояла передъ двумя милліонами, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что не найдется другого, который не выдержитъ искушенія въ четыре, пять, десять милліоновъ.

И не только частныя лица, цѣлыя общества принуждены безропотно покоряться силѣ милліоновъ. Недавно Рокфелеръ предписалъ Пенсильванской желѣзной дорогѣ, чтобы она перевозила керосинъ Образцоваго Нефтяного Товарищества по тарифу вдвое ниже, чѣмъ для керосина частныхъ заводчиковъ. Директора желѣзной дороги были предупреждены, что, если они будутъ противиться этому, то немедленно лишатся своихъ мѣстъ. Рокфелеръ скупилъ акціи этой дороги, и собраніе акціонеровъ составилось въ громадномъ большинствѣ изъ его клевретовъ. Директорамъ волей неволей пришлось подчиниться, чтобы не потерпѣть такой же участи, какая постигла директоровъ Нью-Іоркскаго Общества Транспортированія кладей. Это общество не желало дѣлать никакихъ уступокъ нефтяному синдикату. И въ одинъ прекрасный день всѣ его директора оказались въ отставкѣ. Собраніе акціонеровъ, составленное изъ приспѣшниковъ Рокфелера, назначило на эти мѣста людей болѣе покладистыхъ.

Въ настоящее время дѣла Рокфелера въ блестящемъ положеніи. Если только судъ не помѣшаетъ ему, черезъ два, три года состояніе его дойдетъ до двухъ милліардовъ.

На ряду съ Рокфелеромъ по богатству можно поставить двухъ королей желѣзныхъ дорогъ, Корнеліуса Вандербильта и Джея Гульда. Долгое время они дѣлили между собой власть надъ всѣми почти желѣзнодорожными линіями Соединенныхъ Штатовъ. Исторія ихъ взаимныхъ отношеній не лишена интереса. Карьера ихъ началась при совершенно различныхъ условіяхъ и разными путями пришли они къ столкновенію.

Начать съ того, что Вандербильтъ былъ богачемъ съ колыбели, а Гульдъ создалъ свое состояніе своими руками. Далѣе, и къ желѣзнымъ дорогамъ собственно они подходили съ разныхъ сторонъ. Гульдъ былъ биржевой игрокъ по призванію, для него желѣзныя дороги существовали только въ видѣ акцій, облигацій и т. п. Съ ними самими, съ ихъ устройствомъ и управленіемъ, съ тѣми барышами, которыя онѣ могутъ давать, онъ долгое время не имѣлъ никакого дѣла.

Вандербильтъ, наоборотъ, стремился завладѣть возможно большимъ количествомъ желѣзнодорожныхъ линій. Онъ основалъ

желѣзнодорожный синдикатъ и съ его помощью началъ энергично дѣйствовать. Съ тѣми обществами, которыя не желали уступать ему добромъ, онъ раздѣлывался своими средствами. Онъ затѣвалъ съ ними какой нибудь самый вздорный процессъ и быстро выигрывалъ его. Прокуроры, судьи, сенаторы—всѣ были покорны силѣ его милліоновъ, не говоря уже объ административныхъ властяхъ. Противники разорялись одинъ за другимъ. Въ желѣзнодорожномъ мірѣ настала паника.

Общество Бостонской желѣзной дороги продало ему громадную Бостонскую линію за 25% биржевой цѣны его акцій. Положимъ, Вандербильтъ обѣщалъ всѣмъ директорамъ оставить имъ ихъ мѣста съ повышенными окладами и подписалъ съ ними контрактъ на 5 лѣтъ. Впослѣдствіи, наканунѣ окончанія срока, Вандербильтъ предупредилъ ихъ, чтобы они искали себѣ мѣста. Приглашенные вмѣсто ихъ управляющіе должны были возмѣстить Вандербильту убытки, которые онъ понесъ съ первыми директорами.

Въ моментъ высшаго расцвѣта дѣятельности Вандербильта, Джей Гульдъ пріобрѣлъ желѣзнодорожную линію Нью-Іоркъ-Эри, почти параллельную и конкурирующую съ *Центральной Нью-Іоркской* линіей, принадлежавшей Вандербильту.

Весь дѣловой американскій міръ съ любопытствомъ слѣдилъ за тѣмъ, что произойдетъ изъ этого столкновенія двухъ могущественныхъ желѣзнодорожнымъ дѣятелей. Но оба милліардера, очевидно, правильно цѣнили другъ друга. Они поняли, какимъ рискомъ грозитъ имъ борьба. Побѣда одного изъ нихъ должна была неминуемо повлечь за собой полное разореніе другого. И вотъ, къ общему удивленію, вмѣсто безпощадной войны воцарился миръ. Два властителя полюбовно раздѣлили царство. Линіи ихъ не конкурировали, тарифы устанавливались сообща. Такъ шли годы. Но вотъ однажды, неизвѣстно по какой причинѣ, между двумя пріятелями вспыхнула ссора. Говорятъ, поводомъ послужила молоденькая итальянская балерина, которую не могли подѣлить почтенные милліардеры. Какъ бы то ни было, въ клубѣ произошло серьезное столкновеніе.

На другой же день сказались послѣдствія ссоры. Обѣ линіи—*Нью-Іоркъ Эри* и *Центральная Нью-Іоркская* занимались главнымъ образомъ перевозкой скота изъ Канады въ Нью-Іоркъ. Тарифъ до послѣдняго дня на обѣихъ былъ одинаковъ—125 франковъ за вагонъ скота.

Вандербильтъ первый открылъ враждебныя дѣйствія, понизивъ свой тарифъ до 100 франковъ. Джей Гульдъ отвѣтилъ на это пониженіемъ до 75 франковъ; Вандербильтъ спустилъ ставку до 50 франковъ. И такъ они съ каждой недѣлей понижали свои тарифы до тѣхъ поръ, пока Вандербильтъ объявилъ на своей дорогѣ цѣну за провозъ цѣлаго вагона скота въ 5 франковъ.

Конечно, такой тарифъ приносилъ чистый убытокъ желѣзной

дорогѣ. Но зато конкуррирующая линія должна была уступить. Понижать еще не было возможности и волей неволей ей приходилось бездѣйствовать. Вандербильтъ ожидалъ какихъ нибудь шаговъ къ примиренію со стороны Джея Гульда, но тотъ, повидимому, совершенно спокойно относился къ бездѣйствію своей линіи. Противника его заинтересовало такое хладнокровіе, онъ сталъ доискиваться причинъ его—и что же оказалось? Вмѣсто того, чтобы разоряться, перевозя скотъ по 5 франковъ за вагонъ, Джей Гульдъ занялся скупкой скота въ Канадѣ и преспокойно перевозилъ его громадными партіями въ Нью-Іоркъ по линіи соперника, а тутъ продавалъ его съ громаднымъ барышомъ.

Такимъ образомъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, пока тянулась тарифная война, Джей Гульдъ заработалъ большія деньги за счетъ своего недогадливаго товарища.

Эти короли Новаго Свѣта не знаютъ пощады. Все, что стоитъ имъ на пути къ обогащенію, должно уступать, или они безъ колебаній сметаютъ его съ дороги.

Въ этомъ отношеніи поучительна исторія обогащенія другого американскаго милліардера Генриха Гавемейера, короля сахара. Онъ еще не достигъ той суммы капиталовъ, какъ Рокфелеръ, но зато ростъ ихъ шелъ еще быстрѣе, чѣмъ у него.

Въ 1888 году два брата Гавемейеры, Генрихъ и Теодоръ (Теодоръ умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ) основали *Сахарный Синдикатъ*. Сначала они занимались главнымъ образомъ биржевой игрой на повышеніе и пониженіе цѣнъ сахара. Когда этимъ способомъ они составили значительный капиталъ, они начали открывать собственные сахарные заводы и тотчасъ же вступили въ борьбу со старыми заводами. Прежде всего въ 1890 г. они предложили *Рафинадному Обществу Сѣверной Рѣки* прекратить свою дѣятельность и закрыть свои заводы. Общество, конечно, отказалось отъ этого предложенія, и тогда синдикатъ предложилъ всѣмъ кліентамъ общества поставлять сахаръ на 20% дешевле, чѣмъ имъ продавало Общество. Отбивъ такимъ образомъ всѣхъ покупателей, синдикатъ сразу поднялъ цѣну сахара на 25% дороже противъ прежняго. Покупатели, конечно, снова вернулись къ Рафинадному Обществу, которое лишь немного подняло цѣны противъ прежняго. Оказалось, что за это время *Рафинадное общество Сѣверной Рѣки* перешло уже въ руки Сахарнаго Синдиката.

Таже самая судьба постигла въ слѣдующемъ году *Общество Рафинированія Сахара*. Въ настоящее время изъ 24 сахарныхъ рафинадныхъ заводовъ 22 принадлежатъ *Сахарному Синдикату*, или, лучше сказать, его директору, Генриху Гавемейру. Изъ 1.500.000 тоннъ сахара, потребляемаго ежегодно Сѣверо-американскими Штатами, 1.200,000 тоннъ поставляются Сахарнымъ синдикатомъ. Немудрено, что Гавемейеръ получилъ названіе сахарнаго короля.

Какъ и всѣ синдикаты, сахарный синдикатъ производитъ самъ все необходимое для себя. Въ каждомъ изъ 9-ти городовъ, гдѣ находятся его рафинадные заводы, у него устроено большое бочарное заведеніе, изготовляющее необходимое количество бочекъ. У него есть собственныя каменноугольныя копи, собственные доки, собственныя фабрики для производства жженой кости, собственные запасные магазины и т. д. Всѣхъ рабочихъ, находящихся на службѣ синдиката, считается болѣе 30.000.

Въ настоящее время капиталъ синдиката равняется 750 милліонамъ и приноситъ ежегодно 150 милліоновъ чистаго дохода,

Но Гавемейеръ не удовлетворяется этимъ. Ему мало того, что почти все производство сахара сосредоточено теперь въ рукахъ синдиката. Онъ мечтаетъ о томъ, чтобы объединить въ своихъ рукахъ и всю торговлю сахаромъ, какъ оптовую, такъ и розничную. Въ настоящее время синдикатъ уже открылъ рядъ своихъ лавокъ и принуждаетъ торговцевъ продавать сахаръ по опредѣленнымъ цѣнамъ. У тѣхъ, которые не желаютъ подчиняться, синдикатъ по своему обыкновенію отбиваетъ покупателей, а ихъ самихъ разоряетъ. Такимъ образомъ въ непродолжительномъ времени всѣ сахарные торговцы превратятся также въ служащихъ синдиката. Тогда уже, дѣйствительно, все сахарное дѣло въ Америкѣ сосредоточится въ рукахъ Гавемейера и всѣ потребители станутъ его данниками.

Нечего и говорить о рабочихъ, которые находятся положительно въ рабской зависимости отъ этихъ всемогущихъ синдикатовъ. Сосредоточивая въ своихъ рукахъ всѣ фабрики или заводы данной отрасли промышленности, они почти лишаютъ рабочихъ возможности мѣнять мѣста. Куда-бы ни пошелъ рабочій, которому отказано отъ мѣста на одной фабрикѣ, вездѣ онъ встрѣчаетъ того-же безжалостнаго хозяина—синдикатъ.

По большей части царство такого синдиката обнимаетъ какую-нибудь одну область, и тамъ его директоръ является болѣе могущественнымъ повелителемъ, чѣмъ какой - нибудь тиранъ древняго міра.

Вотъ, напримѣръ, царство Роберта Кнайта, короля хлопчатобумажнаго производства. Оно обнимаетъ собой пятнадцать мѣстечекъ въ юго-восточной части штата Провиденція. Все въ этихъ мѣстечкахъ, и земля, и постройки, принадлежитъ директору синдиката. Всѣ эти мѣстечки какъ двѣ капли воды похожи другъ на друга: „По срединѣ подымается чудовищная фабрика съ высокой трубой—вмѣсто прежняго феодальнаго замка. Жилища рабочихъ совершенно одинаковыя, расположены въ два ряда; ихъ жалкій видъ служитъ нагляднымъ доказательствомъ соціальнаго положенія ихъ обитателей. Населеніе это считаетъ болѣе 20.000 человѣкъ, пропитаніе которыхъ находится всецѣло въ рукахъ Роберта Кнайта. Онъ доставляетъ имъ все, въ чемъ они нуж-

даются. Помимо него они не могутъ ничего купить. Всякое дѣло начинается по фабричному свистку. Священникъ, докторъ, школьный учитель, всѣ числятся на службѣ у Роберта Кнайта и получаютъ отъ него жалованье. Если спины ихъ недостаточно гибки, если они не охотно превращаются въ орудія воли Роберта Кнайта, онъ прогоняетъ ихъ. Что касается рабочихъ, то ихъ политическіе и экономическіе взгляды, также какъ хлѣбъ, мясо, сахаръ и прочіе продукты, поставляются имъ фабрикой. Ихъ положеніе болѣе жалко, чѣмъ положеніе рабовъ, такъ какъ въ древности господа дорожили до нѣкоторой степени существованіемъ своихъ рабовъ. А рабы Роберта Кнайта могутъ умирать; они свободные граждане и на ихъ мѣсто сейчасъ же явятся другіе"...

Робертъ Кнайтъ, впрочемъ, пользуется репутаціей наиболѣе жестокаго и безжалостнаго изъ этихъ новыхъ американскихъ королей. Другіе пытаются дѣйствовать болѣе мягкими пріемами, но то-же впечатлѣніе абсолютной власти получается и въ этихъ случаяхъ.

Вотъ, напримѣръ, „королева скота", м-ссъ Ришаръ Кингъ. Мужъ ея, мелкій скотопромышленникъ, умеръ въ 1885 году, оставивъ вдовѣ небольшой клочекъ земли и нѣсколько десятковъ головъ скота. Она энергично принялась за дѣло, повела оживленную торговлю скотомъ, скупила сосѣдніе участки земли. Въ настоящее время ей принадлежитъ 700.000 гектаровъ земли, т. е. область въ тринадцать разъ больше, чѣмъ департаментъ Сены. Въ этомъ обширномъ царствѣ воля повелительницы служитъ единственнымъ закономъ. Для удобства управленія принята слѣдующая система. Вся область раздѣлена на двѣнадцать округовъ, во главѣ каждаго изъ которыхъ стоитъ начальникъ, пользующійся неограниченной властью внутри своего округа. Онъ управляетъ работами, расплачивается съ рабочими, беретъ новыхъ и отказываетъ прежнимъ. Его домъ стоитъ въ центрѣ округа и вокругъ него расположено селеніе, гдѣ живутъ рабочіе. Школа и церковь тоже находятся въ центрѣ мѣстечка. И школьный учитель и пасторъ приглашаются м-ссъ Ришаръ Кингъ и получаютъ отъ нея жалованье. Дома рабочихъ довольно просторны и хорошо устроены. Всѣ служащіе у м-ссъ Кингъ получаютъ отъ нея буквально все необходимое для жизни: и помѣщеніе, и отопленіе, и пищу, и медицинскую помощь, и школьное обученіе, имъ остается позаботиться только объ одеждѣ. Однимъ словомъ они пользуются относительнымъ благополучіемъ, пока свято соблюдаютъ законы своего царства. Но за то горе тому рабочему, который въ чемъ-нибудь нарушитъ повиновеніе, онъ немедленно получитъ расчетъ. Почтительный страхъ, внушаемый именемъ „королевы скота", такъ великъ, что прогнанный рабочій почти навѣрно не найдетъ себѣ другого мѣста.

Сама королева живетъ по большей части въ Корнусъ Кри-

сти, хотя у нея есть два дворца внутри своихъ владѣній. Лично она не вмѣшивается теперь во всѣ частности управленія. Только два раза въ годъ она совершаетъ объѣздъ своей территоріи—весной, чтобъ судить о состояніи скота, и осенью,—чтобъ осмотрѣть травы и видѣть, какъ перенесетъ скотъ зиму. Эти путешествія имѣютъ характеръ настоящихъ увеселительныхъ экскурсій. Въ нихъ участвуютъ обыкновенно множество приглашенныхъ, не считая многочисленной свиты самой королевы, состоящей изъ конюховъ, кучеровъ, лакеевъ, поваровъ и т. п. Сотни экипажей цѣлой процессіей тянутся по странѣ, возбуждая почтительное удивленіе жителей. Сама м-ссъ Кингъ не знаетъ точно количества своего скота. Ея главный управляющій считаетъ, что у нея теперь приблизительно до 800.000 крупнаго рогатаго скота, до 160.000 овецъ и до 10.000 лошадей. Ежегодно она продаетъ до 300.000 головъ скота на сумму отъ 75 до 100 милліоновъ франковъ.

Кромѣ м-ссъ Ришаръ Кингъ, въ Соединенныхъ Штатахъ есть еще одна королева, стяжавшая большую извѣстность въ послѣдніе годы,—это м-ссъ Сюзанна Эмери, королева серебра. Послѣ смерти своего мужа, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, она осталась еще совсѣмъ молоденькой, замѣчательно красивой женщиной. Мужъ оставилъ ее почти безъ всякихъ средствъ; одно, что у нея было—небольшой серебряный пріискъ, слывшій крайне бѣднымъ. М-ссъ Эмери рѣшила рискнуть всѣмъ, что у нея было, и попробовать начать работы на пріискѣ. Энергія ея быстро была вознаграждена. Въ первый же годъ пріискъ далъ ей 30.000 дохода, а теперь онъ считается богатѣйшимъ въ Америкѣ. Съ тѣхъ поръ она пріобрѣла еще нѣсколько серебряныхъ пріисковъ и теперь слыветъ одной изъ завиднѣйшихъ невѣстъ Новаго Свѣта. Въ теченіе одного 1898 года ей было сдѣлано 138 предложеній, но она ото всѣхъ отказывается, также какъ отказывается до сихъ поръ переѣхать въ Нью-Іоркъ, хотя обитатели 5-й авеню давно зовутъ ее туда.

Во время послѣднихъ президентскихъ выборовъ она проѣхала всю Америку, ведя энергичную агитацію за Брайана, противъ золотой валюты. Къ несчастію, она нѣсколько опоздала и потерпѣла пораженіе.

Эти двѣ королевы — м-ссъ Кингъ и м-ссъ Эмери служатъ едва-ли не единственными примѣрами того, какъ крупныя состоянія составились въ послѣднее время при помощи прежнихъ способовъ. До сихъ поръ женщины еще не начали прибѣгать къ новѣйшему методу обогащенія—тресту, онъ остается пока исключительнымъ достояніемъ мужчинъ.

Нельзя, впрочемъ, не упомянуть еще объ одномъ крупномъ американскомъ состояніи, создавшемся совершенно безъ помощи

синдикатовъ—это состояніе Асторовъ. Асторовъ, впрочемъ, нельзя назвать новоиспеченными милліардерами. Это одинъ изъ самыхъ старинныхъ родовъ среди четырехсотъ. Основатель его, Джонъ-Жакобъ Асторъ, жилъ еще во второй половинѣ прошлаго вѣка и имѣлъ въ Нью-Іоркѣ довольно большой музыкальный магазинъ. Однажды, въ 1790 году онъ услышалъ, что на островѣ Мангатанѣ продается громадный участокъ земли. Островъ Мангатанъ былъ почти необитаемъ въ то время, но его мѣстоположеніе противъ самого Нью-Іорка предвѣщало ему блестящую будущность. Не долго думая, Джонъ Жакобъ Асторъ продалъ свой магазинъ, ликвидировалъ всѣ дѣла, реализовалъ сумму въ 625.000 франковъ и скупилъ за дешевую цѣну всѣ продававшіяся земли.

Эта операція легла въ основу всего будущаго благосостоянія Асторовъ. Передъ смертью Джонъ Жакобъ созвалъ всѣхъ своихъ дѣтей и внуковъ и заставилъ ихъ произнести торжественную клятву въ томъ, что никто изъ нихъ ни при какихъ обстоятельствахъ не продастъ ни пяди разъ пріобрѣтенной земли. До сихъ поръ потомки его—уже пятое поколѣніе—свято держатъ данное обѣщаніе, да, вѣроятно, и впредь такъ будетъ. Старикъ зналъ что дѣлалъ, требуя отъ нихъ этой клятвы.

Земля въ Нью-Іоркѣ все повышается въ цѣнѣ и уже этимъ однимъ состояніе Асторовъ все увеличивается. Но кромѣ того, всѣ послѣдующія поколѣнія старались по примѣру родоначальника пріобрѣтать возможно больше земель во всѣхъ частяхъ Нью-Іорка, такъ что въ какой бы части Нью-Іорка ни повышалась теперь цѣнность земли, это непремѣнно отзывается на состояніи Асторовъ. На одномъ только Мангатанѣ, принадлежащіе имъ дома тянутся на протяженіи семи миль по фасаду.

Изъ разнаго рода финансовыхъ операцій Асторы признаютъ только одну,—ссуды подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ. Этой операціей они занимаются охотно, тѣмъ болѣе, что малѣйшая неаккуратность со стороны должника, самая ничтожная просрочка ведетъ къ новому увеличенію владѣній ихъ рода,—домъ или земля неисправнаго должника немедленно переходитъ въ ихъ собственность. Въ настоящее время у нихъ числится въ ссудахъ до 125 милліоновъ франковъ, приносящихъ имъ 6 милліоновъ дохода въ годъ.

Недвижимое имущество Асторовъ въ одномъ Нью-Іоркѣ, не считая великолѣпныхъ дворцовъ въ Ньюпортѣ и Лондонѣ, оцѣнивается въ настоящую минуту въ 1.900.000.000 франковъ. Постепенный ростъ его въ теченіе пяти поколѣній представляется въ слѣдующемъ видѣ. Родоначальникъ пріобрѣлъ земель на 125.000 долларовъ. Состояніе второго поколѣнія возрасло уже до 20 милліоновъ долларовъ; третье имѣло уже 70 милліоновъ; четвертое 280 милліоновъ; и наконецъ, теперешнее поколѣніе имѣетъ 375.000.000 долларовъ или около двухъ милліардовъ

франковъ. Теперешнихъ трехъ владѣльцевъ этого состоянія—Вильяма, Каролину и Джона Жакоба Асторовъ—называютъ королями недвижимой собственности.

Въ созданіи богатства Асторовъ синдикаты дѣйствительно не играли никакой роли. Но за то Асторы остались единственнымъ примѣромъ такого способа обогащенія. Больше въ Америкѣ богатства не возникаютъ такимъ путемъ. Всѣ колоссальныя американскія состоянія, создавшіяся въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, обязаны своимъ происхожденіемъ синдикатамъ.

Синдикаты съ каждымъ годомъ пріобрѣтаютъ все больше и больше значенія въ экономической жизни Америки. Немного осталось отраслей промышленности, на которыя они не наложили еще свою мощную руку, парализуя усилія всѣхъ частныхъ предпринимателей.

Вотъ что говоритъ о соціальной роли синдикатовъ сенаторъ Шонсей Денью, одинъ изъ видныхъ представителей четырехсотъ, котораго уже по этому одному нельзя заподозрить въ пристрастномъ искаженіи фактовъ: „Люди, обладающіе небольшимъ капиталомъ, это по большей части люди молодые и энергичные, внушившіе довѣріе друзьямъ своей честностью и способностью къ труду. Такимъ образомъ они могли собрать кое-какую сумму, необходимую для начала дѣятельности. Что могутъ они сдѣлать теперь въ виду синдикатовъ, не оставившихъ свободной ни одну отрасль промышленной и торговой дѣятельности человѣка? Какія бы усилія они ни употребляли, это во всякомъ случаѣ вопросъ времени. Они будутъ раздавлены и ничто не спасетъ ихъ... Черезъ пять лѣтъ въ Соединенныхъ Штатахъ не будетъ ни одного сколько-нибудь значительнаго независимаго промышленника или торговца. Синдикаты заберутъ въ свои руки всѣ дѣла страны. Это смерть конкурренціи, а, слѣдовательно, смерть улучшенію и прогрессу“.

Особенно сильно расцвѣли синдикаты за послѣдніе нѣсколько лѣтъ. Раньше былъ все-таки одинъ законъ, не писанный, а естественный экономическій законъ, которому они должны были подчиняться—это законъ спроса и предложенія. Они не могли повышать произвольно свои цѣны, пока существовали иностранные товары, которые могли продаваться въ Америкѣ по своей цѣнѣ. Нельзя брать 10 центовъ за сахаръ, если привозный съ Ямайки сахаръ стоитъ 6 центовъ. Тутъ на помощь явился билль Макъ-Кинлея. Своими непомѣрно высокими ввозными пошлинами, онъ сразу открылъ широкое поле дѣйствій синдикатамъ. Теперь иностранная конкурренція стала не страшна, а внутренней не существуетъ болѣе. Ямайскій сахаръ нельзя продавать по 6 центовъ, когда за него приходится платить 5 центовъ пошлины. Какъ только, благодаря совмѣстнымъ усиліямъ обитателей 5-й авеню, билль Макъ-Кинлея прошелъ,—синдикаты точно по волшебству расцвѣли во всѣхъ концахъ Америки.

Была, впрочемъ, еще одна опасность, угрожавшая синдикатамъ. Закономъ они по прежнему были воспрещены. Не только ихъ дѣятельность, но самое существованіе ихъ признавалось беззаконнымъ. И съ этимъ приходилось мириться. Попытка измѣнить этотъ законъ могла слишкомъ сильно возбудить общественное мнѣніе. А пока существуетъ такой законъ, всегда могутъ найтись неподатливые судьи, которые вздумаютъ примѣнять его и на дѣлѣ.

Единственнымъ средствомъ защиты въ такомъ случаѣ является исполнительная власть и поэтому крайне важно имѣть во главѣ ея человѣка, безусловно держащаго сторону синдикатовъ. Брайанъ опредѣленно высказывался противъ синдикатовъ, а Макъ Кинлей былъ свой человѣкъ. И вотъ рѣки золота полились изъ 5-й авеню по всей Америкѣ. Голоса покупались по всякой цѣнѣ. Всего на выборную компанію было затрачено болѣе 50 милліоновъ. Агенты Брайана подкупались, сторонники его застращивались. Макъ Кинлея подговаривали даже давать всевозможныя обѣщанія противъ синдикатовъ,—въ немъ были вполнѣ увѣрены. И дѣйствительно, Макъ Кинлей былъ избранъ, и синдикаты благоденствуютъ.

И не только синдикаты,—какъ одна изъ формъ монополизированья въ немногихъ рукахъ разныхъ отраслей промышленности и торговли,—вредно отзываются на общественной жизни страны; крупныя богатства сами по себѣ составляютъ несомнѣнное зло. Американскіе милліардеры не только не желаютъ считаться съ законами, направленными прямо противъ нихъ, они умѣютъ избѣгать даже законовъ, касающихся въ одинаковой мѣрѣ всѣхъ американскихъ гражданъ.

Благодаря силѣ своихъ милліоновъ, они, пуская въ ходъ то подкупы, то угрозы, держатъ въ своихъ рукахъ и центральную власть, и мѣстныя управленія. Въ Нью-Іоркѣ, напримѣръ, существуетъ теперь какъ бы общее правило, по которому ни одно общество городскихъ путей сообщеній не платитъ ни копѣйки налога. Самое значительное изъ нихъ, *Столичныхъ Городскихъ желѣзныхъ дорогъ*, имѣетъ капиталъ въ 232 милліона, чистаго дохода оно получаетъ 20 милліоновъ въ годъ. И оно не платитъ ни одного цента налога. *Желѣзнодорожное Общество Третьей Авеню* имѣетъ капиталъ въ 45 милліоновъ и приноситъ 6 милліоновъ дохода, налога тоже ни копѣйки. Точно также и остальныя компаніи, приносящія своимъ учредителямъ, американскимъ милліардерамъ, по 25, 30% на затраченый капиталъ, избавились совершенно отъ непріятной обязанности платить налоги.

Нью-Іоркское городское управленіе нѣсколько разъ пыталось измѣнить это ненормальное положеніе вещей, но до сихъ поръ попытки его ни къ чему не приводили. Въ 1891 году оно попыталось обложить налогомъ капиталъ общества *Соединеннаго Синдиката*. Общество, конечно, отказалось исполнить требованіе муниципалитета. Дѣло дошло до Аппеляціоннаго Суда и тамъ

городскому управленію было отказано въ искѣ. Утверждаютъ, что этотъ процессъ обошелся городу въ 500 милліоновъ въ теченіе семи лѣтъ, пока онъ тянулся.

Не менѣе интересны примѣры налоговъ, которые платятъ сами милліардеры лично за свои капиталы. Рокфелеръ, напримѣръ, капиталъ котораго опредѣленъ самимъ казначействомъ въ милліардъ двѣсти пятьдесятъ милліоновъ франковъ, платитъ въ годъ 30.000 франковъ налога. Между тѣмъ какъ по германскимъ законамъ онъ долженъ былъ бы платить *три милліона сто двадцать пять тысячъ франковъ*. Джонъ Жакобъ Асторъ платитъ въ Америкѣ 25.000 франковъ налога, тогда какъ въ Германіи ему пришлось бы платить *два милліона пятьсотъ тысячъ франковъ*. Эти цифры особенно любопытны если сравнить ихъ съ ростомъ капиталовъ этихъ милліардеровъ. Оставивъ въ сторонѣ доходы съ различныхъ предпріятій, какія они затѣваютъ, самъ по себѣ автоматическій ростъ ихъ капиталовъ даетъ имъ громадныя суммы. Рокфелеръ, напримѣръ, каждое утро просыпается богаче, чѣмъ былъ наканунѣ, на *220,000 франковъ*. И для этого ему не надо ударять пальцемъ о палецъ, онъ получалъ бы это и въ томъ случаѣ, еслибъ онъ дѣйствительно ликвидировалъ всѣ свои дѣла и перевелъ свое состояніе въ процентныя бумаги. И вотъ, слѣдовательно, получая *каждый день* 220,000 франковъ однихъ только процентовъ, онъ платитъ налогу *въ годъ* 30.000 франковъ. Изъ остальныхъ милліардеровъ Морганъ, Милльсъ, Слоанъ и Туомблей платятъ всего по 2,100 франковъ налога, тогда какъ въ Германіи имъ пришлось бы платить по 250,000. Но эти все-таки хоть что нибудь платятъ, а есть такіе, которые сумѣли совершенно освободиться отъ этой обязанности. Робертъ Гелетъ, Эльбриджъ Герри и Джоржъ Гульдъ не платятъ ни цента. И поступаютъ они при этомъ очень просто. Вотъ, напримѣръ, какимъ образомъ избавилась отъ всякихъ платежей одна изъ самыхъ богатыхъ женщинъ Соединенныхъ Штатовъ, м-ссъ Гетти Гринъ.

М-ссъ Гетти Гринъ живетъ въ Бруклинѣ въ меблированной комнатѣ, за которую платитъ 35 франковъ въ недѣлю. Она не желаетъ строить собственнаго дома, чтобы не платить за него налога. Но остаются еще капиталы, которые по закону тоже подлежатъ обложенію. Эти капиталы м-ссъ Гетти Гринъ вложила въ пять банковъ Чикаго и заявила при этомъ управленіямъ банковъ, что если они не сумѣютъ охранить ея капиталы отъ платежей налога городскому управленію, то она возьметъ у нихъ свои вклады и будетъ хранить ихъ въ другомъ мѣстѣ.

Банки съ своей стороны заявили сборщику городскихъ повинностей, что они принуждены будутъ прекратить свои дѣла въ Чикаго, если лишатся самаго крупнаго своего вкладчика. Передъ такой дилеммой городскому управленію пришлось уступить. И теперь болѣе бѣдная часть населенія Чикаго должна нести

больше городскихъ налоговъ, потому что м-ссъ Гетти Гринъ не угодно платить свою часть.

Иногда это стремленіе избавиться во что бы то ни стало отъ необходимости платить налоги переходитъ положительно въ какую то манію, граничащую съ сумашествіемъ. Не лишена интереса исторія одного добровольнаго узника, сидящаго девятый годъ въ тюрьмѣ изъ за нежеланія уплатить налогъ на наслѣдство.

Джозіа Уайтъ былъ человѣкъ далеко небогатый, когда полюбилъ прелестную молодую дѣвушку, уроженку Коннектикута, обладавшую приданымъ въ три милліона. Богатая наслѣдница платила ему взаимностью и свадьба была рѣшена. Но передъ свадьбой, чтобъ убѣдить и свою невѣсту, и всѣхъ окружающихъ, что приданое не имѣетъ для него никакого значенія, онъ подписалъ контрактъ, по которому разъ навсегда отказывался пользоваться деньгами своей будущей жены. Эта жертва, повидимому, принесла ему счастье. Со дня свадьбы состояніе его стало быстро увеличиваться, и скоро онъ сталъ обладателемъ нѣсколькихъ милліоновъ. Онъ выстроилъ себѣ въ самомъ аристократическомъ кварталѣ Бруклина прелестный домъ съ террасой, выходившей на море, и съ великолѣпнымъ садомъ, наполненнымъ самыми рѣдкими растеніями и цвѣтами.

Десять лѣтъ прошли такимъ образомъ, и Джозіа Уайтъ казался совершенно счастливымъ. Но по мѣрѣ того какъ росло его богатство, въ немъ начали обнаруживаться нѣкоторыя странности. Постепенно они дошли до такой степени, что нѣкоторые изъ его новыхъ друзей—милліонеровъ прервали знакомство съ нимъ и наконецъ его попросили даже выйти изъ числа членовъ Бруклинскаго клуба. Между тѣмъ умерла его жена, оставивъ все свое состояніе пятилѣтнему сыну и опекуномъ и управляющимъ всѣхъ дѣлъ до его совершеннолѣтія назначила своего мужа. Все ихъ состояніе возрасло къ этому времени до 20 милліоновъ.

Прежде чѣмъ получить утвержденіе въ правахъ наслѣдства, нужно было сдѣлать оффиціальное заявленіе о размѣрахъ наслѣдства. Джозіа Уайтъ утверждалъ, что слухи о его богатствѣ преувеличены и что въ дѣйствительности у него осталось послѣ жены всего 150.000 франковъ. Такая скромная сумма очень удивила всѣхъ и сборщикъ податей м-ръ Абботъ взялся доказать, что м-ръ Уайтъ утаилъ почти все свое состояніе. Онъ началъ розыски и скоро открылъ сумму въ 3 милліона, несомнѣнно принадлежавшую Джозіа Уайту. Но доказать ея принадлежность было очень трудно, такъ какъ на судѣ м-ръ Уайтъ продолжалъ упорно отрицать свое богатство.

Цѣлая сѣть спеціальныхъ сыщиковъ старательно выслѣживала м-ра Уайта и все это только для того, чтобы заставить его заплатить налогъ на наслѣдство; самое состояніе его не подвергалось никакому риску. Но м-ръ Уайтъ и слышать ничего не хотѣлъ.

„Всѣ сборщики мошенники—повторялъ онъ на всѣ убѣжденія. Если я имъ поддамся, и я, и мой сынъ скоро очутимся на улицѣ. Меня хотятъ обокрасть, но я не уступлю"!

Послѣ шести мѣсяцевъ тщетныхъ попытокъ опредѣлить размѣръ состоянія Джозіа Уайта, онъ признанъ былъ виновнымъ въ ложныхъ показаніяхъ подъ присягой и постановлено было арестовать его. Судъ надѣялся, что эта угроза побудитъ его открыть наконецъ истину. Но не тутъ то было. Вмѣсто того Джозіа Уайтъ задался цѣлью избѣжать ареста и въ тоже время посмѣяться надъ своими преслѣдователями. Онъ то скрывался въ свое имѣніе въ Станфордѣ, то вдругъ появлялся неизвѣстно откуда въ своемъ домѣ въ Бруклинѣ. Тамъ онъ нарочно показывался у оконъ, дразнилъ полицію, а когда къ нему являлись съ приказомъ схватить его силою, онъ также внезапно исчезалъ изъ своего дома и самый тщательный обыскъ не приводилъ ни къ чему. Наконецъ во время одного изъ такихъ обысковъ м-ру Абботу удалось найти потайной ходъ изъ сада, выводившій на улицу Ферманъ-стритъ. Слѣдующій разъ послѣ исчезновенія Джозіа Уайта стали слѣдить за прохожими по этой улицѣ и арестовали тамъ сгорбленную старушку въ большомъ платкѣ, уже не разъ попадавшуюся тутъ на глаза сыщикамъ. Приподнявъ густой вуаль, закрывавшій лицо этой женщины, сыщики съ торжествомъ узнали энергичныя черты самого м-ра Уайта. Бѣглый милліонеръ былъ арестованъ и съ тѣхъ поръ девять лѣтъ сидитъ въ тюрьмѣ Бруклина. Много разъ предлагали ему свободу подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ уплатилъ налогъ на наслѣдство. Но онъ упорно отказывается, утверждая, что онъ слишкомъ бѣденъ, чтобы платить.

Годъ тому назадъ Джозіа Уайтъ сдѣлалъ смѣлую попытку къ бѣгству. Одинъ богатый Нью-Іоркскій пасторъ взялся помочь ему. Онъ доставилъ ему слесарные инструменты и веревку. Однажды ночью онъ подпилилъ дверь и при помощи веревки спустился съ высокой тюремной стѣны. Пасторъ въ экипажѣ ждалъ его на улицѣ и лошади быстро помчались на станцію. Тамъ бѣглецу удалось сѣсть на поѣздъ и уѣхать въ Коннектикутъ. Вскорѣ Уайту понадобилось во что бы то ни стало побывать въ своемъ домѣ въ Бруклинѣ. Сыщики неотступно слѣдили за нимъ и въ первую же ночь, когда онъ спокойно спалъ въ своей спальнѣ, двери его дома были взломаны, бѣглецъ снова арестованъ и водворенъ опять въ тюрьму. Но и эта неудачная попытка не склонила его къ повиновенію и онъ продолжаетъ отказываться измѣнить свои показанія.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Т. Богдановичъ.

ЛЮБИМЦЫ КАТОРГИ.

Разсказъ.

I.

Это была старая, давно отслужившая свой срокъ развалина-тюрьма, которую пора уже было сдать на сломъ или обратить въ конюшню; и однако, въ ея пяти огромныхъ, какъ казармы, камерахъ, почти лишенныхъ свѣта, грязныхъ и затхлыхъ, все еще продолжали жить люди. Въ идеальномъ соотвѣтствіи съ внѣшнимъ видомъ такихъ зданій находились и порядки ихъ внутренней жизни, порядки того добраго стараго времени, когда человѣкъ, одѣтый въ сѣрую куртку съ двумя тузами на спинѣ, уже не числился человѣкомъ. Люди, которымъ ввѣрялись жизнь, здоровье и нравственность сотенъ и даже тысячъ этихъ несчастныхъ, набирались изъ самыхъ темныхъ подонковъ общества, не имѣвшихъ ни малѣйшаго представленія о морали, гуманности и тому подобныхъ «жалкихъ» словахъ, и только случай, счастливый случай не упрятывалъ ихъ самихъ въ тюрьму или каторгу; да нерѣдко такъ именно и заканчивалось воровское, человѣкоубійственное поприще всѣхъ этихъ большихъ и маленькихъ Разгильдѣевыхъ *)... Общій дореформенный строй развращалъ даже лучшихъ своихъ представителей, а «лихіе», глубоко-безнравственные исполнители губили, съ другой стороны, и то «святое», что было всетаки и въ дореформенномъ законѣ.

Однако и въ тѣ недобрыя времена, Богъ вѣсть какимъ чудомъ, выныряли, случалось, изъ общаго удушливаго мрака свѣтлыя исключенія, и чѣмъ мрачнѣе былъ фонъ окружающей жизни, тѣмъ ярче горѣли на немъ эти рѣдкіе метеоры въ глазахъ современниковъ, а еще болѣе въ благодарной памяти и фантазіи послѣдующихъ каторжныхъ поколѣній. Однимъ изъ такихъ свѣтилъ прошлаго былъ, напр., извѣстный всей каторгѣ

---

*) Разгильдѣевъ—знаменитый въ исторіи каторги горный инженеръ, управлявщій въ 50-хъ годахъ Карійскими золотыми промыслами и варварски обращавшійся съ арестантами и заводскими крестьянами.

«дѣдушка» Кузюмкинъ, пятнадцать лѣтъ управлявшій той самой тюрьмой, о которой мы начали рѣчь.

Маленькій, бѣленькій, кривой на одинъ глазъ старичокъ, лѣтомъ и зимой ходившій все въ одной и то же старенькой, сильно уже потертой сѣрой «шинелкѣ», онъ былъ необыкновенно забавенъ съ своей нервной подвижностью, оригинальной образной рѣчью и странными, никогда и ни для кого не измѣняемыми привычками. Простой и скромный въ обращеніи съ арестантами, нерѣдко даже фамильярный, онъ обладалъ однако удивительнымъ тактомъ и умѣньемъ не переходить крайнихъ границъ этой фамильярности, и въ общемъ каторга ни на минуту не теряла къ нему уваженія, соединеннаго даже съ нѣкоторой робостью. Когда Кузюмкинъ являлся зачѣмъ-либо въ тюрьму, онъ шелъ всегда торопливой, мелкой рысцой, озабоченно понурясь и не думая даже требовать отъ встрѣчной кобылки наружныхъ знаковъ почтенія къ своей особѣ; но если кто-нибудь самъ догадывался снять шапку и сказать:

— Здравія желаю, батюшка Иванъ Иванычъ!—то онъ моментально встряхивался, выпрямлялся и, довольно улыбаясь, громко отвѣчалъ:

— Будь здоровъ, братикъ! Будь и ты со Христомъ здоровъ!— и бодро, пѣтушкомъ, пробѣгалъ дальше. Даже въ сердцахъ не звалъ онъ арестантовъ иначе, какъ «братиками», а его называли всѣ «батюшкой» или «дѣдушкой».

Утреннія и вечернія повѣрки производились обыкновенно внутри камеръ, и любившій бывать на нихъ Кузюмкинъ забавлялъ кобылку своими добродушными шутками и остротами. Въ шуткахъ этихъ не было ни настоящей соли, ни даже разнообразія,—изо дня въ день, изъ года въ годъ онѣ повторялись почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ,—и тѣмъ не менѣе онѣ казались арестантамъ неизмѣнно милыми и неувядаемо-остроумными. Старикъ не только помнилъ лица и фамиліи всѣхъ каторжныхъ, но отлично зналъ и нравъ и характеръ каждаго, и даже его семейныя обстоятельства, и эта удивительная способность во все вникать, все запоминать дѣйствовала на кобылку особенно импонирующимъ образомъ.

— Кто тутъ, подъ нарами, лежитъ? спрашивалъ Кузюмкинъ, наклоняясь надъ заспавшимся арестантомъ:—Эй, братикъ, живъ или померъ? Скажи только *бе* или *ме*... Мнѣ вѣдь только и нужно, чтобъ ты живой былъ, а тамъ хоть козломъ, хоть бараномъ верещи—для меня все одино! Э, да никакъ это Красильниковъ? Опять, видно, въ картишки ночесь заигрался? Смотри, братикъ,—казенныя вещи спустишь, я, братикъ ты мой, того... Не погляжу, что борода до пупа выросла, и сыновья женатые ходятъ... А ты, Хлюзовъ, чего зубы скалишь?

Аль во снѣ бабу свою видѣлъ? Забудь, другъ сердечный, бабу. Тебѣ срокъ великъ, а у бабы волосъ дологъ—память коротка!

Если случалось, что надзиратели насчитывали лишняго человѣка, дѣдушка комично разводилъ руками, удивленно раскрывалъ свой единственный глазъ и спрашивалъ:

— Какъ же теперь, братики, въ управленіе сообщить? Бычокъ, молъ, отелился, ась?

Кобылка хохотала и была необыкновенно довольна остроуміемъ своего начальника.

Лишь въ торжественныхъ, очень рѣдкихъ случаяхъ повѣрка производилась на обширномъ тюремномъ дворѣ; тогда проходило добрыхъ полчаса раньше, чѣмъ надзирателямъ удавалось выгнать арестантовъ изъ камеръ, и иногда въ собираніи лѣнтяевъ принималъ участіе самъ добродушный смотритель.

— Вылазьте, вылазьте, братики, пошевеливайтесь! уговаривалъ онъ встрѣчныхъ своимъ старчески шамкающимъ, пискливымъ голосомъ:—вѣдь я тоже старичокъ, поди,—ась? Вѣдь мнѣ и устать не грѣхъ?

— Вѣрно, батюшка Иванъ Ивановичъ, вѣрно,—соглашались арестанты,—только кобылка-то наша, вишь ты, дурная, не жалѣетъ тебя, старичка.

И, наконецъ, выискивался какой-нибудь сердобольный великанъ, который зычнымъ окрикомъ взбадривалъ лѣнивыхъ товарищей:

— Вы чего жъ, варначье сѣмя, дѣдушку ждать заставляете? Пожалѣть вѣдь тоже надо человѣка?

Что касается внутренней тюремной жизни, то смотритель предоставлялъ каторгѣ почти абсолютную свободу. Большинство арестантовъ проводило время въ самой позорной праздности, потому что дѣлать было рѣшительно нечего. Тюремное населеніе отличалось многочисленностью, а старый, давно истощенный рудникъ требовалъ ежедневно не больше 30—40 человѣкъ; такъ называемыя домашнія работы занимали также ничтожное число рукъ. Игра въ штоссъ процвѣтала въ тюрьмѣ, какъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, и нерѣдко сами надзиратели присаживались къ играющимъ «заложить картишку»... Случалось, что въ тюрьмѣ появлялась и водка, но соръ обыкновенно не выносился изъ избы: буйнымъ не давали много «шумаркать» сами товарищи, а напившихся до положенія ризъ надзиратели немедленно уволакивали, во избѣжаніе соблазна, въ карцеръ, чтобы дать имъ возможность проспаться тамъ хорошенько.

Тюремныя казармы были, какъ мы уже сказали, темны и неприглядны; но природная ихъ неприглядность увеличивалась еще невообразимой грязью, въ которой онѣ содержались. Полы мылись только къ Рождеству и Свѣтлому Празднику, да и то больше для формы; парашки красовались и днемъ и ночью на

самыхъ видныхъ мѣстахъ; тутъ же, надъ нарами, протянуты были по всевозможнымъ направленіямъ веревки, на которыхъ висѣли грязныя полотенца, сушились зловонныя онучи и даже мокрое, только что выстиранное арестантское бѣлье... Проснувшись въ полусвѣтѣ ранняго зимняго утра, иной новичокъ тщетно протиралъ глаза, не зная что подумать: не призраки-ль это замученныхъ въ каторгѣ людей, одѣтые въ саваны, витаютъ надъ головами своихъ товарищей по судьбѣ, еще не выпившихъ до дна горькой чаши?...

За то дѣдушка Кузюмкинъ почиталъ своимъ священнымъ долгомъ вмѣшиваться въ пищевые интересы кобылки. Съ этой цѣлью онъ часто шумѣлъ и воевалъ въ кухнѣ, напуская здѣсь на себя необычайную строгость и даже отечески дирая виновныхъ за уши.

— Ага, братикъ ты мой, попался?—словно торжествуя, кричалъ онъ на заподозрѣннаго въ воровствѣ повара, и одинокій глазъ его свирѣпо при этомъ вращался:—грезить вздумалъ? Я развѣ тебя не упреждалъ: не воруй, молъ, у товарищей? А ты за свое? Ну, такъ подставляй же, коли такъ, ухо, братикъ,—я тебя по-свойски поучу... А! заверезжалъ, шельмецъ, больно, небось?.. Вотъ этакъ, вотъ такъ... Учись!

— Да, ей-Богу же, дѣдушка, напрасно... Вовсе, что есть, напрасно... Ничего я не кралъ!

— Не кралъ? А почему-жъ гольная вода въ котлѣ?

— Мясо такое попалось, ненаварное...

— Ненаварное? Ну, такъ для этого, вотъ, я и наварилъ тебѣ, братикъ, уши, чтобъ больше не попадалось такое мясо.

Арестанты хохотали, и самъ побитый поваръ отнюдь не былъ въ претензіи на дѣдушку. Воровать онъ, разумѣется, не прекращалъ послѣ этого случая, но форма была соблюдена, правда поддержана, и кобылка оставалась вполнѣ довольна заботами своего смотрителя объ ея благополучіи.

Обычныхъ въ то время мѣръ «воздѣйствія» Кузюмкинъ гнушался, но иногда онѣ предписывались свыше—и волей неволей приходилось, хотя и формально, покоряться этимъ предписаніямъ. Съ угрюмо потупленнымъ взоромъ и сердито натопорщенными сѣдыми усами входилъ онъ въ одну изъ камеръ съ бумагой въ рукахъ и вычитывалъ приказъ: такому-то за такой-то проступокъ, совершенный въ другой тюрьмѣ, дать столько-то розогъ... Затѣмъ Кузюмкинъ взглядывалъ на виновнаго и, укоризненно качая бѣлой, какъ лунь, головой, говорилъ:

— Ну, что? Нагрезилъ?.. Самъ, братикъ, виноватъ, на себя и пеняй. Пойдемъ-кось, я долженъ выполнить приказъ.

Надзиратели окружали арестанта и вели, и если тотъ былъ новичкомъ въ тюрьмѣ и не зналъ еще всѣхъ привычекъ дѣдушки Кузюмкина, то, разумѣется, душа уходила у него въ

пятки. Около кухни, на тюремномъ дворѣ, испоконъ вѣка лежало старое, треснувшее корыто. Тутъ и происходили обыкновенно дѣдушкины экзекуціи. Приносились розги...

— Раздѣвайся, братикъ, ложись, дѣлать нечего!—приказывалъ Кузюмкинъ совершенно серьезнымъ тономъ, ежась, точно отъ холода, и нервно передергивая усами.

Арестантъ покорно раздѣвался и тоже совершенно серьезно ложился на колоду—корыто. Палачъ (изъ арестантовъ же) приготовлялся къ своему подлому дѣлу...

— Р-разъ!—произносилъ надзиратель.

— Сто-ай!—вдругъ вскрикивалъ дѣдушка, кидаясь къ палачу и останавливая его уже поднятую руку.—Стой, тебѣ говорятъ, мерзавецъ! А вотъ что, братики мои (обращался онъ, какъ бы за совѣтомъ, къ надзирателямъ): какая будетъ, скажите, польза отъ того, что мы этого дурня постегаемъ, а онъ на колодѣ полежитъ? Я думаю—никакой, ась? Такъ вотъ что, братики мои, я придумалъ: чтобъ ему неповадно было напередъ грезить, онъ самъ поди-кось посѣки себя, самъ себя поучи! Это вотъ секретъ, это я понимаю.,.

Улыбались надзиратели, улыбался палачъ, и одинъ только арестантъ-новичокъ, поднявшись съ земли, стоялъ въ полномъ недоумѣніи; а дѣдушка продолжалъ глядѣть неизмѣнно серьезнымъ и даже почти грустнымъ взглядомъ.

— Это что здѣсь, братикъ, лежитъ?—строго спрашивалъ онъ ошеломленнаго новичка.

— Колода, ваше благородіе.

— Гм! ты говоришь, колода? Ну, а представь себѣ, братикъ мой, что не колода это вовсе, а ты самъ... вотъ этотъ самый ты тутъ лежишь... Ты только представь себѣ, голубчикъ, подумай—и представь... А теперь возьми да и посѣки себя! А мы поглядимъ. Ручекъ-то, смотри, не жалѣй, хлещи побольнѣе!

Арестанту, только теперь начинавшему приходить въ себя, совали въ руки пукъ розогъ, и дѣдушка съ радостно сіяющимъ лицомъ самъ отсчитывалъ эти ни для кого не обидные символическіе удары... Кончалась комедія, и арестантъ, едва вѣря своему счастью, пускался бѣгомъ въ камеру, къ товарищамъ.

— Такъ вотъ онъ какой, дѣдушка-то!—весело ухмыляясь, думалъ онъ про себя.

Одинъ только разъ за все время смотрительства Кузюмкинъ настолько былъ выведенъ изъ терпѣнія какимъ-то арестантомъ, что *отъ себя* назначилъ ему тѣлесное наказаніе, и хотя кобылка была въ тайнѣ души увѣрена, что и на этотъ разъ все кончится той же забавной комедіей самосѣченія, тѣмъ не менѣе воображеніе ея было сильно поражено... Ни-

кто не смѣялся; каждому невольно думалось, что если ужъ *самъ* дѣдушка вынужденъ обратиться къ столь нелюбимой имъ розгѣ, хотя бы и въ видѣ только символа, то, значитъ, хорошъ гусь этотъ арестантъ! Значитъ, ужъ точно «справы» съ нимъ не было... Почувствовалъ это и самъ арестантъ, сильно поблѣднѣвшій, когда его позвали на представленіе... Разсказывали послѣ, что, подойдя къ знаменитому корыту, онъ упалъ передъ Кузюмкинымъ на колѣни и закричалъ:

— Батюшка Иванъ Иванычъ, не прощай! Поучи меня, подлеца, какъ слѣдуетъ, избавь отъ страму!

Но Иванъ Иванычъ былъ неумолимъ. Онъ гнѣвно моталъ головой, свирѣпо топорщилъ сѣдые усы и шипѣлъ:

— А! вотъ то-то, братикъ мой... То-то оно и есть... Я знаю, небось, гдѣ больнѣе тебя укусить... Нѣтъ, нѣтъ! Чтобъ впередъ неповадно было тебѣ грезить, ты поди-кось, братикъ, самъ себя посѣки. А то на-кось: велика польза, что тебя другой постегаетъ, а ты на колодѣ книзу брюхомъ полежишь!

II.

Идиллія эта продолжалась годы, и хотя наѣзжавшее временами высшее начальство находило тюрьму крайне распущенной, однако явно придраться было не къ чему: у Кузюмкина за все время не было ни одного случая побѣга арестантовъ, а—что самое главное—онъ былъ честный изъ честныхъ, и къ рукамъ его не прилипало ни одной казенной полушки. Но наступили новыя времена, когда дѣдушкины пріемы обращенія съ каторгой были признаны окончательно устарѣвшими и черезчуръ уже стали мозолить глаза. Не разъ, въ присутствіи даже арестантовъ, старику дѣлались строгія замѣчанія и настоятельно рекомендовалась другая политика... Послѣ каждой такой головомойки дѣдушка становился задумчивъ и грустенъ и... надо ужъ сказать объ одной стариковской слабости—выпивалъ больше чѣмъ слѣдуетъ... Въ такихъ случаяхъ онъ являлся въ тюрьму въ необычное время (иногда даже поздно вечеромъ, послѣ повѣрки), разговорчивый до болтливости, и тутъ изливалъ передъ кобылкой всѣ свои огорченія и страхи за будущее.

— Плохо наше дѣло, братики мои, плохо!

— Что случилось, дѣдушка?—спрашивали арестанты, съ тревогой обступая его кругомъ.

— Да ужъ носомъ я, братики мои, носомъ чую, что гроза сбирается на этотъ разъ неминучая. Изъ Питера, слышьте, бумага получена: «Подтянуть каторгу!»—дошли, молъ, туда вѣсти, что мало васъ плетьми порютъ, а отъ этого развратъ пошелъ, пьянство, лѣность, картежъ, грубіянство... Оно есть тутъ, бра-

тики мои, и правды немножко: картежники вы, лодыри — знаю я, чего грѣха таить (и дѣдушка подмигивалъ арестантамъ единэственнымъ глазомъ)... Да только какъ же быть-то? Въ чемъ тутъ штука? Надо въ разсчетъ взять и то: съ кого вамъ примѣры брать? Съ насъ, что ли, которые руководствовать поставлены? Эхма! Да вѣдь этому самому дьяволу, который давеча на меня-то раскричался, самому бы пора давно въ тюрьмѣ гнить! Вѣдь онъ, братики мои, что съ женой-то своей въ первую же ночь сдѣлалъ? Такое, что ежели разсказать вамъ, такъ вонъ Яшка Лобановъ—и тотъ, пожалуй, со стыда сгоритъ... Жена-то отъ него на другой же день къ родителямъ сбѣжала. Вотъ вѣдь, братики, штука-то какая выходитъ! Они плетями да розгами хотятъ вамъ тò дать, чего у самихъ въ душѣ нѣтъ... Я—старичокъ, я на мѣдные гроши былъ обученъ... Законы тамъ и прочее я не берусь судить... Ну, а все жъ настолько-то маракую, чтобъ сказать: это, вотъ, бѣлое, а вотъ это, молъ, черное!

— Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ, дѣдушка!—утѣшали старика арестанты, настроенные этимъ разговоромъ на философическій ладъ. Но дѣдушка только качалъ головой...

Какъ ни была, однако, тюрьма подготовлена къ какой ни-на-есть «каверзѣ» со стороны высшаго начальства, каверза разразилась въ совершенно неожиданной формѣ: вмѣсто Кузюмкина назначенъ былъ смотрителемъ нѣкій Гвоздиловъ, а дѣдушка перемѣщенъ на вновь учрежденную должность помощника... Старикъ никому не жаловался на свою личную обиду, но всѣ отлично понимали, чтò онъ долженъ былъ чувствовать, превратившись изъ полновластнаго хозяина въ простого исполнителя чужихъ распоряженій, и всѣ понимали также, почему онъ не выходитъ немедленно въ отставку: на шеѣ сидѣло многочисленное семейство, а до выслуги полной пенсіи оставался всего одинъ годъ...

И вотъ, разъ подъ вечеръ, каторга получила приказъ выстроиться на тюремномъ дворѣ въ двѣ правильныя шеренги; и не успѣла она опомниться, какъ въ широко распахнувшіяся ворота проворно влетѣла, оставляя далеко позади свиту надзирателей, длинная, тощая, размашистая фигура, одѣтая во все черное... Какъ рысь, пригибалась она къ землѣ, хищно вынюхивая воздухъ и зорко всматриваясь въ лица арестантовъ черными, какъ уголь, пронзительными глазами... Длинные, черные же усы, лихо закрученные вверхъ, придавали этому узкому, жесткому лицу изумительное сходство съ жужелицей... А сзади, между тѣмъ, трусилъ своей обычной мелкой рысцой одноглазый старичокъ въ потертой сѣрой «шинелкѣ» и морщился и ежился, точно отъ боли или холода.

— Смиррно! Шапки доло-ай!—грозно скомандовалъ вытянувшійся во фрунтъ надзиратель.

Гвоздиловъ молча впивался глазами въ стоявшихъ съ обнаженными головами людей.

— Здорово, братики, здорово!—стараясь бодриться, звонкимъ голоскомъ прокричалъ Кузюмкинъ.

И вся каторга, какъ одинъ человѣкъ, гаркнула:

— Здравія желаемъ, дѣдушка, отецъ, благодѣтель!!!

Гаркнула — и замерла въ изумленіи передъ собственной смѣлостью: вѣдь это былъ въ нѣкоторомъ родѣ протестъ, указаніе новому смотрителю, чѣмъ и какъ можетъ онъ пріобрѣсти ея расположеніе и любовь... И точно: Гвоздиловъ весь позеленѣлъ, услыхавъ такую дерзость... Съ страшно выпученными глазами добрыхъ полминуты смотрѣлъ онъ на Кузюмкина, а затѣмъ высокимъ фальцетомъ прокричалъ, задыхаясь отъ ярости:

— Этто... что этто значитъ, господинъ поручикъ?!

— Ась? Чего изволите? — приложивъ къ уху ладонь, нагнулся къ нему простодушный поручикъ, и на лицѣ его не видно было ни тѣни смущенія.

Гвоздиловъ съ явнымъ презрѣніемъ повернулся къ нему спиною.

— Здѣсь *я* начальникъ,—обратился онъ прямо къ арестантамъ,—одинъ только я, и на меня одного должны вы глядѣть все время, пока я тутъ нахожусь... Меня одного должны слушать! Говорятъ, вы тутъ распустились, облѣнились?.. Да и по лицамъ сейчасъ видно, что все отборные мерзавцы и негодяи... Ну, ничего! Я съ процентами верну вамъ тѣ плети, которыхъ вы такъ долго не получали... Плетью васъ, ракалій, прошибу, а не мягкостью обращенія! . . . .

— Точно стягомъ хорошимъ по затылку съѣздилъ! — такъ, расходясь по камерамъ, резюмировала кобылка впечатлѣніе этой краткой, но краснорѣчивой рѣчи.

И всѣмъ доставляло глубокое, даже преувеличенное удовлетвореніе, что дѣдушка не «обробѣлъ» передъ Гвоздиловымъ; нѣкоторыми выражалась даже увѣренность, что старикъ еще постоитъ за себя и своихъ братиковъ-арестантовъ...

III.

Новый смотритель присланъ былъ «подтянуть» тюрьму и, очевидно, понималъ это порученіе въ самомъ простомъ и буквальномъ смыслѣ: подтянуть значило — всѣхъ перепороть, не разбирая, кого и за что, нагнать кругомъ страхъ и трепетъ, водворить всюду вмѣсто прежнихъ громкихъ разговоровъ и пѣсенъ монастырское безмолвіе. И цѣль эта была достигнута вскорѣ блистательнѣйшимъ образомъ: едва показывался Гвоздиловъ на тюремномъ дворѣ, какъ огромное, мрачное зданіе превращалось въ могилу, и все живое спѣшило скрыться съ

поля его зрѣнія. Это не помѣшало, впрочемъ, арестантамъ, не забывающимъ острить и въ самыя горькія минуты жизни, окрестить новаго смотрителя шутливой кличкой — *Буканъ* (домовой).

— Насъ, малыхъ ребятишекъ, это Буканушка присланъ пугать! Зарѣзвились мы немножко, братцы, кузькину мать забывать стали, — ну, вотъ онъ и того... и вылѣзъ изъ темнаго угла... Чѣмъ не Буканка, въ самомъ дѣлѣ? Весь черный, глазищи—что твои кулаки, усы—какъ у таракана...

Такъ и утвердилось за Гвоздиловымъ новое прозвище.

Никакихъ перемѣнъ къ лучшему въ строѣ тюремной жизни при немъ, конечно, не произошло. Въ камерахъ по прежнему царила грязь и сушилось бѣлье; процвѣтала, хотя и болѣе тайно, картежъ; кухня оставалась притономъ всякаго рода интригъ и воровства... Прибавилось ко всему этому развѣ одно: арестантамъ неисправнѣе прежняго выдавались теперь вещи и съѣстные припасы, и все было гораздо худшаго качества, чѣмъ при дѣдушкѣ Кузюмкинѣ... Наконецъ, всѣ «добрые» надзиратели были постепенно уволены и замѣнены злюками и наушниками, не устававшими цѣлый день «гавкать» и сквернословить и даже пускавшими въ ходъ зуботычины и оплеухи.

Однако, не за то вовсе не взлюбила кобылка Гвоздилова, что при немъ пропадала значительная часть ея законнаго добра (въ тѣ времена этотъ порокъ не считался особенно тяжкимъ преступленіемъ), и не за то также, что онъ былъ сторонникомъ порки (тоже привычнаго тогда дѣла); но въ натурѣ и характерѣ этого человѣка чувствовалась одна черта, дѣлавшая его для каторги особенно ненавистнымъ: это была какая-то вѣчная хмурость, постоянно клокотавшая внутри озлобленность противъ всего, что по-человѣчески живетъ и по-человѣчески радуется... Онъ и съ свободными людьми обращался всегда грубо, жестко, презрительно; жилъ одиноко и нелюдимо, самого себя любя, по выраженію арестантовъ, только разъ въ году, и, вѣроятно, съ удовольствіемъ далъ бы себя высѣчь, если бы зналъ, что это хоть кому-нибудь на свѣтѣ доставитъ искреннее огорченіе...

Разъ, на вечерней повѣркѣ, Буканъ выразилъ удивленіе тому, что арестанты только читаютъ, а не поютъ установленныхъ въ этихъ случаяхъ молитвъ.

— Къ завтрашнему вечеру непремѣнно составить хоръ! — коротко распорядился онъ, и многимъ изъ арестантовъ распоряженіе это пришлось даже по вкусу.

— Что-жъ, въ самъ-дѣлѣ ребята,—разсуждали старички,— это онъ правильно... Пущай поютъ молитвы, а то новой пролопочетъ, ровно дьячокъ—не успѣешь и лба перекрестить.

И когда на другой вечеръ растворились настежь тюрем-

ныя ворота, и въ нихъ съ обычной ястребиной поспѣшностью влетѣлъ Буканъ, — удачно подобравшійся хоръ каторжныхъ такъ стройно и вмѣстѣ громозвучно завелъ «Отче нашъ», что у отвыкшихъ отъ хорошаго пѣнія слушателей побѣжали по спинамъ сладкія мурашки... Тенора уносились въ высь, казалось, подъ самое небо, а басы такъ и разстилались по самой землѣ...

— От-че нашъ! Иже еси на не-бе...

— Си!.. пустилъ кто-то могучей, прямо ужасающей октавой.

Даже угрюмый Буканъ любопытнымъ взоромъ окинулъ ряды пѣвчихъ, отыскивая счастливаго обладателя диковиннаго баса. Но въ эту самую минуту на крыльцо арестантской кухни выползъ, съ трудомъ волоча свои парализованныя заднія ноги, престарѣлый «Мальчикъ», съ незапамятныхъ временъ жившій въ тюрьмѣ, и, поднявъ кверху морду, залился недовольнымъ, жалобнымъ воемъ... Кое-гдѣ въ рядахъ кобылки послышался сдержанный смѣхъ... Гвоздиловъ страшно засопѣлъ носомъ и, какъ только кончилось пѣніе, завопилъ:

— Этто что? Со-ба-ка?! На какомъ основаніи собака живетъ въ тюрьмѣ?..

Ему никто не отвѣчалъ: основаній, дѣйствительно, никакихъ не было...

— Вы циркъ тутъ завели? Я вамъ покажу циркъ, канальи!.. Чтобъ сегодня же убрать собачонку!

Муху было бы слышно на тюремномъ дворѣ — не только грозный приказъ. Арестанты были ошеломлены: этого они никакъ не ожидали! Правда, нельзя даже сказать, чтобы Мальчикъ пользовался особенной благосклонностью кобылки: часто онъ голодалъ, часто терпѣлъ и побои... Но онъ болѣе десяти лѣтъ прожилъ въ тюремныхъ стѣнахъ, и всѣ до того привыкли къ его присутствію, что никакъ не могли примириться теперь съ мыслью о необходимости его потерять; что-то вдругъ всколыхнулось, вспыхнуло въ сердцахъ арестантовъ, и имъ всѣмъ неожиданно показалось, что они ужасно любили эту несчастную, охромѣлую и полуослѣпшую отъ дряхлости собаку... И, главное, никто не могъ уразумѣть смысла жестокой законности, запрещавшей собакѣ находиться въ тюремныхъ стѣнахъ!

Когда повѣрка прошла, въ камерахъ начались толки о случившемся.

— Помѣшала, вишь ты, ему собака, невинная животная! — съ негодованіемъ говорилъ молодой, еще безусый парень: — ну, и человѣкъ же, братцы мои!

— Кто? Это *онъ*-то человѣкъ? Отмочилъ тоже пулю. Ска-

зано тебѣ—Буканъ! Не ко двору, значитъ, ему нашъ Мальчикъ пришелся—вотъ и рѣшилъ со свѣта сжить.

— Да, жалко Мальчишку,—задумчиво посасывая трубку, разсуждалъ суроваго вида старикъ съ густыми сѣдыми бровями:—за этого пса я бы половину кобылки съ радостью отдалъ. Право, ну! Ума было въ этомъ псѣ столько, что прямо даже удивляться надо. Бывало, подойдетъ къ нему, помни, надзиратель либо солдатъ, погладить вздумаетъ, такъ онъ ажно ощепѣрится весь, зубы оскалитъ, зарычитъ; а подойди арестантъ, хоша бы до той поры онъ и въ глаза его не видывалъ,—дѣлай, что хочешь! Ногой въ бокъ пихай—все стерпитъ! Такая была собака удивительная. Понимала, значитъ, кто здѣсь несчастный...

— Что и говорить? Прямо тотъ же арестантъ былъ!—подтверждали другіе каторжные, вздыхая.

— Да, можетъ быть, дѣдушка вступится — застоитъ за Мальчика?—робко высказался чей-то оптимистическій голосъ.

Но большинство накинулось на этого оптимиста почти съ непонятнымъ остервенѣніемъ.

— Убирайся ты со своимъ дѣдушкой и бабушкой ко всѣмъ дьяволамъ! Что можетъ теперь твой дѣдушка? Онъ и самъ-то воняетъ, чуть только издали Букана завидитъ...

И скептики оказались правы: на слѣдующее утро Мальчика уже не оказалось въ тюрьмѣ... Говорили, будто, исполняя приказъ смотрителя, надзиратели пристрѣлили его за одной изъ ближайшихъ сопокъ...

Достойно замѣчанія, что съ этого именно времени начала падать среди кобылки популярность дѣдушки Кузюмкина, несмотря на то, что ни характеръ его, ни поведеніе ни на іоту не измѣнились сравнительно съ прежнимъ. Когда однажды Гвоздиловъ приказалъ ему высѣчь кого-то изъ арестантовъ, дѣдушка во всей точности продѣлалъ свой обычный ритуалъ самосѣченія; но времена были уже не тѣ, не тѣ и надзиратели... Букану въ тотъ же день было донесено о происшедшемъ, и онъ, прибѣжавъ немедленно въ тюрьму, велѣлъ въ собственномъ присутствіи дать арестанту двойную порцію назначенныхъ раньше розогъ, а Кузюмкину съ этихъ поръ пересталъ давать подобнаго рода порученія. И неблагодарная кобылка только посмѣялась надъ дѣдушкой!.. Арестантъ же, подвергшійся изъ-за него двойному наказанію, громко ругался, заподозрѣвая даже самую чистоту дѣдушкиныхъ намѣреній:

— Одноглазый чортъ! Руки коротки, а туды же изгнущаться надъ нашимъ братомъ лѣзетъ... Это прежде, небось, разгильдѣевскія-то права у васъ были, а нынче — шалишь, братъ! нынче ты ужъ оставь свой характеръ: пущай по закону насъ порютъ, да за то въ препорцію...

— Одна ихъ змѣиная порода!—соглашались самые умные, самые безпристрастные изъ арестантовъ:—Кабы онъ лучше иныхъ-прочихъ былъ, нешто сталъ бы у Букана въ помощникахъ служить?

Словомъ, это была жестокая, безсмысленная месть человѣку за то только, что онъ лишился силы, сталъ такимъ же слабымъ, какъ и они, беззащитные, озлобленные люди...

IV.

Узнавъ, что при дѣдушкѣ Кузюмкинѣ тюремныя камеры цѣлый день были отперты, Буканъ разсердился.

— Какъ! Такъ въ чемъ же заключалась каторга?.. Запереть ихъ, подлецовъ, подъ замокъ, сейчасъ же запереть!

И кобылку заперли. Но сидѣть день и ночь взаперти, въ грязныхъ, полныхъ табачнаго дыма и парашечнаго смрада камерахъ было, разумѣется, не очень пріятно, и артельный староста отправился къ Букану для переговоровъ. Онъ напомнилъ ретивому смотрителю о существованіи во всѣхъ тюрьмахъ, «согласно медицинѣ и инструкціи», опредѣленныхъ часовъ для прогулокъ арестантовъ и для провѣтриванія камеръ. Буканъ захохоталъ.

— Яица курицу учить? Да какъ вы смѣете, мерзавцы? Я вамъ—инструкція, я и медицина... Въ каторгу посылаютъ васъ затѣмъ, чтобъ сгноить здѣсь, а не быковъ выращивать!

При этомъ онъ такъ затопалъ на старосту ногами, что тотъ, боясь быть побитымъ, поспѣшилъ ретироваться.

Однако, время шло, и жизнь брала свое. Камеры по прежнему съ утра до вечера были на запорѣ, а добрая половина арестантовъ между тѣмъ цѣлый день толклась въ кухнѣ, игравшей роль тюремнаго клуба. Здѣсь всегда было людно, шумно и весело. Въ одной кучкѣ отводили душу, ругая Букана и новыхъ надзирателей, въ другой сообщали разные сенсаціонные слухи и новости, въ третьей, наконецъ, вспоминали о добрыхъ старыхъ временахъ, когда надзиратель являлся скорѣе товарищемъ, чѣмъ врагомъ арестанта. Между прочимъ, въ кухнѣ производились нерѣдко опыты надъ феноменальной физической силой нѣкоего Хлопухина, вѣчнаго каторжника. Онъ умѣлъ сплющивать пальцами мѣдные пятаки, и когда вытягивалъ впередъ свою длинную, точно изъ воловьихъ жилъ свитую руку, то ея не могли согнуть два самыхъ сильныхъ въ тюрьмѣ человѣка. Видя общее удивленіе, Хлопухинъ входилъ иногда въ задоръ и бросалъ хвастливый вызовъ:

— Ну-ка, вороній кормъ, выходите всѣ, кто тутъ есть, со мной на кулачки! Я середь кухни буду стоять, а вы на корточки садитесь. И кто сидитъ, того я пальцемъ не шевельну...

Вставайте тогда только, какъ ударить меня захотите... Ну, только помните, варначье мясо,—кого я на ногахъ захвачу, тотъ пощады не жди!

Арестанты, смѣясь, отклоняли опасный вызовъ.

— Вишь ты, дьяволъ желѣзный, чего захотѣлъ! Да что намъ—жизнь, что ли, надоскучила? Вѣдь ужъ въ лапы къ тебѣ попадешься—чего добраго, со свѣтомъ бѣлымъ распрощаешься?..

— Это ужъ какъ пить дать! соглашался Хлопухинъ и съ самодовольной усмѣшкой отходилъ прочь.

Товарищи его не любили, да и любить, правду сказать, было не за что. Это былъ тупой, ограниченный человѣкъ съ мрачнымъ и тяжелымъ характеромъ. Самая наружность не внушала ни малѣйшей симпатіи: огромный, неуклюжій, съ волосатыми руками и грудью, онъ имѣлъ широкое, отталкивающее лицо орангутанга. Большой картошко-образный носъ торчалъ въ видѣ какой-то посторонней шишки, а маленькіе, злые и хитрые глазки глубоко прятались подъ низкимъ черепомъ.

Хлопухинъ, кромѣ силы, отличался еще непомѣрнымъ обжорствомъ и съѣдалъ свою порцію баланды въ то время, когда остальные арестанты еще только крестили лбы и брали ложки въ руки. Тогда, облизываясь, онъ начиналъ весьма недвусмысленно оглядывать камеру, обдумывая, у кого быть отнять сегодня порцію.

— Эй, ты, татарская морда (или «цыганское чувырло»)! кричалъ онъ кому-нибудь,—не ѣшь всего, оставь мнѣ...—

Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ прибавляя, въ видѣ пустой, ни къ чему не обязывающей формы:

— Я ужо урокъ за тебя выроблю...

И почти никогда не случалось, чтобы арестанты ждали повторенія этой безсовѣстной просьбы: всѣ по опыту знали, что такое тяжелая и грубая лапа Хлопухина, когда она возбуждена гнѣвомъ... Мелкая подхалюзная шпана нерѣдко даже сама предлагала ему свои порціи, арестанты же съ амбиціей, не желавшіе ронять собственное достоинство и не смѣвшіе въ то же время отказывать Хлопухину, дѣлами видъ, что поступаютъ такъ вполнѣ добровольно.

— Ахъ, ты, черево ненаѣдное! Я ужъ сытъ давно, а онъ все еще не наѣлся... На, жери, собака!

Къ брани и къ насмѣшкамъ великанъ относился, впрочемъ, съ замѣчательнымъ равнодушіемъ—у него была слишкомъ толстая для этого шкура... Еще одной его слабостью былъ сонъ. Такъ какъ отъ работы онъ большею частью отлынивалъ, то—едва проходила утренняя повѣрка и кончалось чаепитіе—уже валился опять на нары, заворачивался съ головой въ шубу и почти тотчасъ же терялъ сознаніе. Сновъ онъ никогда никакихъ не видѣлъ, или, по крайней мѣрѣ, не помнилъ ихъ послѣ про-

бужденія. Когда камерный староста будилъ его въ полдень на обѣдъ, энергично дергая за ноги, Хлопухинъ съ бранью приподнимался на одномъ локтѣ и дикими, посоловѣлыми глазами осматривался кругомъ. Видъ пищи только на нѣкоторое время приводилъ его въ себя: съ жадностью акулы опорожнивъ бакъ съ баландой, онъ падалъ опять на нары и засыпалъ вплоть до вечерней повѣрки. Однако это ничуть не мѣшало ему и ночью спать непробуднымъ, истинно-богатырскимъ сномъ...

— Этому дьяволу каторга за плевокъ покажется! говорили про него арестанты.—Здоровъ, черти его задери, спать!

— Молите Бога, что здоровъ,—прибавляли другіе—сколько бы онъ намъ рукъ, ногъ поломалъ, кабы меньше дрыхнулъ.

И это была правда. Любимымъ занятіемъ Хлопухина въ бодрственномъ состояніи было раздавать направо и налѣво затрещины, въ особенности тѣмъ, отъ кого нельзя было ждать ни малѣйшаго отпора; арестантовъ-вожаковъ, которые сами пользовались въ тюрьмѣ репутаціей громилъ, онъ всетаки, какъ-будто, остерегался задирать, что при его безмѣрной физической силѣ казалось нѣсколько даже страннымъ... Съ своей стороны и вожаки, въ душѣ глубоко презиравшіе тупоумнаго гиганта, наружно выказывали ему извѣстную долю уваженія и по возможности старались не становиться на его дорогѣ. Если случалось, что грубый, безтактный Хлопухинъ задѣвалъ все таки и ихъ самолюбіе, они стремились обратить въ шутку полученное оскорбленіе.

— Охъ, пріятель!—пожалѣлъ бы ты хоть кулакъ-то свой,—вѣдь часомъ сломаешь?

Или:

— Не выспался, дружище? Али брюхо голодную пѣсню запѣло? Такъ вонъ у меня на полкѣ непочатая пайка лежитъ. Аппетиту я вовсе, братъ, рѣшился!

— О?!—радостно вскидывался Хлопухи́нъ, и обезьяньи глазки его сладострастно сверкали:—давай!..

— Подавись, родной мой, на здоровье! Жери во славу Божію! съ притворно-добродушной улыбкой бросалъ ему свой хлѣбъ тюремный громила.

Но былъ одинъ человѣкъ въ тюрьмѣ, ни за что не соглашавшійся покориться Хлопухину, и былъ это не какой-либо великанъ и главарь, а самая заурядная «шпана», слабый и тщедушный киргизъ Были́нда. Миніатюрная, забавная фигурка неопредѣленнаго возраста отличалась подвижностью ртути; каждая жилка въ этомъ маленькомъ человѣчкѣ безпокойно играла, и лицо ежеминутно выражало самые удивительные переливы мысли и чувства, то грусть, то радость, то гнѣвъ, то, наконецъ, самое дѣтское добродушіе. Когда Были́нда, улыбаясь, раскрывалъ свой ротъ съ выбитыми верхними зубами,

лицо его казалось иногда страшно безобразнымъ, благодаря широкому сплюснутому носу и большому багровому рубцу, тянувшемуся отъ праваго уха вплоть до лѣвой стороны рта; а иногда, наоборотъ,—оживленное парой умныхъ, блестящихъ глазъ и доброй, простодушной улыбкой,—оно теряло свою уродливость и начинало казаться пріятнымъ и почти милымъ... Глаза и руки Были́нды знали покой только во время сна, но и языкъ его тоже ни на минуту не уставалъ двигаться, забавно лопоча на своемъ странномъ нарѣчіи—смѣси киргизскихъ и русскихъ, до-нельзя перековерканныхъ словъ. Но, благодаря богатому комментарію жестовъ и одушевленной мимикѣ лица, арестанты прекрасно понимали маленькаго киргиза и посвоему симпатизировали ему. Съ самаго же начала не взлюбивъ Хлопухина, Былинда какъ-то назвалъ его «шайтанъ-дыра», очевидно, желая сказать «шайтанъ-гора», но смѣшавъ двѣ русскихъ буквы, и кобылкѣ ужасно понравилось это смѣшеніе.

— Ну, и Были́нда!—смѣялась она не безъ тайнаго злорадства:—не кыргысъ, а прямо—два съ боку... Славно окрестилъ нашего урода: шайтанъ-дыра!—что вѣрно, то вѣрно. Настоящая чортова дыра! Въ эту дыру хоть сто барановъ за одинъ разъ опусти, она все жрать будетъ просить.

Не понимая, про что говорятъ, но видя, что его хвалятъ, Былинда довольно ухмылялся и упорно повторялъ.

— Шайтанъ-дыра и есть! Настояшъ шайтанъ-дыра! Моя всегда правда говорійтъ.

А тотъ, о комъ шла рѣчь, лежалъ въ это время преспокойно на нарахъ, точно и не слыша ничего: что значило, въ самомъ дѣлѣ, для него, могучаго и огромнаго, это трусливое комариное жужжаніе!..

Были́нда, къ сожалѣнію, не думалъ ограничиваться жужжаніемъ и нерѣдко, получивъ отъ Хлопухина затрещину, задорно-смѣло вступалъ съ нимъ въ рукопашныя схватки, на толчокъ отвѣчая толчкомъ, на ударъ ударомъ. Дивясь его дерзости, арестанты встрѣчали эти безумныя выходки гомерическимъ хохотомъ, какъ нѣчто уморительно—смѣшное и забавное. Хлопухинъ первое время тоже только удивлялся: маленькій, болтливый инородецъ казался ему какимъ-то игрушечнымъ человѣчкомъ, котораго нельзя было и принимать въ серьезъ за противника. А Былинда, между тѣмъ, съ яростно искаженнымъ лицомъ жестикулировалъ своими крошечными кулачками и кричалъ великану въ самое лицо:

— Ты моя не тронь, и я твоя не тронь... Моя знай, братъ, что сталъ дѣлать. Былинда твоя башка долой сѣкай! Шайтанъ-дыра, идь паласъ (собачій сынъ)!

— Охъ, уморушка, братцы! — корчились въ судорогахъ смѣха зрители. Гоготалъ и Хлопухинъ.

Сцены эти повторялись такъ часто, что у послѣдняго, должно быть, лопнуло, наконецъ, терпѣніе: онъ схватилъ однажды храбро наступавшаго киргиза поперекъ туловища (какъ поддѣваетъ иногда на рога быкъ хватающую его за икры собачонку), приподнялъ вверхъ ногами, далъ по нимъ нѣсколько здоровыхъ шлепковъ и — безъ всякаго видимаго усилія — швырнулъ одной рукой на нары, на чью-то постель.

Все это случилось удивительно быстро и неожиданно. Публика загрохотала въ неистовомъ весельи, искренно привѣтствуя, какъ всегда, побѣдителя, а тотъ даже, не улыбнувшись, направился къ двери. Но тутъ произошло что-то еще болѣе неожиданное: кто-то взвизгнулъ нечеловѣчески яростнымъ, пронзительно-тонкимъ голосомъ, кто-то другой рявкнулъ, какъ смертельно раненый медвѣдь или боровъ...

Арестанты повскакали на ноги, протирая глаза и силясь понять, что происходитъ. На полу барахтался поваленный великанъ, а вокругъ его огромной туши извивался, точно змѣя, проворный киргизъ, быстро поднимая надъ головой и опять опуская куда попало что-то тонкое и блестящее... Кругомъ воцарилось на минуту мертвое молчаніе, и лишь когда въ воздухѣ перестала, наконецъ, мелькать рука Были́нды, и кости его захрустѣли въ могучихъ объятіяхъ Хлопухина, все опять заговорило и закричало:

— Скорѣй бѣгите, ребята, за надзирателемъ! За смотрителемъ! Караулъ! Человѣка убили!..

Но еще раньше, чѣмъ явилось начальство, побоище кончилось само собою: Хлопухинъ, лишившись внезапно чувствъ, опрокинулся навзничь въ лужу собственной крови, а подлѣ него лежалъ Были́нда со сломаннымъ ребромъ и вывихнутыми руками... Киргизъ былъ живъ, а великанъ казался совсѣмъ мертвымъ.

У многихъ вырывались торжествующіе возгласы:

— Издохъ гадъ проклятущій!.. Туда и дорога аспиду!.. Онъ бы насъ, ребята, всѣхъ тутъ перекалѣчилъ...

И еслибы не набѣжавшіе, наконецъ, надзиратели съ дѣдушкой Кузюмкинымъ во главѣ, то пожалуй, не одна мстительная нога дала бы пинокъ поверженному врагу... Но ликованія были преждевременны: обморокъ продолжался всего одно мгновеніе, и Хлопухинъ пришелъ въ себя... Онъ дико смотрѣлъ на столпившееся кругомъ начальство, на кровь, которою залитъ былъ весь полъ, на то, какъ арестанты уносили въ лазаретъ изувѣченнаго Были́нду и, казалось, не понималъ, что случилось... Должно быть, онъ подумалъ, что убилъ чело-

вѣка, потому что, къ немалому изумленію всѣхъ, плаксиво заговорилъ:

— Простите, ваше благородіе! Не хотѣлъ убивать, видитъ Богъ—не хотѣлъ... Самъналѣзалъ—свидѣтели скажутъ... Не моя вина...

— Что ты, братикъ ты мой?—отвѣчалъ не меньше другихъ удивленный дѣдушка:—объ винѣ ли теперь рѣчь?—покамѣсть обоихъ васъ лечить надо... Смотри-кось, кровищи-то здѣсь что напущено—вѣдь это, братикъ мой, изъ тебя... Ровно тутъ быка рѣзали!

Только теперь Хлопухинъ, все еще сидѣвшій на полу, въ крови, сообразилъ въ чемъ дѣло, и вдругъ заревѣлъ, какъ самая настоящая баба:

— Ваше благородіе, помилуйте, не помѣщайте, ради Христа, въ лазаретъ!

— Какъ такъ? Почему? Съ ума ты сошелъ?

— Да *онъ* тамъ дорѣжетъ меня!

— Кто *онъ*? Что ты городишь?

— Былинда, кыргысъ...

Кобылка была окончательно ошеломлена: знаменитый силачъ, непобѣдимый боецъ оказывался такимъ жалкимъ трусомъ, такой противной тряпкой!..

Явился въ тюрьму самъ Буканъ и прежде всего надавалъ пощечинъ камерному старостѣ и накричалъ на надзирателей. Онъ хотѣлъ было наброситься также и на Хлопухина, но при видѣ крови сдержалъ гнѣвъ и вмѣстѣ съ Кузюмкинымъ принялся обсуждать вопросъ о размѣщеніи изувѣченныхъ противниковъ: въ тѣсномъ зданіи арестантской больницы, пожалуй, и дѣйствительно могло случиться смертоубійство... Рѣшено было, поэтому, Хлопухина помѣстить въ карцерѣ, и тамъ фельдшеръ впервые осмотрѣлъ и перевязалъ его раны. Къ общему удивленію, оказалось при этомъ, что изъ восьми нанесенныхъ киргизомъ ударовъ не было ни одного сколько-нибудь серьезнаго; маленькій, самодѣльный арестантскій ножъ могъ причинить лишь поверхностные порѣзы и царапины, и фельдшеръ недоумѣвалъ, какимъ образомъ человѣкъ такой огромной физической силы лишился чувствъ отъ одного лишь—въ сущности, незначительнаго—кровопусканія... Три дня спустя Хлопухинъ былъ уже совершенно здоровъ и вернулся обратно въ тюрьму, гдѣ Буканъ велѣлъ дать ему сто розогъ; Былйнда же цѣлыхъ четыре мѣсяца пролежалъ въ лазаретѣ.

За то Хлопухинъ съ этого времени навсегда утратилъ былое обаяніе. Онъ былъ непобѣдимымъ и грознымъ до тѣхъ только поръ, пока всѣ его боялись, и никто не осмѣливался дать серьезный отпоръ; теперь въ немъ открылась ахиллесова пята—трусость... Стоило съ этой поры любому изъ самыхъ даже

«дешевыхъ» арестантовъ схватиться за ножикъ и принять рѣшительный видъ — и слабоумный великанъ пасовалъ передъ нимъ: съ злобнымъ рычаньемъ дикаго звѣря, которому показали каленое желѣзо, онъ пугливо съеживался и ретировался въ свой уголъ... Арестанты стали даже называть его, въ насмѣшку, Хлопушей, вмѣсто Хлопухина, т. е. вралемъ и бахваломъ: имъ казалось, что онъ обманулъ ихъ довѣріе, совершилъ какое-то сознательное надувательство, столько времени разыгрывая роль героя, а подъ конецъ оказавшись самой чистокровной, обыкновенной «шпаной»...

Что касается Былинды, то маленькій, безобразный киргизъ положительно завоевалъ общее уваженіе тюрьмы, и самые сильные, самые властные представители каторги не то покровительственно, не то почтительно хлопали его теперь по плечу и говорили:

— А, другъ Былинда! Что скажешь, товарищъ? Якши обработалъ ты нашего Хлопушу, ай якши! Молодчага!

Былинда, въ свою вчередь, радостно кивалъ головой и, скаля выбитые зубы, лопоталъ:

— Э, товаришъ! моя не боися такой шайтанъ-дыра... Моя сичасъ ножикъ бирайтъ и башка сикайтъ! Пущай онъ моя убивай, нога, рука ломай, пущай! Моя терпѣйтъ не стань. Нѣтъ, не стань, товаришъ!

— Такъ, такъ, товарищъ, это хорошо. Онъ и по-сейчасъ вѣдь, какъ завидитъ тебя на дворѣ, въ сторону норовитъ: все думаетъ—зарѣжешь, сердце на него имѣешь.

Веселые глаза киргиза омрачались при этихъ словахъ печалью.

— Какой серса?—говорилъ онъ,—моя сосѣмъ нѣтъ серса... Шайтанъ-дыра моя билъ... День, два, недѣля прошелъ — Былинда все, все забывай! Такой глупый умъ. На, братъ Клопука, кушай мой хлѣбъ, пей моя вода... Вотъ какой товаришъ Былинда!

— Ну, да! тоже пальца-то въ ротъ тебѣ не клади... Вта поры еще бъ малость—и всю бы пачину *) ему разворотилъ!—смѣялись арестанты, любовно хлопая по спинѣ самолюбиваго киргиза.

V.

Наступала весна, пора возрожденія и торжества природы. Но въ жизни человѣка, закованнаго въ цѣпи, это самое тяжелое и мучительное время во всемъ году.

— Какъ хорошо жить на свѣтѣ! — шепчетъ ему горячее весеннее солнце, неслышно скользя по просвѣтлѣвшей лазури:

---

*) Брюхо.

какъ великъ, какъ прекрасенъ Божій міръ! Уйдемъ, уйдемъ отсюда—я покажу тебѣ широкія рѣки, густолиственные лѣса, счастливыхъ и вольныхъ людей... Бѣжимъ, бѣжимъ!

И какъ же ненавидитъ порой несчастный узникъ этого коварнаго въ своихъ ласковыхъ призывахъ Бога свѣта, тепла и радости! Ужъ лучше бы никогда не зеленѣло безконечное море сопокъ, не шумѣлъ на нихъ ароматный лиственичный лѣсъ и не разливался алымъ пожаромъ цвѣтъ шиповника и богульника; никогда бы лучше не плакали кукушки! Въ холодную пору общей смерти и запустѣнія легче жить въ четырехъ стѣнахъ, слушать лязганье кандаловъ и ружей...

Весной сильнѣе тоскуетъ даже безсловесная, неразумная тварь—птица, посаженная въ клѣтку; а человѣкъ, даже и самый недалекій, вѣдь разумнѣе все же птицы. Затосковалъ и Хлопухинъ, и прежде всего выразилась его тоска въ томъ, что спалъ онъ теперь еще больше прежняго. Казалось, если бы въ суткахъ было 48 часовъ, онъ съ удовольствіемъ проспалъ бы ихъ всѣ, не пробуждаясь, но, что всего удивительнѣе,—проснувшись, онъ сидѣлъ иногда на нарахъ въ глубокой задумчивости, словно силясь что-то припомнить, и порой легкая улыбка скользила по его толстымъ, всегда точно надутымъ губамъ: очевидно, и въ этомъ отупѣломъ мозгу весна сѣяла свои лучезарныя сѣмена—грёзы и сны... И это были сны все на одну, общую для всѣхъ заключенныхъ, тему: о волѣ, о побѣгахъ изъ-подъ тюремнаго затвора... Какъ могуча и плодовита на этотъ счетъ фантазія арестанта! Сколько самыхъ невозможныхъ и оригинальныхъ варіацій освобожденія умѣетъ она придумать!

Но тюрьма оберегалась зорко, и для того, чтобы дѣйствительно уйти изъ нея, нужно было рискнуть шкурой, а охотниковъ на это мало на свѣтѣ. Не изъ ихъ числа былъ и Хлопухинъ. Оставалось, слѣдовательно, мечтать да спать больше. Не мало удивлялась кобылка тому, что этотъ примѣрный лѣнтяй и лодырь полюбилъ за послѣднее время ходить въ рудникъ, гдѣ работа была подчасъ очень нелегкая; но при его необычайной физической силѣ урокъ буренья оканчивался очень скоро, и тогда великанъ, улегшись на отвалѣ, грѣлся на весеннемъ солнышкѣ. Изъ рудника, входъ въ который расположенъ былъ на высокой горѣ, открывался очень красивый видъ: за горами высились горы, одна величавѣй, одна живописнѣй другой, и совсѣмъ близко благоухала тайга, уже одѣтая зеленымъ пухомъ и наполненная веселымъ птичьимъ гамомъ... Но, собственно, не поэзія ожившей природы привлекала вниманіе загрустившаго каторжника: его глаза все время устремлены были на стоявшій невдалекѣ домикъ горнаго уставщика и на происходившую вокругъ него незатѣйливую хозяйственную

жизнь. Толстая кухарка выходила на крыльцо съ подтыканнымъ высоко подоломъ и тутъ же выливала изъ таза грязную воду; свинья съ поросятами быстро подбѣгала и съ радостнымъ визгомъ и хрюканьемъ подлизывала вылитыя помои; бородатый кучеръ въ вольной одеждѣ (Хлопухинъ, впрочемъ, отлично зналъ, что это былъ арестантъ-вольнокомандецъ, Андрюшка Клушинъ) велъ на водопой пару гнѣдыхъ лошадей съ бѣлыми подпалинами; появлялся откуда-то и пѣтухъ съ перьями классическаго соломеннаго цвѣта и, горделиво выгнувъ зобастую шею, караулилъ свой куриный гаремъ, состоявшій изъ трехъ невзрачныхъ курицъ и цѣлаго выводка маленькихъ, суетливыхъ цыплятъ... Какъ эти крошки забавно пищали и, подражая старшимъ, разгребали ножками соръ и песокъ!

Должно быть, какое-то старинное, дорогое воспоминаніе, точно забытый прекрасный сонъ, всплывало каждый разъ въ застоявшемся мозгу Хлопухина при видѣ этой деревенской идилліи — на лицѣ его появлялась глупѣйшая улыбка, а изо рта вылетали странные хриплые звуки, похожіе на радостное жеребячье ржаніе... Хлопухинъ былъ когда-то крестьяниномъ одной изъ центральныхъ русскихъ губерній, и куры, надо думать, воскрешали въ его памяти какую-нибудь блаженную страницу того далекаго, мирнаго существованія...

Кончились эти долгія хозяйственныя созерцанія тѣмъ, что въ одинъ чудный майскій день, вернувшись съ работы въ тюрьму, Хлопухинъ принесъ въ своихъ гигантскихъ рукавицахъ двухъ хорошенькихъ желтыхъ цыплятокъ... Для чего? Онъ и самъ не могъ бы толково объяснить свой поступокъ, но на уродливомъ, корявомъ лицѣ его свѣтилось какое-то несвойственное ему мягкое выраженіе, а по толстымъ, какъ оладьи, губамъ все время блуждала, хотя и мало осмысленная, но добродушная усмѣшка. Кобылка окружила его съ насмѣшливымъ гоготаньемъ.

— Глядите-ка, ребята, Хлопуша нашъ растрёсся. Но, не обращая вниманія на шутки и насмѣшки, Хлопухинъ продолжалъ ухмыляться и матерински-ревнивымъ окомъ слѣдить за своими немолчно пищавшими питомцами. Скоро нашлись, однако, и сердобольныя души: одни крошили цыплятамъ свой хлѣбъ, другіе ставили передъ ними воду, третьи натащили изъ кухни украденной у повара гречневой крупы. Прекративъ пискъ и дергая голыми еще крылышками, цыплята съ жадной поспѣшностью налетали на подставляемый кормъ и быстро подбирали хлѣбъ и крупу. Толпа, между тѣмъ, росла и росла въ камерѣ. Шутки смѣнились вскорѣ серьезнымъ обсужденіемъ вопроса.

— Какъ же ты будешь ростить ихъ безъ матери?

— Такъ и буду. Въ рудникъ брошу ходить.

— А Буканъ-то?

— Чаго Буканъ?

— Да развѣ не знаешь, какъ онъ животную не любитъ? Развѣ дозволитъ онъ въ камерѣ животную держать?

Но, какъ всегда, нашлись тотчасъ же оптимисты, которые обрушились на скептика.

— Да мякинная твоя башка, поросячьи мозги!—нешто птица—животная? Птица—она вольное творенье. Взять, хотя бы, теперь голубя. Ежели бъ мы вздумали приручить его, чтобъ онъ къ намъ въ форточку леталъ, нешто Буканъ могъ бы воспрепятствовать? Нѣтъ, братъ, руки коротки, а крылья-то еще не вырощены!

— Это вѣрно, ребята! На птицу онъ власти не имѣетъ, птица—Божья тварь!

Скептики пробовали возражать что-то вродѣ того, что курица, молъ, не настоящая птица, но и они на столько увлеклись въ концѣ концовъ идеей завести въ тюрьмѣ куръ, что вмѣстѣ съ другими принялись ломать голову надъ пріисканіемъ мѣръ сокрытія цыплятъ отъ всевидящаго ока надзирателей. Чуть только доносилось изъ другого конца корридора бряцанье надзирательскихъ ключей, какъ уже два-три «вѣстника» бросалось со всѣхъ ногъ въ камеру извѣщать Хлопухина о приближающейся опасности, и цыплята моментально прятались въ рукавахъ его халата. Все это и смѣшило, и вмѣстѣ приводило въ восторгъ арестантовъ...

— Ахъ, ты, куриный командёръ! Эстолько силищи накопилъ, а ума—ни крошки!—иронизировали разные солидные представители каторги, что не мѣшало, однако, въ другое время и имъ самимъ подавать «куриному командёру» разнаго рода практическіе совѣты и мечтать чуть ли не о томъ будущемъ, когда цыплята станутъ нести яйца...

— Безпремѣнно, братцы мои, этотъ махонькій желтенькій курочка будетъ... Цыпъ! цыпъ! цыпъ!.. А, чтобъ тебя язвило!—ухмыляясь во всю бородатую рожу, манилъ къ себѣ облюбованнаго цыпленка какой-нибудь громила, на совѣсти у котораго была не одна человѣческая (а въ томъ числѣ, можетъ быть, и дѣтская) жизнь.

Новые обитатели тюрьмы положительно вскружили арестантамъ головы, и на нѣкоторое время они сами превратились въ милыхъ, добродушныхъ дѣтей... Даже изъ другихъ камеръ приходила кобылка посмѣяться и поглядѣть на любимцевъ каторги. Хлопухинъ, котораго всѣ до сихъ поръ или ненавидѣли или презирали, считая за какой-то бездушный комокъ мяса, превратился нежданно-негаданно въ центральную личность, на которой сосредоточивалось общее вниманіе, и ему, видимо, очень льстила эта почетная роль.

Въ какихъ-нибудь двѣ недѣли цыплята подросли, между

тѣмъ, настолько, что ихъ стало уже рискованно держать въ камерѣ; они оперились, стали проворнѣй и зорче, и когда подавался сигналъ объ опасности, уже не такъ-то было легко изловить ихъ и спрятать. На общемъ совѣтѣ рѣшено было, поэтому, втеченіе дня держать ихъ свободно на тюремномъ дворѣ: тамъ всегда разгуливало множество всякой залетной птицы, голубей, плисокъ, щурковъ и даже воронъ, и начальство не могло обратить особеннаго вниманія на появленіе среди нихъ двухъ новыхъ пернатыхъ гостей. Разсчетъ оказался вѣрнымъ. Цыплята невозбранно стали бѣгать позади тюрьмы и кухни; но еще задолго до вечерней повѣрки (въ силу общей куриной слабости—рано ложиться спать) они заходили въ предбанникъ и тамъ беззвучно и скромно садились на приготовленную для нихъ насѣсть. Однимъ словомъ, все устроилось какъ нельзя лучше, и казалось, что новые фавориты тюрьмы будутъ жить въ ней, если не безконечное, то во всякомъ случаѣ неопредѣленное время.

VI.

Какъ ни быстро выростали цыплята, однако, все еще возможны были споры о томъ, пѣтухи это или курицы. Споры бывали ожесточенны, и тюрьма дѣлилась на двѣ партіи, изъ которыхъ каждая имѣла своихъ авторитетныхъ экспертовъ. Большинству, въ томъ числѣ и Хлопухину, ужасно хотѣлось, чтобы одинъ изъ питомцевъ оказался курицей, и кандидатомъ на это званіе былъ уже намѣченъ шустрый рыженькій цыпленокъ, замѣчательно ручной и общительный. Но вотъ, въ одинъ прекрасный день, Рыжикъ взлетѣлъ на плечо къ своему хозяину, раскрылъ широко клювъ и преуморительно важно прокричалъ:

— Ку-кар-к!...

Прокричалъ и поперхнулся, очевидно, замѣтивъ, какое потрясающее впечатлѣніе произвелъ на публику... Хлопухинъ, не далѣе какъ утромъ этого дня клявшійся и божившійся, что Рыжикъ—курица, снялъ его неспѣшно съ плеча, посмотрѣлъ укоризненно и, подъ неистовый хохотъ кобылки, разразился энергичной пятиэтажной бранью...

— Ахъ, ты, сукинъ сынъ, куриный ты прихвостень! Обманулъ, черная тебя немочь возьми!..

Но пѣтухъ, должно быть, чуялъ, что въ брани хозяина не было непримиримой злобы и, заигрывая, клевалъ его жилистую, волосатую руку. И эта грубая рука, дѣйствительно, безъ всякой злобы гладила Рыжика по его краснымъ съ мелкими рябинками перышкамъ, а укоризненно склонившееся страшное лицо, изрыгая хулы, самодовольно ухмылялось, точно мать, которая гордится на славу выросшимъ сыномъ...

Второй пѣтушокъ, относительно пола котораго давно уже не было никакихъ сомнѣній, совсѣмъ не походилъ характеромъ на Рыжика: онъ росъ гордецомъ и дикаремъ, никого не признавая хозяиномъ, никого не подпуская къ себѣ ближе, какъ на пять шаговъ. И видъ у него былъ своеобразный, совсѣмъ не пѣтушиный. Опереніе появлялось крайне медленно, и долгое время пѣтушокъ, уже довольно большой, ходилъ, словно ощипанный, неуклюжій, съ голою длинною шеей и и высокими, какъ у аиста, ногами; даже много позже, когда перья уже отросли по-немногу, вмѣсто хвоста все еще торчалъ какой-то короткій, некрасивый обрубокъ. Но зоркихъ глазъ знатоковъ куриной породы не обманывала эта внѣшняя неказистость.

— Помяните ужо, братцы,—изъ этой птички настоящая птица выйдетъ!

И чѣмъ дальше шло время, тѣмъ все больше оправдывалось это предсказанье: Орленокъ (такъ прозвали арестанты дикаго, вольнолюбиваго пѣтушка) превращался въ замѣчательно красиваго, ярко и оригинально опереннаго пѣтуха. Только нравъ его не измѣнился; съ длинной лебединой шеей, которая при малѣйшемъ подозрительномъ шорохѣ вытягивалась далеко впередъ, съ поджатой подъ себя одной ногой, онъ сильно походилъ на готовящагося къ побѣгу страуса, какъ рисуютъ его на картинкахъ.

Какъ только наступалъ каторжный день, Хлопухинъ съ кускомъ хлѣба въ рукѣ шелъ на дворъ разыскивать своихъ любимцевъ. Рыжикъ, едва заслышавъ его шаги и голосъ, уже летѣлъ, сломя голову, навстрѣчу, и только Орленокъ недовѣрчиво стоялъ вдали въ позѣ горделиваго ожиданія.

— Вишь, скотина неблагодарная! Забылъ, кто тебя спасъ, кто выростилъ?—ворчалъ Хлопухинъ, давно почему-то увѣрившій самого себя, что онъ спасъ пѣтуховъ отъ неминучей погибели. Но Орленокъ никакого вниманія не обращалъ на эти попреки и становиться ручнымъ попрежнему не изъявлялъ ни малѣйшей склонности. Но именно за это-то свободолюбіе большинство арестантовъ и любило Орленка и отыскивало въ немъ самыя необыкновенныя свойства. Размечтавшись, нѣкоторые высказывали даже догадку, что это, можетъ быть, и не пѣтухъ вовсе, а птенецъ, высиженный курицей изъ яйца какой нибудь «вольной» птицы...

— Орленокъ — это нашъ братъ-арестантъ,—говорили они, любовно оглядывая гордаго пѣтушка.—Рыжикъ что передъ нимъ? Дешевка! Онъ, что есть, ни за табачную понюшку — за ржаную крошку всякому продастъ свою волю, а эта птичка... Нѣтъ, шалишь, братъ! Ему воля дороже всего на свѣтѣ!

Разъ утромъ, отыскавъ своихъ питомцевъ на ихъ любимомъ

мѣстѣ, за кухней, близь помойной ямы, Хлопухинъ остановился въ непріятномъ изумленіи: тамъ, на корточкахъ, въ желтомъ лазаретномъ халатѣ, сидѣлъ какой-то крохотный арестантикъ и... не говоря ужъ о продажномъ Рыжикѣ, самъ гордый Орленокъ стоялъ, не болѣе какъ въ трехъ шагахъ отъ него, не выражая ни обычной дикости, ни подозрительности. Но не успѣло въ груди великана проснуться и оформиться чувство зависти къ счастливому сопернику, какъ чувство это быстро смѣнилось испугомъ: на землѣ сидѣлъ не кто иной, какъ его смертельный врагъ—Былинда!.. Хлопухинъ хотѣлъ было неслышно ретироваться, но было уже поздно: киргизъ замѣтилъ его и радостно закричалъ:

— Смотри, смотри, Хлопука, она моя не боися, совсѣмъ не боися... Она моя языкъ понимай... Кр!.. Тр!.. Гр!..—быстро залопоталъ онъ что-то на своемъ гортанномъ нарѣчіи, въ то же время еще придвигаясь потихоньку къ Орленку. И Орленокъ точно и въ самомъ дѣлѣ понималъ, что ему говорилъ маленькій киргизъ, глядѣлъ умными, внимательными глазами, вовсе и не думая убѣгать прочь.

Былинда не рѣшился, однако, черезчуръ искушать судьбу и, остановившись на очень близкомъ разстояніи, поспѣшно началъ разбрасывать бѣлыя пшеничныя крошки своего больничнаго хлѣба. Пѣтухи жадно и довѣрчиво подбирали ихъ.

Былинда съ торжествомъ поглядѣлъ опять на Хлопухина, и послѣдній окончательно убѣдился, что въ его взглядѣ не было ничего, кромѣ самой неподдѣльной радости и безпечности. Тогда и онъ весело оскалилъ зубы.

— Вишь ты, собачій сынъ, въ самъ-дѣлѣ не боится!.. А подойди-ка я...

И точно, не успѣлъ онъ ступить впередъ двухъ шаговъ, какъ Орленокъ, не соблазняясь даже и бѣлыми крошками, отскочилъ прочь и, вытянувъ долгую шею, поджавъ одну ногу, весь настороживишсь, безпокойно оглядывалъ хозяина.

Хлопухинъ еще разъ осыпалъ его бранью, Былинда же еще разъ засмѣялся. И послѣ того недавніе смертельные враги довѣрчиво стали бесѣдовать.

Съ этого дня завязалась странная дружба. Если Хлопухину почему либо нельзя было слѣдить за пѣтухами, обязанности его исполнялъ Былинда, а когда Былинда усиленно хворалъ и не выходилъ изъ лазарета (онъ все кашлялъ послѣ страшныхъ зимнихъ побоевъ), тогда Хлопухинъ и его питомцы замѣтно скучали въ одиночествѣ и тоскливо поглядывали въ ту сторону, откуда могъ появиться желтый халатъ киргиза. Дѣло кончалось обыкновенно тѣмъ, что Хлопухинъ не выдерживалъ и шелъ въ лазаретъ; тамъ, приблизившись къ койкѣ больного,

онъ тихонько спрашивалъ его своимъ грубымъ, звѣроподобнымъ голосомъ:

— Ты чего-жъ, татарская твоя лопатка, коли не можешь самъ, не прислалъ сказать: кормилъ сегодня птицу или нѣтъ?

И Былинда нисколько не обижался этой грубостью; напротивъ, онъ радостно приподнимался на койкѣ и, отвѣтивъ на вопросъ, въ свою очередь спрашивалъ, блестя глазами:

— А что, товаришъ, Буканъ нѣтъ видалъ птису? Назиратель ничего не говорійтъ?

— А чего ему говорить?—равнодушно ковырялъ въ носу Хлопухинъ.

— Бери, товаришъ, моя булка... Коли птиса сытъ, кушай самъ! Моя не нада...

Хлопухинъ послушно бралъ булку, выпивалъ кстати и молоко киргиза, и этимъ кончался его визитъ къ больному товарищу.

Гвоздиловъ во время своихъ обходовъ тюрьмы долго не обращалъ никакого вниманія на цыплятъ, должно быть, принимая ихъ,—какъ и предсказывали арестанты,—за голубей или какую нибудь иную «вольную» птицу. Но цыплята все росли и выравнивались—и вотъ сдѣлались, наконецъ, больше самаго большого голубя. Тогда зоркій глазъ Букана въ одинъ злополучный день упалъ таки и на нихъ...

— Староста! это что за куры?—окликнулъ онъ стоявшаго по близости съ шапкой въ рукахъ артельнаго старосту.

Староста былъ умный и дипломатичный мужикъ.

— Не могу знать, ваше высокоблагородіе,—отвѣчалъ онъ съ веселой искоркой въ глазахъ:—озорные чьи-то пѣтушонки, все залетаютъ къ намъ черезъ ограду.

Это объясненіе, казалось, удовлетворило Букана, и онъ молча ушелъ изъ тюрьмы. Но и въ другой, и въ третій разъ увидалъ онъ пѣтуховъ и, наконецъ, началъ сильно «крутить» носомъ.

— Эй, надзиратели! Староста!—завизжалъ онъ однажды, выходя изъ себя:—выгнать сейчасъ же пѣтуховъ! Поймать! Дознаться—чьи!..

Не смѣя ослушаться, надзиратели тотчасъ же принялись за выполненіе приказа; лицемѣрно кинулись помогать имъ и случившіеся подлѣ арестанты. Когда дѣло загнанныхъ въ уголъ пѣтуховъ представлялось совсѣмъ проиграннымъ, какой-нибудь парашникъ, точно въ порывѣ усердія, бросался подъ ноги надзирателю, уже протянувшему руки къ Рыжику или Орленку, и тотъ, потерявъ равновѣсіе, съ бранью и проклятіями, летѣлъ носомъ въ песокъ или въ тюремныя пали... А пѣтухи, съ визгомъ и кудахтаньемъ, уносились тѣмъ временемъ далеко отъ погони... Орленокъ, отбѣжавъ въ противоположный уголъ, глядѣлъ оттуда съ дикимъ озлобленнымъ видомъ, словно давалъ

клятву передъ всѣмъ свѣтомъ лучше погибнуть, чѣмъ сдаться врагу живымъ; Рыжикъ же, взлетѣвъ на высокій навѣсъ тюремнаго крыльца, побѣдоносно хлопалъ крыльями и хвастливо оралъ на весь дворъ «ку-ка-реку».

Словомъ, на дворѣ поднялась такая суматоха, что Буканъ, не выдержавъ, плюнулъ, махнулъ сердито рукой и убѣжалъ за ворота...

Праздновать побѣду, однако, не приходилось: разъ недреманное око начальства обратило, наконецъ, вниманіе на незаконное пребываніе въ тюрьмѣ двуногихъ птичьей породы, для всѣхъ было ясно, что пѣсня ихъ спѣта, дни сочтены... Все дѣло заключалось теперь лишь въ нѣкоторой отсрочкѣ. Хлопухинъ и Былинда повѣсили головы; видимо, сочувствовала имъ и остальная кобылка. Въ эти дни Гвоздиловъ могъ бы услыхать особенно много недобрыхъ пожеланій, какъ по собственному адресу, такъ и по адресу всѣхъ своихъ родственниковъ въ мужской, женской, прямой и даже боковой линіяхъ.

Ожидаемая гроза, дѣйствительно, не замедлила разразиться, и на одной изъ ближайшихъ вечернихъ повѣрокъ Буканъ провозгласилъ:

— Чтобъ завтра же утромъ пѣтухи были заколоты, и мясо положено въ общій котелъ! Староста солгалъ мнѣ, будто это случайные, залетные гости: они давно уже живутъ въ тюрьмѣ... Впередъ чтобъ этого не повторялось! Смотрите у меня, мерзавцы!

Въ этотъ вечеръ мало разговаривали въ камерахъ; даже Букана мало ругали... Хлопухинъ, придя въ камеру, легъ тотчасъ же на нары, завернулся съ головой въ шубу и заснулъ, какъ Наполеонъ послѣ ватерлоской битвы... Одинъ только Были́нда успѣлъ подбѣжать послѣ повѣрки къ повару Николкѣ и прошипѣть ему сочувственное слово:

— Не смѣй наша птаха трогай!.. Моя и Клопука твоя башка дыра верти́тъ!..

— Ахъ, ты, магометова кишка!—ощетинился, въ свой чередъ, поваръ:—думаешь, испугался я твоего Хлопуши? Такъ сейчасъ и завонялъ? Живо брюшину одному этакому дьяволу выпущу... И пѣтуховъ вашихъ несчастныхъ прирѣжу! На, выкуси!..

Были́нда, въ отвѣтъ, что-то затараторилъ, сталъ угрожающе присѣдать и жестикулировать руками, но въ это время подошли надзиратели и развели спорщиковъ.

На утро къ кухонному крыльцу почти одновременно бѣжали, запыхавшись,—изъ больницы маленькій киргизъ, изъ тюрьмы — огромный, мрачно-рѣшительный Хлопухинъ. На крыльцѣ же съ вызывающимъ видомъ стоялъ жирный, широ-

колобый Николка и въ одной рукѣ держалъ большой кухонный ножъ, а другою отряхалъ еще трепещущее тѣло Рыжика, изъ обезглавленной шеи котораго капала горячая кровь... Широко разставивъ ноги и глупо ухмыляясь въ рыжую бороду, онъ спокойно поджидалъ противниковъ: Николка былъ не изъ трусовъ...

— Сволочь! — глухо прорычалъ Хлопухинъ, и колѣнки тряслись у него отъ безсильной ярости.—Сука продажная! Какой ты арестантъ?..

— Самъ сука!—огрызнулся Николка, крѣпко сжимая въ рукѣ окровавленный ножъ:—что-жъ мнѣ — подъ плети было идти изъ-за вашихъ пѣтуховъ, что ли? Коли мнѣ самъ смотритель приказалъ? Сколько вы крупы одной покрали у меня, а кто былъ въ отвѣтѣ? Кого кобылка воромъ звала за жидкую кашу? А въ предбанникѣ кто соръ выметалъ послѣ вашихъ чертенятъ, а? Вы, небось? Черти лупоглазые, идолы!..

Онъ еще продолжалъ свою оправдательно-бранную рѣчь, но Былинда уже вихремъ мчался въ другую сторону — туда, гдѣ суетились два надзирателя и гоготала чуть не сотенная толпа арестантовъ.

Тамъ происходила ловля Орленка.

— Да ты не такъ, Иванъ Васильевъ, не такъ!—глумилась кобылка надъ однимъ изъ охотниковъ:—ты, какъ опомнясь Тюкавкинъ, головой-то перво-наперво въ тынъ ударься... Въ азартъ, значитъ, войди!

— Нѣтъ, братцы мои, роту бы солдатъ нагнать сюды, а то опять ничего не будетъ... Гдѣ же съ Орленкомъ двоимъ надзирателямъ управиться?

— Для того бы роту солдатъ согнать, чтобы васъ, варначье племя, перепороть всѣхъ до единаго!—окрысились надзиратели.—Гдѣ бы помогать, вы зубы только скалите? Эй, держите, держите, дьяволы, ловите!

Новый громъ хохота раздался въ толпѣ: прямо надъ головами арестантовъ, махавшихъ шапками и руками, съ испуганно вытянутой шеей пролетѣлъ Орленокъ въ противоположный уголъ двора, и съ новымъ залпомъ проклятій бѣжали за нимъ, придерживая темляки, запыхавшіеся, красные, какъ кумачъ, надзиратели.

— Парашники! Кондрашкинъ, Титаренко, Лобановъ! Выходи на линію... Ловите его, стервеца!

Кондрашкинъ, худенькій безусый арестантикъ, тронулся было впередъ, но кобылка такъ злобно зарычала, что онъ, глупо улыбаясь, тотчасъ же остановился и началъ чесать въ затылкѣ. Разъяренный надзиратель уже поднялъ руку, чтобы дать парашнику зуботычину, но вниманіе его неожиданно отвлечено было въ эту минуту другимъ обстоятельствомъ. Киргизъ Бы-

линда, прошмыгнувъ, точно мышка, между ногъ тѣснившейся толпы, тихо-тихо подобрался къ Орленку и въ мгновенье ока схватилъ его за крыло. Бѣдный пѣтухъ, въ страшномъ испугѣ, закричалъ на весь дворъ дикимъ, пронзительнымъ голосомъ, и изъ его бившагося въ судорогахъ тѣла, какъ изъ перины, летѣли во всѣ стороны яркія перья и бѣлый пухъ...

— Молодчага кыргысъ!—съ торжествомъ кинулись къ нему надзиратели, вполнѣ увѣренные, что Былинда для нихъ именно поймалъ мерзкаго пѣтуха.

Но каково же было ихъ удивленіе, когда Былинда, точно стрѣла, пустился прочь, крѣпко прижимая къ груди затихшаго въ его рукахъ Орленка...

— Чортъ, дьяволъ! Татарская образина!—кричали разъяренные блюстители закона.—Стой, мерзавецъ, не то плохо будетъ... Тебѣ говорятъ: стой!..

Киргизъ не останавливался; поощряемый радостными возгласами кобылки, онъ бѣжалъ во всю мочь, пока не оставилъ своихъ преслѣдователей почти на сто шаговъ позади; только тогда онъ оглянулся, перевелъ духъ и закричалъ съ торжествомъ:

— Урусъ видмедь! Наша нога догоняй думалъ? Шутилъ... Думалъ—Урленокъ тебѣ давай? На, кушай!

И, поднявши Орленка надъ головой и размахнувшись имъ, точно камнемъ, почти передъ самымъ носомъ у подбѣжавшаго надзирателя, швырнулъ его изъ всей силы вверхъ черезъ пали... Побѣдный крикъ вырвался изъ сотни устъ и заглушилъ могучую оплеуху, отъ которой маленькій человѣчекъ покатился на землю...

А на безоблачномъ небѣ іюльское солнце сіяло, какъ никогда, ярко и радостно; казалось, улыбались вдали нарядныя сопки, утопая въ блескѣ и зелени... И съ шумнымъ весельемъ пролетали надъ тюрьмой ласточки, щебеча о свободѣ, о жизни и радости, царившихъ тамъ, за высокой, мрачной стѣною...

Л. Мельшинъ.

Изъ разсказовъ Гюи-де-Мопассана.

(Le colporteur. 15-ème édition. Paris, 1900).

I.

О писателяхъ часто говорятъ, что они набрасываютъ ту или другую дымку на изображаемую ими жизнь, вносятъ въ нее основные тона своего настроенія, согрѣваютъ и холодятъ ее, приближаютъ и удаляютъ ея контуры. Это совершенно естественно: человѣкъ не можетъ отрѣшиться отъ самого себя, и какъ бы писатель ни стремился приблизиться къ идеалу величайшаго реализма, онъ неизмѣнно остается тѣмъ единственнымъ свѣтиломъ большой или малой величины, лучами котораго озаренъ излюбленный имъ уголокъ жизни. У него свой блескъ и свои тѣни, своя природа и люди, съ борьбой и страстями, пережитыми и передуманными ихъ творцомъ. Игра воображенія и размахъ мысли не выходятъ за предѣлы угла зрѣнія автора; психологическія и описательныя детали, борьба интересовъ и чувствъ, колоритъ неба и воздухъ, которымъ дышатъ герои,—все проникается этими лучами и создаетъ общій фонъ, по которому чертитъ свои неисповѣдимые узоры великая мастерица на художества всякаго рода—жизнь...

Одинъ изъ французскихъ критиковъ выразился, помнится, о Флоберѣ, что онъ набрасываетъ золотую сѣть на свои изображенія. Съ этимъ выраженіемъ можно, пожалуй, примириться, не смотря на нѣкоторую вычурность его. Сѣть можетъ быть черная и бѣлая, густая и прозрачная, грубая и нѣжная. Предметы, покрытые ею, могутъ казаться свѣтлѣе или сумрачнѣе, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ, съ достаточной ясностью открывать свои очертанія или затушовываться въ деталяхъ. Она можетъ ложиться грубыми складками или плотно прилегать, или же красиво драпироваться вокругъ предметовъ, и тогда скрытое подъ нею получитъ иной видъ, приметъ своеобразную, прихотливо-измѣнившуюся форму.

Если продолжать сравненіе, то мы не знаемъ другой болѣе прозрачной и тонкой сѣти, чѣмъ та, сквозь которую созерцаетъ жизнь Мопассанъ. Предметъ изображенія настолько естественно и внутренно-правдиво встаетъ передъ читателемъ, что онъ не-

вольно отдается обоянію того чувства, какое возникаетъ у человѣка, когда на его глазахъ совершается какое-либо сложное явленіе, въ которомъ онъ сильно заинтересованъ и ясно отдаетъ себѣ отчетъ. Внѣшнія условія писательской работы отступаютъ на задній планъ; вниманіе приковано къ сюжету, къ рѣзко очерченнымъ фигурамъ, живымъ, правдивымъ, безъ малѣйшей аффектаціи, безъ всякаго замѣтнаго подбора,—и только впослѣдствіи, когда первое впечатлѣніе сознается и уляжется, начинаешь удивляться мастерству кисти и опредѣленности и жизненности каждаго штриха. Выраженіемъ „жизнь, какъ она есть“ слишкомъ злоупотребляли въ послѣднее время, и скоро оно поступитъ въ разрядъ тѣхъ заслуженныхъ „хорошихъ“ словъ, которыя выцвѣли и потеряли свой ароматъ отъ уличной пыли. Однако, говоря о Мопассанѣ, безъ него трудно обойтись: его разсказы—болѣе, чѣмъ у кого-либо, жизнь, какъ она есть, безъ прикрасъ, безъ фиговыхъ листочковъ, но и безъ морали...

Мопассанъ любилъ называть сборники своихъ разсказовъ по названію одного изъ нихъ. Одинъ изъ подобныхъ сборниковъ, по имени открывающаго его разсказа, носитъ названіе „Le colporteur“—Разнощикъ. Онъ вышелъ пятнадцатымъ изданіемъ въ Парижѣ и вполнѣ оправдываетъ такой успѣхъ разнообразіемъ и глубиной своего содержанія. Здоровый юморъ сочетается въ немъ съ безнадежностью мыслителя, прошедшаго всѣ стадіи самоанализа и углубленія въ жизнь и остановившагося передъ невозможностью окончательнаго итога. Творческій синтезъ примиряетъ противорѣчія и крайности и наполняетъ дыханіемъ жизни явленія, взвѣшенныя разумомъ и разложенныя до послѣдней клѣточки, доступной проникновенію человѣка.

Первый разсказъ, „Разнощикъ“, написанъ чрезвычайно кратко и въ то же время ярко. Онъ интересенъ и по художественному пріему, которымъ здѣсь воспользовался авторъ. Онъ, будто случайно, мимоходомъ приподнялъ на минутку завѣсу съ неприкрашеннаго уголка жизни, рѣзко очертилъ двѣ—три фигуры, намеками обнаружилъ нѣсколько интимныхъ чертъ, изъ которыхъ сложится житейская драма,—и картина готова, тема задана читателю: личный опытъ и знаніе человѣческаго сердца подскажутъ ему одно изъ возможныхъ рѣшеній, воображеніе дорисуетъ остальное... Да, все это *бываетъ,* подумаетъ читатель: на свѣтѣ такъ много страданія и скорби, радость и горе, смѣхъ и слёзы уживаются рядомъ, какъ родные братья... И на одну минуту въ душу его, какъ бы черства и безотзывчива ни была она, закрадется искреннее сочувствіе и грусть... Въ этомъ вліяніи и заключена тайна Мопассановскаго таланта.

Въ молодости человѣкъ живетъ въ мірѣ мечты, вѣры въ себя и людей, знающій все, кромѣ жизненной правды. Впослѣдствіи мечты уступаютъ мѣсто воспоминаніямъ... Сущіе пустяки, мелочи

всякаго рода, встрѣчи, драмы на почвѣ самыхъ низменныхъ страстей, ежедневно подмѣчаемыя или угадываемыя, складываются мало-по-малу въ ту нить личнаго опыта, которая приводитъ къ познанію горькой житейской правды. Это познаніе наполняетъ душу какой-то безнадежностью и меланхоліей. Какъ пышный розовый кустъ безъ цвѣтовъ и листьевъ, жизнь не являетъ собою такой приманки, какъ прежде.

Охваченный этимъ настроеніемъ Мопассанъ—разсказъ ведется отъ лица автора—вспоминалъ отдѣльныя черты изъ пережитого, забытые факты, случайныя приключенія. Воспоминанія проносились передъ нимъ, „какъ птицы, выпархивавшія изъ кустовъ". Одно изъ нихъ было особенно примѣчательно, хотя и ничтожно на первый взглядъ.

„То было давно, еще въ тотъ періодъ моей жизни, разсказываетъ авторъ, когда единственнымъ моимъ удовольствіемъ было катанье на лодкѣ по озеру Бурже. Для этой цѣли я каждый вечеръ ѣздилъ съ пассажирскимъ поѣздомъ изъ Парижа въ Аржантейль и снималъ тамъ для себя комнату у содержателя харчевни. Поѣздъ этотъ былъ безконечной длины и останавливался на каждой станціи, высаживая цѣлыя толпы людей съ массой свертковъ. Все это были большею частью толстяки, мѣшковатые, отъ недостатка моціона, въ измятыхъ костюмахъ. Мой яликъ уже ждалъ меня, совершенно готовый къ отплытію. Я налегалъ на весла, спѣша поскорѣе отобѣдать либо въ Безонѣ, либо въ Шату, Эпинэ или С. Ужъ. Послѣ катанья, поставивъ лодку на мѣсто, я пѣшкомъ возвращался въ Парижъ, когда луна уже высоко стояла на небѣ.

Однажды, возвращаясь такимъ образомъ, я замѣтилъ на побѣлѣвшей подъ лунными лучами дорогѣ какую-то фигуру.

Я, надо сказать, почти каждый разъ встрѣчалъ этихъ полунощниковъ изъ окрестностей Парижа, которыхъ такъ опасаются замѣшкавшіеся горожане.

Человѣкъ медленно двигался подъ тяжестью большой ноши. Я быстро нагонялъ его. Шаги мои, гулко раздававшіеся въ тишинѣ ночи, заставили его остановиться и обернуться; потомъ, видя, что я все приближаюсь, онъ перешелъ на другую сторону дороги.

И въ то время, какъ я поровнялся съ нимъ, онъ крикнулъ:

— Здравствуйте, сударь!

— Здорово, пріятель,—отвѣчалъ я.

— Далеко-ли направляетесь?

— Въ Парижъ.

— Такимъ быстрымъ шагомъ вы живо дойдете, а мнѣ съ моей ношей не такъ-то легко.

Я умѣрилъ шаги. Почему этотъ человѣкъ заговорилъ со мной? Что несъ онъ въ этомъ огромномъ тюкѣ? Смутныя по-

дозрѣнія преступленія пробѣжали у меня въ головѣ и возбудили мое любопытство.

Газеты настолько были каждый день переполнены разсказами о преступленіяхъ, совершавшихся именно въ предмѣстіи Женнвилье, что приходилось хотя бы нѣкоторымъ изъ нихъ повѣрить. Вѣдь не измыслили же репортеры только для забавы читателя всю эту уйму разнообразныхъ злодѣйствъ и арестовъ.

Между тѣмъ голосъ этого человѣка казался робкимъ и вся его наружность скорѣе скромной, чѣмъ дерзкой. Я въ свою очередь спросилъ его:

— А вы далеко идете?

— Въ Аньеръ.

— Вы тамъ живете?

— Да, сударь. Я разнощикъ, тамъ и живу.

Съ пѣшеходной тропинки, по которой днемъ сновала толпа, укрываясь подъ тѣнью деревьевъ, онъ перешелъ снова на середину дороги. Я послѣдовалъ за нимъ. Мы все еще недовѣрчиво другъ на друга посматривали, держа на готовѣ въ рукахъ палки. Подойдя къ нему совершенно близко, я сразу успокоился. Онъ, вѣроятно, тоже, потому что спросилъ меня:

— Не можете ли вы идти немного медленнѣе?

— Зачѣмъ?

— Я не люблю этой дороги, когда ночью несу товаръ. Здѣсь всегда пріятнѣе идти вдвоемъ: на двоихъ не такъ-то легко напасть.

Я почувствовалъ, что онъ говоритъ правду и боится.

Я рѣшилъ исполнить его желаніе. Такимъ образомъ, я очутился въ часъ ночи спутникомъ этого совершенно незнакомаго мнѣ человѣка, по дорогѣ изъ Аржантейля въ Аньеръ.

— Зачѣмъ же вы возвращаетесь такъ поздно, подвергая себя опасности?—спросилъ я его.

Онъ сказалъ, что не разсчитывалъ вернуться сегодня, такъ какъ только что утромъ забралъ изъ дому товару дня на три—на четыре. Но торговля шла настолько успѣшно, что пришлось волей—неволей сейчасъ-же вернуться домой, чтобы на слѣдующій день разнести товаръ по покупателямъ. Онъ прибавилъ, что обладаетъ счастливымъ даромъ заговаривать покупателей и одновременно съ бездѣлушками подсовывать имъ вещи покрупнѣе.

— У меня есть лавка въ Аньерѣ; тамъ торгуетъ жена.

— А вы женаты?

— Да вотъ уже 15 мѣсяцевъ. Я нашелъ себѣ славненькую женку. Вотъ-то удивится она, увидя меня ночью!

И онъ принялся разсказывать мнѣ про свою женитьбу. Два года добивался онъ руки этой дѣвушки, но она долго не рѣшалась. Съ самыхъ малыхъ лѣтъ она держала на углу лавочку, гдѣ продавалась всякая всячина: ленты, въ лѣтнее время цвѣты,

прелестныя сапожныя пряжки и масса другихъ бездѣлушекъ, которыя, благодаря протекціи одного знакомаго фабриканта, и составляли главный предметъ ея торговли. „Василекъ", какъ ее прозвали въ Аньерѣ, вслѣдствіе ея пристрастія къ синимъ платьямъ, всѣмъ тамъ была извѣстна. Эта дѣвушка много зарабатывала и все ей легко давалось.

Теперь, впрочемъ, она, кажется, была нездорова. Онъ не былъ еще увѣренъ, но предполагалъ беременность. Торговля ихъ шла хорошо. Онъ много ѣздилъ, развозя образчики всѣмъ маленькимъ сосѣднимъ коммерсантамъ, и понемногу сдѣлался коммиссіонеромъ нѣкоторыхъ промышленниковъ, одновременно работая на нихъ и на себя.

— А вы чѣмъ занимаетесь?—спросилъ онъ меня.

Я сначала затруднился, потомъ сказалъ, что держу парусную лодку и два гоночныхъ ялика. Каждый вечеръ я катаюсь на нихъ, но часто бываю и въ Парижѣ, гдѣ у меня есть выгодное дѣльце...

— Господи, еслибы у меня были, какъ у васъ, деньжонки, вотъ ужъ я бы не прогуливался по ночамъ! Здѣсь вѣдь не безопасно...—Онъ покосился на меня, а я подумалъ: не мошенникъ ли это, злоумышленникъ, который только не хочетъ даромъ себя подвергать опасности? Но я успокоился, когда онъ съ усиліемъ произнесъ:

— Пожалуйста, потише: тюкъ такъ тяжелъ...

Вскорѣ показались первые домики Аньера.

— Вотъ я и дома!—воскликнулъ онъ:—мы не живемъ въ лавкѣ; ее стережетъ собака; такая собака, что четырехъ людей замѣнитъ. Да къ тому же, квартиры слишкомъ дороги въ центрѣ города. Знаете, сударь, вы мнѣ оказали огромную услугу: я всегда безпокоюсь, проходя эти мѣста по ночамъ съ товаромъ. Зайдите-ка мнѣ выпить стаканчикъ горячаго вина, увидите жену, если только она проснется. Спитъ она очень крѣпко и не любитъ, чтобъ ее будили. Потомъ я пойду со своей дубинкой проводить васъ до города: безъ товара-то вѣдь я ничего не боюсь.

Я отказывался, онъ настаивалъ, но мой упорный отказъ такъ его огорчилъ, и такое сожалѣніе отразилось у него на лицѣ, и такъ убѣдительно говорилъ онъ, что я долженъ былъ ему уступить.

— Вамъ, разумѣется, моя компанія не по плечу?—усмѣхнулся онъ.

Я послѣдовалъ за нимъ по направленію одного изъ тѣхъ полуразрушенныхъ домовъ, которые образуютъ самое начало предмѣстья. Передъ входомъ я еще разъ усомнился. Высокій оштукатуренный домъ выглядѣлъ притономъ бродягъ или разбойничьимъ вертепомъ. Но раздумывать было некогда. Распахнувъ передо мной незапертую дверь, онъ пропустилъ меня впередъ

и въ полной темнотѣ, держа за плечи, направилъ къ лѣстницѣ, которую я тщетно искалъ и руками, и ногами, въ страхѣ попасть въ отверстіе погреба. Когда же я нащупалъ первую ступеньку, онъ сказалъ:

— Ступайте. Въ 6-й этажъ!

Пошаривъ въ карманѣ, я отыскалъ коробку восковыхъ спичекъ и освѣтилъ лѣстницу. Онъ шелъ за мной, отдуваясь подъ тяжестью ноши, и все повторялъ: „Очень высоко, очень!“

Когда мы дошли до верху, онъ взялъ ключъ, привязанный на тесемочкѣ къ пиджаку, открылъ дверь, и мы вошли. Это была оштукатуренная комната. Посрединѣ столъ, шесть стульевъ, у стѣны кухонный шкафъ.

— Я сейчасъ разбужу жену,—сказалъ онъ:—потомъ спущусь въ погребъ за виномъ: оно, вѣдь, не здѣсь хранится.

Онъ подошелъ къ двери, ведущей въ спальню, и крикнулъ:

— Василекъ! Василекъ!

Василекъ ничего не отвѣтилъ. Тогда онъ еще громче закричалъ:

— Василекъ, Василекъ!—и застучалъ кулакомъ въ дверь, бормоча:—Проснешься-ли ты, наконецъ!

Онъ подождалъ, приложилъ ухо къ замку и спокойно продолжалъ:—Ну, впрочемъ, пусть спитъ, если спится. Я пойду за виномъ; подождите меня минутку.

Я усѣлся, вооружившись терпѣніемъ. Онъ вышелъ.

Зачѣмъ я сюда пришелъ? думалось мнѣ. Вдругъ, я вздрогнулъ: мнѣ послышался въ комнатѣ жены шопотъ и легкій шорохъ. Чортъ возьми! Не попалъ-ли я въ западню? Какъ могла она не проснуться при томъ шумѣ, который поднялъ ея мужъ?

Не былъ ли это сигналъ соучастникамъ: „Звѣрь пойманъ; я сторожу выходъ; орудуйте дальше“. Дѣйствительно, шумъ увеличивался, кто-то дотронулся до замка, повернулъ ключъ. Сердце у меня билось. Я отошелъ въ глубь комнатъ, думая про себя: „Держись только теперь!“ и схватилъ обѣими руками стулъ, приготовляясь къ энергической защитѣ. Но вотъ дверь полуоткрылась, показалась придерживающая ее рука, потомъ голова мужчины въ круглой фетровой шляпѣ, и я увидѣлъ два устремленные на меня глаза. Потомъ, такъ быстро, что я даже не успѣлъ приготовиться къ защитѣ отъ предполагаемаго злоумышленника, фигура высокаго, красиваго малаго, босого, кое-какъ на-спѣхъ одѣтаго, безъ галстуха, съ сапогами въ рукахъ, промелькнула мимо меня и исчезла на лѣстницѣ.

Я снова сѣлъ. Приключеніе начинало дѣлаться забавнымъ. Супругъ долго не возвращался съ виномъ. Наконецъ, я услышалъ его шаги по лѣстницѣ и не могъ удержаться отъ душившаго меня смѣха. Онъ вошелъ, держа въ рукахъ двѣ бутылки, и спросилъ:

— А жена все еще спитъ? ничего тамъ не слышно?

Я былъ убѣжденъ, что она подслушиваетъ, и сказалъ:

— Ничего.

Онъ снова крикнулъ:

— Полина!

Въ отвѣтъ ни звука. Онъ вернулся ко мнѣ.

— Она, видите-ли, не любитъ, когда я угощаю пріятелей по ночамъ!

— Значитъ, вы думаете, она не спитъ?

— Навѣрное нѣтъ.—У него былъ недовольный видъ.

— Ну чокнемся,—сказалъ онъ, и тотчасъ выказалъ намѣреніе осушить обѣ бутылки, одну за другой. Но на этотъ разъ, я оказался энергичнѣе и, выпивъ стаканъ, всталъ. Онъ уже больше не говорилъ о своемъ намѣреніи проводить меня и только яростно поглядывалъ на дверь жены, бормоча:

— Ну, дверь-то ей придется открыть, когда вы уйдете.

Я наблюдалъ за этимъ трусишкой, который озлился, не отдавая себѣ даже отчета. Можетъ быть, это было неясное предчувствіе, инстинктъ обманутаго самца, не любящаго закрытыхъ дверей. Мнѣ онъ говорилъ объ ней съ нѣжностью, теперь же, вѣроятно, собирался побить. Онъ еще разъ крикнулъ, дергая замокъ двери:

— Полина!

Голосъ только что очнувшагося отъ сна человѣка отвѣчалъ изъ-за перегородки:

— Ну, что?

— Ты не слыхала, какъ я вернулся?

— Провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ—спала!

— Открой дверь!

— Когда будешь одинъ... Ты знаешь, я не люблю, когда ты приводишь по ночамъ пріятелей...

Я ушелъ, спотыкаясь, по лѣстницѣ, точно также, какъ тотъ малый, невольно чувствуя себя его соучастникомъ. На пути въ Парижъ мнѣ пришло въ голову, что я сейчасъ былъ свидѣтелемъ той вѣчной драмы, которая разыгрывается вседневно, во всѣхъ видахъ, по всему свѣту.

II.

Случайная встрѣча, разсказъ, вложенный въ уста другого человѣка—любимый пріемъ Мопассана. Онъ пользуется имъ всегда, когда въ происшествіи есть черты, которымъ читатель можетъ вѣрить или не вѣрить. Область сверхъестественнаго постигается лишь при посредствѣ вѣры, но мистически или болѣзненно настроенный умъ ищетъ и умѣетъ находить необыкновенное въ самыхъ простыхъ и легко объяснимыхъ явленіяхъ жизни. Такихъ

людей много, и одинъ изъ нихъ разсказалъ автору въ Ментонѣ любопытный случай. Это былъ нѣмецъ съ свѣтлой бородой, огромнаго роста. Молчаливый и грустный, онъ любилъ подолгу сидѣть на берегу Средиземнаго моря, съ неизмѣнной книгой въ рукахъ. У него была чахотка, и жить оставалось не долго. Познакомившись съ нимъ, Мопассанъ узналъ, что книга эта—экземпляръ сочиненій Шопенгауэра, къ сожалѣнію на родномъ его языкѣ, непонятномъ для автора, съ собственноручными его помѣтками.

„Я съ благоговѣніемъ протянулъ руку къ книгѣ и, хотя ничего въ ней не понялъ, но она навела меня на мысли о великомъ философѣ и властителѣ думъ.

Мнѣ вспомнились стихи Мюссе:

> Dors-tu content, Voltaire, et ton hideux sourire
> Voltige-t-il encor sur tes os décharnés? *).

Я невольно сравнилъ дѣтскій и благочестивый сарказмъ Вольтера съ непреодолимой ироніей нѣмецкаго философа, съ такой силой покоряющею человѣческую мысль.

Пусть протестуютъ и бранятъ меня, пусть возмущаются тѣмъ, что я скажу, но, по моему убѣжденію, Шопенгауэръ наложилъ на человѣчество свою печать, печать своего презрѣнія и разочарованія.

Крайній пессимистъ, онъ разрушалъ своей насмѣшкой вѣрованія, надежды, поэзію, мечты, идеалы, вѣру, убилъ любовь, уничтожилъ идеальный культъ женщины, заблужденія сердецъ. Онъ выполнилъ такую задачу, какая ни одному скептику еще не была подъ силу. И до нынѣ каждый даже изъ тѣхъ, кто проклинаетъ его, носитъ въ себѣ частицы его ученія, сѣмена его мысли.

— Вы были лично знакомы съ Шопенгауэромъ?—спросилъ я нѣмца.

— До самой его смерти.

И онъ принялся говорить мнѣ о Шопенгауэрѣ, о томъ необыкновенномъ вліяніи, которое тотъ оказывалъ на всѣхъ окружающихъ. Однажды какой-то французскій политикъ, доктринеръ—республиканецъ, добился свиданія со старымъ разрушителемъ. Онъ засталъ его сидящимъ среди учениковъ; сухощавый, въ морщинахъ, смѣясь своимъ неизгладимымъ изъ памяти смѣхомъ, онъ схватывалъ налету и тутъ же однимъ словомъ дробилъ на куски, разрывалъ идеи и вѣрованія, вотъ какъ собака однимъ движеніемъ челюстей разрываетъ, забавляясь, свою жертву. Французъ послушалъ и удалился, полный изумленія и ужаса. „Я ду-

*) Спокойно ли ты спишь теперь, Вольтеръ, и все такъ же ли скользитъ по оголившимся костямъ твоя отвратительная улыбка?

малъ, что провелъ этотъ часъ съ самимъ дьяволомъ“, говорилъ онъ послѣ.

— У него, дѣйствительно, была ужасающая улыбка; даже и послѣ смерти,—продолжалъ мой разскащикъ.—Если васъ интересуетъ, я могу разсказать вамъ о немъ анекдотъ, никому еще почти неизвѣстный.

И слабымъ, прерывающимся отъ кашля голосомъ онъ началъ разсказывать. Шопенгауэръ только что умеръ, и мы, ученики его, рѣшились по двое поочередно дежурить у его тѣла до самаго утра. Онъ лежалъ въ большой комнатѣ, темной, скромно обставленной. Двѣ свѣчи горѣли на ночномъ столикѣ. Я съ товарищемъ всталъ на дежурство ровно въ полночь. Отдежурившіе тотчасъ же ушли, а мы усѣлись въ ногахъ постели. Лицо учителя нисколько не измѣнилось: оно смѣялось, какъ прежде, и та-же складка лежала въ уголкахъ рта. И намъ думалось: вотъ онъ сейчасъ откроетъ глаза и начнетъ двигаться, говорить. Его мысль, казалось, и теперь держала насъ въ обаяніи, и мы еще никогда ни чувствовали надъ собой въ такой степени силы его генія. Его власть казалась намъ теперь еще болѣе возвышенной, чѣмъ при жизни. Какая-то тайна явилась и усилила могущество этого несравненнаго ума. Тѣло подобныхъ людей истлѣваетъ, но духъ ихъ живетъ. И въ первую ночь послѣ ихъ смерти, увѣряю васъ, они страшны.

Мы шопотомъ говорили о немъ, вспоминая его слова, опредѣленія, изреченія, казавшіяся намъ маяками во мракѣ непостижимой жизни.

— Смотри, онъ сейчасъ заговоритъ... —произнесъ мой товарищъ. И мы съ безпокойствомъ, близкимъ къ страху, смотрѣли на это неподвижное, смѣющееся лицо.

Вскорѣ намъ стало не по себѣ, мы почувствовали стѣсненіе и слабость. Я пробормоталъ:

— Не знаю, что со мной, но я нездоровъ, увѣряю тебя.—И тутъ только мы замѣтили, какъ сильно пахло отъ трупа.

Мой товарищъ предложилъ перейти въ сосѣднюю комнату оставивши дверь открытой. Я согласился. Взявъ одну изъ свѣчей, мы перешли туда и сѣли въ дальній уголъ, но ярко освѣщенная постель съ лежащимъ на ней трупомъ была намъ прекрасно видна. *Онъ* былъ съ нами, вокругъ насъ, казалось, его духовное существо, свободное и могущественное, парило надъ нами; а по временамъ ужасный, омерзительный запахъ разлагающагося трупа доносился до насъ.

Вдругъ дрожь пробѣжала по всѣмъ нашимъ членамъ. Шорохъ, легкій шорохъ донесся изъ комнаты покойника. Мы тотчасъ взглянули на него и увидѣли... да, милостивый государь, мы дѣйствительно увидѣли, какъ что-то бѣлое пробѣжало по постели, упало па полъ, на коверъ и исчезло подъ кресломъ. Мы

вскочили и, въ ужасѣ не успѣвъ еще ничего сообразить, готовы были уже бѣжать... Мы взглянули другъ на друга... Оба мы были страшно блѣдны, почти бѣлы... Сердце, казалось, готово было выскочить изъ груди. Я заговорилъ первый:

— Ты видѣлъ?

— Да, видѣлъ.

— Развѣ онъ не умеръ?

— Но вѣдь онъ даже разлагается...

— Что дѣлать?

Мой товарищъ нерѣшительно произнесъ:

— Надо пойти посмотрѣть.—Я взялъ свѣчу и вошелъ въ комнату первый, оглядывая всѣ неосвѣщенные ею уголки. Все было спокойно; я подошелъ къ постели и... застылъ на мѣстѣ, пораженный ужасомъ: Шопенгауэръ уже не смѣялся. На его лицѣ была ужасная гримасса: ротъ сжатъ, щеки глубоко провалились. Я пробормоталъ:

— Онъ не умеръ.

Трупный запахъ сдѣлался невыносимымъ, я задыхался. Не двигаясь, я не спускалъ съ него глазъ, чувствуя ужасъ какъ передъ привидѣніемъ. Мой пріятель, взявъ другую свѣчу, нагнулся; потомъ, не говоря ни слова, дотронулся до моей руки. Я посмотрѣлъ по направленію его взгляда и замѣтилъ на полу, подъ кресломъ, рядомъ съ постелью, разинутыя челюсти Шопенгауэра. Въ процессѣ разложенія вставныя челюсти все болѣе и болѣе раскрывались и, наконецъ, выскочили изо рта.

Мнѣ дѣйствительно было въ этотъ день жутко, сударь...

Солнце склонялось надъ сверкавшими волнами моря. Чахоточный нѣмецъ всталъ, поклонился мнѣ и направился къ отелю».

III.

Въ серіи разсказовъ Мопассана есть немало такихъ, которые служатъ яркой иллюстраціей къ событіямъ франко - прусской войны 1870 года. Въ нихъ и тѣни нѣтъ слащаваго патріотизма. Дѣйствующія лица — не герои, наоборотъ, самые обыкновенные люди, незамѣтные въ будничной толпѣ. Но въ минуты, когда ихъ національное чувство задѣто и гражданская честь оскорблена, они возвышаются до истиннаго геройства, и самопожертвованію ихъ нѣтъ границъ. Таковъ, напримѣръ, разсказъ „Mademoiselle Fifi“, гдѣ проститутка въ компаніи прусскихъ офицеровъ вступилась за честь французскихъ женщинъ; таковъ же знакомый нашимъ читателямъ разсказъ „Le père Milon“, гдѣ простой фермеръ выступилъ въ роли утонченнаго мстителя за угнетенія и насилія. Къ этой же серіи относится и разсказъ „Дуэль“, напечатанный въ настоящемъ сборникѣ. Если въ пре-

дыдущемъ разсказѣ пруссаки нарисованы добродушно-грубыми и разсудительными людьми, то здѣсь выступаетъ типъ побѣдителя-бурбона, чуждаго иныхъ соображеній, кромѣ права грубой физической силы, и дурака. И въ героѣ разсказа, Дюбюи, толстомъ, зажирѣвшемъ купцѣ, нашлось въ рѣшительный моментъ достаточно энергіи и храбрости, чтобы дать отпоръ заносчивому врагу.

„Въ купэ вагона, занятаго Дюбюи и двумя англичанами, вошелъ офицеръ-нѣмецъ съ воинственнымъ и непринужденно-надменнымъ видомъ.

Поѣздъ тронулся. Англичане продолжали бесѣдовать и отмѣчать мѣста сраженій. Когда одинъ изъ нихъ указалъ на виднѣвшуюся на горизонтѣ деревню, прусскій офицеръ, развалясь и протянувъ свои длинныя ноги, произнесъ на ломанномъ французскомъ языкѣ:

— Въ этой деревнѣ я убилъ двѣнадцать французовъ. Болѣе сотни я взялъ въ плѣнъ.

Англичане, сильно заинтересованные, тутъ-же спросили:

— О!.. Какъ называется эта деревня?

Пруссакъ отвѣтилъ: „Фарсбургъ“ и прибавилъ:

— Я схватилъ этихъ негодяевъ французовъ за уши.

И онъ, гордо посмѣиваясь себѣ въ бороду, смотрѣлъ на Дюбюи.

Поѣздъ летѣлъ, постоянно пересѣкая населенныя деревни. Тамъ и сямъ, по дорогамъ, полямъ, у шлагбаумовъ, у кофеенъ— виднѣлись нѣмецкіе солдаты. Они покрывали землю, какъ африканская саранча.

Офицеръ протянулъ руку:

— Еслибы я былъ командиромъ, я взялъ-бы Парижъ, все сжегъ и убилъ-бы всѣхъ... Не было-бы болѣе Франціи!..

Англичане изъ вѣжливости отвѣтили только:

— О, да...

Онъ продолжалъ:

— Черезъ двадцать лѣтъ вся Европа, вся!—принадлежала-бы намъ. Пруссія могущественнѣе всѣхъ...

Встревоженные англичане болѣе не отвѣчали. Ихъ лица, съ длинными бакенбардами, сдѣлавшіяся безстрастными, походили на восковыя. Продолжая сидѣть откинувшись, пруссакъ сталъ смѣяться и пустословить безъ конца. Онъ высмѣивалъ подавленную Францію, надругался надъ павшимъ врагомъ; высмѣивалъ недавно побѣжденную Австрію; онъ смѣялся надъ ожесточенной, безсильной защитой округовъ; смѣялся надъ передвиженіями и безполезностью артиллеріи. Онъ сообщилъ, что Бисмаркъ выстроитъ желѣзный городъ изъ взятыхъ орудій. И вдругъ неожиданно онъ протянулъ свои ноги рядомъ съ Дюбюи, который отвернулся и покраснѣлъ до ушей.

Англичане казались равнодушными ко всему, какъ будто они

внезапно очутились заключенными на своемъ островѣ, вдали отъ шумнаго свѣта.

Офицеръ вынулъ свою трубку и, пристально смотря на француза, сказалъ:

— Нѣтъ-ли у васъ табаку?

Дюбюи отвѣтилъ:

— Нѣтъ.

Нѣмецъ продолжалъ:

— Прошу васъ купить мнѣ, когда поѣздъ остановится.

И онъ принялся смѣяться снова:

— Я дамъ вамъ на чай.

Поѣздъ засвистѣлъ, замедляя ходъ. Замелькали погорѣвшія зданія. Наконецъ, поѣздъ сталъ.

Нѣмецъ открылъ дверцы и, взявъ подъ руку Дюбюи, сказалъ:

— Ступайте исполнять мое порученіе. Скорѣй, скорѣй!

Прусскій отрядъ занималъ станцію. Другіе солдаты смотрѣли, стоя вдоль деревянныхъ рѣшетокъ. Раздался свистокъ къ отправленію. Въ этотъ моментъ Дюбюи стремительно бросился на платформу и, не смотря на жесты начальника станціи, поспѣшилъ въ сосѣднее отдѣленіе.

Онъ былъ одинъ! У него было такое сильное сердцебіеніе, что онъ разстегнулъ жилетъ и, задыхаясь, отеръ лобъ.

Поѣздъ снова остановился у станціи.

Вдругъ въ дверяхъ вагона появился тотъ же офицеръ и вошелъ въ сопровожденіи двухъ англичанъ, которыхъ подстрекало любопытство. Нѣмецъ усѣлся противъ француза и, продолжая посмѣиваться, спросилъ:

— Вы не хотѣли исполнить мое порученіе?

Дюбюи отвѣтилъ:

— Да, не хотѣлъ.

Поѣздъ тронулся.

Офицеръ сказалъ:

— Ну, такъ я отрѣжу ваши усы и ими набью трубку.

И онъ приблизилъ руку къ лицу своего сосѣда.

Англичане съ прежнимъ безучастіемъ пристально смотрѣли на все это.

Уже нѣмецъ схватилъ и дернулъ за усъ, когда Дюбюи ловкимъ движеніемъ оттолкнулъ его руку, схватилъ его за шиворотъ и отбросилъ на скамейку. Обезумѣвшій отъ гнѣва, съ раздувшимися на вискахъ жилами, съ глазами, налившимися кровью, онъ сталъ душить одной рукой своего врага, а другой неистово наносить удары кулакомъ по его лицу. Пруссакъ отбивался, тщетно стараясь вытащить свою саблю и сбросить на себя противника.

Но Дюбюи давилъ его всею тяжестью своего громаднаго живота и билъ, билъ безъ отдыха, безъ передышки, не глядя, куда падаютъ его удары. Кровь текла. Придавленный нѣмецъ хрипѣлъ, выплевывалъ свои зубы и все безуспѣшно пробовалъ освободиться отъ обезумѣвшаго толстяка, немилосердно наносившаго удары.

Англичане поднялись и приблизились, чтобы лучше видѣть. Они стояли, полные удовольствія и любопытства, готовые держать пари за или противъ каждаго изъ дерущихся.

Наконецъ, Дюбюи усталъ, поднялся и, не говоря ни слова, сѣлъ на мѣсто.

Пруссакъ не бросился на него: до того онъ былъ перепуганъ; онъ остолбенѣлъ какъ бы отъ удивленія и боли. Отдышавшись, онъ произнесъ:

— Если вы не дадите мнѣ удовлетворенія на пистолетахъ я убью васъ.

— Когда пожелаете. Я къ вашимъ услугамъ.

— Вотъ городъ Страсбургъ,—сказалъ нѣмецъ.—Я возьму двухъ офицеровъ въ секунданты. У меня есть время до отхода поѣзда.

Дюбюи, который пыхтѣлъ, какъ машина, обратился къ англичанамъ:

— Не желаете-ли быть моими секундантами?

— О, да!..—отвѣтили оба вмѣстѣ.

Поѣздъ остановился.

Въ одну минуту пруссакъ нашелъ двухъ товарищей, которые принесли пистолеты, и всѣ направились къ крѣпостному валу.

Англичане безпрестанно смотрѣли на часы, ускоряли шаги, торопили приготовленія, боясь пропустить поѣздъ.

Дюбюи никогда не держалъ въ рукахъ пистолета. Его поставили въ двадцати шагахъ отъ противника.

— Готовы-ли вы?—спросили его.

Отвѣчая „да“, онъ замѣтилъ, что одинъ изъ англичанъ открылъ свой зонтикъ, чтобы закрыться отъ солнца.

Скомандовали: пли!

Дюбюи выстрѣлилъ наудачу, не дожидаясь, и съ изумленіемъ замѣтилъ, какъ пруссакъ пошатнулся, поднялъ руку и быстро упалъ ничкомъ. Онъ былъ убитъ.

— О!..—крикнулъ одинъ изъ англичанъ, голосомъ, дрожавшимъ отъ радостнаго чувства.

Нетерпѣніе и любопытство его были счастливо удовлетворены. Другой, державшій все время часы въ рукѣ, схватилъ подъ руку Дюбюи и увлекъ его за собой гимнастическимъ шагомъ по направленію къ станціи.

Первый, стиснувъ кулаки и прижавъ локти къ туловищу, отсчитывалъ на бѣгу:

— Разъ, два! разъ, два!

И всѣ трое бѣжали въ ногу, не смотря на свою тучность, какъ три каррикатуры изъ юмористическаго журнала.

Поѣздъ двинулся. Они впрыгнули въ свой вагонъ. Англичане, снявъ свои дорожныя шляпы, потрясли ими три раза въ воздухѣ съ крикомъ:

— Гипъ, гипъ, гипъ, ура!..

Потомъ они важно, одинъ за другимъ, пожали руку Дюбюи и опять усѣлись рядомъ въ своемъ углу".

IV.

Слѣдующій разсказъ, который лучше всего можетъ быть озаглавленъ „Вечеринка", любопытенъ сопоставленіемъ скромнаго провинціальнаго тщеславія съ нравами парижской артистической богемы, насчитывающей среди своихъ представителей не одно громкое въ провинціи имя. Тѣ, „кого всѣ знаютъ", обладаютъ притягательной силой для людей „изъ публики" или наивныхъ честолюбцевъ, кичащихся видными знакомствами и, какъ имъ кажется, возвышающихъ себя, на чужой счетъ. Однако блескъ знаменитостей нерѣдко бываетъярокъ издали и меркнетъ вблизи, вызывая разочарованіе и сожалѣніе, но рѣдко послѣднія принимаютъ такую форму, какая изображена въ разсказѣ. Подобное можетъ случиться только въ Парижѣ, гдѣ національный французскій характеръ, беззаботный, веселый, живой, находитъ наиболѣе подходящія условія для своего свободнаго и непринужденнаго проявленія.

„Monsieur Саваль, нотаріусъ въ Вернонѣ, былъ страстный любитель музыки. Еще молодой, но уже плѣшивый, всегда тщательно выбритый, нѣсколько тучный, съ золотымъ pince nez, вмѣсто старомодныхъ очковъ, на носу, дѣятельный, вѣжливый и жизнерадостный, онъ слылъ въ Вернонѣ артистомъ. Онъ игралъ на рояли и на скрипкѣ, давалъ музыкальные вечера, гдѣ разыгрывались всѣ новыя оперы.

Онъ обладалъ даже голоскомъ, не болѣе, какъ голоскомъ, совсѣмъ маленькимъ; но владѣлъ имъ съ такимъ искусствомъ, что „браво! превосходно! удивительно! восхитительно!" раздавались со всѣхъ сторонъ, какъ только онъ возьметъ, бывало, почти шопотомъ послѣднюю ноту.

Онъ былъ абонированъ у одного музыкальнаго издателя въ Парижѣ, отъ котораго получалъ всѣ новости. Время отъ времени, онъ разсылалъ высшему обществу города билетики слѣдующаго содержанія:

„Васъ просятъ присутствовать, въ понедѣльникъ вечеромъ у господина нотаріуса Саваля на первомъ слушаніи въ Вернонѣ „Саиса".

Когда произносили его имя гдѣ-нибудь въ салонѣ, кто нибудь изъ гостей заявлялъ:

— Это не любитель, это артистъ, настоящій артистъ!

И двое или трое съ глубокимъ убѣжденіемъ повторяли:

— О, да! *настоящій* артистъ,—и при этомъ сильно ударяли на слово „настоящій".

Каждый разъ, когда новое произведеніе давалось на большой парижской сценѣ, М-г. Саваль предпринималъ путешествіе въ столицу.

Въ прошломъ году онъ хотѣлъ, по обыкновенію, отправиться послушать „Генриха VIII". Онъ поѣхалъ съ экстреннымъ поѣздомъ, который приходитъ въ Парижъ въ 4 час. 30 м., заранѣе рѣшивъ возвратиться съ поѣздомъ 12 ч. 35 м. пополуночи, чтобы не ночевать въ гостиницѣ. Онъ одѣлся дома такъ, чтобы можно было не переодѣваясь, ѣхать на вечеръ:—весь въ черномъ, съ бѣлымъ галстукомъ, который онъ прикрылъ воротникомъ плаща.

Очутившись на улицѣ Амстердамъ, М-г Саваль почувствовалъ себя очень веселымъ.

Онъ началъ строить планы. Ему давно хотѣлось познакомиться кое съ кѣмъ изъ знаменитыхъ людей, чтобы поговорить о нихъ въ Вернонѣ и провести иногда у нихъ вечерокъ, во время своихъ наѣздовъ въ Парижъ.

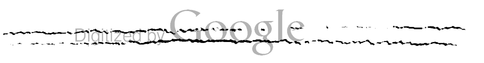
И вдругъ ему въ голову пришла удачная мысль. Онъ слышалъ о маленькихъ кофейняхъ, на дальнихъ бульварахъ, гдѣ собираются пріобрѣвшіе уже извѣстность художники, литераторы, даже музыканты, и медленнымъ шагомъ направился къ Монмартру.

Въ его распоряженіи было еще два часа. Проходя мимо кафэ, часто посѣщаемыхъ богемой, онъ всматривался въ лица и старался отгадать между ними артистовъ. Наконецъ, онъ вошелъ въ одно кафэ съ вывѣской „Мертвая крыса", привлеченный этимъ оригинальнымъ названіемъ.

Здѣсь онъ познакомился съ художникомъ Романтэномъ, картинами котораго восхищался въ Салонѣ. Въ этотъ вечеръ Романтэнъ давалъ балъ у себя въ мастерской своимъ друзьямъ, художникамъ и артисткамъ, не менѣе знаменитымъ, чѣмъ онъ самъ. М-г Саваль намекнулъ, что ему было бы въ высшей степени пріятно увидѣть столько знаменитостей сразу,—и получилъ приглашеніе. Онъ заплатилъ за себя и за своего новаго знакомаго и въ восторгѣ послѣдовалъ за нимъ.

„У меня всегда найдется время послушать Генриха VIII",— думалъ онъ на пути. Они остановились, наконецъ, передъ невысокимъ и очень длиннымъ домомъ, первый этажъ котораго имѣлъ видъ безконечной оранжереи. Шесть мастерскихъ расположились въ линію одна за другой, выходя окнами на бульваръ.

Романтэнъ вошелъ первый, поднялся по лѣстницѣ, открылъ дверь, чиркнулъ спичкой и зажегъ свѣчу.



Они очутились въ огромной комнатѣ, мебель которой состояла изъ трехъ стульевъ, двухъ мольбертовъ и нѣсколькихъ эскизовъ, поставленныхъ на полъ и прислоненныхъ къ стѣнѣ. М-г Саваль, пораженный, остановился въ дверяхъ.

Художникъ сказалъ:

— Мѣста у насъ много, но надо еще все устроить.

Осматривая высокую, пустую комнату, потолокъ которой терялся въ темнотѣ, онъ прибавилъ:

— Воспользоваться этой мастерской очень даже возможно.

Онъ обошелъ ее, осматривая съ большимъ вниманіемъ, и продолжалъ:

— У меня, положимъ, есть хозяйка, которая могла-бы намъ помочь. Для того, чтобы задрапировать матеріей, женщины незамѣнимы. Но я ее отослалъ на дачу, на сегодняшній день, чтобы избавиться отъ нея на этотъ вечеръ, не потому, что она мнѣ надоѣла, но ей недостаетъ свѣтскости, а это меня стѣсняло-бы передъ гостями.

— Она хорошая дѣвушка,—прибавилъ онъ, минуту спустя,—но не покладистая. Еслибы она знала, что я принимаю гостей, она выцарапала-бы мнѣ глаза.

Г. Саваль не двигался; онъ не понималъ ничего.

Артистъ приблизился къ нему.

— Такъ какъ я васъ пригласилъ, то вы не откажетесь помочь мнѣ кое въ чемъ?

— Располагайте мною по вашему усмотрѣнію. Я къ вашимъ услугамъ,—любезно заявилъ М-г Саваль.

Романтэнъ снялъ свою куртку.

— Итакъ, гражданинъ, за работу! Сначала примемся за чистку.

Онъ пошелъ за мольбертъ, на которомъ былъ холстъ съ изображеніемъ кошки, и принесъ очень старую щетку.

— Возьмите, метите, а я пока займусь освѣщеніемъ.

М-г Саваль взялъ щетку, посмотрѣлъ на нее и принялся неловко тереть паркетъ, поднимая цѣлыя облака пыли.

Возмущенный, Романтэнъ, остановилъ его:

— Да вы не умѣете мести, чортъ васъ возьми! Пустите, смотрите на меня...

И онъ началъ сгребать передъ нимъ сѣрыя кучи сора такъ искусно, точно всю жизнь только этимъ и занимался; затѣмъ онъ снова отдалъ щетку нотаріусу, который сталъ подражать ему.

Черезъ пять минутъ пыль до того наполнила мастерскую, что Романтэнъ спросилъ:

— Гдѣ вы? Я не вижу васъ.

М-г Саваль, раскашлявшись отъ пыли, подошелъ къ нему. Художникъ спросилъ:

— Какъ бы вы принялись за устройство люстры?

Тотъ совершенно опѣшилъ.

— Какой люстры?

— Люстры, чтобы освѣтить залъ, люстры со свѣчами.

— Я не знаю,—отвѣтилъ нотаріусъ.

Художникъ началъ прыгать, щелкая пальцами, какъ кастаньетами.

— Ну, а я изобрѣлъ, сударь...—И, успокоившись, обратился къ нотаріусу съ вопросомъ:

— У васъ, конечно, найдется пять франковъ?

— Ну, разумѣется.

— Ну вотъ! Вы мнѣ купите на пять франковъ свѣчей, а я пока схожу къ бочару.

И онъ выпроводилъ нотаріуса, не давъ ему даже накинуть плащъ. Не прошло пяти минутъ, какъ оба вернулись, одинъ— неся свѣчи, а другой—обручъ отъ бочки. Затѣмъ Романтэнъ вытащилъ изъ стѣнного шкафа двадцать пустыхъ бутылокъ и привязалъ ихъ вокругъ обруча.

Послѣ этого онъ отправился къ привратницѣ за лѣстницей, предварительно объяснивъ, что заслужилъ особенное расположеніе старухи тѣмъ, что нарисовалъ ея кошку, красовавшуюся на мольбертѣ.

Вернувшись съ лѣстницей, онъ спросилъ у M-r Саваля:

— Вы ловки?

Тотъ не понялъ, но отвѣтилъ:

— Ну, да, конечно...

— Такъ пожалуйте наверхъ и привяжите мнѣ эту люстру къ кольцу въ потолкѣ. Затѣмъ всуньте въ каждую бутылку по свѣчкѣ и зажгите. Я вамъ говорю: у меня талантъ къ освѣщенію! Да снимите же ваше платье, чортъ возьми! У васъ видъ бродяги...

Едва онъ произнесъ эти слова, какъ неожиданно дверь съ шумомъ распахнулась. На порогѣ показалась женщина. Глаза ея горѣли, она остановилась, какъ вкопанная.

Романтэнъ смотрѣлъ на нее съ ужасомъ.

Она постояла нѣсколько секундъ, скрестивъ руки на груди, и проговорила пронзительнымъ, дрожащимъ и взволнованнымъ голосомъ:

— А, гадкая морда, это такъ-то ты меня удаляешь?

Романтэнъ хранилъ молчаніе.

Она продолжала:

— А, подлый, ты еще ухаживалъ за мной, отправляя меня на дачу? Посмотри теперь, какой я устрою тебѣ праздникъ. Да, не ты, а я приму твоихъ друзей...

Она все больше и больше волновалась:

— Я изобью ихъ физіономіи бутылками и свѣчами...

Романтэнъ произнесъ мягкимъ голосомъ:

— Матильда...

Но она не слушала.

— Подожди, гуляка, подожди!

Романтэнъ приблизился къ ней, пробуя взять ее за руки:

— Матильда...

Но она разошлась, она говорила, выливая весь запасъ своихъ ругательныхъ словъ и упрековъ. Слова лились изъ ея устъ, точно ручей, несущій нечистоты. Она такъ торопилась, что слова, казалось, бились одно о другое. Она бормотала, заикалась, срамила, возвышала голосъ, бросала все новыя и новыя оскорбленія.

Онъ схватилъ ее за руки. Она не обратила на это вниманія. Казалось, она его не видѣла, вся поглощенная словоизверженіемъ, которое облегчало ей сердце.

Вдругъ она принялась плакать.

Слезы текли у нея изъ глазъ, но не задерживали потока жалобъ. Крикливо, съ фальшивой интонаціей, раздавались ея слова; слышны были плаксивыя ноты; по временамъ рыданія прерывали ее. Но она начинала снова и снова и вдругъ, задыхаясь, остановилась, замолкла и разлилась въ слезахъ.

Романтэнъ былъ растроганъ. Онъ обнялъ ее и сталъ цѣловать ея волосы.

— Матильда, моя маленькая Матильда, послушай... Будь умница... Ты знаешь, что если я и устраиваю это празднество, то только потому, чтобы отблагодарить этихъ господъ за мою медаль на картинной выставкѣ. Женщинъ принимать я не могу. Ты должна это понять. Съ артистами не то, что съ другими!

Она невольно пробормотала сквозь слезы:

— Почему же ты не сказалъ мнѣ объ этомъ?

— Чтобы не сердить тебя и не причинять горя,—отвѣтилъ онъ.—Послушай, я тебя отведу домой. Ты будешь настолько умна и мила, что останешься спокойно ждать меня въ спальнѣ, а я приду къ тебѣ тотчасъ же, какъ все кончится.

Она пробормотала:

— Да, но ты не повторишь этого?

— Нѣтъ, клянусь тебѣ...

Онъ обернулся къ М-r Савалю, который только что кончилъ подвѣшивать люстру, и сказалъ:

— Мой милый, я вернусь черезъ пять минутъ. Если въ мое отсутствіе кто нибудь придетъ,—будьте хозяиномъ и примите за меня. Хорошо?

И онъ увлекъ Матильду, которая вытирала слезы и ежеминутно сморкалась.

Оставшись одинъ, М-r Саваль кончилъ приводить все въ порядокъ, зажегъ свѣчи и началъ ждать. Онъ ждалъ четверть часа, полчаса, часъ. Романтэнъ не возвращался. Вдругъ на лѣстницѣ послышался страшный шумъ, затѣмъ пѣсня, которую кричали хоромъ человѣкъ двадцать. Слышны были мѣрные шаги,

какъ будто шелъ цѣлый прусскій полкъ. Правильные взмахи ногъ потрясали весь домъ. Наконецъ, дверь открылась, и показалась цѣлая толпа. Мужчины и женщины входили въ мастерскую парами, держась подъ руки и стуча каблуками въ тактъ. Они шли вереницей, которая развертывалась на подобіе змѣи, и орали:

Войдите въ мое заведеніе,
Няньки и солдаты!..

М-r Саваль, растерянный, стоялъ на вытяжку, какъ вкопанный, подъ люстрой. Процессія увидѣла его и заголосила: „А, бродяга, бродяга!“

И всѣ стали вертѣться вокругъ него, оглушая его своимъ визгомъ. Взявшись за руки, они закружились въ какомъ-то бѣшеномъ танцѣ.

М-r Саваль попробовалъ было объясниться:

— Господа... Господа... Сударыни...

Но его не слушали. Все вертѣлось, прыгало, орало.

Наконецъ, танецъ кончился.

М-r Саваль произнесъ:

— Господа...

Бѣлокурый малый съ густой бородой перебилъ его:

— Какъ ваше имя, мой другъ?

Перепуганный нотаріусъ произнесъ:

— Я—М-r Саваль.

— Ты хочешь сказать—Батистъ?—крикнулъ кто-то.

— Оставьте въ покоѣ этого молодца,—сказала женщина.— Онъ въ концѣ концовъ разсердится. Онъ нанятъ, чтобы служить намъ, а не для того, чтобы подвергаться нашимъ насмѣшкамъ.

Тутъ М-r Саваль замѣтилъ, что каждый изъ приглашенныхъ принесъ свою провизію. У одного была бутылка, у другого пирогъ. У этого хлѣбъ, у того окорокъ.

Бѣлокурый малый положилъ ему въ руки огромную сосиску и скомандовалъ:

— Бери и ступай устраивать буфетъ въ томъ углу. Поставь бутылки налѣво, направо положи провизію.

Саваль, теряя голову, вскричалъ:

— Но, господа, я—нотаріусъ!..

Наступила минута молчанія, послѣ которой раздался взрывъ бѣшенаго смѣха. Подозрѣвая неправду, кто-то спросилъ его:

— Какъ вы попали сюда?

Онъ объяснилъ, разсказавъ о своемъ намѣреніи отправиться въ оперу, затѣмъ, какъ онъ уѣхалъ изъ Вернона, прибылъ въ Парижъ,—словомъ, весь свой вечеръ.

Всѣ слушали его, усѣвшись вокругъ, разспрашивали и называли Шехерезадой.

Романтэнъ не возвращался. Новые приглашенные приходили. Имъ представляли М-r Саваля съ тѣмъ, чтобы онъ снова раз-

сказывалъ свою исторію. Онъ отказывался, его заставляли. Его привязали къ одному изъ трехъ стульевъ, между двумя женщинами, которыя безпрестанно подливали ему вина. Онъ пилъ, смѣялся, говорилъ и пѣлъ. Онъ захотѣлъ танцовать со своимъ стуломъ и упалъ.

Съ этого момента онъ забылъ все. Ему казалось, что его раздѣвали, укладывали спать, и что его тошнило.

Уже было поздно, когда онъ проснулся, потягиваясь въ незнакомой постели въ глубинѣ алькова.

Старуха со щеткой въ рукахъ злобно смотрѣла на него.

Наконецъ, она произнесла:

— Грязная скотина, убирайся! Можно-ли такъ напиваться!

Онъ поднялся и сѣлъ. Онъ чувствовалъ себя прескверно.

— Гдѣ я?—спросилъ онъ.

— Гдѣ ты, грязная скотина? Ты пьянъ... Убирайтесь, да поживѣй.

Онъ хотѣлъ встать и тутъ только замѣтилъ, что совершенно нагъ. Его одежды не было. Онъ произнесъ:

— Сударыня, я...

Онъ вспомнилъ все... Что дѣлать?

— Г. Романтэнъ не приходилъ?—спросилъ онъ.

— Скоро ли вы уберетесь!—закричала привратница.—Еще онъ застанетъ васъ здѣсь!

M-r Саваль объявилъ смущенно:

— Но... у меня нѣтъ платья, его у меня взяли.

Онъ долженъ былъ долго ждать. Не разъ пришлось ему объяснять свое положеніе, извѣщая своихъ друзей и занимая у нихъ деньги, чтобы одѣться. Онъ уѣхалъ только вечеромъ.

И когда говорятъ съ нимъ о музыкѣ въ его прекрасномъ салонѣ въ Вернонѣ, онъ не безъ авторитета заявляетъ, что живопись, какъ искусство, значительно ниже музыки".

Е. Л.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ЭЛИНОРЪ.

Романъ Гемфри Уордъ.

(Переводъ съ англійскаго В. Кардо-Сысоевой).

III.

— Элиноръ, куда вы отправляетесь?

— Непосредственно въ свою обитель, въ Риммонъ,—отвѣчала эта лэди, улыбаясь. Она стояла на восточной террасѣ и застегивала изящную сѣрую перчатку, между тѣмъ какъ Мэнистей съ газетами въ рукахъ сидѣлъ въ бездѣйствіи въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея.

— Какъ? Вы идете къ обѣднѣ? Я протестую. Взгляните на это озеро, взгляните на это небо — на эту поросшую дрокомъ тропинку вдоль берега. Пойдите и погуляйте тамъ до завтрака, а назадъ возвратитесь окольнымъ путемъ черезъ Арицію.

Миссисъ Бургоинъ покачала головой.

— Нѣтъ; я люблю свое маленькое идолопоклоненіе,— сказала она рѣшительнымъ тономъ.

Это было воскресное утро. Колокола въ Маринатѣ весело звонили. Женщины и дѣвушки, повязанныя кружевными шарфами, красивые молодые люди въ короткихъ курткахъ и мягкихъ остроконечныхъ шляпахъ, направляясь въ церковь, двигались по дорогѣ, пролегавшей между виллою и озеромъ. День былъ теплый, апрѣльскій. Цѣлая масса желтой «банксіи» перевѣшивалась черезъ украшенную статуями стѣну, окружавшую бассейнъ фонтана, соловьи распѣвали съ усердіемъ, унижавшимъ, отчасти, ихъ артистическое достоинство. Природа, дѣйствительно, слишкомъ щедра на соловьевъ въ этихъ Албанскихъ холмахъ въ весеннее время. Она, такъ сказать, забываетъ о томъ, что рѣдкость придаетъ особую силу красотѣ. Здѣсь можно слышать соловья и даже не замѣтить его пѣнія.

Туалетъ миссисъ Бургоинъ былъ особенно удаченъ въ это утро. Сѣрое платье, свѣжее и элегантное, широкая черная шляпа на бѣлокурыхъ волосахъ, еще покрытыя росой садовыя фіалки

у стройной таліи, а также у воротничка, совсѣмъ близко отъ блѣднаго лица — все это было подобрано съ характернымъ изяществомъ, вполнѣ очевиднымъ для критическаго чутья Эдварда Мэнистея. Столь же характерны были и эта поблекшая красота волосъ и кожи, и вся эта хрупкая, но полная достоинства фигура. Но всего характернѣе былъ контрастъ между суетной заботой объ украшеніи, выразившейся въ законченности наряда, и тою грустью, которая сосредоточивалась въ окруженныхъ темною синевою глазахъ.

Онъ лѣниво и съ чувствомъ удовольствія наблюдалъ за ней сквозь дымъ своей сигары, прекрасно сознавая все ея очарованіе и всѣ ея слабыя стороны.

— Вы, что же, возьмете съ собою миссъ Фостеръ?—спросилъ онъ ее.

Миссисъ Бургоинъ засмѣялась.

— Я намекнула ей. Она посмотрѣла на меня съ удивленіемъ, вся вспыхнула и отошла прочь. Я потеряла всѣ свои преимущества въ ея глазахъ.

— Въ такомъ случаѣ она пренеблагодарная скотинка!..— сказалъ Мэнистей, понижая голосъ и оглядываясь кругомъ,— если принять во вниманіе всѣ старанія, которыя вы прилагаете...

— Нѣкто другой долженъ былъ бы приложить свои старанія,—сказала миссисъ Бургоинъ многозначительно.

— Нѣкто это и дѣлаетъ, — сказалъ онъ со смѣхомъ.— А другіе этимъ пользуются. Душа проситъ простоты, а когда эта простота является... Нѣтъ, невозможно быть такимъ типомъ, какъ миссъ Фостеръ.

— Чего же она является типомъ?

— Крайней степени сектантства и протестантизма, повидимому. Признайтесь — это было страннымъ капризомъ со стороны Юпитера направить ее сюда?

— Я увѣрена, что у нея благородный характеръ и прекрасныя умственныя способности.

Мэнистей пожалъ плечами.

— Дѣдушка ея,—продолжала миссисъ Бургоинъ,—былъ профессоромъ богословія и написалъ книгу объ инквизиціи.

Мэнистей повторилъ свой жестъ.

— И, какъ я это уже говорила вамъ въ прошлый вечеръ, она почти столь же красива, какъ ваша греческая головка, и похожа на нее ужасно.

— Милѣйшая лэди, какія у васъ дикія мысли.

Миссисъ Бургоинъ взялась за свой зонтикъ.

— Нѣтъ, совершенная правда. Тетушка ваша говорила, что это бѣдное дитя было въ полномъ отчаяніи отъ того, что тутъ

нѣтъ церкви ея исповѣданія, куда бы она могла направиться сегодня утромъ.

— Какъ! — воскликнулъ Мэнистей.—Неужели она разсчитывала на какое нибудь тайное сборище въ собственномъ городѣ папы? (Въ Маринатѣ находилась папская вилла, бывшая нѣкогда любимой лѣтней резиденціей папъ).

— Нѣтъ; но она думала, что могла бы поѣхать въ Римъ, а между тѣмъ пропустила поѣздъ. Я нашла ее блуждающей по гостиной въ страшномъ безпокойствѣ и повидимому алчущей духовной пищи.

— Это голодъ преходящій! Сердце у меня черствое, вы знаете. А вотъ вашъ колоколъ и замолчалъ... Элиноръ! удивляюсь, зачѣмъ ходите вы на эти церемоніи?

Онъ обернулся, чтобы лучше видѣть ее. Въ его красивыхъ, проницательныхъ глазахъ сквозила легкая иронія.

— Потому что мнѣ это нравится.

— Вамъ нравится это только въ мечтѣ. Когда же вы приходите туда, дѣйствительность оказывается совсѣмъ не по вашему вкусу. Полъ тамъ прегрязный, музыка скверная, маленькій попикъ читаетъ въ носъ, мальчишки дерутся между собою. Лучше оставайтесь-ка дома и помогите мнѣ прославлять святую римскую церковь на благородной дистанціи отъ нея.

— Какимъ лицемѣромъ сочли бы васъ люди, если бы они могли слышать, когда вы говорите такимъ образомъ!—сказала она, вспыхивая.

— А потомъ сообразили бы, что это несправедливо. Я только не желаю дѣлать изъ себя дурака, вотъ и все.

— Дураки самые счастливые люди,—сказала она тихимъ голосомъ.—Есть что-то общее между ними и... Ахъ! впрочемъ, не стоитъ говорить!

Она постояла еще минуту, слегка опираясь руками на каменную баллюстраду и глядя вдаль, черезъ озеро. Мэнистей молча наблюдалъ за ней, продолжая покуривать свою сигару.

— Ну, я очень скоро возвращусь,—сказала она, собирая свой зонтикъ и молитвенникъ.—Не будетъ ли нашей обязанностью пригласить потомъ миссъ Фостеръ съ собой на прогулку?

— Почему бы не предоставить ее моей тетушкѣ?

Она прошла мимо него, слегка кивнувъ ему на прощанье головой. И вотъ, сквозь пролеты баллюстрады Мэнистей могъ видѣть, какъ она взбиралась вверхъ по улицѣ деревни, слегка приподнимая платье надъ своими изящно обутыми ножками, а толпа ребятишекъ слѣдовала за ней по пятамъ, выпрашивая себѣ полпенни.

Онъ видѣлъ, какъ она остановилась въ нерѣшительности, затѣмъ раскрыла маленькій бархатный мѣшечекъ, висѣвшій у ея пояса, и бросила горсть сольди въ толпу ребятишекъ. Они, съ криками и толкая другъ друга, кинулись на эти монетки.

Миссисъ Бургоинъ посмотрѣла на нихъ съ улыбкой и вмѣстѣ съ сожалѣніемъ, покачала головой и пошла дальше.

— О, Элиноръ, какъ вы малодушны!—проговорилъ Мэнистей, съ беззвучнымъ смѣхомъ откидываясь на спинку своего кресла. Онъ хорошо зналъ, что, подъ покровительствомъ его самого или его тетки, миссисъ Бургоинъ еще могла пройти мимо этихъ маленькихъ бродягъ и даже мимо тѣхъ несчастныхъ безрукихъ или безногихъ, которые попадались на Альбанской дорогѣ,—пройти мимо, строго придерживаясь шотландскихъ взглядовъ миссъ Мэнистей на нищенство. Но сама по себѣ она не могла отказать,—она не могла выносить, чтобы на нее хмурились, даже хотя бы одну минуту. Она должна давать— должна предоставить себѣ роскошь быть всѣми любимой. Тоже самое соображеніе лежало въ основѣ этой щедрости ея по отношенію всѣхъ служителей, привратниковъ, кэбменовъ, этихъ раздаваемыхъ ею подарковъ, этой доброты, которую она за послѣдніе три дня проявляла къ американской дѣвушкѣ. Черезчуръ ужъ много доброты! Или это было отсутствіе воли?

Мэнистей возвратился къ своимъ газетамъ. Покончивъ съ ними, онъ поднялся и началъ ходить по каменной террасѣ, наклонивъ, по обыкновенію, впередъ свою большую голову, какъ будто тяжесть ея была непосильною для плечъ. Газеты снова привели его въ безпокойство, нарушили его хорошее утреннее настроеніе, вызванное, быть-можетъ, теплой апрѣльской погодой и тѣмъ ощущеніемъ, которое именуется bien-être.

— Бездѣльничать тутъ въ этой виллѣ, въ обществѣ двухъ женщинъ,—съ горечью сказалъ онъ себѣ,—между тѣмъ какъ совершаются всѣ эти вещи!

Газеты были полны новостей—о потерянныхъ и выигранныхъ сраженіяхъ, о вопросахъ, съ которыми онъ нѣкогда былъ такъ тѣсно связанъ. Пробѣгая эти столбцы, онъ раза два повстрѣчалъ и свое собственное имя; цитировалось его мнѣніе, но только, какъ мнѣніе человѣка, покинувшаго поле битвы, человѣка прошлаго и умершаго для политики.

Когда онъ стоялъ тутъ такимъ образомъ, въ своей обычной позѣ, глядя на Альбанское озеро, съ его берегами, поросшими дрокомъ,—имъ внезапно овладѣло страшное томленіе по Лондону съ его раскаленными улицами, съ его магазинами, клубами, парками. Ему живо представился рабочій кабинетъ въ одномъ изъ этихъ клубовъ, всѣ эти столь знакомые ему люди, собиравшіеся въ этомъ кабинетѣ, всѣ эти толки объ

утреннихъ новостяхъ, болтовня палаты общинъ; онъ представлялъ самого себя въ качествѣ близкаго члена этого тѣснаго кружка и вновь ощутилъ влеченіе къ этимъ скоропреходящимъ радостямъ, которыя даются сознаніемъ власти, связанной съ общественнымъ положеніемъ. И не то, чтобы онъ дорожилъ этими радостями хотя въ половину настолько, какъ другіе люди. Соглашаться съ другими значило быть на полпути къ сомнѣнію—противорѣчіе было его характеромъ.

Тѣмъ не менѣе, теперь, когда онъ, одинокій и забытый, былъ лишенъ этого, когда игра была для него вполнѣ недосягаемой,—теперь все это минутами казалось ему нестерпимо привлекательнымъ.

Ничего не было у него теперь впереди въ теченіе этихъ долгихъ дней на Альбанской виллѣ, за исключеніемъ часовъ работы вмѣстѣ съ Элиноръ, прогулокъ вмѣстѣ съ Элиноръ, завтраковъ и обѣдовъ съ теткой и Элиноръ—а тутъ еще, для вящшаго разнообразія, миссъ Фостеръ. Въ немъ заговорило мужское безпокойство. Онъ такъ спѣшилъ въ эту виллу, въ эти мирные холмы, съ тѣмъ, чтобы скорѣе привести къ концу свою давно откладываемую книгу?.. И что же? Здѣсь, взамѣнъ разговоровъ и развлеченій Рима, тысячи непріятностей и сомнѣній скопилось надъ его головой. Въ Римѣ онъ былъ еще силой. Не смотря на его странное изолированное положеніе, было извѣстно, что онъ состоялъ защитникомъ римско-католическаго строя, панегеристомъ Льва XIII, апологетомъ папскаго значенія въ Италіи. А этого было достаточно, чтобы передъ нимъ раскрылись сокровенныя стороны католической жизни. Ихъ квартира въ Римѣ, къ великому оскорбленію шотландскихъ инстинктовъ миссъ Мэнистей, посѣщалась духовными лицами всевозможнаго рода и сана. Кардиналы, итальянскіе и иностранные, пили послѣобѣденный чай, разливаемый ручками миссисъ Бургоинъ; черныя и бѣлыя одѣянія доминиканцевъ, коричневыя рясы францисканцевъ, черныя мантіи іезуитовъ—все это видѣла лѣстница въ «Via Sistina». Свѣдѣнія, большею частью не обыденнаго значенія, были въ полномъ распоряженіи Мэнистея. Онъ чувствовалъ біеніе и вихрь великой католической организаціи, когда всѣ ея нервныя нити собираются къ мозговому центру въ Ватиканѣ. Мало того—онъ имѣлъ два случая свободно поговорить съ самимъ Львомъ XIII.

И все это онъ нетерпѣливо оттолкнулъ отъ себя для того, чтобы скорѣе закончить свою книгу и нанести свой «ударъ». И вотъ, неужели, въ тиши этихъ холмовъ, онъ начинаетъ терять вѣру въ эту книгу и въ то удовлетвореніе, которое она ему принесетъ? Онъ былъ способенъ на самую чрезмѣрную гордость и на самое безграничное временное отвращеніе къ своимъ мыслямъ и поступкамъ. Подобное-то отвращеніе, каза-

лось, начинало закипать во всѣхъ его жилахъ, отнимая всякій вкусъ къ жизни и къ работѣ. Вѣроятно такъ и будетъ до конца: человѣкъ политики въ немъ достаточно силенъ, чтобы побороть литератора; а литераторъ тоже всегда готовъ отвлечь и парализовать политика. Что же касается книги, то, подобно своему автору, чѣмъ же была она—рыбой-ли, мясомъ-ли, или какой-нибудь дичью? Какой выводъ могъ сдѣлать изъ нея обыкновенный смертный? А въ наше время эти обыкновенные смертные рѣшаютъ все.

Ну, что-же! — если книга потерпитъ крушеніе, то не онъ одинъ будетъ страдать... Бѣдная Элиноръ! — бѣдная, добрая, преданная Элиноръ!

Однако, когда мысль о ней промелькнула среди его размышленій, къ ней примѣшалось какое-то чувство досады. Что, если она способствовала тому, чтобы удерживать его въ раю дураковъ, затемняя отъ него истину этой нѣжной завѣсой своей привязанности?

Мысль его остановилась на этихъ вопросахъ только мимоходомъ, и затѣмъ онъ отбросилъ ихъ прочь съ чувствомъ угрызенія. Наряду съ поверхностнымъ себялюбіемъ въ его сложной натурѣ были широкіе, великодушные элементы. И притомъ, ничто не могло устоять передъ воспоминаніемъ о той милой, самоотверженной преданности, которая расточалась ему и его работѣ въ теченіе всей зимы! Какое право имѣлъ онъ это принимать? Что должно было это означать? Куда могло повести?

Онъ достаточно вѣрно угадывалъ предположенія друзей и знакомыхъ, видавшихъ ихъ вмѣстѣ въ Римѣ. Элиноръ Бургоинъ всего 30 лѣтъ; она такъ привлекательна и приходится ему дальней родственницей. Что касается его самого, то онъ хорошо зналъ, что, согласно мнѣнію всего свѣта, начиная съ мнѣнія его собственной тетушки, его обязанностью было жениться и жениться скорѣе. Онъ былъ еще молодъ, у него была собственность, требовавшая наслѣдника, и ветхій домъ, для котораго будетъ лучше, если въ немъ поселится хозяйка. Онъ былъ почти увѣренъ, что тетя Патти уже имѣла виды на Элиноръ для этой роли.

Ну, если такъ, то тетя Патти была менѣе проницательна, нежели обыкновенно. Женитьба?.. Одно представленіе о ея путахъ и бремени было для него ненавистно теперь не менѣе, чѣмъ въ 20 лѣтъ. Что будетъ онъ дѣлать съ женой, тѣмъ болѣе съ сыномъ? Мысль о продолженіи его собственной жизни въ другомъ существѣ наполняла его отвращеніемъ. Какой былъ смыслъ вселять въ другого тотъ ядъ, который отравлялъ его собственное существо? А что, если это будетъ дочь—да еще съ глазами его безумной сестрицы Алисы? Или же сынъ—со всѣми

противорѣчіями и слабостями, но безъ талантовъ своего отца? Люди различнымъ образомъ представляютъ себѣ будущее. Но тотъ особый образъ, который именуется родительскимъ званіемъ—никогда, даже въ минуты самаго крайняго оптимизма, не привлекалъ Мэнистея.

И, разумѣется, Элиноръ понимала его! Да онъ и не былъ у нея въ долгу. Нѣтъ!—онъ зналъ достаточно хорошо, что обладаетъ способностью доставить женщинѣ много пріятныхъ часовъ. Зима эта была для Элиноръ счастливой зимой: и здоровье ея, и душа одинаково ожили. Дружба, которая у нихъ возникла, была вещью рѣдкой и изысканной. Понятно, когда книга будетъ закончена, отношенія должны нѣсколько измѣниться. Но друзьями — хорошими, близкими друзьями — они должны остаться навсегда.

Для этого рода утонченныхъ чувствъ было достаточно мѣста и досуга въ его жизни. Дни сильныхъ страстей для него миновали. Въ ранней молодости онъ имѣлъ одно-два приключенія, на которыя могъ оглянуться съ полуторжествующимъ сознаніемъ, что ни одинъ человѣкъ не проникалъ дальше въ глубину чувства, безумнѣе и утонченнѣе не упивался страстью, нежели онъ. Приключенія эти имѣли мѣсто въ періодъ между 20-ю и 30-ю годами, который прошелъ для него въ путешествіи, въ охотѣ, въ писательствѣ, въ смѣлой прихотливой погонѣ за возможно болѣе обширнымъ опытомъ. Но все это прошло.

Прошло-ли? Да! Но когда онъ отвелъ глаза отъ озера, передъ его внутреннимъ взоромъ промелькнули апельсинныя рощи Гренады, рѣзныя украшенія Альгамбры, нѣжный взглядъ сверкающихъ глазъ, развѣвающееся легкое бѣлое платье...

«Память, скорѣе твои скрижали!»

А затѣмъ снова, тамъ высоко — въ окнѣ венеціанскаго дворца—это изящное блѣдное лицо съ его полупрезрительнымъ выраженіемъ и золотымъ ореоломъ волосъ вокругъ миніатюрной головки, и въ довершеніе всего, это самое лицо, эта высокая стройная фигура уже совсѣмъ близко, около него, на террасѣ Бургундскаго замка... Гибкія руки заломлены въ гордой печали, слезы текутъ по нѣжнымъ щекамъ, которыхъ уже не коснутся его губы.

— Ахъ!—онъ вздохнулъ всею грудью и снова зашагалъ по балкону.—Все это дѣла давно минувшія!.. Они имѣли отношеніе къ совсѣмъ другому человѣку и изъ другого совсѣмъ міра. Политика, честолюбіе овладѣли имъ съ той поры, а женщины затрогивали теперь въ немъ иные инстинкты—скорѣе инстинкты дипломата и интригана, нежели любовника. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ онѣ были его друзьями и орудіями, но не орудіями недостойныхъ дѣйствій. Онѣ восхищали его, и власть его

надъ ними была основана на естественномъ сочувствіи и взаимномъ пониманіи. Все это, быть можетъ, было наслѣдственно: отецъ его обладалъ такимъ же даромъ. Къ чему скрывать, что, какъ отецъ, такъ и онъ, были многимъ обязаны женщинамъ? Чего же тутъ стыдиться? Отецъ былъ однимъ изъ талантливѣйшихъ и уважаемыхъ людей своего времени; а сынъ его, поскольку дѣло касалось англійскаго общества, не имѣлъ на своей совѣсти даже тѣни какого-бы то ни было скандала.

Насколько понимала его Элинóръ? Онъ съ улыбкой пожалъ плечами: вѣроятно она знала его лучше, чѣмъ онъ зналъ себя самъ. Къ тому же она не была наивной дѣвочкой, полной иллюзіи и мечтаній о любовныхъ дѣлахъ. Святыя небеса! Почему не зналъ онъ ее, почему не встрѣтилъ въ тѣ времена, когда она еще была подъ тираніей этого невыносимаго супруга! Онъ могъ бы тогда нѣсколько облегчить ей это бремя, могъ бы нѣкоторымъ образомъ служить ей защитой—какъ это можетъ сдѣлать дальній родственникъ... Тогда оба они были моложе... Но нѣтъ... лучше, что нѣтъ!

Что же касается настоящаго, то дайте ему только выбраться изъ этой путаницы, въ которую онъ попалъ, дайте найти обратный путь къ дѣятельности и къ мѣсту, ему по праву принадлежащимъ—и тогда многія вещи примутъ для него совсѣмъ иной видъ. Быть можетъ—какъ это знать?—въ будущемъ, когда молодость будетъ еще болѣе забыта ими обоими, — быть можетъ онъ и Элиноръ въ концѣ концовъ еще подадутъ другъ другу руку, присядутъ у одного и того же очага, а теперешняя дружба ихъ перейдетъ въ привязанность иного характера. Это вполнѣ возможно, только....

Внезапный грохотъ стеклянной двери заставилъ его оглянуться. То была миссъ Фостеръ, торопливо направлявшаяся черезъ крытый коридоръ, ведущій къ наружной лѣстницѣ. Она не разсчитала силы вѣтра въ сѣверной сторонѣ дома, и стеклянная дверь смежной библіотеки выскользнула у нея изъ рукъ. Она прошла мимо Мэнистея съ нѣсколько испуганнымъ и виноватымъ видомъ, торопливо растворила наружную дверь и сбѣжала съ лѣстницы.

Мэнистей слѣдилъ, какъ она повернула въ садъ. Тѣни отъ дубовыхъ листьевъ переливались на ея соломенной шляпкѣ, на ея простой черной накидкѣ и на бѣломъ платьѣ. Ея темныхъ волосъ въ это утро не коснулись причудливыя ручки Элиноръ, и они были плотно приколоты на затылкѣ. Ея простой зонтикъ и черныя шведскія перчатки были олицетвореніемъ опрятности — воскресной опрятности средняго класса.

Мэнистей съ легкой насмѣшкой вернулся къ мыслямъ, занимавшимъ его полчаса назадъ. Онъ размышлялъ о «женщинахъ», о прелести «женщинъ», о своей врожденной склон-

ности къ ихъ обществу. Но Боже, какъ узокъ міръ каждаго изъ насъ!

Это «изъ насъ» относилось, разумѣется, къ тому небольшому высшему космополитическому классу, который порождаетъ типы, подобные Элиноръ Бургоинъ. А тутъ появилась эта дѣвушка, чтобы напомнить ему, чѣмъ была, въ дѣйствительности, средняя добродѣтельная женщина Стараго или Новаго свѣта.

Несмотря на все, однако, она выступала хорошо и голову несла замѣчательно красиво, во всѣхъ ея движеніяхъ чувствовалась свобода первой молодости. Онъ невольно слѣдилъ за этими движеніями взглядомъ, привыкшимъ подмѣчать подобныя вещи, между тѣмъ какъ она проходила тамъ, между старыми деревьями и разбросанными по землѣ обломками греко-романской скульптуры.

Въ это послѣ-обѣда Льюси Фостеръ сидѣла одна въ саду виллы. Въ рукахъ у нея была книга проповѣдей знаменитаго бостонскаго проповѣдника, и она то углублялась въ нее, то смотрѣла кругомъ. Миссъ Мэнистей сообщила ей, что между четырьмя и пятью часами изъ Рима вѣроятно пріѣдутъ нѣкоторые посѣтители, и дѣйствительно, совсѣмъ близко отъ нея маленькій служитель, бѣгая взадъ и впередъ съ волненіемъ, поспѣшностью и увлеченіемъ, которыя не удостоилъ бы выказать англійскій слуга,—разставлялъ стулья, чайные столики и накрывалъ чайные приборы.

Затѣмъ этотъ самый Альфредо на ципочкахъ приблизился къ молчаливой лэди, сидѣвшей подъ деревьями.

Не будетъ ли синьорина такъ добра, чтобы придти посмотрѣть на столики? Синьора—такъ вся домашняя прислуга называла миссъ Мэнистей—дала указанія, но онъ, Альфредо, не былъ увѣренъ, все ли хорошо, а было бы такъ грустно, еслибы синьора пришла и осталась недовольна!

Льюси встала и пошла взглянуть. Она замѣтила, что гдѣ-то недостаетъ сахарныхъ щипцовъ. Альфредо съ быстротою вѣтра устремился на поиски за этими щипцами; онъ бѣжалъ вдоль аллеи маленькими проворными шажками, между тѣмъ какъ фалды его фрака развѣвались вслѣдъ за нимъ.

«Вѣчное дитя!» А между тѣмъ, онъ пять лѣтъ состоялъ въ кавалеріи; онъ былъ прекрасно воспитанъ; почеркъ у него былъ лучше, нежели даже у самого Мэнистея, и по окончаніи срока своей службы на виллѣ, благодаря своимъ познаніямъ, онъ уже былъ приглашенъ въ качествѣ управляющаго на фабрику фейерверковъ въ Римѣ.

Льюси съ ласковой улыбкой смотрѣла вслѣдъ коротенькой бѣгущей фигуркѣ служителя. Какой умный и милый народъ!

Впродолженіи тѣхъ трехъ дней, которые она провела въ виллѣ, она уже пріобрѣла друзей, поскольку это позволяли ея застѣнчивость и плохой итальянскій языкъ:—подружилась съ высокой статной дѣвушкой, которая ей прислуживала и которая своимъ видомъ и манерой держать себя напоминала королеву, а затѣмъ съ Маддаленой, «donna di servizio», приходившей изъ деревни помогать по утрамъ—женщиной лѣтъ 50, болтливо-любезной и необыкновенно преданной. Она слѣдовала за Льюси изъ комнаты въ комнату, подбирая за ней платки, книги, бросалась опрометью затворять окна и порою, когда заставала Льюси одну, присаживалась около нея на полу и допрашивала, неизвѣстно ли синьоринѣ, довольна ли синьора здѣшней прислугой вообще, а ею, Маддаленою, въ частности? Затѣмъ былъ еще бѣдный старый привратникъ, едва державшійся на ногахъ 75-лѣтній ветеранъ. Онъ прослужилъ у Малестрини цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ и теперь способенъ былъ только приподнимать свою шляпу передъ постояльцами, когда они входили или выходили изъ виллы,—обязанность, которую онъ тѣмъ не менѣе исполнялъ съ неподражаемымъ усердіемъ. А потомъ этотъ человѣкъ, который везъ ее со станціи и дорогой отечески давалъ ей уроки итальянскаго языка? А этотъ прелестный мальчуганъ съ блестящими глазами, который прошлымъ вечеромъ показывалъ ей дорогу черезъ лѣсныя тропинки къ монастырю на отдаленномъ концѣ озера? А тѣ угольщики, которыхъ они повстрѣчали на пути?.. И еще много другихъ!

Что было дурного въ этомъ народѣ и почему мистеръ Мэнистей не находилъ ни однаго добраго слова ни объ ихъ учрежденіяхъ, ни объ ихъ исторіи, ни объ ихъ общественныхъ дѣятеляхъ? Какъ это несправедливо! Впрочемъ, онъ противорѣчилъ самъ себѣ въ этомъ случаѣ: всегда такой молчаливый съ миссисъ Бургоинъ и миссъ Мэнистей,—онъ всегда находилъ улыбку или пріятную фразу для туземныхъ жителей. Слуги обожали его, а вдоль всей длинной улицы Маринаты его встрѣчали дружескими взорами. По итальянски онъ говорилъ свободно; его красивая наружность, а также, быть можетъ, этотъ смѣлый, повелительный видъ придавали ему какое-то королевское величіе въ глазахъ этой впечатлительной расы.

Но жить съ народомъ и улыбаться ему затѣмъ, чтобы выставить его на позоръ передъ Европой, изобразить какимъто илотомъ между націями,—въ этомъ было своего рода предательство! Льюси Фостеръ припомнились нѣкоторые толки и впечатлѣнія, вызванные въ Америкѣ посѣщеніемъ Мэнистея и выразившіеся въ нѣсколькихъ лекціяхъ, враждебныхъ англичанамъ. Она раздѣляла эти чувства. Она все еще была сердита, и вся ея молодая неопытность и симпатія вооружились въ за-

щиту Италіи. Кто и что былъ этотъ критикъ, который осмѣливался такъ щедро порицать и хвалить такъ скупо?

Мистеръ Мэнистей конечно еще не повѣрялъ ей своихъ взглядовъ. Ей казалось даже, что она едва ли говорила съ нимъ съ того перваго вечера по ея пріѣздѣ. Но ей пришлось слышать дальнѣйшія части книги, прочитанныя вслухъ и относившіяся на этотъ разъ къ существу предмета, а не къ украшеніямъ. Вся вилла, дѣйствительно, была озабочена этой книгой, а миссисъ Бургоинъ блѣднѣла и худѣла надъ нею.

Миссисъ Бургоинъ! Дѣвушка впала въ задумчивость. Лэди эта была отдаленной кузиной мистеру Мэнистею; она потеряла мужа и ребенка во время какого-то ужаснаго несчастія; она не была невѣстой Мэнистея, или, по крайней мѣрѣ, никто объ этомъ не говорилъ; и хотя она посѣщала церковь, но не была католичкой, а даже наоборотъ, по своему рожденію, принадлежала къ шотландскимъ пресвитеріанамъ, такъ какъ была дочерью шотландскаго лорда старинной фамиліи, нѣкоего генерала Делафильдъ Мьюира.

— Она очень добра ко мнѣ,—думала Льюси Фостеръ въ порывѣ признательности, смѣшанной съ недоумѣніемъ.—Не знаю, почему она такъ обо мнѣ заботится? Она такъ непохожа на меня—такая... такая аристократическая, такая опытная! Я не могу быть для нея нисколько интересной. А между тѣмъ она очень ласкова со мной, да и со всѣми, правда. Но...

И снова Льюси углубилась въ размышленія надъ отношеніями мистера Мэнистея къ своей кузинѣ. Ей никогда не случалось встрѣчать что-нибудь подобное, и уже одно сосѣдство съ этимъ смущало ее, она сама не знала почему. Была ли это тѣсная дружба—духовная и умственная связь? Они такъ походили на повѣнчанныхъ—только послѣдніе какъ-то сдержаннѣе, скрытнѣе. Впрочемъ, разумѣется, это одна только дружба: миссъ Мэнистей говорила, что племянникъ ея и миссисъ Бургоинъ были «большими друзьями». Вотъ, въ книжкахъ такія вещи попадаются иногда,—но встрѣчать ихъ въ дѣйствительной жизни приходится не часто.

Звукъ приближающихся шаговъ заставилъ ее поднять глаза.

То былъ не Альфредо, а молодой человѣкъ, повидимому англичанинъ, который направлялся къ ней. Волосы у него были бѣлокурые, онъ улыбался, шляпу держалъ подъ рукой и былъ одѣтъ въ сюртукъ съ розой въ петлицѣ—вотъ все, что она успѣла подмѣтить, прежде нежели онъ очутился около нея.

— Могу я представиться? Я долженъ это сдѣлать. Миссъ Мэнистей приказала мнѣ васъ отыскать. Я—Реджи Бруклинъ, другъ миссисъ Бургоинъ. Развѣ вы не слыхали обо мнѣ? Моя

обязанность заботиться о ней, когда Мэнистей не исполняетъ этой обязанности. Я-то именно и поведу васъ всѣхъ въ церковь св. Петра на слѣдующей недѣлѣ.

Льюси подняла глаза и увидала прелестное лицо, освѣщенное самыми голубыми изъ всѣхъ глазъ и украшенное небольшими свѣтлыми усами; выраженіе его было довѣрчивое и вмѣстѣ вызывающее.

Не это ли тотъ «очаровательный мальчикъ» изъ посольства, о которомъ говорила ей миссисъ Бургоинъ? Безъ сомнѣнія это онъ! Краска слегка прилила къ ея щекамъ. Она не привыкла къ такимъ манерамъ и обращенію молодыхъ людей.

— Не угодно ли вамъ присѣсть?—Она спокойно указала ему на другой конецъ скамьи.

Онъ тотчасъ же сѣлъ и, обмахиваясь шляпой, украдкой посматривалъ на нее.

— Вы вѣдь американка, не правда-ли? Вы не сердитесь на меня за этотъ вопросъ?

— Ничуть. Да, я изъ Америки, и вотъ въ первый разъ въ Европѣ.

— Что-же, Италія, вѣдь, недурна, не правда-ли? Прекрасное мѣсто Римъ, какъ бы то ни было. Вы не чувствуете себя нѣсколько подавленной всѣмъ этимъ? Я испыталъ это на себѣ, когда пріѣхалъ.

— Я здѣсь еще только четыре дня.

— И разумѣется, тутъ никто не имѣлъ времени свести васъ куда бы то ни было? Я это прекрасно угадываю! Ну, какъ подвигается эта книга?

— Я не знаю,—сказала она, и глаза ея слегка засмѣялись; эта неудержимая улыбка, какъ молнія, освѣтила ея серьезное лицо.

Ея собесѣдникъ посмотрѣлъ на нее съ одобреніемъ.

— По чести она хороша собой,—думалъ онъ въ эту минуту,—хотя одѣта безвкусно, точно школьная учительница.

На самомъ дѣлѣ все произошло такъ: миссисъ Бургоинъ приказала ему, чтобы онъ шелъ къ Льюси и постарался быть пріятнымъ, а онъ привыкъ слушаться приказаній, исходящихъ отъ этого начальства.

— Развѣ онъ не читаетъ вамъ эту книгу день и ночь? — спросилъ молодой Бруклинъ:—таковъ вѣдь его обычай.

— Я слышала небольшіе отрывки... это очень интересно.

Молодой человѣкъ пожалъ плечами.

— Странная вещь—эта книга. Мой здѣшній начальникъ очень недоволенъ ею, какъ и многіе англичане. Зачѣмъ понадобилось англичанину пріѣзжать сюда и писать книгу противъ Италіи?.. И притомъ англичанину, участвовавшему въ правительствѣ!.. Все, что онъ скажетъ, будетъ понято особеннымъ

образомъ. Вѣдь мы друзья Италіи и всегда ее защищали. Когда я подумаю о томъ, что онъ пишетъ и какой шумъ все это произведетъ — мнѣ, клянусь, дѣлается стыдно смотрѣть въ лицо итальянскимъ друзьямъ. И въ особенности теперь, когда они такъ угнетены своей неудачей.

Это была година абиссинскаго бѣдствія,—со времени рѣзни подъ Адовой еще не прошло двухъ мѣсяцевъ.

Выраженіе лица Льюси свидѣтельствовало объ ея сочувствіи.

— Что-же заставляетъ его?..

— Избирать окольный путь? Ахъ Боже мой! да что заставляетъ Мэнистея вообще дѣлать все, что онъ дѣлаетъ? Понятно, мнѣ не слѣдовало бы этого говорить. Я вѣдь только подчиненный, а онъ человѣкъ геніальный... болѣе или менѣе... мы всѣ это знаемъ. Но что заставило его поступить такъ, какъ онъ поступилъ въ прошломъ году? Либералы покончили съ нимъ во всякомъ случаѣ, и консерваторы не желаютъ его также. Онъ совершенно непрактиченъ, всегда ведетъ свою собственную линію и гордъ, какъ Люциферъ. Я однажды слышалъ, какъ онъ говорилъ одному изъ моихъ друзей, что не знаетъ, какъ это повиноваться кому нибудь—и никогда этому не научится. Это все потому, что его не посылали въ общественную школу... Это чистое несчастіе... дѣло рукъ его матери, я такъ полагаю. Она считала его такимъ необыкновенно умнымъ!.. Нельзя же было относиться къ нему, какъ къ другимъ людямъ. Вы не находите, что это большая ошибка?

— Что?

— Да вотъ, предпочитать тропинки, когда можешь держаться торной дороги?

Льюси подумала, затѣмъ улыбка снова озарила ея лицо.

— Мнѣ кажется, я за тропинки!

— А!—это потому, что вы американка. Слѣдовало ожидать, что вы такъ отвѣтите. Всѣ тамъ у васъ стараются быть одинъ лучше другого. Но увѣряю васъ, что у англичанъ это не такъ: ихъ необходимо впречь въ ярмо,—таково мое наблюденіе. Разумѣется, очень жалко, что Мэнистей когда бы то ни было состоялъ въ парламентѣ. Видите ли, онъ провелъ лѣтъ семь-восемь за границей, всюду водился съ видными людьми и притомъ реакціонерами. Послѣдняя вещь въ мірѣ, въ которой онъ что либо смыслилъ, была англійская политика. Но отецъ его былъ либералъ и долгое время состоялъ министромъ. Когда Мэнистей возвратился домой и одинъ изъ представителей, принадлежавшій къ партіи его отца, умеръ,—не отрицаю, это было вполнѣ естественно, что они помѣстили туда Мэнистея. А онъ представляетъ изъ себя такую стран-

ную смѣсь, что вѣроятно и самъ не зналъ, какой онъ партіи. Но скажу вамъ только одну вещь...

Онъ медленно покачалъ головой съ видомъ будущаго дипломата.

— «Къ какой партіи присталъ — съ той и обѣдай», — это не громко, но имѣетъ большое значеніе. А вотъ, Мэнистей всегда обѣдалъ съ противной стороной. Всѣ высокопоставленныя лэди изъ торіевъ, всѣ очаровательныя дамы и мужчины съ католическими взглядами... а все это доложу вамъ премилыя личности!.. всѣ они ухватились за него. А потомъ, вопросъ коснулся этихъ противныхъ школъ... Ну развѣ вы не желаете, чтобы онѣ всѣ провалились на дно моря? Потомъ начальникъ его былъ болѣе несносный, чѣмъ обыкновенно (ахъ, у него было множество дѣлъ на рукахъ въ это время—и онъ не годился въ либералы!)... а друзья его говорили ему... и такимъ образомъ... Ахъ! вотъ и они!

И поднявъ свою шляпу кверху, молодой человѣкъ помахалъ ею по направленію миссисъ Бургоинъ, которая, вмѣстѣ съ Мэнистеемъ и тремя-четырьмя другими спутниками, только что показалась на дальнемъ концѣ дубовой аллеи, простиравшейся отъ ихъ каменной скамьи до самой виллы.

— Какъ, и патронъ мой тутъ!—воскликнулъ Бруклинъ.— Я не думалъ, что онъ будетъ здѣсь сегодня. А что, вы знакомы съ моимъ начальникомъ?

И онъ обернулся къ ней съ самымъ яснымъ и довѣрчивымъ видомъ, какъ будто они были друзьями дѣтства.

— Который изъ нихъ вашъ начальникъ?—спросила Льюси, поставленная втупикъ. — Тотъ высокій джентльменъ съ бѣлыми волосами?

— Ну да, это и есть посланникъ! Я такъ радъ, что вы его увидите. Онъ прелестный человѣкъ, мой начальникъ! А его дочь держитъ въ рукахъ весь домъ. Я скажу вамъ одну вещь, если вы обѣщаете хранить ее въ секретѣ,—Бруклинъ нагнулся къ ней.—Онъ любитъ миссисъ Бургоинъ... разумѣется, вѣдь всѣ отъ нея безъ ума!.. но Мэнистея онъ цѣнитъ не по его собственной «мэнистеевской» оцѣнкѣ. Я слышалъ, что онъ давалъ хорошіе совѣты Мэнистею; и знаете, врядъ ли человѣкъ могъ бы перенести такіе совѣты... Но кто же это тамъ, по другую сторону?

Онъ на минуту приложилъ руку къ глазамъ, затѣмъ разразился смѣхомъ.

— Вотъ какъ! Тутъ значитъ и другой литераторъ—Беллазисъ. Вы, вѣроятно читали нѣкоторыя изъ его поэмъ и театральныхъ пьесъ. Римъ едва былъ въ состояніи выдержать ихъ въ теченіе этой зимы. Это еще хуже, нежели археологи. Миссисъ Бургоинъ всегда старается быть съ нимъ любезной для того,

чтобы онъ не дѣлалъ нелюбезныхъ замѣчаній по адресу Мэнистея. А что, развѣ вы не находите, что она восхитительна?

Онъ понизилъ голосъ, но глаза его свѣтились, когда онъ обернулся къ своей собесѣдницѣ.

— Миссисъ Бургоинъ?—спросила Льюси.—Да, дѣйствительно! Она такая... такая добрая.

— О, она такая милая, эта Элиноръ Бургоинъ! И я имѣю право называть ее такъ, потому что, вы знаете, я довожусь ей кузеномъ, какъ разъ, какъ Мэнистей, только съ другой стороны. Я пробовалъ-таки заботиться о ней нынѣшнюю зиму въ Римѣ, — сама она никогда о себѣ не заботится. А между тѣмъ, она такая слабенькая. Вы, разумѣется, знаете ея исторію?

Онъ многозначительно, по юношески, еще болѣе понизилъ голосъ и заговорилъ почти шопотомъ, хотя приближающаяся компанія была еще далеко. Льюси отрицательно покачала головой.

— Ну, это ужасная повѣсть, только мнѣ осталась всего одна минута времени. Мужъ ея, видите-ли, страдалъ пневмоніей. Они были вмѣстѣ въ Швейцаріи, онъ простудился во время одной прогулки и разъ ночью пришелъ въ состояніе безумія... вы понимаете, безумія подъ вліяніемъ жара и бреда. Бѣдная Элиноръ сама была такъ больна, что ее отдѣлили отъ мужа и помѣстили на другомъ концѣ отеля. А нянька у нихъ была пьяница... это положительно ужасно, не правда-ли?.. И пока эта нянька спала, какъ убитая, мистеръ Бургоинъ, въ своемъ безумномъ состояніи, направился, такъ что никто этого не слыхалъ, въ сосѣднюю комнату, гдѣ спалъ ребенокъ, вынулъ его спящаго изъ колыбели, вернулся съ нимъ обратно къ себѣ въ спальную, гдѣ окна были растворены, и вмѣстѣ съ мальчикомъ на рукахъ выбросился изъ окна. Отель былъ высокій и одной стѣной выходилъ на скалу, у подножія которой текла рѣка. Въ это время было много дождей, рѣка разлилась и въ теченіе нѣсколькихъ дней не могли розыскать тѣла. Когда несчастная Элиноръ проснулась, у нея уже ничего не оставалось въ мірѣ. Надо сказать, что, когда прошло первое сотрясеніе, она не столько сходила съ ума о мужѣ,— онъ далеко не дѣлалъ ее счастливой... Но ребенокъ!..

Онъ остановился: уже можно было разслышать веселый голосъ миссисъ Бургоинъ, которая теперь была близко. Можно было разсмотрѣть все изящество ея наряда — блескъ брилліантовъ на шеѣ, цвѣты у пояса. Глаза Льюси Фостеръ, затуманенные внезапными слезами, невольно остановились на этой стройной приближающейся фигурѣ.

IV.

Общество размѣстилось вокругъ чайныхъ столиковъ. Миссисъ Бургоинъ ласково положила свою руку на руку миссъ Фостеръ и представила ей двухъ-трехъ изъ новопріѣзжихъ.

Потомъ, пока миссъ Мэнистей, нѣсколько въ сторонѣ, внимала болтовнѣ посланника, который сидѣлъ около нея, опираясь своими старчески блѣдными руками на палку съ золотымъ набалдашникомъ, миссисъ Бургоинъ занялась мистеромъ Беллазисомъ и его чаемъ, такъ какъ джентльменъ этотъ боялся пропустить поѣздъ и имѣлъ въ своемъ распоряженіи очень мало времени.

Это былъ высокій, крѣпко сложенный господинъ съ обрюзглымъ блѣднымъ лицомъ и съ копной черныхъ волосъ, зачесанныхъ въ высокій хохолъ, напоминавшій птичій гребень. Вниманіе, которое ему расточала миссисъ Бургоинъ, онъ принималъ съ нѣсколько принужденнымъ достоинствомъ, хотя и не безъ пріятной улыбки. Мэнистей, между тѣмъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ покачивался на своемъ креслѣ, находясь въ одномъ изъ своихъ необузданныхъ настроеній. Вокругъ него столпилось нѣсколько молодыхъ людей, носившихъ громкія римскія фамиліи. Всѣ они принадлежали къ «Guardia Nobile» и были одѣты въ костюмы отъ англійскихъ портныхъ. Двое изъ нихъ, кромѣ того, имѣли матерей-англичанокъ. Они смѣялись и шутили, повременамъ обращаясь къ хозяину дома. Но онъ едва отвѣчалъ, занимаясь тѣмъ, что отрывалъ одинъ за другимъ стебельки окружающаго газона, разгрызалъ ихъ на кусочки и бросалъ прочь, — его обычная манера, когда онъ былъ раздосадованъ или не въ духѣ.

— И такъ, вы изволили прочесть мою книгу?—съ пріятностью говорилъ мистеръ Беллазисъ, обращаясь къ миссисъ Бургоинъ, подававшей ему чашку чая. Книга, о которой шла рѣчь, была объемистая и въ ней возрождалась повѣствовательная лирика нашихъ прадѣдовъ; несмотря на всѣ старанія извѣстной клики, свѣтъ не удостоивалъ ее вниманія.

— Ну да, разумѣется! Она такъ насъ заинтересовала. Но, кажется, въ своемъ письмѣ къ вамъ я уже высказывала тогда наше мнѣніе о ней?

И она бросила взглядъ на Мэнистея, какъ бы прося поддержки. Но онъ, повидимому, не слыхалъ того, что она сказала. Мистеръ Беллазисъ тоже оглянулся по его направленію; но все было напрасно. Лицо поэта затуманилось.

— Смѣю спросить, что именно вы теперь читаете?—спросилъ онъ, принимаясь снова за свой чай.

— Что читаемъ?—миссисъ Бургоинъ смутилась.

— Читали вы ее болѣе одного раза?

Она покраснѣла.

— Нѣтъ... боюсь, что...

— А! ну, мои римскіе друзья говорили, что книгу эту можно оцѣнить, только прочтя ее второй или третій разъ.

Миссисъ Бургоинъ испуганно подняла глаза, такъ какъ цѣлый ливень песку посыпался на ихъ чайный столикъ. Мэнистей въ эту минуту кликнулъ своего большого ньюфаундленда, лежавшаго на песчаной дорожкѣ; песъ вскочилъ на зовъ своего хозяина и, казалось, поднялъ съ собою весь щебень.

Мистеръ Беллазисъ нетерпѣливо стряхнулъ нѣсколько песчинокъ съ своего сюртука и добавилъ:

— Я только что получилъ цѣлую кипу лучшихъ журналовъ. Дѣйствительно, критика становится нынче совсѣмъ нелѣпой. Вы просматривали «Sentinel»?

Миссисъ Бургоинъ помедлила немного.

— Да, я видѣла, тамъ что-то говорилось по поводу стиля.

— Стиля!—Мистеръ Беллазисъ откинулся на своемъ стулѣ и громко засмѣялся. — Да вѣдь стиль отдѣланъ, такъ сказать, подъ увеличительнымъ стекломъ! Нѣтъ ни одной фразы, ни одного слова, за которыя я не могъ бы ручаться.

— Мистеръ Беллазисъ,—послышался любезный голосъ посланника:—вы съ этимъ поѣздомъ думаете ѣхать?

Великій человѣкъ посмотрѣлъ на свои часы.

— Ну да, разумѣется, — мнѣ никоимъ образомъ нельзя опоздать!—воскликнулъ литераторъ. Онъ поднялся и, отвѣшивая поклонъ миссисъ Бургоинъ, проговорилъ какъ бы про себя, но тѣмъ не менѣе такъ, чтобы было слышно вѣмъ:

— Сегодня вечеромъ я читаю свою пьесу—только что законченную—г-жѣ Сальвисъ.

Элиноръ улыбнулась и принесла ему свои поздравленія. Онъ распростился, и Мэнистей въ неловкомъ молчаніи проводилъ его до половины аллеи.

Затѣмъ, возвратившись, онъ со вздохомъ облегченія бросился въ кресло вблизи отъ Льюси Фостеръ и молодого Бруклина.

— Нестерпимый оселъ!—проговорилъ онъ шопотомъ, какъ бы совершенно забывая о присутствіи свидѣтелей.

Молодой человѣкъ посмотрѣлъ на Льюси глазами, которые такъ и прыгали отъ сдержаннаго смѣха.

— Кто эта молодая лэди у васъ?—спросилъ посланникъ.

Миссъ Мэнистей пояснила.

— Американка? Въ самомъ дѣлѣ? Я совершенно утратилъ чутье. Но теперь я вижу, я вижу! Позвольте, я сейчасъ вамъ скажу: она изъ Новой Англіи, не изъ Бостона, а изъ про-

винціи. Я теперь какъ разъ припоминаю этотъ типъ. Въ тотъ годъ, когда я былъ въ Вашингтонѣ, я прожилъ для поправленія здоровья нѣсколько недѣль въ деревнѣ, въ холмахъ Мэна. Тамошнія женщины показались мнѣ солью земли. Не могу ли я съ ней поговорить?

Миссъ Мэнистей провела его мимо остального общества къ Льюси и представила ей посланника.

— Не соблаговолите-ли вы свести меня на террасу и показать мнѣ св. Петра? Я знаю, онъ видѣнъ отсюда,—проговорилъ посланникъ пріятнымъ изысканнымъ тономъ.

Льюси поднялась смущенная, но въ тоже время съ улыбкой удовольствія, которая была ей очень къ лицу. Между тѣмъ, какъ она шла рядомъ съ этимъ старикомъ, въ головѣ ея промелькнула мысль, что дядѣ Бэну пріятно было бы услыхать объ этомъ! Льюси питала то особое «уваженіе къ личности», которое проистекаетъ не изъ снобизма, а изъ непосредственной симпатіи. Постъ, занимаемый этимъ человѣкомъ—вотъ что приводило ее въ трепетъ, а не его титулъ.

Проницательные глаза посланника окинули ея лицо и вообще всю внѣшность, стараясь уловить характерные признаки. Затѣмъ онъ вступилъ въ разговоръ, разсыпаясь передъ нею такъ, какъ не разсыпался даже передъ принцессой, которая въ это утро завтракала за его столомъ. И такъ какъ онъ былъ большимъ чародѣемъ въ свое время и слылъ за таковаго при многихъ дворахъ обоихъ полушарій, то Льюси Фостеръ прошла этотъ короткій путь съ большимъ удовольствіемъ. Являлось только одно неудобство. Она слышала, какъ другіе члены общества называли его «ваше превосходительство», а это никакъ не шло съ ея языка. Между тѣмъ, этотъ старикъ былъ такъ добръ и такъ величавъ, что, кажется, не было знака почтенія, котораго она не оказала бы ему, если бы только знала, какъ это сдѣлать.

Наконецъ они вышли на каменную террасу въ концѣ сада, обращенную къ Кампаньи.

— А, вотъ и онъ!—сказалъ посланникъ, проходя въ крайній уголъ террасы и указывая на сѣверъ.

Тутъ, заключенный въ рамку двухъ высокихъ сосенъ, въ легкой синевѣ отдаленія, виднѣлся великій храмъ.

— Развѣ это не производитъ на васъ потрясающаго впечатлѣнія?—спросилъ онъ, улыбаясь ей.—Когда я впервые очутился на этихъ холмахъ, я написалъ поэму, предметомъ которой былъ этотъ храмъ,—очень плохую поэму. Тутъ кроется какое то чудо. Куда бы вы ни пошли, этотъ храмъ слѣдуетъ за вами всюду. Какой бы ни шелъ ливень, какой бы ни поднимался туманъ—все кругомъ исчезаетъ изъ вида, а онъ остается. Крестьяне, живущіе на этихъ холмахъ, питаютъ на

этотъ счетъ какое-то суевѣріе. Они смотрятъ на этотъ храмъ, какъ на солнце. Когда онъ имъ невидимъ, они приходятъ въ уныніе, ожидая для себя какого-нибудь бѣдствія. Въ этомъ есть какой-то символъ, какая-то идея,—а такого рода вещи не могутъ насъ не трогать. Я представляю себѣ,—и онъ обернулся къ ней съ улыбкой,—что объ этомъ будетъ рѣчь въ книгѣ мистера Мэнистея.

Глаза ихъ обмѣнялись молчаливымъ согласіемъ.

— Да, есть символы!.. Этотъ храмъ заставляетъ биться мое старое сердце, потому что говоритъ такъ много... онъ говоритъ почти о цѣлой исторіи всей нашей расы. Но, обращаясь къ прошлому, я вспоминаю еще и о другомъ символѣ. Въ 74 г. я былъ въ Гарвардѣ, и мнѣ вспоминается, какъ я впервые увидалъ эти таблицы—вы помните?—въ «Memorial Hall'ѣ»,—на которыхъ записаны имена героевъ Гарварда, которые пали въ битвѣ?

Краска прилила къ лицу Льюси. Глаза ея наполнились слезами.

— Ахъ, да, да,—проговорила она поспѣшно и робко въ тоже время.—Отецъ мой потерялъ тогда двухъ братьевъ; тамъ стоятъ имена ихъ обоихъ.

Посланникъ обратилъ на нее ласковый взглядъ.

— Ну вотъ, вы и должны этимъ гордиться!.. должны гордиться! Эта стѣна, этотъ рядъ именъ, эта молодость и смерть—все это запечатлѣлось въ моей душѣ, какъ символы другого несравненнаго величія въ мірѣ! Первое изъ нихъ—онъ указалъ на храмъ—это религія. Другое—отечество. И вотъ, объ отечествѣ-то и забываетъ мистеръ Мэнистей, не правда-ли?

Старикъ покачалъ головой и углубился въ молчаніе, глядя вдаль, на подернутую дымкой Кампанью.

— Ахъ, да,—произнесъ онъ, поднимаясь,—мнѣ, вѣдь пора отправляться. Не пожелаете-ли вы меня посѣтить? Дочь моя вамъ напишетъ.

Пять минутъ спустя, посланникъ быстро катился по направленію къ Риму въ своемъ экипажѣ, довольный и собою, и этимъ днемъ. Въ это утро онъ отправилъ одну депешу, мастерски составленную, какъ онъ это справедливо сознавалъ, а въ это послѣ обѣда онъ доставилъ молодому существу нѣсколько счастливыхъ минутъ и тоже сознавалъ это вполнѣ.

Мэнистей не могъ проводить посланника до его экипажа,—онъ былъ занятъ другимъ гостемъ. Миссисъ Бургоинъ, молодой Бруклинъ и Льюси оказали за него это необходимое вниманіе.

Когда они вернулись, то застали на террасѣ новую группу. Центръ ея составляли сѣдой кардиналъ и Мэнистей.

Льюси съ изумленіемъ посмотрѣла на хозяина дома. Какое

превращеніе! Человѣкъ, который зѣвалъ въ теченіе всего послѣ обѣда, не обращая вниманія ни на что и ни на кого,—человѣкъ этотъ казался теперь совсѣмъ другимъ существомъ. Часъ тому назадъ, это былъ человѣкъ средняго возраста—теперь это былъ молодой, красивый, любезный господинъ, оживлявшій разговоръ и дававшій ему направленіе съ привычнымъ искусствомъ и легкостью человѣка, сознающаго себя учителемъ. Кто же совершилъ это колдовство? Кардиналъ?.. Кардиналъ сидѣлъ по правую руку Мэнистея, и одна изъ его морщинистыхъ рукъ покоилась на головѣ ньюфаундленда. Это было типическое итальянское лицо, широкое, съ добрыми глазами, нѣсколько сонными, но не лишенными ума. Изъ подъ его отороченной краснымъ рясы виднѣлись тоже красные чулки. Изящной работы крестъ и цѣпочка, красный кушакъ и широкая лента, окаймлявшая его шляпу съ большими полями—всѣ эти живые цвѣта прозводили пріятное впечатлѣніе въ тѣни деревьевъ.

Онъ былъ кардиналомъ куріи, но на самомъ дѣлѣ принадлежалъ къ конгрегаціи «Index'а».

Непосвященные думали, что онъ живетъ на этихъ холмахъ для своего здоровья; посвященные же знали, что онъ привезъ съ собою на эти высоты сочиненія одного германскаго католическаго профессора, которому угрожали всѣ громы Ватикана. И это было дѣло, требовавшее досуга и спокойствія.

Однако, когда онъ сидѣлъ, прихлебывая чай, предложенный ему миссъ Мэнистей, никто бы и не подумалъ о тѣхъ зловредныхъ латинскихъ страницахъ, за которыми онъ оставилъ своего секретаря. Онъ имѣлъ видъ человѣка, находившагося въ мирѣ со всѣмъ свѣтомъ—едва ли даже сознающаго весь блескъ своего амфитріона.

— Опять Италія! — шепнулъ Реджи Бруклинъ на ухо Льюси.—Бѣдная старая Италія! Можно быть увѣреннымъ, что рѣчь идетъ о ней, когда видишь около себя одного изъ этихъ черныхъ джентльменовъ.

Кардиналъ дѣйствительно далъ Мэнистею тему. Онъ принесъ сообщеніе о новомъ вандализмѣ правительства: постройки одного стараго Умбрійскаго монастыря были обращены въ пользованіе правительства; нѣсколько знаменитыхъ картинъ исчезли при этомъ и, какъ предполагали, были переданы одному парижскому торговцу, благодаря потворству подкупленнаго должностного лица.

Исторія эта довела Мэнистея до бѣлаго каленія. Это недостойное обращеніе съ монастырскими зданіями, это опустошеніе ихъ сокровищъ явилось для него неисчерпаемымъ предметомъ. Подзадоренный медлительной улыбкой кардинала, смѣхомъ и одобреніемъ молодыхъ людей, онъ избралъ исторію одного монастыря въ горахъ Орвіето, давно и хорошо ему

знакомую, и разсказалъ ее съ такими варьяціями, съ такою страстью и ироніей, на которыя способенъ былъ онъ одинъ... Льюси Фостеръ, которая, пылая негодованіемъ, сидѣла около миссъ Мэнистей, вполнѣ поняла наконецъ всю тайну славы и вліянія въ свѣтѣ этого человѣка.

Постепенно на исторіи этого монастыря и его уничтоженія нѣсколькими итальянскими чиновниками онъ построилъ характерную, образную, соотвѣтствующую его идеямъ картину Новой Италіи — мелкой, дерзкой, продажной, оскорбляющей и расхищающей Старую Италію,—почтенную, прекрасную и беззащитную. А затѣмъ естественный поворотъ мысли, толчекъ, данный кѣмъ-то изъ окружающихъ, перенесъ его къ скандалу, связанному съ абиссинской кампаніей—къ обвиненіямъ въ некомпетентности и продажности, которыя каждый радикальный органъ обращалъ теперь противъ правительства Криспи. Онъ разсказалъ послѣднія сплетни, неумолимо освѣщая ихъ, какъ лишній симптомъ закоренѣлой болѣзни, дѣлая сопоставленіе между людьми прошлаго и людьми настоящаго и забрызгивая одинаковой грязью рѣшительно все, пока итальянскій либерализмъ, начиная отъ Кавура и до Криспи, не предсталъ передъ слушателями во всемъ своемъ безобразіи и наготѣ, лишенный всей славы и оправданія, которыя нѣкогда выдвинули его впередъ на страницахъ исторіи.

Въ заключеніе, съ искусствомъ истиннаго оратора, онъ перешелъ къ этимъ холмамъ, къ уединенному монастырю, къ этой горсти монаховъ, забытыхъ въ старомъ святилищѣ, хранящихъ завѣты прошлаго, ожидающихъ будущаго,—наслѣдниковъ того общества, которое разрушитъ и переживетъ Новую Италію, какъ послѣдняя разрушила и пережила Старый Римъ, — приносящихъ свою ежедневную жертву среди ропота и уединенія лѣсовъ, — довѣрчивыхъ, мирныхъ, непорочныхъ, между тѣмъ, какъ тамъ, внизу, въ долинѣ, новые люди расхищаютъ, продажничаютъ, копошатся и изнемогаютъ въ тинѣ безполезнаго и безцѣльнаго разврата.

И все это лилось не плавной и многословной рѣчью, но яркими отрывистыми фразами, рядомъ парадоксовъ, насмѣшекъ и порывовъ печали, прерываемыхъ порою возраженіями и отвѣтами на вопросы молодыхъ итальянцевъ, а также спокойными замѣчаніями кардинала. И, тѣмъ не менѣе, конечный образъ постепенно возникалъ такимъ, какимъ желалъ его передать Мэнистей, а очарованные слушатели почувствовали, какъ среди этого весенняго дня пронеслось, такъ сказать, дуновеніе острой горечи и ненависти, окружающей безобразный призракъ раззореннаго и осужденнаго государства. Кардиналъ говорилъ мало. Время отъ времени онъ прибавлялъ отъ себя какой-нибудь извѣстный ему фактъ, черту характера, сочув-

ственную фразу, которая звучала ядовитѣе, нежели глумленія Мэнистея, или же только улыбался, слегка покачивая головой. Порою, когда Мэнистей обращался къ молодымъ людямъ, его рѣзко очерченные морщинами глаза останавливали испытующій взглядъ на этомъ англичанинѣ, но всего лишь на одно мгновеніе. Вся осмотрительность римскаго духовенства—наслѣдіе вѣковъ—сказывалась въ этомъ взглядѣ.

Никто однако не замѣчалъ этого быстраго и скрытаго взгляда, за исключеніемъ одной пожилой лэди, сидѣвшей въ тревожномъ молчаніи возлѣ миссъ Мэнистей. Льюси Фостеръ замѣтила ее, какъ новое лицо, и ей помнилось, что ее называли мадамъ Варіани.

Что касается Элиноръ Бургоинъ, то она сидѣла по лѣвую руку отъ Мэнистея, когда онъ говорилъ. Замѣчательно, что для нея всегда находилось мѣсто возлѣ него! Головку она слегка наклонила въ его сторону и не отводила своихъ блестящихъ глазъ отъ его лица. Сила, которой вѣяло отъ него, проникала ея хрупкое существо, заставляя скорѣе биться всѣ ея жизненные пульсы. Она не критиковала и не соглашалась съ тѣмъ, что онъ говоритъ. Поразительная жизненность этого человѣка,—вотъ что ее покоряло и порабощало.

Между тѣмъ, она одна только знала нѣчто, о чемъ никто другой не подозрѣвалъ. Въ началѣ разговора Мэнистей помѣстился за старымъ каменнымъ столомъ овальной формы съ широкимъ основаніемъ,—такихъ столовъ было много на террасѣ. Вокругъ стола росли высокія травы, которыя сами посѣялись тутъ по щелямъ, между камнями террасы. Такимъ образомъ, когда разсказчикъ небрежно облокотился на доску этого стола, изъ всей его фигуры можно было видѣть только эту великолѣпную, величественную голову и статныя могучія плечи.

Если бы кто нибудь подмѣтилъ этотъ эффектъ,—то счелъ бы его за счастливую случайность. Одна Элиноръ Бургоинъ знала, что это было сознательно. Она не могла ошибиться, потому что слишкомъ часто видѣла, какъ практиковались та же поза и та же уловка. Но это не могло уменьшить того очарованія, которымъ она была охвачена. Маленькія тщеславныя стороны и слабости натуры Мэнистея были ей всѣ извѣстны, но, увы!—она не желала бы измѣнить ни одной изъ нихъ.

Когда кардиналъ поднялся, чтобы уходить, двѣ молодыя итальянскія дѣвушки, пріѣхавшія со своимъ братомъ, графомъ Цезалечи, устремились впередъ и, присѣдая, приложились къ кольцу кардинала. А когда онъ шелъ къ выходу въ сопровожденіи Мэнистея, садовникъ, переходившій въ это время аллею, увидавъ эту высокую, опоясанную краснымъ кушакомъ фигуру, опустился на колѣни и исполнилъ тотъ же церемо-

ніалъ. Кардиналъ разсѣянно кивнулъ ему головой, улыбнулся и прошелъ дальше.

— Ахъ, я задыхаюсь!—воскликнула мадамъ Варіани, бросаясь къ миссъ Мэнистей. — Дайте мнѣ еще чашку чаю, моя дорогая. Нѣтъ, вашъ племянникъ слишкомъ золъ! Пускай онъ покажетъ намъ другую націю, которая создалась бы въ теченіе 40 лѣтъ и которой предстояло выработать свое новое поколѣніе,—пускай онъ намъ ее покажетъ! О, вы, англичане, со всѣми вашими преимуществами и гордыми сердцами... быть можетъ и въ васъ мы открыли бы какіе-нибудь недостатки!..

Въ своемъ раздраженіи, она энергично обмахивалась вѣеромъ. Молодые люди столпились вокругъ нея, убѣждая ее успокоиться и подшучивая надъ нею. Она была очень любима въ Римѣ, и какъ уроженка Франціи, и какъ вдова одного флорентійскаго литератора; занимала довольно независимое положеніе и состояла въ дружбѣ съ самыми разнообразными кружками.

— Ну, а вы, молодая лэди, что вы объ этомъ думаете?—сказала она, опуская широкую ладонь на колѣни Льюси Фостеръ.

Льюси вздрогнула и посмотрѣла въ блестящіе черные глаза, которые были такъ близко отъ ея собственныхъ глазъ.

— Я?—повторила она,—я именно «жаждала» услыхать противоположную сторону.

— А!—и вы услышите ее, моя милая, вы ее услышите!—воскликнула м-мъ Варіани. Не правда-ли?—сказала она, обращаясь къ миссъ Мэнистей.—Дайте намъ спровадить всѣхъ этихъ поповъ, и тогда мы выскажемъ свое мнѣніе. О! и вы туда же,—сказала она, и съ материнской строгостью погрозила молодымъ людямъ.—Ну, что вы можете намъ объ этомъ сказать, синьоръ маркизъ? Если бы не было «Guardia Nobile», вамъ бы не пришлось носить этотъ изящный мундиръ. Вотъ кто любитъ папу—это вы!

Маркизъ Виталони,—прелестный мальчикъ лѣтъ двадцати двухъ, высокій, съ блѣднымъ задумчивымъ лицомъ, засмѣялся и отвѣсилъ поклонъ.

— Сударыня, папѣ слѣдовало бы учредить должность какихъ-нибудь «dames d'honneur»; тогда всѣ лэди были бы тоже на его сторонѣ.

— О, Боже мой!—этихъ сторонницъ у него достаточно и безъ того!—воскликнула мадамъ Варіани.—Но вотъ, идетъ мистеръ Мэнистей; я должна приняться за свой чай и придержать свой языкъ. Мнѣ предстоитъ сегодня вечеромъ быть на обѣдѣ, а если разгорячишься и разозлишься,—это вредно отзовется на цвѣтѣ лица.

Мэнистей шелъ своей обычной скорой походкой и наклоняя голову впередъ.

Молодой Виталони подошелъ къ нему.—А! Карло!—произнесъ Мэнистей, бросая на него ласковый взглядъ.—Милый другъ! пойдемте, пройдемтесь со мною.

И, продѣвъ свою руку подъ руку молодого маркиза, онъ увелъ его съ собой. Можно было разслышать взрывы ихъ смѣха, который доносился изъ глубины дубовой аллеи. Мадамъ Варіани откинулась на своемъ стулѣ для того, чтобы лучше слѣдить за ними.

— А! племянникъ вашъ можетъ быть также «bon enfant», когда захочетъ,—сказала она, обращаясь къ миссъ Мэнистей;—я этого не отрицаю. Но когда онъ говоритъ о бѣдныхъ итальянцахъ, онъ золъ, рѣшительно золъ!

Что касается Льюси Фостеръ, то, когда Мэнистей исчезъ изъ вида, она все еще чувствовала, какъ сердце ея билось совершенно новымъ ощущеніемъ страстной враждебности или даже скорѣе ненависти.

За нѣсколько времени до бѣда Мэнистей и миссисъ Бургоинъ затворились въ библіотекѣ. Льюси изъ гостиной было слышно, какъ онъ ходилъ взадъ и впередъ и диктовалъ своимъ полнымъ голосомъ.

Потомъ миссисъ Бугоинъ пришла въ гостиную и, не замѣчая присутствія дѣвушки, которую скрывала большая ваза съ букетомъ дрока, бросилась на диванъ съ глубокимъ вздохомъ утомленія. Льюси могла видѣть на фонѣ подушки это блѣдное лицо съ закрытыми глазами. Предоставленная такимъ образомъ себѣ и въ этой позѣ изнеможенія, фигура эта, несмотря на всю ея грацію, имѣла въ себѣ что-то, вызывавшее необыкновенное состраданіе.

И вотъ, это-то чувство состраданія внезапно охватило всю душу дѣвушки. Она тихо выбралась изъ своего скрытаго уголка, взяла на одномъ изъ стульевъ лежавшій тутъ шерстяной пледъ и подошла къ миссисъ Бургоинъ.

— Позвольте мнѣ укрыть васъ вотъ этимъ. Быть можетъ вы заснете передъ обѣдомъ?.. А я затворю окно,—становится холодно.

Миссисъ Бургоинъ съ удивленіемъ раскрыла глаза и пробормотала нѣсколько словъ благодарности. Льюси прикрыла ее, затворила окно и готовилась удалиться, когда миссисъ Бургоинъ протянула руку и слегка удержала ее.

— Это очень мило съ вашей стороны позаботиться обо мнѣ.

Она привлекла дѣвушку къ себѣ, взяла ея руку въ свои руки, крѣпко пожала и затѣмъ выпустила снова... Льюси тихо вышла изъ комнаты.

Потомъ до самаго обѣда она просидѣла, читая свой Новый Завѣтъ и стараясь, но довольно неуспѣшно, напомнить себѣ, что день былъ воскресный. Тамъ, далеко, въ деревнѣ Новой Англіи, звонилъ колоколъ, призывая къ вечернему собранію. Льюси закрыла глаза, и ей почудилось, что она вдыхаетъ этотъ весенній ароматъ тропинокъ, пролегающихъ вокругъ церкви, слышитъ гудѣніе вступительнаго гимна. Какой то неизъяснимый мистическій покой овладѣлъ всѣмъ ея существомъ, когда ей припомнилась служба; великія слова: «спасеніе», «справедливость», какъ ихъ понимаетъ евангеліе—зазвучали въ ея сердцѣ. Затѣмъ, когда она поднялась, чтобы одѣваться, ея глазамъ представилось черезъ раскрытое окно зарево заката надъ Кампаньей, съ залитымъ пурпуромъ храмомъ посрединѣ. И при этомъ зрѣлищѣ ей пришло на память все сегодняшнее послѣобѣда, вмѣстѣ съ Мэнистеемъ и кардиналомъ.

Часто, въ эти первые дни, испытывала она такое чувство, какъ будто душа ея страдала подъ вліяніемъ новыхъ мыслей, словно чего то подавляющаго и болѣзненнаго. Въ томъ домѣ въ Новой Англіи, въ которомъ она выросла, уголокъ стараго кабинета былъ отведенъ подъ книги ея дѣда, профессора богословія. То была небольшая коллекція, содержаніемъ которой являлся все одинъ и тотъ же предметъ: нападеніе на Римъ и его изобличеніе. Подобно многимъ другимъ протестантамъ-фанатикамъ, старый профессоръ такъ долго размышлялъ надъ этими преступными и жестокими гоненіями, что его собственная кровь закипѣла въ жилахъ. Какъ хорошо помнила Льюси эти книги съ ихъ полинялыми коричневыми или сѣрыми корешками и съ ихъ ужасными заглавіями! Большинство изъ нихъ, однако, ей никогда не позволяли прочесть, и когда она хотѣла выбрать себѣ книгу, то всегда съ безотчетнымъ ужасомъ проходила мимо этой полки. Все, что совершалось или допускалось Римомъ, хотя-бы совершалось или допускалось въ прошломъ,—все это, повидимому, не должна была знать чистая дѣвушка. И вотъ, взглядъ ея переходилъ отъ книгъ къ изображенію ея дѣда, висѣвшему надъ ними, къ строгому, но въ тоже время пріятному лицу стараго кальвиниста, съ его высокимъ лбомъ, съ бѣлымъ шейнымъ платкомъ, повязаннымъ подъ острымъ подбородкомъ,—и сердце ея стремилось къ нему, страстно раздѣляя эту горячую ненависть ко всякому насилію и тираніи.

Она выросла съ тѣхъ поръ, а вмѣстѣ съ нею выросла и ея страна; пуританизмъ Новой Англіи былъ уже не тѣмъ, чѣмъ былъ раньше, и католическая вѣра распространилась въ этой странѣ. Но въ тихой семьѣ дяди Бэна и въ ея собственныхъ чувствахъ перемѣны совершались слабо и непримѣтно. Ненависть постепенно уступала мѣсто жалости.

Но эти старыя слова «патеръ» и «мэсса» все еще зву-

чали въ ея ушахъ, какъ символы всего, что человѣкъ изобрѣлъ для извращенія и искаженія чистоты христіанства.

А въ чемъ заключалась эта чистота—объ этомъ у нея сохранились такія трогательныя, опредѣленныя традиціи. Мать ея была мистической христіанкой — «прелестнѣйшей женщиной», кроткой въ домашней жизни, какъ голубка, но тѣмъ не менѣе способной на самое пылкое религіозное рвеніе наподобіе какого-нибудь проповѣдника или миссіонера. Постоянно она собирала простыхъ земледѣльцевъ въ сараяхъ или на перекресткахъ, горячо изъясняя имъ святое слово. И это-то постоянное духовное напряженіе, повидимому, состарило ее и даже свело прежде времени въ могилу. Льюси постоянно видѣла передъ собою эти глаза, всегда, казалось, смотрѣвшіе сквозь какую-то дымку, эти тонкія трепетныя губы, эти изящно очерченныя брови. Въ годы ея дѣтства, эти двѣ таинственныя силы: «спасеніе» и «святой Духъ» были для нея дѣйствительностью, рѣшающей властью, какъ въ дѣлѣ сильныхъ религіозныхъ волненій, такъ и въ самыхъ мелочныхъ случаяхъ обыденной жизни—вродѣ, напр., составленія письма, приглашенія гостя, предпринимаемой поѣздки. Душа должна быть обнажена передъ Богомъ; она не должна нуждаться ни въ какой тѣлесной поддержкѣ, не должна отвлекаться никакимъ внѣшнимъ церковнымъ обрядомъ, строго отстаивая свою собственную свободу, какъ божественный залогъ. На этихъ-то главныхъ идеяхъ пуританизма была она воспитана и до сихъ поръ еще онѣ, несмотря на незамѣтныя видоизмѣненія, оставались руководящими стимулами ея существа.

Въ этой католической странѣ она уже всюду чувствовала нѣчто, оскорблявшее ее и отталкивавшее. Между тѣмъ, ей предстояло жить между двухъ людей, для которыхъ католицизмъ хотя и не составлялъ личнаго вѣрованія, но былъ—объ этомъ она не могла думать безъ негодованія — предметомъ страстнаго восхищенія и который они цѣнили, какъ искусство, какъ музыку или какъ театральное зрѣлище. Можно было ни во что не вѣрить и, однако, исписывать цѣлыя страницы, прославляя папу и литургію и пренебрегая всѣмъ остальнымъ, а также оправдывая всякій родъ тиранніи, разъ это касалось папства и католической «церкви».

Она наклонилась изъ окна, чтобы лучше любоваться закатомъ, и ей припоминались фраза за фразой изъ разговора на террасѣ,—и мысленно она съ ненавистью оспаривала ихъ всѣ.

Между тѣмъ ею овладѣло какое-то новое возбужденіе. Человѣкъ, говорившій такимъ образомъ, не былъ совершенно чужимъ для нея: въ его существѣ не могло не крыться чего-нибудь общаго съ тѣми мыслями и чувствами, которыя такъ

глубоко затронули ее въ его книгѣ, такъ какъ эта магическая глубина взгляда, эта привлекательность...

Ахъ!—быть можетъ она не поняла его книги, поняла ее не болѣе, нежели понимаетъ теперь его самого. Сознаніе ея собственнаго невѣжества удручало ее! Неужели же нѣтъ на свѣтѣ ничего совершенно истиннаго, совершенно опредѣленнаго?

Такимъ образомъ, сильная и простая натура дѣвушки подготовлялась къ обычной неизбѣжной борьбѣ. И, когда она стояла тутъ, съ пылающимъ лицомъ и крѣпко сжатыми руками, ощущая во всемъ своемъ существѣ наплывъ совсѣмъ новыхъ представленій,—она напоминала собою корабль, который покидаетъ гавань для того, чтобы пуститься въ открытое море и впервые испытываетъ на себѣ всю мощь неизмѣримаго океана—«interfuso nitentes... aequora Cycladas».

И весь этотъ наплывъ чувствъ, все это возбужденіе, эта рознь и антагонизмъ—все это слилось для нея въ одинъ образъ, въ одинъ символъ—лицо Эдварда Мэнистея.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

*
* *

Давно-ль я у моря бродилъ одиноко,
А думы носились далеко, далеко,
И, моремъ любуясь, внималъ я волнѣ,
А сердце щемило по дальней странѣ.

И скоро за синія горныя цѣпи
Ушелъ я на сѣверъ, въ сонливыя степи;
Но дома, въ родной деревенской глуши
Не смолкли печаль и томленье души.

И вотъ я мечтаю о краѣ далекомъ,
Гдѣ высятся горы въ молчаньи глубокомъ,
И часто я грежу о той сторонѣ,
Гдѣ съ грустью внималъ я шумливой волнѣ...

1900 г.

А. Вербовъ.

— Огонь подошелъ такъ близко, что сталъ хватать языками до самаго входа,—лизнетъ да и назадъ. Пришли углекопы, начали класть стѣну, а тутъ такой жаръ, что подступиться страшно. Тогда они стали подползать на четвереренькахъ, потому вверху дышать стало невозможно; кто броситъ цементу, кто кирпичъ и поскорѣе назадъ. Много народу тутъ обожглось.

— Вотъ дураки! Да развѣ нельзя было стѣну подальше отъ огня класть!—воскликнулъ Пакошъ.

Викентій даже остановился отъ изумленія и, обтирая лѣвую руку, на которую упала капля воды, пристально посмотрѣлъ на Пакоша.

— Самъ-то ты, братъ, дурень! Развѣ можно столько угля попортить. Отдать его въ жертву огню?

Но Пакошъ зналъ, что стоитъ за правое дѣло, и тотчасъ отвѣчалъ:

— А жизнь и здоровье углекоповъ по вашему ничего не стоятъ, а?

— Эхъ, молодъ ты!—отозвался Викентій, пренебрежительно пожимая плечами.—За деньги можно купить человѣческихъ жизней сколько хочешь, даже съ избыткомъ; а уголь сгоритъ, тогда что съ нимъ дѣлать? Коли тебѣ хорошо заплатятъ, такъ и самой смерти взглянешь въ глаза и не спросишь: страшно ли?—Съ этими словами онъ опять двинулся впередъ.

— Хоть и правда ваша,—сказалъ Пакошъ послѣ нѣкотораго раздумья, -но нельзя сказать, чтобы это было хорошо.

— Гм... такъ ужъ видно Богъ на землѣ устроилъ, чтобы испытать терпѣніе человѣка. Иное дѣло послѣ смерти, тамъ уже не будетъ испытанія: что заслужилъ, то и получишь по правдѣ.

Скоро они добрались до штольни.

— А какой толщины стѣна?

— Около трехъ съ лишнимъ метровъ вышиною и метра полтора толщиною. Кирпичъ такой, что огонь ничего съ нимъ не подѣлаетъ, развѣ что сплавитъ его, какъ въ доменной печи.

— А много тогда народу погибло?—спросилъ Пакошъ въ раздумьѣ.

— Не очень... человѣкъ пятнадцать прибралъ Христосъ къ себѣ во время этого пожара.

— Немного,—это вѣрно, но и этихъ жалко!

— Если только они умерли безъ смертныхъ грѣховъ, то имъ тамъ лучше, чѣмъ намъ.

Пакошъ немного ободрился при видѣ лампочекъ, слабо мерцавшихъ вдали; до нихъ долеталъ шумъ отдаленной работы.

— Почему это вы, дядя Викентій, такой набожный?— спросилъ онъ.

— Гм... хочется знать? Ну, такъ знай, что я три раза боролся со смертью, и каждый разъ Господь и св. Варвара пожалѣли мою мелюзгу. Разъ, не успѣлъ я оглянуться, какъ мнѣ на голову свалилась глыба угля. Раздробило мнѣ голову, три мѣсяца пролежалъ въ больницѣ, ну да ничего, живъ! Другой разъ меня охватило «дурнымъ воздухомъ», и я свалился замертво: тутъ мнѣ раздробило ступню упавшей подпоркой, ну и опять ничего, живъ! А то еще разъ ободрало мнѣ всю спину и бока, даже ребра погнуло, а все ничего, живъ! А знаешь почему? Не доктора, не больница спасли меня, а молитва. Съ именемъ божьимъ я начинаю день, съ нимъ иду на работу, съ нимъ ее и кончаю. Читаю житія святыхъ, хожу въ костелъ, соблюдаю посты, и всегда чувствую надъ собой святую защиту и никого не боюсь.

Пакошъ, который шелъ позади Викентія, слушая его разсказъ, невольно вспомнилъ при послѣднихъ словахъ старика про свой свистъ и про Скарбника; онъ не могъ удержаться отъ улыбки и замѣтилъ:

— Ну, а какъ же Скарбникъ?

— Это совсѣмъ другое дѣло,—живо прервалъ его старикъ.—Тамъ, на землѣ, подъ солнцемъ безраздѣльно царитъ Господь Богъ, но подъ землею есть еще и другія, иныя силы; тутъ ихъ власть и господство. И выходитъ, что есть здѣсь два господина. На страшномъ судѣ одержитъ верхъ Христосъ Богъ, но, пока настанетъ страшный судъ, «они» пользуются здѣсь своей властью: вводятъ людей въ соблазнъ и ежеминутно грозятъ имъ гибелью.

— Гм... Вотъ оно что.

Они добрались, наконецъ, до своего спуска. Викентій, взглянувъ на Пакоша, сказалъ:

— Не безпокойся, голубчикъ, не собьешь меня съ этой святой науки, я хорошо ее постигъ.

На половинѣ спуска они встрѣтили Матвѣя, который уже издали узналъ ихъ:

— Долго же вы загулялись, а намъ нужно спѣшить съ работой: осталось еще отработать вычтенные штейгеромъ полтора метра, да и на свою долю что нибудь нагнать. А уже полсмѣны прошло,—закончилъ онъ, взглянувъ на часы.

— Сколько же сдѣлано?—спросилъ Пакошъ, проходя мимо старшаго.

— Около двухъ метровъ. Я пойду за динамитомъ, а вы поспѣшите съ работой!

Когда они подошли къ своему забою, Пакошъ сказалъ, обращаясь къ Викентію:

— Я помогу вамъ, вѣдь вы по моей винѣ опоздали.

— Не безпокойся, я свое сдѣлаю,—отвѣтилъ старикъ увѣреннымъ тономъ, довольный предупредительностью Пакоша.

Работа кипѣла. Саночники не успѣвали убирать уголь: его навалены были такія кучи, что имъ приходилось просто разрываться отъ работы, а тутъ еще то одинъ, то другой изъ углекоповъ покрикиваетъ:

— Живѣй работай, а не то къ штрафу представлю!

На глазахъ у старшихъ саночники быстро грузили тачки и только вверху штольни немного отдыхали.

Пакошъ, который все думалъ о пожарѣ, обратился къ Войцѣху:

— А ты не былъ возлѣ огня?

— Не пришлось,—отвѣтилъ тотъ, не прерывая работы,— нашъ номеръ работалъ въ другой сторонѣ.

— А много было дыму?

— Нѣтъ, не очень. Углекопы скоро замѣтили и разбѣжались. Всего нѣсколько человѣкъ задохлось, не особенно много... человѣкъ пятнадцать, а можетъ быть и больше.

— Я знаю, что пятнадцати углекоповъ недоставало; шлепровъ же неизвѣстно сколько. Всѣ они погибли, потому что очутились по ту сторону огня, съ этой стороны никто не погибъ, только нѣсколько шлепровъ задохлось при давкѣ—пояснилъ Викентій.

— Такъ тамъ и дальше была штольня?

— Ого, еще какая! Были и уклонныя галлереи, потому что хотѣли выбраться на поверхность, но не успѣли: пожаръ помѣшалъ.

— И горитъ постоянно?

— А кто ему помѣшаетъ?—засмѣялся Войцѣхъ,—огонь не спрашиваетъ, можно ли. А на верху весною трава надъ огнемъ такъ зеленѣетъ, что посмотрѣть любо, но за то скоро сохнетъ, желтѣетъ и уносится вѣтромъ.

Пришелъ Матвѣй Бибѣля, прикрикнулъ на саночниковъ за то, что вяло работаютъ, и взялся самъ помогать имъ, укладывая болѣе крупныя глыбы на тачки. Когда заряды были уже заложены, углекопы присѣли отдохнуть въ штольнѣ. Вдругъ послышался пронзительный крикъ, хотя и ослабленный большимъ разстояніемъ, но несомнѣнно человѣческій. Всѣ вскочили и схватились за лампочки, но Матвѣй, посмотрѣвъ вдаль, гдѣ виднѣлось нѣсколько лампочекъ, мерцавшихъ въ одномъ мѣстѣ, сѣлъ опять и заявилъ спокойнымъ тономъ:

— Бѣда вѣрно не велика, если люди стоятъ на мѣстѣ и не спѣшатъ на помощь.

Однако, Войцѣхъ не выдержалъ:

— Пойду-ка я посмотрю.

— Что же иди, коли хочешь!

Они уже собирались идти внизъ, когда вернулся Войцѣхъ:

— Ну, что случилось?—спросилъ старшій.

— Переѣхало вагончикомъ одного шлепра; разиня какой-то, во время не увернулся.

— Что же съ нимъ?—полюбопытствовалъ Викентій.

— Раздробило одну ногу и пальцы у лѣвой руки.

— Вотъ ворона-то!—презрительно замѣтилъ Пакошъ.

— А что, не говорилъ я вамъ, что навѣрное бездѣлица,—громко сказалъ Матвѣй, довольный, что его предсказаніе оправдалось:—такъ оно и вышло, переѣхало шлепра. Эка невидаль!..

XIV.

Съ приближеніемъ зимы шахта стала извергать съ каждымъ днемъ большія и большія массы угля. Правленіе было вынуждено, въ виду наплыва заказовъ, увеличить штатъ рабочихъ. Да и сами рабочіе, въ виду приближенія высоко-чтимаго праздника св. Варвары, заступницы углекоповъ, надрывались за работой; предстояли большіе расходы по поводу праздничнаго торжества, и нужно было употребить всѣ усилія, чтобы получка оказалась возможно большей. Несчастія съ людьми повторялись все чаще и чаще, и въ канцеляріи завѣдующаго и оберштейгера стали относиться уже совершенно равнодушно къ рапортамъ штейгеровъ.

— Ну, что новенькаго въ копяхъ?—раздавался стереотипный вопросъ.

— Новаго ничего, все въ порядкѣ, только вагончикомъ раздавило углекопа; онъ уже умеръ.

— Оштрафовать виновныхъ и сообщить о подробностяхъ рапортомъ,—отдавалъ приказаніе начальникъ.

О каждомъ несчастіи обязательно давали знать директору, который, для ускоренія процедуры, распорядился передавать ему сообщенія по телефону. И каждый рапортъ штейгера немедленно въ сжатой формѣ передавался по телефону господину директору. За нѣсколько первыхъ несчастій директоръ сдѣлалъ выговоръ, но когда затѣмъ чуть не ежедневно телефонъ сталъ сообщать ему то о помятой рукѣ, то о сломанной ногѣ, то объ увѣчьѣ, грозящемъ смертью, директоръ потерялъ терпѣніе и велѣлъ привлекать къ отвѣтственности не только старшихъ углекоповъ, называемыхъ по нѣмецки «Vorhäuer» и «Oberhäuer», но и штейгеровъ. Дисциплина въ копяхъ усилилась, и встревоженный штейгеръ третьяго поля (района) взялъ себѣ въ помощь для усиленія надзора своего любимца, старшаго Бабчика, и Матвѣя Бибѣлю. Онъ велѣлъ

чимъ идти за собою въ дальнюю штольню и по дорогѣ обратился къ нимъ со слѣдующимъ наставленіемъ:

— Слушайте хорошенько! Теперь у насъ собралось много простого народу, всякому хочется на зиму заработать, но это все народъ безтолковый, неуклюжій, глупый и неосторожный. Лѣзетъ подъ вагончики, бросается въ забой, не смотритъ вверхъ... и ломаетъ себѣ шею. Такъ вотъ, смотрите, повторяю вамъ, за ними хорошенько, а не то стану штрафовать не ихъ, а васъ!

Углекопы нѣкоторое время молчали, наконецъ Бабчикъ, увѣренный въ милости начальника, сказалъ:

— Слушаю, господинъ штейгеръ, и понимаю, только прошу васъ, дозвольте мнѣ распоряжаться съ этимъ проклятымъ народомъ какъ слѣдуетъ: коли понадобится, такъ и костылемъ угостить!

— Разумѣется! —отвѣтилъ начальникъ. — Дуй его костылемъ, коли понадобится, только не особенно толстымъ и не по головѣ, а то самъ отвѣчать будешь. Я самъ знаю, что съ ними ничего не подѣлаешь, пока ихъ не побьешь.

— Слушаю, господинъ штейгеръ!

Матвѣй Бибѣля внимательно слушалъ и молчалъ.

— А ты понялъ?—обратился къ нему начальникъ.

— Понялъ. Что же—коли служить, такъ служить, только не знаю, что будетъ съ моимъ номеромъ? — сказалъ онъ неувѣреннымъ голосомъ.

— Дуракъ—прикрикнулъ на него штейгеръ. — Твое дѣло распорядиться въ забоѣ, потомъ и посматривай, а твоему номеру я назначу помощь.

Смущенный Бибѣля умолкъ, хотя въ душѣ былъ и радъ, что его назначили въ надсмотрщики.

— Ну, а теперь за дѣло!—скомандовалъ начальникъ.

Оба старшіе, поклонившись штейгеру и со словами «Богъ въ помощь», направились къ главной штольнѣ, гдѣ работала главная масса рабочихъ.

Когда штейгеръ скрылся изъ виду, Бабчикъ сталъ говорить менторскимъ тономъ:

— Коли ужъ не должно быть увѣчій, а тѣмъ больше, сохрани Богъ, смерти, то этихъ людей нужно держать въ ежевыхъ рукавицахъ; это какой-то слѣпой и глухой народъ.

— Дисциплина должна быть, это вѣрно—сказалъ, немного подумавъ, Бибѣля,—а всетаки штрафа не миновать, только лишь бы не очень ужъ большой...

— Э-э, что вы разсказываете?!—воскликнулъ Бабчикъ съ недовѣріемъ.—Вѣдь всѣмъ надсмотрщикамъ велѣно смотрѣть за ними и по линіи, и на поворотахъ, да и мы имъ пособимъ.

— Что значитъ человѣческая сила передъ другой, высшей

силой?!—возразилъ послѣ нѣкотораго молчанія Матвѣй, тревожно оглядываясь по сторонамъ.—Всякій углекопъ, да и вы сами, конечно, знаете, что передъ св. Варварой обязательно должны быть несчастья. Съ этимъ ужъ ничего не подѣлаешь.

— Это-то вѣрно!—согласился Бабчикъ, — но почему это должно выпасть намъ на долю? Есть вѣдь еще другія поля и другія смѣны, можетъ быть насъ и минуетъ несчастье?!—

— Если поможетъ Богъ и св. Варвара, можетъ быть и минуетъ, но до богослуженія въ часовнѣ нашей заступницы трудно ждать такой милости... Тогда злая сила стихаетъ, смиряется, прячется по угламъ, но за то теперь она и гуляетъ въ самой многолюдной штольнѣ...

— Ну, что будетъ, то будетъ!—рѣшилъ Бабчикъ—а присматривать всетаки надо, разъ мнѣ приказано.

— Это и я знаю, только подѣлимъ работу, чтобы не терять времени даромъ. Вы берите себѣ участокъ, прилегающій къ вашему номеру, а я возьму съ своей стороны.

— Вы всегда ладно придумаете, дѣльная у васъ голова, что и говорить!—похвалилъ его Бабчикъ. — Пусть будетъ по вашему, хотя мнѣ и хуже придется, потому что въ моей сторонѣ шахта.

— За то у меня больше спусковъ и разъѣздовъ,—возразилъ Матвѣй.

— Ну, ладно, будь что будетъ. Авось Богъ милостивъ— порѣшилъ Бабчикъ и направился къ своему номеру.

Но, несмотря на самый усиленный надзоръ, на всѣ старанія и бдительность надсмотрщиковъ, штейгеръ третьяго поля черезъ два дня подалъ слѣдующій рапортъ управляющему копями:

— Въ тринадцатомъ номерѣ сорвался кусокъ угля и раздробилъ углекопу черепъ. Рабочій умеръ. Въ копяхъ ничего новаго, все обстоитъ благополучно—закончилъ онъ рапортъ стереотипной фразой.

— Посмотримъ, что скажетъ господинъ директоръ за такое «благополучно»—сердито крикнулъ завѣдующій, подходя къ телефону. Наложенный директоромъ штрафъ былъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ раздѣленъ штейгеромъ между обоими отвѣтственными надсмотрщиками, къ ихъ великой досадѣ и огорченію.

Когда, наконецъ, второго декабря люди, работавшіе въ копяхъ, увидѣли въ штольнѣ свѣтъ, исходившій изъ часовни св. Варвары, всѣ улыбнулись съ довольнымъ видомъ: близокъ былъ день отдыха послѣ тяжелаго труда, день блестящаго праздника и пышной процессіи, день торжества углекоповъ на землѣ и на небѣ, благодаря заступничеству ихъ покровительницы св. Варвары. Они набожно вздыхали, переходя полосу свѣта, па-

давшую въ штольню, и передъ ихъ взоромъ невольно рисовалась картина ярко освѣщенной часовни, праздничныхъ нарядовъ и безпрестанной пальбы въ честь святой,—картина праздничнаго торжества и отдыха.

Надзоръ за подземной часовней св. Варвары былъ порученъ Петру Бжезику, старику-углекопу, неспособному уже къ тяжелому труду въ копяхъ. Теперь онъ чувствовалъ себя на высотѣ своего призванія, самымъ важнымъ лицомъ въ копяхъ, отвѣтственнымъ за честь всѣхъ углекоповъ, такъ какъ на его обязанности лежало такъ разукрасить часовню, чтобы она своимъ великолѣпнымъ убранствомъ ясно свидѣтельствовала о глубокомъ почтеніи и горячей преданности углекоповъ своей святой заступницѣ.

Набожныя жены углекоповъ заготовили множество крупныхъ и яркихъ цвѣтовъ, сдѣланныхъ изъ разноцвѣтной бумаги. Здѣсь были розы, мальвы, макъ и др.; все это предполагалось вплести въ вѣнки и гирлянды изъ зеленыхъ вѣтвей сосны и ели. По примѣру прежнихъ лѣтъ женщины предложили Петру Бжезику сплести эти вѣнки и гирлянды, чтобы ему осталось только снести ихъ въ часовню. И по обыкновенію Петръ Бжезикъ нахмурился, почесалъ свою лысину, грозно посмотрѣлъ на женщинъ своимъ единственнымъ глазомъ и сурово отвѣтилъ:

— Плетите вѣнки своей заступницѣ, а ужъ св. Варварѣ сплетемъ мы сами—углекопы. Святые вѣнки можно дѣлать только въ святомъ мѣстѣ. Будетъ съ васъ и того, что я принялъ ваши цвѣты.

Штейгеръ назначилъ въ помощь ему трехъ молодыхъ шлепровъ, сыновей углекоповъ, изъ которыхъ самому старшему было лѣтъ 16; къ нимъ, по собственной охотѣ и съ разрѣшенія Петра Бжезика, присоединилось еще трое другихъ, тоже дѣтей углекоповъ,—старый сторожъ часовни обращалъ очень серьезное вниманіе на генеалогію.

Когда мальчики собрали достаточно зеленыхъ вѣтвей, онъ велѣлъ имъ собраться къ шахтѣ, чтобы начать украшеніе часовни.

Во главѣ шести мальчиковъ, нагруженныхъ пучками искусственныхъ цвѣтовъ и бичевокъ, Петръ Бжезикъ торжественно вошелъ на платформу подъемнаго ящика, здороваясь съ необычайною важностью съ надшахтными рабочими. Мальчики посматривали на него съ искреннимъ уваженіемъ и страхомъ. Его сгорбленная фигура, бѣлая борода, единственный глазъ, блестѣвшій необычайно живо, его невѣрная походка—у него была повреждена одна нога—и неловкія движенія лѣвой руки, утолщенной въ локтѣ, наконецъ, его серьезный, сосредоточенный видъ,—все это возбуждало въ нихъ невольное почтеніе.

Лампочка, бывшая у него въ рукахъ, бросала слабый, мерцающій свѣтъ на лицо старика, испещренное шрамами; въ лѣвой рукѣ онъ держалъ вмѣсто кирки большой ключъ отъ часовни. Казалось, что такъ долженъ выглядѣть св. Петръ, съ тою только разницей, что онъ одѣтъ на иконѣ въ пышный и великолѣпный нарядъ. Мальчики молча шли вслѣдъ за Бжезикомъ по штольнямъ, направляясь къ часовнѣ. Возлѣ нея у стѣны стояли пучки зеленыхъ вѣтокъ. Бжезикъ осмотрѣлъ ихъ и затѣмъ, вложивъ ключъ въ замокъ, повернулся, снялъ шапку и громко произнесъ:

— Хвала Господу нашему, Іисусу Христу!

— Во вѣки вѣковъ аминь, — отвѣчали мальчики хоромъ.

Старикъ раскрылъ одну половину широкихъ дверей и вышелъ въ часовню, высѣченную въ скалѣ, но достаточно просторную, чтобы вмѣстить около двухсотъ молящихся; онъ былъ освѣщенъ лампадой, висѣвшей передъ алтаремъ св. Варвары; старикъ преклонилъ колѣна и произнесъ:

— Хвала Господу Богу нашему, Единому во святой Троицѣ — и св. Варварѣ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Мальчики повторяли всѣ его слова съ большимъ усердіемъ. Затѣмъ Бжезикъ всталъ, подошелъ къ выкованной въ стѣнѣ купели и, окропивъ себя святой водой, продолжалъ молиться вполголоса. Мальчики, поставивъ, по примѣру Петра, свои лампочки на землю, крестились и повторяли слова молитвы. Бжезикъ шопотомъ велѣлъ разложить цвѣты на скамьѣ, а самъ приблизился къ алтарю и, хотя тамъ въ это время не было св. Таинъ, онъ всетаки преклонилъ колѣна вмѣстѣ съ мальчиками и опять сталъ громко читать молитву. Вскорѣ среди тишины, царившей въ пустой и слабо освѣщенной часовнѣ, раздался троекратный ударъ въ грудь, сопровождаемый громкимъ шопотомъ:

— Господи, прости меня грѣшнаго!

Затѣмъ, перекрестившись, они встали, готовые взяться за работу.

— Выдвиньте скамью на середину—распорядился Петръ— и поставьте на ней лампочки, а вы несите сюда вѣтки,—цвѣты я самъ вплету.

Мальчики, быстро и охотно выполнивъ приказаніе, сѣли на землю, повернувшись лицомъ къ алтарю, и принялись вить гирлянды. Петръ расхаживалъ между ними, давая совѣты и указанія. Мальчики отъ времени до времени посматривали съ любопытствомъ на алтарь, рѣзко выдѣлявшійся на черномъ фонѣ своимъ бѣлымъ покровомъ. Изъ темной ниши, возвышавшейся немного надъ алтаремъ, выступала большая, черная, высѣченная фигура св. заступницы, смутно обрисовывавшаяся въ ту-

склом свѣтѣ лампады и семи лампочекъ. Только въ коронѣ, покоившейся на ея головѣ, слегка сверкали блестящіе драгоцѣнные камни.

Долгое время въ мрачной часовнѣ слышались только трескъ ломаемыхъ вѣтвей и шелестъ гирляндъ, да изрѣдка слова Бжезика. Мальчики сосредоточенно работали, пока наконецъ Васикъ, крестный сынъ сторожа, не осмѣлился заговорить:

— Дядя Петръ! Скажите намъ по правдѣ: видѣли вы когда нибудь Скарбника?

Старикъ усѣлся на скамью, оперся локтемъ на колѣни и, опустивъ голову на руки, отвѣтилъ послѣ минутнаго молчанія беззвучнымъ голосомъ—онъ страдалъ астмою,—устремивъ свой глазъ въ темный уголъ часовни:

— Скарбника?.. Эге! Сколько разъ его я видѣлъ—и не пересчитать! Но однажды я говорилъ съ нимъ такъ, какъ вотъ теперь говорю съ вами.

Мальчики даже перестали работать отъ изумленія и засыпали старика вопросами, восклицаніями. Ему это, видимо, нравилось, и онъ добродушно замѣтилъ:

— Хорошо. Если будете работать прилежно и внимательно, я разскажу вамъ... Работаю я себѣ разъ въ забоѣ... Это было лѣтъ двадцать тому назадъ, а можетъ быть и больше. Сверлю дыру и остался одинъ,—товарищи разошлись по штольнѣ. Какъ вдругъ приходитъ штейгеръ съ лампочкой, съ буравомъ въ рукѣ и опирается на него такъ, какъ будто у него ноги болятъ; поздоровался со мною и говоритъ:

— Не сверли здѣсь, подвинься влѣво.

Я взялъ буравъ и подвинулся влѣво, а онъ опять:

— Говорю тебѣ: еще лѣвѣе!

Я подвинулся дальше и началъ сверлить, а штейгеръ ушелъ. Сверлю себѣ, и вдругъ опять приходитъ штейгеръ и кричитъ:

— Гдѣ «Vorhäuer», гдѣ товарищи?

— Сейчасъ придутъ, говорю ему, а онъ подошелъ ко мнѣ и говоритъ:

— Гдѣ ты, чортъ возьми, сверлишь — и показываетъ на прежнее мѣсто.

Я ему отвѣчаю, что онъ самъ только что велѣлъ мнѣ сверлить лѣвѣе, а онъ выругалъ меня и заставилъ опять сверлить въ старомъ мѣстѣ. Ушелъ... Повернулъ я буравъ разъ, другой, глядь опять пришелъ штейгеръ и говоритъ мнѣ, а глаза такъ и мечутъ искры отъ гнѣва:

— Я тебѣ говорилъ сверлить лѣвѣе, чего жъ ты самъ лѣзешь въ бѣду?!

Я ему говорю, что это его же распоряженіе, а онъ какъ крикнетъ:

— Я тутъ самый главный штейгеръ, ступай влѣво!

Я пошелъ и не успѣлъ еще поднять руки, вдругъ какъ рухнетъ глыба сверху—меня такъ и ошеломило, и я свалился. Когда меня привели въ чувство, смотрю, а обвалъ случился какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ я прежде сверлилъ: убило бы на смерть меня, если бы Скарбникъ подъ видомъ штейгера не пришелъ и не предупредилъ меня во время; это очевидно былъ онъ, а штейгеръ вовсе не ругался, не спрашивалъ меня про товарищей и про старшаго. Это Скарбникъ пришелъ самъ, не желая моей смерти, можетъ быть, пожалѣлъ меня за то, что сдѣлалъ съ моимъ дѣдушкой...

Мальчики засыпали старика вопросами, готовые безъ конца слушать эти разсказы въ мрачной часовнѣ, за однообразной, но легкой работой.

— Дѣло вотъ въ чемъ—началъ послѣ короткаго молчанія Бжезикъ. — Однажды мой дѣдушка чуть не задохнулся. Идетъ онъ себѣ по штольнѣ на работу,—надо же было случиться, что онъ запоздалъ и потерялъ дорогу. Идетъ себѣ, и вдругъ лампочка погасла. Онъ былъ молодъ, ну и не зналъ еще, что его предостерегаетъ «пухъ» *) доброжелательный углекопамъ, потому что «пухъ» вѣдь не душитъ углекопа, а сперва тушитъ его лампочку. Дѣдушка мой не обратилъ на это вниманія и шелъ впередъ, пока не свалился. Счастье, что вблизи были углекопы, которые замѣтили дѣдушку и вытащили его. Отлежался онъ въ больницѣ, но вышелъ оттуда слабый,— безъ кровинки въ лицѣ.

Разсказчикъ смолкъ, тяжело дыша; въ груди его что-то хрипѣло и свистѣло, какъ обыкновенно бываетъ у больныхъ астмой. Мальчики посматривали другъ на друга съ разочарованіемъ, такъ какъ они ожидали разсказа про Скарбника. Помолчавъ нѣкоторое время, одинъ изъ нихъ рѣшился спросить:

— Дядя Петръ, а вы обѣщали разсказать про Скарбника...

— Ахъ ты, молокососъ!—прикрикнулъ на него Петръ.— Дѣлай свое дѣло, будетъ еще время и для этого.

Онъ отдышался немного и продолжалъ начатый разсказъ:

— Дѣдушка мой такъ ослабѣлъ, что каждую смѣну только и дѣлалъ, что жаловался, потому работать нѣтъ силъ, и въ свой номеръ не принимаетъ ни одинъ старшій; наконецъ штейгеръ сжалился надъ нимъ и позволилъ ему работать самому. Сталъ онъ работать отдѣльно, а все жалуется, одному-то и тяжело, и скучно работать. И вотъ, однажды приходитъ къ нему незнакомый углекопъ, когда онъ работалъ, и говоритъ:

— Что постоянно жалуешься?

---

*) „Пухъ“ — струя испорченнаго воздуха, предвѣщающаго притокъ „дурного воздуха“, т. е. ядовитыхъ газовъ.

Пр. пер.

Дѣдушка объяснилъ ему причину, а тотъ и говоритъ:

— Приноси мнѣ каждый день по хлѣбцу, тогда я помогу тебѣ; но если только ты скажешь кому нибудь объ этомъ, не миновать тебѣ смерти, запомни это хорошенько.

Сталъ возлѣ дѣдушки и принялся за работу; только по окончаніи смѣны никогда не поднимается наружу, а уходитъ себѣ въ глубь копей. Дѣдушка сталъ страшно много зарабатывать. Всѣ дивятся: и штейгеръ, и товарищи, и жена, а онъ все загребаетъ деньгу да загребаетъ, не хуже настоящаго «Vorhäuer'a» при уборкѣ устоевъ изъ угля...

Мальчики вздохнули одновременно съ Петромъ, такъ какъ всѣ они, какъ дѣти углекоповъ, отлично знали, что работа у устоевъ прекрасно оплачивается и двое нагрузчиковъ не успѣваютъ выгружать уголь изъ одного номера.

— Такъ шло дѣло быть можетъ и долго—началъ разсказывать Бжезикъ—хорошо не знаю сколько именно времени. Но молодая жена, любопытная бабенка, все допытывается у мужа, куда онъ дѣваетъ часть своего заработка: не проѣстъ, не пропьетъ и не потеряетъ, а денегъ все не хватаетъ. Дѣдушка молчитъ и ни за что не хочетъ признаться, потому знаетъ, что тутъ ему и смерть... А та упрашиваетъ, юлитъ, ходитъ кругомъ да около, а то дуется, злится и опять проситъ, умоляетъ его сказать. Вотъ дѣдушка и говоритъ ей:

— Хорошо, я скажу тебѣ, только знай, что тутъ мнѣ и смерть. А жена думаетъ, что онъ шутитъ и опять добивается своего. Наконецъ дѣдушка не стерпѣлъ и во всемъ ей признался.

Мальчики, зная по разсказамъ старшихъ, какъ строго обыкновенно держитъ Скарбникъ данное имъ слово, возмутились и стали потихоньку бранить женщинъ и порицать уступчивость мужа.

— Пришелъ мой дѣдушка на смѣну, сталъ на работу, а тутъ является углекопъ и говоритъ ему:

— Я тебя предупреждалъ, что если ты проболтаешься кому нибудь, тебѣ придется умереть; не послушался меня, вотъ тебѣ и смерть.

Схватилъ его за голову и свернулъ ему шею, а потомъ наполнилъ цѣлый вагончикъ взятыми у дѣдушки хлѣбцами, превратилъ ихъ въ уголь и толкнулъ вагончикъ къ сцѣпщикамъ, чтобы его отвезли къ шахтѣ. Только наверху увидѣли кровь, стали искать, ну и нашли моего дѣдушку безъ головы... Вотъ какъ наказываетъ Скарбникъ тѣхъ, кто не держитъ даннаго слова.

Мальчики начали вполголоса шептаться между собою:

— Я бы ни за что не сказалъ женѣ! — отозвался самый старшій.

— Ну, я этого не боюсь, потому что никогда не женюсь, никогда...

— Охъ, ужъ эти бабы!—вздохнулъ третій.

— Моя мама не такая, — вступился одинъ изъ младшихъ.

Старикъ Петръ насмѣшливо улыбался и наконецъ сказалъ.

— Ребята еще вы и не знаете, что женщины корень всего зла на свѣтѣ. Не даромъ говоритъ пословица: гдѣ чертъ не сладитъ, тамъ бабу позоветъ. И тогда пиши пропало.

Старшіе мальчики поддакивали Бжезику, только маленькій защитникъ своей мамы осматривался кругомъ, какъ бы ища помощи; взглядъ его случайно упалъ на большее черное изваяніе на алтарѣ, и послѣ минутнаго колебанія онъ воскликнулъ съ жаромъ:

— А св. Варвара!

Всѣ смолки, даже самъ Бжезикъ на минуту растерялся,— онъ вѣдь былъ сторожемъ въ этомъ храмѣ,—но вскорѣ онъ нашелся и сказалъ съ важностью:

— Что ты тамъ понимаешь, этакій карапузъ! Какъ ты смѣешь сравнивать нашихъ бабъ со святой. Наша заступница была дѣвой и мученицей, она не вступала въ бракъ, не имѣла дѣтей, не возилась съ печкой и не ругалась съ мужемъ. Дурень ты, а потому такъ и говоришь, какъ будто бы все равно, что черное, что бѣлое, что хорошій уголь, что твердый камень, что вода и что огонь!.. Эхъ, видно, что у тебя въ головѣ вѣтеръ, коли ты не знаешь даже житія св. заступницы!

Другіе мальчики стали посмѣиваться надъ малышемъ, который, раскраснѣвшись, воскликнулъ:

— Я знаю житіе св. дѣвы и великомученицы, меня научила мама!

— Го-го, ну если ты такъ много знаешь—началъ Петръ Бжезикъ—то скажи-ка мнѣ—какъ назывался отецъ святой великомученицы?

Мальчики съ любопытствомъ смотрѣли на малыша, который отъ волненія дышалъ тяжело и порывисто, какъ рыбка, выброшенная на берегъ; наконецъ онъ отвѣтилъ:

— Діоскуръ, богатый и знатный господинъ, страшно злой человѣкъ и завзятый язычникъ и безбожникъ. Онъ и замучилъ св. Варвару до смерти.

— Онъ? — поспѣшно прервалъ его другой. Вотъ и неправда: тотъ назывался Маркіаномъ.

— Такъ, такъ, Маркіанъ—кричали остальные—онъ былъ губернаторомъ и велѣлъ ее бичевать... рвать тѣло раскаленными щипцами, вырѣзывать груди, водить голой по улицамъ...

Мальчики соперничали другъ съ другомъ въ своихъ познаніяхъ по исторіи мученичества св. заступницы углекоповъ. Когда они немного успокоились, Бжезикъ спросилъ:

— А кто изъ васъ знаетъ, почему св. Варвара—наша заступница? Именно наша—углекоповъ?

Мальчики, вопросительно поглядывая на старика, примолкли.

— Ну, такъ я разскажу вамъ—началъ онъ, выпрямляясь и устремивъ взглядъ на черное изваяніе. Происходило это такъ: отецъ ея, этотъ проклятый Діоскуръ, не хотѣлъ ни самъ перейти въ святую вѣру, ни дозволить св. дѣвѣ ее исповѣдывать. Она всетаки настаивала на своемъ, тогда онъ впалъ въ страшное бѣшенство и, разумѣется, какъ строгій отецъ, хотѣлъ ее убить. Великомученица бѣжала, но этотъ проклятый Діоскуръ былъ крѣпкій мужчина и ноги у него были здоровыя,—онъ уже ее почти нагналъ и навѣрное убилъ бы, если бы успѣлъ схватить ее передъ скалой... Но тутъ скала, хоть она и камень, а все же сжалилась надъ святой—распахнулась, какъ дверь, и укрыла св. дѣву. Съ этого же времени св. Варвара и стала заступницей углекоповъ, потому-что никто, кромѣ насъ, не работаетъ въ скалахъ; передъ нами разступается самый твердый камень. Кто дѣлаетъ эти длинныя штольни и высѣкаетъ спуски? Все это создано руками углекоповъ съ помощью Господа и св. Варвары. И она ужъ защищаетъ своихъ слугъ, какъ можетъ. Въ небесахъ она всегда смотритъ, когда умретъ углекопъ, за вѣсами, на которыхъ взвѣшиваютъ добрыя и злыя дѣла, да и въ копяхъ часто помогаетъ и предупреждаетъ насъ. И меня, недостойнаго раба своего, она разъ спасла отъ смерти...

Мальчики слушали съ напряженнымъ вниманіемъ и просили усердно старика продолжать прерванный имъ разсказъ.

— Я былъ тогда старшимъ и имѣлъ въ своемъ номерѣ самыхъ отборныхъ углекоповъ. Все парни крѣпкіе: не было для нихъ ничего страшнаго, никакой неприступной скалы... всѣ погибли, какъ это у насъ обыкновенно бываетъ...—вздохнулъ Петръ, а за нимъ и мальчики. — Сидимъ мы разъ въ штольнѣ, обѣдаемъ; я первый кончилъ, потому что всегда любилъ хорошо работать,—и думаю себѣ: пойду осмотрѣть забой, чтобы распредѣлить работы, пока они кончали обѣдать. Иду себѣ... какъ вдругъ мнѣ кто-то шепнулъ тихонько на ухо — какъ будто вѣтерокъ пробѣжалъ по нивѣ — два слова: «Бжезикъ, стой». Я сталъ, смотрю кругомъ, но никого нѣтъ. Ослышался, — думаю себѣ, и пошелъ дальше. Но тутъ уже я внятно слышу слова: «Бжезикъ, стой». Оглядываюсь, и тутъ у меня передъ самыми глазами пролетѣлъ огненный шаръ, вѣроятно тотъ самый, который Христосъ послалъ великомученицѣ, когда ее зимою, въ стужу, обнажили и вели по городу. Не успѣлъ я обернуться, какъ вдругъ, какъ грохнетъ, какъ загудитъ, такъ меня и свалило съ ногъ. Половина свода обвалилась въ забоѣ, потому что очень ужъ глубоко врѣзались въ жилу... но кто же могъ ждать такого обвала?

При этихъ словахъ онъ всталъ, кивнулъ ребятамъ, подошелъ къ алтарю и, опустившись на колѣни, сталъ громко молиться своимъ старческимъ, беззвучнымъ и дрожащимъ голосомъ, а мальчики вторили ему. И часовня наполнилась звуками горячей и искренней молитвы...

Петръ Бжезикъ могъ гордиться убранствомъ часовни. Двойные фестоны украшали черныя стѣны; надъ нишей и алтаремъ свѣшивались зеленыя гирлянды, съ вплетенными въ нихъ яркими цвѣтами. Четыре канделябры по бокамъ и большая люстра по серединѣ ярко освѣщали подземную часовню, а высокія восковыя свѣчи у алтаря бросали достаточно свѣта на черное изваяніе св. Варвары, чтобы обнаружить безхитростную технику скульптора. Одно только огорчало повременамъ Бжезика, посматривавшаго съ гордостью на часовню: не всѣ, мало того—лишь очень немногіе изъ углекоповъ могли попасть въ подземный храмъ: часовня была слишкомъ тѣсна, чтобы вмѣстить около трехъ тысячъ человѣкъ работающихъ въ копяхъ. Одно только утѣшало старика, что на это торжество явится все управленіе копей вмѣстѣ со своими семьями; для этихъ избранниковъ предназначались всѣ скамьи въ часовнѣ.

Не успѣли еще погаснуть звѣзды на ясномъ зимнемъ небѣ, какъ уже въ конторѣ собрались избранные штейгерами углекопы, въ полной формѣ и съ лампочками въ рукахъ. Они сняли верхнее платье и терпѣливо ожидали прибытія Матвѣя Бибѣли, который долженъ былъ сегодня прочесть молитву передъ яркоосвѣщенной иконой св. Варвары, убранной парчей и кораллами. Пришелъ Бибѣля, тщательно вымытый и выбритый; отдавъ пальто прислуживавшему парню, онъ степенно направился къ деревянному барьеру, за которымъ стояли канцелярскіе столы, а на стѣнѣ висѣлъ огромный образъ св. заступницы. Онъ остановился и оглянулся назадъ. Углекопы выстроились, каждую минуту готовые опуститься на колѣни. Ихъ размѣренныя, ловкія движенія напоминали собою военную выправку. Эта иллюзія еще болѣе усиливалась, благодаря ихъ форменнымъ костюмамъ, состоявшимъ изъ блузы со стоячимъ воротникомъ и пелериной, закрывавшей плеча до половины, съ золочеными пуговицами и съ эмблемой горнаго дѣла—двумя молотками, сложенными накрестъ, — изъ довольно широкаго кожанаго пояса и, наконецъ, изъ кожаныхъ латъ, прикрѣпленныхъ въ видѣ фартука сзади; эти латы облегчаютъ углекопу работу, давая ему возможность спокойно садиться на грязномъ углѣ или мокрой скалѣ.

Когда все стихло, Матвѣй преклонилъ колѣна и громко, отчетливо сталъ читать молитву св. Варварѣ, защитницѣ отъ нежданной и внезапной гибели. Всѣ остальные вторили ему вполголоса. Окончивъ молитву, онъ раскрылъ молитвенникъ и по поводу сегодняшняго торжества сталъ читать акафистъ св.

заступницѣ углекоповъ. Присутствующіе громко повторяли припѣвъ: «помилуй насъ». Сначала Матвѣй произносилъ слова акафиста сухимъ и мѣрнымъ голосомъ, а углекопы не умѣли сразу спѣться; но, по мѣрѣ чтенія, хоръ налаживался, а Бибѣля такъ проникся благоговѣйнымъ чувствомъ, что сталъ читать дрожащимъ отъ волненія голосомъ. Съ каждымъ словомъ его одушевленіе росло, и онъ особенно растроганнымъ тономъ произносилъ самыя витіеватыя и красиво звучащія фразы, въ родѣ: «Свѣтъ Гемополя, ангельскій огонь любви» и т. п.

Пришли штейгера и служащіе; они тоже преклонили колѣна и присоединились къ хору, который стройно повторялъ: «помилуй насъ».

По окончаніи акафиста назначенный правленіемъ штейгеръ повелъ одѣтыхъ въ нарядные костюмы углекоповъ въ копь, разставляя почетную стражу. Матвѣй, улучивъ свободную минуту, передъ спускомъ въ шахту упросилъ штейгера взять съ собою въ подземную часовню Пакоша, который стоялъ расфранченный и съ завистью смотрѣлъ на нарядную форму товарищей. Теперь и онъ могъ спуститься въ шахту.

Въ семь часовъ утра началось торжественное богослуженіе. Часовня была переполнена молящимися. Ксендзъ совершалъ службу въ свѣтломъ облаченіи; ему прислуживали шестеро сыновей углекоповъ въ бѣлыхъ стихаряхъ съ красными пелеринами; они исполняли всѣ церемоніи необыкновенно ловко и стройно. Когда ксендзъ обращался къ молящимся, ему отвѣчалъ оркестръ музыки, состоявшій изъ углекоповъ, помѣщенныхъ гдѣ-то въ глубинѣ штольни, и раздавались глухіе выстрѣлы. Когда всѣ присутствующіе съ энтузіазмомъ пропѣли обычный для рождественскаго поста гимнъ: «Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный!» — ксендзъ далъ знакъ рукой, чтобы всѣ замолкли и началъ проповѣдь на тему: «Вѣра безъ дѣлъ мертва». Онъ горячо взывалъ къ благочестію, убѣждалъ не пренебрегать посѣщеніемъ костела, не пропускать исповѣди, не отказываться отъ раздачи милостыни, соблюденія постовъ и т. д. Углекопы внимательно слушали проповѣдь, отъ времени до времени тяжело вздыхая. А когда ксендзъ въ пылу краснорѣчія прибѣгъ къ сильному сравненію: «Вы только подумайте, братья углекопы, что и дьяволъ вѣритъ въ Бога и трепещетъ передъ нимъ, а всетаки остается діаволомъ!» — повсюду раздались стоны и вопли, призывавшіе имя Господне. Тутъ проповѣдникъ снова разсказалъ про жизнь св. Варвары, особенно подчеркивая тѣ мѣста, гдѣ говорилось о мукахъ и зломъ отцѣ Діоскурѣ, котораго, по волѣ Господней, «поразилъ огонь съ неба.» Когда ксендзъ, наконецъ, призвалъ своихъ слушателей къ жаркой молитвѣ о заступничествѣ св. Варвары, всѣ присутствующіе опустились на колѣни и съ глубокимъ чувствомъ

повторяли священныя слова молитвы; между тѣмъ сверху на нихъ глядѣло огромное, черное изваяніе великомученицы съ ввалившимися глазами; только лобъ, брови и выдающіяся части лица сверкали отъ пламени свѣчей, окружая какъ бы блестящимъ ореоломъ темный ликъ св. Варвары.

Богослуженіе кончилось и молящіеся двинулись, чтобы принять участіе въ торжественнымъ крестномъ ходѣ отъ конторы къ костелу.

Здѣсь уже стояла толпа народа—мужчины и женщины, съ нетерпѣніемъ ожидавшіе начала процессіи.

Углекопы съ развернутыми хоругвями своей заступницы заняли почетныя мѣста въ крестномъ ходѣ и двинулись впередъ съ пѣніемъ гимна св. Варварѣ.

XV.

Францъ Бушный съ волненіемъ и тревогой поджидалъ своего назначенія въ углекопы, которое обошлось ему такъ дорого и было обѣщано послѣ праздника св. Варвары. Наконецъ, на четвертый день торжества, когда около 7 часовъ вечера возвращалась съ работы дневная смѣна, штейгеръ третьяго поля, выполняя просьбу товарища, кивнулъ на стоявшаго въ тѣни Франца, обратившись послѣ переклички къ собравшимся углекопамъ:

— Францъ Бушный, бывшій до сихъ поръ шлепромъ въ нашихъ копяхъ, назначается съ сегодняшняго дня младшимъ углекопомъ. Помни же теперь, что съ сегодняшняго дня ты получаешь званіе углекопа и долженъ слѣпо повиноваться старшимъ. Велятъ тебѣ что-нибудь дѣлать, дѣлай, не спрашивая, не выдумывая изъ своей собственной головы, потому что у тебя еще нѣтъ достаточнаго опыта. Закладывать мины изъ пороха или динамита ты не имѣешь права,—это дѣло старшихъ, болѣе опытныхъ. Ты же дѣлай то только, что велятъ. Я зачисляю тебя въ восьмой номеръ, слушайся, работай и не будь высокомѣренъ. Да не забывай, что всякій углекопъ—твой братъ: хотя бы самому пришлось погибнуть, бѣги на помощь и спасай въ бѣдѣ. Таковъ обычай углекоповъ, безъ него невозможно было-бы ни жить, ни работать въ копяхъ. Завтра приходи на смѣну!

На худощавомъ, желтоватомъ лицѣ Франца засіяла радостная улыбка торжества. Онъ искалъ глазами Пакоша, чтобы насытиться его досадою, но тотъ и не смотрѣлъ на Франца. Онъ стоялъ нахмурившись и, несмотря на слой угольной пыли, видно было, какъ онъ поблѣднѣлъ, какъ у него злобно сверкнули глаза. Вновь назначенный углекопъ приблизился къ своему номеру и сталъ знакомиться съ товарищами, приглашая

ихъ на угощеніе, которое долженъ былъ выставить, несмотря на свою скупость, согласно принятому издавна обычаю. Приглашенные направились въ трактиръ «Подъ голубемъ». За ними на приличномъ разстояніи пошли Пакошъ съ Войцѣхомъ.

— Удружилъ же тебѣ этотъ проклятый Францъ своимъ назначеніемъ въ углекопы,—замѣтилъ Войцѣхъ.

— Это бы чортъ съ нимъ, лишь бы не въ нашей смѣнѣ... А теперь вотъ это чортово отродье будетъ постоянно торчать передъ глазами,—ни поѣсть, ни пройтись, ни поговорить...

— Особенно съ Павлисей,—усмѣхнулся Войцѣхъ.

— Тебѣ, братъ, смѣхъ, а я тебѣ вѣрно говорю, что это плохо кончится, потому что хоть у меня и много терпѣнья, но, если меня кто выведетъ изъ терпѣнья, тогда держись!

— Только ты что-то не больно спѣшишь; какъ на волахъ дѣло двигается—насмѣшливо замѣтилъ Войцѣхъ.

— А всетаки поставлю на своемъ!—крикнулъ Пакошъ.

— Посмотримъ, посмотримъ... будешь сегодня «подъ голубемъ»?

— Нѣтъ... Тамъ сегодня пируетъ Францъ со своимъ номеромъ... Пойду «подъ дубъ».

— Можетъ быть и я зайду.—И попрощавшись съ товарищемъ, Войцѣхъ свернулъ къ своей квартирѣ.

Пакошъ, придя домой, кое-какъ умылся и молча сѣлъ на кровать. Дѣти Гротковой по обыкновенію сбѣжались къ нему, но онъ только прикрикнулъ на нихъ и продолжалъ молчать. Гроткова, которая варила у печки ужинъ, спросила, не понимая въ чемъ дѣло:

— А что у васъ случилось на смѣнѣ? Оштрафовали васъ что ли, что вы такой сердитый?

— Сердитый, потому что сердитый!—буркнулъ Пакошъ, не поднимая глазъ.

— За что-же васъ оштрафовали?—допытывалась хозяйка.

— Какой тамъ штрафъ?—возмутился Пакошъ.—Штрафъ это пустякъ, всегда можно отработать, я бы штрафа не побоялся. Тутъ хуже!

Эти слова еще больше подстрекнули любопытство хозяйки, и она поспѣшно спросила:

— Можетъ быть васъ прогнали? Пресвятая Дѣва!! За что же это?

— Не оштрафовали, не прогнали, потому что я дѣльный углекопъ!—воскликнулъ Пакошъ, не двигаясь съ мѣста.

Въ другой комнатѣ сидѣла Павлися, которая, слыша этотъ громкій разговоръ, открыла дверь и стала въ ней съ работой въ рукахъ.

— Слышишь, Павлися? У этого силезца какая-то непріятность, но онъ не хочетъ говорить,—пожаловалась ей мать.

— Что же съ вами?—спросила та, глядя на Пакоша.

Онъ медленно поднялся, подошелъ къ женщинамъ и, понизивъ голосъ, сказалъ:

— Сегодня этотъ собака Францъ, вашъ квартирантъ, назначенъ младшимъ углекопомъ...

Павлися вскрикнула отъ удивленія, а Гроткова заявила:

— Что это за несчастье!? Больше заработаетъ, не растратитъ, не прокутитъ, не пропьетъ, и хорошо.

Послѣ нѣкотораго молчанія она добавила:

— Теперь онъ, вѣроятно, женится...

Эти слова переполнили чашу терпѣнія Пакоша. Онъ сильно ударилъ кулакомъ по столу и крикнулъ:

— Убью это чортово отродье! Расправлюсь съ нимъ съ божьею помощью! Не будь я углекопъ, если не убью его...

Такая небывалая у Пакоша вспышка гнѣва поразила и испугала женщинъ, а дѣти, привлеченныя крикомъ, сбѣжались и обступили мать.

Первой пришла въ себя Павлися и, увѣренная въ своемъ вліяніи на углекопа, любовно взглянула ему въ глаза и ласково заговорила:

— Къ чему эти клятвы? Я не люблю ревнивцевъ и не пойду за такого замужъ. Если Францъ сталъ углекопомъ, это еще вовсе не значитъ, что я буду его женою. Выберу того, кто мнѣ понравится,—закончила она, кокетливо улыбнувшись.

Гнѣвъ Пакоша мигомъ исчезъ подъ вліяніемъ словъ Павлиси, и онъ уже гораздо спокойнѣе сказалъ:

— Пусть только это животное не становится мнѣ поперекъ дороги, потому что будетъ плохо! И къ вамъ пусть не лѣзетъ!

— Ого! Ну, этому ужъ не бывать!—воскликнула Павлися съ громкимъ смѣхомъ.—Пока я дѣвушка, я свободна, какъ птица!

— Вы свободны, это вѣрно,—отозвался онъ, нахмурившись,—но я его отколочу.

— Вотъ-то наказаніе Господне!—заныла Гроткова,—съ того времени, какъ самого нѣтъ дома, въ квартирѣ постоянно скандалы. Бѣдная я, несчастная! Всякій встрѣчный распоряжается какъ хозяинъ! Что же это такое? Развѣ я уже не мать? Развѣ я не хозяйка? Неужели же я ничего тутъ не значу?

— У васъ, пани Гроткова, своя честь, я согласенъ съ этимъ, но и у меня она есть,—сказалъ серьезно Пакошъ.

Павлися, видя, что дѣло можетъ кончиться ссорой, подмигнула матери и сказала поспѣшно и рѣшительно:

— Дѣло вотъ въ чемъ... Или до воскресенья миръ съ Францемъ, или съѣзжайте съ квартиры. Выбирайте любое.

Пакошъ стоялъ въ изумленіи, ничего не понимая, а Павлися добавила:

— Въ воскресенье мама и я скажемъ свое послѣднее слово, но чтобы до воскресенья не было никакихъ дракъ, ссоръ и скандаловъ съ Францемъ, потому что иначе я разсержусь окончательно, и тогда конецъ нашему знакомству!

Пакошъ долго молчалъ, взвѣшивая слова дѣвушки. У него зарождалось сомнѣніе въ ихъ искренности: онъ боялся дать согласіе и думалъ — не лучше ли бросить Павлисю и перебраться на другую квартиру. Но, когда онъ посмотрѣлъ на дѣвушку, которая шила при лампѣ въ другой комнатѣ, когда онъ увидѣлъ ея красивый профиль, ея изящную фигурку, у него не хватило духу; онъ подошелъ къ ней, протянулъ руку и сказалъ:

— Ну, пусть будетъ по вашему. Не скажу ни слова этому проклятому Францу, лишь бы только поскорѣе былъ этому конецъ.

— Вотъ это я люблю,—сказала Павлися, положивъ свою бѣлую, нѣжную руку въ черную и загрубѣлую отъ работы ладонь Пакоша.

— Итакъ, вы даете слово, что въ воскресенье все кончится?—добивался тотъ, не выпуская ея руки.

— Я сказала, что въ воскресенье, значитъ въ воскресенье,— отвѣтила она съ улыбкою.

— Ну ладно. А теперь я пойду «подъ дубъ», потому что обѣщалъ товарищу.

И вскорѣ Пакошъ ушелъ.

Такое же обѣщаніе Павлися легко получила отъ торжествующаго Франца.

Въ слѣдующее воскресенье Гроткова пригласила послѣ обѣда Матвѣя Бибелю, а Пакошъ и Францъ поставили закуску и выпивку. Когда немного закусили, Матвѣй, сговорившись заранѣе съ женщинами, всталъ и обратился къ молодымъ людямъ съ такою рѣчью:

— Такъ какъ Адамъ лежитъ больной, то я, какъ старшій, хочу поговорить съ вами. Слушайте: теперь у насъ рождественскій постъ, ни одинъ ксендзъ не станетъ вѣнчать, такъ къ чему же всѣ эти ссоры? Придетъ время, Адамъ поправится, тогда и поклонитесь отцу, какъ слѣдуетъ по обычаю, Павлися скажетъ свое послѣднее слово, и тогда будетъ свадьба. А теперь только подумайте: зачѣмъ вы сами себя мучите, да и женщины изъ-за васъ страдаютъ; подайте же другъ другу руки въ знакъ примиренія, такъ-то будетъ лучше.

Пакошъ взбунтовался, требуя окончательнаго выбора между нимъ и Францемъ. Того же хотѣлъ и Бушный. Только послѣ долгихъ уговоровъ, клятвенныхъ увѣреній и препирательствъ, они

подали руки въ знакъ примиренія и дали слово, что ни открыто, ни тайно не будутъ вредить другъ другу, терпѣливо ожидая выздоровленія отца и рѣшенія Павлиси въ день Крещенія. Женщины торжествовали побѣду.

XVI.

Въ канцеляріи (главномъ управленіи) копей, помѣщавшейся въ отдѣльномъ зданіи, названномъ въ честь дочери администратора «Desirée», царилъ въ этотъ день необычайный порядокъ. Направо отъ просторной передней помѣщалась зала для низшихъ служащихъ, гдѣ сегодня собрались всѣ штейгера, созванные по распоряженію самого директора. Налѣво изъ передней вели двери въ двѣ просторныя комнаты, изъ которыхъ первая была канцеляріей оберштейгера, а вторую, болѣе богато отдѣланную, занималъ управляющій копями. И оберштейгеръ, и управляющій, каждый въ своей комнатѣ, сидѣли за письменнымъ столомъ и разсматривали какія-то бумаги, дѣлая видъ, что они очень заняты; въ сущности же всѣ ихъ мысли были поглощены ожиданіемъ пріѣзда директора. Комнаты были чисто выметены и провентилированы, пыль на письменныхъ столахъ, стульяхъ и шкафахъ сметена, такъ какъ директоръ не выносилъ безпорядка и грязи: это плохо дѣйствовало на его нервы.

Послѣ минутнаго молчанія, управляющій копями, господинъ Нусликевичъ, спросилъ пѣвучимъ голосомъ, съ оттѣнкомъ литовскаго акцента:

— Пане Ремишевскій! всѣ ли штейгера въ сборѣ, какъ я вамъ приказывалъ?

Оберштейгеръ поспѣшно всталъ, довольный, что этимъ движеніемъ можетъ прервать томительное ожиданіе; онъ отлично зналъ, что всѣ штейгера давно уже ждутъ, но сказалъ:

— Сейчасъ посмотрю!—и вышелъ изъ комнаты.

Убѣдившись еще разъ, что всѣ на своихъ мѣстахъ, онъ вернулся, сталъ въ открытыхъ дверяхъ и сказалъ, расправляя пальцами густую бороду:

— Всѣ въ сборѣ, господинъ управляющій!

Тотъ, не поднимая глазъ, кивнулъ головою, что слышитъ. Оберштейгеръ, высокій, красивый мужчина, оперся о косякъ двери и, устремивъ свои темные, блестящіе глаза на начальника, медленно заговорилъ:

— Что-то запоздалъ господинъ директоръ. Обѣщалъ прибыть къ десяти, а теперь уже двадцать минутъ одиннадцатаго.

Управляющій легкимъ движеніемъ головы выразилъ свое согласіе со словами оберштейгера.

— Я такъ думалъ, господинъ управляющій, что это по дѣлу о «рабункѣ» *) восточныхъ штоленъ...

Завѣдующій поднялъ голову, посмотрѣлъ на говорящаго своими выцвѣтшими голубыми глазами и, погладивъ своей бѣлой, выхоленной рукою коротко подстриженную рыжеватую бородку, сказалъ медленнымъ тономъ:

— Иначе не можетъ быть,—вѣдь угольные устои уже убраны. Навѣрное для «рабунку».

— Тамъ есть одно опасное мѣсто.

— Знаю...

Въ эту минуту до нихъ донесся стукъ рессорнаго экипажа. Оберштейгеръ занялъ мѣсто у своего письменнаго стола, бросивъ на ходу:

— Господинъ директоръ!

На порогѣ показался директоръ. Это былъ стройный, красивый шатенъ, въ мѣру худощавый и хорошо сложенный мужчина, одѣтый съ утонченнымъ вкусомъ. Темное, щегольского покроя, платье обрисовывало стройную фигуру и мягкія очертанія выхоленнаго тѣла. Темная рубашка съ лежачимъ воротникомъ вполнѣ гармонировала съ его изысканно скромнымъ костюмомъ, предназначеннымъ спеціально для копей, и рѣзко выдѣлялась на его бѣлой шеѣ. Стриженая темная борода, красивые усы, темно-голубые глаза, открытый лобъ—все это составляло одно изящное цѣлое.

Онъ внесъ съ собою совершенно другой тонъ жизни, атмосферу довольства и роскоши, что-то говорящее о чистотѣ тѣла, только что вымытаго и выхоленнаго людьми, знающими свое дѣло, а онъ умѣлъ воспользоваться и выставить на показъ ихъ искусство.

Онъ слегка кивнулъ головой въ отвѣтъ на глубокій поклонъ оберштейгера и прошелъ прямо въ слѣдующую комнату. Управляющій уже стоялъ у письменнаго стола, готовый привѣтствовать начальника. Директоръ подалъ ему руку, обтянутую въ перчатку, и, сказавъ небрежнымъ тономъ:

— Доброе утро,—сѣлъ въ кресло, которое было раньше занято управляющимъ, стоявшимъ теперь у стола и почтительно ожидавшимъ вопросовъ начальника.

— Что новаго въ копяхъ?

— Ничего новаго, все обстоитъ благополучно, господинъ директоръ,—произнесъ тотъ медленнымъ, пѣвучимъ голосомъ стереотипную фразу.

---

*) „Рабунэкъ“ дословно грабежъ: мѣстное выраженіе, обозначающее работу по уборкѣ дерева въ истощенныхъ и уже негодныхъ для эксплоатаціи штольняхъ.

Прим. перев.

— Хорошо. Вѣдомости прошу васъ прислать ровно къ тремъ часамъ, не позже и не раньше,—вы знаете, что я не терплю сюрпризовъ.

— Хорошо, господинъ директоръ, ровно въ три часа они будутъ на вашемъ письменномъ столѣ.

Директоръ слегка улыбнулся съ ироніей, но продолжалъ говорить тѣмъ же мѣрнымъ, однообразнымъ голосомъ, впергвъ глаза впередъ:

— На письменный столъ положитъ ихъ мнѣ лакей.

Черезъ минуту онъ спросилъ:

— Штейгера здѣсь?

— Всѣ въ сборѣ, прикажете позвать?

— Я скажу, когда нужно будетъ. Теперь же я хочу сдѣлать распоряженія относительно уборки дерева въ сѣверо-восточной части копи. Пластъ выбрать совершенно, дерево гніетъ безъ надобности, а намъ оно еще пригодится.

— Я обратилъ бы только вниманіе господина директора на то, что тамъ есть одно опасное мѣсто...

— Гдѣ?

— На планѣ номеръ 2480, угольные устои убраны и сводъ легко можетъ обвалиться. Отрѣзано около четверти штольни.

— Та-акъ— протянулъ директоръ, обращая на управляющаго свои красивые, голубые глаза, которымъ онъ всегда старался придать выраженіе олимпійскаго величія. Я осмотрю самъ, пойдемте. Нельзя рисковать жизнью рабочихъ, если дѣйствительно есть опасность.

— Слушаю, господинъ директоръ,— отвѣтилъ съ глубокимъ поклономъ управляющій, довольный, что снялъ съ себя всякую отвѣтственность.

— Землемѣръ здѣсь?—спросилъ директоръ, поглаживая перчатки.

— Ждетъ съ планами.

Директоръ задумался, устремивъ глаза на монограмму золотой запонки своихъ манжетъ и послѣ минутнаго молчанія сказалъ:

— Прошу позвать штейгеровъ!

Ждавшій приказаній оберштейгеръ по знаку управляющаго бросился за штейгерами.

Они вошли, громко стуча тяжелыми сапогами. Ставъ полукругомъ въ первой комнатѣ, у раскрытыхъ настежъ дверей, съ оберштейгеромъ во главѣ, они ждали, пока на нихъ взглянетъ директоръ, чтобы отвѣсить поклонъ. Онъ поднялъ глаза, и въ ту же минуту всѣ головы низко склонились. Директоръ улыбнулся при такомъ единодушномъ движеніи, но тутъ же вспомнилъ, что ему, какъ настоящему аристократу, слѣдуетъ

относиться презрительно къ этимъ мужиковатымъ движеніямъ, костюмамъ и запаху... онъ вынулъ батистовый платокъ, пропитанный нѣжнымъ ароматомъ фіалки, поднесъ его къ носу и только послѣ нѣкоторой паузы заговорилъ:

— Сѣверо-восточный пластъ истощенъ совершенно, дерево пропадаетъ, поручаю вамъ убрать его. Угольные устои уже приняты?

— Такъ точно, господинъ директоръ,—громко отвѣчалъ оберштейгеръ.

— Безъ несчастій?

Штейгеръ 2 номера, который завѣдывалъ этой работой, рѣшивъ, что вопросъ относится къ нему, такъ-какъ глаза директора безразлично блуждали по всѣмъ лицамъ, выскочилъ впередъ съ отвѣтомъ:

— Только одно, небольшое: оторвало ухо углекопу и помяло плечо.

Директоръ опустилъ глаза на свои перчатки, скорчилъ недовольную мину и укоризненно посмотрѣлъ на управляющаго; этотъ въ свою очередь строго взглянулъ на оберштейгера, а послѣдній уже сердито нахмурился на штейгера, который, растерявшись, громко потиралъ свои грубыя руки.

— Съ нимъ ничего не будетъ!—пролепеталъ штейгеръ, не отрывая глазъ отъ директора.

— Слишкомъ часто въ вашей копи несчастія, господинъ управляющій, плохъ надзоръ!

Онъ глубоко вздохнулъ, облокотился на столъ, опустилъ голову на руку и продолжалъ монотонно:

— Дѣлаю уступку предразсудку углекоповъ и разрѣшаю начать уборку не въ тяжелый день—понедѣльникъ, а во вторникъ, съ дневной смѣны. Цѣну за уборку назначитъ господинъ управляющій. Кто дежурный во вторникъ?

— Я!—отозвался грубый голосъ плечистаго Гольмана, и онъ прибавилъ:—съ самаго утра начинать «рабунэкъ» *) или съ полудня?

При словѣ «рабунэкъ» на красивомъ лицѣ директора опять появилась недовольная гримаса; его эстетическій вкусъ былъ оскорбленъ: онъ не выносилъ такихъ грубыхъ, вульгарныхъ выраженій, поэтому онъ сказалъ недовольнымъ голосомъ:

— Этимъ распорядится господинъ управляющій.

Его взглядъ упалъ на письменный столъ, и вдругъ онъ вспомнилъ, что пріѣхалъ въ канцелярію копи не только для распоряженій относительно «рабунка». Онъ попалъ въ директора благодаря настойчивому проведенію принципа: эксплоатація угля должна обходиться возможно дешевле,—поэтому

*) Въ прямомъ переводѣ „грабежъ.“

онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы и словомъ, и дѣломъ показать, что интересы компаніи, увеличеніе ея доходовъ для него самаго, а слѣдовательно и для его подчиненныхъ, должны стоять на первомъ планѣ. Не мѣняя положенія и не обращаясь ни къ кому изъ присутствующихъ, онъ сказалъ:

— Мой портфель остался въ экипажѣ. Пожалуйста принесите его сюда.

Всѣ сдѣлали движеніе по направленію къ выходу, но одинъ изъ штейгеровъ, стоявшій ближе къ дверямъ, бросился вонъ изъ комнаты и черезъ минутку уже стоялъ передъ директоромъ съ изящнымъ, чернымъ, кожанымъ портфелемъ; тотъ кивнулъ головою, раскрылъ портфель, вынулъ кипу бумагъ, развернулъ и сталъ читать:

— Поле номеръ второй—при этомъ онъ взглянулъ на штейгера, который завѣдывалъ этимъ райономъ и теперь поклонился съ поблѣднѣвшимъ лицомъ.—Эксплоатація угля слишкомъ дорого обходится; компанія почти терпитъ убытокъ.

— У меня очень тонкій пластъ,—пробормоталъ защищаясь штейгеръ.

— Но уголь есть, этого для меня достаточно. Нужно лучше смотрѣть за дѣломъ!

— Слушаю, господинъ директоръ!

— Поле номеръ 4-й. Производство сократилось при томъ-же составѣ рабочихъ; это отразится на процентахъ. Предупреждаю васъ!... Поле номеръ 3-й. Слишкомъ много больныхъ въ госпиталѣ... слабая дисциплина. Чтобы этого не повторялось больше. Поле номеръ 1-й... ладно.

Штейгеръ улыбнулся съ блаженнымъ видомъ. Нахмурившіяся было лица управляющаго и оберштейгера немного прояснились.

Директоръ свернулъ бумаги и кивнулъ головой штейгерамъ въ знакъ окончанія аудіенціи, со словами:

— Прошу васъ обождать, можетъ быть мнѣ еще кто нибудь понадобится.

Оставшись съ управляющимъ, онъ вздохнулъ и сказалъ искреннимъ тономъ:

— Тяжело жить на свѣтѣ! Страшно устаешь отъ работы!

— Вамъ бы отдохнуть,—робко посовѣтовалъ управляющій.

— Кто же замѣнитъ меня въ управленіи тремя копями—спросилъ тотъ, съ изумленіемъ взглянувъ на управляющаго.

— Да, это вѣрно,—пробормоталъ тотъ, опуская глаза, чтобы не выдать себя.

— А тутъ еще этотъ землемѣръ со своимъ постнымъ видомъ!—сказалъ директоръ.

— У него больная жена—старался оправдать своего

землемѣра управляющій—дѣтишки маленькія, безпорядокъ въ домѣ...

— Зачѣмъ же онъ женился?—замѣтилъ тотъ нахмурившись.

— Позвать землемѣра?—спросилъ оберштейгеръ.

— Пусть войдетъ.

Вызванный оберштейгеромъ, вошелъ землемѣръ, высокій, худощавый и блѣдный мужчина, въ неуклюже сидѣвшемъ черномъ сюртукѣ; онъ издали поклонился и подошелъ къ дверямъ второй комнаты, тревожно поглядывая на директора.

— Что прикажете, господинъ директоръ?

— Мы убираемъ лѣсъ изъ одной части копи. Господинъ управляющій скажетъ гдѣ. Нужно обмѣрить соотвѣтствующее пространство на поверхности и поставить вѣхи. Господинъ управляющій дастъ рабочихъ и вѣхи. Пока только.

Землемѣръ вышелъ съ поклономъ, не говоря ни слова.

Послѣ минутнаго молчанія директоръ всталъ и сказалъ:

— Пойдемте въ копь, я осмотрю лѣсъ и это сомнительное мѣсто.

Онъ направился въ копь въ сопровожденіи управляющаго, оберштейгера и дежурнаго штейгера. Подходя къ шахтѣ, онъ громко воскликнулъ, желая показать свое уваженіе къ традиціямъ:

— Богъ въ помочь!

Рабочіе громко отвѣтили на его привѣтствіе, а штейгеръ подалъ ему изящную, стеклянную лампочку, спеціально предназначенную для директора. Всѣ четверо спустились въ копь и расположились въ заведенномъ порядкѣ. Во главѣ шелъ оберштейгеръ, за нимъ директоръ съ управляющимъ по лѣвую руку, а сзади штейгеръ. Сырой воздухъ, пропитанный гнилью разлагающагося дерева и острымъ смолистымъ запахомъ сосновыхъ столбовъ, болѣзненно раздражилъ обоняніе директора.

— Желѣзное здоровье должно быть у людей, которымъ приходится работать въ такой атмосферѣ,—обратился онъ къ управляющему.—И ничего живутъ себѣ и довольны своею судьбою.

— Углекопъ въ копи все равно, что рыба въ водѣ,—отвѣчалъ ему пѣвучимъ голосомъ управляющій.

— Мудро однако устроенъ этотъ міръ!—заключилъ директоръ.

XVII

Въ понедѣльникъ вечеромъ, при перекличкѣ углекоповъ поля номеръ 3-й, штейгеръ сказалъ:

— Кто хочетъ завтра идти на «рабунэкъ», приносите съ собою топоры и веревки.

Углекопы молча переглядывались между собою. Одинъ

изъ болѣе рѣшительныхъ, стоявшихъ подальше отъ штейгера въ толпѣ, воскликнулъ:

— А въ какую штольню?

Штейгеръ посмотрѣлъ на присутствовавшихъ, но, видя, что они не обнаруживаютъ особенной охоты идти на «рабунэкъ», сталъ говорить спокойнымъ тономъ:

— Штольня «Дороты» и слѣдующія назначены господиномъ директоромъ для «рабунка». Заработокъ хорошій, потому что отъ цѣльнаго столба назначено по 18 коп. Тутъ въ часъ заработаешь больше, чѣмъ за цѣлую смѣну.

— За то легко и пропасть ни за грошъ,—пробормоталъ кто-то въ толпѣ.

— Въ копяхъ всегда такъ: кто знаетъ свое дѣло, съ тѣмъ ничего не случится. Впрочемъ, я никого не принуждаю, а кто хочетъ хорошо заработать, тотъ можетъ идти. Изъ старшихъ углекоповъ пойдутъ: Бабчикъ, Бибѣля и Гдульскій. Въ номерѣ ихъ мѣсто займутъ другіе.

Когда рабочіе вышли изъ конторы, часть ихъ окружила Бабчика. Это былъ рослый мущина, съ коротко остриженной бородой; среди углекоповъ онъ славился своей отвагой и ловкостью. Тамъ, гдѣ смерть была, казалось, неизбѣжной и гдѣ другіе въ испугѣ отступали, Бабчикъ шелъ прямо, не столько ради заработка, сколько изъ амбиціи. Когда дурной воздухъ душилъ людей, Бабчикъ ихъ вытаскивалъ; когда отступленіе было уже, казалось, отрѣзано, Бабчкиъ первый спѣшилъ на помощь; не одного уже углекопа онъ спасъ, оттащивъ во время, пока его не успѣли смять колеса вагончиковъ или свалившаяся глыба. Но за то онъ былъ очень требователенъ и номера подбиралъ себѣ всегда изъ самыхъ лучшихъ углекоповъ, потому что и работалъ онъ запоемъ. Онъ былъ любимецъ штейгера, и углекопы относились къ нему съ большимъ почтеніемъ, хотя и побаивались его частью потому, что онъ былъ крайне несдержанъ, частію же и потому, что онъ всегда держалъ сторону штейгера. Глыба угля помяла ему ногу и, хотя рана зажила, но кость срослась неправильно, такъ что онъ всегда волочилъ немного лѣвую ногу. Теперь онъ медленно направился въ сторону Матвѣя Бибѣли и Гдульскаго, возлѣ которыхъ собрался ихъ номеръ. На ходу онъ прислушивался къ разговорамъ углекоповъ, совѣщавшихся относительно предстоявшаго завтра «рабунка».

— Что же, Бибѣля, пойдете на «рабунэкъ»?—спросилъ Бабчикъ.

— Развѣ вы не слыхали приказа? Что тутъ спрашивать.

— А безъ приказа вы не пошли бы?—допытывался Бабчикъ.

— Развѣ жизнь мнѣ не дорога? Вѣдь и у меня есть жена и дѣти?—отвѣтилъ тотъ съ досадою.

— Такъ я вамъ скажу, почему васъ штейгеръ назначилъ. Вы, Матвѣй, человѣкъ разсудительный, хорошо взвѣсите дѣло прежде, чѣмъ за него возьметесь, — вотъ потому онъ выбралъ васъ и по моему сдѣлалъ хорошій выборъ.

Матвѣй улыбнулся, польщенный этими словами и, посматривая на стоявшихъ вблизи углекоповъ—всѣ ли они слышатъ, что говоритъ любимецъ штейгера,—отвѣтилъ:

— Что вѣрно, то вѣрно. Я люблю прежде всего хорошенько подумать. Обсудить дѣло никогда не мѣшаетъ, но если ужъ я иду, то иду.

— А меня зачѣмъ онъ назначилъ?—спросилъ со смѣхомъ Гдульскій, толстый, бритый мужчина, въ шапкѣ, сдвинутой на бекрень на большой головѣ.

— Спрашивалъ дубъ у мужика, зачѣмъ меня берешь, вѣдь осина ближе?—засмѣялся громко Бабчикъ.—Такъ и васъ, кумъ, выбрали: вы и сами знаете, что вы здѣсь первый силачъ.

— Да, силой меня Господь не обидѣлъ! — воскликнулъ Гдульскій, вытягивая свою грубую, мускулистую и мозолистую руку.

— Что здѣсь толковать въ сухомятку, слѣдовало-бы промочить горло — сказалъ Бабчикъ—пойдемъ «подъ голубя».

Всѣ трое двинулись впередъ, а за ними пошло нѣсколько углекоповъ; большинство же разошлось по домамъ, такъ какъ сильно устали, были запачканы углемъ и не чувствовали никакой охоты идти на «рабунэкъ».

Франца подмывало отправиться со старшими, но, сообразивъ, что ему, какъ углекопу, не удобно будетъ сидѣть безъ выпивки, а пиво стоитъ по шести коп. кружка, онъ рѣшилъ повернуть домой.

Войцѣхъ, Викентій, Юзефъ Бэзъ, нѣсколько другихъ углекоповъ и Пакошъ направились къ трактиру «подъ голубемъ». Усѣлись, потребовали себѣ пива и стали слушать.

Бабчикъ, отпивъ немного пива, закурилъ папиросу и сталъ говорить:

— Ходилъ я сегодня туда со штейгеромъ и осмотрѣлъ самымъ тщательнымъ образомъ. Дерева тамъ, какъ въ лѣсу, матерьялъ все крѣпкій и не больно крупный. Заработать можно много, только дисциплина должна быть строжайшая, потому что найти тамъ смерть такъ-же легко, какъ камень на дорогѣ.

— Я это знаю—отозвался Матвѣй, облокотясь на столъ.— Какой нибудь дурень схватится за первый попавшійся столбъ, и не оглянешься, какъ все рухнетъ... Откапывай тогда людей.

— Вотъ я и говорю, что порядокъ и послушаніе—это главное при «рабункѣ».

— Попробовалъ бы у меня кто ослушаться!—воскликнулъ грозно Гдульскій—не успѣлъ бы и пикнуть! — При этомъ

онъ протянулъ, сидя, свои большія, черныя отъ угля и загрубѣвшія руки и хлопнулъ ими такъ громко, что стаканы запрыгали на столѣ.

Викентій слушалъ, устремивъ глаза въ землю съ опущенной внизъ головою, а когда всѣ смолкли, сказалъ спокойнымъ голосомъ:

— Хорошее дѣло—заработать, и умереть не страшно, потому что всѣ мы въ рукахъ Божіихъ. Но я тамъ работалъ, помню каждый уголокъ и кое что знаю.

Послѣднія слова, сказанныя такимъ таинственнымъ тономъ, произвели впечатлѣніе; всѣ посмотрѣли на говорившаго, а нетерпѣливый Бабчикъ воскликнулъ:

— Отъ товарищей нечего скрывать правду! Говорите, въ чемъ дѣло?

Викентій поднялъ глаза, затѣмъ опять опустилъ голову и отвѣтилъ:

— Недалеко отъ конца залежи, тамъ, гдѣ угля не больше аршина, есть мѣсто, обозначенное крестомъ: одинъ старый товарищъ говорилъ мнѣ, что тамъ есть «кужавка!» *).

— Господи Іисусе!—воскликнуло нѣсколько голосовъ.

— «Кужавка!»—сказалъ авторитетнымъ тономъ Матвѣй—это страшная штука, — она летитъ какъ снѣжная буря, отъ которой не скроешься и не убѣжишь; гдѣ настигнетъ тебя, тутъ тебѣ и капутъ! Не то земля, не то песокъ, не то илъ, а вѣрнѣе—все вмѣстѣ. И коли захватитъ сапоги, лучше ихъ бросить, а если дойдетъ до колѣна, то уже не вырвешься, остается только молиться за упокой души!

Всѣ смолкли. Вдругъ Юзефъ Бэзъ, слывшій за умѣлаго и ловкаго разсказчика, сказалъ:

— Былъ я разъ въ «кужавкѣ»—и смолкъ.

— Какъ же это было, разскажите, какъ?—стали приставать къ нему углекопы.

Юзефъ Бэзъ велѣлъ подать себѣ кружку пива, немного отпилъ изъ нея, принялъ удобную позу и началъ:

— Я былъ тогда еще нагрузчикомъ и работалъ близко отъ шахты, какъ вдругъ поднялась страшная суматоха. Всѣ углекопы бѣгутъ сломя голову съ криками: «кужавка! кужавка!» Мы тоже бросились, вскочили въ подъемный ящикъ и маршъ на верхъ. Тамъ только пришли въ себя и услышали разсказъ, что въ одномъ забоѣ прорвали «кужавку». Штейгеръ спустился внизъ, возстановилъ порядокъ въ основаніи шахты, но самъ не рѣшается идти дальше, ждетъ оставшихся углекоповъ. А ихъ все нѣтъ и нѣтъ, только вѣтеръ гудитъ да воетъ по штольнямъ. Ну, такъ ничего не дождался. Собрались на

*) „Кужавка“ скопленіе жидкой грязи и удушливыхъ газовъ. Пр. перев.

верху углекопы и шлепры, сдѣлали перекличку, и оказалось, что не хватаетъ тридцати углекоповъ и около двадцати шлепровъ.

Тутъ онъ снова потянулъ пива и оглянулся—слушаютъ ли его:

— Это было въ ночную смѣну; когда настали дневныя работы, оберштейгеръ и штейгера не вытерпѣли, собрали углекоповъ, которые посмѣлѣй, и спустились внизъ. Тихо. Идутъ дальше, опять все тихо. Только вдругъ оберштейгеръ говоритъ: отчего это такъ тяжело идти, точно за ноги кто держитъ!.. Смотрятъ, а это клей какой то, въ родѣ трясины, сейчасъ узнали, что это «кужавка»... Возвратились наверхъ, посовѣтывались, но ничего не придумали; рѣшили, что нужно ждать, пока «кужавка» затвердѣетъ. Опять идутъ, пошелъ и я, Кое какъ по доскамъ, по бревнамъ удалось вывести немного народу, но дальше, до самыхъ послѣднихъ никакъ нельзя добраться. Говорятъ, что всѣ погибли, наглотавшись «кужавки». Черезъ нѣсколько дней углекопы разсказываютъ, что слышны стоны; собралось насъ нѣсколько человѣкъ, идемъ. Ничего не слышно, только посмотрѣлъ я въ одинъ забой, протираю глаза и вижу: настоящіе люди, а не призраки какіе нибудь, выше пояса увязли въ грязи. Мы подняли крикъ, сбѣжался народъ, и вытащили два трупа, а третій хоть и живъ, но мало отъ него проку: отъ страха помутилось у него въ головѣ, только и отвѣчаетъ на всѣ вопросы:

— Боже, помилуй меня грѣшнаго!

Слушатели вздохнули и нахмурились. Теперь у всѣхъ пропала охота идти на «рабунэкъ», и нѣкоторые стали уже поглядывать на двери, чтобы уйти домой.

Бабчикъ насмѣшливо поглядѣлъ на всѣхъ присутствующихъ и сказалъ:

— Что-жъ, страшно стало? Ну, коли разсказалъ вамъ Юзефъ свою «кужавку», разскажу и я. Работали мы въ штольнѣ «Прокопа», былъ тамъ и штейгеръ, какъ вдругъ бѣжитъ цѣлая толпа углекоповъ съ крикомъ: «кужавка»! Стой!—кричитъ на нихъ штейгеръ и зоветъ меня. Мы стали въ штольнѣ и остановили ихъ. Тогда они говорятъ, что за ними летитъ «кужавка». Ну ладно, и все же слѣдуетъ идти по человѣчески, а не бѣжать, какъ стадо скота, да и товарищей нужно предупредить во время. Ну, и поднялись всѣ въ порядкѣ на верхъ. Въ копи былъ тогда и самъ директоръ; говоритъ, что нужно спуститься и посмотрѣть, въ чемъ дѣло. Спускается директоръ съ управляющимъ, оберштейгеръ, штейгеръ и я. Идемъ себѣ впередъ и ничего: вездѣ спокойно, какъ вдругъ изъ одного забоя какъ повѣетъ холоднымъ вѣтромъ!.. Лампочки погасли, подъ ногами грязь. Тутъ они всѣ какъ закричатъ: «кужавка»! и, съ директо-

ромъ во главѣ, айда на утекъ. Не могу же я пуститься бѣжать первымъ, они старше. Вотъ и бѣгу я себѣ сзади, но все же не струсилъ. Остановился я, зажегъ лампочку и потихоньку вернулся назадъ. Подхожу ближе, слышу что то журчитъ. Посвѣчу ниже, а оно оказывается только песокъ да вода. Я разсмѣялся. Вернулся и разсказываю, въ чемъ дѣло; самъ директоръ далъ мнѣ пятишницу и говоритъ: молодецъ.

Всѣ углекопы искренно разсмѣялись, когда Бабчикъ разсказывалъ о бѣгствѣ директора со всѣмъ штабомъ, только Юзефъ Бэзъ замѣтилъ раздражительно:

— Да, своей то жизнью они дорожатъ!

— Какъ и каждый изъ насъ!—возразилъ Бабчикъ... Но вы слушайте до конца. Отверстіе крѣпко задѣлали кирпичемъ и, чтобы никто не трогалъ, обозначили это мѣсто святымъ крестомъ. Я такъ думаю, Викентій, что въ томъ мѣстѣ, о которомъ вы говорите, тоже вода. Кто его знаетъ, гдѣ «кужавка».

— А можетъ быть и такъ—вставилъ Матвѣй.

— Дай Богъ! Дай Богъ!—вздохнулъ Викентій, видимо не особенно убѣжденный этими доводами.

— Такъ вы все таки не пойдете?—спросилъ его Бабчикъ.

— Нѣтъ, не пойду.

— Ну, и безъ васъ обойдется! А кто изъ васъ, товарищи, идетъ?—обратился Бабчикъ къ углекопамъ и остановилъ взглядъ на Пакошѣ, который, сидя противъ лампы, висѣвшей у стѣны, былъ на самомъ виду.

— Да я пошелъ бы,—отвѣчалъ Пакошъ,—но не знаю хорошенько, что это за «рабунэкъ»? У насъ старыя штольни засыпаютъ камнемъ, глиной, пескомъ изъ «Querschlag'а», но это дѣлаютъ шлепры.

— Не знаешь, братъ, что это за штука? — воскликнулъ Юзефъ Бэзъ, который даже подскочилъ при этомъ на скамейкѣ и, чтобы кто-нибудь другой не далъ раньше его объясненія, началъ быстро разсказывать:

— Когда выбранъ весь уголь и работа не окупается, тамъ, наверху собираютъ совѣтъ и говорятъ: жаль столько лѣсу— вѣдь онъ пригодится. Пустимъ ка туда, кто пожаднѣе, позарятся, какъ собаки на мясо, и вынесутъ дерево на рукахъ. Засыпать штольню дорого обойдется, да и дерево даромъ сгніетъ, такъ ужъ лучше ограбить штольню. А что люди могутъ погибнуть,—не велика важность! Касса взаимопомощи поддержитъ вдову, чтобы не побиралась, а за деньги мы достанемъ рабочихъ, сколько угодно...

— А ты рычишь на нихъ, какъ собака, — прервалъ его Бабчикъ.

— За то я и избитъ весь, какъ песъ!—отрѣзалъ ему Юзефъ. При этихъ словахъ онъ наклонилъ голову, на которой бѣлѣли

рубцы и шрамы и засучилъ рукавъ на лѣвой рукѣ, гдѣ у сгиба зіялъ глубокій шрамъ.—Одно ухо ободрано и не хватаетъ одной груди—кончилъ онъ, вздыхая.

— Ты вѣдь не кормишь, на что же тебѣ грудь?—засмѣялся Бабчикъ.

Засмѣялись и остальные.

— Я пойду,—заявилъ Войцѣхъ, что мнѣ! Эй! Хозяинъ, дай ка пива! Заплачу тебѣ, коли заработаю на «рабункѣ», а нѣтъ—тогда ищи на томъ свѣтѣ!

Всѣмъ понравилась удаль Войцѣха, и Пакошъ первый до того умилился, что обнялъ его со словами:

— И я съ тобой, братъ!

Углекопы стали смѣяться надъ Пакошемъ, а Войцѣхъ, недовольный этими нѣжностями, оттолкнулъ отъ себя силезца и сказалъ:

— Иди, коли хочешь; только меня не обнимай, потому я не баба!

Эти слова развеселили всѣхъ, даже Викентій улыбнулся, а Бабчикъ сказалъ:

— Дѣльный ты парень! Хочешь, возьму тебя въ свой номеръ? Я похлопочу объ этомъ у штейгера?

— Мнѣ хорошо и въ своемъ номерѣ, я не брошу Бибѣлю.

Матвѣй съ довольнымъ видомъ кивнулъ головою и замѣтилъ:

— За то и я люблю тебя, Войцѣхъ, какъ сына!

Бабчикъ, услышавъ рѣзкій отказъ Войцѣха, сначала было нахмурился, но, когда заговорилъ Матвѣй, онъ громко расхохотался и сказалъ:

— Ну, коли нашлась новая семья, отецъ и сынъ, такъ уже ставьте угощеніе! Можетъ быть и на нашу долю попадетъ.

Войцѣхъ и Матвѣй, самолюбіе которыхъ было задѣто, велѣли подать пива; всѣ развеселились и стали пить.

Вдругъ медленно открылись двери, и вошелъ пожилой уже мужчина, съ просѣдью въ бородѣ. Это былъ сгорбившійся, сильно истощенный человѣкъ, на которомъ платье висѣло, какъ на вѣшалкѣ. Онъ неувѣренно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, посмотрѣлъ на присутствующихъ и сказалъ:

— Богъ въ помощь!

При этихъ словахъ Войцѣхъ сталъ внимательно взглядываться и вдругъ закричалъ, сорвавшись съ мѣста:

— Дяденька!—вы ли это?! или вашъ духъ?

И Викентій воскликнулъ:

— Господи Іисусе! Адамъ, неужели это ты?

Матвѣй тоже прищурилъ глаза, протеръ ихъ и сказалъ:

— Адамъ Гротекъ!—да онъ ли это?

Но Войцѣхъ уже бросился цѣловать его руку со словами:

— Дяденька!—какъ вы измѣнились, только по голосу и узналъ васъ! Откуда? когда? какъ?

— Сегодня меня выписали изъ больницы. А тутъ Францъ говоритъ мнѣ, что вы собрались подъ «Голубемъ» посовѣтоваться относительно «рабунка»; я и подумалъ себѣ: дай пойду, можетъ быть и пригожусь тамъ.

— Пригодитесь! Пригодитесь,—воскликнулъ Бабчикъ.— Садитесь-ка съ нами, выпейте, закусите чего-нибудь, вотъ уже вамъ и занятіе.

— Спасибо!—отвѣчалъ Гротекъ, усаживаясь,—съѣсть я съѣлъ бы чего-нибудь, но пить мнѣ нельзя, докторъ запретилъ.

Войцѣхъ велѣлъ подать колбасы съ капустой и сказалъ со смѣхомъ:

— Слыханое ли это дѣло, чтобы вы, дяденька, не выпили пива?! Потому то вы такъ и отощали. Пейте, что тамъ слушать этихъ докторовъ!

— Пейте!—поддержали и другіе. Онъ отпилъ немного изъ кружки Войцѣха и вздохнулъ.

— Ну. Адамъ, разсказывайте!—Какъ вы себя чувствуете? Вернется ли вамъ ваша сила?—допытывался Матвѣй Бибѣля, наклоняясь къ нему.

— А вотъ какъ,—отвѣчалъ Адамъ, закуривая поданную Бабчикомъ сигару,—раны слегка затянуло свѣжей кожей, ну и ладно. Силъ въ лѣвой рукѣ немного, но докторъ говоритъ, что это пройдетъ. Голова срослась, какъ будто и здоровъ, да и докторъ говоритъ такъ... Я самъ чувствую, что не такъ уже плохо, какъ прежде было; только въ глазахъ часто мутится, кости ломятъ, а иногда и все тѣло.

— Вздоръ, братъ!—воскликнулъ Бабчикъ.—Тебя держали тамъ на кашицѣ, не ѣлъ, не пилъ ничего, откуда же и силѣ то взяться? Поживешь съ нами, такъ и поправишся; ты вѣдь былъ дѣльнымъ углекопомъ.

— Дай Богъ!—сказалъ Адамъ, протягивая на столъ свои худыя, пожелтѣвшія, тонкія руки.—И я думаю, что въ копи поправлюсь.

— Ну, и подтянуло же тебя,—замѣтилъ Викентій съ сочувствіемъ.—Былъ такимъ силачемъ, а теперь рука, какъ у писца изъ канцеляріи.

— Какъ ему не быть слабымъ! —заговорилъ Гдульскій грубымъ голосомъ.—Сила набирается отъ работы, а онъ залежался, оттого и ослабъ. Я самъ, когда меня схватила горячка, а потомъ лихорадка, не могъ держать въ рукѣ даже кирки, и только въ работѣ поборолъ слабость. Сказалъ себѣ:

Неплюевское братство.

(Второе письмо изъ Глуховскаго уѣзда).

„Тлетворная атмосфера, среди которой многіе воспитываются, дѣйствуетъ слишкомъ заразительно, и многія натуры, болѣе другихъ слабыя, дѣлаются жалкою жертвою этой заразы. Положеніе ихъ дѣлается истинно достойнымъ сожалѣнія до тѣхъ поръ, пока они не начинаютъ гордиться этимъ положеніемъ и вовлекать другихъ. Тогда они становятся отвратительны, потому что становятся вредны“...

Н. А. Добролюбовъ.

Въ прошломъ письмѣ своемъ *) я познакомилъ читателей съ Неплюевской *школой*. По мысли ея учредителя, Н. Н. Неплюева, школа эта имѣетъ прямою своею цѣлью приготовлять изъ крестьянскихъ дѣтей членовъ особой общины, называемой „*Православнымъ Крестовоздвиженскимъ трудовымъ братствомъ*“.

Школа—это „колыбель братства“, какъ говоритъ обыкновенно Н. Н. Неплюевъ, въ которой дѣти-пансіонеры воспитываются на заданную тему, для опредѣленной цѣли.

По мнѣнію устроителя братства, г. Неплюева, крестьянскія дѣти, взятыя прямо изъ родной среды, совершенно не пригодны къ братской жизни; для этого ихъ сердца, ихъ души должны быть радикально переработаны въ неплюевской коллегіи - лабораторіи; какъ много усилій нужно для этой переработки, читатель можетъ заключить изъ слѣдующихъ словъ г. Неплюева, которыми онъ характеризуетъ крестьянскихъ дѣтей, еще не тронутыхъ неплюевской системой воспитанія: „грубая гордость,—говоритъ онъ,—въ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ, убѣжденіе въ своей правотѣ, грубый эгоизмъ, грубое неуваженіе къ человѣческой личности, образу и подобію Божію, въ себѣ и въ другихъ, самодовольное равнодушіе ко всему возвышенному, доброму и прекрасному, благодушная уживчивость, а иногда и восторженное отношеніе къ грубому, пошлому и безобразному, грубое суевѣріе на мѣсто вѣры живой, полное не-

*) См. „Русск Бог.“, октябрь, 1899 г.

умѣнье владѣть собою, крайняя неряшливость и нечистоплотность, грубая требовательность по отношенію къ ближнимъ и совершенное непониманіе своихъ обязанностей по отношенію къ нимъ— вотъ грустная картина великихъ немощей, присущихъ въ большей или меньшей степени огромному большинству дѣтей того православнаго простонародья, которое народники стараются представить идеаломъ всякихъ христіанскихъ добродѣтелей“ *).

Къ такимъ грустнымъ выводамъ пришелъ Н. Н. Неплюевъ, проживъ въ деревнѣ 20 лѣтъ слишкомъ. Очевидно, послѣ этой суровой оцѣнки, трудно согласиться съ Некрасовымъ, необдуманно утверждавшимъ, будто крестьянскія дѣти—тоже дѣти и будто даже—

„Кто часто ихъ видѣлъ,
Тотъ, вѣрю я, любитъ крестьянскихъ дѣтей“...

Тѣмъ больше заслуга учрежденій г. Неплюева, которыя всетаки умѣютъ культивировать для „братства“ даже такихъ ужасныхъ дѣтей.

Но, что еще удивительнѣе—культивировка совершается радикально, быстро, иногда почти моментально... „Не разъ мы имѣли счастье,—свидѣтельствуетъ Н. Н.,—дожить до свѣтлаго преображенія духа, причемъ *разомъ, въ одинъ день, ничего не оставалось* отъ прежняго человѣка, характеръ радикально измѣнялся, и *самые пороки превращались въ высокія добродѣтели*“...

Невольно приходитъ въ голову, что тутъ есть какое-то недоразумѣніе. Съ одной стороны,—вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, пожалуй, крестьянскія дѣти въ значительной степени тоже дѣти, и Некрасовъ съ остальными „народниками“ въ этомъ отношеніи не такъ ужъ ошибались. Съ другой—трудно вѣрится въ секретъ „мгновенныхъ“ душевныхъ превращеній. Мы привыкли думать, что обыкновенно педагоги трудятся годы надъ исправленіемъ дѣйствительно испорченныхъ натуръ, и то нерѣдко, въ концѣ-концовъ, у нихъ, какъ у Сенеки, выходятъ Нероны. А вотъ Н. Н. Неплюевъ обладаетъ секретомъ почти моментально „трансформировать“ испорченныя „грубыя и эгоистическія натуры“.

Преображенныя дѣти начинаютъ иначе мыслить, иначе чувствовать. У нихъ возникаютъ особые запросы, и послѣ этого имъ уже, конечно, непригоже жить среди хищныхъ волковъ, въ этомъ мірѣ борьбы и наживы. „Они выходятъ изъ школъ совершенно переродившимися духовно,—говоритъ Н. Н.,—съ христіанскимъ складомъ ума и симпатій, съ горячимъ желаніемъ всю жизнь свою стройно организовать по вѣрѣ. Они застрахованы отъ всякихъ лжеученій, имѣя ясное понятіе о христіанскомъ міровоззрѣніи во всемъ его несравнимомъ величіи, во всей его несрав-

*) „Воздвиж. школа“ Н. Н. Неплюева, Спб., 1895.

ненной стройности... Имъ свойственно мирное созиданіе христіанскаго братства" („Воздвиж. шк.").

Черниговское „братство", по мысли Н. Н., и должно явиться такимъ убѣжищемъ, въ которомъ кроткіе агнцы воздвиженскаго стада могутъ спокойно проживать „въ единомысліи и единодушіи, въ огражденіи отъ волковъ хищныхъ, не боясь ихъ звѣриной алчности". Устроить такое „братство" въ предѣлахъ своихъ имѣній Н. Н. задумалъ давно, но осуществилась его идея только въ 1895 г. Въ этомъ году, 5 февраля, братство было открыто сначала семейно, а 22 іюля—оффиціально, при большомъ стеченіи уѣздной публики.

Еще за нѣсколько дней до этого событія всѣ окружные помѣщики получили особые пригласительные листы, въ которыхъ значилось:

„Блюститель Православнаго Кресто-Воздвиженскаго Перваго Трудоваго Братства, Н. Н. Неплюевъ, покорнѣйше проситъ Васъ пожаловать 22 іюля, къ 9 часамъ утра въ х.-Воздвиженскъ на Церковное торжество открытія Трудоваго Братства".

Къ листамъ были приложены слѣдующія программы торжества:

9 часовъ утра.

Освященіе Братской Хоругви.
Раздача Братскихъ Крестовъ.
Соборная литургія.
Благодарственное молебствіе.

1 часъ дня.

Завтракъ у блюстителя Братства.

4 часа.

Торжественное собраніе Братства.
Чтеніе устава.
Чтеніе обѣтовъ.
Чтеніе завѣщанія учредителей.

7 часовъ вечера.

Обѣдъ у блюстителя Братства.

9 часовъ вечера.

Иллюминація храма и парка.

Посторонніе гости съ нескрываемымъ любопытствомъ ожидали чтенія завѣщанія г. Неплюева, тѣмъ болѣе, что въ уѣздѣ ходили упорные слухи, будто учредитель намѣренъ завѣщать „братству" свое многомилліонное имѣніе. Это оказалось невѣрнымъ. Н. Н. никакихъ имѣній „братству" не завѣщалъ, а пере-

далъ ему свою любимую огромную рукопись съ золотымъ титуломъ: „Генеалогія рода Неплюевыхъ. Составилъ Н. Н. Неплюевъ“.

— Пусть эта рукопись,—сказалъ Н. Н.,—будетъ связующимъ звеномъ между вами—дѣтьми народа, и мною—представителемъ аристократіи...

Свѣдѣнія, заключающіяся въ этой книгѣ, представляютъ несомнѣнный біографическій интересъ: изъ нея мы узнаемъ, что родъ г. Неплюева—очень древній родъ и происходитъ отъ сына прусскаго конунга Дивона III—Гландала Камбилы. Дивонъ III былъ друидомъ, а дочь его Скумена-Наздада одною изъ послѣднихъ друидическихъ жрицъ.

Разбитый коалиціей короля чешскаго Премыслава-Оттокара, ландграфа Тюрингіи Генриха и рыцарей-меченосцевъ, онъ подвергнутъ былъ крещенію по католическому обряду вмѣстѣ съ сыномъ Гландаломъ, получившимъ имя Ричарда. Въ правленіе сына святого Александра Невскаго, князя Василія Александровича, при посадникѣ Ананіи, этотъ Гландалъ Камбила получилъ отъ вѣча новгородскаго право поселиться съ дружиною въ 3,000 человѣкъ въ предѣлахъ новгородскихъ. Онъ присоединенъ былъ къ православію въ Софійскомъ соборѣ съ именемъ Іоанна. Сынъ его Андрей Ивановичъ Камбилъ перешелъ въ Москву, былъ ближнимъ бояриномъ и извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ Кобылы. Отъ его второго сына, боярина Александра Андреевича Елко, Н. Н. Неплюевъ и производитъ свой родъ.

Послѣ чтенія завѣщанія, согласно программѣ, прочтенъ былъ братскій уставъ. По смыслу устава, организація „братства“ заключается въ слѣдующемъ: члены его могутъ быть трехъ разрядовъ:

а) *Полноправные братья*—полноправные хозяева братства. Они устанавливаютъ общій строй жизни братства, завѣдуютъ его имуществомъ и распоряжаются его доходами. Полноправные братья образуютъ изъ себя *„братскую думу“* подъ предсѣдательствомъ ими же выбраннаго *блюстителя* (посадника).

b) *Пріемные братья*—находятся на испытаніи; живутъ вмѣстѣ съ полноправными братьями въ предѣлахъ владѣній братства и пользуются равнымъ участіемъ въ доходахъ, но не участвуютъ ни въ выборахъ, ни въ установленіи строя жизни „братства“.

с) *Члены соревнователи*; они обязаны, живя на сторонѣ, каждый въ своемъ положеніи содѣйствовать „братству“ въ достиженіи намѣченныхъ цѣлей. Они не участвуютъ въ доходахъ „братства“, но могутъ, по усмотрѣнію полноправныхъ братьевъ, получать отъ „братства“ матеріальную помощь на дѣятельность въ духѣ „братства“ за его предѣлами.

Членами „братства“ могутъ быть и женщины, пользуясь вовсемъ равными съ мужчинами правами.

Чистый доходъ распредѣляется такимъ образомъ: ежегодно отчисляется по 10% въ основной и запасный капиталы, которые предназначаются исключительно для покупки земель и учрежденія новыхъ отдѣленій „братства". Остатокъ чистаго дохода дѣлится между полноправными и пріемными членами „братства", но не выдается имъ на руки, а записывается думой на ихъ личные счета, причемъ братья могутъ расходовать деньги съ согласія большинства наличныхъ членовъ думы. При выходѣ изъ „братства", выходящій получаетъ (въ дѣйствительности—почти никогда) причитающуюся на его долю сумму. Всѣ члены „братства", за исключеніемъ членовъ соревнователей и лицъ, находящихся, съ согласія думы, въ исключительномъ положеніи по роду ихъ занятій—составляютъ изъ себя рабочую и потребительную артель. Уставъ „братства" гласитъ, что братская артель должна выполнять всѣ работы безъ помощи наемниковъ, наемъ которыхъ разрѣшается только въ случаѣ недостаточнаго количества членовъ „братства", или по случаю усиленной работы. Фактически же члены „братства" практикуютъ наемъ рабочихъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, и на долю братьевъ выпадаетъ, такимъ образомъ, роль коллективнаго помѣщика, имѣющаго всѣ права юридическаго лица.

Въ настоящее время полноправныхъ членовъ въ братствѣ числится всего 8 человѣкъ, въ томъ числѣ мать и двѣ пожилыя сестры г. Неплюева. Всего же членовъ въ „братствѣ" мужчинъ и женщинъ имѣется около 100 душъ.

По большей части все это молодые люди, бывшіе воспитанники Воздвиженской школы, приготовленные для „братства", такъ сказать, „по заказу".

Разныя причины заставляютъ ихъ вступать въ общину. Тутъ и „соблазнъ богатства", о которомъ говоритъ въ „Недѣлѣ" г. Меньшиковъ, и пятилѣтніе гипнотизирующіе уговоры со стороны г. Неплюева, и ничтожное матеріальное обезпеченіе, ожидающее на сторонѣ воспитанника Воздвиженской школы. Эта школа, подобно другимъ низшимъ сельско-хозяйственнымъ школамъ, состоящимъ въ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ, по департаменту земледѣлія и сельской промышленности, даетъ окончившему полный курсъ всего лишь льготу 3-го разряда по отбыванію воинской повинности и, кромѣ того, освобожденіе отъ тѣлесныхъ наказаній навсегда. На сторонѣ воспитанникъ Воздвиженской школы получаетъ на первыхъ порахъ всего 10—15 руб. мѣсячнаго жалованья, а, поступивъ въ общину, онъ попадаетъ въ гораздо лучшія матеріальныя условія. Слѣдуетъ отмѣтить, что, не смотря на эти условія, всетаки свыше одной трети окончившихъ школу—навсегда оставляетъ Воздвиженскъ.

Кромѣ бывшихъ воспитанниковъ школы, принимаются въ

братство также и посторонния лица, но съ большимъ трудомъ и послѣ долговременнаго испытанія. Практика показала, что такія лица являютъ собою въ братствѣ элементъ нежелательный. Члены „братства“ образуютъ изъ себя нѣсколько кружковъ или *семей*,— есть семья св. Андрея, семья св. Николая и т. д. Въ составъ семьи св. Николая, живущей въ хуторѣ Воздвиженскѣ, входятъ учителя Воздвиженской школы, ключники, приказчики, счетоводы и т. п. сельско-хозяйственные служащіе Воздвиженской экономіи. Семья св. Андрея помѣщается въ сосѣднемъ хуторѣ Рождественскѣ и состоитъ изъ членовъ земледѣльческой артели, арендующей землю у г. Неплюева (около 200 десят.) съ платою по 6 руб. за десятину; такая же плата принята и въ другихъ мѣстныхъ хозяйствахъ.

Какъ въ той, такъ и въ другой семьѣ большинство членовъ— люди семейные. Пока въ Воздвиженскѣ, наряду съ мужской школой, не было школы женской, Николай Николаевичъ очень тревожился заботой о братскихъ женахъ. Не безъ основанія боялся онъ, что коварныя дочери Евы, подобно своей прародительницѣ, станутъ искушать мужей вольной жизнью за предѣлами Воздвиженскаго рая.

Теперь на этотъ счетъ Н. Н. совершенно спокоенъ: съ 1893 г. функціонируетъ женская школа, руководимая неусыпными заботами сестры Н. Н., Марьи Николаевны, пожилой вдовы.

Нечего и говорить, что воспитательная система, принятая въ женской школѣ, есть точная копія методовъ и пріемовъ, практикуемыхъ въ школѣ мужской. Тѣ же *черныя книги*, *„братскіе“ кружки*, *дневники*, *исповѣди*, *отлученія* отъ *общества подругъ* и т. п. Также очень часты и случаи изгнанія изъ школы. На поведеніе воспитанницъ тамъ смотрятъ черезъ темную призму суровой и узкой „братской“ добродѣтели.

Для иллюстраціи сказаннаго, привожу выдержки изъ характернаго письма завѣдующей, написаннаго ею одному члену братства, по поводу исключенія изъ школы его родной сестры.

. . . „Разскажу вамъ все подробно о вашей сестрѣ. Все время ея школьной жизни, въ ней очень замѣтно было преобладаніе ума надъ сердцемъ. Я рѣдко видала въ ней доброе чувство къ кому бы то ни было, никогда не видѣла я въ ней добраго порыва, сердечнаго раскаянія. Если она сдѣлаетъ что нибудь не хорошо, начнетъ себя оправдывать и такъ запутаетъ все, что потомъ сама не разберетъ ничего. Я рѣдко слышала, чтобы она сама сказала о себѣ что нибудь. Отношенія ея къ подругамъ были довольно безразличны, хотя *дурныхъ* отношеній у нея не было ни съ кѣмъ. *Она вела себя довольно хорошо, ничего очень дурного она не дѣлала* (курсивы наши) *и ею не были недовольны.* Въ началѣ зимы она подружилась съ одной нехорошей воспитанницей, которая, мнѣ кажется, и повліяла на нее дурно. Стар-

шая совѣтовала ей не дружить съ нею, но она ее не слушала. Къ нимъ присоединилась еще одна подруга и у нихъ образовался очень несимпатичный кружокъ; все свободное время онѣ проводили вмѣстѣ и *все о чемъ-то разговаривали*, тщательно стараясь скрыть свои разговоры отъ другихъ. Какъ-то разъ на кругу заявили, что Ирина списала задачу у подруги. Она долго не соглашалась, что поступила дурно, говоря, что сдѣлала на черновикѣ всѣ дѣйствія, а списала у подруги только планъ задачи, потому что ей некогда было самой думать объ этомъ. Я ей сдѣлала строгій выговоръ; она видѣла, насколько это возмутило меня, и все-таки не хотѣла понять, какъ это дурно, все стояла на своемъ, что она сама сдѣлала задачу. На слѣдующей недѣлѣ она опять списала переложеніе уже у другой подруги, только съ нѣкоторыми измѣненіями. Когда я ее спросила, зачѣмъ она это сдѣлала, она начала говорить, что это вышло случайно, что она не переписывала, а только слышала, какъ читали это переложеніе, запомнила многія фразы и написала въ своемъ... Она говорила такъ убѣдительно, мнѣ казалось съ раскаяніемъ, такъ убѣжденно говорила, что я повѣрила. Когда же я сказала объ этомъ воспитанницамъ, онѣ принесли мнѣ черновую тетрадку той воспитанницы, у которой Ирина списала, и оказалось, что списано. Я опять позвала ее и показала тетрадки. Она смотрѣла мнѣ прямо въ глаза и увѣряла, что не списывала, а помнила наизусть. Тогда я ей сказала, чтобы она мнѣ сказала наизусть. Она сказала нѣсколько словъ, а дальше, конечно, ничего сказать не могла, начала плакать...

„Весь день я надѣялась привести ее къ раскаянію и тѣмъ быть въ правѣ простить ее, такъ не хотѣлось исключать ее. Послѣ всего этого, мнѣ стало *страшно* (?!) оставлять ее въ школѣ, и мы рѣшили *исключить ее*. Мнѣ очень тяжело писать вамъ все это... Вы потеряли сестру, это, конечно, очень тяжело и грустно, но она была вамъ сестра по плоти, по духу же, что гораздо больше, она была вамъ совсѣмъ чужая... *забудьте о ней* и примите за сестеръ тѣхъ, которыя хотятъ вамъ быть сестрами по духу“.

Съ обычной, житейской, можетъ быть и „грѣховной“ точки зрѣнія—покажется, пожалуй, нѣсколько жестокимъ—совѣтъ родному брату забыть „сестру по плоти“ только за то, что она списывала школьныя переложенія!... Но въ „братствѣ“ на это другіе взгляды...

Само собою разумѣется, что такая воспитательная система даетъ блестящіе результаты, и всѣ братскія жены изъ воспитанницъ тоже блистаютъ спеціальными добродѣтелями... Многіе братья довольны такимъ порядкомъ вещей, въ томъ числѣ и мѣстный „братскій“ поэтъ, который такъ говоритъ по этому поводу:

„Среди родного любящаго круга
Найдете вы покой своей любви,

Найдете вы прекрасную подругу
И тихій міръ возлюбленной семьи"...

Но краснорѣчіе поэта все же не мѣшаетъ нѣкоторымъ братьямъ горько сѣтовать на ограниченность выбора въ *количественномъ* отношеніи и даже припоминать извѣстное Некрасовское четверостишіе:

„На свѣтѣ много водится
Красавицъ и иныхъ...

Но возвратимся снова къ „братьямъ", только что окончившимъ Воздвиженскую школу, и посмотримъ, какъ происходитъ ихъ переселеніе въ братство. Это важное событіе совершается обыкновенно 4-го или 6-го августа, ежегодно.

Въ этотъ день, рано утромъ, послѣ молитвы, старшій старшина школы (есть и младшіе старшины), обращаясь къ воспитанникамъ, говоритъ примѣрно слѣдующее:

— Поздравляю васъ, дорогіе товарищи и братья о Христѣ, съ великимъ сегодняшнимъ школьнымъ праздникомъ и желаю вамъ провести оный въ радости и веселіи. Много причинъ у насъ быть сегодня радостными и веселыми по христіански: радуйтесь, во первыхъ, тому, что ваши братья - товарищи, выходя изъ школы, вступаютъ на правый путь—въ наше первое, православное трудовое братство; радуйтесь и за самое братство, въ которое вступаетъ теперь такъ много новыхъ соработниковъ на нивѣ Христовой!

Внимая этому приглашенію старшины, всѣ настраиваются на веселый ладъ и цѣлый день усердно радуются. Правда, событія дня много способствуютъ этому настроенію. Около 3-хъ часовъ по полудни приходитъ въ школу Н. Н., окруженный гостями, и тогда начинается торжественнѣйшій актъ съ раздачей аттестатовъ, чтеніемъ „сочувственныхъ адресовъ" и громкимъ пѣніемъ „многая лѣта!" Но и здѣсь не всѣмъ одинакова честь,—воспитанникамъ, не желающимъ поступать въ братство по окончаніи школы, одна, а вступающимъ въ братство—другая.

Уходящіе изъ школы „торговать на ярмарку жизни" вызываются первыми.

Они боязливо выходятъ впередъ, берутъ аттестаты и тихо скрываются въ заднихъ рядахъ. Но вотъ, выступаютъ „удавшіеся въ нравственномъ отношеніи" воспитанники; декорація сразу мѣняется; такъ и видно, что они герои дня. Чуть только подойдетъ такой воспитанникъ къ столу, за которымъ возсѣдаетъ Н. Н., какъ сейчасъ же расступаются ряды воспитанниковъ и оттуда являются 3 депутаціи—отъ старшаго и младшаго братскихъ кружковъ и отъ внѣкружковыхъ воспитанниковъ. Самый главный де-

путатъ, выступивъ впередъ, низко кланяется Н. Н. и говоритъ ему:

— Позвольте, Н. Н., отъ лица товарищей старшаго братскаго кружка выразить сочувствіе нашему брату Петру Петровичу!

Н. Н. милостивымъ наклоненіемъ головы изъявляетъ свое полное согласіе.

Депутатъ громогласно читаетъ „сочувствіе". Вотъ одно изъ нихъ для образца:

„Дорогой о Христѣ братъ!
Радость наша!

Добрый! миролюбивый! трудолюбивый! общительный! свѣтлый! радостный! Ты былъ радостью нашей и повсюду вносилъ животворящій духъ мира и радости. Съ сердечной радостью высказываемъ мы тебѣ свою любовь теперь, въ послѣднія минуты твоего пребыванія въ школѣ. Любимъ мы тебя, дорогой Петръ, за то, что и ты любишь дорогое братство наше и всѣхъ его вѣрныхъ членовъ. Съ радостью мы вспоминаемъ, съ какою ревностью ты относился къ дѣлу братства. Памятнымъ для насъ останется твое настоящее духовное преображеніе, зависѣвшее отъ пробужденія въ твоемъ сердцѣ горячей любви къ добру и братству и поведшее къ тому, что ты сталъ дорогимъ для насъ братомъ, хорошимъ ученикомъ и прекраснымъ примѣрнымъ работникомъ. Не забудемъ, съ какимъ удовольствіемъ ты всегда былъ готовъ послужить чѣмъ только могъ братской общинѣ, изъ горячаго сочувствія къ ней, съ какой восторженностью ты говорилъ о томъ, что для всѣхъ насъ дорого, какъ сердцемъ ты чувствовалъ радость братскаго общенія. Отъ души желаемъ, чтобы свѣтлая радость не оставляла тебя на избранномъ тобою пути... Прощай, добрый и любящій другъ нашъ! Прощай, горячій отзывчивый братъ нашъ! Прощай, добрый и заботливый и настойчивый старшина!.. Очень грустно было бы намъ прощаться съ тобою, если бы мы думали, что прощаемся съ тобою навсегда, что ты уходишь далеко отъ насъ; но мы всѣ знаемъ, что ты уходишь въ дорогое для насъ братство и радуемся мы за тебя!"

Далѣе слѣдуетъ множество подписей членовъ кружка.

Виновникъ торжества плачетъ. Это слезы „радости и счастья", вызванныя „искреннимъ словомъ братьевъ о Христѣ". Онъ плачетъ и говоритъ, радостно улыбаясь:

— Позвольте, возлюбленный о Христѣ наставникъ и другъ, поблагодарить васъ за все, за все... Еще до поступленія въ школу, моя душа жаждала, искала чего-то... Поступивъ въ вашу школу, я сразу нашелъ то, чего такъ жаждала душа моя!.. Позвольте, дорогіе товарищи, обратиться также и къ вамъ съ сердечнымъ словомъ признательности...

За Петромъ выходитъ Павелъ, за Павломъ Митрофанъ, за Митрофаномъ Тихонъ, и все продѣлывается по предыдущему—и рѣчи, и рукопожатія, и лобзанія, и слезы... Въ концѣ акта, благодарные воспитанники снова выступаютъ впередъ и, въ свою очередь, просятъ Н. Н-ча разрѣшить имъ прочесть ему „слово сочувствія". Разумѣется, разрѣшеніе получается немедленно, и „слово сочувстія" оглашаетъ залу.

Вотъ образецъ сочувственнаго адреса г. Неплюеву, „художественнаго по красотѣ и силѣ чувства", по замѣчанію братскаго хроникера. „Возлюбленный о Христѣ духовный отецъ! Другъ незабвенный! Дорогой воспитатель Николай Николаевичъ!

„Въ послѣдній день школьной жизни позвольте выразить вамъ тѣ горячія чувства, которыми переполнено сердце наше, ту глубокую и сердечную признательность, ту чистую любовь, которую, какъ святыню, мы хранимъ въ глубинѣ сердецъ нашихъ къ вамъ, возлюбленному о Христѣ отцу, другу и наставнику. Умолчать объ этихъ чувствахъ было бы грубою несправедливостью и черной неблагодарностью. Дорогой Н. Н! сознательная вѣра въ Бога живого и праведнаго, горячая любовь къ нему и ближнимъ заставили васъ искать себѣ о Христѣ братьевъ; та же любовь, христіанское смиреніе и совѣсть побудили васъ, презрѣвъ предразсудками, придти къ намъ, грубымъ крестьянскимъ дѣтямъ, чтобы изъ нихъ воспитать себѣ братьевъ.

„Да, честный братъ! Вы, какъ апостолъ божій, съ христіанскимъ складомъ ума, съ любовью въ сердцѣ, съ евангеліемъ и крестомъ въ рукахъ пришли къ намъ съ проповѣдью за насъ распятаго Христа, вошли съ нами въ самое тѣсное общеніе: каждое воскресенье, по субботамъ и пятницамъ объясняли намъ волю Божію. Сколько радостей и счастья вы доставили намъ, давъ возможность воспитывать души живыя для царствія Божія; какъ радовались мы вмѣстѣ, когда кому удавалось еще привести одну душу къ подножію креста, принести еще одинъ кирпичикъ на созиданіе стѣнъ Іерусалима небеснаго!.. Выходя изъ школы, желаемъ вамъ, Н. Н., какъ можно болѣе привести душъ живыхъ къ подножію креста. За вашу любовь, за все, за все, что вы сдѣлали намъ добраго, пусть Господь всевидящій и милосердный воздастъ вамъ сторицею и поможетъ вамъ воспитать воспитанниковъ, которые, по словамъ апостола Павла, были бы похвалою вашею въ день Христовъ... Всѣмъ сердцемъ преданныя дѣти ваши" (слѣдуютъ подписи).

Другимъ языкомъ не принято писать въ „братствѣ". Что ни слово, то „Богъ" и „Любовь". Нужно отдать справедливость школѣ: нѣкоторые изъ ея питомцевъ въ этой „стилистикѣ" достигаютъ полнаго совершенства и начинаютъ писать „сочувствія" даже стихами, въ родѣ слѣдующихъ:

Въ этотъ общій торжественный часъ
Мы хотимъ вамъ два слова сказать.
Мы хотимъ вамъ сказать, что мы всѣ глубоко
Любимъ васъ, дорогого отца,
Что когда вамъ легко—намъ бываетъ легко,
Если-жъ вамъ тяжело—намъ вдвойнѣ тяжело,—
Такъ болятъ тогда наши сердца!.. и т. д.

Николай Николаевичъ со слезами цѣлуетъ воспитанниковъ-депутатовъ, и отпускаетъ ихъ. Актъ оканчивается. Гости разъѣзжаются. Но братскія торжества далеко еще не окончены. Поздно вечеромъ братья снова собираются въ домъ Николая Николаевича, для торжественныхъ проводовъ новыхъ братьевъ въ сосѣдній Рождественскій хуторъ, лежащій въ 3-хъ верстахъ отъ Воздвиженска. Довольно подробно описываетъ такіе проводы братскій хроникеръ.

„Всѣ воспитанники, пишетъ онъ, собрались въ домашней молельнѣ Николая Николаевича и еще разъ прощаются съ выходящими, *какъ воспитанниками* и бывшими помощниками Николая Николаевича въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія младшихъ товарищей. По ярко иллюминованному крыльцу вышли изъ дома и размѣстились по линейкамъ и натычанкамъ и двинулись въ путь. Коляска Николая Николаевича обогнала другіе экипажи и, когда мы въѣзжали на разукрашенный арками изъ зелени, свѣтящимися вензелями и фонарями братскій хуторъ, онъ (т. е. г. Неплюевъ), вмѣстѣ со старшиною братской семьи св. Андрея, на крыльцѣ братскаго общежитія встрѣчаетъ съ иконою въ рукахъ вновь вступающихъ.

„Не такъ свѣтлы огни иллюминаціи, какъ свѣтлы озаренныя духовною радостью лица братьевъ. Вновь вступающіе приложились къ иконѣ Христа Спасителя, вынесенной Николаемъ Николаевичемъ, помолились предъ иконою св. Андрея Первозваннаго надъ входомъ въ домъ общежитія. Николай Николаевичъ поручилъ ихъ любимымъ попеченіямъ старшины братской семьи; всѣ братья привѣтствуютъ ихъ завѣщаннымъ намъ апостолами лобзаніемъ святымъ и съ пѣніемъ духовныхъ пѣсенъ вводятъ ихъ во внутренніе покои дома“... („Воздвиж. школа“).

Съ этой минуты покинувшіе „колыбель“ воспитанники уже становятся „о Христѣ братьями“, часто собираются вмѣстѣ, молятся и усердно „разыскиваютъ сучки въ глазу у братьевъ своихъ“, по выраженію г. Меньшикова. Братскія именины, свадьбы, крестины, похороны, проводы брата на военную службу—даютъ новые поводы для безконечно долгихъ молитвенныхъ собраній и безчисленныхъ повальныхъ цѣлованій. Обстановка при этомъ та же самая, которая была описана мною въ предыдущей статьѣ,—тѣ же экзотическія растенія, тяжелые бронзовые канделябры, стеариновыя свѣчи, хоругви, бѣлыя одѣянія, серебряные кресты, иконы и лампады...

Братскія собранія учащаются, и моленія особенно усиливаются во время великаго поста. На страстной седмицѣ, передъ причастіемъ, въ братствѣ принятъ обычай „отпущенія грѣховъ" другъ другу".

Начинается онъ длинной проповѣдью Николая Николаевича.

...„Покаемся передъ Богомъ,—говоритъ онъ между прочимъ,— и передъ нашими ближними, попросимъ у Него прощенія въ великой неправдѣ нашей и сотворимъ плоды, достойные покаянія".

Всѣ становятся на колѣни. Кто-нибудь громко и „проникновенно" читаетъ братскую молитву.

„Пріими, Господи, души наши въ руку Твою, да будутъ онѣ, какъ свѣтъ лампады, предъ Тобою мерцающей, какъ дымъ кадильный, къ Тебѣ возносящійся. Ангеламъ Твоимъ заповѣдуй, да пріимутъ они умы и сердца наши подъ сѣнь крылъ своихъ. Укрѣпи, Господи, братство наше, пріими жизнь нашу на святое дѣло Твое, и міръ озари не мерцающимъ свѣтомъ вѣчной святой любви Твоея"...

„Послѣ молитвъ, разсказываетъ братскій хроникеръ въ книгѣ „Воздвиж. школа",—Николай Николаевичъ отъ имени всѣхъ (братьевъ) сказалъ воспитанникамъ: „Мы часто указываемъ вамъ на ваши недостатки,—это наша христіанская обязанность воспитателей, но мы сами грѣшные... Простите насъ!

„И все братство и всѣ мы *со слезами и земнымъ поклономъ* просили прощенія другъ у друга... и старшій братскій кружокъ съ земнымъ поклономъ просилъ прощенія у младшихъ, младшіе отвѣчали тѣмъ же! Очень многіе плакали... Тяжело до боли сердечной, тяжело до слезъ было многимъ въ то время, когда Николай Николаевичъ и все братство съ земнымъ поклономъ просили прощенія у насъ",—прибавляетъ воспитанникъ, записавъ эту церемонію.

Кромѣ молитвенныхъ собраній, въ „братствѣ" устраиваются нерѣдко литературно-музыкальные вечера. Н. Н. заботится объ эстетическомъ развитіи своихъ воспитанниковъ, и они оказались въ этомъ отношеніи въ условіяхъ чрезвычайно счастливыхъ. Одна изъ его сестеръ музыкантша, другая учитъ живописи. Самъ онъ тоже не чуждъ искусствамъ. „Желаніе пробудить въ дѣтяхъ молитвенное настроеніе открыло во мнѣ,—пишетъ онъ,—новую, совершенно невѣдомую дотолѣ способность: я положилъ на музыку молитву св. Ефрема Сирина и двѣ составленныя мною молитвы. Это былъ первый толчокъ, за которымъ послѣдовало много другихъ музыкальныхъ произведеній. До сихъ поръ мною составлено, кромѣ упомянутыхъ молитвъ..." Далѣе слѣдуетъ подробное перечисленіе всѣхъ романсовъ и пьесъ въ 2 руки, составленныхъ Н. Н. Неплюевымъ.

Но, разумѣется, главное свое призваніе Н. Н. видитъ въ „созиданіи перваго трудового братства". Онъ зорко слѣдитъ за членами

братства и всѣми силами старается, чтобы духовное настроеніе ихъ не понизилось ни на одинъ градусъ.

Чуть замѣтитъ онъ въ „братствѣ“ какіе-нибудь нежелательные симптомы,—моментально собираетъ все братство и начинаетъ читать длинныя и порой грозныя проповѣди.

Особенно возмущаетъ духовный покой Н. Н. открыто выраженное сомнѣніе въ цѣлесообразности братства. Чтобы охарактеризовать вполнѣ „братскія отношенія“ и духъ „смиренія“, царящій въ братствѣ, привожу выдержки изъ подлиннаго письма одного правовѣрнаго брата, которое отдано въ мое распоряженіе.

„Дорогой N!

... ты завидуешь нашей тихой и мирной жизни. Къ сожалѣнію и стыду нашему, часто желаніе жить тихой и мирной жизнью отсутствуетъ въ насъ... и мы живемъ иногда въ смятеніи и душевныхъ мукахъ. Недавно у насъ было общее собраніе братства со всѣми допущенными въ братство. На этомъ собраніи мы всѣ въ первый разъ безъ стѣсненія каялись въ присутствіи всѣхъ, *каялись въ самыхъ тяжкихъ грѣхахъ нашихъ*. Представляешь ли ты, какъ все это было? Представить это тебѣ трудно. Собрано было все братство,—всѣ мужчины и всѣ женщины. Передъ этимъ очень часто собиралась „дума“, и мы всѣ знали, что объ очень многомъ она порѣшила, много постановленій сдѣлала... Между прочимъ порѣщила выразить порицаніе нѣкоторымъ братьямъ, въ числѣ которыхъ находился и я, многогрѣшный; но не въ этомъ дѣло...

„Идя на собраніе, ожидавшіе отъ братской думы порицанія говорили, что на этомъ собраніи не можетъ быть никакихъ порицаній, такъ какъ тамъ будутъ и женщины (сестры) и лица, только допущенныя въ братство... Въ началѣ собранія говорили о предстоящемъ путешествіи Н. Н., потомъ перешли къ вопросу о нашимъ взаимныхъ отношеніяхъ, объ отношеніи къ братству и Господу Богу... Послѣднее время, именно съ весны, начались нежелательныя, прямо-таки невозможныя отношенія нѣкоторыхъ членовъ къ Николаю Николаевичу и братству: эти братья не искали единомыслія съ Н. Н. и братствомъ. Въ концѣ концовъ между упомянутыми братьями и Н. Н. образовалась цѣлая пропасть. Обо всемъ этомъ сказалъ Н. Н. на собраніи, сначала, конечно, никого не называя, полагая, что виновные сами со смиреніемъ покаются во всемъ. Наступило молчаніе. Никто ни слова. Тяжело, невыносимо... Знаешь,—какое-то ужасное оцѣпенѣніе охватило всѣхъ. Молчаніе длится. Наконецъ братъ Ѳ. Е. Ч. сказалъ съ сильнымъ волненіемъ, что все, что Н. Н. говорилъ, онъ принялъ на себя и что дѣйствительно онъ виновенъ во всемъ и что теперь онъ горячо и искренно кается. Высказались еще нѣкоторые, а послѣ нихъ опять молчаніе.

„Тогда Н. Н., обратясь ко всѣмъ сказалъ:—„Ну посмотрите, что происходитъ въ эту минуту между нами;—люди, которые не виновны, каются, просятъ прощенія... Зачѣмъ же молчатъ нѣкоторые, всѣхъ болѣе виновные, за-чѣ-ѣмъ?!!

„Это зачѣмъ, сказанное Н. Н—чемъ (ты представляешь, какъ онъ говоритъ?), сразу поразило всѣхъ. Гордость наша поколебалась, мы забыли въ это время о себѣ, забыли, что это происходитъ при женщинахъ... Одинъ за другимъ съ плачемъ начали каяться мы и передъ Н. Н., и передъ всѣмъ братствомъ, нѣкоторые плакали навзрыдъ, такъ глубоко и сильно всѣ были потрясены. Конечно, ты, по моимъ краткимъ словамъ, нарисуешь яркую картину происшедшаго. Но, какъ ни тяжелъ былъ тотъ день, мы назвали его *благословеннымъ*. Въ этотъ день мы душами слились въ одну душу, что и должно быть въ братствѣ!“.. и т. д.

Такими „благословенными“ днями Н. Н. частенько даритъ своихъ братьевъ духовныхъ. Крѣпко врѣзались въ мою память безотрадныя картины и томительные разговоры тѣхъ „благословенныхъ“ дней...

Очень часто общія братскія собранія устраивались въ андреевской братской семьѣ, въ хуторѣ Рождественскомъ. Въ назначенные дни сюда стекались всѣ братья. Пріѣзжалъ Н. Н. Собраніе открывалось чтеніемъ сочиненій Ник. Ник—ча. Обыкновенно читалъ самъ авторъ, по рукописи. Особенно часто читалась рукопись „объ Антихристѣ“. Въ такія минуты глубокая тишина воцарялась въ собраніи. Всѣ съ благоговѣніемъ слушаютъ и молчатъ. На лицахъ тѣхъ братьевъ, которымъ предстоитъ попасть въ полноправные члены, виднѣется особенное умиленіе.

Впрочемъ, по временамъ начинается повальное позѣвыванье, но всѣ зѣваютъ осторожно, прикрывшись ладонью и взглянувъ предварительно на Н. Н.—не собирается ли онъ прервать чтеніе и не поднимаетъ ли глаза отъ рукописи?

Проходитъ часа полтора.

— Вы устали?—спрашиваетъ Н. Н.

— Нисколько, Н. Н., нисколько!—слышится дружный отвѣтъ.

— Читайте пожалуйста, читайте еще!—просятъ якобы увлеченные слушатели. Чтеніе продолжается. Вотъ дошли, наконецъ, до послѣдней главы „Богъ—омега“.

— Вотъ и послѣдняя глава, говоритъ авторъ. Надо бы дочитать...

— Ахъ продолжайте, пожалуйста. Читайте до конца Н. Н.! Такъ интересно!

Дочитано. Общее восхищеніе, неудержимый, бурный восторгъ!

Послѣ короткаго перерыва, снова всѣ собираются вмѣстѣ. Н. Н. развертываетъ библію и одно мѣсто изъ посланій апост. Павла, гдѣ говорится о единодушіи и единомысліи.

— Я слышалъ,—говоритъ онъ по прочтеніи свящ. писанія,—

что на вашихъ собраніяхъ по пятницамъ у васъ происходили нѣкоторыя несогласія въ мнѣніяхъ. Правда ли это?

— Да, это правда!—отвѣчаетъ старшина семьи.

— Въ чемъ заключались ваши разногласія?

— Братья спорили по поводу одного евангельскаго текста— „не вливаютъ вина новаго въ мѣха старые“.

Изъ словъ старшины оказывается, что нѣкоторые братья давали совершенно не соотвѣтствующее толкованіе этому тексту, а братъ N даже усомнился въ цѣлесообразности „братства“, основываясь на упомянутомъ евангельскомъ изреченіи.

Послѣднее обстоятельство не на шутку возмущаетъ Н. Н.

— Есть честь братства,—громко и рѣзко говоритъ онъ, обращаясь къ усомнившемуся брату,—и эта честь не должна позволять братьямъ задаваться нѣкоторыми чуждыми братству вопросами, какъ напримѣръ,—нужно ли братство, или нѣтъ? Эти вопросы не должны быть вопросами въ братствѣ, и все братство должно единодушно выразить свое возмущеніе тому члену, въ чью сумасбродную голову приходятъ подобные вопросы. Стыдъ и позоръ братству, если въ немъ находятся такіе люди... Эти вопросы нужно рѣшить разъ навсегда еще до поступленія въ братство, а вступивъ въ него, хотя бы пріемнымъ братомъ, позорно и нечестно задаваться подобными вопросами!..

— Кодратъ! выйди впередъ!—обращается Н. Н. къ виновному брату.

Кодратъ, низко опустивъ на грудь голову, робко выступаетъ впередъ.

— Объясни намъ свое настроеніе! Мы начинаемъ сомнѣваться въ тебѣ.

Кодратъ начинаетъ объясняться. Онъ исправится... онъ будетъ стараться... онъ сольется съ братьями, такъ что у нихъ будетъ одна душа. Но Н. Н—ча его объясненіе совсѣмъ не удовлетворило.

— Главнаго не сказалъ!—наставительно говоритъ онъ Кодрату.

Кодратъ продолжаетъ. „Да, разно мы думаемъ съ вами... это правда. Но я вѣрю,—дастъ Богъ—мы все же придемъ къ единомыслію...“

— Богъ дастъ!—закричалъ Н. Н. съ укоризною.—Нужно желать этого! желать, желать нужно!

— Я желаю, я хочу! Я это только такъ выразился не ловко.

— Желаю! Это одни слова. Пора уже доказать свое желаніе. Уже 5 лѣтъ воспитываемъ мы тебя!..

Неудачное объясненіе со стороны брата протестанта окончательно выводитъ Н. Н—ча изъ себя. Его голосъ вдругъ повышается до пронзительнаго крика, а глаза загораются острымъ блескомъ. Его поза и движенія полны подавляющаго величія.

Братья испуганно жмутся къ нему, плачутъ и даютъ твердое обѣщаніе еще болѣе улучшиться въ нравственномъ отношеніи. Вдругъ библейскимъ жестомъ Н. Н. отталкиваетъ испуганныхъ братьевъ и говоритъ громкимъ, задыхающимся голосомъ:

— Пустите меня! идите отъ меня! Я пойду къ Богу! Можетъ быть сжалится онъ надо мною и призоветъ меня къ себѣ!..—Съ громкимъ плачемъ падаетъ онъ на колѣни передъ образами и долго рыдаетъ, припадая лицомъ къ деревянному полу. Братья, разсыпавшіеся въ смятеніи вокругъ, тоже рыдаютъ...

Нѣсколько безконечно-долгихъ минутъ длится эта тяжелая сцена.

-- Съ братствомъ шутить нельзя!—уже нѣсколько спокойнѣе говоритъ Н. Н.—Зачѣмъ вы вносите дисгармонію въ братство? Зачѣмъ?! Я замѣчаю, что въ братствѣ начинаетъ заводиться какой то нежелательный духъ,—въ Өедорѣ поселился бѣсъ гордости, а Иванъ кажется мнѣ безсердечной мозговой машиной, постоянно разсуждающей и все критикующей!..

Мало по малу Н. Н. приходитъ въ нормальное состояніе и успокаивается. Виновные еще разъ каются и еще разъ просятъ прощенія.

Все заключается общей молитвой. Братья расходятся по своимъ комнатамъ и ложатся спать. Ничто не нарушаетъ ихъ безмятежнаго спокойствія—къ бурнымъ сценамъ, только что описаннымъ мною, они давно уже привыкли. Не спитъ одинъ только „придворный" братскій поэтъ и набрасываетъ при свѣтѣ лампы стихотвореніе къ слѣдующему литературному вечеру:

„О, онъ смелъ съ насъ весь прахъ, онъ—нашъ вождь и пророкъ,
Онъ клеймилъ насъ открыто, сурово!..
Какъ онъ грозно и даже угрюмо смотрѣлъ,
Какъ бросалъ въ насъ словами свободно!
Онъ какъ ангелъ за насъ всей душою скорбѣлъ,
Всей душою кипѣлъ благородной!
А мы всѣ... мы поникли на грудь головой,
Мы глубоко и тяжко скорбѣли...
Но смотрѣть на него мы не смѣли,
Его взоръ безпощадно и грозно сверкалъ...
Безпощадно все сердце сжимая,
Какъ стрѣла онъ всю душу до дна проникалъ...
. . . .
. . . И долго кругомъ
Раздавалися громко рыданья"...

Не должно, однакожъ, думать, что каждое братское собраніе носитъ такой трагическій характеръ. Очень часто дѣла принимаютъ благопріятный оборотъ, и Н. Н. остается почти все время въ добромъ расположеніи духа. Онъ разсказываетъ своимъ вни-

мательнымъ слушателямъ, откуда происходятъ графы Бобринскіе, Пасхины, Юрьины, Колычевы, Ладыгины, Боборыкины и др. Оказывается, что всѣ они происходятъ отъ одного корня съ Н. Н—чемъ, т. е. отъ Гландала Камбилы, сына друида Дивона.

Послѣ раговоровъ читаютъ творенія Климента Александрійскаго, чаще всего одну главу—„кто изъ богатыхъ спасется“.

Послѣ чтенія опять слѣдуютъ разговоры. Очень часто бесѣда переходитъ на *чудесныя сновидѣнія*, которыя часто прежде являлись Ник. Н—чу. Сонныя видѣнія нѣсколько экзальтированнаго характера являются также нерѣдко и „братьямъ“.

— Снилось мнѣ—заявляетъ кто нибудь изъ нихъ,—безграничное, волнующееся море. По бурному морю будто бы плыветъ огромная лодка, а въ той лодкѣ сидите вы, Н. Н., и съ вами всѣ члены нашего братства. Вокругъ насъ тонутъ люди, они жалобно плачутъ, жестикулируютъ руками и судорожно цѣпляются за борта нашей лодки... А мы протягиваемъ имъ руки и спасаемъ ихъ. И много, очень много гибнувшихъ людей спасли мы такимъ вотъ образомъ... И замѣчательно—лодка наша не только не тонула отъ множества спасенныхъ нами людей, а наоборотъ—становилась устойчивѣе!..

Вотъ еще картинка изъ братской повседневной жизни.

Въ „общежитіи“ за утреннимъ чаемъ сидятъ „братья“-учителя и разговариваютъ о томъ, о семъ.

— Павелъ!—обращается одинъ братъ къ другому съ вопросомъ,—какой у тебя первый урокъ?

— Русскій языкъ—слѣдуетъ отвѣтъ.

— Можно зайти къ тебѣ на урокъ?

— Пожалуйста.

— Чѣмъ будешь заниматься сегодня?

— Объяснительнымъ чтеніемъ. Будемъ разбирать стихотвореніе Некрасова—„Школьникъ“.

— Странный у тебя выборъ. Почему ты остановился именно на этомъ стихотвореніи?

— По многимъ причинамъ,—хотя бы потому, что тамъ говорится о Ломоносовѣ... Вниманіе дѣтей полезно остановить на Ломоносовѣ, потому что въ его лицѣ намъ дается прекрасный примѣръ того, какихъ блестящихъ результатовъ можно достигнуть только при помощи личныхъ усилій и неуклоннаго стремленія къ намѣченной цѣли...

Эти слова не совсѣмъ по вкусу „братьямъ“.

— Ломосоновъ былъ историческій пьяница и больше ничего!—обрываетъ Павла братъ Андрей.

Павелъ вспыхиваетъ.

— Андрей! ты говоришь абсурды!

Братья переглянулись между собою, шумно отодвинули стулья и ушли изъ столовой, выражая тѣмъ протестъ Павлу. Павелъ

остается одинъ. Черезъ нѣсколько времени отворяется дверь, и въ комнату входитъ братъ К.

— Павелъ,—говоритъ онъ, ты незаслуженно оскорбилъ брата Андрея, извинись передъ нимъ. Постарайся поскорѣе загладить свой проступокъ, пока о немъ не узналъ еще Николай Николаевичъ.

Павелъ давно уже тяготится всѣми этими драмами „братской“ любви, ссоръ, лицемѣрныхъ примиреній и т. д. и на этотъ разъ оказывается неподатливъ.

— Въ чемъ же мнѣ извиняться?... Оставьте меня, пожалуйста!— говоритъ онъ. — К. немедленно уходитъ, обидѣвшись не менѣе Андрея.

Вслѣдъ за этимъ, по приказанію старшины, собираются всѣ члены общежитія, чтобы осудить „поведеніе“ Павла. На совѣтѣ рѣшено позвать Павла для личныхъ объясненій.

— Павелъ,—обращается старшина къ вошедшему преступнику. —Ты нанесъ страшное оскорбленіе брату Андрею. Мы возмущаемся этимъ. Извинись передъ нимъ публично и попроси у него прощенія. *Такой тонъ* мы не можемъ допускать въ братскихъ отношеніяхъ!

— Я вовсе не нахожу здѣсь никакого оскорбленія, и мнѣ кажется, что тонъ Андрея въ его отзывѣ о Ломоносовѣ не лучше.

— Господа!—обращается старшина къ братьямъ, повернувшись къ Павлу спиной,—вы видите, здѣсь объясненія излишни: Павелъ не въ состояніи понять братскихъ отношеній. Сообщимъ обо всемъ Ник. Н-чу.—И всѣ, словно по командѣ, выходятъ изъ комнаты, въ другой разъ оставляя Павла наединѣ.

Подъ вліяніемъ Н. Н-ча эти бури въ стаканѣ воды порой благополучно стихаютъ, и братская жизнь входитъ въ свою колею; иногда же наоборотъ отношенія между братствомъ и свободомыслящимъ членомъ обостряются до невозможности. Въ такомъ случаѣ братство исключаетъ безпокойнаго члена или же самъ онъ заблаговременно уходитъ изъ братства. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ онъ становится „антихристомъ“, „сыномъ дьявола“, отщепенцемъ и ренегатомъ... Члены братства перестаютъ съ нимъ кланяться при встрѣчѣ и никогда не разговариваютъ.

Суровыми рѣчами провожаетъ Н. Н. уходящаго брата.

— Вы пять лѣтъ крали наши братскіе поцѣлуи!—говоритъ онъ.— обращаясь къ выходящему. У васъ нѣтъ совѣсти, нѣтъ стыда. Можете уходить торговать на ярмарку жизни,—мы постараемся съ корнемъ вырвать васъ изъ нашихъ сердецъ! Богъ видитъ ваше настроеніе, онъ проклинаетъ васъ!!.

Вслѣдъ затѣмъ, на литературномъ вечерѣ, братскій поэтъ читаетъ новое стихотвореніе, посвященное описанію выхода брата и заканчивающееся словами:

„Несчастный духъ!
Глубоко палъ ты безъ сомнѣнья.
Твой міръ заглохъ, твой стыдъ потухъ
И нѣтъ въ душѣ твоей смиренья,
И на устахъ одни глумленья“...
. . . .

Выходящій изъ братства по большей части не получаетъ ровно ничего или же получаетъ какую нибудь ничтожную подачку („Вотъ ушелъ мой братъ Сергѣй, прослуживъ у нихъ 7 лѣтъ. И за 7 лѣтъ службы братство выдало ему 4 руб. съ копѣйками“—изъ письма Ник. Свириденко). На выраженіе неудовольствія по этому поводу со стороны нѣкоторыхъ членовъ, покинувшихъ братство, управляющій г. Неплюева (онъ же „первозванный“ братъ) А. И. Ф. отвѣтилъ слѣдующимъ письмомъ отъ 27 апр. 1894 г.

...„Вы отлично понимаете, что по уставу братства жалованье, получаемое членами его, не является собственностью каждаго, а по выходѣ изъ братства онъ получаетъ только то, что имѣетъ на личныхъ счетахъ; на личныхъ счетахъ у членовъ братства теперь еще ничего нѣтъ...

„Считаю нужнымъ сказать, что Ваши письма, если только вы будете писать Николаю Николаевичу, не будутъ передаваемы ему, а будутъ храниться нераспечатанными“...

Молодые члены братства, отбывающіе воинскую повинность, тоже почти лишаются матеріальной помощи со стороны братства. Впрочемъ, братья въ изобиліи разсылаютъ изъ своего прекраснаго Воздвиженска и горячія пожеланія, и увѣренія въ любви, и братскіе поцѣлуи. Одинъ братъ-солдатъ прислалъ разъ братству письмо, въ которомъ благодарилъ ихъ за братскіе поцѣлуи и за горячія молитвы и выражалъ робкую надежду получить отъ нихъ также и нѣкоторую матеріальную помощь; но письмо сребролюбиваго брата вызвало рѣзкое осужденіе.

Изъ всего предыдущаго можно видѣть, что весь кругъ интересовъ неплюевской общины всецѣло сосредоточился въ самомъ братствѣ, отгороженномъ отъ окружающаго міра высокой стѣной гордаго самомнѣнія и своеобразнаго ритуала.

Вся вселенная, по мнѣнію неплюевцевъ, раздѣляется на двѣ половины: съ одной стороны крестовоздвиженское братство, въ которомъ проживаютъ они, кроткіе агнцы, въ которомъ царствуетъ истина и божья благодать,—а съ другой стороны міръ, погрязшій во злѣ, „рынокъ наживы“, среди котораго „мятется страждущее человѣчесво“, „антихристы“, „дѣти дьявола“ и „сыны вѣка сего“.

Къ окружающему бѣдному и невѣжественному населенію община относится вполнѣ индифферентно; оказывать помощь на сторонѣ тамъ не принято.

— „Намъ нельзя разбрасываться,—говоритъ обыкновенно по этому поводу г. Неплюевъ;—для успѣха дѣла наши интересы должны быть сосредоточены всецѣло въ братствѣ“.

Въ огромную экономію г. Неплюева каждое лѣто сходится около 700 челов. сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Эти сотни рабочихъ ютятся въ казармахъ, среди омерзительнѣйшей обстановки. И никогда ни одинъ правовѣрный братъ не бросалъ луча свѣта въ эти темныя массы. Больницы, чайныя, народныя чтенія, вечерніе классы тамъ отсутствуютъ. „Чтобы не вводить въ заблужденіе читателя, говоритъ по этому поводу г. Неплюевъ въ своей послѣдней полемической статьѣ въ „Недѣлѣ“, замѣчу, что казармы рабочихъ и ихъ содержаніе у насъ не хуже и не лучше, чѣмъ у большинства нашихъ сосѣдей“.

Эта ссылка на „нашихъ сосѣдей“очень характерна. Мы очень хорошо знаемъ роскошь казарменной обстановки у „нашихъ сосѣдей“, особенно въ восточной части Черниговской губ., по сосѣдству съ Орловской и Курской, въ районѣ свекло-сахарнаго производства.

„Я считалъ бы дѣломъ недостойнаго сантиментальничанья и безплодной маниловщины,—продолжаетъ г. Неплюевъ,—чѣмъ то въ родѣ розовыхъ бантиковъ на грязныхъ лохмотьяхъ, устраивать для наемныхъ рабочихъ въ казармахъ значительно лучшую обстановку, чѣмъ та, которою они пользуются у моихъ сосѣдей. Отношенія ихъ ко мнѣ чисто корыстныя (sic), обманывать ихъ, заставляя думать, что, при такомъ отношеніи ко мнѣ, они имѣютъ право на сантиментальное отношеніе къ нимъ съ моей стороны, я считалъ бы за грѣхъ и недомысліе (sic); считалъ бы некрасивымъ и то, что при такихъ обстоятельствахъ искусственно переманивалъ бы къ себѣ рабочихъ отъ моихъ сосѣдей (?!) и только увеличилъ бы недовольство жизнью людей, которые, сегодня пользуясь ненормальнымъ комфортомъ у меня, завтра очутились бы въ несравненно худшей обстановкѣ у моихъ сосѣдей, что *сантиментальное отношеніе капиталиста къ рабочимъ, при корыстныхъ отношеніяхъ этихъ рабочихъ къ капиталисту, есть по моему глубокому убѣжденію ложь*“. (Курсивъ нашъ).

Такъ понимаетъ г-нъ Неплюевъ задачи „братства“ по отношенію къ работающимъ на него наемникамъ. „Какъ у большинства“!.. Очевидно основатель братской общины полагаетъ, что послѣдняя не обязана стоять въ этомъ отношеніи хотя бы на ряду съ тѣмъ „меньшинствомъ“ лучшихъ сосѣдей, которые стараются поднять обычныя нерадостныя условія существованія рабочаго человѣка...

Твердо усвоивъ себѣ этотъ принципъ, г.Неплюевъ и его община неуклонно стоятъ на немъ, и никакія печальныя происшествія въ горемычной жизни крестьянина не заставятъ ихъ покинуть олимпійское спокойствіе.

Съ тѣмъ же спокойствіемъ взираетъ община и на окружающее поголовное пьянство. Извѣстно, что Н. Н. даже самъ имѣетъ нѣсколько собственныхъ винокуренныхъ заводовъ, дающихъ ему ежегодно значительные доходы.

„Упрекать меня въ томъ, пишетъ Н. Н. въ „Недѣлѣ“, что я не закрываю винокуреннаго завода,—нѣтъ ни малѣйшаго основанія, такъ какъ я не только не признаю самую водку и умѣренное употребленіе ея за зло, но былъ бы неискреннимъ и непослѣдовательнымъ именно въ томъ случаѣ, если бы, закрывъ, въ угоду общественному мнѣнію и современной модѣ (?), винокуренный заводъ, приносящій большую пользу мѣстному хозяйству, далъ поводъ думать, что люди, желающіе забыться, не будутъ продолжать пьянствовать, покупая водку съ другихъ заводовъ или одурманивая себя другими способами, если бы водки достать было невозможно“.

Въ виду этого существованіе винокуренъ на территоріи братскаго хутора вовсе не тревожитъ Н. Н., и онъ ни мало не смущается, когда его прекраснодушнымъ рѣчамъ о трезвости и воздержаніи громко вторятъ свистки его собственныхъ водочныхъ заводовъ.

Воспитанники, поступающіе въ братство, навсегда порываютъ связи съ родной средой, даже съ родною семьей. Они превращаются въ „паничей“, высокомѣрно посматривающихъ на „людей“ въ средѣ которыхъ еще живутъ ихъ родители, братья и сестры.

Часто „братство“ прямо вырываетъ у престарѣлыхъ родителей единственнаго сына, надежду семьи, и по этой причинѣ братству приходится порой выдерживать жестокія коллизіи съ отцами, не желающими терять своихъ дѣтей.

Въ этомъ отношеніи хорошо памятенъ мнѣ одинъ печальный эпизодъ изъ жизни Неплюевской общины.

Въ „братствѣ“ умиралъ отъ скоротечной чахотки братъ Илья К., сынъ крестьянина изъ сосѣдняго мѣстечка Янполя. Всѣ родные Ильи давно уже перемерли, осталась въ живыхъ одна только старушка мать, какъ говорится, души не чаявшая въ своемъ единственномъ сынѣ. То обстоятельство, что Илья ушелъ въ „братство“, не мало сокрушало старуху, но она боялась огорчать жалобами сына и кое-какъ крѣпилась, перебиваясь съ хлѣба на квасъ. Теперь же, когда Илья смертельно захворалъ, ее ничто уже не могло удержать, и она явилась въ Воздвиженскъ, чтобы ходить за больнымъ. Братство приняло ее очень недружелюбно, но все же рѣшило терпѣть. Тѣмъ не менѣе очень часто слышались выраженія неудовольствія. „Эта грубая и суевѣрная женщина, право, мѣшаетъ намъ отдать больному нашъ послѣдній братскій долгъ!“ Но устранить ее было нелегко. Она, какъ горлица, кру-

жилась надъ умирающимъ сыномъ и всѣми силами отстаивала свои материнскія права. Съ каждымъ днемъ Ильѣ становилось хуже и хуже. А братья неуклонно одинъ за другимъ продолжали дѣлать больному визиты, и дверь его маленькой комнатки почти не затворялась. Мать видѣла, что это ужасно безпокоитъ больного, и попросила Н. Н. принять соотвѣтствующія мѣры. Н. Н. принялъ это заявленіе далеко не благосклонно. „Вы и такъ почти оторвали его отъ братства"—замѣтилъ онъ. Тогда старушка обратилась къ самимъ братьямъ.

— Не ходите, дѣти мои, просила она, бо его это дуже тревожитъ!..

На эти просьбы въ братствѣ смотрѣли, какъ на неумѣстныя притязанія.

— Гадкая, отвратительная самка!.. Она считаетъ свои права надъ сыномъ законными только потому, что родила его и кормила своей грудью!

Вскорѣ Илья скончался. Непосредственно послѣ его кончины, братство на своемъ собраніи постановило: на будущее время родственниковъ членовъ братства не допускать для продолжительнаго проживанія въ предѣлахъ братства. Больные же братья или должны уходить изъ братства къ родственникамъ, или, согласно своему желанію, оставаться въ братствѣ, но уже вовсе не пользоваться попеченіями своихъ родственниковъ. Въ этомъ смыслѣ и былъ составленъ слѣдующій протоколъ:

„Во время предсмертной болѣзни брата Ильи, братство было поставлено въ самое тяжелое положеніе, благодаря тому, что допустило постоянно находиться при немъ и ухаживать за нимъ его матери, оказавшейся женщиной грубой и крайне недоброжелательной къ братьямъ". Недоброжелательство, по словамъ протокола, выразилось въ горькихъ жалобахъ на братство постороннимъ лицамъ („и умереть спокойно не дадутъ").

Бываетъ и такъ, что крестьяне, родственники братчиковъ, склоняясь на уговоры послѣднихъ, сами вступаютъ въ братство. Но они остаются въ немъ не особенно долго и въ концѣ концовъ возвращаются на старое, уже разоренное пепелище. Помню я такой случай. Однажды въ неплюевскую общину вступилъ крестьянинъ изъ м. Янполя Андрей Ц. Это былъ человѣкъ чрезвычайно набожный и трудолюбивый. Онъ шелъ въ братство, какъ въ монастырь, шелъ ради спасенія своей души. Все свое хозяйство, состоявшее изъ 2 лошадей, коровы и 12 штукъ овецъ, онъ распродалъ дочиста и деньги, подобно левиту Іоссіи, внесъ въ братство, вступивъ въ него вмѣстѣ съ женою и дѣтьми. Но ему не пришлось слиться съ братствомъ и зажить по евангельски, чего онъ страстно хотѣлъ. Пошли разныя недоразумѣнія изъ-за жены и больного ребенка. Ребенокъ у него былъ совсѣмъ слабый, болѣзненный, докторъ прописалъ ему бульонъ и бѣлый хлѣбъ; а

братьямъ это показалось излишней роскошью. Къ этому времени на сцену выплылъ другой вопросъ. Заявили, что жена Андрея слишкомъ мало работаетъ, слишкомъ большое значеніе придаетъ своей послѣродовой болѣзни. Въ концѣ концовъ Андрея исключили изъ братства, мотивируя исключеніе дурнымъ настроеніемъ Андрея. Вмѣстѣ съ нимъ исключены были еще 2 крестьянскія семьи. Исключенные очутились въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ, въ которыя попадаютъ вернувшіеся обратно на родину переселенцы: хозяйство разорено, запасовъ на черный день не приготовлено. Правда, братство выдало по 50 р. каждой исключенной семьѣ, но извѣстно, что на эти деньги хозяйство завести мудрено.

Въ послѣднее время, неплюевское братство пріобрѣло довольно большую извѣстность, благодаря лестному отзыву профессора Н. П. Вагнера и др. лицъ, побывавшихъ въ немъ. Н. П. Вагнеръ пришелъ въ восторгъ отъ неплюевскаго братства и на страницахъ „Недѣли" объявилъ его „оазисомъ среди пустыни". Съ тѣхъ поръ въ „оазисъ" не перестаютъ пріѣзжать интеллигенты, люди „взыскующіе града"... Пріѣзжихъ гостей въ братствѣ принимаютъ чрезвычайно радушно, твердо памятуя завѣтъ Владиміра Мономаха: „чтите гость откуду же къ вамъ придеть, или простъ, или добръ, или голъ, аще не можете даромъ, брашномъ и питьемъ, ти бо мимо ходячи прославятъ человѣка по всѣмъ землямъ, любо добрымъ, любо злымъ"...

По большей части, гости разносятъ о неплюевскомъ братствѣ самыя лучшія вѣсти... Нужно впрочемъ сказать, что существуетъ постановленіе „братской думы" о недопущеніи постороннихъ на различныя братскія церемоніи характера семейнаго.

Подлинный протоколъ братской думы (1893 г. м. май) такъ говоритъ объ этомъ:

„Братская дума находитъ, что постороннія лица, допущенныя на семейныя братскія торжества, своимъ присутствіемъ нарушаютъ семейный характеръ празднествъ; сердцемъ не участвуя въ нихъ, они служатъ разбавляющимъ элементомъ, присутствуютъ какъ зрители, а не какъ сердечные участники празднества. Въ виду этого, братская дума постановила не допускать на будущее время лицъ не причастныхъ къ братству на братскія торжества, имѣющія семейный характеръ"...

Очень часто Н. Н. собираетъ воспитанниковъ своей школы и, въ присутствіи постороннихъ гостей, предлагаетъ имъ цѣлый рядъ вопросовъ, касающихся братства и евангельскаго ученія. Блестящіе отвѣты дѣтей нерѣдко умиляютъ гостей и подкупаютъ ихъ въ пользу братства. Но гости не знаютъ, какъ много потра-

чено энергіи и времени на безчисленныя репетиціи этихъ отвѣтовъ!.. Почти каждый день въ теченіе долгихъ лѣтъ Н. Н. тянетъ все одну и ту же пѣсню, твердитъ все одну и ту же сказку... Дѣтишки усваиваютъ готовыя формулы и щеголяютъ ими. Это вовсе не трудно, такъ какъ доступно даже попугаямъ. Чтобы вполнѣ убѣдиться въ справедливости моихъ словъ, загляните въ изданную г. Неплюевымъ книгу: „Воздвиженская школа-колыбель трудового братства", перечитайте всѣ эти безчисленныя ученическія „сочувствія", „характеристики", „выписки изъ дневниковъ", „журнальныя записи" и т. п. „сочиненія". Всѣ они похожи другъ на друга, какъ двѣ капли воды, и по формѣ и по содержанію.

Правду говоря, бѣдняжкамъ ученикамъ порядочно таки надоѣдаютъ экзаменаціонные, показные разговоры передъ пріѣзжими господами... И бывали случаи, когда самые развитые воспитанники, столковавшись между собою, рѣшались отмалчиваться. Глядя на нихъ, молчали и остальные товарищи. Эти случаи „забастовки" страшно сердили Н. Н—ча. Оставшись съ глазу на глазъ съ воспитанниками, онъ дѣлалъ имъ строгій выговоръ и грозно приказывалъ на будущее время „не срамить школу своимъ молчаніемъ"...

Въ свою очередь, и посторонніе люди тоже бываютъ разные. Нѣкоторымъ положительно нравятся эти безчисленныя повальныя цѣлованія, эти крѣпкія рукопажатія, заглядываніе въ очи и заказныя слезы на братскихъ церемоніяхъ. Но не нужно быть особенно проницательнымъ, чтобы ясно замѣтить, что *закономъ жизни здѣсь служитъ* не взаимная любовь и довѣріе, но, по справедливому выраженію М. Меньшикова, „внутренній, какъ бы прикрытый гирляндами хорошихъ словъ, *желѣзный механизмъ личной воли г. Неплюева*". Это совершенно вѣрно. Дѣйствительно, одинъ только г. Неплюевъ является тѣмъ цементомъ, который склеиваетъ пока разнородные и чуждые другъ другу элементы готоваго расползтись въ разныя стороны зданія, построеннаго на пескѣ. Не одинъ г. Меньшиковъ думаетъ, что „дни черниговскаго братства сочтены, живое начало въ немъ замираетъ"...

Въ „братствѣ" нѣтъ самодѣятельности, въ немъ совершается своего рода подборъ: все, склонное къ самостоятельной мысли, къ критикѣ, къ личному почину—удалено уже заранѣе. Понятно, что положеніе Н. Н—ча среди этихъ уже взрослыхъ, закончившихъ періодъ воспитанія людей—чисто диктаторское... Преувеличенные, не всегда искренніе восторги „братьевъ" и воспитанниковъ, эмфатическія восхваленія многихъ поклонниковъ и поклонницъ неплюевской идеи, слишкомъ односторонніе (долгое время) отзывы печати,—все это поддерживаетъ диктаторское настроеніе въ „посадникѣ братства" и дѣлаетъ его слишкомъ ужъ

чуткимъ и нетерпимымъ ко всякому проявленію критики и сомнѣнія *).

„Возлюбленный наставникъ“, „отецъ духовный“, „ангелъ Божій“, „апостолъ вѣрный“, „пророкъ нашъ милый“, вотъ постоянные эпитеты, безъ которыхъ въ братствѣ не принято обращаться къ г. Неплюеву.

Въ стихотвореніяхъ, написанныхъ нѣкоторыми членами братства и роскошно изданныхъ г. Неплюевымъ на свой собственный счетъ, то и дѣло попадаются нескромныя, фальшивыя и преувеличенныя выраженія:

Вотъ примѣры:

„Нашъ ясенъ путь... Вокругъ пророка
Сошлись мы дружною семьей,
А онъ, онъ ярко и высоко
Сіяетъ сильною душой“...

Или:

„Привѣтъ тебѣ, пророкъ нашъ милый!
Твоею поднятые силой,
Пойдемъ мы дружно за тобой!“

Или:

„Стой же, пророкъ нашъ могучій,
Громче и громче зови,
Чтобы для всѣхъ были слышны
Свѣтлыя рѣчи твои!..“

Или:

„Милый другъ мой, родной, свѣтъ и счастье мое!
Ты, какъ солнце, надъ братствомъ сіяешь,
Ты, какъ солнце, горишь вдохновеннымъ огнемъ!
И дорогу его освѣщаешь...
Ты для братства родникъ по пустынѣ глухой,
Его начатой жизни опора;
Для земли-жъ, для людей, блескъ лучей золотой
Засіявшаго вдругъ метеора.
Если кто для меня и герой на землѣ,
Кѣмъ хотѣлъ бы я быть непремѣнно,
Какъ хотѣлъ бы сіять въ окружающей мглѣ
Яркимъ свѣтомъ души вдохновенной,
Это ты...“

А вотъ стихотворенія, посвященныя „братству“:

„О, ты, братство мое, чудо Божьихъ чудесъ,
Для тебя—моя жизнь, моя сила...
Ты для слабаго сердца—сіянье небесъ,
Ты заря, что мой путь освѣтила“!..

---

*) Кстати,—нѣкоторыя лица выражали въ печати мнѣніе, что Н. Н. встрѣчаетъ не мало препятствій къ осуществленію своихъ „широкихъ“ замысловъ со стороны духовнаго вѣдомства (см. напр. „Русскій Трудъ“ № 13, 1898 г.) Это невѣрно. Многіе факты, наоборотъ, весьма краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о томъ, что Н. Н. состоитъ въ превосходныхъ отношеніяхъ съ духовенствомъ.

Другое:

„Снова мысли встаютъ, и теперь узнаю
Я въ ихъ пылкомъ восторженномъ строѣ
Дорогую, завѣтную думу мою—
Про любимое братство родное.
Вотъ оно предо мной—какъ живой ручеекъ
Зажурчалъ въ мелодичномъ прибоѣ,
И я вѣрю тому, что тотъ часъ недалекъ,
Когда станетъ онъ мощной рѣкою...
Изъ пучины глухой этой грѣшной земли,
Гдѣ бъ онъ въ безднѣ навѣкъ затерялся,
Руки Божья борца ему путь провели,
И... напраснымъ тотъ трудъ не остался.
Заиграла волна, запѣнились струи,
Пробудились дремавшія силы,
И теперь побѣдитъ онъ другіе ручьи,
Что всю землю собой замутили,
Побѣдитъ... Онъ силенъ!"

Въ другомъ мѣстѣ братскій придворный піита выражаетъ желаніе,

„Чтобы свѣтъ, что зажегъ ты, сіялъ и не гасъ,
Чтобы онъ побѣждалъ, озарялъ черезъ насъ
Всю ширь нашей бѣдной Россіи"...

И т. д. безъ конца.

Н. Н. съ радостнымъ вниманіемъ прислушивается къ этимъ примитивнымъ похваламъ и повидимому совершенно искренно утверждается въ своей увѣренности. „Сдвинула вѣра моя на пути моемъ многія горы"—пишетъ онъ, и онъ получаетъ—„возможность радостнаго сознанія, что каждый шагъ и каждое мгновенье двѣнадцати лѣтъ, отданныхъ на дѣло Божье, получили *непреходящее значеніе и вѣчный смыслъ*, дающій право жить"... (Воздв. шк.)

Въ настоящее время г. Неплюевъ значительно расширяетъ кругъ своей дѣятельности. Теперь уже онъ не только „посадникъ" черниговской общины, но, по его собственному заявленію, (См. книжки „Недѣли" 1899 г.) „почетный президентъ конгресса единаго человѣчества", конгресса, имѣющаго собраться въ Парижѣ во время всемірной выставки 1900 г.

Н. Н. усердно проситъ всѣхъ „истинныхъ христіанъ" прибыть къ означенному времени въ Парижъ. И хотя въ *Парижъ* не значитъ въ х. *Воздвиженскъ*, однако Н. Н—чъ еще разъ сообщаетъ попутно свой адресъ:

„Ямполь Черниговскій. *Почетному президенту конгресса единаго человѣчества Николаю Николаевичу Неплюеву*".

Цитированный мною только что адресъ Н. Н. предназначаетъ для „истинныхъ христіанъ"; что же касается „дѣтей міра сего", „антихристовъ" и „сыновъ дьявола", то онъ клеймитъ

ихъ суровыми рѣчами ветхозавѣтнаго пророка Іереміи... Таковъ этотъ прославленный оазисъ „среди пустыни!“

„...Приторно сладкія рѣчи,
Ласки, лобзанья, объятья,
Ахъ, если-бы души съ любовью,
Съ теплой любовью въ нихъ были!
(*Гейне*).

Иванъ Абрамовъ.

Къ критикѣ экономическаго матеріализма.

Der historische Materialismus. Dr. Ludvig Woltmann. Düsseldorf, 1900.

I.

Въ обширной литературѣ, посвященной изложенію и критикѣ марксизма, быстро развивающейся въ послѣднее время, работа Вольтмана обращаетъ на себя вниманіе тѣмъ, что трактуетъ вопросъ со стороны, которая до сихъ поръ мало или вовсе не затрогивалась, а именно со стороны чисто философской и соціологической. Теоретическія положенія экономическаго матеріализма имѣютъ самостоятельное значеніе и не находятся въ тѣсной зависимости отъ тѣхъ или другихъ политическихъ или соціальныхъ требованій и могутъ поэтому разсматриваться особо. Можно, очевидно, быть самымъ ярымъ приверженцемъ господсвующей роли экономическаго фактора въ исторіи и не раздѣлять тѣхъ или другихъ соціально-политическихъ идеаловъ авторовъ этой историко-философской теоріи, имѣющей прежде всего научно-теоретическій интересъ.

Вольтманъ въ высшей степени почтителенъ, объективенъ и невозмутимо спокоенъ, какъ бы извиняясь предъ Марксомъ за каждое противорѣчіе или упущеніе, которое ему, къ великому своему сожалѣнію, приходится констатировать въ трудахъ геніальнаго учителя.

Вольтманъ признаетъ, что Марксъ не оставилъ вполнѣ выработанной системы своихъ философскихъ взглядовъ. Онъ жалѣетъ, что Марксъ не могъ выполнить свое намѣреніе написать логику и исторію философіи, о каковомъ намѣреніи сообщаетъ Лафаргъ. При систематической разработкѣ многія односторонности были бы неизбѣжно устранены. Вѣдь признавалъ же самъ Энгельсъ въ одномъ частномъ письмѣ въ 1890 году, что онъ и Марксъ отвѣтственны за то, что „молодые“ преувеличиваютъ

значеніе экономическаго фактора. Ибо, объясняетъ Энгельсъ, онъ и Марксъ, какъ инціаторы новаго направленія, были вынуждены часто слишкомъ сильно подчеркивать въ полемикѣ съ противниками значеніе оспариваемаго ими основного принципа, не имѣя при этомъ „ни времени, ни случая отводить надлежащее мѣсто другимъ моментамъ, участвующимъ во взаимодѣйствіи" (факторовъ).

Марксизмъ содержитъ три элемента: матеріалистическое пониманіе исторіи, критику политической экономіи и теорію новой общественной организаціи. Философскіе взгляды Маркса нашли себѣ выраженіе въ его исторической теоріи. Вольтманъ занимается почти исключительно философскими и историко-философскими элементами марксизма, другими словами, изучаетъ марксизмъ, какъ философскую систему, основная задача которой объясненіе *генезиса идей.* Марксизмъ въ этой своей части сводитъ формы общественнаго и духовнаго развитія на развитіе общественной экономической структуры. Вольтманъ не довольствуется, однако, этой характеристикой марксизма. Онъ хочетъ привести его въ связь съ дарвинизмомъ съ одной и съ ученіемъ Канта съ другой стороны. Экономическій матеріализмъ принимаетъ у Вольтмана характеръ *біологическаго* и *технологическаго* матеріализма. Мы увидимъ ниже, на чемъ Вольтманъ основываетъ свои обобщенія и насколько они могутъ быть признаны состоятельными.

Марксизмъ находится въ тѣсной связи съ естественными науками, но онъ обязанъ своимъ возникновеніемъ главнымъ образомъ классической нѣмецкой философіи. Философскій характеръ марксизма выражается въ его стремленіи дать *теорію происхожденія и развитія идей* въ видахъ построенія *системы идей.* По стольку марксизмъ, хотя гораздо меньше разработанный, чѣмъ дарвинизмъ, является вмѣстѣ съ послѣднимъ самымъ зрѣлымъ плодомъ мысли нашего столѣтія.

Марксизмъ, какъ міросозерцаніе, представляетъ въ основныхъ чертахъ самую полную систему матеріализма. Онъ содержитъ слѣдующіе элементы: 1) діалектическій матеріализмъ, изучающій общіе принципы и условія мышленія, отношеніе *мысли* къ *бытію*; 2) философскій матеріализмъ, разрѣшающій проблему объ отношеніи *духа* къ *матеріи* въ смыслѣ современнаго естествознанія; 3) біологическій матеріализмъ, примыкающій къ Дарвину; 4) географическій матеріализмъ, „доказывающій" зависимость историческаго развитія отъ устройства поверхности земли и физической среды; 5) экономическій матеріализмъ, раскрывающій вліяніе экономическихъ отношеній, производительныхъ силъ и состоянія техники на соціальное и духовное развитіе человѣчества, географическій и экономическій матеріализмъ вмѣстѣ образуютъ матеріалистическое пониманіе исторіи въ тѣсномъ смыслѣ; 6) этиче-

скій матеріализмъ, самымъ радикальнымъ образомъ прерывающій съ традиціонными супранатуралистическими представленіями и переносящій всѣ стремленія жизни и исторіи на почву *реальной* жизни.

Въ этой классификаціи Вольтмана, кромѣ присутствія біологическаго матеріализма, поражаетъ еще выдѣленіе въ особую составную часть марксизма „географическаго матеріализма". Извѣстно, что меньше всего Марксъ занимался изученіемъ того, что нѣкоторыми принято называть географической средой. Въ первомъ томѣ Капитала онъ, правда, указываетъ на вліяніе географическихъ условій на развитіе капиталистическаго хозяйства. Но тутъ же замѣчаетъ, что географическія условія *сами по себѣ* даютъ только *возможность* развитія, но далеко еще не обусловливаютъ его *необходимости*. Марксисты не разъ въ полемикѣ со своими противниками указывали на то, что нельзя отнести „географическій факторъ" къ историческимъ факторамъ развитія, такъ какъ этотъ факторъ, по ихъ мнѣнію, не обусловливаетъ *перемѣнъ* въ исторіи и потому не можетъ считаться элементомъ исторической *динамики*. Вѣрно ли или нѣтъ это положеніе, во всякомъ случаѣ оно находится въ полномъ согласіи съ выше цитированнымъ взглядомъ самого Маркса.

Вольтманъ настаиваетъ на томъ, что теоретическіе взгляды Маркса коренятся въ классической нѣмецкой философіи отъ Фейербаха до Канта включительно. Это воззрѣніе плохо ладитъ со слѣдующей цитатой изъ Энгельса, которую самъ Вольтманъ тутъ же приводитъ. „Для генезиса научной... теоріи Маркса *одинаково необходимы* (ebenso unumgänglich) были и нѣмецкая діалектика, и развитыя экономическія и политическія отношенія Англіи и Франціи". Отчасти это противорѣчіе происходитъ отъ того, что Энгельсъ имѣетъ въ виду болѣе соціальную теорію Маркса, а Вольтманъ чисто теоретическіе элементы, но болѣе всего на эту историческую генеалогію марксовыхъ идей у Вольтмана вліяло его стремленіе найти связь этихъ идей съ идеями Канта и покантовской философіи. Объ этомъ пунктѣ придется поговорить подробнѣе нѣсколько дальше.

Вольтманъ довольно подробно распространяется о предшественникахъ Маркса. Нельзя сказать, чтобы онъ это сдѣлалъ совсѣмъ удачно. Къ длинному списку предшественниковъ, уже указанныхъ другими (Тьерръ, Минье, Гизо, Сенъ-Симонъ, Шевалье, Прудонъ) Вольтманъ присоединяетъ длинный рядъ новыхъ именъ, какъ Р. Овенъ, Адамъ Смитъ, Давидъ Рикардо (не въ ихъ качествѣ экономистовъ, а „историческихъ матеріалистовъ"). Вольтманъ открываетъ въ числѣ предшественниковъ Маркса, къ немалому удивленію читателя, Вико, Монтескье, Гердера и даже Бокля. Послѣдніе три очутились въ этомъ неожиданномъ положеніи за ихъ признаніе вліянія физико-климатической среды, а мы уже видѣли, что

Вольтманъ считаетъ географическій матеріализмъ основною частью марксизма, Вико же за его объясненіе миѳовъ дѣйствительными происшествіями, особеннымъ образомъ истолкованными. Удивительно, какъ часто при исканіи предшественниковъ Марксу, какъ, впрочемъ, и другимъ крупнымъ мыслителямъ, забываютъ ставить себѣ слѣдующій элементарный, какъ будто само собою подразумѣвающійся вопросъ: въ *какомъ отношеніи* или въ *какомъ смыслѣ* того или другого мыслителя можно считать „предшественникомъ"? Если взять, напримѣръ, отдѣльныя положенія изучаемаго съ генетической точки зрѣнія Маркса, то у него, пожалуй, окажется столько предшественниковъ, сколько онъ вообще изучалъ выдающихся (а часто и невыдающихся) мыслителей. Другой результатъ получится, если потребуется найти „предшественниковъ" оригинальныхъ, ему одному свойственныхъ или ему одному приписываемыхъ положеній. А совершенно иной будетъ отвѣтъ, если вопросъ будетъ поставленъ по отношенію къ *методу* его мышленія или изложенія. Словомъ, предшественникъ предшественнику рознь. Объ этой азбучной истинѣ забылъ, между прочимъ, и Вольтманъ, а потому его значительно удлиненный, сравнительно съ прежними, списокъ предшественниковъ Маркса много теряетъ въ интересѣ и опредѣленности.

Но особенно подробно Вольтманъ останавливается на Кантѣ, какъ на „предшественникѣ" Маркса. Онъ находитъ, что марксисты вообще и Энгельсъ въ особенности были „страшно несправедливы къ Канту, который окажется, на основаніи сужденій о немъ послѣдняго, не величайшимъ мыслителемъ нашего времени, а весьма слабой головой (ein Schwachkopf). Уже Энгельсъ плохо или вовсе не понялъ Канта, а марксисты обнаружили поистинѣ ужасающее (grauenhaft) незнаніе кантовскаго критицизма. Энгельсъ не сумѣлъ оцѣнить неокантіанство, видя въ немъ лишь средство къ усыпленію народныхъ массъ. Необходимо строго различать между нѣкоторыми метафизическими догматами и критическимъ *методомъ* Канта, допускающимъ чисто-научное обоснованіе. Нео-кантіанцы приняли методы, отбросивъ догматы. Всѣ эти соображенія заставляютъ Вольтмана посвятить значительную часть своего труда изложенію философскихъ взглядовъ Канта, которое читатель можетъ найти въ любой исторіи философіи. Насъ интересуютъ здѣсь только точки соприкосновенія этой философіи съ теоретическими воззрѣніями Маркса, какъ ихъ представляетъ себѣ Вольтманъ.

Вольтманъ кстати приводитъ дѣйствительно курьезное пониманіе или точнѣе непониманіе Канта однимъ изъ самыхъ выдающихся нѣмецкихъ марксистовъ, Францемъ Мерингомъ. Послѣдній, давшій, между прочимъ, геніальное объясненіе такимъ литературнымъ явленіямъ, какъ Толстой и Ибсенъ, признавъ ихъ продуктами „недостаточнаго развитія" фабричной промышленности,

пытался приложить въ „Neue Zeit“ этотъ свой матеріалистическій методъ объясненія исторіи и къ Канту. Результатъ оказался столь же неожиданный, какъ блестящій. Если Кантъ разрушилъ догматизмъ, то онъ это сдѣлалъ, очевидно, какъ „представитель пробуждавшагося въ Германіи буржуазнаго класса“. Курьезнѣе всего, что его послѣдователь Шопенгауеръ, отчасти снова возродившій догматическую метафизику, у него же заимствовалъ „философію филистерства“. Кантъ по Мерингу былъ ничѣмъ инымъ, какъ „нѣмецкимъ мѣщаниномъ“ (ein deutscher Spiessbürger) и „ближе всего стоялъ къ французскимъ матеріалистамъ“, которые, какъ извѣстно, были въ свою очередь представителями французской буржуазіи. Вольтманъ относитъ эти „историческія фантазіи“ къ той „удивительной чепухѣ“, которую произвели на свѣтъ, по увѣренію самого Энгельса, нѣкоторые изъ молодыхъ марксистовъ.

Въ чемъ же Вольтманъ видитъ связь точки зрѣнія Маркса съ философіей Канта? Въ его методѣ. Какъ извѣстно, Кантъ видѣлъ источникъ нашего знанія въ *опытѣ*, но самъ опытъ дѣлается намъ доступнымъ исключительно благодаря нѣкоторымъ основнымъ *апріорнымъ* формамъ нашего мышленія. Все черезъ опытъ, но не все *изъ* опыта; другими словами, въ самомъ процессѣ опыта обнаруживаютъ свое организующее дѣйствіе нѣкоторыя чисто идейныя формы, которыя не могутъ быть заимствованы изъ опыта, такъ какъ онѣ обусловливаютъ самую *возможность* опыта—по Канту. Таковы—время, пространство и логическія категоріи. Эти апріорные элементы нашей мысли одни превращаютъ дѣйствующія на наши чувства явленія въ объекты научнаго знанія, въ *законосообразныя явленія*, ибо сама законосообразность не есть нѣчто свойственное самимъ объектамъ, вещамъ въ себѣ: она продуктъ особой организаціи нашей мысли. Человѣкъ такимъ образомъ снова дѣлается „мѣрой вещей“, какъ это училъ софистъ Протагоръ, причемъ у Канта „мѣра“ эта не есть *индивидуальный* человѣкъ, а человѣкъ, какъ членъ рода человѣческаго, со свойственной ему интеллектуальной и психической организаціей. Вольтманъ находитъ и у Маркса „общіе результаты“, „идею“, а именно „идею матеріалистическаго пониманія исторіи“, *какъ руководство*, какъ регулирующій принципъ, посредствомъ котораго онъ объясняетъ себѣ, научно организуетъ историческій опытъ. У Маркса, какъ у Канта, „апріористическій“ и даже „телеологическій“ моментъ мышленія является регуляторомъ и организаторомъ хаотической массы впечатлѣній, воздвигая изъ безпорядочной груды общественно-историческихъ фактовъ стройное зданіе *науки*. У обоихъ мыслителей *идея* является тѣмъ оживляющимъ, формирующимъ наначаломъ, которое безконечно разнообразное и безформенное объединяетъ въ одно стройное цѣлое, въ гармоническое единство.

„Исключительно эмпирическое блужданіе, безъ помощи руководящаго принципа не можетъ дать никакого полезнаго результата, такъ какъ *наблюдать* значитъ исключительно производить опытъ *методически*“ (Кантъ). Необходимо, продолжаетъ Вольтманъ, выйти изъ *идеи* исторіи, если хотятъ изучить фактическую исторію какъ одно связанное цѣлое. Нужно самому пережить исторію, чтобы быть въ состояніи понимать ее. Близкое становится средствомъ пониманія далекаго. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что *высочайшая ступень субъективизма* есть *необходимое условіе высочайшаго историческаго объективизма*. Изслѣдователь въ тѣсной области доступныхъ ему фактовъ пытается найти необходимую ему идею, а плодотворность этой идеи при объясненіи явленій доказываетъ ея вѣрность. Развитіе марксизма подтверждаетъ Вольтману это его воззрѣніе на необходимость „апріористической“ идеи. По скольку знаніе есть *наука*, оно должно исходить изъ одного принципа, самаго по себѣ не поддающагося ни обоснованію, ни доказательству. Безъ этого объединяющаго принципа нѣтъ *систематическаго* знанія, нѣтъ *науки*.

Какъ читатель могъ уже замѣтить, сближеніе Маркса съ Кантомъ основывается Вольтманомъ исключительно на отождествленіи необходимости приступить къ изслѣдованію явленій съ готовой точки зрѣнія, которая, какъ признаетъ самъ Вольтманъ, можетъ, въ свою очередь, быть продуктомъ не полнаго опыта, съ чисто метафизическимъ предположеніемъ Канта о не-опытномъ происхожденіи организующихъ опытъ идей. Это отождествленіе вполнѣ произвольное, и связь Маркса съ Кантомъ, если руководиться исключительно этимъ ссображеніемъ, является ни на чемъ не основанной. Именно потому, что *всякому* изслѣдователю нужна извѣстная точка зрѣнія, какъ руководство, нѣтъ основанія считать *того* или *другого* мыслителя, а слѣдовательно и Маркса, послѣдователемъ Канта на томъ лишь основаніи, что онъ подчинился всеобщей необходимости и запасся на своемъ пути къ научной истинѣ руководящей идеей. Разсужденія Вольтмана о необходимости точки зрѣнія для изслѣдователя, которая только метафорически можетъ быть названа „апріористической“, прекрасны и совершенно справедливы (Н. К. Михайловскій не разъ указывалъ на это обстоятельство), но они имѣютъ тотъ недостатокъ, что отнюдь не доказываютъ того, что хотѣлъ доказать Вольтманъ: кантовское происхожденіе марксизма.

Энгельсъ не даромъ „не цѣнилъ“ Канта; онъ не то, что не способенъ былъ его понимать; онъ скорѣе *не хотѣлъ* его понимать. Онъ отъ Гегеля заимствовалъ извѣстную антипатію къ великому кенигсбергскому мыслителю. На это имѣются свои причины. Нѣтъ ничего противоположнѣе философій Гегеля и Канта. Кантъ видитъ въ дѣйствительности, въ знаменитой гегелевской *разумной* дѣйствительности, одинъ лишь сырой и далеко не ра-

зумный *матеріалъ*, надъ которымъ работаетъ организующій и регулирующій разумъ. Гегель учитъ, что абсолютный духъ, *разумъ* находится *въ самой* дѣйствительности. *Все дѣйствительное разумно*. Кантъ переноситъ разумный элементъ въ область *человѣческаго мышленія* или мышленія вообще, и создаетъ такимъ образомъ извѣстный дуализмъ между дѣйствительностью и идеаломъ. Философія Гегеля, наоборотъ, представляетъ чистѣйшій монизмъ. Философія Гегеля привела къ слѣпому культу дѣйствительности, къ признанію печальной памяти прусской бюрократической дѣйствительности начала нашего вѣка, къ инсинуаціямъ противъ кантіанца Фриса (Fries) и требованіямъ со стороны придворнаго философа полицейскаго вмѣшательства въ философію; гегельянство было признано оффиціальной, покровительствуемой системой. Кантовскій идеализмъ имѣлъ какъ разъ противоположную судьбу. Онъ привелъ къ оппозиціонному идеализму Шиллера, и старикъ Кантъ былъ подвергнутъ опалѣ. Неогегельянцы превратили ученіе своего учителя въ оппозиціонное орудіе *вопреки* толкованію, данному этому ученію самимъ Гегелемъ, благодаря отчасти двусмысленности и неопредѣленности гегелевской діалектики, а, главнымъ образомъ, благодаря извѣстнымъ историческимъ явленіямъ совсѣмъ не философскаго характера. Выходя изъ дуализма идеала и дѣйствительности, Кантъ привѣтствовалъ радикальныя реформы конца восемнадцатаго вѣка; Гегель же, выходя изъ „монистическаго“ принципа *разумной дѣйствительности*, возсталъ противъ англійскаго билля о реформахъ, рѣзко осуждалъ всякое нововведеніе.

Какъ ни противоположны практическіе идеалы Маркса и Гегеля, въ своемъ *теоретическомъ обоснованіи* они исходятъ изъ одного и того же принципа: они оба не *противополагаютъ* идеалъ дѣйствительности, подобно Канту, а наоборотъ, находятъ этотъ идеалъ, историческій разумъ *въ самой дѣйствительности*, которая изъ абстрактнаго понятія превращается у Маркса въ конкретную *экономическую* дѣйствительность, въ „экономическій базисъ“, эту всеобщую *господствующую* историческую субстанцію.

Критическій идеализмъ не бѣжитъ отъ дѣйствительности, не боится ея, но онъ также не создаетъ изъ нея культа и не ищетъ въ ней самой того, чего въ ней нѣтъ—*идеала*. Напротивъ. Критическій идеализмъ требуетъ подчиненія несовершенной дѣйствительности идеальнымъ требованіямъ *нашего разума* и нашей природы. Онъ въ то же время обосновываетъ необходимость и возможность этихъ требованій. Онъ, согласно формулѣ „Критики чистаго разума“, признаетъ идеи, отрѣшенныя отъ опыта, *пустыми* и *безсодержательными*, но считаетъ невозможнымъ *овладѣть опытомъ безъ помощи идей, дѣйствительностью* безъ помощи *идеала*.

Все ученіе Маркса проникнуто гегелевскимъ принципомъ,

отождествлявшимъ дѣйствительность съ идеаломъ. Вся разница между ними, что Гегель остановился, застылъ на одномъ опредѣленномъ моментѣ исторической дѣйствительности, на прусскомъ полицейскомъ режимѣ, между тѣмъ какъ Марксъ положилъ въ основу своего міровоззрѣнія *дѣйствительность въ движеніи*. Практически эта разница вырыла цѣлую пропасть между обоими мыслителями, но теоретически они до конца жизни остались философскими близнецами, ибо *методъ* ихъ, какъ мы показали, былъ одинъ и тотъ же. Вотъ почему Энгельсъ, одобряемый и поддерживаемый Марксомъ, не переставалъ всю жизнь слагать гимны Гегелю и его философіи, не смотря на разныя „мистическія оболочки“ послѣдняго. Вотъ почему Марксъ и Энгельсъ не переставали искать источника всякихъ „идеологій“ въ *самой экономической дѣйствительности*: идеалъ, не выростающій изъ самой этой дѣйствительности, не имѣетъ по Марксу почвы и осужденъ на гибель. Его устами говоритъ *Гегель*, заставившій дѣйствительность воплотить безсмертный разумъ, а *не Кантъ*, требовавшій отъ дѣйствительности не *проявленія* въ сознательной формѣ идеала, а *подчиненія* ему. Кто не понялъ этой *основной* черты марксизма, для того эта своеобразная историческая теорія—книга съ семью печатями.

Чтобы отстаивать свою мысль о связи, существующей между Марксомъ и Кантомъ, Вольтманъ вынужденъ признать, что Марксъ былъ ложно понятъ... самимъ Марксомъ.

Въ предисловіи ко второму изданію „Капитала“ Марксъ цитируетъ извѣстную статью И. Кауфмана въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1872 г. о его методѣ, ставя его (Кауфмана) въ примѣръ своимъ другимъ, мало понятливымъ критикамъ и вполнѣ принимая его оцѣнку. А суть этой оцѣнки сводится къ слѣдующему: Общественно-историческое движеніе разсматривается, какъ естественно-историческій процессъ, управляемый законами, которые не только независимы отъ сознанія и намѣренія людей, но, напротивъ, сами обусловливаютъ волю, сознаніе и намѣреніе людей. Критика политической экономіи не исходитъ изъ какого нибудь готоваго продукта сознанія, изъ какой нибудь *идеи*: факты сопоставляются съ фактами, а не съ какой нибудь общей идеей. Вся эта характеристика говоритъ какъ разъ противное тому, что самъ Вольтманъ говоритъ о методѣ Маркса, въ видахъ его сближенія съ Кантомъ. Марксъ, какъ истый гегельянецъ, хотя на реалистической основѣ, вполнѣ принимаетъ и одобряетъ эту характеристику, ставя такимъ образомъ въ затруднительное положеніе Вольтмана, который не находитъ другого выхода, кромѣ заявленія, что „Марксъ предается интеллектуальному самообману на счетъ его собственной точки зрѣнія“. Это несправедливо. Марксъ прекрасно понялъ себя и—Гегеля, а Вольтманъ очень плохо различаетъ между двумя въ своей основѣ противоположными философскими систе-

мами, какъ системы Канта и Гегеля, ставя ихъ за одну общую скобку „классической нѣмецкой философіи“.

Въ одномъ Вольтманъ безспорно правъ. Въ марксизмѣ имѣется телеологическій элементъ. „Экономическія отношенія“ Маркса черезчуръ разумно и цѣлесообразно руководятъ историческимъ процессомъ. Между ними и другими проявленіями жизни существуетъ какъ бы лейбницевская гармонія. Возьмемъ хотя бы фактъ появленія механическихъ изобрѣтеній. Они съ удивительной предупредительностью являются каждый разъ, когда расширеніе спроса, потребности рынка испытываютъ нужду въ нихъ. Но эта телеологія лишена всякаго *человѣческаго* содержанія. Рѣчь идетъ о всемогуществѣ потребностей производства, а не человѣка. Потребности человѣка по Марксу факторъ второстепенный, зависящій въ своемъ движеніи отъ измѣненій въ производствѣ, который „продиктовалъ законы потребленія“ („Нищета философіи“). „Не сознаніе опредѣляетъ бытіе, а, наоборотъ, бытіе опредѣляетъ сознаніе“. Другими словами: не идеалъ преобразовываетъ дѣйствительность, а, наоборотъ, дѣйствительность, конкретная экономическая дѣйствительность, видоизмѣняетъ и формируетъ идеалъ. *Идея* не есть условіе возможности *опыта*, какъ у Канта: *опытъ* обусловливаетъ *идею*. Марксъ остался вѣренъ Гегелю, хотя и поставилъ его діалектику „на ноги“. Точнѣе, Марксъ былъ болѣе вѣренъ духу гегелевской философіи, чѣмъ самъ Гегель: онъ на мѣсто фантастической дѣйствительности абсолютнаго духа поставилъ конкретную дѣйствительность „экономическаго базиса“, выводя „въ послѣднемъ счетѣ“ изъ него и *изъ него одного* „общественныя формы нашего сознанія“. Предвзятая идея Вольтмана о примиреніи непримиримаго, т. е. Канта и Гегеля, а черезъ это Канта и Маркса, на этотъ разъ сослужила талантливому и ученому изслѣдователю марксизма плохую службу. Предвзятая идея можетъ быть полезна лишь при условіи провѣрки ея помощью дѣйствительности. Но *дѣйствительный* характеръ теоріи Маркса не оправдываетъ, какъ мы видѣли, предвзятой идеи Вольтмана.

Основываясь на доминирующей роли, которую играютъ у Маркса орудія производства, Вольтманъ пытается конструировать новый видъ историческаго матеріализма, который можно назвать *технологическимъ*. Орудія производства, увеличивая производительность труда, въ то же время увеличиваютъ степень нашего господства надъ объектами труда и, являясь новыми проводниками рабочей силы, какъ бы обогащаютъ насъ новыми „органами“. Отношеніе человѣка къ этимъ искусственнымъ органамъ, ихъ цѣлесообразное примѣненіе имѣетъ важное значеніе для развитія человѣческаго сознанія. Вольтманъ при этомъ опирается на цѣломъ рядѣ нѣмецкихъ писателей (Гейгеръ, Нуаре, Каппъ),

которые посвятили орудію производства, какъ фактору логическаго развитія, особыя изслѣдованія.

Очевидно, что *технологическій матеріализмъ* еще болѣе съуживаетъ историческую задачу, чѣмъ и безъ того узкій матеріализмъ экономическій. У Маркса орудія производства не прямо обусловливаютъ идеологію, а лишь косвенно, проходя черезъ извѣстную соціальную среду, черезъ классовую организацію общества. Технологическій-же матеріализмъ находитъ прямую связь между *характеромъ самыхъ орудій производства* и формами нашего мышленія. При извѣстномъ усердіи послѣдователей, если таковые окажутся у технологическаго матеріализма, мы еще, пожалуй, будемъ свидѣтелями того, какъ изъ тѣхъ или другихъ формъ топора или лука будутъ діалектически дедуцироваться религіозные догматы или опредѣленныя формы художественнаго творчества.

Нѣтъ сомнѣнія, что фактъ примѣненія искусственныхъ орудій и ихъ цѣлесообразной манипуляціи извѣстнымъ образомъ вліяютъ и на логическія функціи человѣка, но то же можно сказать и о *всѣхъ* формахъ человѣческой дѣятельности, а также и о всѣхъ формахъ удовлетворенія человѣческихъ потребностей, словомъ, обо всемъ, что приводитъ нашъ умъ, наши логическія способности въ дѣятельное состояніе. Всякая дѣятельность связана съ усиліемъ мысли, а всякое усиліе мысли, превращаясь въ привычное человѣку естественное отправленіе ума, модифицируетъ и обусловливаетъ его характеръ. Это вліяніе можетъ быть положительное или отрицательное въ зависимости отъ того, выражается ли оно въ формѣ *усиленія* или *ослабленія* мыслительной дѣятельности.

Такъ, напримѣръ, совершенно справедливо указывается Марксомъ на то обстоятельство, что механическій трудъ фабричнаго рабочаго, этого „придатка" къ легко управляемой машинѣ, незначительность подготовки къ такого рода труду, дѣйствуютъ на него отупляющимъ образомъ. Вольтманъ, очевидно, при попыткѣ конструировать свой технологическій матеріализмъ падаетъ жертвой того же ложнаго методологическаго пріема, что и экономическіе матеріалисты, состоящаго въ наивномъ возведеніи отдѣльныхъ моментовъ вліянія во всеобъемлющій историческій или философскій принципъ. „Eine alte, aber ewig neue Geschichte"...

II.

Вольтманъ далеко не безусловный поклонникъ теоріи Маркса даже въ той формѣ, которую ей далъ самъ Марксъ. О марксистахъ онъ выражается съ рѣзкостью самаго яраго противника. Онъ ихъ часто упрекаетъ въ догматизмѣ и непониманіи самыхъ элементарныхъ вещей. Гораздо почтительнѣе онъ относится къ самому Марксу, научныя заслуги котораго онъ ставитъ весьма

высоко. Это ему однако не мѣшаетъ видѣть слабыя стороны ученія великаго мыслителя.

Проводя параллель между марксизмомъ и дарвинизмомъ съ одной, между марксизмомъ и естественно-научнымъ матеріализмомъ съ другой стороны, онъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ подчеркиваетъ невозможность свести духовные процессы исключительно къ ихъ матеріалистической основѣ. Вольтманъ затрагиваетъ здѣсь самый существенный моментъ вопроса. Критику экономическаго матеріализма приходится повторять тѣ самые аргументы, которые выдвигались и еще продолжаютъ выдвигаться противъ доживающаго свои послѣдніе дни наивнаго философскаго матеріализма, полагавшаго *исчерпать* объясненіе духовнаго элемента, жизни вообще простымъ перечисленіемъ матеріальныхъ *условій* ея проявленій. Можно вмѣстѣ съ матеріалистами признавать, что нѣтъ духа безъ матеріи, и въ то же время соглашаться съ физіологомъ Дюбуа-Реймономъ, очень далекимъ отъ метафизики, что отношеніе духа къ матеріи для насъ—великій иксъ, о которомъ мы будемъ утверждать *ignorabimus* или *ignoramus*, смотря по темпераменту или степени вѣры въ силу человѣческой мысли. Констатировать матеріальныя условія какого-нибудь духовнаго явленія значитъ только научно воспроизводить процессъ его возникновенія, мысленно воскрешать основные моменты этого процесса въ томъ видѣ, какъ онъ происходитъ предъ нашими глазами, но это, очевидно, далеко не означаетъ отвѣтить на вопросъ: *почему же* при наличности тѣхъ или другихъ матеріальныхъ условій должно было произойти данное явленіе, не *могущее быть сведено* на матеріальный процессъ его возникновенія? Вольтманъ поэтому стоитъ на твердой научной почвѣ, констатируя этотъ основной пробѣлъ матеріалистическаго „объясненія" природы или исторіи.

Анализируя далѣе основную теорему экономическаго матеріализма о зависимости идеологической „надстройки" отъ „экономическаго базиса", Вольтманъ указываетъ на очень важные и существенные теоретическіе недочеты въ ней. Необходимо было бы, замѣчаетъ онъ, точнѣе опредѣлить отношеніе между матеріальнымъ базисомъ и идеологической надстройкой. Духовная жизнь слишкомъ сложна, чтобы она могла представлять собою простое параллельное отраженіе экономическаго движенія. Въ виду этой сложности неизбѣжно долженъ существовать цѣлый рядъ посредствующихъ звеньевъ между „базисомъ" и „надстройкой".

Вольтманъ не соглашается съ абсолютнымъ релятивизмомъ Маркса, признающимъ специфическій, ей одному свойственный характеръ за каждой хозяйственной и духовной эпохой. Рядомъ съ исторически-отличнымъ существуетъ и „исторически-общее". Марксъ „преувеличиваетъ" моменты различія, существующіе

между разными историческими эпохами. Каждая эпоха имѣетъ свои законы,—это не подлежитъ сомнѣнію. Но всѣ эпохи имѣютъ нѣчто общее между собою. Безъ этого не было бы ни исторической преемственности, ни единства историческаго процесса. Необходимо точнѣе установить самое понятіе эпохи. Существуетъ огромная разница въ противоположеніи, напр., среднихъ вѣковъ древности или періода цивилизаціи періоду дикости или варварства, такъ какъ каждый разъ содержаніе и граница эпохи соотвѣтственно мѣняются. Въ основѣ всей исторіи лежитъ всеобщій законъ развитія, присущій всѣмъ эпохамъ и входящій въ понятіе исторіи.

Мнѣ кажется, что въ послѣднемъ пунктѣ Вольтманъ не совсѣмъ справедливъ къ Марксу. Возражая своимъ оппонентамъ, Марксъ замѣчаетъ въ манифестѣ, что и онъ признаетъ общіе разнымъ періодамъ идеологическіе элементы, а именно—по стольку, по скольку самый процессъ производства и вызываемое имъ классовое подраздѣленіе общества и извѣстное отношеніе между этими классами общи всѣмъ эпохамъ человѣческой исторіи. Ростъ производительныхъ силъ—вотъ доминирующій фактъ, охватывающій и объединяющій и по Марксу весь историческій процессъ. Каждая эпоха отличается отъ другой достигнутой ею *ступенью* этого общественно-историческаго процесса, содержаніемъ и формой дѣйствующихъ въ процессѣ производствъ, обязательными для всѣхъ періодовъ исторіи, матеріальныхъ производительныхъ силъ. Производительный процессъ подчиненный общему закону развитія на *всѣхъ своихъ* ступеняхъ, выполняетъ такимъ образомъ тѣ условія, которыя ему предъявляетъ Вольтманъ. Если Марксу въ этомъ пунктѣ можно сдѣлать упрекъ, то не въ отсутствіи историческаго единства, а скорѣе въ чрезмѣрности этого единства, да въ матеріалистической и экономической односторонности.

Сводя все въ послѣднемъ счетѣ къ процессу производства матеріальныхъ благъ, Марксъ односторонне объединяетъ историческій процессъ, даетъ о немъ весьма узкое понятіе, которое въ толкованіи „учениковъ" приблизительно исчерпывается базаровскимъ опредѣленіемъ: природа мастерская, а человѣкъ въ ней работникъ. Какъ извѣстно, Энгельсъ вынужденъ былъ дополнить это опредѣленіе и признать вслѣдъ за Морганомъ, что человѣкъ не только работникъ, но и отецъ семейства (или что-то въ этомъ родѣ). Будь Энгельсъ въ живыхъ, онъ прибавилъ бы, вѣроятно, еще кое-что, призналъ хотя бы, напр., то, что человѣкъ не только работникъ, но и мыслящее и чувствующее существо, и что nihil humani и т. д., но эта сторона вопроса насъ здѣсь не занимаетъ. Хорошо или плохо объединилъ Марксъ исторію—онъ ее во всякомъ случаѣ безспорно объединилъ однимъ всеобъемлющимъ синтезомъ, и Вольтманъ въ *этомъ* пунктѣ не справедливъ къ Марксу.

Болѣе основателенъ слѣдующій упрекъ, который Вольтманъ

дѣлаетъ Марксу. Марксъ и Энгельсъ недостаточно оцѣнили элементъ *традиціи*, т. е. элементъ исторической преемственности, существующей между историческими явленіями двухъ слѣдующихъ другъ за другомъ эпохъ. Этотъ факторъ имѣетъ важное историческое значеніе.

Въ качествѣ вѣрнаго послѣдователя Канта, Вольтманъ требуетъ признанія самостоятельнаго вліянія сознанія въ исторіи. Онъ на минуту забываегъ о своей „примирительной" теоріи и дѣлаетъ упрекъ Марксу въ отсутствіи у него этого необходимаго теоретическаго элемента. Если Энгельсъ признаетъ, замѣчаетъ по этому поводу Вольтманъ, относительную самостоятельность идеологіи и отводитъ ей роль въ процессѣ взаимодѣйствія различныхъ историческихъ факторовъ, то остается еще точнѣе и яснѣе опредѣлить ея роль. Повсюду Марксъ и Энгельсъ настаиваютъ на томъ, что „въ послѣдней инстанціи" опредѣляющимъ моментомъ въ исторіи являются экономическія отношенія. Но въ чемъ заключается тайна этой послѣдней инстанціи?—спрашиваетъ Вольтманъ. И тутъ же отвѣчаетъ торжественнымъ *обѣщаніемъ*, что болѣе точное изслѣдованіе взаимодѣйствующихъ факторовъ „покажетъ", что отношеніе *технической* дѣятельности къ *логическому* сознанію (т. е. характеризованный мною выше „технологическій матеріализмъ") и психической жизни къ экономической и образуетъ тотъ „фундаментъ", на которомъ зиждется все историческое развитіе. Если опустить оригинальную прибавку Вольтмана, состоящую въ введеніи того, что я назвалъ „технологическимъ матеріализмомъ", то мы, къ величайшему нашему изумленію, вынуждены будемъ констатировать слѣдующее въ высшей степени странное явленіе. Замахнувшись надъ Марксомъ своимъ критическимъ мечемъ и требуя отъ него яснаго и полнаго отчета въ введенномъ имъ таинствѣ „послѣдней инстанціи", онъ вдругъ неожиданно прерываетъ самого себя, влагаетъ острый мечъ въ ножны и повторяетъ слово за словомъ основное положеніе Маркса. Этого мало. Вольтманъ находитъ возможнымъ „примирить" теорію „послѣдней инстанціи" съ собственнымъ положеніемъ, что „*духовный* процессъ жизни составляетъ *такой же самостоятельный факторъ* историческаго развитія, *какъ и экономическій*". Итакъ, съ одной стороны экономическій факторъ фигурируетъ въ святой святыхъ „послѣдней инстанціи" въ качествѣ базиса или „фундамента", а съ другой онъ объявляется самостоятельнымъ и независимымъ, такимъ же самостоятельнымъ и независимымъ факторомъ, какъ и его господинъ—экономическій факторъ, возсѣдающій на своемъ тронѣ въ „послѣдней инстанціи". И все это въ формѣ торжественнаго обѣщанія, что „ближайшее изслѣдованіе докажетъ". Неужели все это „наука"?

Впрочемъ, самъ Вольтманъ разоблачаетъ намъ тайну своихъ противорѣчій. Онъ задался цѣлью „вернуть критическому идеа-

лизму классической нѣмецкой философіи его права и *примирить* его съ основными принципами діалектическаго и историческаго матеріализма“. Его изслѣдованіе должно показать, что „возвращеніе къ Канту не только не означаетъ регресса для марксизма, но, напротивъ, послѣдній можетъ только выиграть во внутренней теоретической цѣнности отъ этого союза“. Такъ какъ Марксъ и Энгельсъ всю жизнь основательно поработали противъ такого „примиренія“—непримиримаго, то неудивительно, что рискованное предпріятіе Вольтмана должно было привести его къ весьма рискованнымъ выводамъ. Кто берется примирять непримиримое, такъ неизбѣжно впадаетъ въ противорѣчія. Вольтманъ лишній разъ подтвердилъ эту азбучную истину

Но за то тамъ, гдѣ Вольтманъ не задается цѣлью „примирять“, онъ намъ даетъ весьма цѣнные элементы критики марксизма. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ.

Энгельсъ, какъ извѣстно, предсказывалъ конецъ философіи, какъ самостоятельной дисциплины. Ей предстоитъ раствориться въ спеціальныхъ наукахъ, хотя съ другой стороны онъ же признавалъ нѣмецкій рабочій классъ единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ классической нѣмецкой философіи, т. е. онъ одной рукой уничтожалъ то самое наслѣдство, во владѣніе котораго онъ другой рукой вводилъ нѣмецкій пролетаріатъ, назначая такимъ образомъ наслѣдника въ самый моментъ лишенія его наслѣдства. Противъ такого пессимистическаго взгляда на будущее философіи Вольтманъ совершенно резонно оппонируетъ, что философъ каждый разъ объединяетъ теоретическое значеніе своего времени съ практическими задачами, являясь такимъ образомъ представителемъ „систематическаго самосознанія для каждой достигнутой интеллектуальной ступени человѣчества“. Потребность въ логическо-систематическомъ знаніи не можетъ исчезнуть съ развитіемъ науки. Представленіе марксистовъ, что идеалистическая философія производитъ свои идеи изъ ничего, „очень грубо“ (plump), а полемика Энгельса противъ идеалистической философіи лишена, по мнѣнію Вольтмана, всякаго серьезнаго основанія.

Энгельсъ предсказываетъ также наступленіе періода „настоящей человѣческой свободы“ вслѣдствіе извѣстныхъ экономическихъ перемѣнъ. Вольтманъ находитъ такое представленіе слишкомъ механическимъ. Марксизмъ, говоритъ онъ, дѣлаетъ роковую соціально-психологическую ошибку, ставя образованіе, существованіе и уничтоженіе классовъ въ исключительную зависимость отъ психическихъ и экономическихъ причинъ. Классовое господство имѣетъ также свои нравстенныя основанія, а свобода есть не только господство надъ силами внѣшней природы, но и надъ „животнымъ внутри насъ“. Энгельсъ потому не видитъ нравственнаго характера свободы, что представляетъ степень зависимости воли отъ экономической организаціи общества.

Энгельсъ далѣе полагаетъ, что начиная съ періода классоваго господства, дурныя страсти, какъ властолюбіе и корыстолюбіе, были двигателями историческаго развитія. Но Энгельсъ упускаетъ изъ виду, что борьбѣ классовъ „предшествовала" борьба расъ, въ которой дурныя страсти играли не менѣе крупную роль. Мало того. Борьба расъ велась въ еще болѣе жестокихъ, болѣе безчеловѣчныхъ формахъ. „Дурныя страсти" не возникаютъ какъ продуктъ опредѣленной экономической организаціи, но обусловлены животнымъ прошедшимъ человѣка, хотя они безспорно находятъ себя весьма благопріятную почву въ извѣстныхъ экономическихъ условіяхъ. Благодаря одностороннему „классовому" объясненію нравственной испорченности людей, возникаетъ и утопическое представленіе о немедленномъ торжествѣ „добродѣтели" въ новомъ, экономически реорганизованномъ обществѣ.

По поводу этой критики марксистской „этики", если можно назвать этикой матеріалистическую гипотезу о *генезисѣ* и *развитіи* нравстенныхъ чувствъ и нравственныхъ понятій, я позволю себѣ сдѣлать лишь слѣдующее замѣчаніе. Вольтманъ раздѣляетъ исторію человѣчества на два періода, слѣдовавшихъ другъ за другомъ: періодъ борьбы расъ и періодъ борьбы классовъ. Первый періодъ предшествовалъ другому. Такая конструкція исторіи вполнѣ произвольна. Самое поверхностное знакомство съ исторіей и съ важнѣйшими политическими явленіями современной Европы показываетъ, что обѣ формы борьбы происходятъ параллельно. Марксъ и Энгельсъ пренебрегли борьбой расъ, подчеркивая въ исторіи исключительно борьбу классовъ. Вольтманъ шире смотритъ на историческій процессъ, но и онъ, увлекаясь стремленіемъ къ „объединенію" исторіи подъ господствомъ *одного* принципа, приходитъ къ ложной классификаціи и произвольной характеристикѣ историческихъ періодовъ. Нужно ли указывать для подтвержденія сказаннаго на всѣмъ извѣстные факты, какъ борьба національностей въ XIX в. и политическія событія хотя бы одной современной Австріи? А между тѣмъ XIX в. есть именно періодъ обостренія борьбы классовъ!

Вольтманъ находитъ противорѣчіе между стремленіемъ марксистовъ къ исключительному детерминистическому пониманію и ихъ моральной оцѣнкой явленій жизни и исторіи: „и марксисты не могутъ выскочить изъ своей... человѣческой кожи." Причину этого противорѣчія онъ видитъ въ противорѣчіи логически-діалектической тенденціи марксизма съ его практическими стремленіями. Творцы марксизма были проникнуты любовью къ свободѣ, справедливостью, уваженіемъ человѣческаго достоинства. Но умъ ихъ находится въ плѣну „у гегелевской діалектики, признающей все дѣйствительное разумнымъ". Вольтманъ снова забываетъ здѣсь о своей идеѣ примиренія Маркса съ Кантомъ и—хорошо

дѣлаетъ. Но „разумность“ бываетъ двухъ родовъ: логическая и практическая. Логическая разумность констатируетъ соотвѣтствіе дѣйствительности съ опредѣленными логическими законами; о практической „разумности“ Вольтманъ не говоритъ ничего, полагая, вѣроятно, этотъ терминъ достаточно яснымъ и общепонятнымъ. Марксизмъ не сумѣлъ примирить этическую оцѣнку съ научной теоріей явленія. Абстрактная формула діалектическаго превращенія явленія въ свою противоположность ничего не объясняетъ. И діалектическая теорія также не можетъ оправдать мрачные періоды нашего историческаго прошлаго. Въ каждомъ изъ этихъ періодовъ жили и дѣйствовали люди, которыхъ умъ и совѣсть были на столько пробуждены, чтобы возмущаться окружающей несправедливостью. Сверхъ классовой морали есть также просто *человѣческая* мораль. Марксисты забываютъ, что духовная жизнь человѣка все больше становится самостоятельной. Борьба идей не есть голое отраженіе борьбы классовъ. Нравственныя идеи развиваются на *перекоръ* этой борьбѣ классовъ. Марксизмъ не только не въ состояніи объяснить это явленіе, но вынужденъ отрицать его существованіе. Основной недостатокъ экономическаго матеріализма заключается въ недостаткѣ „соціально-психологическаго“ элемента. Идеологическіе моменты не могутъ быть сведены на экономическіе. „Послѣднія причины“ Энгельса не убѣдительны для Вольтмана. Въ этомъ пунктѣ расходятся пути матеріалистовъ и идеалистовъ, другими словами пути Маркса и Вольтмана. Идея „примиренія“ терпитъ пораженіе, и самъ Вольтманъ вынужденъ констатировать это.

III.

Нѣтъ сомнѣнія, что, несмотря на протесты марксистовъ-ортодоксовъ, марксизмъ въ настоящее время переживаетъ на западѣ серьезный кризисъ. До послѣдняго времени у него были, что называется, одни „внѣшніе враги“, буржуазные апологеты, боровшіеся съ марксизмомъ потому, что боялись его практическихъ выводовъ, идеологи, защищавшіе относительную самостоятельность „высшихъ идеологій“ или „утописты“, какъ ихъ называли марксисты за ихъ признаніе „силы идей“. Въ настоящее время у марксизма завелись и „внутренніе враги“, во главѣ которыхъ находится Эдуардъ Бернштейнъ, одинъ изъ самыхъ талантливыхъ и самыхъ ученыхъ представителей марксизма, ломавшій за него копья въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Критика послѣдняго оказалась особенно чувствительной для марксизма, хотя она пока не дала ничего существенно новаго сравнительно съ критикой „идеологовъ-утопистовъ“.

Молодые мыслящіе марксисты не могли остаться глухими къ критикѣ, со всѣхъ сторонъ напирающей на доктрину, кото-

рая, несмотря на то, что имѣетъ въ распоряженіи для своей защиты цѣлый рядъ талантовъ, въ особенности блестящихъ полемистовъ, очень плохо защищалась съ точки зрѣнія принципіальной. Сарказмы и „полемическія красоты" въ родѣ тѣхъ, которыми такъ богатъ „Анти-Дюрингъ" Энгельса, могутъ утомить противника, а иногда заставить его даже замолчать, но à la longue утомляютъ и публику. Во всякомъ случаѣ они никого серьезно не убѣждаютъ. Сила вещей беретъ верхъ. Послѣднее слово остается за теоретической истиной. Молодые мыслящіе марксисты задумались... И вотъ появляются попытки *обновить* доктрину, влить новое, свѣжее вино въ старые мѣха, амальгамировать ее съ новыми теоретическими элементами, приспособить ее къ новымъ требованіямъ пытливой мысли...

Х. Л. Р.

Новое изслѣдованіе о подоходномъ налогѣ.

Вопросу о подоходномъ налогѣ посвящено было не мало изслѣдованій въ литературѣ финансоваго права; но немного было сдѣлано попытокъ выйти изъ области чисто фактическаго изложенія и поставить предметъ на почву теоретическаго изученія. Если изслѣдователь не ограничивался описаніемъ существующаго или существовавшаго, то онъ переходилъ въ сферу финансовой политики, преподавая правила и составляя рецепты для „справедливой" организаціи обложенія. Онъ стремился отвѣтить на вопросы: что есть? и что должно быть? не спрашивая себя: почему возникло то, что существуетъ, и въ какомъ направленіи измѣняется существующее? Этими вопросами только начинаютъ задаваться финансисты и только теперь финансовое право начинаетъ подниматься до высоты теоретической науки. Тѣ немногочисленныя попытки теоретическаго изученія финансоваго хозяйства, которыя можно отмѣтить въ болѣе старой литературѣ, представляли или болѣе или менѣе остроумныя гипотезы и догадки или общія положенія, не развитыя и не приведенныя въ систему. Переработка фактическаго матеріала финансовой науки при помощи методовъ теоретическаго изслѣдованія дѣло только возникающее. Къ этой новой, лишь нарождающейся литературѣ слѣдуетъ отнести и два сочиненія приватъ-доцента московскаго университета И. Х. Озерова: одно появившееся въ 1898 году: „Подоходный налогъ въ Англіи" и другое, недавно вышедшее, подъ заглавіемъ: „Главнѣйшія теченія въ развитіи прямого обложенія въ Германіи въ связи съ экономическими и общественными условіями". (СПБ. 1899).

I.

Въ первой своей работѣ г. Озеровъ хотѣлъ показать, что подоходный налогъ для правильнаго функціонированія нуждается въ извѣстныхъ условіяхъ, въ извѣстной степени развитія экономической жизни и опредѣленной группировкѣ общественныхъ классовъ. Задачей его новаго изслѣдованія является обоснованіе той мысли, что при наличности опредѣленныхъ условій налоговая система *необходимо* превращается въ подоходную. Факты быстраго и широкаго распространенія подоходнаго налога въ рядѣ странъ служитъ для автора основаніемъ поставить вопросъ о причинахъ этого явленія; и онъ ищетъ этихъ причинъ въ экономическихъ факторахъ, характеризующихъ современный строй народнаго хозяйства. Исходя отъ этихъ факторовъ, онъ опредѣляетъ вліяніе, которое каждый изъ нихъ оказываетъ на финансовую систему, и стремится показать, что совокупность этихъ вліяній необходимо приводитъ къ подоходному обложенію. Такимъ образомъ, изслѣдуется процессъ развитія подоходнаго налога и въ результатѣ получается теорія его эволюціи.

Идея развитія финансовыхъ системъ подъ вліяніемъ экономическихъ факторовъ уже высказывалась въ литературѣ.

Поэтому г. Озерову надлежало прежде всего остановиться на характеристикѣ тѣхъ попытокъ, которыя дѣлались раньше въ этомъ направленіи. Литературно-критическимъ очеркомъ, посвященнымъ этому предмету, и открывается его изслѣдованіе. Въ ряду писателей, являющихся предшественниками автора, первое и самое почетное мѣсто безспорно принадлежитъ Родбертусу. Съ него г. Озеровъ и начинаетъ свой очеркъ. Родбертусъ высказалъ мысль о томъ, что финансовая система является лишь отраженіемъ народнохозяйственнаго строя: онъ же установилъ и законъ дифференціаци системы обложенія въ зависимости отъ качественной дифференціаци народнаго дохода. Установленіе этихъ положеній вмѣняется авторомъ Родбертусу въ огромную заслугу; тѣмъ не менѣе онъ полагаетъ, что мысли этого писателя по вопросу о развитіи финансовыхъ системъ представляютъ только геніальную догадку, которая въ концѣ-концовъ не идетъ дальше абстрактнаго положенія, что „налоговая система есть рефлексъ экономическихъ и общественныхъ отношеній страны“. Другіе изслѣдователи, по мнѣнію г. Озерова, или отмѣчали только отдѣльные факты, вліявшіе на эволюцію финансовыхъ системъ, но не изслѣдовали процесса эволюціи въ цѣломъ; или же исходили отъ того или другого единичнаго фактора и поэтому дѣлали выводы односторонніе и натянутые, а иногда и невѣрные. Однимъ изъ наиболѣе видныхъ представителей этой группы писателей является извѣстный итальянскій экономистъ Лоріа. Въ своемъ сочиненіи

La teoria economica della constituzione politica" (1886) онъ исходитъ отъ фактора классовыхъ интересовъ, отмѣчая такимъ образомъ дѣйствительно одну изъ важнѣйшихъ причинъ развитія финансовыхъ системъ. Но, пытаясь объяснить самый процессъ развитія, онъ не подвергаетъ анализу интересы разныхъ экономическихъ группъ, объясняя введеніе подоходнаго налога исключительно стремленіями и выгодами однихъ капиталистическихъ классовъ. По теоріи Лоріа, пока возможно облагать рабочій классъ, налоги лежатъ на немъ; но когда такой порядокъ становится невозможнымъ, вслѣдствіе пониженіи заработной платы до минимума, капиталисты волей-неволей вынуждаются къ самообложенію. Насколько такое объясненіе одностороннe, можно убѣдиться при сколько-нибудь внимательномъ ознакомленіи съ дѣйствительностью. Исторія показываетъ, что истощеніе народныхъ средствъ дѣйствительно заставляло иногда богатые классы брать на себя налоговое бремя. Но, съ другой стороны, не трудно указать періоды, когда заработная плата держалась на высокомъ уровнѣ, положеніе рабочаго класса было удовлетворительно, а между тѣмъ вводится обложеніе дохода въ формѣ общеподоходнаго налога или налога на капиталъ. Такое противорѣчіе между дѣйствительностью и теоретическими положеніями Лоріа ясно указываетъ, что обобщенія этого писателя построены на слишкомъ ограниченномъ кругѣ явленій и поэтому не охватываютъ жизни во всемъ разнообразіи ея формъ. Нельзя, напримѣръ, не согласиться съ замѣчаніемъ другого итальянскаго экономиста Лабріолы, что въ ученіи Лоріа рабочій классъ оказывается совершенно пассивнымъ элементомъ, лишеннымъ всякой способности къ сопротивленію и активному вмѣшательству. Столь-же натянуты и односторонни и другія положенія Лоріа, напримѣръ, — что капиталисты вводятъ прогрессивный подоходный налогъ, чтобы предупредить слишкомъ быстрое накопленіе капиталовъ и, какъ слѣдствіе этого явленія, подъемъ заработной платы. Съ той же точки зрѣнія классовой борьбы и столь же односторонне, хотя отправляясь отъ другого пункта, обсуждаетъ вопросъ другой италіанскій изслѣдователь Уго-Маццола. Для него эволюція финансовыхъ системъ опредѣляется исключительно развитіемъ рабочаго класса, но онъ совершенно игнорируетъ другіе классы, напримѣръ — аграріевъ, интересы которыхъ, какъ оказывается, совпадаютъ съ стремленіями рабочихъ къ финансовой реформѣ на почвѣ подоходнаго налога.

Въ отличіе отъ перечисленныхъ экономистовъ и нѣкоторыхъ другихъ, о которыхъ говоритъ г. Озеровъ, самъ онъ находитъ единственно правильной такую постановку изслѣдованія, при которой выяснялось бы значеніе всѣхъ факторовъ экономическаго строя, вліяющихъ на эволюцію финансовыхъ системъ и въ частности ведущихъ къ появленію и развитію подоходнаго обло-

женія. Одна группа этихъ факторовъ относится къ сферѣ финансовой техники, которая неизбѣжно измѣняется подъ давленіемъ причинъ, связанныхъ съ экономической эволюціей; другая группа—къ области классовыхъ интересовъ и классовой борьбы. Въ Германіи подоходное обложеніе развилось какъ слѣдствіе воздѣйствія экономическихъ и соціальныхъ факторовъ на двѣ различныя финансовыя системы: прямыхъ объективныхъ налоговъ и классныхъ. Главнѣйшее содержаніе книги г. Озерова и заключается въ томъ, что онъ слѣдитъ за процессомъ эволюціи въ той и другой формѣ.

Характерной чертой системы прямыхъ объективныхъ налоговъ служитъ то, что она отдѣляетъ вполнѣ объектъ обложенія отъ личныхъ отношеній плательщика, съ котораго взимается налогъ. Послѣдній опредѣляется по масштабу средняго возможнаго дохода (Ertrag), который можетъ быть полученъ каждымъ хозяйствующимъ субъектомъ при объективныхъ условіяхъ съ какого-либо вещнаго пріобрѣтаемаго источника. Фискъ обращается къ источнику, а не къ лицу, которое является какъ бы въ качествѣ управляющаго капиталомъ. Поэтому при системѣ объективныхъ налоговъ, по самой ея сущности, не могутъ быть принимаемы во вниманіе вліяніе индивидуальныхъ свойствъ хозяйствующаго субъекта, общее имущественное положеніе облагаемаго лица и, наконецъ, обремененіе долгами имущества, доходъ съ котораго служитъ объектомъ обложенія. Эти моменты, играющіе видную роль при существующихъ условіяхъ хозяйственной жизни, не имѣли опредѣляющаго значенія въ ту эпоху, когда введена была система прямыхъ объективныхъ налоговъ. Экономическая дѣятельность протекала тогда при обстановкѣ гораздо болѣе устойчивой, чѣмъ нынѣшняя: сбытъ продуктовъ труда былъ ограниченный, но за-то постоянный и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи; а медленное развитіе техники и несовершенство средствъ общенія между людьми гарантировали отъ внезапныхъ и крупныхъ измѣненій въ характерѣ и направленіи хозяйственныхъ операцій. При такомъ порядкѣ средній доходъ, разъ вычисленный, довольно близко подходилъ къ дѣйствительному въ отдѣльныхъ конкретныхъ случаяхъ, и это соотвѣтствіе могло держаться въ теченіе продолжительнаго времени. Подобнымъ условіямъ вполнѣ отвѣчала система прямыхъ объективныхъ налоговъ, но она потеряла почву подъ ногами, когда условія хозяйственной дѣятельности измѣнились, когда свобода конкурренціи и расширеніе рынковъ сбыта расшатали старые устои хозяйства и открыли широкое поле для проявленія индивидуальности въ борьбѣ за экономическое преуспѣваніе, когда гигантскій прогрессъ знаній, техники и общенія не только между отдаленными мѣстностями отдѣльныхъ странъ, но и между далекими частями земнаго шара ускорилъ до чрезвычайныхъ размѣровъ темпъ экономической жизни; когда, наконецъ, колоссальный ростъ

задолженности землевладѣнія превратилъ цифру объективнаго дохода въ фикцію, ничего не говорящую о матеріальномъ положеніи владѣльца облагаемаго имущества.

Новыя условія хозяйственнаго быта не могли не отразиться на финансовой системѣ, возникшей и разросшейся на иной почвѣ. И дѣйствительно, по мѣрѣ того, какъ подвигалась впередъ экономическая эволюція, преобразовывавшая хозяйственный строй, все больше и больше проникали въ старую финансовую систему прямыхъ объективныхъ налоговъ новые элементы, служившіе отраженіемъ новыхъ факторовъ экономической жизни. Изобразить этотъ процессъ, показать, какъ въ устарѣлый организмъ объективнаго обложенія просачивались свѣжіе соки,—это ближайшій предметъ изслѣдованія, предпринятаго авторомъ; ближайшій, но не главный. Недостаточно было показать, что подъ вліяніемъ новыхъ факторовъ экономическаго строя въ прежнюю ткань вплетались новыя нити. Нужно было выяснить, почему эти нити не могли поддержать старой основы и какимъ образомъ вся система прямыхъ объективныхъ налоговъ должна была преобразоваться въ новую подоходную систему. Центральная часть изслѣдованія посвящена раскрытію факторовъ, подъ дѣйствіемъ которыхъ совершилась эта перемѣна; доказать необходимость и неизбѣжность ея составляетъ основную задачу автора.

Въ ряду факторовъ современнаго экономическаго строя, ведущихъ къ подоходному обложенію, нужно прежде всего отмѣтить поземельную задолженность. Приведя данныя о гипотечныхъ долгахъ въ Пруссіи за періодъ отъ 1886/87 до 1894/95 гг., авторъ указываетъ на важное значеніе этого факта для измѣренія дохода. Въ самомъ дѣлѣ, прежде достаточно было опредѣлить доходъ отъ даннаго участка земли, чтобы знать, какъ великъ доходъ лица, владѣющаго этимъ участкомъ; при этомъ въ большинствѣ случаевъ опредѣлялся и общій доходъ даннаго субъекта обложенія, потому что дѣленію имуществъ на движимыя и недвижимыя отвѣчало довольно близко и раздѣленіе общества на классы; землевладѣлецъ рѣдко бывалъ въ то же время и капиталистомъ-предпринимателемъ, и наоборотъ. Совсѣмъ иное существуетъ въ настоящее время. Указанное раздѣленіе на классы весьма осложнилось, а при сильномъ развитіи задолженности доходъ отъ земли распредѣляется въ очень различныхъ отношеніяхъ между землевладѣльцемъ и кредиторомъ.. Между тѣмъ при старой системѣ объективныхъ налоговъ поземельный налогъ, безъ всякаго вниманія къ этому обстоятельству, облагаетъ собственника земли, какъ будто онъ владѣлецъ всего дохода. Послѣдствіемъ такой системы неизбѣжно является крайняя неравномѣрность обложенія, и насколько эта неравномѣрность велика, можно судить, напр., по статистическимъ даннымъ объ отношеніи долговъ къ кадастровому доходу въ Пруссіи: въ однихъ округахъ это отношеніе со-

ставляетъ 60—65%, а въ другихъ—22%. При такомъ положенiи, какiе бы кадастры ни составлялись, принципъ равномѣрнаго обложенiя не можетъ быть осуществленъ, если не принимаются въ соображенiе долги. Поэтому система прямыхъ объективныхъ налоговъ въ своей чистой формѣ оказывается невыгодной для задолженнаго землевладѣнiя; и отъ представителей послѣдняго исходятъ жалобы на несправедливость этой системы и вмѣстѣ съ тѣмъ требованiя ея реформы. Введенiе налоговъ на капиталъ дало новый толчекъ для агитацiи противъ системы прямого объективнаго обложенiя, такъ какъ при существованiи этихъ налоговъ получалось двойное обложенiе: собственникъ платилъ за землю, а кредиторъ—за выданную ссуду.

Неравномѣрность обложенiя, связанная съ этой системой, вызвала агитацiю въ пользу вычета долговъ при оцѣнкѣ облагаемаго имущества; и дѣйствительно, въ отвѣтъ на эту агитацiю, законодательства разныхъ странъ начинаютъ вводить вычетъ долговъ въ отдѣльныхъ элементахъ прямыхъ объективныхъ налоговъ и прежде всего въ новомъ элементѣ—налогѣ на капиталъ. При этомъ въ нѣкоторыхъ системахъ производится вычетъ не только тѣхъ долговъ, которые относятся къ этому отдѣлу доходовъ, но и къ другимъ. Такимъ образомъ налогъ на капиталъ играетъ какъ-бы роль корректива для всей системы. Вычетъ долговъ допускался также и въ поземельномъ налогѣ, напримѣръ въ ганзейскихъ городахъ. Для достиженiя той же цѣли приспособленiя объективныхъ налоговъ къ новымъ условiямъ примѣнялись также и другiе прiемы. Такъ, напримѣръ, къ кантонѣ Люцернъ при обложенiи земли, во вниманiе къ задолженности землевладѣнiя, вычитается 4/5 ея цѣны. Гофманъ для упрощенiя всей операцiи вычета долговъ предлагалъ установить нормальный процентъ пониженiя налога; другiе же думаютъ достичь той же цѣли путемъ извѣстныхъ среднихъ скидокъ съ налога въ зависимости отъ степени задолженности.

Вопросъ, который естественно возникаетъ при обозрѣнiи изложенныхъ попытокъ, заключается въ томъ, возможно ли реформировать систему прямыхъ объективныхъ налоговъ такъ, чтобы указанный моментъ былъ принятъ въ соображенiе и вычетъ долговъ проведенъ должнымъ образомъ. Отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ вытекаетъ изъ основной идеи автора, проходящей черезъ всю его книгу. Онъ основываетъ свою точку зрѣнiя на слѣдующемъ интересномъ соображенiи. Система прямого реальнаго обложенiя характеризуется тѣмъ, что при ней налогу подвергается не дѣйствительный доходъ, а среднiй, который субъектъ при обычныхъ условiяхъ можетъ получить отъ даннаго источника, и при этомъ размѣръ дохода опредѣляется на основанiи внѣшнихъ признаковъ (въ торговлѣ и промышленности, напримѣръ, на основанiи количества рабочихъ, орудiй труда, ма-

шинъ и т. д.). Мало того, при кадастрѣ—поземельномъ и промысловомъ—часто не задаются цѣлью найти дѣйствительную, абсолютную величину даже этого средняго нормальнаго дохода, а довольствуются его относительной величиной, т. е. такими фиктивными цифрами, которыя, не давая фиску представленія о дѣйствительномъ размѣрѣ дохода тѣхъ или другихъ плательщиковъ, показываютъ лишь отношеніе, въ которомъ стоятъ другъ къ другу доходы разныхъ лицъ, слѣдовательно даютъ лишь масштабъ для раскладки налога между этими лицами. Если кадастръ даетъ въ лучшемъ случаѣ лишь средній нормальный доходъ плательщика,—часто кадастральная цифра служитъ лишь для выраженія отношенія, въ какомъ слѣдуетъ привлечь разныхъ плательщиковъ,—то спрашивается, какимъ образомъ изъ этихъ не-реальныхъ цифръ вычитать долги, представляющіе цифры вполнѣ реальныя. При фиктивномъ значеніи кадастровыхъ данныхъ и устарѣлости матеріаловъ, на основаніи которыхъ нерѣдко составляются кадастры, цифра вычисленнаго дохода легко можетъ оказаться ниже цифры долга, и такимъ образомъ фискъ можетъ очутиться безъ объекта обложенія. Вотъ почему вычетъ процентовъ, платимыхъ по долгамъ, не могъ быть примѣненъ къ источникамъ, оцѣниваемымъ по кадастрамъ. Онъ былъ пріуроченъ къ доходу на капиталъ, и объясненіе этого факта лежитъ въ томъ, что для опредѣленія дохода отъ капитала пришлось примѣнить декларацію и, при ея помощи, опредѣлять не средній, нормальный доходъ и не фиктивную цифру, годную только для податныхъ цѣлей, а дѣйствительный доходъ; а если доходъ отъ капитала, опредѣленный деклараціей, имѣетъ реальную величину, то отсюда понятно, что эта цифра и цифра процентовъ, уплачиваемыхъ по долгамъ плательщикомъ,—величины соизмѣримыя. Этимъ и объясняется, что съ развитіемъ кредитнаго хозяйства вычетъ долговъ, при системѣ прямого реальнаго обложенія, пытались пріурочивать къ налогу на капиталъ. Но отрицательная сторона такой системы заключается въ томъ, что ею можетъ воспользоваться только тотъ, кто владѣетъ капиталомъ. Неудобство такого порядка очевидно, и поэтому проведеніе въ сколько-нибудь удовлетворительномъ видѣ вычета долговъ предъявляетъ требованіе къ реорганизаціи системы прямого реальнаго обложенія въ направленіи подоходнаго.

Въ томъ же направленіи дѣйствуютъ и другія причины. Поземельный кадастръ, который служитъ для оцѣнки поземельнаго дохода, оказывается орудіемъ совершенно непригоднымъ при быстромъ темпѣ современной хозяйственной жизни. Примѣромъ можетъ служить французскій кадастръ, при которомъ за 28-милѣтній періодъ (отъ 1851 до 1879 г.) тяжесть поземельнаго налога, основаннаго по кадастральной оцѣнкѣ, понизилась для однихъ владѣній на $^1/_3$, а для другихъ въ 3 раза. Поэтому въ

странахъ, экономически развитыхъ, напр. въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ, не существуетъ кадастра; слѣдовательно не существуетъ и основанія для одного изъ главныхъ членовъ прямого объективнаго обложенія—поземельнаго налога.

Точно также патентная система промыслового обложенія оказывается не приспособленной къ условіямъ быстраго развитія промышленности. Въ погонѣ за этими условіями дифференцируютъ ставки тарифа, увеличиваютъ число внѣшнихъ признаковъ, дѣлятъ мѣстности страны на классы и т. д., и тѣмъ не менѣе система промыслового обложенія оказывается недостаточно детальной, такъ что нельзя не признать справедливымъ замѣчанія Жореса, сдѣланнаго въ палатѣ депутатовъ 1896 г., что „идеалъ патента, это—создать столько классовъ и подклассовъ, сколько индустріальныхъ и коммерческихъ индивидуальностей“. Идеалъ, очевидно, недостижимый.

Наконецъ, авторъ указываетъ еще двѣ причины, ведущія, по его мнѣнію, къ замѣнѣ реальнаго обложенія подоходнымъ. Первой изъ нихъ служитъ коньюнктура—постоянныя колебанія цѣны имущества и его доходности вслѣдствіе причинъ, которыя не зависятъ отъ воли хозяйствующаго субъекта и которыхъ онъ не можетъ даже предусмотрѣть. Коньюнктура—необходимая черта существующаго экономическаго строя, и чѣмъ болѣе развиваются начала капиталистической организаціи хозяйства, тѣмъ значительнѣе роль коньюнктуры. На этомъ фактѣ построилъ свою теорію Л. Штейнъ, доказывающій вполнѣ справедливо, что одинъ только подоходный налогъ можетъ учесть вліяніе такого постояннаго, вѣчно колеблющагося, неподдающагося никакимъ рамкамъ фактора, какимъ является въ современномъ хозяйствѣ коньюнктура. Прямые объективные налоги неспособны обнаружить необходимую для этого эластичность. Это же свойство реальнаго обложенія проявляется и въ другомъ отношеніи. Увеличеніе государственныхъ доходовъ при этой системѣ происходитъ лишь очень медленно по мѣрѣ умноженія источниковъ обложенія; если же требуется повысить ставки налоговъ, то возникаютъ серьезныя неудобства и даже непреодолимыя затрудненія. При системѣ прямыхъ объективныхъ налоговъ не существуетъ однообразнаго измѣренія доходовъ и невозможно рѣшить, въ какой степени обложенъ тотъ или другой классъ, слѣдовательно насколько можно повысить налоговое бремя, падающее на доходъ той или другой категоріи, не нарушая равномѣрности обложенія.

Таковы важнѣйшія изъ факторовъ нынѣшняго экономическаго строя, дѣлающіе непригодной самую технику прямыхъ объективныхъ налоговъ, ведущіе къ проникновенію въ эту систему новыхъ элементовъ субъективнаго характера и, наконенъ, разлагающіе ее для того, чтобы дать мѣсто новому принципу подоходнаго обложенія.

Внутреннее несоотвѣтствіе между системой реальнаго обложенія и новыми условіями хозяйственной дѣятельности, переросшими старыя рамки, приводитъ въ дѣйствіе сложный механизмъ классовыхъ интересовъ, затрогиваемыхъ и возбуждаемыхъ изложеннымъ выше процессомъ. Прежняя система обложенія оказывается невыгодной для нѣкоторыхъ классовъ и группъ, которые выступаютъ въ пользу подоходнаго налога; и такимъ образомъ на сторонѣ финансовой реформы оказываются живыя соціальныя силы. Въ этой роли являются рабочая партія и аграріи. Первая стремится свалить съ себя тяжесть косвеннаго обложенія и замѣнить косвенные налоги подоходнымъ. Аграріямъ же выгодно добиться вычета долговъ. Такимъ образомъ эти двѣ группы, стоящія на разныхъ полюсахъ соціальной организаціи, становятся союзницами и борются противъ устарѣлой системы прямого объективнаго обложенія. Кромѣ того, и государство заинтересовано въ томъ, чтобы получить въ видѣ подоходнаго налога достаточно эластичный источникъ, изъ котораго можно было бы черпать необходимыя средства для питанія бюджета, не внося путаницы въ установившіяся отношенія и не вызывая оппозиціи классовъ и группъ, терпящихъ при повышеніи прямыхъ объективныхъ налоговъ отъ неравномѣрнаго усиленія налогового бремени. Наконецъ, нельзя не упомянуть еще одного обстоятельства. Политика, направленная къ поддержанію среднихъ классовъ, какъ оплота противъ крайнихъ элементовъ, т. н. Mittelstandspolitik, также благопріятна агитаціи въ пользу подоходнаго налога, такъ какъ подоходное обложеніе даетъ возможность облегчать тяжесть налоговъ для малоимущихъ и этимъ путемъ поддерживать мелкихъ промышленниковъ, ремесленниковъ и сельскихъ хозяевъ въ противодѣйствіи завоевательнымъ стремленіямъ крупнаго капитала.

Установивъ основныя положенія своей теоріи, авторъ стремится подкрѣпить ее обзоромъ дѣйствующихъ системъ реальнаго обложенія въ разныхъ государствахъ Германіи. Эта часть книги состоитъ изъ ряда монографическихъ органовъ, посвященныхъ Баваріи, Бадену, Вюртембергу, Ангальту и Саксенъ-Веймару. Читатель можетъ убѣдиться на фактахъ дѣйствительности, что съ развитіемъ названныхъ странъ въ экономическомъ отношеніи все сильнѣе обнаруживается въ нихъ несоотвѣтствіе прямыхъ объективныхъ налоговъ новымъ условіямъ жизни и все болѣе и болѣе подготовляется почва для подоходнаго обложенія. Во всѣхъ этихъ странахъ наблюдается на разныхъ стадіяхъ одинъ и тотъ же процессъ—приспособленія старой финансовой системы къ измѣнившимся чертамъ экономическаго строя и постепеннаго ея разложенія вслѣдствіе введенія въ нее новыхъ элементовъ, противорѣчащихъ ея принципамъ и составляющихъ зачатки, изъ которыхъ слагается подоходный налогъ.

Тотъ же порядокъ идей, который охарактеризованъ выше на первой и главнѣйшей части сочиненія г. Озерова, опредѣляетъ и дальнѣйшіе отдѣлы его изслѣдованія.

Въ главѣ IV авторъ стремится показать, что факторы, разлагающіе систему прямыхъ объективныхъ налоговъ, оказываютъ такое же дѣйствіе и на классные налоги. Для обоснованія этой мысли служитъ исторія подоходнаго налога въ Пруссіи. Введенный въ 1820 году классный налогъ содержалъ уже въ себѣ подоходный элементъ: но онъ проведенъ былъ слишкомъ грубо, и могъ отвѣчать условіямъ только слабо дифференцированнаго общества съ довольно неподвижнымъ и рутиннымъ складомъ хозяйственной дѣятельности. Все населеніе дѣлилось для цѣлей обложенія на пять классовъ (рабочіе и прислуга, мелкіе горожане и т. д.), и для каждаго класса были опредѣлены размѣры налога. Само собой понятно, что при такой системѣ истинная налогоспособность опредѣлялась въ высшей степени несовершенно; и вся дальнѣйшая исторія класснаго налога въ Пруссіи, завершившаяся замѣной его въ 1891 г. подоходнымъ налогомъ, представляетъ рядъ послѣдовательныхъ попытокъ улучшить систему обложенія по классамъ, чтобы сдѣлать ее способной ближе охватить дѣйствительный доходъ облагаемаго субъекта. Съ этой цѣлью, съ одной стороны, увеличивается число классовъ, а съ другой—лица, не принадлежащія ни къ какому хозяйству, т. е. одиночки, освобождаются отъ половины налога, въ предположеніи, что эти лица принадлежатъ къ категоріи мало обезпеченныхъ,—предположеніи, которое, конечно, далеко не всегда отвѣчало дѣйствительности. Тѣмъ не менѣе, съ развитіемъ экономической жизни, обложеніе по классамъ оказалось уже настолько неудовлетворительнымъ, что въ 1851 году пришлось ограничить сферу его приложенія доходами ниже 1,000 талеровъ, а для доходовъ выше этой цифры ввести такъ называемый классифицированный подоходный налогъ, основанный на оцѣнкѣ доходовъ особыми коммиссіями. Но экономическое развитіе шло впередъ и жизнь не могла довольствоваться тѣми неопредѣленными рамками, по какимъ происходило обложеніе по закону 1851 г. Разница между гражданами очерчивалась рѣзче и рѣзче, и законъ 1873 г., отвѣчая измѣнившимся условіямъ жизни, ввелъ въ систему класснаго обложенія новые элементы. Классный налогъ сохранилъ свой характеръ, но впервые классамъ, которыхъ установлено было 12, дано было цифровое выраженіе, т. е. плательщики заносились въ классы по размѣрамъ ихъ дохода (отъ 140 до 220 тал.—I кл., отъ 220 до 330—II кл. и т. д.). Вмѣстѣ съ тѣмъ впервые постановлено было, что лица, доходъ которыхъ былъ ниже извѣстной цифры (140 тал.), освобождались отъ налога. Этимъ постановленіемъ въ прусскую систему введенъ былъ Existenzminimum современнаго типа вмѣсто слишкомъ грубыхъ

рамокъ, принятыхъ закономъ 1851 г., освобождавшимъ отъ налога въ зависимости отъ возраста, служебнаго и общественнаго положенія плательщиковъ. Послѣ того, какъ закономъ 26-го марта 1883 г. Existenzminimum былъ повышенъ до 900 марокъ, на очередь выступаетъ важнѣйшій вопросъ о введеніи деклараціи. Опытъ указывалъ съ постоянно возраставшей убѣдительностью, что дѣятельность оцѣночныхъ коммиссій, опредѣлявшихъ доходъ, который подлежалъ обложенію, отличалась вопіющими неправильностями и что введеніе деклараціи необходимо было для того, чтобы достигнуть справедливаго и равномѣрнаго обложенія. Убѣжденіе въ необходимости этой реформы проникло въ заинтересованные круги и получило выраженіе и въ текущей литературѣ, и въ цѣломъ рядѣ проектовъ, направленныхъ къ этой цѣли. Наконецъ, необходимость деклараціи была подчеркнута извѣстнымъ бохунскимъ процессомъ, разоблачившимъ крайнее несовершенство оцѣнокъ, производившихся коммиссіями; общественное мнѣніе было на сторонѣ этой реформы; ландтагъ же еще въ 1883—4 г. высказался въ пользу ея введенія. Изложенный въ общихъ чертахъ процессъ постепеннаго реформированія прусскаго класснаго налога завершился въ 1891 г., когда классный и классифицированный налоги были слиты въ одинъ подоходный.

Я не буду останавливаться на подробной характеристикѣ дѣйствующаго въ Пруссіи законодательства о подоходномъ налогѣ и результатахъ, полученныхъ отъ введенія послѣдняго. Хотя эта часть сочиненія и представляетъ значительный интересъ, тѣмъ не менѣе она носитъ по преимуществу фактическій характеръ, больше иллюстрируя основную идею автора, чѣмъ развивая ее.

Главой о прусскомъ подоходномъ налогѣ заканчивается обоснованіе главной идеи, проведенной г. Озеровымъ въ разсматриваемомъ сочиненіи. Слѣдующая V глава имѣетъ цѣлью дополнить предшествующее изложеніе болѣе спеціальнымъ разъясненіемъ процесса эволюціи и условій примѣненія деклараціи доходовъ для цѣлей подоходнаго обложенія. Резюмируя и развивая то, что было высказано уже въ первыхъ главахъ, авторъ показываетъ, что декларація не составляетъ необходимой принадлежности подоходнаго налога, но что роль и значеніе ея расширяются подъ вліяніемъ тѣхъ же факторовъ, которые ведутъ къ распространенію подоходнаго обложенія. Декларація—единственно пригодный способъ для опредѣленія дохода; но примѣненіе его обусловлено извѣстнымъ экономическимъ развитіемъ страны и прежде всего распространеніемъ мѣнового хозяйства, при которомъ только и заводится въ частныхъ хозяйствахъ правильная отчетность, дающая возможность сознательно опредѣлять доходъ. Такимъ образомъ, капиталистическій строй создаетъ и распро-

страняетъ тѣ именно условія, которыя требуются, чтобы объектъ подоходнаго обложенія могъ быть опредѣляемъ съ необходимой точностью.

Наконецъ, въ двухъ заключительныхъ главахъ своего сочиненія г. Озеровъ очерчиваетъ судьбы прямыхъ объективныхъ налоговъ послѣ введенія подоходнаго обложенія, даетъ въ приложеніи къ VI главѣ характеристику австрійской реформы прямого обложенія 1896 г. и подводитъ итоги своего изслѣдованія.

II.

Если поставить вопросъ: въ чемъ же заключаются новизна и оригинальность изслѣдованія, съ которымъ выступилъ г. Озеровъ, то едва-ли не самымъ подходящимъ отвѣтомъ будетъ указаніе на методъ, примѣненный изслѣдователемъ къ изученію подоходнаго налога. Можно указать рядъ сочиненій по тому же предмету, которые должны быть поставлены выше книги г. Озерова и по количеству собраннаго въ нихъ матеріала, и по тщательности его разработки. Основныя идеи автора о развитіи подоходнаго налога на почвѣ реальнаго обложенія даже не представляются новыми. Напр., Вагнеръ въ своихъ сочиненіяхъ по финансамъ не только даетъ громадное количество фактическихъ свѣдѣній, но отмѣчаетъ и важнѣйшіе факторы, воздѣйствующіе на прямые объективные налоги и превращающіе ихъ въ формы подоходнаго обложенія. Въ своихъ воззрѣніяхъ на эволюцію финансовыхъ системъ онъ также исходитъ отъ данныхъ экономическаго строя и неоднократно высказываетъ мысль о неизбѣжномъ переходѣ реальнаго обложенія въ подоходное. При этомъ онъ отмѣчаетъ главнѣйшіе изъ тѣхъ факторовъ развитія, на которыхъ останавливается и г. Озеровъ; таковы между прочимъ индивидуализація и подвижность всѣхъ моментовъ хозяйственной дѣятельности при современномъ строѣ и невычетъ долговъ *). Вагнеръ вскрылъ важнѣйшія силы, воздѣйствующія на реальное обложеніе и ведущія къ его преобразованію на подоходномъ началѣ; и въ виду этого онъ заслуживаетъ, конечно, больше вниманія, чѣмъ ему удѣляетъ г. Озеровъ, въ характеристикѣ котораго (стр. 16) значеніе Вагнера, какъ теоретика финансоваго права, совершенно блѣднѣетъ.

Г. Озеровъ, несомнѣнно, прибавилъ не мало интереснаго къ тѣмъ фактамъ и мыслямъ, которые были изложены и высказаны его предшественниками; но главное значеніе его книги заключается не въ этомъ. Изслѣдованіе г. Озерова интересно главнымъ образомъ какъ попытка поставить вопросъ о подоходномъ

*) Ad. Wagner. Finanzwissensch. II. 1890, стр. 536 и слѣд. См. также въ Schönbergs Handbuch, III, стр. 260, 275, 318 и его же Die deutsche Besteuerung des XIX Jahrh.

налогѣ на теоретическую почву, т. е. выяснить комплексъ условій или причинъ, при наличности которыхъ подоходный налогъ долженъ возникнуть какъ необходимое слѣдствіе. Вагнеръ намѣчаетъ отдѣльные факторы, ведущіе къ подоходному обложенію; но онъ не изслѣдуетъ самого процесса развитія. Г. Озеровъ именно это и дѣлаетъ. Онъ показываетъ, какимъ образомъ и подъ давленіемъ какихъ силъ совершается эволюція реальнаго и класснаго обложенія въ подоходное. Но не въ этомъ еще заключается, по нашему мнѣнію, главное научное значеніе книги г. Озерова. Если бы онъ ограничился описаніемъ того, какъ и подъ давленіемъ какихъ силъ происходило въ германскихъ государствахъ превращеніе реальнаго обложенія въ подоходное, онъ только дополнилъ бы и развилъ Вагнера, но не далъ бы ничего самостоятельнаго. Въ дѣйствительности это, однако, не такъ. Вагнеръ ведетъ свое изслѣдованіе исключительно индуктивнымъ путемъ и, въ концѣ концовъ, даетъ только сводку разработаннаго матеріала. Читатель узнаетъ, что въ рядѣ странъ реальное обложеніе превратилось въ подоходное, и что это превращеніе происходило при наличности опредѣленныхъ условій, связанныхъ съ основными чертами экономическаго строя. Оставаясь, однако, на строго научной почвѣ, мы не имѣемъ еще права заключить изъ положеній, установленныхъ такимъ путемъ, что подоходный налогъ явился результатомъ именно экономическихъ условій: рядомъ съ экономическими причинами могли дѣйствовать и другія, напр., политическія, которыя, можетъ быть, и привели къ подоходному обложенію. Для того, чтобы выяснить значеніе экономическихъ факторовъ, нужно изслѣдовать сначала вліяніе, которое каждый изъ нихъ, будучи изолированъ, долженъ оказывать на финансовую систему, и затѣмъ опредѣлить вліяніе этихъ факторовъ въ ихъ совокупности. Только дедуктивное изслѣдованіе можетъ привести къ теоретическому выводу, т. е. къ строго научному убѣжденію, что наличность данныхъ условій, при отсутствіи причинъ, парализующихъ или видоизмѣняющихъ ихъ дѣйствіе, должна привести къ подоходному обложенію. Получить такое убѣжденіе, значитъ познать законъ, управляющій явленіемъ; и главный интересъ сочиненія г. Озерова заключается въ томъ, что онъ стремится открыть законъ эволюціи подоходнаго налога изъ другихъ финансовыхъ системъ.

Одно дѣло избрать правильный методъ изслѣдованія; другое— должнымъ образомъ примѣнить его. Съ послѣдней точки зрѣнія сочиненіе г. Озерова страдаетъ существенными недостатками. Многое въ его сочиненіи какъ бы не додѣлано, не приведено въ порядокъ, недостаточно развито и невполнѣ доказано; и эти недостатки самого содержанія книги значительно усиливаются крайне отрывочнымъ и, если можно такъ выразиться, не-

ряшливымъ изложеніемъ. Мы постараемся показать сказанное на нѣсколькихъ примѣрахъ,

Необходимымъ условіемъ правильнаго примѣненія дедукціи служитъ, какъ извѣстно, провѣрка выводовъ, полученныхъ этимъ путемъ, при помощи сопоставленія ихъ съ дѣйствительностью. Если посылки установлены правильно и выводы сдѣланы вѣрно, то уклоненіе послѣднихъ отъ жизни можетъ только свидѣтельствовать о томъ, что при разсужденіи не приняты во вниманіе одинъ или нѣсколько факторовъ, вліяющихъ на изслѣдуемое явленіе въ его реальной обстановкѣ. Г. Озеровъ не провелъ съ необходимой тщательностью этой второй, провѣрочной стадіи своего изслѣдованія.

Установивъ свои общія теоретическія положенія, выведенныя изъ анализа факторовъ экономическаго строя, г. Озеровъ даетъ нѣсколько монографій о прямыхъ реальныхъ налогахъ въ отдѣльныхъ германскихъ государствахъ: въ Баваріи, Баденѣ, Вюртембергѣ, Ангальтѣ и Саксенъ-Веймарѣ. Цѣль этихъ монографическихъ очерковъ, очевидно, заключается въ томъ, что они должны на фактахъ подтвердить теоретическіе выводы автора. Посмотримъ, насколько эти ожиданія читателя оправдываются. Остановимся для примѣра на Баваріи.

Первое условіе провѣрки теоретическихъ выводовъ путемъ сопоставленія ихъ съ дѣйствительностью заключается въ полнотѣ изображенія послѣдней. Между тѣмъ именно въ этомъ отношеніи очеркъ, посвященный въ книгѣ г. Озерова Баваріи, далеко не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ. Все изложеніе ведется въ такомъ смыслѣ, что теченіе событій въ области финансоваго устройства Баваріи происходитъ въ направленіи благопріятномъ подоходному обложенію. Въ дѣйствительности-же, наоборотъ, исторія баварскихъ финансовъ констатируетъ рядъ неудачъ, систематически постигавшихъ попытки ввести въ Баваріи подоходный налогъ. Правда, въ 1848 г. подоходный налогъ былъ введенъ въ Баваріи, но онъ просуществовалъ всего нѣсколько лѣтъ и въ 1855 г. былъ отмѣненъ. Затѣмъ въ послѣднія 30 лѣтъ выдвигается рядъ проектовъ подоходнаго обложенія, но ни одинъ изъ нихъ не осуществляется. Въ 1871 г. нѣсколько свободомыслящихъ депутатовъ баварскаго ландтага продложили ввести „единый прямой налогъ на доходъ“ съ умѣренно возрастающей прогрессіей обложенія. Проектъ былъ отвергнутъ большинствомъ 68 голосовъ противъ 57; и весьма любопытно, что меньшинство, поддерживавшее идею подоходнаго обложенія, состояло исключительно изъ членовъ либеральной партіи, т. е. представителей движимаго капитала. Въ концѣ 70-хъ годовъ въ виду дефицита, обнаружившагося въ баварскомъ бюджетѣ, правительство внесло въ ландтагъ проектъ всеобщаго подоходнаго налога, какъ дополнительнаго, съ тѣмъ, что эта реформа должна

была послужить переходомъ къ единому подоходному налогу. Парламентъ высказался противъ этого проекта, и дѣло ограничилось пересмотромъ системы прямыхъ налоговъ, приведшимъ къ изданію закона 1881 г. 10 октября 1893 года соціалъ-демократы, въ отвѣтъ на предложенія внесенныя центромъ и крестьянскимъ союзомъ, выступили съ проектомъ единаго прогрессивнаго налога, который долженъ былъ замѣстить всѣ прежніе налоги. Тогда націоналъ-либералы и правительство рѣшили опять выдвинуть проектъ 1881 года. Послѣдній, однако, и на этотъ разъ потерпѣлъ неудачу; и послѣ этого внесены были законопроекты о реформѣ прямыхъ налоговъ, получившіе силу закона 9 іюня 1899 года.

При обзорѣ приведенныхъ фактовъ естественно возникаетъ вопросъ: какія причины препятствовали введенію въ Баваріи подоходнаго налога? Г. Озеровъ этого вопроса совершенно не касается, между тѣмъ разъясненіе его могло бы существенно дополнить и развить его главные выводы.

Изъ перечисленныхъ попытокъ ввести въ Баваріи подоходный налогъ г. Озеровъ упоминаетъ только о двухъ: о законѣ 1848 г. и проектѣ 1893 года. Умолчаніе о другихъ проектахъ того же рода измѣняетъ картину развитія финансовыхъ системъ въ Баваріи; но даже тѣ два случая, о которыхъ упоминаетъ г. Озеровъ, не получаютъ у него должнаго разъясненія. Неудача закона 1848 г. приводится въ связь съ такими обстоятельствами, которымъ во всякомъ случаѣ нельзя приписать значенія главныхъ причинъ. Объяснять эту неудачу отсутствіемъ въ законѣ указаній относительно способовъ вычисленія чистаго дохода, или тѣмъ, что плательщики и даже чиновники финансоваго вѣдомства не имѣли понятія, что такое чистый доходъ, значитъ игнорировать ту именно точку зрѣнія на вопросы финансоваго права, отъ которой исходитъ авторъ разбираемой книги. Что касается проекта 1893 г., то г. Озеровъ отмѣчаетъ весьма важное условіе, неблагопріятно повліявшее на его судьбу; именно, что въ Баваріи пришлось бы на поимущественный налогъ возложить 100—150% общей суммы поступленій отъ подоходнаго обложенія. Но эта мысль остается совершенно неразвитой и для читателя, непосвященнаго въ детали, непонятной.

Не находя отвѣта на вопросъ о причинахъ, препятствовавшихъ введенію подоходнаго налога въ Баваріи, читатель естественно обращается къ общимъ положеніямъ автора и въ нихъ ищетъ ключа къ разрѣшенію загадки. Однако, эта попытка не только не увѣнчивается успѣхомъ, но еще усиливаетъ недоумѣніе читателя. Оказывается, что всѣ условія, выдвигаемыя авторомъ въ качествѣ факторовъ, ведущихъ къ введенію въ странѣ подоходнаго налога, имѣются въ Баваріи на лицо, а между тѣмъ ожидаемый результатъ не наступаетъ.

Г. Озеровъ считаетъ введеніе подоходнаго налога выгоднымъ для интересовъ землевладѣнія, какъ крупнаго, такъ и мелкаго. Онъ развиваетъ и нѣсколько разъ повторяетъ это положеніе, упоминая при этомъ не только о крупныхъ, но также и мелкихъ хозяйствахъ (стр. 97, 101). „Интересы во введеніи подоходнаго обложенія класса мелкаго крестьянскаго населенія“ онъ считаетъ „очевидными“ (стр. 102). Баварія въ этомъ отношеніи въ полной мѣрѣ отвѣчаетъ указанному условію. По даннымъ 1895 г. земледѣльческое населеніе составляло въ ней болѣе 45% общаго числа жителей; что же касается размѣра хозяйствъ, то о немъ можно судить по слѣдующимъ даннымъ: въ Баваріи число хозяйствъ съ площадью выше 100 гект. составляло всего только 0,09%; причемъ на ихъ долю приходилось только 2,56% всей сельскохозяйственной площади. Громадное большинство баварскихъ хозяйствъ не превышало по размѣрамъ 20 гектаровъ.

Другое условіе, благопріятное, повидимому, введенію въ Баваріи подоходнаго налога, заключается въ устарѣломъ кадастрѣ, на основаніи котораго тамъ производится обложеніе земельной собственности.

Наконецъ, нельзя не остановиться еще на одномъ важномъ обстоятельствѣ. Г. Озеровъ считаетъ, что введеніе подоходнаго налога выгодно для средняго сословія и соотвѣтствуетъ цѣлямъ такъ называемой Mittelstandspolitik, давая возможность путемъ проведенія прогрессии и Existenzminimum'а „облегчить существованіе среднихъ классовъ и поддержать ихъ въ борьбѣ съ крупными формами производства“ (стр. 108). Баварія какъ разъ типическая страна средняго сословія. Въ 1895 г. только 109 тыс. человѣкъ баварскаго населенія работало въ предпріятіяхъ, имѣвшихъ болѣе 200 рабочихъ, и почти 420 тыс. занято было въ мелкихъ предпріятіяхъ, въ которыхъ работало въ среднемъ по 2 или 3 человѣка. Мелкій ремесленникъ и крестьянинъ составляютъ въ Баваріи господствующій классъ, который по теоріи г. Озерова заинтересованъ въ проведеніи подоходнаго налога. Выступая въ пользу этой реформы, баварское среднее сословіе встрѣтило-бы поддержку со стороны рабочей партіи, въ программу которой входитъ замѣна реальныхъ налоговъ подоходнымъ.

Въ дѣйствительности положеніе дѣлъ въ Баваріи складывалось совершенно иначе, чѣмъ можно было ожидать, руководствуясь теоретическими положеніями г. Озерова. Среднее сословіе, представленное въ баварскомъ ландтагѣ очень сильной партіей центра, явилось самымъ могущественнымъ противникомъ подоходнаго налога, неизмѣнно разрушая всѣ попытки другихъ партій построить на новомъ началѣ баварскую систему обложенія.

По схемѣ г. Озерова въ проведеніи подоходнаго налога за-

интересованы рабочія партіи, представители земельныхъ интересовъ и среднее сословіе; „лишь интересы движимаго капитала стоятъ въ антагонизмѣ съ этой реформой“ (стр. 84). Въ Баваріи же группировка партій оказалась совершенно иная: за подоходный налогъ стоитъ рабочая партія и представители движимаго капитала (либералы); противъ нея—центръ, представляющій интересы средняго сословія и мелкихъ хозяйствъ, и представители земельныхъ интересовъ (Bauernbund).

Приведенные факты показываютъ во-первыхъ, что монографическій очеркъ г. Озерова даетъ неточное и весьма неполное представленіе о дѣйствительности, и во-вторыхъ, что дѣйствительность, поскольку она обнаруживается на примѣрѣ Баваріи, не подтверждаетъ теоретическихъ выводовъ автора. Изъ этого нельзя заключать, что выводы невѣрны; но безспорно, что въ Баваріи дѣйствуютъ причины, парализующія или видоизмѣняющія тенденцію факторовъ экономическаго строя, благопріятную подоходному налогу. Автору необходимо было изслѣдовать пертурбаціонныя причины, присутствіе которыхъ ясно указывается разнорѣчіемъ между теоріей и жизнью; такое изслѣдованіе открыло бы новыя условія, вліяющія на развитіе финансовыхъ системъ, осложняло и дополнило теоретическую схему автора и приблизило бы ее къ дѣйствительности.

Въ мою задачу не входитъ выясненіе специальныхъ причинъ, вліявшихъ на прямые налоги въ Баваріи; но я нѣсколько остановлюсь на этомъ предметѣ, чтобы показать, какое важное значеніе имѣютъ въ финансовыхъ вопросахъ разныя привходящія, такъ называемыя случайныя условія, и какъ подъ вліяніемъ этихъ условій существенно измѣняются общія схемы, выведенныя дедуктивнымъ путемъ.

Отношеніе баварскаго центра къ финансовой реформѣ опредѣлялось до сихъ поръ тѣмъ обстоятельствомъ, что эта партія, выступая представительницей интересовъ средняго и мелкаго люда, находила болѣе удобнымъ достигать своей цѣли, пользуясь прямыми реальными налогами, чѣмъ подоходнымъ. При помощи извѣстной организаціи прямыхъ налоговъ центръ стремится съ одной стороны облегчить положеніе мелкихъ хозяевъ, а съ другой ограничить значеніе крупныхъ предпріятій. Въ какой мѣрѣ эта цѣль достигается при системѣ прямого обложенія, видно изъ слѣдующихъ данныхъ, показывающихъ сравнительное обремененіе промышленности и ремесла съ одной стороны баварскимъ промысловымъ налогомъ по новому закону отъ 9 іюня 1899 года, а съ другой—прусскимъ подоходнымъ налогомъ по закону 24 іюня 1891 года.

Годовой доходъ (марки).	Взимается на основаніи: Баварск. закона 9 іюня 1889 г.		Прусскаго закона 24 іюня 1891 г.	
	Марк.	%	Марк.	%
Мелкія предпріятія.				
900	2	0,22	6	0,66
1,200	4	0,33	9	0,75
2,000	10	0,50	31	1,55
Среднія предпріятія.				
3,000	25	0,83	52	1,92
5,000	58	1,16	118	2,36
10,000	210	2,10	300	3,00

Въ Баваріи въ дополненіе къ промысловому налогу взимается еще извѣстный дополнительный сборъ (Normalanlage); въ Пруссіи же имущественный налогъ. Если принять во вниманіе и этотъ видъ обложенія, то окажется, что налоговое бремя достигаетъ 1% въ Пруссіи при доходѣ въ 1,200 мар., а въ Баваріи—въ 4,200 мар.; 2%—въ Пруссіи при 3,000 мар., а въ Баваріи при 9,500 мар.; 3%—въ Пруссіи при 10,000 мар., а въ Баваріи при 25,000 мар. (См. въ книгѣ Егера: Die Bayerische Steuer-Reform von 1899. Speyer, 1900).

Достаточно взглянуть на приведенныя цифры, чтобы понять соображенія, подъ вліяніемъ которыхъ баварскій Mittelstand и его представители въ парламентѣ высказывались противъ подоходнаго налога. Если замѣтить еще, что по тому же закону 9 іюня 1899 г. (ст. 23) въ Баваріи введенъ особый налогъ на нѣкоторые виды крупныхъ предпріятій, напр. универсальные магазины, то финансовая политика центра представится въ ея истинномъ свѣтѣ, какъ орудіе борьбы мелкихъ и среднихъ имуществъ противъ крупнаго капитала. Тѣ самыя соображенія, которыя заставляютъ центръ отстаивать систему прямыхъ налоговъ, побуждаютъ представителей движимаго капитала выступать въ пользу подоходнаго налога—явленіе, которое на основаніи схемы г. Озерова невозможно объяснить. Въ союзѣ съ защитниками крупнаго капитала оказались соціалъ-демократы, которые находили безполезной и даже вредной политику борьбы противъ крупнаго капитала.

Примѣръ Баваріи, на которомъ я съ цѣлью остановился, вдаваясь въ нѣкоторыя подробности, показываетъ, что теоретическіе выводы г. Озерова требуютъ тщательной провѣрки и дополненія на основаніи детальнаго изслѣдованія дѣйствительности, чтобы на нихъ могла быть построена теорія подоходнаго обложенія.

При оцѣнкѣ основной идеи г. Озерова нельзя не принять

въ соображеніе еще одно недоразумѣніе, возникающее вслѣдствіе недостаточно точной и тщательной разработки матеріала. Г. Озеровъ развиваетъ ученіе объ органической эволюціи подоходнаго обложенія, какъ слѣдствія, къ которому необходимо приводитъ воздѣйствіе факторовъ современнаго экономическаго строя на прямые реальные налоги.

Между тѣмъ въ одной изъ послѣднихъ главъ своего сочиненія онъ разсматриваетъ судьбу реальныхъ налоговъ послѣ введенія подоходнаго и читатель узнаетъ что подоходный налогъ часто вводится не взамѣнъ прямыхъ реальныхъ, а параллельно съ ними, и что послѣ введенія подоходнаго обложенія нерѣдко возстановляются даже болѣе строгія формы прямыхъ налоговъ, т. е. они освобождаются отъ субъективныхъ элементовъ, которые введены были подъ давленіемъ экономическихъ условій. Наконецъ, въ добавленіе къ тому, что говоритъ по этому предмету г. Озеровъ, можно еще привести примѣръ Ангальта, гдѣ черезъ 10 лѣтъ послѣ осуществленіи финансовой реформы на началахъ подоходнаго обложенія съ удержаніемъ изъ старой системы одного поземельнаго налога, были возстановлены закономъ 22 мая 1897 г. два члена реальнаго обложенія—промысловый налогъ и налогъ на капиталъ. Эти факты показываютъ, что подоходный налогъ во всякомъ случаѣ не вездѣ явился органическимъ продуктомъ экономической среды, преобразовавшей систему реальнаго обложенія, потому что она не мирилась съ новыми условіями жизни. Если реальные налоги продолжаютъ существовать послѣ введенія подоходнаго, то это доказываетъ, что они могутъ существовать и при новой экономической обстановкѣ и что подоходный налогъ въ этихъ случаяхъ вводился подъ давленіемъ иныхъ причинъ, напр. какъ дополнительный источникъ государственныхъ доходовъ. Случаи этой категоріи необходимо было-бы выдѣлить въ особую группу и подвергнуть спеціальному изученію. Было-бы интересно знать, при какихъ условіяхъ подоходный налогъ можетъ быть введенъ въ качествѣ дополнительнаго, какъ опредѣляется въ этихъ случаяхъ отношеніе къ нему разныхъ партій и т. д. На эти вопросы книга г. Озерова не даетъ удовлетворительнаго отвѣта.

Въ заключеніе необходимо отмѣтитъ нѣкоторыя противорѣчія, неправильности и неточности, допускаемыя г. Озеровымъ при характеристикѣ факторовъ нынѣшняго экономическаго строя, которые служатъ между тѣмъ точками отправленія для его выводовъ. Такъ напр., очерчивая направленіе соціальной эволюціи, г. Озеровъ говоритъ на стр. 249 своей книги: „мелкая промышленность все болѣе и болѣе исчезаетъ и мелкій производитель превращается въ наемнаго рабочаго, получающаго свой доходъ черезъ контору, земледѣлецъ все болѣе и болѣе порываетъ свою связь съ землею и превращается въ наемнаго рабочаго“. Между тѣмъ

раньше (на стр. 108) г. Озеровъ высказывался относительно эволюціи земледѣлія съ весьма серьезной оговоркой, признавая, что „пока будетъ продолжаться имѣющая теперь мѣсто неблагопріятная сельскохозяйственная коньюнктура съ цѣнами, мелкое сельское хозяйство имѣетъ всѣ шансы расти за счетъ крупнаго“. Какая же изъ этихъ двухъ формулировокъ должна быть принята, съ оговоркой или безъ оговорки? Очевидно, что это далеко не все равно.

Г. Озеровъ, отмѣчая одну изъ характерныхъ чертъ современнаго экономическаго строя, очень часто пользуется выраженіемъ „быстрый темпъ экономической жизни“. Въ частности, говоря о земледѣліи, онъ поясняетъ приведенное выраженіе такимъ образомъ: „съ развитіемъ мѣнового обмѣна (?) и въ земледѣліи все большую и большую роль играютъ цѣны, а здѣсь коньюнктура видоизмѣняетъ среднія отношенія до неузнаваемости“. (стр. 49). На этомъ основаніи онъ заключаетъ о пригодности кадастра при нынѣшнихъ экономическихъ условіяхъ служить основаніемъ поземельнаго обложенія. Въ дѣйствительности, однако, съ развитіемъ сношеній между странами, производящими хлѣбъ, цѣны на продукты сельскаго хозяйства становятся устойчивѣе и границы ихъ колебаній суживаются. Если сравнить высшія и низшія цѣны на пшеницу въ Англій съ начала нынѣшняго вѣка, напр. по двадцатилѣтнимъ и десятилѣтнимъ періодамъ, то окажется слѣдующее: въ періодъ отъ 1800 до 1820 г. максимальная цѣна превышала минимальную на 105%; отъ 1821 по 1840 г. — на 78%; отъ 1841 по 1860 г.—на 94%; отъ 1861 по 1880 г. — на 60%; отъ 1881 по 1891 г.—на 41%; если же сравнить среднюю цѣну за 1892—1895 г. съ цѣною за 1898—1899 г., то окажется, что колебанія происходили въ предѣлахъ 20%. Очевидно, что положеніе, высказанное г. Озеровымъ, представляетъ не болѣе какъ общее мѣсто, лишенное значенія. Но въ такомъ случаѣ замѣчанія о кадастрѣ представляются мало убѣдительными.

Наконецъ, еще одно замѣчаніе по поводу характеристики экономическаго строя. Г. Озеровъ, ссылаясь на старое сочиненіе Шэффле (Bau und Leben des socialen Körpers, изд. 1878 г.), говоритъ, что „капиталистическая организація производства содѣйствуетъ развитію коньюнктуры, разлагая производство на отдѣльныя, другъ отъ друга независимыя предпріятіи“ (стр. 65). Достаточно однако вспомнить о громадномъ развитіи синдикатовъ въ современныхъ промышленныхъ странахъ, чтобы признать утвержденіе г. Озерова не отвѣчающимъ дѣйствительности. Напротивъ, теперь замѣчается тенденція къ объединенію отдѣльныхъ предпріятій въ крупныя организаціи, стремящіяся регулировать рыночныя цѣны и несомнѣнно достигающія въ этомъ направленіи значительныхъ результатовъ.

Можно было бы высказать еще не мало замѣчаній по поводу

книги г. Озерова; но для общей характеристики ея достаточно и того, что изложено выше. На ряду съ большими достоинствами, относящимися главнымъ образомъ къ основной ея мысли и къ постановкѣ вопроса, она страдаетъ и существенными недостатками, начинающимися съ недостаточной обоснованности важнѣйшихъ положеній и кончающимися отрывочнымъ, крайне небрежнымъ изложеніемъ. Она значительно выиграла бы, если бы выбросить изъ нея нѣкоторыя излишнія подробности, сдѣлать изложеніе болѣе сжатымъ и стройнымъ и ввести въ выводы больше оговорокъ и ограниченій.

Заканчивая эту рецензію, я не могу не отмѣтить еще разъ того интереса, который представляетъ книга г. Озерова. Въ основу его сочиненія положена свѣжая и несомнѣнно плодотворная идея, отъ развитія которой финансовая наука можетъ ожидать важныхъ результатовъ.

А. Мануиловъ.

Новыя книги.

Конкордія Урлаубъ. Стихотворенія, на память отъ отца. Спб. 1899.

Викторъ Склифосовскій. Стихотворенія гимназиста и нѣкоторыя данныя относительно процесса ихъ творчества М. 1899.

Прочитавъ на обложкѣ первой изъ этихъ книжекъ: „Стихотворенія на память отъ отца“, мы долго ломали голову—что бы это могло значить. Чьи же стихотворенія лежатъ передъ нами—отца или дочери? Грамматика скорѣе заставляла бы бы думать, что—отца, но вверху книжки ясными буквами напечатано: „Конкордія Урлаубъ“. Наши сомнѣнія разрѣшило предисловіе: „Въ день твоего Ангела, дорогая моя дочь Конкордія, мнѣ отъ всей души пріятно исполнить свое обѣщаніе и вручить тебѣ напечатанными твои стихи“. Заканчивается предисловіе въ томъ же халатно-семейномъ стилѣ: „Прими увѣреніе, дорогая дочь моя, въ искреннѣйшей любви и неизмѣнной преданности твоего отца“. Все это прекрасно, но при чемъ тутъ публика, при чемъ критика, для отзыва которой книжка присылается въ редакцію? Кого намъ слѣдуетъ критиковать — отца-ли, преподнесшаго дочери этотъ оригинальный имянинный пирогъ, или же неопытныя „произведенія“ семнадцатилѣтней дѣвушки-гимназистки (какъ о ея возрастѣ, такъ и о пребываніи въ гимназіи мы узнаемъ отъ нея самой)? Разумѣется, прежде всего—отца. Въ самомъ дѣлѣ, мало-ли какія желанія и мечты высказываются иногда дѣтьми, но это не значитъ еще, чтобы они ихъ серьезно обдумали и рѣшились бы сами приступить къ ихъ осуществленію. Но вотъ явился добрый

папенька, втихомолку (какъ же иначе?) раздобылъ стихи дочери и, не разбирая что и какъ, взялъ да и тиснулъ ихъ „ко дню Ангела“... И при этомъ начерталъ еще на книжкѣ „Изданіе первое“!.. Положимъ, у добраго папеньки отыщется оправданіе: „отъ свѣдущихъ людей мнѣ довелось услышать безпристрастное сужденіе, что твои стихи не лишены искренняго чувства и музыкальности и указываютъ на твою склонность къ поэтическому творчеству“. Но, спрашивается, одобряли-ли свѣдущіе люди его затѣю относительно печатанія? Были-ли они даже спрошены объ этомъ?

Справедливость заставляетъ насъ, впрочемъ, сказать, что обо всемъ, не касающемся поэзіи, папенька разсуждаетъ вполнѣ правильно и разумно. Онъ рекомендуетъ дочери „путь самоусовершенствованія, постояннаго труда и неизмѣннаго, разумнаго наблюденія окружающей природы, жизни и людей“, выставляя на видъ, что она не пожалѣетъ объ избраніи этого пути и въ томъ даже случаѣ, если оставитъ мысль о литературѣ, а явится обыкновенной гражданкой и семьянинкой... Совершенно вѣрно; но не менѣе вѣрно, повторяемъ, и то, что она отъ всей души когда-нибудь пожалѣетъ о медвѣжьей услугѣ добраго папаши! Услуга эта, по нашему мнѣнію, тѣмъ досаднѣе, что отзывъ „свѣдущихъ“ людей о стихахъ г-жи Конкордіи Урлаубъ, какъ не лишенныхъ искренняго чувства, кажется намъ глубоко-справедливымъ.

Ты видишь: душу зло одолѣваетъ,—

обращается она къ Христу съ трогательной мольбой,

Ты видишь, тщетно я борюсь со мглой...
Мой умъ слабѣетъ, гаснетъ, погибаетъ...
Явись скорѣй, дохни живой струей!

Здѣсь, какъ будто, есть что-то вырвавшееся изъ сердца, свѣжее, молодое... Еще сильнѣе звучитъ это „что-то“ въ стихотвореніи „къ себѣ“, гдѣ юная поэтесса, придя въ минуту отчаянія къ справедливому выводу, что въ стихахъ ея „нѣтъ идеи, нѣтъ красоты“, восклицаетъ:

А ты... о Богъ Великій! ты мечтала...
Плачь, горько плачь! — О, какъ ошиблась ты...
Ты бредъ за звуки неба принимала,
Болѣзнь — за пылъ, за истину — мечты...
Безумная, — какое заблужденье!
Какъ ты жалка, до смѣха ты жалка!

Все заставляетъ насъ думать, что г-жа Конкордія Урлаубъ— славная, милая, глубоко чувствующая, способная мыслить дѣвушка, и что умственное и иное „самоусовершенствованіе“, дѣйствительно, можетъ выработать изъ нея хорошаго и не лишняго въ жизни человѣка; но, какъ поэтъ, она, увы! лишена всякаго

таланта... Правда, и Некрасовъ впервые выступилъ на литературное поприще съ книжечкой блѣдныхъ, ничтожныхъ виршей, но Некрасовъ—рѣдкое исключенiе, а мы имѣемъ въ виду общее правило. Въ книжкѣ г-жи Конкордiи Урлаубъ (за исключенiемъ развѣ выписанныхъ выше 10 стиховъ) не видно ни искры настоящей поэзiи, нѣтъ ни оригинальныхъ образовъ, ни музыкальности метра, ни даже полноты рифмъ. На каждомъ шагу рифмуютъ: „тебя" и „горя", „мечта" и „меня", „вода" и „луна" и т. п.; на каждомъ шагу встрѣчаются семиаршинные стихи безъ цезуры, à la г. Случевскiй, вродѣ: „отрядъ солдатъ, измѣнникомъ во дворъ введенный," или даже: „то жизнь я и силу жертвую свою", гдѣ слово „жизнь" приходится читать, какъ „*жизень*"... Часто употребляемые славянизмы: „младой", „златой" и „драгой" также не придаютъ, конечно, стиху особенной легкости и прiятности. А вотъ образчики „поэзiи" г-жи Урлаубъ:

Я видѣла тебя... Но радостiю новой
Твой видъ не повлiялъ на грудь мою...
. . . .
Цѣль жизни лишь въ одной твоей любви,
А ей теперь ужъ никогда не возвратиться...
Могила, о, въ объятiя твои!
. . . .
Драгая Ася, нѣту милованья
Мнѣ предъ тобой лукавить или лгать.
. . . .
Не вѣришь?.. Да вѣдь это же безбожно!
Зачѣмъ тебѣ я стану сочинять?

Мы, впрочемъ, дѣлаемъ эти выписки совсѣмъ не для смѣха надъ юной поэтессой, а лишь для того, чтобы окончательно убѣдить „добраго папашу" въ опрометчивости и непохвальности его поступка.

Передъ нами лежатъ еще „Стихотворенiя гимназиста", явленiе тоже весьма курьезное, хотя и въ другомъ родѣ. Гимназистъ самъ издалъ свои творенiя и, притомъ, настолько сознательно, что предпослалъ имъ въ прозѣ „нѣкоторыя данныя относительно процесса ихъ творчества". Изъ этихъ любопытныхъ „данныхъ" мы узнаемъ, что отецъ автора былъ „малороссъ съ темнокарими очами, мать—сѣроглазая великороссiянка"; „прислуга была все больше женская — малороссiянки, великороссiянки, латышки, нѣмки, польки, бѣлорусски". Квартиры мѣнялись очень часто, но вещи въ квартирахъ оставались тѣ же. „У дѣтей были всегда игрушки: оловянные и бумажные солдатики, змѣи, лошадки, волчки, паровозики, пушки, заводныя и другiя машинки, трубы, гармоники, скрипки, дудочки, свистки, кнутики, трещотки, возжи,

шнурки, шприцы, барабаны, кегли, мячи, обручи, карты, лото, чучела, куклы, дѣтскіе театры, комическіе костюмы, ордена, звѣзды, фонари, флаги, значки, ленты". Умственный трудъ шелъ на ряду съ физическимъ: будущій поэтъ, „вооруженный дѣтскими инструментами (2), расчищалъ снѣгъ (24) и дорожки, возилъ тачки, трамбовалъ почву, копалъ землю, таскалъ вазоны и носилки, сѣялъ, сажалъ, пололъ, поливалъ, рѣзалъ и стригъ растенія и деревья (17,26), собиралъ цвѣты (29,32) и плоды, мастерилъ и вколачивалъ вѣхи, подпорки, мѣрялъ участки" и мн. др. Цифры, поставленныя въ скобкахъ, обозначаютъ страницы стихотвореній, посвященныхъ дѣтскимъ инструментамъ, чисткѣ снѣга и т. д. Нашъ поэтъ вообще очень обстоятельный и добросовѣстный біографъ!

„Маленькій гимназистъ, откровенно пишетъ онъ про себя,—мечталъ сдѣлаться богатымъ человѣкомъ, путешественникомъ, ученымъ, философомъ, профессоромъ. И онъ, и его братья, и сестры не любили бѣдности и безденежья: они бредили роскошью и богатствомъ и ярко расцвѣчивали ими свою будущность". Наконецъ, поэтъ выросъ, сдѣлался гимназистомъ старшихъ классовъ. „Начинаются серьезные разговоры, бесѣды, диспуты съ товарищами, критика окружающей дѣйствительности, размышленія о будущемъ. Maturus выражаетъ желаніе сдѣлаться писателемъ, ученымъ, литераторомъ, критикомъ, публицистомъ, философомъ, но *прежде всего* студентомъ какого-либо *нетруднаго* (sic!) факультета, какой-либо живой (?) науки".

Что значитъ эта курьезная автобіографія? Къ чему она? А вотъ къ чему. „Человѣкъ, говоритъ авторъ, творитъ жизнь.—Самая главная и безконечно огромная причина существующаго—историческое прошлое.—Каждое новое слово прежде всего переживаніе старины, его продолженіе, развитіе, отраженіе. Съ этой точки зрѣнія *самыя обыкновенныя литературныя явленія* представляютъ такой же серьезный научный интересъ, какъ ходы муравьевъ, коралловые рифы, метаморфозы цвѣтовъ и насѣкомыхъ".

Какой „вумный" мальчикъ—этотъ Витя Склифосовскій! Одно только, къ сожалѣнію, упустилъ онъ изъ виду, что стихи его—правда, обыкновенное (даже слишкомъ обыкновенное!), но все-таки отнюдь не литературное, а всего лишь... макулатурное явленіе... Если мы должны были признать, что на незрѣлыхъ стихахъ г-жи Конкордіи Урлаубъ лежитъ все же печать задушевности и дѣтски-милой наивности, то обязаны также сказать откровенно, что „стихотворенія гимназиста" отмѣчены удивительной внутренней мелкостью и пошлостью. Чтобы не быть обвиненными въ голосовности, приведемъ два коротенькихъ образца:

I.

ЭКСПРОМПТЪ.

Грабли много помогаютъ
Мужику въ трудахъ,
Ими сѣно загребаютъ,
Хлѣбъ, овесъ въ поляхъ.

II.

ПѢСЕНКА.

Летимъ на бой, ребята,
Скорѣй, скорѣй впередъ!
Насъ слава ждетъ и злато,
Красавица насъ ждетъ,
Склонясь главой въ волненьи,
На встрѣчу выйдетъ къ Вамъ.
Съ красоткой наслажденье—
За все награда Вамъ.

Просто не вѣрится даже, что эту пошлость рѣшился напечатать подъ собственнымъименемъ человѣкъ, который *десять лѣтъ тому назадъ* получилъ аттестатъ зрѣлости... Откуда мы это знаемъ? Отъ самого г. Склифосовскаго: „стихотворенія гимназиста“, тщательно распредѣленныя по годамъ, обнимаютъ 1882—1890 годы, а теперь, какъ извѣстно, идетъ уже 1900... Мечты юности, очевидно, осуществились блистательно, и г. Склифосовскій „прежде всего сдѣлался студентомъ какого-либо нетруднаго факультета“...

А. Вербицкая. Первыя ласточки. Повѣсть М. 1900.

Молодая, талантливая писательница Каменева, героиня „Первыхъ ласточекъ“, пишетъ романъ, въ которомъ хочетъ изобразить разладъ между „новымъ“ міросозерцаніемъ „женщинъ-протестантокъ“ и старыми укладами жизни, мертвящей ихъ порывы. „Какая яркая тема!“ мечтаетъ она про себя—и тутъ-же рѣшаетъ назвать свое будущее произведеніе: „мы—первыя ласточки грядущей весны.“ То-же двустишіе стоитъ и въ подзаголовкѣ разбираемой нами повѣсти г-жи Вербицкой:

Мы первыя ласточки
Грядущей весны...

Горячая, почти экзальтированная страстность, съ какою авторъ изображаетъ свою героиню-писательницу, заставляетъ и вообще думать, что въ эту вымышленную фигуру влита имъ кровь его собственнаго сердца, въ повѣсть ея страданій и разбитыхъ стремленій вложена отчасти боль его собственной души... Перечитывая одинъ изъ своихъ забракованныхъ какою-то редакціею разска-

зовъ, Каменева соглашается, что „была въ немъ, можетъ быть, неопытность, были промахи... Ихъ она не видѣла, но подкупающая искренность и свѣжесть дышали въ этихъ страницахъ... Нужды нѣтъ, что тема стара. Тѣмъ больше чести для нея, что она подошла къ ней оригинально, не шаблонно.“

Читая „Первыя ласточки“, мы все время вспоминали эту тираду, и намъ чудилось, что г-жа Вербицкая, какъ-бы pro domo sua, вложила ее въ уста своей героини. Да! въ этой повѣсти „промаховъ“ и „неопытности“ бездна (и объ нихъ мы поговоримъ ниже), но „подкупающая искренность и свѣжесть“ живымъ родникомъ бьютъ изъ этихъ блѣдныхъ въ художественномъ отношеніи страницъ... Да, тема страшно стара (эмансипація женщины, гимнъ женскому труду); этой темѣ безъ малаго полвѣка въ нашей литературѣ... Мало того, что она стара и, слѣдовательно, скучна: она еще и узка, по дѣтски наивна для нашего умудреннаго опытомъ поколѣнія. Но, если при всемъ этомъ мы не скажемъ: „тѣмъ больше чести для автора“, то во всякомъ случаѣ признаемъ, что къ своей узкой и скучной темѣ онъ сумѣлъ подойти оригинально и не шаблонно.

И прежде всего, оригинальную, собственную физіономію придаетъ этой повѣсти та почти экзальтированная, какъ сказали мы выше, страстность тона, съ какимъ она написана. Искренность всегда подкупаетъ. Когда вы слышите громкія, красивыя фразы, въ которыхъ не чувствуется искренности, онѣ васъ отталкиваютъ, какъ что-то безобразное и уродливое; и тѣ же мелодраматически приподнятыя фразы, произнесенныя съ чувствомъ беззавѣтной молодой вѣры, въ своей наивности не знающей еще, что̀ такое мелодрама, способны, пожалуй, отуманить на минуту и самую скептически настроенную голову... Именно такими-то, полными побѣждающей сердечности, фразами наполнены и „Первыя ласточки“ г-жи Вербицкой. „Достигнемъ!.. (восторженно говоритъ ея Каменева)—повѣрьте, что всего достигнемъ... Не я, такъ другія... Не мы, такъ дѣти наши, которымъ мы прокладываемъ дорогу... Какъ-бы ни казались ничтожны наши единичныя усилія на разныхъ поприщахъ... все равно, они не пропадутъ безслѣдно... Мы не даромъ боремся... Мы—первыя ласточки грядущей весны!“ Читатель еще не знаетъ, чего именно „всего“ собирается достигнуть наша героиня, но этотъ страстный, пламенно вѣрующій тонъ ея рѣчи какъ-то противъ воли уже зажигаетъ и поднимаетъ его. „Что̀ мелко? что̀ узко? Имѣть за душой что-то свое, что дороже любви и семьи?“—продолжаются почти истерическіе выкрики Каменевой: „Современной женщинѣ нуженъ просторъ, и вашимъ обветшавшимъ иллюзіямъ не удержать ея въ прежнихъ рамкахъ.“—„Не предразсудки насъ раздѣлили, а принципы и идеи.“—„Только одинокіе и свободные сильны душой... Только имъ принадлежитъ будущее!“ Она собирается писать романъ,

въ которомъ мечтаетъ „осмѣять злобно и страстно неизбѣжныя иллюзіи... эти чары старыхъ сказокъ и старыхъ пѣсенъ, которыя властно царятъ надъ женской душой... Намѣтить въ рамкѣ разсказа будущую *новую* женщину... ея новую мораль... ея яркую личность... ея борьбу и побѣду... ея силу и одиночество."—„Какъ яркая искра, упадетъ ея завѣтная, выношенная идея въ толпу равнодушныхъ и покорныхъ. Насмѣшки, брань, протесты... Пусть!.. Лишь-бы разбудить сомнѣнья... всколыхнуть въ другихъ сердцахъ забытыя стремленья, зародить въ юной душѣ святые порывы."

Вотъ какимъ языкомъ говоритъ героиня г-жи Вербицкой: тутъ припахиваетъ немножко и Ничше, и Гауптманомъ (его „Одинокими людьми") и, пожалуй, даже французской Марсельезой... Разумѣемъ, конечно, стиль, а не идею... Эти постоянныя многоточія, недомолвки,намеки, это красивое волненіе и эта искренность, все озаряющая искренность,—они, повторяемъ, противъ воли подкупаютъ и отуманиваютъ читателя. „Не все здѣсь понятно, какъ и въ музыкѣ, скажемъ словами самой г-жи Вербицкой, брошенными по аналогичному поводу,—но сердце открывается навстрѣчу этимъ звукамъ, этому смѣлому призыву."

— По какому-же однако случаю шумъ?.. спрашиваетъ себя читатель по прочтеніи повѣсти (а, быть можетъ, даже и посреди чтенія), когда туманъ, напущенный авторомъ, успѣваетъ нѣсколько остыть и разсѣяться, и является желаніе разобраться въ полученныхъ впечатлѣніяхъ, понять, какая идея (а не чувство только) руководила авторомъ повѣсти. И тутъ-то, къ сожалѣнію, очень скоро обнаруживается, при первыхъ-же усиліяхъ критики, что почтенный авторъ, по-просту говоря, надулъ и себя самого и читателя, что горячиться было совсѣмъ не изъ-за чего, а красивыми и громкими фразами сыпать—тѣмъ болѣе!

Всякому овощу свое время. Была пора, когда женскій вопросъ совершенно естественно и законно волновалъ лучшую часть нашего общества, будилъ насъ и двигалъ впередъ, когда лучшіе и талантливѣйшіе писатели отдавали свои перья этому вопросу. Но было-бы очень плохо и для жизни и для литературы, еслибы писатель только пописывалъ, читатель почитывалъ, а жизнь, несмотря на всѣ наши призывы, продолжала-бы стоять на одномъ мѣстѣ. Жизнь, къ счастью, тоже двигалась и росла, и современному читателю кажется уже чѣмъ-то институтски-наивнымъ горячиться по поводу женскаго вопроса... Идеалъ нашъ сталъ, слава Богу, пошире, и вопросъ объ эмансипаціи той или другой общественной группы уже входитъ въ него, какъ часть въ цѣлое, естественно вытекающая изъ основъ всего нашего міровоззрѣнія. Немудрено поэтому, что г-жа Вербицкая, такъ пламенно пропагандирующая своихъ „Первыхъ ласточекъ" (очевидно, проспавъ цѣлыхъ сорокъ лѣтъ и настоящихъ-то первыхъ ласточекъ

пропустивъ!), при всей своей страстности и несомнѣнной писательской талантливости, производитъ одно только комическое впечатлѣніе... „Есть женщины, говоритъ она устами своей героини, для которыхъ любовь—не все. Насъ мало теперь, но, придетъ время, будетъ много—и мы возьмемъ свое.“ Но вѣдь есть, во-первыхъ, и мужчины, для которыхъ любовь—не „все“? И, далѣе, что же это за великій такой идеалъ, это „свое“, ради котораго можно не только стулья ломать, но и окружать себя героическимъ ореоломъ?

„Вы все только о деньгахъ, говоритъ Каменева одному изъ своихъ добрыхъ знакомыхъ:—мы совсѣмъ разно на эти вещи смотримъ... *Я всю жизнь мечтала выбиться изъ массы бездарностей и посредственностей—и добьюсь.*—Глаза ея сверкнули.—Вы читали статью М***? Мои фельетоны въ „Правдѣ“ уже замѣчены публикой, но этого мало... *Мнѣ надо пріобрѣсть имя въ литературѣ, имя беллетристки.*“ И въ другомъ мѣстѣ: „Впереди столько дѣла... Трудовая жизнь... Литературный заработокъ, общественная дѣятельность, *быть можетъ... извѣстность.* Да какая мнѣ любовь все это замѣнитъ?“

Вотъ онъ, этотъ „идеалъ“ въ оголенномъ своемъ видѣ! Правда, въ другихъ мѣстахъ повѣсти онъ прикрывается массой громкихъ и возвышенныхъ словъ, но какъ только героиня г-жи Вербицкой попытается спуститься съ высоты красивыхъ подоблачныхъ тумановъ на почву реальной дѣйствительности, такъ сейчасъ же и выплываетъ наружу эгоистическое желаніе личной удачи и славы... „Впереди столько дѣла: трудовая жизнь, литературный заработокъ, общественная дѣятельность... *Быть можетъ... извѣстность.*“ Такъ!.. „Ивѣстность“ ставится въ заключеніе всего, кахъ нѣчто самое желанное и завѣтное... Когда то „слава“ считалась, правда, однимъ изъ возвышеннѣйшихъ стимуловъ человѣческой дѣятельности, ее воспѣвали величайшіе поэты всѣхъ временъ и народовъ, но... опять-таки, всякому овощу свое время: въ наши дни оно какъ-то и смѣшно и, пожалуй, даже зазорно воспѣвать славу и считать ее „идеаломъ“... Получается, однимъ словомъ, комическая несоразмѣрность художественной задачи съ вложенной въ нее почти трагической страстностью. Въ центрѣ всего поставивъ женщину и вопросъ объ ея свободѣ, талантливая писательница не сумѣла (да и не могла, конечно) удовлетворительно выяснить читателю: ради чего-же хочетъ эта женщина „свободы“? Неужели для того только, чтобы самой взобраться на пьедестальчикъ?

Каменева погибаетъ отъ чахотки, не добившись славы. Но, незадолго до смерти, она встрѣчается въ городскомъ саду съ одной молодой дѣвицей, сопровождающей маленькую дѣвочку, и, разговорившись, узнаетъ, что дѣвица служитъ въ гувернанткахъ, хотя глядитъ на эту свою службу только, какъ на временную

„станцію“. Замужъ она не пойдетъ, потому что больше всего на свѣтѣ дорожитъ свободой, а пойдетъ въ актрисы: черезъ годъ ей уже обѣщанъ первый дебютъ... Кажется, что тутъ особеннаго? Во-первыхъ, всѣ дѣвицы въ мірѣ утверждаютъ, что замужъ никогда не пойдутъ, а, во-вторыхъ, и актрисы вѣдь выходятъ разныя... Бываютъ, конечно, Савины и Стрепетовы, однако несравненно чаще бываютъ влюбленныя въ себя, бездарныя кривляки провинціальныхъ сценъ... Но Каменева, какъ хорошій боевой конь, заслышавшій трубу, взвивается тотчасъ на дыбы и мчится во весь галопъ! Ей уже кажется, что онѣ „не чужія“ съ дѣвицей-актрисой, что онѣ мыслятъ и чувствуютъ „одинаково“,—и она произноситъ передъ актрисой-гувернанткой и ея маленькой воспитанницей цѣлую патетическую проповѣдь о необходимости быть „одинокими и сильными“, „взять съ собою свои права“ и, для достиженія этого, „выйти изъ теплаго угла въ холодъ и мракъ улицы, на работу, на борьбу и лишенья, на встрѣчу всему невѣдомому, туда—въ широкій міръ!“ Кончивъ свою рѣчь, она удаляется въ увѣренности, что дѣвушки уже никогда не забудутъ ея страстнаго „завѣта“: пусть она скоро умретъ, съ первой весенней сыростью, но она... „сказала свое слово“.

Блаженъ, кто вѣруетъ! Однако, не вспоминаются-ли читателю слова другого поэта: „Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно“...

Только въ лирической поэзіи выразить искреннее чувство и передать его читателямъ значитъ—достигнуть всей цѣли искусства (да и то еще—всей-ли?), въ эпосѣ же, въ беллетристикѣ, нужна кромѣ того еще изобразительная способность, умѣнье воплощать идею въ живые, конкретные образы и положенія. Обращаясь къ этой сторонѣ повѣсти г-жи Вербицкой, мы должны, къ сожалѣнію, сказать, что она и тутъ не представляетъ ничего выдающагося. Героиня—лицо вымученно-блѣдное, мало жизненное, точно на прокатъ взятое изъ какой-нибудь французской мелодрамы. Глаза у нея постоянно „сверкаютъ“, щеки „вспыхиваютъ“; сама она то-и-дѣло „дико взвизгиваетъ“... Красивая, талантливая, гордая, свободолюбивая, энергичная и—ужъ не знаемъ, еще какими достоинствами надѣленная, она всетаки представляется намъ схематично-безкровной выдумкой г-жи Вербицкой. Ни одной яркой, или, по крайней мѣрѣ, оригинальной очерченной фигуры нѣтъ и вокругъ главнаго дѣйствующаго лица. Жизненнѣе всего изображена, на нашъ взглядъ, литературная среда, въ которой вращается Каменева, но „жизненнѣе“ лишь въ смыслѣ ясности изображенія, а отнюдь не правдивости: здѣсь явно чувствуется раздраженіе автора, стремленіе кого-то уязвить, сказать что-то безмѣрно-ядовитое, сатирическое... Но, какъ общая картина литературныхъ нравовъ, „Первыя ласточки“ врядъ-ли отвѣчаютъ дѣйствительности. Современная русская журналистика,

столь бѣдная беллетристическими талантами, какъ извѣстно, жадно хватается за всѣ мало-мальски сносныя проявленія дарованія; поэтому врядъ-ли, думается намъ, такая замѣчательная писательница, какую рисуетъ г-жа Вербицкая въ лицѣ своей Каменевой, могла-бы при жизни не найти себѣ не только достойной критической оцѣнки, но и просто мѣста для печатанья... Вѣдь сама-же г-жа Вербицкая—живое опроверженіе подобной сатиры: ея разсказы, не Богъ ужъ вѣсть какіе необыкновенные, съ удовольствіемъ принимаются редакціями многочисленныхъ и, притомъ, самыхъ разнообразныхъ газетъ и журналовъ...

Генрихъ Гейне. Собраніе сочиненій. Редакція Петра Вейнберга. Т. VII. Спб. 1900.

Не такъ давно отпраздновали столѣтнюю годовщину со дня рожденія Гейне, — и вотъ, ужъ скоро минетъ полвѣка съ его смерти; снова напомнятъ о поэтѣ журнальныя статьи, вновь вернется къ его безсмертнымъ страницамъ мысль читателя и, можетъ быть, кто нибудь напишетъ исторію второй, посмертной половины его литературной жизни, исторію его произведеній и его читателей. Эта исторія также любопытна и сложна, какъ личность поэта. Характернымъ символомъ этой сложности можетъ служить то загадочное и едва-ли не единичное въ литературной исторіи обстоятельство, что поэту, который не имѣетъ памятника на родинѣ, воздвигнуто нѣсколько — на чужбинѣ. Родина, охваченная порывомъ буйнаго націонализма, отшатнулась отъ поэта, общественный идеалъ котораго былъ такъ безконечно далекъ отъ ея позднѣйшаго кумира — и родной городъ отказался даже дать мѣсто для памятника поэту. Но за памятниками Гейне дѣло не стало: одинъ можно видѣть въ роскошной полуфантастической обстановкѣ, на берегу моря, въ тихомъ пристанищѣ давнишней пламенной поклонницы поэта, покойной императрицы австрійской; другой—точно въ видѣ антитезы — воздвигнутъ на шумной улицѣ міровою торговаго города, въ Нью-Іоркѣ. Два памятника эти точно символизуютъ двѣ стороны литературной дѣятельности Гейне: *поэту*, пѣвцу любви по преимуществу, поставленъ первый памятникъ—дань преклоненія одинокой чуткой души; второй говоритъ намъ не столько объ авторѣ „Книги пѣсенъ", сколько объ одномъ изъ вліятельнѣйшихъ публицистовъ нашего вѣка, о вождѣ „молодой Германіи", о „рыцарѣ духа", какимъ онъ охотно изображалъ себя, и какимъ — такова сложность души человѣческой—онъ былъ въ самомъ дѣлѣ.

Трудно сказать, какой Гейне ближе и дороже русскому читателю: кажется, оба образа поэта гармонично сливаются въ представленіи тѣхъ далекихъ его почитателей, которые столь многимъ обязаны его произведеніямъ. Его переводилъ еще Лермон-

товъ, но настоящимъ апогеемъ его славы въ Россіи были шестидесятые годы, когда его съ равнымъ вдохновеніемъ и увлеченіемъ переводилъ Михайловъ и истолковывалъ Писаревъ. Тогда-же почувствовалась необходимость и явилась возможность приступить къ изданію полнаго—почти полнаго—собранія его сочиненій въ русскомъ переводѣ. Читателямъ хорошо знакомы эти маленькіе томики, въ которые ими вложено такъ много изъ пережитаго. Чуть не двадцать лѣтъ тянулось это изданіе съ длинными промежутками, мѣняя редакторовъ и оставшись весьма неполнымъ. Лишь теперь, въ новомъ изданіи нашего извѣстнаго переводчика П. И. Вейнберга, русскіе читатели получаютъ всего Гейне за весьма немногими и мало значительными исключеніями, независящими отъ редактора. Не говоря о существенныхъ дополненіяхъ текста перваго изданія, читатель найдетъ въ новомъ изданіи цѣлый рядъ статей, появляющихся теперь въ первый разъ на русскомъ языкѣ. Таковы, по указанію редактора, „Томасъ Рейнольдсъ“, „Февральская Революція“ (3 послѣднихъ письма), „Введеніе къ книгѣ *Кальдорфъ о дворянствѣ*“, „Изъ Парижа“, „Предисловіе къ книгѣ Вейля“, „Гугеноты Мейербера“, „Гамбургъ“, „Іоганъ Витъ фонъ-Дерингъ“, „Мемуары“, рецензіи. Въ изданіе вошли также примѣчанія, два портрета и біографія поэта, написанная редакторомъ русскаго перевода. Проза занимаетъ шесть томовъ, стихотворенія два тома, изъ которыхъ послѣдній, 8-й, еще не вышелъ. По выходѣ его мы будемъ, наконецъ, имѣть изданіе сочиненій Гейне, достойное имени великаго поэта. Оно будетъ также доступнѣе перваго. Правда, и четырнадцать рублей—сумма, къ которой не очень привыкъ современный русскій читатель, воспитанный на Павленковскихъ цѣнахъ. Будемъ надѣяться, что и мы доживемъ до дешеваго Гейне, какъ дожила его родина, гдѣ вообще книги не очень дешевы и гдѣ недавно выпущено въ свѣтъ полное собраніе сочиненій Гейне цѣною—въ переплетѣ — 3 марки, то есть 1 рубль 40 копѣекъ.

Сочиненія Н. И. Пирогова. Второе изданіе. СПБ. 1900 г. 2 тома.

Сочиненія Н. И. Пирогова, изданныя нынѣ въ двухъ объемистыхъ томахъ, не отличаясь особенной систематичностью въ подборѣ и распредѣленіи матеріала, представляютъ во многихъ отношеніяхъ весьма любопытное явленіе, пройти мимо котораго не можетъ ни одинъ историкъ русской литературы и жизни. Статьи, собранныя теперь, охватываютъ многіе, порой совершенно различныхъ областей „вопросы жизни“, не потерявшіе и до сихъ поръ жгучаго интереса. Онѣ даютъ матеріалъ — къ сожалѣнію, далеко не равноцѣнный въ разныхъ частяхъ—для ха-

рактеристики русскаго общества и отношеній къ его развитію въ теченіе трехъ разныхъ періодовъ. Центральное мѣсто при этомъ приходится отвести, конечно, педагогическимъ статьямъ Пирогова, писаннымъ на рубежѣ освободительной эпохи въ періодъ нашего духовнаго возрожденія и такъ горячо привѣтствованнымъ (въ первыхъ статьяхъ 1857 года) Добролюбовымъ. Второстепенное значеніе имѣютъ тѣ части второго тома, въ которыхъ Пироговъ, разсказывая о своей жизни, описываетъ или характеръ нашего высшаго образованія въ 20-хъ годахъ и свои первые шаги на поприщѣ ученой и учебной дѣятельности, или, „волнуясь и спѣша“, возстаетъ противъ эпохи, къ которой принадлежатъ послѣдніе годы его жизни (1879—1882).

Въ концѣ 50 годовъ, когда задачи раціональнаго воспитанія особенно волновали русскихъ матерей и отцовъ, статьи Пирогова по педагогіи явились какъ нельзя болѣе кстати. Удовлетворяя прямымъ запросамъ воспитанія, Пироговъ ставилъ вмѣстѣ съ тѣмъ дѣло педагогіи на очень широкую почву, придавалъ ему совершенно въ духѣ того времени серьезный общественный характеръ. Прекрасно видя косность нашего интеллигентнаго общества и полное отсутствіе въ немъ стремленія создать сильное, независимое общественное мнѣніе, Пироговъ и поставилъ передъ системой нашего образованія задачу приготовленія способныхъ къ работѣ людей. Никогда не отрывая школу отъ жизни и, наоборотъ, готовый постоянно подчеркивать прямую связь между ними, онъ поднималъ иной разъ представителя высшаго образованія — университетъ — до роли руководителя всей умственной жизни націи. „Прямое назначеніе нашихъ университетовъ“—говорилъ Пироговъ въ одной изъ лучшихъ своихъ статей — „это быть маяками, разливать свѣтъ на большія пространства и потому стоять высоко и свѣтить. У насъ никто болѣе самого университета не могъ бы развить общественное мнѣніе, еслибъ онъ взялъ на себя обязанность разъяснять обществу всѣ интересующіе его вопросы, которыхъ теперь не мало“ (Т. I, стр. 165). Но чтобы занять такое положеніе, университетъ долженъ во первыхъ имѣть надлежащую, въ корнѣ отличную онъ нынѣ дѣйствующей, организацію, во вторыхъ не ощущать недостатка въ свободномъ и ничѣмъ постороннимъ не стѣсняемомъ притокѣ должнымъ образомъ подготовленныхъ воспитанниковъ и профессоровъ. Университетскій вопросъ развѣтвляется такимъ образомъ на цѣлую сѣть другихъ вопросовъ и общимъ объемомъ своихъ задачъ входитъ какъ одна изъ составныхъ частей въ соціальный вопросъ вообще, разрѣшимый только въ своемъ цѣломъ (см. Т. I стр. 165). Пироговъ, какъ спеціалистъ по педагогіи, отмежевываетъ себѣ извѣстную часть въ этомъ общемъ вопросѣ, которую и разрабатываетъ во всѣхъ деталяхъ, являясь столько же широко понимающимъ задачи общественнаго воспитанія теоретикомъ, сколько

трудолюбивымъ практикомъ, въ совершенствѣ разработавшимъ осуществимый планъ народнаго обученія. Поэтому его статьи, не смотря на нѣкоторые внѣшніе недостатки, импонируютъ читателю цѣльностью и систематичностью взглядовъ, глубоко продуманныхъ и прочувствованныхъ. Послѣднее особенно замѣтно на статьяхъ, трактующихъ о личности воспитанника и отношеніи къ нему воспитателя. Пироговъ умѣлъ цѣнить права личности, независимо отъ ея возраста, на самоопредѣленіе, свободу дѣйствій и уваженіе со стороны другихъ людей. Его планъ воспитанія и заключалъ въ своихъ составныхъ частяхъ всѣ эти необходимыя для нормальнаго роста личности условія. Сущность же представленія Пирогова о нормальномъ развитіи личности хорошо выясняется въ тѣхъ частяхъ его статей, гдѣ онъ говоритъ о конечныхъ задачахъ педагогіи. Тамъ читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: „конечная цѣль разумнаго воспитанія должна заключаться въ постепенномъ образованія въ ребенкѣ яснаго пониманія вещей окружающаго его міра и преимущественно общественнаго". Это прежде всего. „Затѣмъ послѣдовательнымъ результатомъ такого пониманія должно быть возведеніе добрыхъ инстинктовъ дѣтской натуры въ сознательное стремленіе къ идеаламъ добра и правды. И, наконецъ, въ задачу воспитанія, какъ результатъ того и другого, должно входить постепенное образованіе нравственныхъ современныхъ убѣжденій, образованіе твердой и свободной воли и, слѣдовательно, воспитаніе тѣхъ гражданскихъ и человѣческихъ доблестей, которыя составляютъ лучшее украшеніе времени и общества" (см. т. I стр. 482). Сообразно такимъ посылкамъ Пироговъ и передъ среднимъ образованіемъ ставилъ соотвѣтствующую задачу. „Гимназія есть только преддверіе университета", — говорилъ онъ, — „она должна только приготовить учащихся къ воспріятію и разработкѣ науки, излагая ее въ извѣстной мѣрѣ, въ извѣстномъ объемѣ и способствуя общечеловѣческимъ образованіемъ къ всестороннему развитію всѣхъ благихъ способностей человѣческаго духа" (тамъ-же стр. 296). Въ настоящій моментъ ясно намѣтившагося кризиса въ нашемъ народномъ образованіи особенно полезно пересмотрѣть взгляды Пирогова на задачи воспитанія, но дѣлать это нужно не въ короткой рецензіи, а въ пространной статьѣ, соотвѣтствующей по своимъ размѣрамъ важности затрогиваемыхъ вопросовъ. Не берясь за такую задачу, мы просто горячо рекомендуемъ читателямъ статьи Пирогова по педагогіи, особенно цѣня въ нихъ то, чѣмъ такъ позорно бѣдны наши многіе современники, люди почти XX столѣтія, именно полное и безграничное уваженіе къ неприкосновенной святости человѣческаго достоинства.

Работая рука объ руку съ лучшими представителями 50 годовъ по вопросамъ общественно-педагогическаго характера, Пироговъ оказался, однако, вскорѣ внѣ возможности подобнаго еди-

ненія съ ними. Въ его возрѣніяхъ и въ складѣ его нравственной личности нашлись элементы, чуждые духу освободительной эпохи, наличность которыхъ и вызвала если не полный разрывъ Пирогова съ представителями того времени, то всѣ данныя для него. Въ своей автобіографіи знаменитый хирургъ указываетъ, между прочимъ, на усиленіе съ теченіемъ времени въ своихъ воззрѣніяхъ мистическаго элемента, который—по его позднѣйшимъ словамъ—„для насъ совершенно необходимъ, какъ естественная потребность жизни". Отсутствіе таковой тенденціи въ современной ему жизни Пироговъ произвольнымъ обобщеніемъ отожествлялъ „съ насильственнымъ срываніемъ всякихъ идеаловъ съ ихъ пьедестала". Знаменитому педагогу очевидно оставалось совершенно чуждымъ представленіе о тѣхъ взаимныхъ отношеніяхъ между „реализмомъ" и „идеализмомъ", которыя устанавливались людьми конца 50 годовъ и позднѣйшаго времени, умѣвшими сочетать оба эти элемента въ стройномъ и законченномъ міросозерцаніи. Не понимая сущности идеализма 60-хъ годовъ, Пироговъ естественнымъ образомъ доходилъ до того, что рѣшался говорить о полномъ отсутствіи у молодой части его современниковъ всякаго руководящаго общественнаго міропониманія (см. Т. II стр. 13 и др.). Этотъ выводъ до такой степени не соотвѣтствуетъ истинному положенію дѣлъ, что упраздняетъ необходимость въ какой бы то ни было критической провѣркѣ его. Онъ даетъ лишь поводъ подчеркнуть, что, помимо извѣстнаго рода принципіальныхъ разногласій у Пирогова съ людьми освободительной эпохи, между ними лежала еще пропасть и въ другомъ отношеніи. Мистически настроенный Пироговъ и его антиподы по міровоззрѣнію были людьми слишкомъ разныхъ темпераментовъ, чтобы между ними возможно было тѣсное и прочное единеніе. Съ наибольшей яркостью это обнаружилось впервые въ столкновеніи Пирогова съ Добролюбовымъ по вопросу о примѣненіи тѣлеснаго наказанія въ школахъ кіевскаго учебнаго округа. Публицистъ „Современника" казнилъ въ данномъ случаѣ Пирогова за попытку привести свои высокія теоретическія стремленія въ уровень съ практикой, укоренившейся въ средѣ полу-невѣжественнаго общества. Въ глазахъ Добролюбова это было позорное отвращеніе отъ энергичной борьбы съ общественной средой. И педагогъ Пироговъ, рожденный „не для житейскаго волненья", совсѣмъ не понялъ источника бурнаго негодованія своего молодого противника. Отмолчавшись въ моментъ столь критическій для его славы, онъ впослѣдствіи объяснилъ себѣ весь тотъ эпизодъ простой „инстинктивной" боязнью Добролюбовымъ тѣлеснаго наказанія *)... Гдѣ же было ему, столь бѣдному общественнымъ темпераментомъ,

*) На стр. 286 II тома: „Добролюбовъ, инстинктивно боявшійся розги, узрѣлъ въ моемъ регламентѣ" и пр.

понять сущность 70-хъ годовъ! Филиппики Пирогова (см. т. II) поэтому всего менѣе могутъ назваться критической оцѣнкой движеній освободительной эпохи. Ихъ значеніе совсѣмъ иное. Онѣ послужатъ будущему историку нашей общественности только какъ матеріалъ, пригодный для характеристики столкновенія двухъ общественныхъ міросозерцаній и темпераментовъ. Историкъ покажетъ, оцѣнивая съ этой стороны сочиненія Пирогова, всю странность его нападокъ на семидесятые годы. Странность тѣмъ большую, что именно семидесятые годы непосредственнѣе любой эпохи руской исторіи примыкаютъ къ основному пироговскому положенію, къ вѣчно юнымъ словамъ: „духа живого не угашайте".

Врачъ **М. Н. Паргаминъ. Сознательность, любовь и семейная жизнь у животныхъ**. Въ двухъ частяхъ, съ портретомъ автора. Спб. 1900 г. Ц. 2 р.

Содержаніе этой книги довольно странное. Это просто длинный рядъ всевозможныхъ наблюденій, охотничьихъ разсказовъ и даже легендъ изъ жизни различныхъ животныхъ, „фактовъ", нагроможденныхъ другъ на друга почти безъ всякой внутренней связи и безпорядочно набранныхъ безразлично изъ очень извѣстныхъ и никому не извѣстныхъ, но, тѣмъ не менѣе, „достовѣрныхъ" источниковъ (неизвѣстныхъ подчасъ, очевидно, и самому автору, судя по крайней мѣрѣ по отсутствію въ этихъ мѣстахъ ссылокъ). Просматривая этотъ „трудъ", мы никакъ не могли понять цѣли, преслѣдуемой авторомъ, пока послѣдній самъ, наконецъ, не пожелалъ придти къ намъ на помощь—увы, только на послѣдней, 272-й страницѣ. Говоря здѣсь о презрѣніи человѣка къ „безчувственнымъ", по его (человѣка) мнѣнію, животнымъ и о проистекающихъ отсюда несправедливостяхъ и жестокостяхъ по отношенію къ послѣднимъ, г. Паргаминъ прибавляетъ: „если автору настоящимъ трудомъ удалось убѣдить благосклоннаго читателя въ тождественности душевныхъ качествъ человѣка и животныхъ, то онъ сочтетъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ за настоящій трудъ, который, скажу мимоходомъ, былъ не легокъ, какъ бы слабы и малочисленны ни казались читателю приведенные факты". И далѣе: „но, слава Богу, трудности преодолены, собранный мною матеріалъ добросовѣстно сгруппированъ и вполнѣ, по моему, подтверждаетъ выставленный въ началѣ книги эпиграфъ—„Ничто человѣческое не чуждо животному". Отпуская свое дорогое дѣтище въ свѣтъ, пожелаю ему полнаго успѣха. Дай Богъ". Мы вполнѣ понимаемъ всѣ тѣ трудности, которыя встрѣтились г. Паргамину при составленіи его книги и благодаря которымъ только и имѣемъ возможность, кстати сказать, получить, въ качествѣ безплатнаго приложенія, портретъ самого

автора. Въ самомъ дѣлѣ, г. Паргаминъ вѣдь не спеціалистъ по данному вопросу и ему трудно различать въ чужой области истинное отъ ложнаго, важное отъ неважнаго, нужное отъ ненужнаго. Достаточно и того, что имъ руководило при этомъ хорошее желаніе показать читателю, что человѣкъ „часто злоупотребляетъ своею властью надъ животными, истребляя ихъ безъ всякой нужды, обременяя ихъ непосильной работой, истощая ихъ крайней жестокостью“. Мы вѣримъ г. Паргамину, вѣримъ въ его хорошія побужденія и именно поэтому-то надѣемся, что онъ не обидится на насъ за напоминаніе одной изъ общеизвѣстнѣйшихъ русскихъ пословицъ—не зная броду и т. д. Не обидится, думаемъ, и потому, что изъ двухъ возможныхъ объясненій появленія подобной книги въ свѣтъ мы склоняемся въ сторону все-же менѣе обиднаго невѣдѣнія и непониманія ея автора, чѣмъ чего-либо другого. Да, лучше не знать, не понимать, что дѣлаешь, чѣмъ уподобиться одному изъ тѣхъ индюковъ, про котораго разсказывается въ книгѣ г. Паргамина и который, желая „красть крыжовникъ“, но не будучи въ состояніи достать до него, благодаря своему маленькому росту, проявилъ необыкновенную сообразительность и въ концѣ концовъ досталъ-таки ягодъ. Для индюка, дѣйствительно, достаточно было бы въ этомъ „достовѣрномъ наблюденіи“ сообразительности, хотя и необыкновенной; для человѣка въ подобномъ же положеніи—одной сообразительности немного мало...

Вѣрить или не вѣрить? Экскурсія въ области таинственнаго В. В. Битнера. Спб. 1899. Ц. 1 р. 50 к.

„Выпуская въ свѣтъ книгу съ подобнымъ содержаніемъ, нужно быть приготовленнымъ, что она удовлетворитъ немногихъ и вызоветъ самую суровую оцѣнку. Гг. спириты будутъ недовольны, что я не признаю ихъ духовъ, а представители „точнаго знанія“, пожалуй, упрекнутъ меня въ „легковѣріи“, какъ это уже было сдѣлано рецензентомъ „Русскаго Богатства“ по поводу моей книжки „Чудеса гипнотизма“... Поясняя заглавіе, мы вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлимъ и самую цѣль нашей работы, которая сводится къ рѣшенію вопроса: существуютъ ли такія явленія въ области человѣческой психо-физики, которыя бы выходили за предѣлы дѣятельности извѣстныхъ намъ силъ“ (стр, III). Такими словами начинается „экскурсія“ г. Битнера въ область „таинственнаго“. Авторъ заранѣе готовится къ войнѣ на два фронта: со спиритами и съ представителями „точнаго знанія“.

Спириты, съ которыми собирается воевать г. Битнеръ, будутъ, конечно, настоящими спиритами, признающими своихъ духовъ; что же касается представителей точнаго знанія, на враждебность

которыхъ также разсчитываетъ нашъ авторъ, то это будутъ только представители знанія, взятаго въ ироническія кавычки, ибо настоящее точное знаніе нужно искать, конечно, въ разбираемой нами книгѣ, особенно въ такихъ ея частяхъ, какъ, напримѣръ, главы, трактующія о томъ: „Въ чемъ наша сила“ и „чего не зналъ Ньютонъ“.

Однако, какъ отличить настоящее точное знаніе отъ точнаго знанія въ кавычкахъ? Мы думаемъ, что всякій свѣдущій человѣкъ, не задумываясь, отвѣтить, что отличительной характеристикой настоящаго точнаго знанія служитъ методъ, при помощи котораго это знаніе добыто. Какъ бы ни было странно и необычайно извѣстное явленіе, но если методъ, при помощи котораго воспроизведено это явленіе или констатирована его дѣйствительность, если этотъ методъ безукоризненъ, то, конечно, ни одинъ человѣкъ истинной точной науки не станетъ далѣе отрицать реальность этого явленія.

Возможность телепатическихъ явленій, т. е. возможность сверхчувственной передачи мысли отъ одного мыслящаго существа къ другому подвергалась въ послѣднее время всестороннему обсужденію. Почти во всѣхъ странахъ цивилизованнаго міра существуютъ не только отдѣльныя лица, но даже цѣлыя общества, занятыя изслѣдованіемъ какъ явленій телепатическихъ, такъ и нѣкоторыхъ другихъ явленій, могущихъ имѣть связь съ телепатіей. Среди этихъ обществъ самую видную роль, безспорно, играетъ англійское „Общество психическихъ изслѣдованій“, издавшее между прочимъ огромный сборникъ „Phantasms of the Living“, переведенный на раaличные языки (въ томъ числѣ и на русскій языкъ въ сокращенномъ видѣ, подъ названіемъ „Прижизненные призраки“). Однако, всѣ эти обширныя работы не привели пока ни къ какимъ существеннымъ результатамъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ могла быть несомнѣнно доказана реальность телепатическихъ явленій (ради краткости мы будемъ употреблять только выраженія: „телепатія“‘ „телепатическія явленія, хотя, строго говоря, область „таинственнаго“, даже послѣ исключенія изъ нея спиритическихъ „духовъ“, нѣсколько шире области телепатіи)? Существуютъ два пріема доказательства, которые, если бы они были въ данномъ случаѣ возможны, сразу и безповоротно рѣшили бы вопросъ о дѣйствительности телепатическихъ явленій. Во первыхъ, телепатія сдѣлалась бы несомнѣннымъ фактомъ, если бы ея необходимость или только возможность была дедуктивно выведена изъ какихъ нибудь несомнѣнно-существующихъ явленій (напр., изъ какихъ нибудь свойствъ „тѣла“ или „души“ человѣка). Во вторыхъ, эти телепатическія явленія сдѣлались бы столь же несомнѣнными, если бы они могли быть воспроизведены путемъ точнаго эксперимента.

Несомнѣнно, о дедуктивномъ выводѣ не можетъ быть и рѣчи.

Остается, слѣдовательно, экспериментъ; но и здѣсь дѣло обстоитъ едва ли лучше. Вѣдь нельзя же считать эсприментомъ тѣ „представленія“ и фокусы, которые иногда удаются, иногда не удаются, причемъ, если и удаются, то при такой обстановкѣ, которая не исключаетъ даже возможности простого обмана. Что объ экспериментальномъ доказателъствѣ телепатіи не можетъ быть еще и рѣчи, это признаютъ и сами защитники реальности телепатическихъ явленій. Такъ, напр., нашъ авторъ говоритъ: „не только наша мысль способна передаваться черезъ громадное пространство, но даже та обстановка, при какой она намъ явилась, и тѣ слова, которыя при этомъ были высказаны, сообщаются лицу, часто никогда насъ не видѣвшему и находящемуся на другомъ концѣ земного шара. И все это даетъ намъ сама природа, а намъ остается только изучить тѣ условія, въ которыхъ такая чудодѣйственная передача мыслей и образовъ возможна! Правда, до сихъ поръ мы въ этомъ отношеніи *почти* ничего не знаемъ, но самый фактъ возможности сверхчувственнаго сообщенія мысли другому лицу уже не подлежитъ никакому сомнѣнію“ (стр. 47). Такимъ образомъ самъ авторъ признаетъ, что „*почти*“ (курсивъ автора) ничего неизвѣстно объ условіяхъ, при которыхъ возможна телепатія; мы же скажемъ, что объ этихъ условіяхъ *совсѣмъ* ничего не извѣстно, и мы желали бы, чтобы авторъ указалъ намъ, что именно ему извѣстно.

Но если ни дедуктивное доказательство, ни экспериментъ не возможны, то этимъ еще не исчерпываются методы изслѣдованія телепатическихъ явленій. Остается еще одинъ методъ, правда, весьма кропотливый и далеко не столь вѣрный, какъ дедукція и экспериментъ, но, всетаки, могущій привести къ весьма цѣннымъ результатамъ. Остается еще собирать „факты“ телепатіи и подвергать ихъ критическому обсужденію. На этотъ именно путь и вступило, между прочимъ, вышеназванное англійское „общество психическихъ изслѣдованій“. Путь этотъ гораздо болѣе труденъ и невѣренъ, чѣмъ это кажется съ перваго разу. Если вообще въ логикѣ общепризнано, что „наблюденіе“ является менѣе совершеннымъ орудіемъ, чѣмъ „опытъ“, то въ данномъ случаѣ, къ тому же, еще не можетъ быть и рѣчи о настоящемъ, непосредственномъ наблюденіи. Изслѣдователь телепатическихъ явленій не можетъ ихъ наблюдать даже такъ, какъ, наприм., наблюдаютъ жизнь и нравы животныхъ (не говоря уже объ астрономическихъ наблюденіяхъ), ибо онъ не можетъ предугадать, когда и гдѣ обнаружатся эти явленія; единственный пріемъ, остающійся въ его распоряженіи, заключается въ томъ, что, узнавши о возникновеніи гдѣ либо предполагаемаго телепатическаго явленія, онъ можетъ отправиться на мѣсто происшествія и разузнать объ обстоятельствахъ, при которыхъ возникло предполагаемое телепатическое явленіе. Но, очевидно, что этотъ пріемъ болѣе напоми-

наетъ допросъ судебнаго слѣдователя, чѣмъ изслѣдованіе ученаго. Всякій компетентный человѣкъ легко представитъ себѣ, съ какими трудностями приходится бороться въ данномъ случаѣ: не говоря уже объ умышленной мистификаціи съ какими нибудь корыстными цѣлями; не говоря уже о легкомысліи и легковѣріи большинства свидѣтелей; не говоря уже о томъ, что въ большинствѣ случаевъ этими свидѣтелями являются невропаты, истерички и вообще люди съ неуравновѣшенной нервной системой;— достаточно только указать на то, что невѣрная передача одного какого либо факта, упущеніе изъ виду одного какого либо обстоятельства можетъ придать непонятный и чудесный характеръ самому обыденному явленію. А всѣмъ извѣстно, какъ безнадежно противорѣчивы бываютъ свидѣтельскія показанія „очевидцевъ"; это фактъ до такой степени общераспространенный, что опытные судебные слѣдователи при вполнѣ тожественномъ показаніи двухъ свидѣтелей обыкновенно заподазриваютъ ихъ въ томъ, что они сговорились между собою.

Такимъ образомъ главнѣйшая (и почти единственная) работа, которую должны выполнить въ настоящее время изслѣдователи телепатическихъ явленій, заключается въ строгой и тщательной провѣркѣ условій возникновенія предполагаемыхъ явленій телепатіи. Что же сдѣлалъ нашъ авторъ? Чѣмъ наполнена его книга? Его книга наполнена „фактами" и „объясненіемъ" этихъ фактовъ. Начнемъ съ „фактовъ". „Несомнѣнными фактами" авторъ считаетъ все, что только ему пришлось слышать и о чемъ пришлось читать. У нашего автора „имѣются вполнѣ достовѣрныя историческія свидѣтельства" (стр. 25) о явленіяхъ „предчувствія" въ древности. Такимъ „достовѣрнымъ историческимъ свидѣтельствомъ" является у него разсказъ Цицерона объ убійствѣ въ Мегарѣ, переданный самимъ Цицерономъ изъ десятыхъ устъ. Нашъ авторъ до такой степени неразборчивъ въ пользованіи документами, что не пренебрегаетъ даже показаніями г-жи Блаватской; хотя онъ и самъ знаетъ (какъ это видно изъ примѣчанія на стр. 64), что „г-жа Блаватская, какъ извѣстно, пріобрѣла додольно печальное прозвище „остроумнѣйшей обманщицы", однако, онъ, всетаки, пользуется ея разсказомъ, предпосылая ему лишь такую оговорку: „за достовѣрность (разсказа), конечно, нельзя ручаться, хотя аналогичные факты можно иногда встрѣтить и у другихъ, болѣе правдивыхъ писателей" (стр. 64). Этимъ „болѣе правдивымъ писателемъ" нашъ авторъ, вѣроятно, считаетъ напр., Жаколіо, разсказами котораго онъ пользуетси, напр., на стр. 253, хотя достовѣрность событій, описываемыхъ Жаколіо, мало чѣмъ превосходитъ достовѣрность „путешествія вокругъ луны" Жюля Верна. Почти столь же достовѣрнымъ свидѣтелемъ слѣдуетъ считать и третій авторитетъ, на который ссылается нашъ авторъ: пресловутаго полковника де Роша (съ тѣмъ лишь различіемъ,

что де Роша вполнѣ добросовѣстно и самъ заблуждается). Полковникъ де Роша получилъ извѣстность своими опытами „экстеріоризаціи“; онъ убѣжденъ, что можемъ связать индивидуальность человѣка даже съ какою либо вещью, такъ что дальнѣйшая судьба этой вещи будетъ вліять на человѣка, *хотя бы этотъ человѣкъ и не зналъ* о томъ, что дѣлается съ этою вещью. Эта послѣдняя оговорка крайне необходима, потому что иначе дѣло свелось-бы къ простому внушенію, а полковникъ де Роша говоритъ не о внушеніи, а объ „экстеріоризаціи“ и „симпатеизмѣ“. Напримѣръ, „если во время гипноза чувствительнаго субъекта, взять, положимъ, стаканъ съ водою и поставить его на разстояніи иногда даже нѣсколькихъ метровъ отъ послѣдняго, то между субъектомъ, представляющимъ собою нѣчто вродѣ магнетическаго источника, вокругъ котораго воздухъ словно насыщенъ магнетизмомъ, и предметомъ, — въ данномъ случаѣ стаканомъ, помѣщеннымъ въ этотъ заколдованный кругъ, устанавливается какое то соотношеніе: каждый ударъ, уколъ, разлитіе воды и т. п., совершаемые безъ вѣдома загипнотизированнаго субъекта, вызываютъ въ немъ разнаго рода ощущенія, иногда имѣющія даже весьма бурный характеръ“. „Для иллюстраціи этой удивительной связи, устанавливающейся между человѣкомъ и неодушевленнымъ предметомъ, приведемъ здѣсь случай, имѣвшій мѣсто у полковника де Роша. Онъ поставилъ стаканъ съ водою въ кругъ дѣйствія магнетической силы двухъ гипнотиковъ, надъ которыми онъ экспериментировалъ. Произведя нужные опыты съ водою, Роша потомъ вылилъ ее за окно, совершенно забывъ о возможныхъ отъ этого послѣдствіяхъ. Ночь была морозная, вода замерзла, и представьте себѣ, у обоихъ гипнотиковъ всю ночь были сильнѣйшія колики и жесточайшій ознобъ, отъ котораго они ничѣмъ не могли согрѣться“ (стр. 97—8). Здѣсь опять нашъ авторъ чувствуетъ необходимость такого примѣчанія: „Возможно, что г. де Роша нѣсколько увлекается, что многое въ его опытахъ основано на внушеніи, продолжительной дрессировкѣ его субъектовъ и т. п.“.

Сверхъ „фактовъ“, надерганныхъ отовсюду, безъ всякой критики, авторъ даетъ еще и „объясненіе“. Это „объясненіе“ сводится, конечно, къ „магнетизму“, одизму, даже къ рентгеновскимъ лучамъ. Нашъ авторъ сторонникъ мнѣнія Крукса, что рентгеновскіе лучи „должны... имѣть много общаго съ телепатическими“ (стр. 88). Какъ объяснить явленіе телепатіи магнетизмомъ и электро-магнетизмомъ, объ этомъ нашъ авторъ не говоритъ; онъ предоставляетъ, вѣроятно, точному знанію въ кавычкахъ установить раціональную связь между извѣстными наукѣ явленіями магнетизма и явленіями телепатіи; самъ же онъ, какъ представитель точнаго знанія безъ кавычекъ, довольствуется „геніальною“ догадкою, что дѣло тутъ не обходится безъ магнетизма, этого излюбленнаго жупела „точныхъ“ изслѣдователей.

Бѣдный Ньютонъ не зналъ о чудодѣйственныхъ свойствахъ „электро-магнетизма", и посему онъ и напуталъ, устанавливая свои законы тяготѣнія. Ньютонъ совсѣмъ бы измѣнилъ свое міровоззрѣніе, если бы зналъ о такихъ фактахъ, какъ напримѣръ: „Когда недавно здѣсь, въ Сегединѣ, нѣсколько лицъ было арестовано по обвиненію въ чародѣйствѣ, говорится въ № 67 „Wilnerische Zeitung" за 1728 годъ — то, согласно здѣшнему обычаю, ихъ подвергли испытанію. Именно, послѣ того, какъ они плавали на водѣ подобно туфельному дереву, ихъ положили на вѣсы, чтобы свѣсить; при этомъ, удивительно, что большая толстая женщина вѣсила не болѣе $1^1/_2$ лота, ея мужъ, который тоже былъ не изъ маленькихъ, имѣлъ $1^1/_4$ лота, остальные, въ общемъ вѣсили отъ $1^3/_4$ или даже еще менѣе" (стр. 246). Можетъ ли послѣ этого читатель еще сомнѣваться въ достовѣрности источниковъ, которыми пользуется нашъ авторъ! Вѣдь „изслѣдователи" отличались такою щепетильностью, что отъ ихъ вниманія не ускользнула разница въ вѣсѣ на какую нибудь $^1/_4$ лота! И это вдобавокъ при взвѣшиваніи на большихъ и неуклюжихъ вѣсахъ, ибо „большую, толстую женщину" не могли же взвѣшивать на аптекарскихъ вѣсахъ, да и вѣсы въ Сегединѣ въ 1728 году едва ли отличались особенною тщательностью отдѣлки.

Однимъ словомъ, Ньютонъ не зналъ о явленіяхъ „левитистіи", не зналъ о томъ, что люди и вещи могутъ терять почти весь свой вѣсъ. „Допустивъ же такое предположеніе, мы (говоритъ авторъ на стр. 267) оказываемся въ выгодномъ положеніи по отношенію ко всякимъ неожиданностямъ, выкидываемымъ „чертовщиною". По отношенію къ „чертовщинѣ" положеніе будетъ, быть можетъ, и выгодное, но выгодно ли оно будетъ по отношенію къ наукѣ? Въ настоящую „чертовщину", впрочемъ, нашъ авторъ не вѣритъ, но вѣритъ за то въ „магнетизмъ". Онъ самымъ наивнымъ образомъ принимаетъ на вѣру всякій разсказъ, всякое сообщеніе и сейчасъ же даетъ „раціональное" объясненіе, сводящееся къ простому и голословному утвержденію, что данная „чертовщина" объясняется „симпатеизмомъ", „одизмомъ", „магнетизмомъ" или какимъ нибудь другимъ столь же „научнымъ" „измомъ".

Н. П. Загоскинъ Исторія права русскаго народа. Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права.—*Томъ первый.*—Введеніе. І. Наука исторіи русскаго права—II. Формація народа и государства.—Казань 1899.

Въ новой своей книгѣ проф. Загоскинъ задумалъ дать большую сводную работу, которая, не претендуя на значеніе учебника, служила бы однако общимъ систематическимъ курсомъ исторіи русскаго права. Все изданіе разсчитано имъ на двѣнадцать томовъ, которые онъ предполагаетъ выпускать одинъ за

другимъ втеченіе двѣнадцати лѣтъ. Ужъ изъ одного этого можно видѣть, насколько широко задумана авторомъ „Исторія права русскаго народа“. Вышедшій пока первый ея томъ, съ которымъ мы и имѣемъ дѣло въ настоящее время, посвященъ лишь введенію въ науку. Это введеніе въ свою очередь раздѣляется на двѣ неравномѣрныя части. Въ первой изъ нихъ, составляющей большую половину всей книги, авторъ излагаетъ исторію своей науки и разсматриваетъ вопросъ объ ея источникахъ и методахъ. Во второй части онъ разбираетъ различныя ученія о народности и древнемъ бытѣ русскихъ славянъ и образованіи русскаго государства.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе этого перваго тома грандіознаго труда, предпринятаго проф. Загоскинымъ. Нельзя не признать задачи подобнаго труда, имѣющаго своею цѣлью обобщеніе частныхъ выводовъ историко-юридическихъ изслѣдованій, весьма важною и вполнѣ своевременной, но вмѣстѣ съ тѣмъ приходится сказать, что исполненіе ея въ трудѣ уважаемаго ученаго оставляетъ желать весьма многаго. Прежде всего этотъ трудъ страдаетъ отсутствіемъ строго выработаннаго систематическаго плана, и это отзывается на изложеніи автора частыми отступленіями въ сторону, длиннотами и ненужными повтореніями. Въ тѣсной связи съ несистематичностью изложенія автора стоитъ его крайняя неопредѣленность и расплывчатость, подчасъ совершенно не дающая читателю возможности уяснить себѣ его мысль или же сообщающая этой мысли чрезмѣрно общій характеръ. Чтобы не оставить эту характеристику голословной, приведемъ нѣсколько образцовъ даваемыхъ авторомъ опредѣленій, взятыхъ съ разныхъ страницъ его книги. На вопросъ, что представляетъ изъ себя право, г. Загоскинъ отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ: „право, зиждясь на экономическомъ интересѣ, присущемъ каждому отдѣльному члену человѣческаго рода, представляетъ собою, на этой почвѣ, совокупность условій для разумной жизни какъ отдѣльныхъ индивидовъ въ обществѣ, такъ и цѣлыхъ человѣческихъ обществъ между собою,—и именно для жизни разумной, такъ какъ все то, что противорѣчитъ разуму, не можетъ быть и предметомъ права“ (5). Задача науки исторіи права, согласно утвержденію г. Загоскина, „сводится къ раскрытію историческаго хода развитія того продукта духовной жизни какъ всего человѣчества, такъ и отдѣльныхъ народовъ, который извѣстенъ подъ названіемъ права“, а „исторія русскаго права имѣетъ своимъ предметомъ изложеніе постепеннаго хода развитія той стороны духовной жизни русскаго народа, которая извѣстна подъ названіемъ права“ (11, 14—15). Что касается источниковъ науки, то „подъ источникомъ, по словамъ автора, мы разумѣемъ все то, что можетъ дать намъ возможность познать истины, раскрытіе которыхъ составляетъ предметъ данной науки, такъ какъ цѣль

всякаго человѣческаго знанія—открытіе истины“ (129). Въ этихъ опредѣленіяхъ, то рѣшительно переходящихъ въ простую тавтологію, то безнадежно широкихъ, самъ авторъ порою запутывается до того, что въ число источниковъ по исторіи русскаго права вноситъ даже біографіи „государственныхъ дѣятелей, оставившихъ по себѣ видный слѣдъ въ области законодательства и политики“ (220).

Въ основныхъ своихъ взглядахъ, нашедшихъ выраженіе въ настоящей книгѣ, проф. Загоскинъ примыкаетъ къ прежней школѣ историковъ юристовъ, которые видѣли въ исторіи вообще, и въ частности въ процессѣ созданія національнаго права, развитіе народнаго самопознанія, причемъ главною цѣлью историка выставлялось пониманіе народнаго духа, являющагося единственнымъ творящимъ факторомъ историческаго процесса. Соотвѣтственно этому и въ его оцѣнкѣ движенія русской исторіографіи явственно сказываются рѣзко-націоналистическія тенденціи. По его словамъ, занимавшіеся русскою исторіей въ XVIII вѣкѣ нѣмецкіе ученые „создали такъ называемую нѣмецкую школу русской исторіографіи, школу, на долго затормазившую самобытное національное развитіе отечественной исторіи, школу, изъ подъ гнетущаго давленія которой съ великимъ трудомъ освобождалась впослѣдствіи русская наука“ (25—6). Бѣда была въ томъ, что эти нѣмецкіе ученые „не были сынами призвавшей ихъ Россіи, имъ чуждъ былъ духъ русской народности, они не могли трезво смотрѣть на явленія древнѣйшей русской исторіи и, такъ сказать, инстинктивно чувствовать и понимать ихъ значеніе въ исторіи русской жизни“ (26). Болѣе цѣнною и менѣе тенденціозною представляется г. Загоскину „славянская школа русской исторіи“, съ Ломоносовымъ во главѣ ея. Въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи авторъ особенно отмѣчаетъ заслуги Карамзина, трудъ котораго „даетъ отвѣтъ по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ древняго русскаго права“ (33), и славянофиловъ, которые, „пробудивъ въ русскомъ обществѣ затемненное въ XVIII-мъ и въ первой трети XIX столѣтій народное наше самосознаніе, при всѣхъ своихъ крайностяхъ, принесли русской жизни быть можетъ недостаточно еще оцѣненную услугу“ (49). И эти частныя утвержденія автора, и та общая точка зрѣнія, изъ которой они вытекаютъ, едва-ли могутъ въ настоящее время разсчитывать на серьезное признаніе ихъ въ наукѣ. Впрочемъ, эта точка зрѣнія и не господствуетъ въ изложеніи автора на всемъ протяженіи даваемаго имъ исторіографическаго обзора. Сколько-нибудь систематическій характеръ этотъ обзоръ имѣетъ лишь до 50-хъ годовъ нашего столѣтія; начиная же съ этого времени, авторъ даетъ лишь перечисленіе лекторовъ русской исторіи и исторіи русскаго права въ разныхъ университетахъ, прибавляя еще указанія на нѣкоторыя работы называемыхъ имъ лицъ. Исторіографическій обзоръ, зак-

люченный въ столь тѣсныя рамки, естественно оказывается крайне случайнымъ и неполнымъ. Точно также и указанія источниковъ, дѣлаемыя авторомъ, страдаютъ отсутствіемъ систематичности и точности и благодаря этому богаты серьезными ошибками и пробѣлами. Для примѣра достаточно сказать, что новѣйшій переводъ дневника Гордона на русскій языкъ неизвѣстенъ проф. Загоскину, а изъ 15 томовъ „Актовъ Южной и Западной Россіи" онъ знаетъ и указываетъ своему читателю лишь 8 (237, 36). Немногимъ болѣе даетъ читателю и вторая часть книги г. Загоскина. Тѣ страницы ея, которыя посвящены разъясненію вопроса объ общеславянскомъ правѣ, чрезмѣрно общи и заключаютъ въ себѣ слишкомъ примитивныя, а часто и устарѣлыя, свѣдѣнія. Сверхъ того авторъ разбираетъ здѣсь, съ большою подробностью, но безъ особаго критическаго искусства, котораго, конечно, и трудно было бы требовать отъ историка права въ вопросахъ, подлежащихъ вѣдѣнію собственно историковъ и филологовъ, различныя теоріи о происхожденіи Руси. Въ результатѣ этого разбора, едва-ли необходимаго въ данномъ трудѣ въ такихъ размѣрахъ, самъ г. Загоскинъ склоняется къ теоріямъ гг. Забѣлина и Иловайскаго, давно потерявшимъ всякій кредитъ въ глазахъ спеціалистовъ. Въ конечномъ итогѣ, принимая во вниманіе указанныя особенности книги г. Загоскина, приходится, кажется, пожалѣть о томъ, что авторъ придалъ ей черезчуръ широкую постановку, тѣмъ самымъ усложнивъ и затруднивъ свою задачу. Во всякомъ случаѣ въ настоящемъ своемъ видѣ эта книга далеко не удовлетворитъ того читателя, который возьмется за нее съ намѣреніемъ ознакомиться съ современнымъ состояніемъ науки исторіи русскаго права.

Н. Рожковъ. Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI вѣкѣ. М. 1899.

Въ основу книги г. Рожкова, посвященной изслѣдованію весьма важной, но мало еще изученной области экономической исторіи древней Руси, положенъ громадный матеріалъ по преимуществу неизданныхъ источниковъ, тщательно разработанныхъ авторомъ. Умѣло пользуясь показаніями этихъ источниковъ, главнымъ образомъ писцовыхъ книгъ и грамотъ XVI вѣка, авторъ на основаніи ихъ возстановляетъ исторію сельскаго хозяйства на территоріи московскаго государства въ XVI столѣтіи, не ограничиваясь при томъ одною техническою стороною этого хозяйства, а ставя свою задачу гораздо шире. По его собственнымъ словамъ, программа изслѣдованія о сельскомъ хозяйствѣ древней Руси въ XVI вѣкѣ должна включать въ себя „три основные вопроса: 1) какова была техническая сторона сельскохозяйственной промышленности? 2) подъ какими вліяніями слагалась сельскохозяйственная произво-

дительность того времени? и 3) какъ отражалось сельское хозяйство XVI вѣка на общественномъ и государственномъ строѣ? Систематическаго разсмотрѣнія послѣдняго изъ этихъ вопросовъ г. Рожковъ не даетъ въ своей книгѣ, и безъ того разросшейся до значительныхъ размѣровъ, но первые два вопроса разработаны имъ весьма широко, съ большимъ тщаніемъ и мастерствомъ. Во введеніи къ своему изслѣдованію г. Рожковъ разсматриваетъ климатическія и почвенныя условія территоріи московскаго государства въ XVI вѣкѣ и опредѣляетъ крупные раіоны этой территоріи, которые болѣе или менѣе рѣзко различались между собою по указаннымъ условіямъ и въ которыхъ, въ зависимости отъ такого различія, могла иначе складываться и самая судьба сельскаго хозяйства. Обращаясь къ системѣ сельскаго хозяйства и его исторіи на протяженіи XVI вѣка въ различныхъ областяхъ московской Руси, авторъ въ результатѣ обстоятельнаго изслѣдованія этого вопроса находитъ возможнымъ установить слѣдующій общій выводъ. Въ то время, какъ на сѣверныхъ, юго-восточныхъ и южныхъ окраинахъ московскаго государства сельское хозяйство втеченіе XVI вѣка замѣтно развивалось и шло впередъ, въ старыхъ областяхъ государства,—центрѣ и западномъ Полѣсьѣ—за тотъ же періодъ наблюдается рѣшительный регрессъ. Этотъ регрессъ выразился и въ паденіи техники земледѣльческаго хозяйства, въ замѣнѣ паровой-зерновой системы переложною, и въ ростѣ барской и холопской пашни и одновременномъ сокращеніи крестьянской запашки, свидѣтельствующемъ о разореніи крестьянина. Параллельно съ этими явленіями, обнаружившимися въ 1570-хъ годахъ, авторъ отмѣчаетъ другія—паденіе цѣнности рубля, вздорожаніе хлѣба и удешевленіе земли и скота, причемъ его изслѣдованіе даетъ ему между прочимъ возможность внести значительныя поправки въ установленную проф. Ключевскимъ схему колебанія цѣнности русскаго рубля. Отыскивая причины обрисованнаго имъ хозяйственнаго упадка старыхъ областей государства, который соединялся съ бѣгствомъ изъ нихъ населенія въ сѣверные, восточные и южные уѣзды, г. Рожковъ отказывается видѣть эти причины въ возрастаніи тяжести государственныхъ податей или платежей крестьянина владѣльцу. Произведенная имъ крайне любопытная попытка подсчета сравнительной тяжести тѣхъ и другихъ платежей въ разные періоды XVI вѣка приводитъ его къ обратному заключенію. „Реальное повышеніе податного обложенія земли, по его словамъ, замѣтно только въ концѣ вѣка сравнительно съ его половиной. Платежи въ пользу государства возрасли въ 80—90-хъ годахъ въ $3^{1}/_{2}$ раза сравнительно съ 50-ми, но этого нельзя сказать, сравнивая платежи 20—40-хъ годовъ и даже болѣе ранніе съ высотой обложенія въ половинѣ столѣтія“ (234). Съ другой стороны, и натуральный и денежный оброкъ, уплачивавшійся крестьяниномъ

въ пользу владѣльца, и крестьянская барщина, гдѣ она существовала, отозвались на протяженіи вѣка безъ серьезныхъ измѣненій, если не считать случайныхъ колебаній. Въ общемъ „благосостояніе крестьянина на значительной части территоріи Московскаго государства въ XVI вѣкѣ неуклонно понижалось и у него оставалось все меньшее количество потребительныхъ цѣнностей. Однако не въ условіяхъ распредѣленія, не въ государственномъ обложеніи и не въ измѣненіяхъ земледѣльческаго оброка надо искать причинъ упадка благосостоянія крестьянскаго населенія: владѣльческій оброкъ не росъ, онъ даже нѣсколько понизился; налоги возрасли реальнымъ образомъ только въ 80-хъ годахъ, когда упадокъ хозяйства былъ уже совершившимся фактомъ“ (265). Скорѣе самые налоги повысились подъ вліяніемъ сокращенія размѣровъ запашки и совершившагося въ концѣ вѣка освобожденія отъ тягла части боярской пашни. Упадокъ сельско хозяйственнаго производства не объясняется и условіями торговли, такъ какъ, хотя за XVI столѣтіе и наблюдается постепенное ея развитіе, но „въ техническихъ пріемахъ и условіяхъ сельскохозяйственнаго обмѣна вообще незамѣтно какихъ либо серьезныхъ перемѣнъ въ теченіе вѣка“ (290). Въ виду всего этого, г. Рожковъ объясненія указанныхъ перемѣнъ въ области сельскохозяйственнаго производства ищетъ въ условіяхъ землевладѣнія. Какъ убѣдительно доказываетъ онъ на основаніи многочисленныхъ цифровыхъ данныхъ, въ XVI вѣкѣ можно констатировать „слѣдующія характерныя черты распредѣленія и мобилизаціи земельной собственности: 1) постепенно увеличивавшееся преобладаніе помѣстнаго и монастырскаго землевладѣнія и сокращеніе служилыхъ вотчинъ и особенно черныхъ земель; 2) ростъ средняго служилаго землевладѣнія насчетъ мелкаго и въ особенности крупнаго; 3) сильное развитіе мобилизаціи вотчинъ и— еще въ большей степени—помѣстій“ (451—5). Упроченіе этихъ-то условій землевладѣнія, получившихъ особенно большое значеніе въ старыхъ областяхъ московскаго государства и оказывавшихъ, какъ свидѣтельствуютъ факты, вредное вліяніе на земледѣліе, и вызвало, по мнѣнію автора, упадокъ сельскаго хозяйства въ этихъ областяхъ. Въ ряду этихъ условій онъ первое мѣсто отводитъ росту помѣстнаго и монастырскаго землевладѣнія, росту, вызванному одной и той же общей причиной. „Помѣстная система возникла и развилась подъ вліяніемъ господства натуральнаго хозяйства, которое едва лишь начало ослабляться во второй половинѣ XVI вѣка“ (468). Въ свою очередь въ процессѣ перехода служилыхъ вотчинъ въ собственность монастырей „существовала главная, общая причина, безъ которой немыслимъ былъ бы и самый этотъ процессъ,—это то же натуральное хозяйство, которымъ обусловливалось возникновеніе и развитіе помѣстной

системы: земля была почти единственной цѣнностью, которою могли дѣлать вклады служилые люди XVI вѣка" (472).

Таково общее построеніе и главнѣйшіе выводы интереснаго изслѣдованія г. Рожкова. Заключительный выводъ его можетъ, пожалуй, вызвать споръ въ силу своей неясности. Когда авторъ выставляетъ господство натуральнаго хозяйства главною причиной развитія помѣстной системы и роста монастырскаго землевладѣнія, онъ едва ли не смѣшиваетъ причину съ условіемъ. Натуральное хозяйство создавало такое положеніе вещей, при которомъ вклады въ монастыри дѣлались именно землею, но не оно вызывало самые эти вклады. Съ другой стороны самъ авторъ указываетъ, что бенефиціи на западѣ не создали такого разоренія, какое наблюдается въ центрѣ и въ новгородско-псковской области московскаго государства въ концѣ XVI вѣка, и для объясненія этого отличія привлекаетъ условія русской равнины, позволявшія населенію „разбрестись розно". Такимъ образомъ онъ въ сущности отчасти возвращается къ данному проф. Ключевскимъ объясненію сельскохозяйственнаго кризиса XVI вѣка усиленною колонизаціею населенія изъ центра на окраины, отвергнутому имъ ранѣе на томъ основаніи, что такая колонизація слѣдовала за кризисомъ, а не предваряла его. Наконецъ, чрезмѣрное развитіе помѣстной системы было вызвано не общими условіями натуральнаго хозяйства, а тѣми же нуждами и требованіями государства, которыя позднѣе повели къ непомѣрно высокому податному обложенію земли. И самый фактъ сравнительно поздняго — лишь въ концѣ XVI вѣка — быстраго роста этого обложенія, устанавливаемый авторомъ, требовалъ бы, на нашъ взглядъ, еще значительной повѣрки, такъ какъ въ вычисленіяхъ г. Рожкова, при всемъ ихъ остроуміи, имѣется и немалая доля гипотетичности. Равнымъ образомъ и нѣкоторые частные выводы автора могутъ вызвать сомнѣніе и споръ. Въ своихъ разсчетахъ цѣнности русскаго рубля, авторъ, слѣдуя пріему проф. Ключевскаго, беретъ для сравненія съ древними хлѣбными цѣнами цѣны 1882 г. По существу это пріемъ не вполнѣ удачный и, если бы авторъ взялъ цѣны за болѣе долгій промежутокъ времени, его разсчеты могли бы значительно измѣниться и пріобрѣсти большую устойчивость. Въ другомъ мѣстѣ г. Рожковъ едва ли правильно отрицаетъ серьезное вліяніе погрома Грознаго на населеніе новгородской области и во всякомъ случаѣ напрасно ссылается на аналогичное будто бы мнѣніе по этому поводу покойнаго Ильинскаго (366). Въ указанномъ имъ мѣстѣ Ильинскій говоритъ не о погромѣ Грознаго, а о морахъ и пожарахъ въ Новгородѣ, въ другихъ же мѣстахъ своей работы покойный ученый по вопросу о вліяніи похода Грознаго на запустѣніе новгородской области высказывалъ мнѣніе, какъ разъ противоположное мнѣнію г. Рожкова. Но, конечно, подобныя част-

ныя поправки, возможныя и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, не умаляютъ общей цѣны изслѣдованія г. Рожкова. Посвященное весьма важнымъ вопросамъ, оно и по массѣ собраннаго авторомъ матеріала, и по умѣлой его разработкѣ является серьезнымъ вкладомъ въ нашу историко-экономическую литературу.

Новыя книги поступившія въ редакцію:

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала **не продаются.** Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссій по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

А. А. Навроцкій (Н. А. Вроцкій). Драматическія произведенія. Т. II. Спб. 1900. Ц. 1 р.

Ф. Д. Нефедовъ. Сочиненія. Т. III. Изданіе С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Спб. 1900. Ц. 1 р.

Книга раздумій. **К. Д. Бальмонтъ. Валерій Брюсовъ. Модестъ Дурновъ. Ив. Коневской.** Спб. 99.

Н. Н. Каниведкій. Изъ былого Черноморіи. Екатеринодаръ. 1900. Ц. 1 р.

Пожаръ на кораблѣ. **М. Цебриковой.** Изданіе кн. магазина А. А. Лапина. Смоленскъ. 99. Ц. 25 к.

Пестунья отравительница. **М. Цебриковой.** Изданіе кн. магазина А. А. Лапина. Смоленскъ. Ц. 40 к.

Упырь. **Гр. А. К. Толстого.** Съ предисл. Владиміра Соловьева. Спб. Изданіе СПбургскаго книжнаго склада М. Залшупина. 1900. Ц. 1 р.

А. И. Косоротовъ. Забитая калитка и Вавилонское столпотвореніе. Спб. 1900. Ц. 1 р.

С. Загорскій. Нашла коса на камень. Съ рис. Н. Некрасова. Спб. Изданіе Е. В. Лавровой и Н. А. Попова. 99. Ц. 75 к.

Джероламо Роветта. Марко Спада. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Переводъ съ итал. А. А. Никитина. М. 1900. Ц. 50 к.

Роберто Бракко. Женщина. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Переводъ съ итал. А. А. Никитина. М. 1900. Ц. 50 к.

Рядовой Петръ Холькетъ. Разсказъ **Оливы Шрейнеръ.** Переводъ съ англ. Е. Г. Бекетовой. Изданіе „Посредника". М. 1900. Ц. 25 к.

Изданія Е. В. Лавровой и Н. А. Попова. Спб. 99. **Эркманъ-Шатріанъ.** Два брата. Переводъ съ франц. Е. А. Никольской. Съ 22 рис. Ц. 60 к.— **Эркманъ-Шатріанъ.** Домъ лѣсного сторожа. Переводъ съ франц. Е. А. Никольской. Съ 14 рис. Ц. 30 к.—**Корделія.** Гора чудесъ. Индійская повѣсть. Переводъ съ итальянскаго. Е. А. Никольской. Съ рисунками Н. Некрасова. Ц. 10 к.—**С. Карасевичъ.** Какъ солнце, луна и звѣзды поспорили. Рис. Н. Некрасова. Ц. 10 к.—**А. Кругловъ.** Приключенія Мишки Топтыгина. Рис. худ. А. Степанова. Ц. 30 к.—**Ф. Г. Бернетъ.** Сара Кру и Воръ Эдифи. Съ иллюстраціями. Ц. 25 к.—**А. Додэ.** Тартаренъ изъ Тараскона. Переводъ съ франц. М. и Е. Соломиныхъ. Съ иллюстраціями. Ц. 25 к.—

Е. Балабанова. Кавказскія воспоминанія. Рис. Н. Некрасова. и Е. Гарнакъ. Ц. 20 к.—**Ф. Г. Бернетъ.** Маленькій лордъ Фаунтльрой. Переводъ съ англійскаго. М. и Е. Соломиныхъ. Съ иллюстраціями. Ц. 50 к.—**Ф. Г. Бернетъ.** Маленькая подвижница и Изъ жизни Пичино. Съ иллюстраціями. Ц. 25 к.—**Перро.** Котъ въ сапогахъ. Сказка въ 5 картинахъ. Передѣлалъ для сцены Н. Поповъ. Ц. 20 к.

Иллюстрированная сказочная библіотека Ф. Павленкова. Спб. 1899 г. Польскія сказки. Цвѣтокъ папоротника. Чудесный грошикъ. Волшебная скрипка. Съ 15 рис. Переводъ Т. С. Якубовскаго. Ц. 15 к. — Японскія сказки. Добрые сыновья. Женихи Готару-Гиме, принцессы Свѣтляковъ. Храбрый рыцарь. Съ 9 рис. Переводъ Б. Д. Порозовской. Ц. 10 к.—Долгъ платежемъ красенъ. Рыбакъ Урашима. Лиса и барсукъ. Неприступный замокъ. Не убивай! Корабль счастья. Съ 13 рис. Переводъ Б. Д. Порозовской. Ц. 15 к.—Путешествіе двухъ лягушекъ. Два сосѣда. Сказка изъ жизни морского дна. Съ 11 рис. Переводъ Б. Д. Порозовской. Ц. 10 к.—Арабскія сказки. Исторія Али-Бабы и сорока разбойниковъ. Маленькій Кади. Съ 7 рис. Переводъ Б. Д. Порозовской. Ц. 15 к.—Путешествіе Синдбада-мореплавателя. Съ 9 рис. Переводъ Б. Д. Порозовской. Ц. 20 к.—Калифъ на день. Съ 8 рис. Переводъ Б. Д. Порозовской. Ц. 15 к.—Аладдинъ и волшебная лампа. Съ 14 рис. Переводъ Б. Д. Порозовской. Ц. 20 коп.

Михаилъ Москаль. Возрожденіе или упадокъ? Критическій этюдъ по поводу романа гр. Л. Н. Толстого „Возрожденіе". М. 1900. Ц. 60 к.

Г. Брандесъ. Литература XIX вѣка въ ея главныхъ теченіяхъ. Нѣмецкая литература. Переводъ съ нѣм. Б. Д. Порозовской и В. И. Писаревой. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 1900. Ц. 1 р.

Робертъ Сизераннъ. Рёскинъ и религія красоты. Съ портретомъ Джона Рёскина. Переводъ съ франц. Т. Богдановичъ. Спб. 1900. Ц. 80 к.

Л. Шепелевичъ. „Фаустъ" Гете. Опытъ характеристики. Двѣ лекціи въ пользу недостаточныхъ студентовъ. Изд. ред. ж. „Образованіе". Спб. 1900. Ц. 30 к.

М. Доманскій. Памяти А. С. Пушкина. Изданіе книжнаго магазина А. А. Лапина. Смоленскъ. 99. Ц. 5 к.

Графъ А. К. Толстой. Проектъ постановки на сцену трагедіи „Смерть Іоанна Грознаго". Изд. книж. скл. М. Залшупина. Спб. 1900. Ц. 50 к.

С. Введенскаго. Религіозные идеалы А. С. Пушкина. Казань. 99. Ц. 30 к.

А. Алтаевъ. Юноша-поэтъ. (Жизнь С. Я. Надсона). Съ портретами и автографомъ. Спб. Изд. Е. В. Лавровой и Н. А. Попова. 99. Ц. 50 к.

С. Орловскій. Художникъ А. А. Ивановъ. Съ портретомъ А. Иванова и снимками съ его произведеній. Спб. Изданіе Е. В. Лавровой и Н. А. Попова. 99. Ц. 40 к.

Артуръ Графъ. Софизмы Льва Толстого. Переводъ съ итальянскаго И. Гливенко. Кіевъ. Ц. 20 к.

Семейный университетъ **Ф. С. Комарскаго.** Т. I. Вып. IV. Спб. 99.

Программы домашняго чтенія. 4-й годъ систематическаго курса. М. 1900. Ц. 60 к., съ перес. 87 к., налож. плат. 97 к.

Указатель книгъ рекомендуемыхъ для чтенія дѣтямъ. Выпускъ I. Младшій возрастъ. Изданіе Семейно-педагогическаго кружка въ г. Казани. 1900. Ц. 15 к.

Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка.

Составленъ по энциклопедическлму словарю Ф. Павленкова. Спб. 1900. Цѣна въ переплетѣ 1 р.

Исторія міра. **Этьенъ Гюйаръ.** Переводъ съ франц. Л. Шейниса. Съ 101 рис. Изданіе Ф. Павленкова. Спб 1900. Ц. 1 р.

Свѣтъ видимый и невидимый. Лекціи **Сильвануса Томпсона.** Переводъ съ англ. В. Чепинскаго. Съ 150 рис. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 1900. Ц. 60 к.

Вольфъ. Космогоническія гипотезы. Переводъ подъ ред. М. Филиппова. Изданіе П. П. Сойкина. Спб. 1900. Ц. 60 к.

А. А. Сапожниковъ. О преобразованіи календаря. Спб. 1900. Ц. 30 к.

Клейнъ. Астрономическіе вечера. Третье изданіе русскаго перевода. Съ многочисленными дополненіями, портретами, таблицами, иллюстраціями и картами. Спб. Изданіе т-ва „Знаніе". Редакція К. П. Пятницкаго. 1900. Ц. 2 р.

Я. В. Абрамовъ. Вселенная. Съ 29 рис. и 2 картами. Спб. 1900. Ц. 50 к.

Практическое руководство для изученія органической химіи. **Л. Гаттермана.** Переводъ съ нѣм. В. А. Смирнова подъ редакціей А. Н. Реформатскаго. Съ 84 рис. М. 1900. Ц. 2 р.

А. М. Никольскій. Лѣтнія поѣздки натуралиста. Съ рис. Изданіе т-ва „Знаніе". Спб. 1900. Ц. 2 р.

В. Лункевичъ. (Научно-популярная библіотека для народа). Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 1899—1900. Бичи земли и чудеса природы. Съ 23 рис. Ц. 16 к.—Землетрясенія и огнедышащія горы. 2-ое изданіе. Съ 12 рис. Ц. 16 к.—Жилища и постройки животныхъ. Съ 12 рис. Ц. 16 к.—Семейная жизнь животныхъ. Съ 28 рис. Ц. 15 к.—Общественная жизнь животныхъ. Съ 20 рис. Ц. 12 к.—Обезьяны. 2-ое дополненное изданіе. Съ 16 рис. Ц. 15 к.—Пчёлы, осы и термины. Съ 16 рис. Ц. 18 к.—Вода. Съ 52 рис. Ц. 28 к.—Подводное царство. Съ 63 рис. Ц. 20 к.—Воздухъ. Съ 27 рис. Ц. 15 к.—Степь и пустыня. Съ 38 рис. Ц. 18 к.—Тайга и тундра. Съ 23 рис. Ц. 14 к.—Среди снѣговъ и вѣчнаго льда. Съ 41 рис. Ц. 24 к.

Противныя животныя. **А. Лейрица.** Съ предисловіемъ Макса де-Нансути. Съ 84 рис. Переводъ съ франц. подъ редакціей И. Я. Шевырева. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1900. Ц. 50 к.

В. Лункевичъ. Среди животныхъ и растеній. Очерки изъ жизни животныхъ и растеній для дѣтей. Съ 99 рис. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1900. Ц. 75 к.

Э. П. Эвансъ. Эволюціонная этика и психологія животныхъ. Переводъ съ англійскаго. Е. Орлова. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1899. Ц. 75 к.

А. Р. Уоллесъ. Чудесный вѣкъ. Положительные и отрицательные итоги девятнадцатаго столѣтія. Переводъ Л. Лакіера. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1900. Ц. 1 р. 25 к.

А. **Сутерландъ.** Происхожденіе и развитіе нравственнаго инстинкта. Переводъ съ англійскаго. Н. Кончевской. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1900. Ц. 1 р. 50 к.

Буддійскія сутты. Въ переводѣ съ пали проф. Рисъ-Дэвидса. Съ примѣч. и вступит. статьей. Русскій переводъ и предисловіе Н. И. Герасимова. М. 1900. Ц. 1 р. 25 к.

Ф. Тома. Нравственность и воспитаніе. Переводъ съ франц. Е. Леонтьевой. Спб. Изданіе ред. ж. „Образованіе". 1900. Ц. 30 к.

С. А. Золотаревъ. Голосъ семьи о школѣ. Чистый сборъ поступаетъ

въ пользу Литературнаго кружка. Рига. Изд. книж. маг. бр. Башмаковыхъ. 1900. Ц. 30 к.

Н. Карѣевъ. Замѣтки о преподаваніи исторіи въ средней школѣ. Изданіе „Русской школы". Спб. 1900. Ц. 50 к.

С. и Б. Уэббъ. Исторія рабочаго движенія въ Англіи. Перев одъ съ англ. Г. А. Паперна. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 99. Ц. 1 р. 50 к.

К. Р. Качоровскій. Русская община. Томъ I. Спб. 1900. Ц. 1 р. 75 к.

К. Каутскій. Аграрный вопросъ. Переводъ съ нѣмецкаго И. Андреева и Либина. Редакція Д. Протопопова. Спб. Изданіе т-ва „Знаніе". 1900 Ц. 1 р. 50 к.

Е. Водовозова. Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Швейцарцы. Съ 10-ю картинками В. М. Васнецова и друг. Спб. 1900. Ц. 40 к.

Путникъ. **(Н. Лендеръ).** Черное море и Кавказъ. Спб. Изданіе А. С. Суворина. 1900.

Современное народовѣдѣніе. **Г. Ахелиса.** Переводъ съ нѣм. Ѳ. Капелюша. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 1900. Ц. 1 р. 25 к.

Біографическая библіотека Ф. Павленкова. Р. Вирховъ, его жизнь и научно-общественная дѣятельность. Съ портретомъ. Очеркъ **Ю. Г. Малиса.** Спб. 99. Ц. 25 к.—А. Н. Островскій, его жизнь и дѣятельность. Съ портретомъ. Очеркъ **Н. И. Иванова.** Спб. 1900. Ц. 25 к.

Римская имперія. Сборникъ статей въ переводѣ А. С. Милюковой. („Библіотека для самообразованія"). Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1900 Ц. 2 р. 50 к.

Ѳ. В. Благовидовъ. Оберъ-прокуроры св. синода въ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія. 2-е, переработанное изданіе. Казань. 1900. Ц. 2 р.

Три замѣчательные старообрядца. **Тертія Филиппова.** Спб. 99. Ц. 50 к.

П. Лупповъ. Христіанство у вотяковъ со времени первыхъ историческихъ извѣстій о нихъ до XIX вѣка. Спб. 99. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 к.

Отчетъ виленской воскресной школы за 1889—1899. г. Вильна. 99

Отчетъ о-ва попеченія объ учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ г. Кургана. за 1898—9 г. Курганъ. 99.

J. du Sorbiers de la Tourrasse. La horde d'or. Drame heroïque en 4 actes. Paris. 1900.

Dr. V. Totomianz. Le développement économique des Etats-Unis et de l'Europe en 1898. Paris. 99.

ПОЛИТИКА.

Южно-африканская война. — Операціи въ Наталѣ. — Успѣхи Робертса и вторженіе въ Оранжъ.—Переговоры о мирѣ и посредничествѣ.

I.

Въ половинѣ декабря прошлаго 1899 года мы оставили въ этой хроникѣ современной исторіи театръ кровавой борьбы въ Южной Африкѣ. Мы оставили буровъ торжествующими на всѣхъ четырехъ возможныхъ путяхъ англійскаго нашествія. Сначала, имѣя нѣкоторое численное превосходство, къ концу тогда нами обозрѣннаго періода буры оказались значительно малочисленнѣе своихъ враговъ. Теперь уже можно съ достовѣрностью сказать, что всѣ силы буровъ никогда не превышали 60 тыс. комбатантовъ; англичане открыли кампанію съ силами въ 40 тыс. комбатантовъ, не включая полицейскихъ отрядовъ и мѣстныхъ англійскихъ волонтеровъ, но съ артиллеріей, превосходившей артиллерію буровъ и численностью, и калибромъ, и силою снарядовъ (лидитные). Черезъ два мѣсяца послѣ начала войны, т. е. къ декабрю, англичане усилили численность своихъ регулярныхъ войскъ до 90 тыс. комбатантовъ съ еще болѣе усиленною артиллеріею. Причисляя мѣстныхъ англійскихъ волонтеровъ и полицейскія войска, тоже принимавшія дѣятельное участіе въ войнѣ, англійскія силы можно принимать почти вдвое болѣе значительными, нежели силы союзныхъ голландскихъ республикъ. Патріотическій героизмъ свободныхъ гражданъ этихъ маленькихъ республикъ восторжествовалъ, однако, и надъ этимъ превосходствомъ числа и надъ стойкостью регулярныхъ войскъ, и надъ военнымъ искуствомъ военныхъ спеціалистовъ арміи, знаменитой боевыми успѣхами и торжествами.

Впрочемъ, военные спеціалисты очень и очень критикуютъ военное искусство англійскихъ военачальниковъ, и только несоблюденію англичанами „законовъ“ стратегіи и тактики приписываютъ неуспѣхъ первой кампаніи англичанъ, завершившейся катастрофой 15 дек. у Коленсо. Конечно, ни Ксерксъ, ни Мардоній, ни другіе персидскіе полководцы не были знакомы съ „законами“ войны и, разумѣется, поэтому ихъ били Ѳемистоклы и Павзаніи. Правда, и эти послѣдніе съ означенными законами не были знакомы, не знакомы съ ними ни Жуберъ, ни Кронье,

какъ это краснорѣчиво доказываютъ тѣ же военные спеціалисты, которые критикуютъ военныя операціи, составляющія горестныя перипетіи этой потрясающей драмы. Не будемъ, однако, невнимательны къ голосу спеціалистовъ. Все-таки, они намъ объяснятъ нѣкоторыя подробности, не видныя намъ, не спеціалистамъ, хотя нерѣдко спеціалисты за подробностями не видятъ ансамбля этой, правда, очень сложной, но, и во всей своей сложности, единой картины.

Французскій полковникъ ген. штаба Патри (Patry) такъ объясняетъ неуспѣхъ операцій, предпринятыхъ въ декабрѣ ген. Редверсомъ Буллеромъ (Revue Bleu, 1900, № 4): „Въ то время, какъ буры пріостановили свое наступленіе, довольствуясь осадой трехъ крѣпостей, которыхъ даже паденіе не могло бы имѣть рѣшительнаго вліянія на исходъ борьбы, англичане, не останавливаясь, посылали одно вслѣдъ другому многочисленныя подкрѣпленія изъ метрополіи, которыя спокойно безъ помѣхи высаживались въ разныхъ портахъ колоніи отъ Каптоуна до Дурбана. Это былъ психологическій моментъ для англійской арміи. На выборъ представлялось два плана, рѣзко отличающіеся по возможнымъ и вѣроятнымъ послѣдствіямъ. *Первый* могъ быть внушенъ болѣе политическими, нежели военными соображеніями: это—распредѣлить вновь прибывшія силы на столько частей, сколько аттакованныхъ пунктовъ, чтобы добиться освобожденія Кимберлея, или освобожденія Ледисмита, или оттѣснѣнія непріятеля изъ сѣверныхъ областей Капской колоніи, которыя имъ были заняты. *Второй*, предписываемый самыми несомнѣнными правилами военнаго искусства: сосредоточить подкрѣпленія, по мѣрѣ ихъ прибытія, въ одинъ пунктъ, въ Портъ-Елисаветъ напр., или въ Дурбанѣ, смотря по тому, Капъ или Наталь былъ бы избранъ театромъ рѣшительнаго удара, а затѣмъ съ сильною и сосредоточенной арміей въ 80 тыс. комбатантовъ начать рѣшительное наступленіе и, принявъ во вниманіе при маневрированіи свойства территоріи, принудить противника очистить занятыя области, преподавъ при этомъ ему не одинъ тягостный урокъ. Предположимъ, что театромъ операціи избранъ Наталь—по нашему, менѣе удачный выборъ—какихъ аттакъ съ фланга или съ тыла могла опасаться армія подобнаго состава, наступающая отъ Дурбана по направленію къ Ледисмиту? Никакихъ. Контингенты буровъ, оперировавшіе у Мольтено, у Кольсберга, на Модеръ-Риверѣ и у Кимберлея отстояли на сотни и сотни километровъ отъ операціонной линіи Дурбанъ—Ледисмитъ. Но даже если и предположить съ ихъ стороны попытку ударить на лѣвый флангъ англійскаго наступленія, то ихъ безъ особаго труда можно было остановить въ этихъ гористыхъ мѣстахъ при помощи нѣсколькихъ партизанскихъ отрядовъ, составленныхъ изъ мѣстныхъ волонтеровъ и поддержанныхъ откомандированнымъ полкомъ—двумя регулярныхъ войскъ. Съ

другой стороны, если бы англійскіе военачальники рѣшились оперировать на территоріи Капской колоніи, избравъ операціонной линіей направленіе Портъ-Елисаветъ—Кольсбергъ, задача была бы много легче, отсутствіе фланговой опасности тоже самое и англійская армія, рѣшительно аттаковавшая непріятеля въ его наиболѣе слабомъ пунктѣ, скоро выгнала бы его со своей территоріи и принудила бы къ поспѣшному отступленію и значительныя непріятельскія силы, расположенныя на Моддеръ-Риверѣ къ югу отъ Кимберлея. Большимъ преимуществомъ этого плана было и немедленное вторженіе на территорію одной изъ союзныхъ республикъ.—По несчастью для англійской арміи, англійскій главный штабъ остановился на первомъ изъ двухъ намѣченныхъ плановъ и прибывающія подкрѣпленія, по мѣрѣ ихъ высадки, направлялись одни къ Кимберлею, другія — къ Кольсбергу, третьи — къ Мольтено и четвертыя—къ Ледисмиту. Въ результатѣ: безсиліе на всѣхъ пунктахъ... Неоднократно, и на Моддерѣ, и около Кольсберга, и у Мольтено, и на Тугелѣ, англичане отважно и настойчиво аттаковали непріятеля, искусно укрѣпившагося на своихъ позиціяхъ и геройски отразившаго всѣ аттаки британскихъ войскъ. Но нигдѣ, даже на Моддерѣ и на Тугелѣ, эти кровопролитныя столкновенія не привели къ рѣшительнымъ результатамъ, потому что буры-побѣдители нигдѣ не попытались продолжить свои успѣхи далѣе удержанія собственныхъ позицій и всюду дозволили разбитымъ противникамъ спокойно отступить къ своимъ позиціямъ и снова занять угрожающее положеніе. И это положеніе, продолжающееся уже столько времени (писано во второй половинѣ января), готово, повидимому, стать безысходнымъ, если только одинъ изъ противниковъ не откажется наконецъ отъ пагубной системы раздробленныхъ дѣйствій и не рѣшится сосредоточить свои силы на какомъ либо пунктѣ борьбы и аттаковать одинъ за другимъ разрозненные отряды непріятеля. Только такой образъ дѣйствія можетъ повести къ рѣшительнымъ результатамъ“.

Такъ писалъ спеціалистъ, подводя итоги первому періоду войны, завершившемуся пораженіями англичанъ на Моддерѣ и на Тугелѣ, гдѣ 15 дек. ген. Буллеръ былъ разбитъ у Коленсо при попыткѣ придти на помощь осажденному и крайне тѣснимому гарнизону Ледисмита. Какъ бы отвѣчая плану французскаго полковника, ген. Буллеръ подтянулъ къ себѣ новыя подкрѣпленія, прибывшія изъ Европы и Австраліи, и, доведя свою армію до 70 тыс. комбатантовъ, а съ гарнизономъ Ледисмита до 80 тыс. (цифра вышеуказанная военнымъ критикомъ), возобновилъ свое наступленіе съ цѣлью освободить Ледисмитъ, оттѣснить непріятеля съ британской территоріи и проложить англійскому нашествію путь въ сердце предназначенныхъ къ завоеванію голландскихъ республикъ. Что могли ему противуставить граждане этихъ республикъ? Не менѣе двадцати-пяти тысячъ

(скорѣе больше) было разбросано на трехъ другихъ линіяхъ англійскаго вторженія (на Моддерѣ противъ лорда Метуэна, у Кольсберга — противъ ген. Френча и у Дордрэхта—противъ ген. Гетекра, стоявшаго у Мольтено); нѣкоторое число блокировало Кимберлей и Мефкингъ; нѣсколько сотъ охраняло линію р. Лимпопо отъ вторженія англійскихъ волонтеровъ изъ Родезіи (на сѣверной границѣ Трансвааля). И только остальные, едва ли полные 30 тыс. комбатантовъ, блокировали Ледисмитъ и занимали линію Тугелы, препятствуя ген. Буллеру освободить Ледисмитъ. Я не знаю, какой военный геній на мѣстѣ ген. Жубера съумѣлъ бы маневрировать по плану полковника Патри, но съ англійской стороны ген. Буллеръ одобрилъ, какъ выше сказано, сходный планъ и выступилъ снова противъ Жубера, но уже *пять противъ двухъ* (80 тыс. противъ maximum 30 тыс.) и съ артиллеріей, еще значительнѣе превышавшей силы буровъ. Прослѣдимъ вкратцѣ эти поучительныя операціи, исполненныя самого глубокаго трагизма.

15 декабря былъ разбитъ ген. Буллеръ подъ Коленсо и отступилъ въ укрѣпленный лагерь у Чивлея. Здѣсь онъ дождался подкрѣпленій,—двѣ дивизіи изъ Англіи и нѣсколько тысячъ конной пѣхоты изъ Австраліи. 17 января онъ рѣшается возобновить наступленіе, имѣя силы почти втрое превосходящія своей численностью силы непріятеля. Не рѣшаясь снова аттаковать съ фронта, Буллеръ направляетъ значительныя силы, двѣ дивизіи съ сильною артиллеріей, въ обходъ праваго фланга оборонительной линіи непріятеля. Генералъ Уорренъ, начальникъ 5-й дивизіи, только что прибывшей изъ Англіи, вмѣстѣ съ корпусомъ кавалеріи подъ начальствомъ лорда Дендональда, состоявшимъ въ резервѣ въ сраженіи 15 декабря у Коленсо, поднялся далеко вверхъ по Тугелѣ на западъ и здѣсь благополучно перешелъ эту рѣку, оттѣснивъ небольшой наблюдательный отрядъ буровъ, сюда выставленный непріятелемъ. Уорренъ вышелъ на большую колесную дорогу, соединяющую Блумфонтенъ съ Ледисмитомъ и, повернувъ по ней къ востоку, началъ энергическое наступленіе съ цѣлью освободить гарнизонъ Ледисмита. Одновременно съ Уорреномъ, пятью милями (восемью верстами) ниже, перешелъ Тугелу ген. Литльтонъ съ своей дивизіей, тоже находившейся въ резервѣ 15 дек. и лишь прикрывшей бѣгство дивизіи Гарта, разбитаго на правомъ флангѣ. Ген. Литльтонъ долженъ былъ дѣйствовать сообща съ Уорреномъ, поддерживая его движеніе справа. Переходъ черезъ Тугелу Уоррена и Литльтона немедленно отразился тѣмъ, что большая часть буровъ, охранявшихъ переходъ черезъ Тугелу, отошли на Блумфонтенскую дорогу, что дало возможность ген. Буллеру и съ остальными войсками перейти Тугелу, наступая къ Ледисмиту съ юга. Обѣ части арміи находились другъ отъ друга въ очень близкомъ разстояніи и обѣ операціи, фланговая Уоррена и фронтальная Буллера, были, соб-

ственно говоря, комбинированнымъ наступленіемъ одной арміи, имѣвшей еще въ тылу непріятеля десятитысячный гарнизонъ Ледисмита, при чемъ каждый изъ двухъ наступающихъ корпусовъ превосходилъ численностью все войско буровъ, включая и отряды, блокировавшіе Ледисмитъ. Я полагаю, что здѣсь были соблюдены всѣ правила и законы войны. Эти правила и законы гарантировали ген. Буллеру и его сподвижникамъ торжество и полный успѣхъ.

20 января, дѣйствительно, бригадный генералъ Клеръ изъ колонны Уоррена овладѣваетъ послѣ упорнаго боя передовыми позиціями буровъ на ледисмитской дорогѣ (у англичанъ около 900 выб. изъ строя). Буры подъ командою Ботта отступаютъ и занимаютъ слѣдующій рядъ высотъ съ ихъ ключемъ Спіонъ-Скопомъ. Два дня англичане подготовляютъ аттаку артиллерійскимъ огнемъ, пользуясь своимъ значительнымъ превосходствомъ въ артиллеріи. Они осыпаютъ позицію противника снарядами, Литльтонъ и Буллеръ дѣлаютъ то же самое. Въ Ледисмитѣ слышатъ близкую канонаду съ разныхъ сторонъ и сами открываютъ огонь. Осажденные видятъ Спіонъ-Скопъ и наблюдаютъ убійственное дѣйствіе артиллеріи Уоррена. 23 января ночью Уорренъ штурмуетъ высоты Спіонъ-Скопа и, послѣ упорной битвы, въ которой англичане теряютъ больше тысячи, успѣваетъ овладѣть этой позиціей. 24 янв. утромъ наступающая колонна видитъ съ высоты Спіонъ-Скопа осажденный Ледисмитъ, гдѣ тоже видятъ торжество своихъ освободителей и вылазками стараются облегчить ихъ задачу. Литльтонъ и Буллеръ тоже дѣлаютъ аттаки. Это однако не мѣшаетъ бурамъ сдѣлать послѣднее отчаянное усиліе. Тѣмъ же утромъ 24 января ген. Ботта идетъ на штурмъ и овладѣваетъ Спіонъ-Скопомъ послѣ ожесточеннаго боя. Англичане дѣлаютъ нѣсколько попытокъ снова выбить непріятеля изъ Спіокъ-Скопа, но, отбитые съ сильнымъ урономъ, окончательно разстроенные, въ безпорядкѣ отступаютъ къ своимъ переправамъ. 27 января вся армія снова на южномъ берегу Тугелы и освобожденіе Ледисмита оказывается снова недостижимымъ, а планъ, составленный согласно всѣмъ законамъ войны и соотвѣтственно указаніямъ военныхъ спеціалистовъ, осязательно неудавшимся. Нѣсколько тысячъ убитыхъ—единственный результатъ всѣхъ этихъ операцій, искусно задуманныхъ, отважно и толково исполненныхъ и, вдобавокъ, поддержанныхъ подавляющимъ перевѣсомъ силъ! Еще разъ нравственный факторъ одержалъ блистательную побѣду и надъ численнымъ превосходствомъ, и надъ превосходствомъ вооруженія, и надъ военнымъ искусствомъ старой и прославленной боевой арміи... Еще разъ, но, повидимому, уже въ послѣдній.

II.

6, 7 и 8 февраля ген. Буллеръ еще разъ переходитъ Тугелу, овладѣваетъ нѣкоторыми позиціями, но, замѣтивъ съ воздушнаго шара силы непріятеля, снова отходитъ за Тугелу. Повидимому, это послѣднее наступленіе Буллера было только диверсіей, предназначенной по возможности дольше удержать силы буровъ на Тугелѣ въ то время, какъ самъ главнокомандующій фельдмаршалъ Робертсъ приготовлялся нанести непріятелю смертельный ударъ съ другой стороны. 14 февраля міръ узналъ объ этомъ изъ телеграммъ англійскаго фельдмаршала, доносившаго о первыхъ достигнутыхъ успѣхахъ.

Къ этому времени англичане довели численность своихъ войскъ въ Южной Африкѣ до 189 тыс. комбатантовъ, какъ это сообщилъ военный министръ лордъ Ландсдоунъ въ палатѣ лордовъ. Изъ этой силы, болѣе, нежели втрое, превосходившей силы непріятеля, 80 тыс. были въ Наталѣ у Буллера противъ 30 тыс. буровъ; около десяти тыс. были у ген. Гетекра въ Мольтено и у ген. Клеменца (смѣнившаго ген. Френча) передъ Кольсбергомъ, оба противъ приблизительно тоже десяти тысячъ буровъ. Около 5 тыс. буровъ къ этому времени уже выбыли изъ строя (у англичанъ потери превзошли къ этому времени 10 тыс.) и столько же приблизительно были заняты осадою Мефкинга и Кимберлея и охраною сѣверной границы противъ Родезіи. У Кронье противъ лорда Метуэна на Моддерѣ находилось подъ командою около 10 тыс., включая и расположенные нѣсколько тысячъ у Якобсдаля. Сюда то направилъ свой ударъ фельдм. Робертсъ, располагая для этого не менѣе, какъ 80 тыс. комбатантовъ, включая и отрядъ лорда Метуэна, выжидавшаго въ укрѣпленномъ лагерѣ прибытія новыхъ силъ. Остающіяся затѣмъ 20 тыс. англичанъ были направлены частью къ генераламъ Гетекру и Клеменцу, частью употреблены для борьбы съ возставшими на западѣ Капа африкандерами. 9 февраля Робертсъ съ своимъ начальникомъ штаба лордомъ Китченеромъ и 9 дивизіей, только что прибывшей изъ Англіи, вступилъ въ укрѣпленный лагерь лорда Метуэна на Моддерѣ. Девятая дивизія сформирована изъ крѣпостныхъ батальоновъ и милиціи; при ней усиленная артиллерія и кавалерійская бригада, сформированная изъ йоманри (конная милиція помѣщиковъ). Всего съ фельдм. Робертсомъ вступило въ лагерь лорда Метуэна до 20 тыс. комбатантовъ, а вмѣстѣ съ войсками, уже стоявшими здѣсь, численность этой первой колонны арміи Робертса превышала 30 тыс. съ сильною артиллеріею. Другая колонна, болѣе многочисленная, наступала нѣсколько восточнѣе. Авангардомъ служилъ кавалерійскій корпусъ

ген. Френча, снабженный сильною конной артиллеріей и отрядомъ такъ называемой конной пѣхоты. Непосредственно за авангардомъ слѣдовали 6 и 7 дивизіи съ сильною артиллеріей, отряды милиціи и йоманри, новые контингенты изъ Австраліи и Канады, всего 40—50 тыс. комбатантовъ. Военныя операціи открыла именно эта колонна.

11 февраля полковникъ Ганей съ бригадой конницы и конной артиллеріей вышелъ на берегъ Ритъ-Ривера, значительной рѣки, которой Моддеръ служитъ притокомъ. Онъ безъ труда оттѣснилъ наблюдательные посты буровъ, такъ что 12 февраля утромъ ген. Френчъ со всѣмъ авангардомъ, а къ вечеру и главныя силы колонны благополучно перешли рѣку безъ сопротивленія, значительно выше (восточнѣе) сліянія Рита и Моддера, гдѣ былъ расположенъ лагерь лорда Метуэна и гдѣ уже 9 февраля сосредоточилась вторая наступающая колонна, противъ которой занималъ свои позиціи ген. Кронье съ своими приблизительно 6 тыс. буровъ. Другой отрядъ буровъ (3 — 4000 чел.), какъ сказано, стоялъ восточнѣе тоже на Моддерѣ. Его то аттаковали англичане 13 февраля и послѣ упорнаго, но безнадежнаго для буровъ боя въ полномъ смыслѣ слова раздавили этотъ отрядъ. Большинство было перебито, другіе оттѣснены на востокъ къ Блумфонтену. 13-го же февраля ген. Френчъ, а за нимъ и главныя силы перешли Моддеръ, обойдя Кронье съ востока, отрѣзывая его отъ операціоннаго базиса и открывая себѣ свободный путь къ Кимберлею, куда 15 февраля и прибылъ ген. Френчъ, освободивъ его отъ осады, потомучто немногочисленные буры, блокировавшіе городъ, отступили безъ битвы. Съ этого момента Кронье былъ обойденъ и съ сѣвера, со всѣхъ сторонъ окруженный непріятелемъ, въ 14—15 разъ болѣе многочисленнымъ и снабженнымъ подавляющей артиллеріей всѣхъ калибровъ и всякой силы.

15 февраля Кронье оставилъ свой укрѣпленный лагерь у Маггерсфонтена, на поляхъ котораго 11 декабря англійская гвардія и шотландскіе гайлендеры были почти уничтожены его войсками. Англичане, не подозрѣвая этого, утромъ 16 февраля подошли къ оставленнымъ позиціямъ и съ удивленіемъ не нашли на нихъ непріятеля. Лордъ Киченеръ немедленно двинулся въ догонку отступающему Кронье, который уже 17 февраля натолкнулся на превосходныя силы. Пробиться ему не удалось, но англичане понесли очень чувствительныя потери, до тысячи, въ томъ числѣ 2 генерала и 49 офицеровъ, выбывшихъ изъ строя. Кронье укрѣпился въ долинѣ у Паадербера на Моддерѣ въ ожиданіи выручки. Съ этого времени (17 февр.) и до 27 февраля небольшой отрядъ Кронье выдерживалъ упорныя битвы съ пятидесятью тысячами непріятеля, окружившаго его тѣснымъ кольцомъ. Не менѣе 70—80 орудій дѣйствовали концентрически безъ

перерыва противъ буровъ, которые не имѣли съ собой ни одного полевого орудія, а 6 тяжелыхъ орудій не могли быть установлены. Ежедневно буры теряли по нѣсколько сотъ человѣкъ, но отказывались сдаться. Робертсъ одиннадцать дней ихъ систематически разстрѣливалъ, не получая въ обмѣнъ ни одного снаряда. Аттаковать открытою силою англичане не рѣшались, предпочитая бомбардировку. На неоднократное предложеніе сдаться Кронье отвѣчалъ отказомъ. 21 февраля отрядъ буровъ подъ командою Стейна подошелъ отъ Блумфонтена къ англійскому авангарду на Ритъ-Риверѣ. Сраженіе для буровъ было удачно въ томъ смыслѣ, что они отбили у англичанъ 87 повозокъ и болѣе 1000 быковъ, но проложить путь для Кронье не удалось. 22 февраля подошли новыя силы буровъ подъ командою Девета, но англичане успѣли сосредоточить сюда значительно превосходящія силы, такъ что и 22 февраля сраженіе было нерѣшительное. Англичане во всякомъ случаѣ удержали свои позиціи, что имъ и требовалось покуда. Въ ночь на 23 февр. къ нимъ подошли новыя значительныя силы и утромъ они могли сами перейти въ наступленіе съ превосходными силами. Командованіе бурами приняль, между тѣмъ, ген. Ботта, только что прибывшій изъ подъ Ледисмита, гдѣ онъ ровно мѣсяцъ тому назадъ 23 — 24 января разбилъ ген. Уоррена на высотахъ Спіонъ-Скопа, но и его искусство ничего не могло сдѣлать противъ подавляющаго превосходства англійскихъ силъ. Послѣ упорной битвы буры отступили къ Блумфонтену. Съ этого момента участь ген. Кронье и его геройскаго отряда должна была считаться рѣшенною. Однако, Кронье продержался еще четыре дня и только 27 февраля подписалъ капитуляцію. Съ нимъ положило оружіе около 4 тыс. буровъ, въ томъ числѣ 1150 оранжійскихъ и безъ малаго 3 тыс. трансваальскихъ. Шесть тяжелыхъ орудій тоже достались англичанамъ. Значительная часть сдавшихся буровъ раненые. Кронье и нераненные буры были отправлены въ Капштадтъ, при чемъ для безопасности плѣнные заключены на судахъ, стоящихъ въ портѣ, а Кронье даже переправленъ на о—въ Св. Елены въ виду подозрѣнія, что капскіе голландцы желаютъ устроить ему побѣгъ. Конечно, эта ссылка плѣннаго генерала на мѣсто заключенія самого Наполеона показываетъ, какъ высоко цѣнятъ англичане его военныя дарованія, но суровая участь Наполеона на Св. Еленѣ не предвѣщаетъ Кронье ничего добраго. Будемъ надѣяться, что XIX столѣтіе прошло для англичанъ не совсѣмъ даромъ и что они научилась быть человѣчнѣе къ своимъ плѣнникамъ. То обстоятельство, что островъ заточенія находится въ непосредственномъ вѣдѣніи Чемберлена, не снимаетъ отвѣтственности съ другихъ министровъ и государственныхъ дѣятелей Англіи, а напротивъ даже увеличиваетъ. Чемберленъ слишкомъ извѣстенъ для этого.

Эти неудачи буровъ на западѣ вынудили ихъ снять осаду съ Ледисмита и 28 февраля лордъ Дендональдъ вступилъ въ Ледисмитъ на радость истощеннаго и больного гарнизона, нѣкоторое время уже голодавшаго. Осажденный городъ былъ наканунѣ капитуляціи, но успѣхи фельдм. Робертса на Моддерѣ лишили буровъ всѣхъ плодовъ ихъ побѣдъ на Тугелѣ. Небольшая часть ихъ укрѣпилась въ Гленко, на мѣстѣ ихъ первой побѣды надъ англичанами, заслоняя Трансвааль отъ вторженія арміи ген. Буллера. Большая же часть ушла за Драконовы горы защищать родину, уже аттакованную многочисленнымъ и торжествующимъ врагомъ. Тоже и на южномъ театрѣ войны, гдѣ буры очистили Дордрехтъ и Кольсбергъ, отступая къ Оранжу. Генераламъ Гетекру и Клеменцу оставалось только занять очищенную территорію и послѣдовать за уходящимъ непріятелемъ въ Оранжъ, по пути арестовывая мѣстныхъ голландскихъ нотаблей за ихъ сочувствіе бурамъ.

27 февраля, какъ выше сказано, капитулировалъ отрядъ Кронье. На эвакуацію, распредѣленіе и отправку плѣнныхъ понадобилось нѣкоторое время, а равно на очищеніе отъ мелкихъ отрядовъ непріятеля окрестностей Моддера и Рита. Только чечезъ недѣлю мы видимъ фельдмаршала возобновившимъ свое наступленіе. На этотъ разъ объективомъ движенія былъ избранъ Блумфонтенъ, столица Оранжа, гдѣ въ это время находились оба президента, Стейнъ и Крюгеръ. Рѣчь послѣдняго къ оранжійскому народу произвела глубокое впечатлѣніе. Оба президента, однако, выѣхали вслѣдъ затѣмъ изъ Блумфонтена, неукрѣпленнаго города, защита котораго была признана невозможной. 7 марта наступающая англійская армія наткнулась на буровъ близь Осфонтена. Англичане и здѣсь не рискнули аттакой, а выдвинули свою подавляющую артиллерію въ то время, какъ кавалерійскій корпусъ ген. Френча былъ двинутъ въ обходъ съ цѣлью окружить и этотъ отрядъ. Буры своевременно замѣтили обходное движеніе и успѣли предупредить Френча по блумфонтенской дорогѣ, бросивъ однако въ добычу англичанамъ одно орудіе и нѣсколько повозокъ. 11 марта новое столкновеніе у Дрифонтена. Упорная битва кончилась для англичанъ неудачно. Имъ не удалось сбить съ позиціи войска ген. Ботта, не удался имъ и маневръ съ обходомъ позицій. Значительныя потери съ обѣихъ сторонъ—единственный результатъ кроваваго дня. Этотъ путь къ Блумфонтену, по берегу Моддера, оказался такимъ образомъ загражденнымъ. Но южнѣе, по берегу Ритъ-Ривера, проходитъ другая дорога, по которой свободно прошелъ ген. Френчъ съ своимъ кавалерійскимъ корпусомъ и уже 13 марта безъ боя занялъ Блумфентенъ, очищенный небольшимъ отрядомъ буровъ, его занимавшимъ. Того же числа вступилъ въ городъ и самъ фельдмаршалъ. Англичане, не малочисленные въ Блумфонтенѣ,

встрѣтили кликами вступленіе британскихъ войскъ. Между тѣмъ, генералы Гетекръ и Клеменцъ наступали на Оранжъ съ юга. Авангардъ перваго изъ нихъ 12 марта подошелъ къ Оранжевой рѣкѣ, составляющей южную границу республики. Здѣсь они увидѣли на другомъ берегу укрѣпленныя позиціи буровъ, которые успѣшно воспрепятствовали переправѣ англичанъ. Но когда Блумфонтенъ былъ занятъ и Робертсъ первымъ дѣломъ двинулъ сильную колонну подъ командою ген. Поль-Карью на встрѣчу Гетекру, буры отошли къ сѣверо-западу въ горы и 15 марта ген. Гетекра перешелъ Оранжевую рѣку, занялъ городокъ Бетанію и того же 15 марта соединился съ колонною Поль-Карью, такъ что весь югъ Оранжа попалъ въ руки англичанъ, 16 марта подошелъ и Клеменцъ изъ Кольсберга, такъ что обѣ желѣзно-дорожныя линіи отъ Истъ-Лондона черезъ Мольтено и отъ Портъ-Елисаветъ черезъ Кольсбергъ въ Блумфонтену очутились во власти англичанъ, этимъ способомъ обезпечившимъ себѣ болѣе короткую и безопасную коммуникаціонную линію, нежели обходная черезъ Моддеръ на Капштадтъ. Силы же англійскаго главнокомандующаго, усиленныя колоннами генераловъ Гетекра и Клеменцъ, достигли въ половинѣ марта (нов. стиля) подавляющей цифры въ сто тыс. комбатантовъ со свыше сотней полевыхъ орудій, не считая крупныхъ морскихъ. Подкрѣпленія изъ Англіи продолжаютъ прибывать, а войска ген. Буллера, 80 тыс. комбатантовъ, угрожаютъ вторженіемъ въ Трансвааль черезъ проходы Драконова хребта. Противъ него стоитъ укрѣпившійся въ Гленко отрядъ, а главныя силы буровъ, едва-ли 40 тыс. комбатантовъ, въ сѣверо-западномъ углу Оранжа. Здѣсь расположенъ Кронстадъ, новая резиденція президента Стейна и оранжійскихъ палатъ и здѣсь расположены войска, командуемыя Ботта и Жуберомъ, частью охраняя переходъ черезъ Вааль, путь вторженія въ трансваальскую республику, частью закрывая доступъ въ Кронстаду. Кажется, англичане не думаютъ здѣсь рисковать битвой, хотя бы и съ втрое слабѣйшимъ непріятелемъ. Повидимому, они думаютъ обойти. По крайней мѣрѣ, извѣстно, что лордъ Киченеръ во главѣ сорокатысячной арміи двинулся было изъ Кимберлея на сѣверъ освобождать Мэфкингъ, все еще осажденный и очень тѣснимый бурами. Съ сѣвера изъ Родезіи еще раньше выступила къ Мэфкингу колонна полковника Плюмера. Несомнѣнно, что буры въ этихъ краяхъ не имѣютъ достаточно силъ, что бы противустать арміи такого состава, а отсюда, изъ Бечуаналенда, равниной путь и въ Іоганесбургъ и въ Преторію. Послѣдняя по слухамъ укрѣплена. Какъ-бы то ни было силамъ ген. Жубера и Ботта придется считаться съ этимъ новымъ наступленіемъ. Имѣя противъ себя Робертса съ 60 тысячной арміей, они едва-ли рискнутъ его аттаковать, а, не разбивъ его, уйти противъ Киченера, значитъ привести за собою и Робертса. Когда силы до такой сте-

пени неравны, куда ни кинь, вездѣ клинъ. Нравственный элементъ борьбы сдѣлалъ чудеса и въ теченіе полугода „равенъ былъ неравный споръ". Двѣ маленькія республики, число жителей которыхъ меньше, нежели въ любомъ средней руки провинціальномъ городѣ Европы, выдерживаютъ уже шесть мѣсяцевъ борьбу съ величайшей и богатѣйшей имперіей въ мірѣ, съ великой державой, привыкшей презирать коалиціи могущественныхъ государствъ, съ арміей, которая привыкла къ побѣдамъ надъ лучшими и храбрѣйшими арміями самыхъ могущественныхъ націй отъ Креси и Пуатье до Ватерло и Альмы! Давно цивилизованный міръ не присутствовалъ при подобныхъ чисто эпическихъ событіяхъ. Припоминаются древніе герои Эллады и Рима, легенды о Телѣ, блестящіе, хотя и нелегендарные подвиги предковъ буровъ въ XVI в., отстоявшихъ свободу родины въ борьбѣ съ Испаніею... Тогда Англія заступилась за маленькую Голландію, какъ въ XVIII в. Франція, Испанія и Голландія заступились за возставшую Америку. Заступится-ли кто-нибудь за маленькій геройскій народъ, нынѣ изнемогающій въ борьбѣ съ гигантомъ? Въ XIX в. случаевъ такого заступничества было особенно много. Въ 1828 г. Англія, Россія и Франція своимъ вмѣшательствомъ остановили истребленіе эллинской расы, предпринятое торжествующимъ туркомъ. Въ 1831 году Европа устраиваетъ независимость Бельгіи. Въ 1849 г. Англія и Россія останавливаютъ уже занесенную надъ Даніей прусскую руку. Въ 1859 году вмѣшательство Франціи освобождаетъ Италію отъ австрійскаго ига. Въ 1867 г. Соединенные Штаты освобождаютъ Мехику отъ французскаго вмѣшательства. Въ 1876 г. русскій ультиматумъ останавливаетъ побѣдное шествіе турецкой арміи на Бѣлградъ, а въ 1878 году Санъ-стефанскій миръ освобождаетъ Болгарію. Въ 1892 г. соединенная Европа вынуждаетъ Турцію выполнить свои обязательства передъ Черногоріей и Греціей. Въ 1897 г. Европа освобождаетъ Критъ и спасаетъ разбитую Грецію. Въ 1898 г. Соединенные Штаты вступаются за возставшую Кубу и вынуждаютъ Англію принять третейскій судъ въ ея столкновеніи съ Венесуэлой. Такова поучительная страница исторіи защиты слабыхъ сильными въ теченіе XIX в. Менѣе-ли достойны защиты и сочувствія герои Оранжа и Трансвааля?

III.

13 Марта въ палатѣ лордовъ маркизъ Салисбюри и въ палатѣ общинъ Бальфуръ сообщили парламенту депеши, обмѣненныя между президентами республикъ Стейномъ и Крюгеромъ съ одной стороны и англійскимъ премьеромъ съ другой и касающіяся предложенія мира, сдѣланнаго 5 марта президентами англійскому правительству. Депеша президентовъ, помѣченная Блумфон-

тёномъ, заключаетъ въ себѣ, какъ сказано, предложеніе мира, изложенное въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Президенты свободнаго государства Оранжа и Южно-Африканской республики, маркизу Салисбюри".

(По телеграфу). Блумфонтенъ, 5 марта. (Получена 6 марта).

„Кровь и слезы тысячи человѣческихъ существъ, страдающихъ отъ настоящей войны, и перспектива моральнаго и экономическаго упадка, угрожающая въ настоящее время всей Южной Африкѣ, вмѣняютъ обѣимъ воюющимъ сторонамъ въ обязанность спросить себя, съ возможнымъ безпристрастіемъ, какъ бы въ присутствіи самого Всевышняго, что за причина, побуждающая ихъ сражаться другъ съ другомъ, что за цѣль преслѣдуемая каждою стороною и насколько эта цѣль оправдываетъ эти ужасныя бѣдствія и это разореніе.

„Въ этихъ видахъ и принимая въ соображеніе утвержденіе нѣкоторыхъ государственныхъ дѣятелей Англіи, будто настоящая война нами предпринята съ цѣлью подорвать власть ея Величества Королевы Викторіи въ Южной Африкѣ и создать на протяженіи всей Южной Африки управленіе, независимое отъ Ея Величества, мы считаемъ своимъ долгомъ торжественно засвидѣтельствовать, что настоящая война предпринята нами единственно съ оборонительными цѣлями для охраны нарушенной независимости Южно-Африканской республики и что она все время велась и ведется нами съ исключительною цѣлью утвердить и поддержать неоспоримую независимость обѣихъ республикъ, какъ суверенныхъ государствъ, а также для защиты личности и собственности тѣхъ изъ подданныхъ Ея Величества, которые въ этой войнѣ приняли нашу сторону.

„На этихъ условіяхъ, но только на этихъ условіяхъ, мы и теперь, какъ и прежде, желаемъ возстановить миръ, избавивъ Южную Африку отъ бѣдствій, нынѣ ею переживаемыхъ.

„Съ другой стороны, если правительство Ея Величества имѣетъ намѣреніе уничтожить независимость союзныхъ республикъ, намъ остается только, намъ и нашему народу, несмотря на подавляющее превосходство силъ британской имперіи, до конца отстаивать защищаемое нами дѣло въ твердомъ упованіи, что Провидѣніе, вложившее намъ и нашимъ отцамъ въ сердце неугасаемое пламя любви къ свободѣ, не оставитъ насъ и явитъ Свою волю въ насъ и въ нашихъ потомкахъ.

„Раньше мы колебались сдѣлать это заявленіе, потому что все время, пока успѣхъ сопровождалъ наше оружіе и наши войска занимали оборонительныя позиціи на территоріи Ея Величества, подобное заявленіе могло бы задѣть самолюбіе британскаго народа, но теперь, когда престижъ британской имперіи можетъ почитаться вполнѣ подтвержденнымъ, благодря капиту-

ляціи части нашихъ вооруженныхъ силъ передъ войсками Ея Величества, и послѣдовавшему вслѣдъ затѣмъ очищенію нашими войсками позицій, ранѣе отстаиваемыхъ нами, это соображеніе теряетъ силу и мы не можемъ больше колебаться ясно изложить вашему правительству и вашему народу, передъ лицомъ всего цивилизованнаго міра, за что мы сражаемся и на какихъ условіяхъ мы желаемъ возстановить миръ.

Стейнъ, Крюгеръ".

Не сразу собрался маркизъ Салисбюри отвѣтить на это благородное обращеніе доблестнаго противника, и въ своихъ неудачахъ морально торжествующаго въ глазахъ всего цивилизованнаго міра, въ глазахъ лучшихъ людей самой Англія. Столько же длинный, сколько искусный, отвѣтъ англійскаго премьера посланъ былъ только 11 марта (еще до занятія Блумфонтена). Приведемъ дословно и этотъ историческій документъ, который вслѣдъ за вышеприведеннымъ займетъ видное мѣсто во всѣхъ курсахъ всемірной исторіи. Мнѣ кажется, нужна была смѣлость, чтобы связать свое имя съ этимъ документомъ. Впрочемъ, въ чемъ другомъ, а въ патріотической смѣлости у англичанъ никогда не было недостатка. Вотъ этотъ документъ отъ слова до слова:

„*Президентамъ Южно-Африканской республики и свободнаго государства Оранжа.*

(По телеграфу).

Foreign Office, 11 марта.

„Честь имѣю симъ подтвердить полученіе мною телеграммы Вашихъ Честей (de Vcs Honneurs), помѣченной Блумфонтеномъ 5 марта, главная цѣль которой испросить у правительства Ея Величества признанія независимости Южно-Африканской республики и свободнаго государства Оранжа, какъ пользующихся международнымъ суверенитетомъ, и предложить намъ на этихъ условіяхъ заключить миръ.

„Въ октябрѣ прошлаго года миръ существовалъ между Ея Величествомъ и обѣими ресубликами на основахъ заключенныхъ конвенцій. Въ теченіе нѣскольких мѣсяцевъ между правительствомъ Ея Величества и Южно-Африканской республикой происходили переговоры; ихъ цѣль заключалась въ достиженіи для англичанъ, проживающихъ въ Южно-Африканской республикѣ, отмѣны нѣкоторыхъ условій, существенно нарушавшихъ ихъ интересы.

„Въ теченіе этихъ переговоровъ Южно-Африканская республика предприняла значительныя вооруженія, что само собою имѣло послѣдствіемъ усиленіе англійскихъ гарнизоновъ Капа и Наталя, но безъ всякаго нарушенія съ англійской стороны правъ республики, гарантированныхъ ей конвенціями.

„Однако, Южно-Африканская республика, внезапно предъявивъ оскорбительный ультиматумъ, объявила затѣмъ войну Ея Величеству, при чемъ за ней послѣдовалъ и Оранжъ, съ которымъ не было никакихъ переговоровъ. Территоріи Ея Величества были немедленно заняты вооруженными силами обѣихъ республикъ.

„Три города внутри британскихъ границъ были осаждены. Значительныя области обѣихъ колоній были опустошены. Много погибло жизней и собственности. Представители республикъ обращались съ жителями занятыхъ территорій, какъ бы они уже были присоединены къ республикамъ.

„Въ предвидѣніи этихъ операцій Южно-Африканская республика накопила, въ теченіе многихъ годовъ, огромное количество военнаго матеріала, который по всему положенію дѣлъ могъ предназначаться единственно противъ Великобританіи.

„Ваши Чести дѣлаютъ нѣкоторыя отрицательныя замѣчанія о цѣли этихъ приготовленій. Я не считаю нужнымъ входить въ обсужденіе вопросовъ, Вами поднятыхъ, но послѣдствіемъ этихъ приготовленій явилось вторженіе, вынудившее имперію вести дорого стоющую войну, оплаченную еще и тысячами драгоцѣнныхъ жизней.

„Эти большія затрудненія были карою, которую Великобританія должна была перенести за свое снисхожденіе къ существованію обѣихъ республикъ. Въ виду употребленія, которое обѣ республики сдѣлали изъ положенія, имъ предоставленнаго, а также вслѣдствіе затрудненій, причиненныхъ ничѣмъ не вызваннымъ нападеніемъ на территоріи Ея Величества, единственный возможный отвѣтъ правительства Ея Величества, что оно не расположено согласиться на независимость какъ Южно-Африканской республики, такъ и свободнаго государства Оранжа.

Салисбюри".

Итакъ, вотъ какъ умники пишутъ исторію! Здѣсь, въ этомъ геростратовскаго значенія документѣ, что ни слово, то неправда, но искусно прикрытая дѣйствительными фактами. Въ октябрѣ, пишетъ эта нравоучительная нота, существовалъ миръ и велись переговоры. Дѣйствительно, существовалъ миръ и, дѣйствительно, велись переговоры. Благородный маркизъ забываетъ, что переговоры были незаконнымъ вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла Трансвааля, что они состояли въ предъявленіи *требованій*, поддерживаемыхъ все новою присылкою вооруженныхъ силъ, и что веденіе этихъ переговоровъ было поручено тому самому Чемберлэну, который благословилъ разбойническое вторженіе Джемсона. Включеніе Трансвааля и Оранжа въ британскую африканскую имперію было давно преслѣдуемою цѣлью Чемберлена, руководившаго дѣломъ изъ Лондона, и Миль-

нера, непосредственно ихъ ведшаго въ Блумфонтенѣ, и всей haute finance Лондона съ знаменитой Chartered Company во главѣ. А республики, которыя въ виду всего этого запасали оружіе для защиты своей свободы, оказываются теперь преступницами, злоупотребившими снисхожденіемъ своего могущественнаго сосѣда, и сдѣлавшими на него, „ничѣмъ не вызванное" нападеніе! Цинизмъ дипломатическаго языка, кажется, никогда не былъ превзойденъ... Цинизмъ и лицемѣріе, нашедшіе въ этой депешѣ трогательную гармонію!

Стало быть, цѣль войны, которую ведутъ англичане, завоеваніе Трансвааля и Оранжа. Это всѣмъ было ясно и раньше. Теперь это оффиціально объявлено министромъ президентомъ Соединеннаго Королевства. Въ цивилизованномъ мірѣ есть не мало неправыхъ господствъ, но все это завѣты прошлаго, съ справедливымъ разрѣшеніемъ котораго связаны, благодаря этому прошлому, столько сложныхъ и запутанныхъ положеній, что міръ лишь медленно исправляетъ свои грѣхи. Но, чтобы передовая нація, эта великая Англія, прославленная защитница свободы, теперь сознательно создавала новое такое неправое господство надъ свободными и культурными людьми, виновными только въ томъ, что тоже защищаютъ свободу своего отечества, этому нельзя было бы повѣрить, если бы мы не присутствовали сами при этомъ событіи, если-бы не видѣли, какъ ослѣпленная великая нація съ настойчивостью и одушевленіемъ, достойными лучшаго дѣла, послушно принимаетъ программу государственнаго человѣка, знаменитаго преимущественно своимъ ренегатствомъ.

Получивъ отказъ отъ Салисбюри, президенты союзныхъ республикъ обратились къ державамъ съ просьбою о посредничествѣ для возстановленія мира. Преимущественныя надежды можно было возлагать на Соединенные Штаты и Германію, гдѣ геройская борьба маленькаго южно-африканскаго народа вызывала особое сочувствіе среди обширныхъ слоевъ населенія. Соединенные Штаты, дѣйствительно, сдѣлали шагъ, который могъ бы быть началомъ новаго фазиса въ исторіи южно-африканскаго вопроса. Министръ иностранныхъ дѣлъ Соединенныхъ Штатовъ Гэй обратился къ американскому посланнику въ Лондонѣ съ слѣдующею нотою для сообщенія ея англійскому кабинету.

„Въ качествѣ добрыхъ услугъ съ нашей стороны, Вы сообщите британскому министру иностранныхъ дѣлъ, что сегодня я получилъ телеграмму отъ консула Соединенныхъ Штатовъ въ Преторіи, увѣдомляющую, что правительства обѣихъ южно-африканскихъ республикъ просятъ посредничества президента съ цѣлью прекращенія враждебныхъ дѣйствій и что подобныя же просьбы обращены и къ другимъ иностраннымъ державамъ. Я уполномоченъ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ выразить его сердечную надежду, что будетъ найдено средство для возстановленія

мира, а такъ-же заявить, что онъ былъ бы счастливъ дружески помочь достиженію желанной цѣли".

Маркизъ Салисбюри, принявъ ноту американскаго правительства, просилъ Монтэгю Уайта (американскаго посланника) „передать своему правительству сердечную благодарность британскаго правительства за дружескій тонъ сдѣланнаго сообщенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомить, что британское правительство не имѣетъ намѣренія принять посредничество какой либо державы въ его столкновеніи съ южно-африканскими республиками". Этотъ категорическій отвѣтъ устранялъ посредничество и указывалъ или молчаливое присутствіе при англійской расправѣ надъ бурами или уже прямое вмѣшательство. Правительство Макъ-Кинлея, извѣстное своимъ англофильствомъ, и безъ того сдѣлало свой демаршъ исключительно подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія и въ виду приближающихся президентскихъ выборовъ. Новыхъ демаршей отъ него ждать было бы напрасно. Соединенные Штаты свое дѣло сдѣлали. Какъ нѣкогда Пилатъ, они предложили освободить невиннаго, но вступиться за него не захотѣли. Другое дѣло—полудикіе инсургенты Кубы. Ихъ свобода была такъ дорога президенту Макъ-Кинлею, что онъ былъ готовъ для ихъ освобожденія на всякія жертвы.

Германія не сдѣлала и того, что сдѣлали Штаты. Она даже не предлагала освободить невиннаго. Она отвѣчала ему самому на его просьбу. Вотъ каковъ былъ отвѣтъ:

„Правительство германскаго императора будетъ счастливо принять участіе въ дружескомъ посредничествѣ, какъ только будутъ на лицо необходимыя условія такого посредничества, т. е. какъ только будетъ ясно, что обѣ воюющія стороны желаютъ такого посредничества. Республикамъ лучше всего для этого обратиться непосредственно въ Лондонъ или къ добрымъ услугамъ третьей державы, не имѣющей значительныхъ интересовъ въ Южной Африкѣ, существуетъ-ли подобное желаніе въ Лондонѣ. Это не примѣнимо къ Германіи. Всякій подобный демаршъ съ ея стороны могъ бы внушить идею, что ею руководятъ не одни мотивы гуманности, и возбудилъ-бы недовѣріе, способное не только не ускорить, на даже замедлить дружеское соглашеніе".

Этотъ отвѣтъ германскаго правительства есть простой и категорическій отказъ во всякомъ содѣйствіи. Германія получила Самоанскій архипелагъ за предоставленіе африкандеровъ ихъ участи и теперь честно исполняетъ этотъ договоръ купли-продажи. Сочувствіе народа само собою, а „реальная политика" сама по себѣ. Какъ мы далеки отъ того времени, когда по поводу пораженія Джемсона императоръ Вильгельмъ послалъ поздравительную депешу президенту Крюгеру, недвусмысленно высказывая солидарность Германіи и Трансвааля въ этомъ дѣлѣ! Самоанскій архипелагъ, конечно, хорошее пріобрѣтеніе, но вѣдь и Исаву

казалась очень хорошимъ пріобрѣтеніемъ чечевичная похлебка, уступленная ему Іаковомъ. И, однако, это хорошее пріобрѣтеніе отняло будущность у его рода... Очередь за Франціей. Что то она отвѣтила, эта великодушная защитница угнетенныхъ народностей...

Подлиннаго отвѣта Франціи мы не знаемъ. Всѣ ожидали заступничества отъ Америки и Германіи. Ихъ отвѣты интересовали всѣхъ. Въ оправданіе или въ объясненіе ихъ правительства сочли необходимымъ познакомить свой народъ съ содержаніемъ отвѣтовъ. Положеніе, занятое Франціею, выяснилось изъ запроса, сдѣланнаго министерству сенаторомъ Шомье. Отвѣчалъ министръ иностранныхъ дѣлъ Делькассе. Приводимъ его отвѣтъ цѣликомъ: „Господа, началъ Делькассе, вы слышали вопросъ уважаемаго г-на Шомье. Мнѣ кажется, что я могу ему отвѣтить и съ подобающею сдержанностью, и съ достаточною ясностью. Уважаемый г. Шомье спрашиваетъ: справедливо-ли, что президенты южно-африканскихъ республикъ обратились къ державамъ съ цѣлью получить ихъ посредничество и, если это справедливо, то что сдѣлало или намѣрено сдѣлать французское правительство? Совершенно справедливо, господа, что депеша нашего консула въ Преторіи увѣдомила насъ объ обращеніи президентовъ обѣихъ южно-африканскихъ республикъ къ державамъ за посредничествомъ для заключенія мира на условіяхъ, достойныхъ для обѣихъ сторонъ. Основнымъ условіемъ такого мира, по мысли президентовъ, должно быть признаніе независимости обѣихъ республикъ. Едва, однако, это обращеніе дошло до свѣдѣнія державъ, какъ правительство Великобританіи, къ которому было обращено предложеніе о мирѣ, обнародовало свой отвѣтъ. И отвѣтъ этотъ категорически заявляетъ, что правительство королевы не согласно сохранить независимость обѣимъ республикамъ (*сильныя движенія на разныхъ скамьяхъ*). Такимъ образомъ, господа, одна изъ воюющихъ сторонъ ставитъ непремѣннымъ условіемъ мира то, что, по заявленію другой, она не желаетъ одобрить. Посредничество при такомъ положеніи дѣла становится напраснымъ. Но быть можетъ оно было возможно раньше? Я напомню сенату, что еще 9 ноября, т. е. едва черезъ мѣсяцъ послѣ начала военныхъ дѣйствій, первый министръ королевы въ рѣчи, произнесенной на банкетѣ лорда-мэра, намекнулъ на толки о посредничествѣ и категорически заявилъ, что всякое посредничество будетъ отклонено. Конечно, уже послѣ этого заявленія Англія ратификовала гаагскую конвенцію, которая рекомендуетъ предложеніе добрыхъ услугъ воюющимъ сторонамъ и которая категорически провозглашаетъ, что такое предложеніе добрыхъ услугъ ни коимъ образомъ не можетъ быть принимаемо за недружественный демаршъ. Но, господа, не говоря даже о томъ, что постановленія гаагской конференціи отнюдь не носятъ обя-

зательнаго характера, едва-ли нужно объяснять, что прибѣгать къ этимъ постановленіямъ надобно лишь въ случаяхъ, когда можно ждать отъ воюющихъ сторонъ сочувственнаго отклика. Таковы были, напр., условія, при которыхъ состоялось французское посредничество для заключенія мира между Испаніей и Соединенными Штатами Сѣверной Америки: отношенія Франціи къ обѣимъ воюющимъ сторонамъ были исполнены довѣрія и сердечности; никакой прямой интересъ Франціи не былъ замѣшанъ въ этой борьбѣ; ни одного облачка не затѣняло нашихъ отношеній къ враждующимъ сторонамъ; болѣе того, я имѣлъ основаніе ожидать въ Вашингтонѣ дружескаго пріема демарша, на который былъ уполномоченъ, и вотъ почему, вѣрный лучшимъ традиціямъ французской политики, на этотъ разъ ни мало не противурѣчившимъ собственнымъ интересамъ Франціи, которые при всякихъ обстоятельствахъ должны быть на первомъ планѣ въ нашихъ соображеніяхъ (*знаки одобренія*), я принялъ на себя это деликатное и трудное дѣло. Я уже достаточно высказался, что бы сенатъ вполнѣ уяснилъ разницу положенія. Но говорятъ: положимъ, вы не могли съ пользою для дѣла взять на себя иниціативу; не могли-ли вы, однако, войти въ соглашеніе съ вашими друзьями, съ другими державами для коллективнаго дружескаго демарша и даже не отказали-ли вы, какъ о томъ ходятъ слухи, въ вашей поддержкѣ, когда къ вамъ обратились сами за этимъ? Я отвѣчу категорически, хотя и съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ разрушаю при этомъ легенду, созданную извѣстными патріотами (*смѣхъ*) вотъ уже пять мѣсяцевъ. Положительно несправедливо, что бы въ какой бы то ни было моментъ настоящей войны французское правительство отказалось присоединиться къ демаршу, который бы, не нарушая нейтралитета, имѣлъ цѣлью попытку, дружескую и безкорыстную, прекратить военныя дѣйствія (*очень хорошо*)! Положительно несправедливо такъ же, что бы французское правительство дозволило себѣ хотя бы одно слово, хотя бы одинъ жестъ, который могъ бы быть истолкованъ кѣмъ то ни было, какъ отсовѣтованіе (découragement) посредничества съ гуманитарными цѣлями (*очень хорошо!*). Положительно несправедливо такъ же, что бы по этому вопросу или по какому либо другому пробѣжало хотя бы облачко разномыслія между Франціей и Россіей, согласіе между которыми становится съ каждымъ днемъ все болѣе тѣснымъ, довѣрчивымъ и дѣятельнымъ, пренебрегая всякими инсинуаціями и сплетнями (*очень хорошо! и аплодисменты на скамьяхъ лѣвой и центра*). Франція, господа, осталась по прежнему благородной и великодушной націей, такою, какою человѣчество ее всегда знало, цѣнило и порою предавало (*очень хорошо! на тѣхъ же скамьяхъ*). Но послѣ тяжелыхъ испытаній и въ виду совершенно преобразованнаго равновѣсія европейскихъ силъ, она не можетъ болѣе считать, что ея долгъ передъ чело-

вѣчествомъ, который она всегда помнитъ, долженъ заставить ее позабыть о ея долгѣ передъ самой собой (*очень хорошо! очень хорошо!*). Она ни мало не утратила того энтузіазма къ дѣлу человѣчности, который она столько разъ проявляла, но вѣрный инстинктъ ее учитъ, что она не должна необдуманно отдаваться этому чувству (*единодушные знаки одобренія*). И она достаточно принесла жертвъ международной и общечеловѣческой солидарности, что бы безъ зависти встрѣтить на этомъ пути иниціативу другихъ народовъ, всегда готовая безкорыстно ее поддержать и и сердечно привѣтствовать ея успѣхъ (*продолжительныя рукоплесканія на многочисленныхъ скамьяхъ, большое число сенаторовъ подходятъ поздравить оратора, сошедшаго съ трибуны*).“

Такъ высказалась Франція, а черезъ нея и Россія. Союзныя державы готовы поддержать всякую иниціативу, но взять ее на себя не находятъ возможнымъ. Рѣчь Делькассе имѣетъ то большое значеніе, что послѣ нея ни Соединенные Штаты, ни Германія не могутъ сказать, будто они отступили изъ опасенія Франціи и Россіи. Рѣчь Делькассе снимаетъ послѣдній покровъ съ политики Америки и Германіи. Это важно для сужденія о положеніи вещей, но это ничего не нринесетъ геройскому народу, самоотверженно продолжающему неравную борьбу.

С. Южаковъ.

Литература и жизнь.

Нѣсколько словъ по поводу двухъ писемъ.—Г. Шестовъ о гр. Л. Н. Толстомъ.—„Воскресеніе“.

Нашему брату журналисту приходится получать много писемъ, касающихся той или при другой нашей статьи или всей литературной дѣятельности. Есть тутъ письма читателей-друзей и читателей-враговъ, порицающія и добряющія, съ подписью и анонимныя, смѣшныя и трогательныя, дѣльныя и бездѣльныя, умныя и глупыя,—всякія. И *въ общемъ*, не малую отраду доставляютъ эти письма среди утомительной и иной разъ почти до непереносности тяжелой работы русскаго журналиста. Я подчеркиваю слова: *въ общемъ*, потому что письма далеко не всегда пріятны. Однако, очень ошибаются тѣ наивно-ядовитые авторы писемъ, которые думаютъ, что, написавъ непріятное посланіе, они уже тѣмъ самымъ достигли своей цѣли, то есть причинили дѣйствительно непріятность. Мы, старые журналисты—народъ обстрѣленный, и если, напримѣръ, меня не трогаютъ печатные укусы гг. Абрамова, Буренина, Филиппова и разныхъ еще другихъ, то что уже говорить объ какомъ-нибудь анонимномъ письмѣ! Я

не говорю, разумѣется, о тѣхъ, содержащихъ въ себѣ непріятности письмахъ, въ которыхъ есть нѣчто и кромѣ непріятностей, въ которыхъ сквозитъ искреннее желаніе направить меня, заблуждающагося, на путь истины. Это часто бываетъ наивно, но такого рода письма, вмѣстѣ съ ободряющими и одобряющими письмами читателей-друзей, именно и вносятъ отраду въ тусклую жизнь русскаго журналиста. Они свидѣтельствуютъ, что ваши мысли и чувства такъ или иначе находятъ откликъ, что они волнуютъ не только васъ, что вы не Сизифъ, обреченный за свои грѣхи (за свои ли?) на завѣдомо безплодную работу—а вѣдь эта послѣдняя скорбная мысль по неволѣ часто посѣщаетъ русскаго журналиста. И вотъ, когда какое нибудь письмо бередитъ это больное мѣсто, напоминаетъ вамъ, что ваша доля есть тяжелая и никчемная доля Сизифа,—это выходитъ уже не только непріятно, а глубоко оскорбительно...

Недавно, среди „голосовъ изъ читающей публики“ мое вниманіе обратили на себя два письма: одно — пріятное и подписанное именемъ, мнѣ хорошо по наслышкѣ извѣстнымъ; другое— непріятное и подписанное: „вашъ бывшій почитатель и подписчикъ“. Мнѣ хочется подѣлиться съ читателями нѣкоторыми мыслями по поводу этихъ двухъ писемъ.

Въ первомъ читаю: „Я—человѣкъ, девятнадцать лѣтъ тому назадъ оторванный отъ русской дѣйствительности. Первое время я думалъ, что разлука эта можетъ имѣть только одинъ смыслъ: жизнь осталась, какъ была, и лишь я волею судебъ удаленъ изъ нея, удаленъ, но не умеръ. Но вотъ лѣтъ черезъ пять, черезъ шесть и до меня начали доходить вѣсти печальныя для меня, смыслъ которыхъ былъ тотъ, что я (имя собирательное) умеръ, что мѣсто для меня только въ царствѣ тѣней. Скоро увидѣлъ я и живьемъ провозглошавшихъ это вѣстовщиковъ. Это были „вѣрные ученики“... Я то и дѣло слышалъ: не ты удаленъ изъ жизни, а жизнь ушла отъ тебя. Оказалось, что Сизифовъ камень россійскаго прогресса катили до сихъ поръ не такъ и не туда, какъ и куда слѣдовало. Только „мы“, вылупившіеся вчера изъ яйца, немедлено смекнули въ чемъ дѣло... А жизнь между тѣмъ замерла. Конечно, не совсѣмъ. Осталась маленькая струйка, и въ наше время никѣмъ не отрицавшаяся. Думали только мы, что не это главное. Теперь же полоскавшіеся въ этой струйкѣ пискари громогласно утверждали, что она—настоящая, большая рѣка, въ океанъ-море текущая, все же остальное признавалось утопизмомъ и чуть не реакціей. Вы своевременно уже отмѣтили нѣкоторый поворотъ или „бифуркацію“. И голоса, доходившіе сюда отъ ученическихъ патріарховъ, стали звучать уже нѣсколько двусмысленно: нѣтъ—нѣтъ, да и прорвутся старыя, забытыя нотки. Иной разъ даже совсѣмъ хорошо у них выходитъ, и жупелы разные воочію бѣлыми нитками пришиты. И вотъ теоре-

тическій миражъ все болѣе разсѣивается... Представьте себѣ чувства человѣка, который готовъ былъ уже считать себя обитателемъ царства тѣней и вдругъ видитъ, что живая жизнь опять поворачиваетъ къ нему и несетъ ему навстрѣчу звуки родныхъ, звучавшихъ у него, какъ эхо, въ душѣ пѣсенъ. Одна изъ статей г. Струве въ глазахъ нашихъ, по моему, должна быть вѣщимъ, благимъ признакомъ... Она знаменуетъ рѣшительный поворотъ, вѣрнѣе возвратъ къ 70-мъ годамъ... Конечно, самъ Струве мнѣ не важенъ. Дѣло въ цѣломъ теченіи. Вотъ ужъ по истинѣ: „rira bien, qui rira le dernier".

Мой уважаемый корреспондентъ предлагаетъ мнѣ обратить вниманіе читателей на упомянутую статью, причемъ совѣтуетъ „не гладить" автора ея „противъ шерсти"... Зачѣмъ противъ шерсти! Не знаю, удастся ли мнѣ въ скоромъ времени бесѣдовать о литературныхъ явленіяхъ, къ числу которыхъ принадлежитъ упомянутая статья, равно какъ и нѣкоторыя другія работы г. Струве. Теперь я могу сказать на эту тему лишь нѣсколько словъ.

Г. Струве, между прочимъ, пишетъ: „Одно время въ нашей печати безраздѣльно господствовала чисто генетическая точка зрѣнія на общественныя и въ томъ числѣ на нравственныя явленія, разсматривающая ихъ исключительно подъ угломъ необходимости или причиной обусловленности. Въ 70-хъ годахъ г. Михайловскій явился своеобразнымъ выразителемъ реакціи противъ такого крайняго позитивизма. Эта реакція, въ научно-философскомъ отношеніи обставленная очень слабо, тѣмъ не менѣе заключала въ себѣ здоровое идеалистическое зерно, не замѣченное или, по крайней мѣрѣ, не отмѣченное позднѣйшею критикой. Этическая проблема о должномъ не тождественна съ генетической проблемой о существующемъ и необходимомъ, и потому первая не рѣшается вмѣстѣ со второй. Изъ того, что что-нибудь существуетъ или необходимо должно наступить, не слѣдуетъ, что оно должно быть, т. е. что оно является нравственно необходимымъ для моего моральнаго сознанія. Выражаясь кратко: историческая необходимость не создаетъ никакого нравственнаго права. Несовпаденіе этической и генетической точки зрѣнія, ихъ взаимная самостоятельность, безусловно требуютъ того, чтобы общественныя проблемы выяснялись не только какъ генетическія, но и какъ этическія... Важно сознавать въ себѣ и сознательно питать живой субъективный источникъ этическаго идеализма— нравственно общественный идеалъ самоопредѣляющейся личности. Всѣ общественныя проблемы—повторяю—суть въ то же время этическія проблемы личности, и научное (генетическое) рѣшеніе общественныхъ проблемъ относится къ ихъ этическому рѣшенію, какъ средство къ цѣли. Первенство же цѣли надъ средствомъ неоспоримо".

Позволяю себѣ отмѣтить нѣсколько неясностей и неточностей въ этой любопытной цитатѣ. Я не знаю такого времени, когда въ нашей печати „безраздѣльно господствовала чисто генетическая точка зрѣнія, на общественныя и въ томъ числѣ на нравственныя явленія, разсматривающая ихъ исключительно подъ угломъ необходимости при причинной обусловленности“. Рѣшаюсь даже утвердить, что такого времени не было. Г. Струве дѣлаетъ мнѣ великую честь, приписывая мнѣ починъ реакціи противъ такого крайняго позитивизма, но, къ несчастію для моего самолюбія и къ счастію для русской литературы и русскаго общества, у меня были и есть длинный рядъ единомышленниковъ въ прошедшемъ и въ настоящемъ, и безраздѣльно исключительно генетическая точка зрѣнія не господствовала даже тогда, когда ее отстаивали гг. Струве, Туганъ-Барановскій и проч. Единственно, что я могу безъ ложной скромности принять въ комплиментѣ г-на Струве, это нѣкоторое „своебразіе“, прибавивъ къ нему, пожалуй, упорство, съ которымъ я ограждалъ въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ свою точку зрѣнія отъ наскоковъ разныхъ противниковъ, которые, однако, повторяю, никогда безраздѣльно не господствовали.

Далѣе, г. Струве говоритъ, что заключающееся въ моихъ писаніяхъ „здоровое идеалистическое зерно“ было „не замѣчено или, по крайней мѣрѣ, не отмѣчено позднѣйшей критикой“. Это не вѣрно. Позднѣйшая критика, въ лицѣ самого г. Струве и многихъ другихъ, очень замѣтила это зерно и не разъ отмѣчала его—рѣзкимъ отрицательнымъ знакомъ. И не только потому, что, какъ теперь говоритъ г. Струве, „зерно было у меня въ научно-философскомъ отношеніи обставлено очень слабо“. Напротивъ, въ этомъ смыслѣ мнѣ случалось слышать большія любезности. Но, дескать, самое то дѣло безнадежно: субъективная этическая точка зрѣнія на общественныя явленія есть незащитимый вздоръ, и слѣдуетъ къ нимъ относиться единственно „подъ угломъ необходимости или причинной обусловленности“; личность есть quantité négligeable и т. п. И не разъ во время этой полемики мнѣ вспоминалась проклятая доля Сизифа. (Кстати. По поводу моихъ литературныхъ воспоминаній „Сѣверный Курьеръ“ недавно говорилъ о томъ времени, когда Лавровъ и Зиберъ начали у насъ проповѣдь марксизма. Относительно Лаврова это одна изъ многочисленныхъ прискорбныхъ ошибокъ почтенной газеты: стоитъ только вспомнить издѣвательство нашихъ марксистовъ, въ особенности г. Тугана-Барановскаго, надъ теоріей „критически мыслящей личности“). Теперь я могъ бы повторить приводимую моимъ корреспондентомъ французскую поговорку: rira bien, qui rira le dernir. Но я не хочу смѣяться, не хочу и колоть г-ну Струве глаза его бывшими литературными грѣхами. Напротивъ, я высоко цѣню мужество, съ которымъ онъ

публично отъ нихъ отрекается, и съ нетерпѣніемъ жду, чтобы онъ „въ научно-философскомъ отношеніи“ удовлетворительно „обставилъ“ то, что я три десятка лѣтъ тому назадъ обставилъ слабо...

Перехожу ко второму письму. Какъ уже сказано, оно подписано „вашъ бывшій почитатель и подписчикъ“... Подписчиковъ у меня нѣтъ (подписчики у журнала, а не у меня), а почитатель... едва-ли авторъ письма имѣетъ основаніе такъ называть себя, дуже если производить это слово не отъ почтенія, а нѣсколько каламбурно—отъ почитыванія. Онъ пишетъ: „Съ чувствомъ глубокаго негодованія прочелъ я на дняхъ въ „Новомъ Времени“ о тѣхъ недостойныхъ выходкахъ, которыя вы дозволили себѣ относительно Л. Н. Толстого въ своихъ „Литературныхъ воспоминаніяхъ“. Какъ это у васъ, м. г., поднялась рука не только на этого великаго учителя земли русской, на это яркое солнце нашего отечества,—но и на *самаго себя*?! Ибо вы съ нескрываемымъ цинизмомъ описываете исторію своего посѣщенія Л. Н. Толстого—съ цѣлью выпросить у него какую-то повѣсть для „Отечественныхъ Записокъ“—и какъ онъ не пожелалъ дать вамъ эту повѣсть и вообще сотрудничать въ названномъ журналѣ. И вотъ, за этотъ-то—и только за этотъ!—отказъ вы накидываетесь на геніальнаго писателя, залѣзаете къ нему въ душу, въ его прошлое—въ его грѣшныя времена—и навязываете ему измышленныя *вами*, м. г., декораціи“... И т. д.

Нѣтъ, авторъ этого письма никогда не почиталъ меня и развѣ—развѣ что почитывалъ. Столь возмутившая его статья перепечатана въ книгѣ „Литературыя воспоминанія и современная смута“ изъ „Русской Мысли“, гдѣ она была напечатана въ 1892 году. Авторъ письма узнаётъ объ ней черезъ восемь лѣтъ и узнаётъ не непосредственно изъ книги, а изъ какой-то рецензіи или замѣтки „Новаго Времени“... Мнѣ кажется, ему такъ и слѣдовало-бы подписаться: „почитатель Новаго Времени“. Этимъ бы мотивировалось и его безусловное довѣріе къ этой газетѣ (я, впрочемъ, не читаю ее и не знаю—вѣрно-ли передаетъ авторъ письма содержаніе рецензіи или замѣтки, о которой идетъ рѣчь). Письмо оскорбительно, но не тѣмъ, что авторъ „негодуетъ“, „презираетъ“ и ругательныя слова пишетъ. Ахъ, какое мнѣ дѣло до негодованія, презрѣнія и ругани человѣка, о которомъ я не знаю, въ какой мѣрѣ самъ онъ достоинъ уваженія или хвалы! Оскорбительно то, что человѣкъ, называющій себя моимъ почитателемъ, хотя бы и бывшимъ, могъ хоть на одну минуту повѣрить, что я, за отказъ въ сотрудничествѣ—„*и только за этотъ отказъ*“—способенъ „накидываться“, „залѣзать въ душу“ и т. п. Вотъ она проклятая Сазифова доля русскаго журналиста. Чуть не полвѣка работы не гарантируетъ васъ отъ совершенно безсмысленной клеветы. И преподнесутъ вамъ этотъ вздоръ съ

„негодованіемъ“, съ „презрѣніемъ“, а въ сущности съ совершенно легкимъ сердцемъ, не потрудившись даже провѣрить фактъ. Впрочемъ, изъ того обстоятельства, что „писатель пописываетъ“, а читатель не всегда даже и почитываетъ, проистекаютъ еще и гораздо горшія послѣдствія, не личнаго, а общественнаго характера...

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ я писалъ о „десницѣ и шуйцѣ гр. Л. Толстого“ и съ тѣхъ поръ не разъ имѣлъ случай подтвердить на новыхъ произведеніяхъ великаго писателя свой взглядъ на него. Никому не уступлю я въ глубокомъ уваженіи къ его десницѣ, но у него есть и шуйца, преклоненіе передъ которой, даже умолчаніе о которой я считалъ бы недостойнымъ какъ его самаго, такъ и меня холопствомъ.

Въ „Воскресеніи“ есть такое разсужденіе: „Одно изъ самыхъ обычныхъ и распространеныхъ суевѣрій то, что каждый человѣкъ имѣетъ одни свои опредѣленныя свойства, что бываетъ человѣкъ добрый, злой, умный, глупый, энергичный, апатичный и т. д. Люди не бываютъ такими. Мы можемъ сказать про человѣка, что онъ чаще бываетъ добръ, чѣмъ золъ, чаще уменъ, чѣмъ глупъ, чаще энергиченъ, чѣмъ апатиченъ, и наоборотъ; но будетъ неправда, если мы скажемъ про одного человѣка, что онъ всегда добрый или умный, а про другого, что онъ всегда злой или глупый... Каждый человѣкъ носитъ въ себѣ всѣ задатки всѣхъ свойствъ людскихъ, и иногда проявляетъ одни, иногда другія, и бываетъ часто совсѣмъ не похожъ на себя, оставаясь все однимъ и самимъ собой. У нѣкоторыхъ людей эти перемѣны бываютъ особенно рѣзки. И къ такимъ людямъ принадлежалъ Нехлюдовъ“.

И къ такимъ людямъ принадлежитъ гр. Толстой. Не то, что-бы онъ бывалъ то уменъ, то глупъ, то добръ, то золъ,—это слишкомъ грубое дѣленіе, не говоря о грубости словъ,—но его пастроеніе и связанные съ нимъ взгляды на все, что на бѣломъ свѣтѣ дѣлается, мѣняются необыкновенно быстро. Въ книгѣ „Литературныя воспоминанія и современная смута“, такъ возмутившей моего корресподента, приведены обильныя фактическія тому доказательства. Но въ этомъ вихрѣ смѣняющихся настроеній и взглядовъ Толстой остается все-таки Толстымъ; всѣ происходящія въ немъ быстрыя перемѣны представляютъ собою вращеніе около одной и той же оси, противоположные концы которой я пытался найти въ его десницѣ и шуйцѣ. Въ виду вышеприведеннаго нагляднаго свидѣтельства того, что у насъ даже „почитатели“ развѣ только почитываютъ, мнѣ слѣдовало бы можетъ быть, во избѣжаніе недоразумѣній, съ подробностію выяснить, что я разумѣю подъ десницей и шуйцей Толстого. Но это скучно, и я предпочитаю

привести краткое резюме, уже сдѣланное въ книгѣ „Литературныя воспоминанія и современная смута“.

„Въ общихъ чертахъ дѣло состоитъ въ томъ, что въ гр. Толстомъ сидятъ два разные человѣка, имѣющіе очень мало общаго между собою. Одинъ („десница“)—смѣлъ, рѣшителенъ, жаждетъ дѣятельности, не принимаетъ ничего на вѣру, и всякій фактъ, какъ бы онъ ни былъ освященъ преданіемъ при другимъ какимъ авторитетомъ, готовъ подвергнуть самому безпощадному допросу: не выдержалъ факта допроса разума и совѣсти, и гр. Толстой отметаетъ его, какъ никуда негодную ветошь, хотя бы за него горы горой стояли. Другой („шуйца“)—робокъ, боится отвѣтственности или по крайней мѣрѣ сильно не любитъ тѣхъ, кто рѣшается дѣйствовать на свой страхъ, видитъ въ фактахъ какую-то таинственную и непреодолимую мощь и силу, которымъ нельзя и не слѣдуетъ противиться ни словомъ, ни дѣломъ, ни помышленіемъ“.

Къ этому надо прибавить еще исключительно богатую натуру гр. Толстого; богатую не только художественнымъ талантомъ. Переваливъ за семьдесятъ лѣтъ, онъ оказывается дѣятельнѣе, энергичнѣе, моложе многихъ двадцатипятилѣтнихъ. Онъ и землю пашетъ, и верхомъ ѣздитъ, и музицируетъ, и выпускаетъ одно за другимъ произведенія, такъ или иначе волнующія весь цивилизованный міръ. И эту разностороннюю энергію онъ обнаруживалъ всегда, таково стихійное требованіе его натуры. Это очень важно замѣтить. Г. Шестовъ полагаетъ, что гр. Толстой обратился къ „мужицкому труду“ послѣ того, какъ повидалъ московскую голытьбу, изображенную въ „Мысляхъ, вызванныхъ переписью“. *) Это одна изъ многихъ хронологическихъ неточностей или неясностей г. Шестова. Гр. Толстой пахалъ землю еще въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, безъ малаго лѣтъ за тридцать до „Мыслей, вызванныхъ переписью“, и что особенно любопытно замѣтить, усиленно занимался въ тоже время гимнастикой: его мускулы всегда требовали большой, тяжелой работы, такъ сказать, жаждали напряженія. И точно также его нервы и мозгъ. Отсюда и тѣ эксцессы молодости, которыхъ прахъ онъ отрясаетъ отъ ногъ своихъ въ „Исповѣди“; отсюда и гигантская умственная работа, какъ художественная такъ и публицистическая, непрерывно продолжающаяся почти полвѣка и, можно сказать, до сего дня каждый разъ вызывающая всеобщее вниманіе. (Отмѣтимъ кстати еще одну хронологическую неточность г. Шестова. Онъ называетъ „Мысли, вызванныя переписью въ Москвѣ“ *„первымъ“* значительнымъ публицистическимъ произведеніемъ гр. Тол-

*) Статья эта въ собраніи сочиненій гр. Толстого (т. XII) озаглавлена „Такъ что же намъ дѣлать?“ Ей предшествуетъ статья „О переписи въ Москвѣ“.

стого". Странная ошибка: первыя, въ высокой степени замѣчательныя и для всей дѣятельности Толстого чрезвычайно характерныя публицистическія статьи относятся къ 60-мъ годамъ).

Эта изумительная сила, эта необычайная жизнеспособность и разносторонняя полнота жизни внушають гр. Толстому столь-же необычайную самоувѣренность. Но, къ сожалѣнію, самоувѣренность эта переходитъ за предѣлы силъ гр. Толстого, какъ бы ни были онѣ огромны. Онъ слишкомъ „самъ", слишкомъ полонъ собой, и потому не терпитъ предшественниковъ, собственноручно то и дѣло открывая или давно открытыя или несуществующія Америки, всѣхъ и все властно мѣряетъ на свой личный аршинъ и рѣшаетъ вопросы міровой важности исключительно для своего личнаго обихода; его огромное *я* слишкомъ заслоняетъ для него собою весь бѣлый свѣтъ. Это, повидимому, противорѣчитъ его столь часто и краснорѣчиво заявляемой имъ любви къ человѣчеству и характернымъ для него взрывамъ смиренія, самоуничиженія, покаянія. Однако это такъ. За фактическими доказательствами отсылаю читателя опять таки къ первому тому книги „Литературныя воспоминанія и современная смута" и здѣсь приведу лишь одинъ примѣръ.

Статья „О переписи въ Москвѣ" оканчивается чрезвычайно энергичнымъ призывомъ. Выразивъ надежду, что переписчики своимъ любовнымъ отношеніемъ къ московской голытьбѣ „сдѣлаютъ то, что въ Москвѣ не будетъ ни одного раздѣтаго, ни одного голоднаго, ни одного проданнаго за деньги человѣческаго существа, ни одного несчастнаго, задавленнаго судьбой человѣка, который бы не зналъ, что у него есть братская помощь", — гр. Толстой заключаетъ: „Пускай механики придумываютъ машину, какъ приподнять тяжесть, давящую насъ — это хорошее дѣло; но пока они не выдумали, давайте мы по-дурацки, по-мужицки, по крестьянски, по христіански наляжемъ народомъ, не поднимемъ-ли. Дружнѣй, братцы, разомъ!" Статья эта написана въ 1882 г., гр. Толстому было 55 лѣтъ. А между тѣмъ, съ какою до наивности юношеской отвагой и энергіей берется онъ за дѣло! Ему говорятъ о непреодолимой трудности предпріятія,—онъ не хочетъ слышать этихъ предупреждающихъ голосовъ. Онъ знаетъ, что „въ большихъ городахъ и въ Лондонѣ есть пролетаріатъ", но онъ предлагаетъ: „забудемте про это... и не будемте говорить, что это такъ надо; этого не надо и не должно, потому что это противно и нашему разуму и сердцу; и не можетъ быть, если мы живые люди". Такова по существу всегда (къ счастію, не всегда она такъ наивна) десница гр. Толстого: чьи бы то ни были совѣты, какіе бы то ни были авторитеты, какой бы то ни былъ историческій опытъ, — все блѣднѣетъ передъ судомъ его разума и сердца; на все дерзаетъ онъ, имѣя при этомъ двусмысленно смиренный видъ; *двусмысленно* смирен-

ный, потому что прислушайтесь къ этому призыву: „по дурацки, по мужицки, по христіански",—развѣ это, въ самомъ дѣлѣ, похоже на смиреніе? Но вотъ, затѣя не удалась, гр. Толстой видѣлъ много ужасовъ въ московскихъ ночлежныхъ домахъ и трущобахъ и убѣдился, что эти ужасы не такъ то легко прикончить „по дурацки". Но, ужаснувшись, онъ очень быстро нашелъ новый способъ покончить съ нищетой, людскимъ униженіемъ и горемъ. Рѣшивъ, что „такъ жить нельзя", то есть жить въ оправѣ изъ ляпинскихъ нищихъ, голодныхъ, пропащихъ пьяницъ, проститутокъ, — гр. Толстой уѣхалъ въ деревню и, по его собственнымъ словамъ, *„для себя* разрѣшилъ страшный вопросъ, стоящій передъ *всѣмъ міромъ"*. Онъ сталъ работать мужицкую работу, не покидая и умственной дѣятельности, и въ этой полнотѣ жизни, въ этомъ удовлетвореніи всегдашнихъ алканій своихъ мускуловъ и мозга нашелъ и спокойную совѣсть, взбудораженную было зрѣлищемъ московскихъ трущобъ, нравственное удовлетвореніе вообще, съ придачей физическаго здоровья. Онъ самъ разсказалъ намъ о *своемъ* великомъ счастьи. Правда, онъ прибавляетъ, что его примѣру „очень скоро" послѣдуютъ многіе, очень многіе, наконецъ всѣ, и такимъ образомъ всѣ будутъ такъ же счастливы, какъ и онъ... Вы видите, что это та же самоувѣренность, съ которою онъ приглашалъ людей приняться за дѣло „по дурацки".

Въ книгѣ г. Шестова читатель найдетъ много любопытныхъ указаній въ этомъ направленіи, именно по поводу душевныхъ движеній у гр. Толстого, вызванныхъ московской переписью. Приведя слова гр. Толстого: „я былъ вознагражденъ вполнѣ за то, что не заробѣлъ передъ выводами разума и пошелъ туда, куда они вели меня",—приведя эти слова, г. Шестовъ спрашиваетъ: „Въ чемъ-же оказалась награда? Въ томъ, что ляпинскіе жители стали иными, что ихъ судьба стала менѣе ужасной? Нѣтъ, само собою разумѣется, ляпинцы забыты: лучше сталъ самъ гр. Толстой". И далѣе: „Оказывается, что не только не „нельзя жить" намъ въ виду ляпинской нужды, но можно жить отлично — радостно, весело, бодро, совсѣмъ такъ, какъ въ свое время жилъ Левинъ или Пьеръ Безухій послѣ женитьбы". Все это и многое другое въ этомъ родѣ очень вѣрно, но г. Шестовъ упускаетъ изъ виду, что обращеніе къ мужицкому труду послѣ московской переписи не свидѣтельствуетъ о какомъ-нибудь очень крутомъ переворотѣ въ гр. Толстомъ: его мускулы всегда и прежде стихійно требовали работы, которую и получали то въ видѣ гимнастическихъ упражненій, то въ видѣ мужицкаго же труда. Мѣнялись только, смотря по обстоятельствамъ, тѣ теоретическіе взгляды, которые освѣщали это алканіе мускуловъ для самого гр. Толстого. И эти перемѣны сводятся въ общемъ къ уси-

ленію дѣятельности то десницы, то шуйцы графа, хотя обѣ онѣ дѣйствуютъ, по крайней мѣрѣ иногда, и единовременно.

Въ книгѣ г. Шестова есть одно въ высшей степени интересное указаніе. Интересно не только указаніе на фактъ, но и его истолкованіе г. Шестовымъ. Дѣло идетъ о Сонѣ въ „Войнѣ и мирѣ“. Вы помните эту хорошенькую, неглупую, добродѣтельную, самоотверженную и однако жестоко обдѣленную судьбой дѣвушку; помните ея трогательную дѣтскую любовь къ Николаю Растову, который впослѣдствіи дрался изъ-за нея съ Долоховымъ, ея самоотверженный отказъ отъ брака съ Николаемъ и наконецъ ея блѣдную, тусклую роль приживалки въ семьѣ Ростовыхъ и Безухихъ въ концѣ романа. Г. Шестовъ приводитъ слѣдующій разговоръ Наташи и графини Марьи:

„— Знаешь что,—сказала Наташа, — вѣдь ты много читала евангеліе: тамъ есть одно мѣсто прямо о Сонѣ.

„— Что?—съ удивленіемъ спросила графиня Марья.

„— Имущему дастся, а у неимущаго отнимется, помнишь? Она—неимущій: за что? не знаю; въ ней нѣтъ, можетъ быть, эгоизма,—я не знаю, но у нея отнимается и все отнялось. Мнѣ ее ужасно жалко иногда; я ужасно желала прежде, чтобы Nicolas женился на ней; но я какъ-то всегда какъ-бы предчувствовала, что этого не будетъ. Она *пустоцвѣтъ* (курсивъ гр. Толстого), какъ на клубникѣ“.

Г. Шестовъ замѣчаетъ по этому поводу: „Соня пустоцвѣтъ; ей ставится въ вину отсутствіе эгоизма, несмотря на то, что она вся преданность, вся самоотверженіе. Эти качества, въ глазахъ гр. Толстого, не качества, ради нихъ не стоитъ жить; кто только ими обладаетъ, тотъ лишь похожъ на человѣка, но не человѣкъ... Кто, соблазнившись ученіемъ о долгѣ и добродѣтели, проглядитъ жизнь, не отстоитъ во время своихъ правъ, тотъ „пустоцвѣтъ“. Таковъ выводъ, сдѣланный гр. Толстымъ изъ того опыта, который былъ у него въ эпоху созиданія „Войны и мира“. Въ этомъ произведеніи, въ которомъ авторъ подводитъ итогъ своей 40-лѣтней жизни, добродѣтель an sich, чистое служеніе долгу, покорность судьбѣ, неумѣнье постоять за себя — прямо вмѣняются въ вину человѣку“.

Повторяю, указаніе интересно, но не слишкомъ ли обширенъ выводъ изъ указаннаго факта? Видя въ подчеркнутомъ названіи „пустоцвѣтъ“ и во всей печальной судьбѣ Сони отрицательное отношеніе къ ней автора, г. Шестовъ находитъ въ „Войнѣ и мирѣ“ еще только одно лицо, къ которому гр. Толстой относится явно отрицательно: это—Наполеонъ. Внѣ этихъ двухъ исключеній, „всякій, кто жилъ, какъ бы онъ ни жилъ, даже безнравственно, пошло, грубо, не вызывалъ негодованія гр. Толстого“. Къ однимъ онъ относился съ добродушной и веселой насмѣшкой, къ другимъ (даже къ „злодѣю Долохову“) съ уваженіемъ и т. д.

„*Спорить* нужно только съ Наполеонами, желающими отнять у насъ человѣческое достоинство, да съ Сонями, такъ неудачно втирающимися своими безрезультатными добродѣтелями въ богатую и полную жизнь“. Я подчеркнулъ слово „спорить“, потому что споритъ ли Толстой съ Соней, по крайней мѣрѣ, такъ, какъ онъ споритъ съ Наполеономъ? Относительно Сони онъ просто констатируетъ фактъ, который, мимоходомъ сказать, г. Шестовъ совершенно напрасно противопоставляетъ факту благополучія графини Марьи: въ дѣвушкахъ послѣдняя претерпѣваетъ даже гораздо болѣе ярко унизительныя положенія изъ за „добродѣтели an sich, чистаго служенія долгу, покорности судьбѣ, неумѣнья постоять за себя“, и это не помѣшало ей кончить благополучіемъ. Въ Сонѣ же, какъ говоритъ гр. Толстой, „было все, за что цѣнятъ людей, но было мало того, что могло бы заставить Ростова любить ее“. Съ чѣмъ же тутъ „спорить“? Другое дѣло Наполеонъ. Но онъ далеко не единственное лицо, къ которому авторъ относится явно враждебно. Оставимъ въ сторонѣ семью Курагиныхъ (хитраго и неразборчиваго въ средствахъ князя Василія, распутную, глупую и жестокую красавицу Эленъ, такого же распутнаго красавца Анатоля, идіота Ипполита), жестокаго и грубаго Аракчеева, злобную Вѣру Ростову и т. п. дѣйствующихъ лицъ, которыхъ авторъ то и дѣло ставитъ въ унизительно смѣшныя или позорныя положенія. Остановимся только на Сперанскомъ, Растопчинѣ, Милорадовичѣ, Толѣ и другихъ генералахъ—составителяхъ „диспозицій“. Все это—явно нелюбимые Толстымъ люди. И не любитъ онъ ихъ именно за то же самое, за что казнитъ Наполеона, хотя они и не такъ замѣтны на міровой сценѣ. Вотъ что онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ объ этихъ сравнительно маленькихъ людяхъ: „Люди эти, увлекаемые своими страстями, были слѣпыми исполнителями только самаго печальнаго *закона необходимости;* но они считали себя героями и воображали, что то, что они дѣлали, было самое достойное и благородное дѣло“. Переходя затѣмъ къ нареканіямъ на Кутузова, гр. Толстой пишетъ: „Такова судьба не великихъ людей, не grand-homme, которыхъ не признаетъ русскій умъ, а судьба тѣхъ рѣдкихъ, всегда одинокихъ людей, которые, постигая *волю Провидѣнія,* подчиняютъ ей свою личную волю... Для русскихъ историковъ—странно и страшно сказать—Наполеонъ, это ничтожнѣйшее *орудіе исторіи*... есть предметъ восхищенія и восторга, онъ grand. Кутузовъ же, тотъ человѣкъ, который... являетъ необычайный въ исторіи примѣръ самоотверженія и сознанія въ настоящемъ будущаго значенія событія, Кутузовъ представляется имъ чѣмъ то неопредѣленнымъ и жалкимъ... А между тѣмъ трудно представить себѣ историческое лицо, дѣятельность котораго такъ неизмѣнно постоянно была бы направлена къ одной и той же цѣли. Трудно вообра-

зить себѣ цѣль болѣе достойную и болѣе совпадающую съ *волею всего народа*".

Обращаю вниманіе читателей на подчеркнутыя мною слова: „законъ необходимости", „воля Провидѣнія", „орудіе исторіи", „воля всего народа". Это все разныя названія для одной и той же высшей инстанціи, въ которую гр. Толстой апеллируетъ всякій разъ, какъ получаетъ преобладаніе его шуйца,—въ противоположность суду собственнаго разума и сердца во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда преобладаетъ десница. Не слѣдуетъ однако думать, чтобы графъ Толстой не только на всемъ протяженіи своей дѣятельности, но и въ каждый данный моментъ былъ свободенъ отъ противорѣчій, то есть выдвигалъ только свою шуйцу или десницу. Въ общемъ „Война и миръ" написана шуйцей (и это очень радуетъ г. Шестова), но даже въ незслоненномъ великолѣпными художественными образами и картинами философско-историческимъ послѣсловіи къ этому перлу русской литературы есть мѣста отъ десницы. Напримѣръ: „Благо тому народу, который въ минуту испытанія, не спрашивая о томъ, какъ по правиламъ поступали другіе въ подобныхъ случаяхъ, съ простотою и легкостью поднимаетъ первую попавшуюся дубину и гвоздитъ ею до тѣхъ поръ, пока въ душѣ его чувство оскорбленія и мести не замѣнится презрѣніемъ и жалостью". Чтобы оцѣнить все значеніе этихъ строкъ, надо припомнить сказку гр. Толстого „Объ Иванѣ дуракѣ и его двухъ братьяхъ". Тамъ подданные Ивана дурака заслуживаютъ благоволеніе автора тѣмъ, что встрѣчаютъ солдатъ тараканскаго царя не дубиной, а напротивъ тѣмъ, что предоставляютъ имъ грабить и убивать себя,—и „благо" имъ, потому что въ концѣ концовъ тараканскимъ солдатамъ „гнусно стало", и они „не пошли дальше, и все войско разбѣжалось". Покорись теченію обстоятельствъ, судьбѣ, волѣ провидѣнія, закону необходимости,—и какъ бы еще ни переодѣвалась эта высшая инстанція—и благо тебѣ будетъ:—таково требованіе шуйцы гр. Толстого. Не покоряйся ничему, кромѣ голоса своего разума и сердца,—пишетъ напротивъ его десница. Но въ обоихъ случаяхъ онъ остается все тѣмъ же властнымъ и самоувѣреннымъ гр. Толстымъ.

Еще одно любопытное замѣчаніе г. Шестова, касающееся эпиграфа къ „Аннѣ Карениной": „Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ". „Мы привыкли—говоритъ г. Шестовъ—истолковывать его (эпиграфъ) въ томъ смыслѣ, что окончательный судъ надъ людьми можетъ и долженъ быть произнесенъ не человѣкомъ, и что удача или неудача нашей земной жизни не служитъ доказательствомъ правоты или неправоты нашей. Но въ „Аннѣ Карениной" чувствуется совершенно иное пониманіе евангельскаго текста. *Уже* въ этомъ романѣ гр. Толстой не только изображаетъ человѣческую жизнь, но судитъ людей. И судитъ не такъ, какъ долженъ

судить безпристрастный, спокойный судья, не вѣдающій жалости, но не знающій и гнѣва, а какъ человѣкъ, глубоко и страстно заинтересованный въ исходѣ разбираемаго имъ процесса. Каждая строчка этого замѣчательнаго произведенія направлена противъ невѣдомаго, но опредѣленнаго врага или въ защиту невѣдомаго же, но вполнѣ опредѣленнаго союзника".

„*Уже* въ этомъ романѣ"... Но когда же гр. Толстой творилъ иначе? Припомните старыя произведенія, хоть, напримѣръ, „Люцернъ" или „Казаки" или „Два гусара". Вездѣ онъ тотъ же властный художникъ, которому принадлежитъ „отмщеніе", который „воздаетъ". Таковъ, я думаю, всякій художникъ, ибо всякому художнику дана страшная власть въ мѣру его силъ вязать и рѣшить, казнить и миловать свои созданія. Только одни слишкомъ уже подчеркиваютъ свои казни и милости, а другіе не пользуются данною имъ властью, ограничиваясь фотографіями. Гр. же Толстой никогда отъ своей власти не отказывался (разница была только въ степени страстности суда, да въ его объектахъ), хотя это и прикрывалось для посторонняго глаза художественнымъ мастерствомъ. Ну, а въ публицистическихъ статьяхъ или въ такихъ экскурсахъ, какъ философско-историческое послѣсловіе къ „Войнѣ и миру"... Здѣсь уже, разумѣется, съ окончательною ясностью выступаютъ его симпатіи и антипатіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его полнота собою, его самоувѣренность. Особенно бросается въ глаза это послѣднее свойство, когда на гр. Толстого нападаетъ стихъ смиренія и покаянія. Въ каждомъ своемъ произведеніи онъ выступаетъ носителемъ полной и несомнѣнной истины; нужды нѣтъ, что истина эта замѣнится, можетъ быть, завтра-же другою, даже противоположною,—довлѣетъ дневи злоба его, завтра графъ все-таки окажется обладателемъ полной и несомнѣнной истины. И когда онъ, напримѣръ, въ одинъ прекрасный день „вмѣсто своего образованія призналъ свое невѣжество",—онъ тутъ же отнюдь не со смиреніемъ рѣшалъ весьма сложные и трудные вопросы, рѣшеніе которыхъ мало совмѣстимо съ „невѣжествомъ". Когда онъ въ „Войнѣ и мирѣ" приглашалъ всѣхъ смиренно признать себя равно необходимыми „орудіями исторіи", онъ жестоко казнилъ Наполеона, Растопчина и другихъ, имѣвшихъ дерзость считать себя не только орудіями, а и дѣятелями исторіи, хотя они, по его собственному мнѣнію, иначе и не могли исполнить свою роль орудія.

Но возвратимся къ „Аннѣ Карениной", въ которой, по словамъ г. Шестова, „каждая строчка направлена противъ невидимаго, но опредѣленнаго врага или въ защиту невидимаго же, но тоже вполнѣ опредѣленнаго союзника". Кто же этотъ врагъ и кто этотъ союзникъ? Союзникъ—„правило", отвѣчаетъ г. Шестовъ, врагъ—нарушеніе правила. Анна, какъ самая крупная фигура изъ нарушителей правила, терпитъ и самую ужасную казнь:

гр. Толстой смертью „отмщаетъ", „воздаетъ" ей за нарушеніе правила супружеской вѣрности; онъ еще подчеркиваетъ непреложность этого правила тѣмъ, что сухой автоматъ Каренинъ не пара Аннѣ, и все-таки Анна должна понести казнь. Затѣмъ, чѣмъ мельче нарушители, тѣмъ меньше имъ и „воздается". „Всѣ дѣйствующія лица „Анны Карениной" раздѣляются на двѣ категоріи. Одни слѣдуютъ правилу, правиламъ и вмѣстѣ съ Левинымъ идутъ къ благу, къ спасенію; другіе слѣдуютъ своимъ желаніямъ, нарушаютъ правила и, по мѣрѣ смѣлости и рѣшительности своихъ дѣйствій, подпадаютъ болѣе или менѣе жестокому наказанію".

Мнѣ кажется, это,—какъ и многое другое въ книгѣ г. Шестова,—слишкомъ прямолинейно и слишкомъ произвольно. Вспомнимъ хоть Долли, которая ужъ кажется никакихъ „правилъ" не нарушаетъ, а терпитъ муку мученическую, въ то время, какъ ея мужъ съ чрезвычайнымъ весельемъ нарушаетъ ихъ на каждомъ шагу, никакой казни за это не получая. Да и въ чемъ состоятъ эти „правила", за нарушеніе которыхъ гр. Толстой „отмщаетъ" и „воздаетъ"? Въ числѣ казнимыхъ г. Шестовъ отмѣчаетъ Вронскаго, а между тѣмъ у этого центавра есть цѣлый кодексъ совершенно точно опредѣленныхъ „правилъ", который (кодексъ) г. Шестовъ самъ цитируетъ: „Жизнь Вронскаго,—говоритъ гр. Толстой—тѣмъ была особенно счастлива, что у него былъ сводъ правилъ, несомнѣнно опредѣляющихъ все, что должно и не должно дѣлать... Правила эти несомнѣнно опредѣляли, что нужно заплатить шулеру, а портному не нужно, что лгать не надо мужчинамъ, а женщинамъ можно, что обманывать нельзя никого, а мужа можно, что нельзя прощать оскорбленій, но оскорблять можно". Изъ самой формулировки этихъ „правилъ" видно, что гр. Толстой ихъ отнюдь не одобряетъ, напротивъ за нихъ то и казнитъ Вронскаго; значитъ, есть правила, нарушеніе которыхъ даже желательно или обязательно съ точки зрѣнія гр. Толстого. Съ другой стороны жить безъ всякихъ правилъ, слѣдуя только своимъ „желаніямъ", немножко мудрено, по самому существу дѣла. Напримѣръ, г. Шестовъ очень цѣнитъ изрѣченія Ничше: „что слабо, то нужно толкнуть", „не желай быть врачомъ у безнадежно больного". Но развѣ это не „правила"? И нуждаются въ этихъ правилахъ очевидно тѣ, кто *не желаетъ* толкать слабаго и желаетъ быть врачомъ у безнадежнаго больного, чтобы облегчить ему послѣднія минуты жизни. Изъ всего этого видно, что г. Шестовъ говоритъ не о правилахъ вообще, а только объ извѣстныхъ правилахъ, которыхъ, однако, ближайшимъ образомъ не опредѣляетъ.

Въ числѣ благополучныхъ дѣйствующихъ лицъ „Анны Карениной", пользующихся явнымъ расположеніемъ Толстого и неповинныхъ въ нарушеніи правилъ, г. Шестовъ ставитъ на первомъ мѣстѣ Левина. Для характеристики же Левина онъ приво-

дитъ слѣдующія слова гр. Толстого: „Прежде (это началось почти съ дѣтства и все росло до полной возмужалости), когда онъ (Левинъ) старался сдѣлать что нибудь такое, что сдѣлало бы *добро* для всѣхъ, для человѣчества, для Россіи, для всей деревни, онъ замѣчалъ, что мысли объ этомъ были пріятны, но самая дѣятельность всегда была нескладная и сходила на нѣтъ; теперь же, когда онъ, послѣ женитьбы, *сталъ болѣе и болѣе ограничиваться жизнью для себя*, онъ, хотя и не испытывалъ болѣе никакой радости при мысли о своей дѣятельности, чувствовалъ увѣренность, что она спорится гораздо лучше, чѣмъ прежде, и что она становится все больше и больше. Теперь онъ, точно *противъ воли*, все глубже и глубже, врѣзывался въ землю, какъ плугъ, такъ что ужъ и не могъ выбраться, не отвернувъ борозды". И его жизнь „не только не безсмысленна, какъ была прежде, но имѣетъ *несомнѣнный смыслъ добра*".

Какъ видите, это исторія, весьма похожая на ту, которую пережилъ самъ гр. Толстой во время московской переписи и послѣ нея: подобно Левину, онъ старался сдѣлать что нибудь такое, что было бы „добромъ" для всѣхъ, но когда это вышло нескладно и сошло на нѣтъ, сталъ жить *для себя*, и это, какъ и съ Левинымъ было, имѣло „несомнѣнный смыслъ добра". Но Левинъ живетъ все таки не такъ, какъ живетъ гр. Толстой. Въ чемъ же состоитъ то „добро", о которомъ такъ много говорятъ и гр. Толстой и г. Шестовъ, въ самомъ заглавіи своей книги поставившій „добро въ ученіи гр. Толстого и Ничше"? Г. Шестовъ оперируетъ этимъ словомъ на всемъ протяженіи своей книги, но опредѣленіе „добра" даетъ лишь въ концѣ ея (стр. 190): „добро, т. е. отрицаніе насилія". Очевидно однако, что и это опредѣленіе не годится, оно слишкомъ узко для уразумѣнія хотя бы того добра, которое гр. Толстой и Левинъ собирались дѣлать, и того, которое дѣлали или дѣлаютъ. Выходитъ что то очень смутное, и смутность эта находится, я думаю, въ прямой связи съ указаннымъ мною въ прошлый разъ недоразумѣніемъ, которое хорошо выражается переводомъ словъ „Jenseits von Gut und Böse" словами: „по ту сторону добра и зла". Поэтому повторяю: никогда Ничше не думалъ становиться по ту сторону добра и зла, онъ предлагалъ для познанія истиннаго добра и истиннаго зла стать по ту сторону доброты и злости; никогда не отрицалъ онъ „правила" вообще, онъ предполагалъ упразднить старыя, ходячія правила и дать новыя.

На этомъ я кончу съ г. Шестовымъ и перейду къ „Воскресенію".

Новый романъ гр. Толстого былъ по слухамъ извѣстенъ уже давно,—года пожалуй за два, если не больше, до его появленія; то есть извѣстно было, что гр. Толстой пишетъ романъ, извѣ-

стна была и фабула романа, взятая, какъ говорили, изъ дѣйствительной жизни. Новое произведеніе графа ожидалась съ нетерпѣніемъ и тотчасъ по своемъ появленіи вызвало восторги критики. Нѣкоторые находили, что это геніальное, лучшее изъ произведеній Толстого. Къ сожалѣнію, это совсѣмъ не вѣрно; къ сожалѣнію,—потому что русская литература могла бы справедливо гордиться, если бы новый романъ гр. Толстого затмилъ собою „Казаковъ“, „Войну и миръ“ и проч. А это уже такъ повелось относительно знаменитаго автора: такъ и про „Смерть Ивана Ильича“ говорили. Въ „Воскресеніи“ есть истинно превосходныя страницы, въ большинствѣ случаевъ впрочемъ не имѣющія прямого отношенія къ ядру романа, но въ цѣломъ это, конечно, далеко не лучшая изъ работъ гр. Толстого. Я не буду останавливаться на красотахъ „Воскресенія“, не буду разсказывать и его содержаніе,—все это извѣстно моимъ читателямъ, конечно, давно уже познакомившимся съ романомъ. Я хочу лишь подѣлиться съ читателемъ нѣкоторыми мыслями, вызванными во мнѣ чтеніемъ новаго произведенія гр. Толстого.

Въ „Воскресеніи“ передъ нами проходитъ длинный рядъ представителей самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества отъ министровъ и „начальниковъ края“ до мужиковъ и каторжниковъ, отъ свѣтскихъ дамъ до публичныхъ женщинъ, съ прибавкой заѣзжаго англичанина проповѣдника и англичанина же, путешествующаго по Сибири. По замыслу романа вся эта огромная и пестрая масса дѣйствующихъ лицъ можетъ быть распредѣлена въ такой переспективѣ: на первомъ мѣстѣ князь Нехлюдовъ и Катя Маслова; затѣмъ члены суда, прокуроры, адвокаты, сенаторы и разныя власть имущіе люди, такъ или иначе вліяющіе на судьбу Кати, а черезъ нее и на судьбу Нехлюдова; далѣе политическіе преступники, въ особенности Симонсонъ; еще далѣе разнообразная группа лицъ, съ которыми Нехлюдовъ и Катя сталкиваются, такъ сказать, въ одиночку, безъ непосредственнаго отношенія къ драмѣ, составляющей ядро романа; тутъ и уголовные преступники, и смотритель тюрьмы, и его дочь, и свѣтскія дамы, и конвойный офицеръ, и сестра Нехлюдова съ мужемъ и дѣтьми, и мужики, съ которыми Нехлюдовъ бесѣдуетъ о земельной собственности, и путешествующіе англичане. Всѣ эти разнообразные люди, начиная со второй категоріи, составляютъ, собственно говоря, фонъ, оттѣняющій положенія героя и героини романа. Исключеніе составляетъ Симонсонъ, но онъ является въ самомъ концѣ романа, какъ Deus ex machina и какъ то уже слишкомъ наскоро сдѣланъ, скомканъ, какъ, впрочемъ, и весь конецъ романа. Кое кто изъ людей фона, благодаря безсознательному мастерству художника или сознательной тщательности отдѣлки, по временамъ выдвигается за предѣлы своей роли по замыслу романа, отвлекаетъ на минуту вниманіе читателя, но

вслѣдъ за тѣмъ авторъ круто поворачиваетъ это вниманіе къ Нехлюдову и Катѣ.

Люди фона „Воскресенія“ очень разнообразны по своему общественному положенію, по своему образованію, уму, взглядамъ, характерамъ, личнымъ свойствамъ и т. д., но у всѣхъ у нихъ или, по крайней мѣрѣ, у огромнаго большинства ихъ есть одна общая черта: внутренній душевный миръ. Не то, чтобы они были сплошь счастливы и вседовольны; ихъ посѣщаетъ и скука и большія и малыя неудачи, и злобныя чувства, но они все-таки живутъ безъ внутренняго разлада подъ сѣнію „правилъ“, въ которыхъ не сомнѣваются, которыя точно и опредѣленно указуютъ имъ путь жизни. Вотъ, напримѣръ, генералъ Кригсмутъ, — одна изъ лучшихъ фигуръ романа. Это „былъ увѣшанный орденами,— которые онъ не носилъ, за исключеніемъ бѣлаго креста въ петличкѣ,—заслуженный, но выжившій изъ ума, какъ говорили про него, старый генералъ изъ нѣмецкихъ бароновъ. Онъ служилъ на Кавказѣ, гдѣ онъ получилъ этотъ крестъ, потомъ—въ Польшѣ и еще гдѣ-то и теперь получилъ то, дававшее ему хорошее помѣщеніе, содержаніе и почетъ, мѣсто, на которомъ находился въ настоящую минуту. Онъ строго исполнялъ предписанія высшаго начальства и особенно дорожилъ этимъ исполненіемъ. Приписывая этимъ предписаніямъ особенное значеніе, онъ считалъ, что все на свѣтѣ можно измѣнить, но только не эти предписанія“.

Или вотъ графъ Чарскій, „отставной министръ и человѣкъ твердыхъ убѣжденій“. „Убѣжденія графа Ивана Михайловича съ молодыхъ лѣтъ состояли въ томъ, что, какъ птицѣ свойственно питаться червяками, быть одѣтой перьями и пухомъ и летать по воздуху, такъ и ему свойственно питаться дорогими кушаньями, приготовленными дорогими поварами, быть одѣтымъ въ самую покойную и дорогую одежду и ѣздить на самыхъ покойныхъ и быстрыхъ лошадяхъ, и что, поэтому, это все должно быть для него готово. Кромѣ того, графъ Иванъ Михайловичъ считалъ, что чѣмъ больше у него будетъ полученія всякаго рода денегъ изъ казны, чѣмъ больше будетъ орденовъ, и чѣмъ чаще онъ будетъ видѣться и говорить съ высокопоставленными особами обоихъ половъ, тѣмъ будетъ лучше“.

Эта черта непоколебимости „правилъ“ свойственна далеко не однимъ столь высокопоставленнымъ лицамъ, какъ генералъ Кригсмутъ и графъ Чарскій, и гр. Толстой не всегда подчеркиваетъ ее иронически. Въ Симонсонѣ, напримѣръ, онъ очень высоко ее цѣнитъ, и вотъ на какомъ основаніи: „Всѣ люди живутъ и дѣйствуютъ отчасти по своимъ мыслямъ, отчасти по мыслямъ другихъ людей. Въ томъ, насколько люди живутъ по своимъ мыслямъ и насколько по мыслямъ другихъ людей, состоитъ одно изъ главныхъ различій людей между собою. Одни люди, въ большинствѣ случаевъ, пользуются своими мыслями, какъ умственной

игрой, обращаются со своимъ разумомъ, какъ съ маховымъ колесомъ, съ котораго снятъ передаточный ремень, а въ поступкахъ своихъ подчиняются чужимъ мыслямъ—обычаю, преданію, закону; другіе же, считая свои мысли главными двигателями всей своей дѣятельности, почти всегда прислушиваются къ требованіяхъ своего разума и подчиняются ему, только изрѣдка и то послѣ критической оцѣнки слѣдуя тому, что рѣшено другими. Такой человѣкъ былъ Симонсонъ. Онъ все повѣрялъ, рѣшалъ разумомъ, а что рѣшалъ, то и дѣлалъ".

Люди фона „Воскресенія" непоколебимы въ своихъ правилахъ и спокойны душой именно потому, что они живутъ „по мыслямъ другихъ людей", „подчиняются чужимъ мыслямъ — закону, обычаю, преданію". Разъ усвоивъ себѣ изъ чужихъ рукъ извѣстныя правила, они уже надъ ними не задумываются и шествуютъ по пути жизни безъ колебаній, безъ сомнѣній, безъ упрековъ совѣсти, безъ оглядки. Въ общемъ они представляютъ собою очень сѣрый и плоскій фонъ для узоровъ душевной жизни Нехлюдова и Кати. Въ печати раздавались голоса, упрекавшіе гр. Толстого въ намѣренно неблагопріятномъ освѣщеніи суда присяжныхъ и опороченіи всего судейскаго персонала, слышались голоса и въ защиту графа: онъ, дескать, основалъ свой разсказъ на всегда возможной судебной ошибкѣ и ничего противъ суда присяжныхъ не имѣетъ. Я думаю, что обѣ стороны неправы. Что гр. Толстой имѣетъ нѣчто противъ всякаго суда, въ томъ числѣ и противъ суда присяжныхъ, это давно извѣстно, и изъ „Воскресенія" ясно, и демонстративно засвидѣтельствовано лично граф. Толстымъ, отказомъ отъ обязанностей присяжнаго засѣдателя. Но въ опороченіи судебнаго персонала авторъ „Воскресенія" отнюдь не повиненъ. Такъ-ли бы онъ его опорочилъ, еслибы захотѣлъ! Онъ только изображаетъ его съ сѣрой, будничной стороны, со свойственными не однимъ судьямъ, прокурорамъ и сенаторамъ слабостями, лѣнцой, механическимъ отношеніемъ къ дѣлу и т. п. Все это составляетъ только часть того обширнаго и пестраго фона, на которомъ рисуется исторія Нехлюдова и Кати.

Не чужды подчиненія чужимъ мыслямъ и эти главные герои „Воскресенія", но они имѣютъ и свои мысли, и главный психологическій интересъ романа сводится къ происходящей въ нихъ борьбѣ чужихъ мыслей съ голосомъ ихъ собственнаго разума и сердца. Переворотъ, вызванный въ душѣ Нехлюдова случайной встрѣчей съ Катей на судѣ, гдѣ она является обвиняемой, а онъ—однимъ изъ рѣшающихъ ея судьбу; переворотъ, опредѣлившій собою всю его дальнѣйшую жизнь, совсѣмъ не такъ неожиданъ и крутъ, какъ можетъ показаться на первый взглядъ. Голосъ разума и сердца, подъ вліяніемъ котораго онъ совершаетъ рядъ, съ точки зрѣнія окружающей его среды, странныхъ, не то смѣшныхъ, не то глупыхъ или чудаческихъ поступковъ, былъ при-

сущъ ему съ ранней молодости. Такъ, въ то лѣто, когда онъ впервые увидалъ Катю въ деревнѣ у тетушекъ, онъ „переживалъ то восторженное состояніе, когда въ первый разъ юноша *не по чужимъ указаніямъ, а самъ по себѣ познаетъ всю красоту и важность жизни и всю значительность дѣла, предоставленнаго въ ней человѣку*, видитъ возможность безконечнаго совершенствованія и своего и всего міра и отдается этому совершенствованію не только съ надеждой, но съ полной увѣренностью достиженія всего того совершенства, которое онъ воображаетъ себѣ. Въ этотъ годъ еще въ университетѣ онъ прочелъ „Соціальную Статику“ Спенсера, и разсужденія Спенсера о земельной собственности произвели на него сильное впечатлѣніе, въ особенности потому, что онъ самъ былъ сынъ крупной землевладѣлицы Отецъ его былъ не богатъ, но мать получила въ приданое около 10 тысячъ десятинъ земли. Онъ въ первый разъ понялъ тогда всю несправедливость частнаго землевладѣнія и, будучи однинъ изъ тѣхъ людей, *для которыхъ жертва во имя нравственныхъ требованій составляетъ высшее духовное наслажденіе*, рѣшилъ не пользоваться правомъ собственности на землю и тогда же отдалъ доставшуюся ему по наслѣдству отъ отца землю крестьянамъ. Онъ на эту же тему и писалъ свое сочиненіе“.

Могутъ замѣтить, что въ этомъ случаѣ Нехлюдовъ поступилъ не „самъ по себѣ“, а „по чужимъ указаніямъ“, а именно по указаніямъ Спенсера. Но это будетъ неосновательное замѣчаніе. Безъ чужихъ мыслей прожить нельзя, дѣло только въ томъ,— провѣряетъ ли ихъ человѣкъ „самъ по себѣ“, мѣркою собственнаго разума и сердца, и готовъ ли онъ противопоставить принятое рѣшеніе враждебнымъ чужимъ мыслямъ. Авторъ разсказываетъ, какъ отнеслись окружающіе къ отдачѣ Нехлюдовымъ отцовскаго наслѣдства крестьянамъ; этотъ поступокъ привелъ его мать и родныхъ „въ ужасъ“ и „былъ постояннымъ предметомъ укора и насмѣшекъ надъ нимъ всѣхъ его родственниковъ“. Въ это же лѣто Нехлюдовъ полюбилъ Катю нѣжною, робкою, чистою любовью. Черезъ три года онъ опять пріѣхалъ въ деревню къ теткамъ, но уже совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Онъ развратился... „Эта страшная перемѣна,—разсказываетъ авторъ— произошла въ немъ отъ того, что онъ пересталъ вѣрить себѣ, а сталъ вѣрить другимъ. Пересталъ же онъ вѣрить себѣ, а сталъ вѣрить другимъ потому, что жить, вѣря себѣ, было слишкомъ трудно; вѣря себѣ, всякій вопросъ надо было рѣшать всегда не въ пользу своего животнаго *я*, ищущаго легкихъ радостей, а почти всегда противъ него; вѣря же другимъ, рѣшать нечего было, все уже было рѣшено и рѣшено было всегда противъ духовнаго и въ пользу животнаго *я*. Мало того, вѣря себѣ, онъ всегда подвергался осужденію людей,—вѣря другимъ, онъ получалъ одобреніе людей, окружающихъ его“.

Однако при второй встрѣчѣ съ Катей Нехлюдовъ не сразу далъ волю этому новому въ себѣ человѣку. И еще при первомъ поцѣлуѣ „ему стало на мгновеніе не только неловко и стыдно, но гадко на себя; ему бы надо было повѣрить себѣ, но онъ не понялъ, что эта неловкость и стыдъ были самыя добрыя чувства его души, просившіяся наружу, а напротивъ ему показалось, что это говоритъ въ немъ его глупость, что надо дѣлать, какъ всѣ дѣлаютъ.“ Онъ и сдѣлалъ *какъ всѣ*, то есть всѣ люди его общества: далъ волю своему животному чувству, сунулъ Катѣ сторублевую бумажку и скоро совсѣмъ забылъ весь этотъ эпизодъ. Нельзя однако сказать, чтобы онъ совершенно погрязъ душой въ жизни „какъ всѣ“. Въ самомъ началѣ романа онъ тяготится связью съ предводительшей Марьей Васильевной и двусмысленными отношеніями съ Мисси Карчагиной, и раздумываетъ, какъ бы по совѣсти покончить со всѣмъ этимъ. Судъ надъ Катей окончательно разрываетъ его со средой, развратившей его... Не совсѣмъ впрочемъ окончательно. Онъ совершаетъ рядъ поступковъ, ни съ чѣмъ несообразныхъ съ точки зрѣнія „всѣхъ“, во всеуслышаніе объявляетъ, что чувствуетъ свою вину передъ Катей, что хочетъ жениться на этой проституткѣ, осужденной на каторгу, хочетъ отдать крестьянамъ землю, полученную по наслѣдству отъ матери, ѣдетъ въ Сибирь, заводитъ близкія отношенія съ каторжниками. Но во время этихъ приключеній въ немъ не разъ просыпается ветхій человѣкъ, человѣкъ „какъ всѣ“. Напомню одинъ такой случай. Въ хлопотахъ о Катѣ и другихъ заключенныхъ онъ наталкивается на Mariette Червянскую, умѣющую разбудить въ немъ чувственность. „Они говорили о несправедливости сильныхъ, о страданіяхъ несчастныхъ, о бѣдности народа, но въ сущности глаза ихъ, смотрѣвшіе другъ на друга, подъ шумокъ разговора, не переставая, спрашивали: „можешь полюбить меня“?—и отвѣчали: „могу“ и физическое чувство, принимая самыя неожиданныя и радужныя формы, влекло ихъ другъ къ другу“. Про дамъ, подобныхъ Mariette Червянской, одинъ мой остроумный пріятель говоритъ, что онѣ очень любитъ разговаривать съ молодыми людьми о „принципахъ“, въ сущности имѣя въ виду только послѣдній слогъ этого слова: „принципъ... ципъ, ципъ, ципъ“. Нехлюдовъ откликнулся на „ципъ, ципъ“ Червянской и сталъ раздумывать: хорошо ли онъ сдѣлаетъ, уѣхавъ въ Сибирь и отдавъ мужикамъ землю? И отвѣты получались „неопредѣленные“. Но въ слѣдующую встрѣчу съ Mariette въ театрѣ, смотрѣть на нее „ему было и пріятно, и гадко въ одно и то же время“. „Глядя на Mariette, онъ любовался ею, не зналъ, что она—лгунья“. Уйдя изъ театра, онъ обогналъ на улицѣ публичную женщину, которая улыбнулось ему совсѣмъ такъ же, какъ та, въ театрѣ, и онъ „испыталъ то же чувство влеченія и отвращенія“.

Не по поводу одного только Нехлюдова гр. Толстой говорить о погубномъ вліяніи „всѣхъ“, то есть даннаго общества. Въ ту сессію суда, въ которую онъ попалъ присяжнымъ засѣдателемъ, судился 20-лѣтній мальчикъ, обвиняемый въ воровствѣ. Разсказавъ его исторію, авторъ размышляетъ: „Вѣдь очевидно, что мальчикъ этотъ не какой-то особенный злодѣй, а самый обыкновенный—это видятъ всѣ—человѣкъ, и что сталъ онъ тѣмъ, что есть, только потому, что находится въ такихъ условіяхъ, которыя порождаютъ такихъ людей... Все, что онъ слышалъ отъ мастеровъ и товарищей съ тѣхъ поръ, какъ онъ живетъ въ городѣ, было то, что молодецъ тотъ, кто обманетъ, кто выпьетъ, кто обругаетъ, кто прибьетъ, кто развратничаетъ“.

Въ сущности это разсужденіе примѣнимо ко всѣмъ людямъ сѣраго фона „Воскресенія“, взятымъ въ отдѣльности, но гр. Толстой машетъ на нихъ рукой и оставляетъ въ сѣромъ положеніи людей, живущихъ „какъ всѣ“. Иное дѣло Катя.

„Обыкновенно думаютъ,—говоритъ гр. Толстой,—что воръ или убійца, признавая свою профессію дурною, долженъ стыдиться ея. Происходитъ же совершенно обратное. Люди, судьбою и своими грѣхами—ошибками поставленные въ извѣстное положеніе, какъ бы оно ни было неправильно, составляютъ себѣ такой взглядъ на жизнь вообще, при которомъ ихъ положеніе представляется имъ хорошимъ и уважительнымъ“. Такъ было и съ Катей. Она сильно и много терзалась горемъ послѣ приключенія съ Нехлюдовымъ и потомъ, когда родила ребенка, когда ребенокъ умеръ, когда ей пришлись мыкаться по разнымъ мѣстамъ прислугой и лишаться этихъ мѣстъ вслѣдствіе мужскихъ приставаній и когда наконецъ попала въ публичный домъ. Но затѣмъ она свыклась съ своимъ положеніемъ и у нея постепенно сложилось особое міровоззрѣніе, которое дозволяло ей одобрять себя и даже гордиться передъ людьми своимъ положеніемъ. „Міровоззрѣніе это состояло въ томъ, что главное благо всѣхъ мужчинъ безъ исключенія,—старыхъ, молодыхъ, гимназистовъ, генераловъ, образованныхъ, необразованныхъ—состоитъ въ общеніи съ привлекательными женщинами, и потому всѣ мужчины, хотя и притворяются, что заняты другими дѣлами, въ сущности желаютъ только одного этого. Она же—привлекательная женщина, можетъ удовлетворять или не удовлетворять это ихъ желаніе, и потому она важный и нужный человѣкъ.“ И Катя, даже собираясь на каторгу, не забывала, что и тамъ она будетъ важнымъ и нужнымъ человѣкомъ, потому что вѣдь вотъ и острожные надзиратели къ ней „лѣзутъ,“ и арестанты, и товарищъ прокурора такъ особенно поглядываетъ на нее. Это одинъ изъ мотивовъ, по которымъ Катя отказывается отъ предложенія Нехлюдова выдти за него замужъ. Казалось бы, неожиданно блестящее для нея положеніе жены Нехлюдова должно было льстить ей да оно пожа-

луй и льстило. Но тамъ, въ этомъ новомъ мірѣ отношеній, она утратила бы привычное уже ей положеніе всѣми желанной и всѣмъ доступной, сознаніе же позорности этого положенія давно заглохло, и ей страшно было разстаться съ міровоззрѣніемъ привычныхъ ей „всѣхъ". Поэтому и къ Неклюдову она относится нѣкоторое время, какъ „всѣ" женщины ея профессіи ко „всѣмъ" мужчинамъ: заигрывающе улыбается ему, выпрашиваетъ деньги.

Я сказалъ, что таковъ одинъ изъ мотивовъ отказа Кати отъ предложенія Нехлюдова. Ихъ нѣсколько, этихъ мотивовъ. Они постоянно смѣняютъ другъ друга, временно сливаясь въ такой противорѣчивый клубокъ, въ которомъ и сама Катя не можетъ разобраться. Обращаю особенное вниманіе читателей на чувства обиды, на злобное сознаніе вины передъ ней Нехлюдова. Она уже было совсѣмъ забыла эпизодъ изъ своей молодости, положившій начало ея печальной карьерѣ, смыла его въ своей памяти виномъ и quais веселымъ разгуломъ. И вдругъ появленіе Нехлюдова въ тюрьмѣ поднимаетъ въ ней далекое воспоминаніе о первой, чистой, тогда же поруганной любви... Ея бесѣды съ Нехлюдовымъ, грубыя, колкія, язвительныя, тѣмъ ярче выдѣляются въ „Воскресеніи", что гр. Толстой крайне рѣдко затрогивалъ до сихъ поръ соотвѣтственныя душевныя движенія. Мы много разъ читали у него изображеніе гнетущей работы взволнованной совѣсти, онъ и прямо о себѣ многое сообщилъ намъ на эту тему, и собственно въ Нехлюдовѣ мы не получаемъ въ психологическомъ отношеніи ничего новаго. Но мотивы *законнаго* чувства полученной обиды, *праведнаго* гнѣва, *праведнаго* мстительнаго чувства имъ до сихъ поръ почти не эксплуатировались. А тутъ, благодаря самой грубости формы, въ которой эти чувства выражаются у осужденной на каторгу проститутки, да еще (при одной изъ бесѣдъ) полупьяной, эти мотивы выступаютъ особенно рѣзко, не отталкивая однако читателя отъ Кати: да, она права, эта пьяная публичная женщиыа, права въ своемъ гнѣвѣ...

Говоря словами г. Шестова, въ „Воскресеніи" гр. Толстой воюетъ съ невидимымъ, но совершенно опредѣленнымъ врагомъ. Это не выжившій изъ ума генералъ Кригсмутъ, не сибирскій конвойный офицеръ, вспоминающій какую то венгерку съ персидскими глазами, не деревянный мужъ сестры Нехлюдова, не пошлая лгунья Mariette, не судья съ катарромъ желудка и не тотъ судья, который передъ засѣданіемъ гимнастикой занимается; вообще не какое нибудь отдѣльное лицо. Умныя и глупыя, больныя и здоровыя, смѣшныя и скверныя, эти дѣйствующія лица разсказа сливаются для автора въ одинъ сѣрый фонъ, и каждое изъ нихъ въ отдѣльности не претерпѣваютъ какихъ нибудь очень сильныхъ ударовъ отъ него: онъ спокойно записываетъ ихъ глупости, скверности и пошлости. Его врагъ—„всѣ", та страшная сила „всѣхъ" даннаго общества, которя глушитъ лучшія движе-

нія души личности, подсовывая ей свои, готовыя рѣшенія вопросовъ жизни...

Но, къ сожалѣнію, это не единственный врагъ гр. Толстого въ „Воскресеніи."

Не добро быти человѣку едину, да и немыслимъ человѣкъ внѣ общества, и не всегда общество оказываетъ на личность пагубное вліяніе, какъ на всѣхъ людей фона „Воскресенія" и на Нехлюдова и Катю до момента ихъ возрожденія, „воскресенія", когда властно заговорилъ голосъ ихъ собственнаго разума и сердца. Возрожденіе Кати произошло отчасти подъ вліяніемъ любви къ Нехлюдову, постепенно пробившейся наружу изъ подъ коры гнѣва, мести и обиды съ одной стороны, привычекъ quasi-веселой жизни—съ другой. Но это было только начало, первый ростокъ, да и онъ можетъ быть отцвѣлъ бы, не успѣвши расцвѣсть, если-бы не общество, своего рода „всѣ". Правда, этихъ всѣхъ очень не много: небольшая кучка политическихъ преступниковъ, съ которыми судьба столкнула Катю въ тюрьмѣ, потомъ по дорогѣ въ Сибирь и наконецъ на каторгѣ.

Достойно вниманія, что тѣ двое изъ политическихъ преступниковъ, которые особенно сильно способствовали возрожденію Кати,—Марья Павловна и Симонсонъ,—существа, можно сказать, безполыя: оба они относятся къ плотской, физической любви съ отвращеніемъ; съ такимъ же точно отвращеніемъ, съ какимъ относится къ ней самъ гр. Толстой въ „Крейцеровой сонатѣ", да и въ самомъ „Воскресеніи". Чистую отъ физическаго общенія любовь первыхъ встрѣчъ Кати и Нехлюдова онъ описываетъ самыми свѣтлыми красками, какія только есть на его богатой палитрѣ, и наоборотъ столь же мрачными красками рисуетъ любовь физическую, для чего достаточно поводовъ даетъ уже самая фабула „Воскресенія". Это свое личное отвращеніе онъ внушаетъ Марьѣ Павловнѣ и Симонсону, а черезъ нихъ и Катѣ, да кромѣ того и Нехлюдову. Марья Павловна, будучи красивой дѣвушкой, привлекала вниманіе мужчинъ, но всякая мысль о физической любви была ей глубоко противна, и она добилась таки того, что товарищи относились къ ней только какъ къ товарищу. А товарищъ она была хорошій, объ ней шутили, что она занимается „спортомъ" спасенія людей и помощи имъ. Таковъ же былъ и Симонсонъ. Онъ, какъ уже сказано, живетъ и думаетъ не по „чужимъ мыслямъ", а по своимъ собственнымъ, повинуясь лишь голосу своего разума и сердца. Марья Павловна руководилась въ дѣлѣ служенія нуждающемуся въ помощи ближнему непосредственнымъ чувствомъ. Симонсонъ же облекалъ его въ теоретическія формы. Онъ имѣлъ свою религію, въ силу которой, между прочимъ, „холостые люди были тѣ фагоциты, назначеніе которыхъ состояло въ помощи слабымъ, больнымъ частямъ (міроваго) организма. Онъ такъ и жилъ съ тѣхъ поръ, какъ рѣшилъ это,

хотя прежде, юношей, жилъ иначе. Онъ признавалъ себя, такъ же, какъ и Марью Павловну, міровыми фагоцитами. Любовь его къ Катюшѣ не нарушала этой теоріи, такъ какъ онъ любилъ платонически, полагая, что такая любовь не только не препятствуетъ фагоцитной дѣятельности служенія слабымъ, но еще больше воодушевляетъ къ ней".

Общеніе съ этими двумя безусловно цѣломудренными людьми окончательно перевоспитало Катю, бывшую проститутку, гордившуюся своимъ положеніемъ, хотя начало этому перевороту положилъ Неклюдовъ искренностью своего покаянія и готовностью загладить свою вину какою бы то ни было цѣною. Катя въ концѣ концовъ опять любитъ Нехлюдова, но боится быть ему въ тягость и выходитъ за Симонсона, потому что, какъ она говоритъ,— „что любить, не любить? Я ужъ это оставила, и Владиміръ Ивановичъ (Симонсонъ) вѣдь совсѣмъ особенный". Надо однако замѣтить, что и Нехлюдовъ, послѣ эпизода съ Mariette и т. п., сталъ, кажется, тоже „совсѣмъ особенный", по крайней мѣрѣ въ мысляхъ своихъ, если не на дѣлѣ. Намеки на это есть не только въ томъ „отвращеніи", которое замѣшивается въ его „влеченіе" къ Mariette въ театрѣ и къ публичной женщинѣ на улицѣ. Уѣзжая въ Сибирь, онъ говоритъ сестрѣ: „едвали я женюсь, а если женюсь, то не будетъ дѣтей". Изъ этого слѣдуетъ, повидимому, заключить, что онъ думаетъ жениться на Катѣ à la Симонсонъ...

И такъ, въ „Воскресеніи" есть два невидимые, но совершенно опредѣленные врага, съ которыми борется знаменитый авторъ. Это, во первыхъ, „всѣ", точнѣе говоря, тѣ общія условія, которыя заглушаютъ въ отдѣльномъ человѣкѣ естественно благородный голосъ разума и сердца. Это, во вторыхъ, физическая половая любовь; именно физическое общеніе съ лицомъ другого пола, такъ какъ недоведенное до конца взаимное влеченіе мужчины и женщины, и въ собственномъ изложеніи гр. Толстого, и въ теоріи Симонсона, можетъ только украшать жизнь, придавать силу и энергію. Можно сомнѣваться, чтобы человѣкъ, помимо вліянія „всѣхъ", былъ непремѣнно благороденъ сердцемъ и здоровъ умомъ, хотя безспорно, что „всѣ" слишкомъ часто извращаютъ благородныя сердца и здоровые умы. Еще больше можно сомнѣваться въ томъ, что физическая любовь вліяетъ на людей столь пагубно, какъ это изображено въ „Воскресеніи", хотя несомнѣнно, что она слишкомъ часто принимаетъ низкія и грязныя формы...

Ник. Михайловскій.

Хроника внутренней жизни.

I.

I. Голодъ на югѣ Россіи. — Проекты поднятія благосостоянія деревни. II. Вопросы образованія.—Мѣры относительно университетовъ.—Вопросъ о реформѣ средней школы и его обсужденіе въ обществѣ и въ печати.— III. Заключеніе Кожинской эпопеи.

За послѣдніе мѣсяцы съ юга Россіи приходятъ все болѣе печальныя, все болѣе трагическія вѣсти. Уже осенью выяснилось, что значительная часть губерній Бессарабской, Таврической и Херсонской, уѣзды Николаевскій, Новоузенскій и Бузулукскій Самарской губерніи и Аткарскій, Царицынскій и Хвалынскій губерніи Саратовской охвачены недородомъ, угрожающимъ населенію серьезнымъ бѣдствіемъ. Но настоящіе размѣры этого бѣдствія были все же опредѣлены далеко не сразу. Старая исторія столько разъ уже пережитая нами въ недавніе годы,—исторія благодушнаго оптимизма, сперва замалчивающаго и даже отрицающаго идущую бѣду, затѣмъ пытающагося уменьшить ея истинные размѣры и, наконецъ, признающаго ихъ лишь въ послѣднюю минуту, когда помощь можетъ быть обращена уже не на сохраненіе хозяйственныхъ средствъ населенія, а на спасеніе самого населенія отъ голодной смерти,—эта исторія еще разъ повторилась на нашихъ глазахъ. Еще разъ повторились и всѣ ея неизбѣжныя послѣдствія. Оптимизмъ явился характерной чертой истекающаго года. Даже земскія собранія нѣкоторыхъ изъ пострадавшихъ отъ неурожая губерній оказались не вполнѣ свободными отъ такого оптимизма по отношенію къ судьбѣ голодающаго населенія. Бессарабское губернское собраніе съ большимъ волненіемъ выслушало изъ устъ предсѣдателя аккерманской уѣздной управы, г. Пуришкевича, призывъ къ энергичной помощи голодающимъ и прониклось сильнымъ негодованіемъ... на г. Пуришкевича, обвиняя его въ преувеличеніи бѣдствія и желаніи „раздуть дѣло". Скептическое настроеніе собранія повело къ тому, что вмѣсто 800.000 р., которыхъ просило аккерманское земство на продовольствіе населенія и обсѣмененіе полей, въ его распоряженіе было ассигновано лишь 50.000 р. Въ то же время бессарабская управа тормозила даже развитіе частной благотворительности въ губерніи, по цѣлымъ недѣлямъ не

откликаясь на телеграммы съ предложеніями средствъ для помощи голодающимъ,—и земское собраніе не нашло въ этихъ дѣйствіяхъ своей управы ничего ненормальнаго *). Среди земцевъ другихъ пострадавшихъ губерній частные благотворители не встрѣчали, кажется, столь уже непривѣтливаго и суроваго пріема, но сократительныя тенденціи въ мѣрахъ помощи голодному населенію явились достояніемъ не одной лишь Бессарабіи. Широко примѣнялись онѣ и въ другихъ мѣстностяхъ, вездѣ вызывая тяжелыя опасенія въ умахъ людей, близко принимавшихъ къ сердцу интересы обездоленныхъ деревень. Въ Елизаветградскомъ уѣздѣ Херсонской губ. по спискамъ не всѣхъ даже волостей заявлено было требованій пособія на 700.000 р., уѣздная же управа разсчитывала соблюсти экономію и сократить эту сумму до 130.000 р. По этому поводу, какъ сообщалось въ свое время въ газетахъ, членъ губернской управы г. Бурдзинкевичъ, близко ознакомившійся съ положеніемъ уѣзда, высказывался, что „нельзя допустить такое сокращеніе безъ подрыва здоровья и экономическаго благосостоянія населенія. Конечно,—добавлялъ онъ,—голодною смертью люди не будутъ умирать, до этого не дойдетъ, но при недоѣданіи можетъ развиться тифъ и другія болѣзни, а самое худшее,—что, за недостаткомъ сѣмянъ на посѣвы, населеніе не въ состояніи будетъ стать на ноги и въ будущемъ обречено, даже и при послѣдующемъ урожаѣ, терпѣть нужду и обращаться вновь за помощью къ земству“ **).

Недовѣріе къ серьезнымъ размѣрамъ бѣдствія, вызваннаго неурожаемъ, проповѣдывалось порою и въ печати. Среди послѣдней нашлись немногочисленные, къ счастью, органы, пытавшіеся набросить розовый покровъ на неприглядныя картины народной нужды. Всего грубѣе и откровеннѣе эту рискованную операцію продѣлали руководимыя г. Ясинскимъ „Биржевыя Вѣдомости“, ухитрившіяся открыть на мѣстѣ голода непрерывное балетное представленіе. По словамъ этой газеты, въ Измаильскомъ уѣздѣ, одномъ изъ наиболѣе пострадавшихъ, нельзя было найти рабочихъ. „Прислушивается общество—что это такое? гдѣ это пѣсни поютъ?—Это веселятся голодающіе“. „Наступила покровская ярмарка. Измаильскіе интеллигенты остались всѣ безъ прислуги. Прислуга ушла и цѣлыми толпами бродила по улицамъ и площадямъ. Вино лилось рѣкой, въ балаганахъ гремѣла музыка и голодающіе веселились напропалую“. Корреспонденту газеты удавалось видѣть такихъ „голодающихъ“, которые на вопросъ: „значитъ, у васъ нѣтъ голода“ съ усмѣшкой отвѣчали: „Дѣвки сидятъ дома да женихаются, а на службу калачемъ не приманишь. А о моемъ сосѣдѣ Иванѣ тоже говорили, что будто

*) „Россія“, 20 янв. 1900 г. и „Сынъ От.“, 22 янв. 1900 г

**) „Р. Вѣд.“, 25 февр. 1900 г.

онъ голодаетъ. А онъ собралъ сто двадцать ведеръ вина, тридцать продалъ, девяносто пропилъ и вотъ все-таки получаетъ по полпуда хлѣба, да еще жалуется, что даютъ кукурузную муку,—ему пшеничной подавай!" *). Понятная вещь, что серьезная помощь при такихъ условіяхъ представлялась не нужной. „Мѣстное благородное собраніе,—сообщали изъ Кишинева,—являющееся однимъ изъ самыхъ богатыхъ общественныхъ учрежденій нашего города, отклонило предложеніе нѣкоторыхъ своихъ членовъ о выдачѣ изъ своихъ средствъ 5.000 р. въ пользу голодающихъ и рѣшило ограничиться выдачей 500 р.". „Характерно, прибавлялъ корреспондентъ, что самымъ энергичнымъ противникомъ выдачи болѣе крупнаго пожертвованія въ засѣданіи собранія явился извѣстный мѣстный милліонеръ В. П. Синадино, бывшій директоръ кишиневскаго городского общественнаго банка, который настойчиво и вполнѣ серьезно отрицалъ существованіе „какого-то голода" **).

Постепенно однако голоса благодушныхъ оптимистовъ и ядовитыхъ скептиковъ замолкали передъ суровою дѣйствительностью, все громче и настойчивѣе заявлявшею о себѣ. Въ концѣ января въ газетахъ появилось оффиціальное сообщеніе министерства внутреннихъ дѣлъ, указывавшее на то, что частная помощь бѣдствующему отъ голода населенію нерѣдко страдаетъ случайностью за отсутствіемъ точныхъ свѣдѣній о мѣстностяхъ, пораженныхъ бѣдствіемъ. По словамъ сообщенія, это „нежелательное явленіе можетъ быть въ значительной степени устранено при условіи своевременнаго оглашенія вполнѣ установленныхъ оффиціальныхъ данныхъ о мѣстностяхъ, въ коихъ ощущается нужда, и о тѣхъ мѣрахъ воспособленія мѣстному населенію, которыя уже приняты на почвѣ правительственныхъ распоряженій и частной благотворительности. Въ этихъ видахъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ сдѣлано распоряженіе о періодическомъ доставленіи подлежащими губернаторами вышеозначенныхъ данныхъ подъ прямою отвѣтственностью губернскаго начальства за правильность и точность представляемыхъ имъ свѣдѣній". То же сообщеніе указывало въ Бессарабской губерніи три пострадавшіе отъ неурожая уѣзда: Аккерманскій, Измаильскій и Бендерскій. Еще черезъ нѣсколько дней министерство на основаніи свѣдѣній, полученныхъ отъ херсонскаго губернатора, сообщило, что въ этой послѣдней губерніи отъ неурожая пострадали главнымъ образомъ три южныхъ уѣзда: Одесскій, Херсонскій и Тираспольскій. Но здѣсь, по словамъ правительственнаго сообщенія, „положеніе нуждающагося въ продовольствіи населенія облегчается тѣмъ, что, благодаря обилію кормовъ, сохранился рабочій скотъ и на-

*) Цитируемъ по „Сыну Отеч.", 29 янв. 1900 г.
**) „С. От.", 28 янв. 1900 г.

родъ можетъ найти себѣ заработки на рудникахъ, на подвозѣ строительнаго матеріала къ Одессѣ, Николаеву и Херсону и на организованныхъ земствомъ общественныхъ работахъ. Эти благопріятныя условія, въ связи съ незначительностью выданныхъ до настоящаго времени ссудъ, по сравненію съ наличностью мѣстныхъ продовольственныхъ средствъ, по мнѣнію херсонскаго губернскаго начальства, даютъ основаніе надѣяться, что населеніе губерніи переживетъ трудный годъ безъ особаго ущерба для своего благосостоянія" *).

Существованіе острой нужды среди населенія было такимъ образомъ признано оффиціально, между прочимъ, и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ корреспондентъ „Бирж. Вѣдомостей" слышалъ только веселыя пѣсни и видѣлъ только пьянство и гульбу. Частныя же сообщенія, проникавшія въ печать и шедшія отъ лицъ, работавшихъ на мѣстѣ, представляли и районъ бѣдствія болѣе широкимъ, и самые размѣры нужды гораздо болѣе грозными, нежели рисовались они губернскому начальству. Изъ пострадавшихъ уѣздовъ Самарской губерніи еще въ январѣ сообщали, что тамъ „немалая часть населенія питается впроголодь, продаетъ, что можно и чего нельзя продать, закладываетъ утварь, одежду, посѣвы и закабаляетъ себя въ работу на будущую весну и лѣто". „Изъ оффиціальныхъ источниковъ видно, писалъ корреспондентъ губернской управы изъ осино-гайской волости Новоузенскаго уѣзда, что количество безлошадныхъ колеблется по деревнямъ этой волости между 19 и 44%, а неимѣющихъ никакого скота между 10 и 39%. И весь этотъ безлошадный людъ лишенъ всякаго заработка" **). Изъ Аккерманскаго уѣзда г-жи Шахматова и Куцынская, устраивавшія въ немъ на частныя пожертвованія трудовую помощь населенію, для иллюстраціи положенія послѣдняго сообщали между прочимъ такія цифры о числѣ лошадей въ пяти селахъ въ 1898 и 1899 гг.:

	въ 1898 г.	въ 1899 г.
с. Сергѣевка	1120	410
с. Дивизія	1200	654
с. Кибабча	900	400
с. Акманчитъ . . .	1020	614
с. Михайловка . . .	505	220

Число лошадей у крестьянъ сократилось такимъ образомъ вдвое, а мѣстами и втрое; число безлошадныхъ дворовъ въ названныхъ селахъ колебалось между 26,3% и 68,6%. Эти цифры относились къ началу декабря. „Что же будетъ къ веснѣ?" — спрашивали авторы письма ***). И тотъ же самый вопросъ при-

*) „С. От.", 23 и 28 янв. 1900 г.
**) „С. От.", 23 янв. 1900 г.
***) „С.-ПБ. Вѣд.", 9 янв. 1900 г.

ходилось ставить и въ другихъ селахъ Аккерманскаго уѣзда. „Явленіе гибели посѣвовъ—писалъ г. Ярошевичъ—повсемѣстное. На протяженіи всего уѣзда ни одна волость, ни одно селеніе не составляютъ исключенія... Въ апрѣлѣ вопросъ объ урожаѣ былъ покончепъ. Въ большей части селеній уже въ маѣ скотъ, истощенный безкормицей втеченіе весны, за отсутствіемъ растительности на выгонахъ, выпускается на хлѣба. Одной—двухъ недѣль было достаточно, чтобы онъ совершенно уничтожилъ жалкую растительность озимыхъ и яровыхъ посѣвовъ, и съ этого времени населеніе вынуждено поддерживать свой скотъ кормленіемъ его дома соломой и половой урожая прежнихъ лѣтъ. Запасы эти быстро истощаются и тутъ-то начинается безпримѣрная въ исторіи крестьянскаго хозяйства Аккерманскаго уѣзда распродажа всего имѣющагося у населенія скота. За безцѣнокъ сбываются лошади, рабочіе волы, коровы, овцы. Сотнями и тысячами уводятся лучшія лошади нѣмцевъ-колонистовъ скупщиками изъ Кіевской, Подольской губерніи, Царства Польскаго изъ предѣловъ Аккерманскаго уѣзда. Дальше нужда растетъ все больше и больше; скотъ сбывается не только потому, что его нечѣмъ кормить, но и въ цѣляхъ полученія хотя бы ничтожной за него платы для покупки хлѣба. И безъ того низкія цѣны на скотъ падаютъ до того, что лошадь продается за 3 р., 2 р. и даже за 1 р. Появляется другой типъ предпринимателей, скупающихъ массами лошадей для того, чтобы придушить или прирѣзать ихъ и продать снятую съ нихъ кожу (операція выгодная, такъ какъ при цѣнѣ лошади въ 2 р.—1 р. 50 к. кожа оцѣнивалась въ 3 р.—3 р. 50 к.)“. Дальше для бѣднѣйшей части населенія наступалъ уже моментъ распродажи мертваго хозяйственнаго инвентаря: фургоновъ, плуговъ, упряжи и т. п. Вотъ еще нѣсколько цифръ, свидѣтельствующихъ о характерѣ измѣненій, происшедшихъ въ хозяйственныхъ средствахъ населенія:

	Приходилось лошадей на 1 дворъ.		% дворовъ безлошадныхъ.	
	Весной.	Въ дек.	Весной.	Въ дек.
Кебабча	2,5	0,7	?	50,4
Кулевча	3,5	1,0	5,8	27,7
Константиновка.	2,0	0,7	27,5	60,8
Ярославка . . .	2,0	0,8	16,8	48,1
Байрамча . . .	1,9	0,7	23,3	61,6
Успенское . . .	3,2	1,7	15,5	30,0
Каиры	1,1	0,4	?	66,4 *).

Не лучше, если еще не хуже, было положеніе пострадавшаго населенія и въ Измаильскомъ уѣздѣ. „Нужда здѣсь—писали изъ

*) „С.-ПБ. Вѣд.“, отъ 4 февр. 1900 г. и слѣд., „Письма изъ Аккерманскаго уѣзда“.

него еще въ концѣ января *)—страшная, чуть-ли не больше, чѣмъ въ прошломъ году въ Ставропольскомъ уѣздѣ: тамъ совмѣстная дѣятельность земства, самарскаго кружка и Краснаго Креста не дала развиться такой нуждѣ, здѣсь же нѣтъ никакой почти помощи; хуже здѣсь, чѣмъ и въ Аккерманскомъ уѣздѣ, гдѣ помогаетъ земство (въ Измаильскомъ уѣздѣ земства нѣтъ)... Положеніе населенія прямо отчаянное, скотъ на-половину распроданъ за безцѣнокъ еще лѣтомъ и осенью, оставшійся дохнетъ отъ безкормицы... И при такомъ-то положеніи и подати приходилось вносить, и платить за аренду ничего не давшей земли". „Въ значительной части Бессарабіи—пишетъ Петропавловское санитарное попечительство г. Одессы въ доставленномъ намъ воззваніи о помощи—происходитъ теперь то же самое, что еще не такъ давно имѣло мѣсто въ губерніяхъ восточныхъ и юго-восточныхъ: голодъ со всѣми его ужасами, отчасти уже проявившимися, но еще болѣе угрожающими впереди,—вотъ съ чѣмъ предстоитъ теперь вести упорную борьбу, борьбу, тѣмъ болѣе тяжелую и подчасъ даже непосильную, что вызвать общественное сочувствіе къ горю и несчастью нашихъ сѣрыхъ собратьевъ становится все труднѣе и труднѣе. Между тѣмъ при нынѣшнихъ условіяхъ только на это сочувствіе и на частную личную иниціативу приходится всего болѣе разсчитывать въ дѣлѣ организаціи помощи бѣдствующему населенію" **).

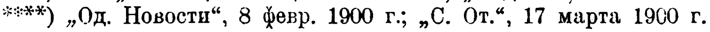
Такія же явленія, и въ такой же послѣдовательности, повторились и въ Херсонской губерніи, гдѣ также первоначально отрицалось существованіе голода. Полный неурожай, разомъ подорвавшій средства деревенскаго населенія, малая освѣдомленность мѣстнаго общества и вытекавшая отсюда для крестьянъ необходимость бороться съ нагрянувшей бѣдой по преимуществу собственными силами, быстрая распродажа скота и другого имущества, не спасшая населеніе отъ голода, но подготовившая полное разореніе его хозяйства, наконецъ, поздняя и скудная помощь—всѣ эти факты и для данной мѣстности были засвидѣтельствованы многочисленными сообщеніями. И здѣсь, и въ Бессарабской губерніи бѣдствіе не ограничилось къ тому же однимъ сельскимъ населеніемъ, но почти съ такою же силою обрушилось и на городское. Города и мѣстечки этихъ чисто зем-

*) „Р. Вѣд.", 3 марта 1900 г.

**) „Съ одинаковой признательностью—пишетъ попечительство—будутъ принимаемы пожертвованія, присылаемыя деньгами, продуктами и вещами, изъ которыхъ наиболѣе желательными являются: мука, крупа, холстъ, бязь, коленкоръ; всякія ткани, медикаменты, перевязочные матеріалы, дѣтское платье и пр. Пожертвованія просятъ направлять въ г. Одессу, на имя Предсѣдателя Петропавловскаго Санитарнаго Попечительства, Михаила Прокофьевича Таранова (Южная улица, собств. домъ), или Казначея Попечительства, Элеоноры Павловны Цакни (Херсонская улица, домъ № 40)."

ледѣльческихъ уѣздовъ, переполненные главнымъ образомъ мелкими торговцами, ремесленниками и питавшимися отъ нуждъ хлѣбной торговли рабочими, была тѣсно связаны съ деревней и пострадали одновременно съ нею. „Положеніе почти всего населенія г. Тирасполя—сообщалось въ мѣстныхъ газетахъ—крайне печально вслѣдствіе неурожая, постигшаго уѣздъ. Теперь одинаково приходится страдать какъ торговому люду, такъ и рабочему“. „Наиболѣе пострадавшимъ пунктомъ Аккерманскаго уѣзда — гласило другое сообщеніе — едва-ли не является самъ городъ Аккерманъ“ *). Особенно тяжело пришлось при этомъ недостаточной части еврейскаго населенія, которое, за отсутствіемъ всякихъ общественныхъ запасовъ, могло разсчитывать исключительно на поддержку благотворителей. Средства мѣстныхъ благотворительныхъ обществъ, и сами по себѣ ничтожныя, годныя для помощи отдѣльнымъ лицамъ, но не цѣлому классу, были быстро и радикально исчерпаны. Въ Аккерманѣ, напр., уже въ январѣ общество пособія бѣднымъ евреямъ выдавало по 4 фунта хлѣба на душу въ недѣлю **). Нѣсколько облегчено было бѣдствіе лишь пожертвованіями, пришедшими позже, подъ вліяніемъ вѣстей о голодѣ, изъ другихъ мѣстностей, хотя опять-таки въ недостаточномъ количествѣ.

Такимъ образомъ голоса благодушныхъ оптимистовъ, въ концѣ концовъ замолкшіе, не пропали все же даромъ. Они ослабили вниманіе общества къ надвигавшемуся бѣдствію въ первые его моменты и дали этому бѣдствію возможность безпрепятственно развиваться подъ покровомъ внѣшняго благополучія. Помощь подоспѣла, когда бѣдствіе было уже въ полномъ разгарѣ, и оказалась слишкомъ слабой, чтобы остановить крайнія его проявленія. Съ января въ газеты стали проникать свѣдѣнія объ эпидемическихъ заболѣваніяхъ среди истощеннаго населенія пострадавшихъ южныхъ губерній. „Въ нѣкоторыхъ волостяхъ Елизаветградскаго уѣзда — телеграфировали южнымъ газетамъ еще въ половинѣ января—нужда, по сообщеніямъ земскихъ начальниковъ, дошла до высшей степени и масса крестьянъ не имѣютъ даже дневного пропитанія, вслѣдствіе чего въ нѣкоторыхъ деревняхъ начинаетъ развиваться тифъ“. „Въ окрестностяхъ г. Вознесенска—писали немного позже „Недѣлѣ“—есть заболѣванія тифомъ на почвѣ недоѣданія ***)“. Пробралась на югъ и другая, мало знакомая ему ранѣе гостья, роковая спутница голода. „Въ нѣкоторыхъ пунктахъ еланецкой волости (Елизаградскаго уѣзда)—сообщалось въ началѣ февраля — констатировано уже нѣсколько случаевъ заболѣваній цынгой ****)“.



*) „Южное Обозрѣніе“, 2 марта 1900 г.; „Сынъ От.“, 2 февр. 1900 г.
**) „Восходъ“, 20 янв. 1900 г., № 5.
***) См. „Россія“, № 264, 19 янв. 1900; „Недѣля“, 27 янв. 1900 г.
****) „Од. Новости“, 8 февр. 1900 г.; „С. От.“, 17 марта 1900 г.

Словомъ, благодатный югъ Россіи пережилъ въ этомъ году бѣдствіе, лишь по своему территоріальному распространенію, но не по силѣ своей, уступающее голоду прошлаго года въ восточныхъ и юго-восточныхъ губерніяхъ. Угрюма и однообразна была картина одинокой и малоуспѣшной борьбы населенія съ этимъ безпощаднымъ бѣдствіемъ. Мы не будемъ перебирать здѣсь отдѣльныхъ мрачныхъ эпизодовъ этой борьбы. Возьмемъ лишь два-три случая, нѣсколько выясняющіе общій смыслъ пережитыхъ событій.

„Ежедневно—разсказывалъ одинъ изъ помогавшихъ голодающимъ въ Херсонской губ.—у меня бываютъ десятки дряхлыхъ, еле передвигающихся стариковъ, а также больныхъ, на колѣняхъ умоляющихъ дать имъ хоть недѣли на двѣ хлѣба, пока найдется какая-нибудь работа или прекратятся жестокіе морозы. У многихъ изъ этихъ людей оказываются маленькія дѣти, настоятельно требующія хлѣба. „Мы-то еще можемъ кое-какъ перебиваться—заявляютъ просители—но ничего съ дѣтьми не подѣлаемъ, они каждый день просятъ пищи“ *). Почти буквально то же самое разсказываетъ г-жа Шахматова въ одномъ изъ своихъ писемъ объ Измаильскомъ уѣздѣ: „Коней продали, повозки продали, а имъ все кушать хочется!—жаловались батьки на дѣтей“ **)... Аппетитъ дѣтей пугаетъ и озабочиваетъ отцовъ. Не лучше и съ аппетитомъ дѣдовъ. Вотъ эпизодъ, разсказанный одной изъ южныхъ газетъ:

“Въ одномъ изъ волостныхъ правленій намъ случилось наблюдать слѣдующую сценку.

Входятъ два старичка.

„Что вамъ надо?—спрашиваетъ волостной писарь.

— Да вотъ, domnule, сельскій писарь не хочетъ вписать насъ въ списки, говоритъ, что мы люди старые, умремъ до будущаго урожая, а кто тогда уплотитъ за насъ недоимку? Мы люди бѣдные и, если намъ не помогутъ, то дѣйствительно придется умереть съ голоду“.

Domnul успокаиваетъ ихъ и пишетъ сельскому писарю, чтобы тотъ внесъ жалобщиковъ въ списки ***).

Отцы, горько жалующіеся на своихъ дѣтей, которые каждый день просятъ пищи; старики, которыхъ боятся спасти отъ голодной смерти, чтобы этимъ спасеніемъ не создать недоимки; земледѣльческое населеніе, сидящее на богатѣйшемъ черноземѣ и, благодаря неурожаю одного года, распродающее все свое хозяйство, до плуговъ и земельныхъ надѣловъ включительно... Есть надъ чѣмъ задуматься въ этихъ противорѣчіяхъ современной

*) См. „Од. Листокъ“. Цитируемъ по „СПБ. Вѣд.“, 16 Янв. 1900 г., № 15.

**) „СПБ. Вѣд.“, 9 Янв. 1900 г., № 8.

***) „Бессарабецъ“, 25 Февр. 1900 г.

деревенской жизни и неудивительно, что она привлекаетъ на себя вниманіе съ самыхъ различныхъ сторонъ. Неудивительно и то, что въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ нашего общества возникаетъ стремленіе найти причины тяжелаго положенія деревни и опредѣлить путь къ его улучшенію. Само собою разумѣется, въ этихъ указаніяхъ пути царитъ значительное разнообразіе, еще усиливающееся въ тѣхъ случаяхъ, когда, даже не вполнѣ сознательно для ищущихъ, поиски пути подмѣняются поисками всесильной панацеи. „Моск. Вѣдомости" сообщили не такъ давно интересныя свѣдѣнія о совѣщаніи земскихъ начальниковъ Тульской губерніи, обслѣдовавшихъ передъ тѣмъ по данной имъ губернаторомъ программѣ экономическое положеніе бѣднѣйшихъ селъ и деревень своихъ участковъ. Изъ обслѣдованія этого, по словамъ газеты, явствуетъ, что

„крестьянская деревня, дѣйствительно, экономически падаетъ, и что главнѣйшія причины этого паденія заключаются въ пониженіи нравственности населенія: въ усиленіи пьянства, въ стремленіи къ роскоши, въ развитіи лѣни и другихъ подобнаго же рода наклонностей.

„Послѣдствіемъ всего этого являются семейные раздѣлы, то есть распаденіе крестьянской семьи — этой первой основной экономической единицы государства.

„Паденію нравственности благопріятствуютъ отхожіе промыслы, работы на фабрикахъ и въ городахъ.

„Изъ этихъ же матеріаловъ, между прочимъ, выяснилось, что малоземелье, констатированное въ нѣкоторыхъ деревняхъ, хотя и вліяетъ на размѣры матеріальнаго достатка населенія, но еще не влечетъ за собой обнищанія, такъ какъ въ этихъ деревняхъ, въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ начала нравственности еще сильны, весь недоборъ отъ урожая восполняется мѣстными заработками и промыслами, то-есть дружною работой всѣхъ членовъ семьи.

„Обнаружены также и факты, доказывающіе, что даже отсутствіе выкупныхъ платежей, напримѣръ въ деревняхъ, гдѣ земля дарственная, не улучшаетъ экономическаго положенія домохозяевъ" *).

Къ сожалѣнію, остается неизвѣстнымъ въ деталяхъ способъ, какимъ получены эти категорическіе выводы. Между тѣмъ, отъ него, конечно, зависитъ весьма многое и въ оцѣнкѣ самыхъ выводовъ. Въ одномъ изъ очерковъ Г. И. Успенскаго фигурируетъ деревенскій человѣкъ, старшина, разсуждающій о причинахъ упадка деревни и усматривающій коренную причину въ томъ, что „народъ ослабъ". „Почему-же,—резонируетъ этотъ старшина,—позвольте васъ спросить, когда бывши мы при крѣпостномъ правѣ успѣвали не токмо свою землю обработать, а обрабатывали и

*) Цитируемъ по „Н. Вр.", 22 ф. 1900.

господскую, да раза въ три больше нашей? Почему это? А теперь и своей намъ много, три полосы, извольте поглядѣть, лежатъ въ бурьянѣ... Почему въ прежнее время были у насъ хлѣбные магазины полнымъ-полны, а теперь они пустые, того и гляди на кирпичъ продадимъ, а деньги пропьемъ?“ И отвѣтъ на эти вопросы, и лекарство противъ зла найти оказывалось возможнымъ. „Зачѣмъ отняли отъ насъ палку? Давайте мнѣ ее вотъ въ эти самыя руки, давайте мнѣ ее на два года безъ всякихъ разговоровъ, все я произведу, все водворю, все укореню на своихъ мѣстахъ! Черезъ два года вы не узнаете нашихъ мѣстъ, только дозвольте мнѣ палку, только палку разрѣшите! И овесъ будетъ свой, и хлѣбъ будетъ, и скотъ будетъ, и не будетъ пьянства, и настанетъ повиновеніе, и страхъ, и правила, все утвержду, произведу, просвѣщу и ублаготворю—палку, палку мнѣ позвольте!“ Эти рѣчи деревенскаго человѣка могли бы дать богатый матеріалъ для „обслѣдованія“ тульскихъ земскихъ начальниковъ, но вѣдь онѣ и въ деревнѣ, выведенной Успенскимъ, находили себѣ полное сочувствіе лишь въ сердцахъ двухъ „серьезныхъ старичковъ“, оказывавшихъ старшинѣ активное содѣйствіе по проведенію въ жизнь его программы. Очевидно, простота этой программы не обезпечиваетъ еще ея общепризнанности и къ этому можно было бы еще прибавить, что исторія, вопреки мнѣнію героя очерка Успенскаго, не доказала ея цѣлесообразности.

Въ печати и въ жизни не разъ выставлялась и другая, не столь уже упрощенная, программа излеченія деревенскихъ золъ. Еще не такъ давно одинъ изъ сотрудниковъ „СПБ. Вѣдомостей“, указывая, что насущнымъ вопросомъ переживаемаго нами историческаго момента является бытъ деревни, и перечисляя разныя его темныя стороны, горячо спрашивалъ: „да гдѣ же причина, гдѣ же корень всего этого громаднаго, неизмѣримаго и неисчислимаго несчастья, которое, какъ черная исполинская туча, разстилается надъ русской деревней?“. „Эта зловѣщая темная сила, окутавшая насъ своимъ мертвящимъ пологомъ,—отвѣчаетъ онъ,—есть мракъ невѣжества... Вотъ гдѣ настоящая причина нашего оскуденія, вотъ гдѣ корень того зла, борьба съ которымъ должна быть единственною заботою русскихъ людей... Не розги нужны деревнѣ, а школа. Не возвращеніе къ крѣпостному праву, не увеличеніе власти земскихъ начальниковъ и становыхъ приставовъ, а разумная просвѣтительная школа нужна нашему народу, дабы и онъ, вкушая плодовъ просвѣщенія, пріобщился къ жизни Россіи не какъ рабочая, животная сила, но какъ разумная часть государственнаго организма наравнѣ съ прочими русскими людьми... Пока царствуетъ тьма, до тѣхъ поръ, что бы мы ни предпринимали, все неминуемо должно разбиться объ эту тьму, все это будетъ лишь палліативомъ!... Итакъ, народное образованіе, народное развитіе вотъ важнѣйшее изъ предстоящихъ намъ дѣлъ.

Народная школа,—хорошая, развивающая школа, приготовляющая не „грамотѣевъ," а развитыхъ интеллигентныхъ людей, должна сдѣлать и сдѣлаетъ чудеса..."[1]). При всей горячности и гуманности проникающаго эту тираду чувства трудно было бы согласиться съ основною ея мыслью. Для борьбы съ угнетающими деревню бѣдствіями едва ли достаточно завести въ ней хорошую школу и библіотеку. Сложные экономическіе вопросы народной жизни не поддаются черезчуръ упрощенному рѣшенію и въ дѣлѣ возстановленія потрясенныхъ средствъ крестьянскаго хозяйства одно расширеніе образованія въ деревнѣ окажется, можно опасаться, средствомъ, хотя и болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ властная проповѣдь тѣхъ или иныхъ нравственныхъ началъ, но все же далеко еще недостаточнымъ и не достигающимъ цѣли. Это обстоятельство, конечно, нисколько не уменьшаетъ въ нашихъ глазахъ серьезнаго и важнаго значенія тѣхъ условій, которыми обставлено проникновеніе знанія въ народную жизнь. За послѣднѣе время въ этихъ условіяхъ—въ нашей образовательной системѣ—произошли нѣкоторыя измѣненія, хотя и не вполнѣ еще опредѣлившіяся, но во всякомъ случаѣ настолько серьезныя и характерныя, что на нихъ стоитъ остановиться внимательвые.

Нынѣшнее министерство народнаго просвѣщенія уже съ прошлаго года предприняло рядъ преобразованій въ жизни высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній страны. Повидимому, впрочемъ, эти преобразованія не истекали изъ какой-либо общей мысли, изъ какого-нибудь одного цѣльнаго плана. Отчасти они были проектированы въ самомъ общемъ видѣ и лишь постепенно разрабатывались далѣе, отчасти были вызваны потребностями текущей минуты и не входили въ предварительные планы министерства. Эта реформаторская работа послѣдняго далеко не представляется еще законченной и въ настоящее время. Лишь нѣкоторыя изъ намѣченныхъ преобразованій уже вошли въ жизнь, съ тѣмъ или инымъ успѣхомъ, другія же только вырабатываются, причемъ объ иныхъ изъ нихъ въ печати имѣются пока отрывочныя и туманныя свѣдѣнія. Тѣмъ не менѣе уже и теперь возможно подвести кое-какіе небезъинтересные итоги этихъ преобразовательныхъ работъ министерства и до нѣкоторой степени опредѣлить ихъ отношеніе къ тѣмъ потребностямъ общества, какимъ онѣ должны удовлетворить.

Всего отчетливѣе сказались пока общія тенденціи министерства въ мѣрахъ, принятыхъ имъ относительно университетовъ. Въ хроникѣ „Р. Богатства" шла уже въ свое время рѣчь объ этихъ мѣрахъ, поскольку онѣ опредѣлялись лѣтними циркуля-

[1]) „СПБ. Вѣд.," 3 янв. 1900 г.

рами г. министра народнаго просвѣщенія („Р. Б.,“ 1899 г., № 5/8), и теперь мы обратимся лишь къ ихъ результатамъ. Напомнимъ, что цѣлью министерства являлось болѣе равномѣрное распредѣленіе студентовъ между различными университетами и установленіе внутри каждаго отдѣльнаго университета взаимнаго общенія между учебнымъ начальствомъ и профессорами съ одной стороны и студентами съ другой. Для достиженія первой цѣли введено было своего рода прикрѣпленіе оканчивающихъ курсъ гимназистовъ къ университетамъ ихъ учебныхъ округовъ, причемъ, по разъясненію г. министра, эта мѣра могла понизить число слушателей лишь въ столичныхъ университетахъ, въ общемъ же должна была скорѣе содѣйствовать поднятію количества студентовъ. Дѣйствительность не вполнѣ оправдала эти надежды. Изъ обнародованныхъ до сихъ поръ университескихъ отчетовъ видно, что въ текущемъ году количество студентовъ замѣтно упало не только въ столичныхъ, но и въ провинціальныхъ университетахъ.

Въ петербургскомъ университетѣ въ прошломъ году числилось всѣхъ слушателей 3.867 чел., въ нынѣшнемъ 3.662, слѣдовательно, меньше на 205 чел.; въ московскомъ университетѣ было въ этомъ году 4.408 слушателей, меньше противъ прошлаго года на 382 чел.; въ кіевскомъ—2.316 студентовъ, сравнительно съ прошлымъ годомъ меньше на 290 чел.; уменьшилось число университетскихъ слушателей и въ Харьковѣ. Столь значительное пониженіе числа студентовъ въ настоящемъ году имѣло, вѣроятно, и свои специфическія причины въ событіяхъ прошлаго года и вызванной ими политикѣ учебной администраціи. Изъ отчета петербургскаго университета мы узнаемъ, напр., что изъ него въ прошломъ году выбыло до окончанія курса 594 чел., а въ нынѣшнемъ поступило бывшихъ студентовъ 89; въ Кіевѣ въ прошломъ году выбыло изъ университета „по разнымъ причинамъ“ 570 чел.

Другой своей цѣли—общенія между профессорами и студентами — министерство разсчитывало достичь, не указывая точно всѣхъ способовъ, ведущихъ въ ней, а намѣтивъ лишь нѣкоторые изъ нихъ. Такими особо рекомендованными средствами явились усиленіе практическихъ занятій, устройство, подъ руководствомъ профессоровъ, научныхъ и литературныхъ студенческихъ кружковъ, равно какъ студенческихъ хоровъ и оркестровъ, и, наконецъ, учрежденіе студенческихъ общежитій. Изъ этихъ трехъ средствъ первое не получило въ текущемъ году замѣтнаго развитія: судя по университетскимъ отчетамъ, практическія занятія студентовъ шли въ этомъ году едва-ли много энергичнѣе, чѣмъ въ прошломъ. Оно и неудивительно. Практическія занятія въ университетахъ нельзя создать,—если не имѣть, конечно, въ виду одной лишь декораціи,—простымъ распоряженіемъ учебнаго начальства. Для прочной ихъ организаціи въ еще большей мѣрѣ

чѣмъ денежныя средства, необходимы свободныя ученыя силы, не выростающія по произволу. Между тѣмъ наши университеты и вообще небогаты такими силами, а въ текущемъ году они понесли еще замѣтныя потери въ этомъ отношеніи. Особенно велика была такая потеря въ петербургскомъ университетѣ. Изъ него выбыли профессора Н. И. Карѣевъ, К. А. Поссе и С. Ѳ. Ольденбургъ; изъ состава его приватъ-доцентовъ И. М. Гревсъ, М. И. Свѣшниковъ, М. И. Туганъ-Барановскій, Н. М. Книповичъ, А. А. Исаевъ, С. А. Венгеровъ, П. И. Вейнбергъ, Ѳ. А. Батюшковъ, Н. А. Соболевъ, С. А. Терешинъ, Л. В. Рутковскій, Э. К. Симсонъ, Я. И. Смирновъ, А. Л. Погодинъ, И. И. Лапшинъ и Я. Н. Лебединскій. Одновременная потеря такого количества лекторовъ, среди которыхъ было немало видныхъ ученыхъ, не могла, конечно, не отозваться на характерѣ университетскаго преподаванія и, во всякомъ случаѣ, представляла неблагопріятное условія для усиленія практическихъ занятій студентовъ, такъ какъ ослабленный педагогическій персоналъ не могъ выставить надлежащаго числа руководитей этихъ занятій. Въ другихъ университетахъ эта причина не дѣйствовала въ такой мѣрѣ, но не было на лицо и быстраго роста преподавательскихъ силъ, который дозволилъ бы осуществить въ широкихъ размѣрахъ предположенія министерства насчетъ реформы университетскаго преподаванія.

Немногимъ успѣшнѣе обстояло дѣло и со студенческими кружками и общежитіями. На устройство послѣднихъ ассигнована была довольно значительная сумма—3.262.000 р.—изъ средствъ государственнаго казначейства и при нѣкоторыхъ университетахъ уже проектированы новыя общежитія. Возникли мѣстами—въ Москвѣ, въ Харьковѣ, если не ошибаемся, и въ Казани — и предположенные научные студенческіе кружки, всего, кажется, пока кружковъ пять. Въ печати имѣются нѣкоторыя свѣдѣнія объ организаціи такихъ кружковъ, отчасти объясняющія, на нашъ взглядъ, ихъ небольшой успѣхъ. Въ Харьковѣ подобные кружки учреждены при факультетахъ юридическомъ и историко-филологическомъ и правила для нихъ, выработанныя названными факультетами, утверждены министромъ народнаго просвѣщенія. Согласно сообщенію мѣстной газеты, правила эти заключаются въ слѣдующемъ: „При юридическомъ факультетѣ учреждается студенческій кружокъ дли занятій экономическими науками. Кружокъ этотъ состоитъ подъ отвѣтственнымъ руководствомъ одного изъ профессоровъ факультета, назначеннаго, по представленію декана, попечителемъ учебнаго округа. Занятія кружка, будучи совершенно закрытыми, состоятъ въ чтеніи участниками кружка рефератовъ по предметамъ экономическихъ наукъ и въ критическомъ обсужденіи этихъ рефератовъ, а также въ совмѣстныхъ собесѣдованіяхъ на предварительно одобренныя руководителемъ

темы изъ области означенныхъ наукъ. Время занятій и бесѣдъ опредѣляется руководителемъ, въ присутствіи коего происходятъ всѣ занятія и бесѣды въ стѣнахъ университета, въ особо отведенныхъ для того помѣщеніяхъ. Въ составъ кружка входятъ, съ разрѣшенія руководителя, только студенты университета, желающіе путемъ совмѣстныхъ занятій и товарищеской бесѣды удовлетворять своимъ научнымъ запросамъ въ области экономическихъ знаній. Число участниковъ кружка не должно превышать 30-ти человѣкъ; но сверхъ того въ занятіяхъ кружка могутъ принимать участіе профессоры, а также, съ особаго разрѣшенія руководителя, приватъ-доценты и лица, оставленныя при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію".

Аналогичныя правила были утверждены и для кружка харьковскихъ филологовъ *). Какъ видно изъ содержанія правилъ, они почти не предвидятъ иниціативы и самодѣятельности студентовъ. Выборъ темъ рефератовъ, время бесѣдъ кружка, составъ участниковъ этихъ бесѣдъ—всѣ эти вопросы рѣшаются исключительно профессоромъ-руководителемъ кружка. И для студентовъ, на долю которыхъ выпадаетъ такимъ образомъ чисто пассивная роль, и для профессора, являющагося „отвѣтственнымъ" руководителемъ занятій кружка, эти послѣднія обращаются при такихъ условіяхъ въ обыкновенныя практическія занятія, поставленныя лишь въ нѣсколько видоизмѣненную внѣшнюю обстановку. Немного мѣста удѣлено будетъ, повидимому, въ этихъ занятіяхъ и самостоятельной работѣ профессоровъ. Въ этомъ смыслѣ достаточно много говоритъ уже тотъ фактъ, что факультетъ и даже совѣтъ университета признаются неправоспособными организовать студенческій кружокъ, и составленный ими проектъ такой организаціи долженъ входить на усмотрѣніе министра.

Значительныя затраты средствъ государственнаго казначейства на устройство въ университетахъ общежитій дали поводъ нѣкоторымъ газетамъ вновь указать, что болѣе цѣлесообразнымъ способомъ расходованія этихъ средствъ было бы пониженіе платы за право ученія. Жизнь неустанно выдвигаетъ впередъ этотъ давно наболѣвшій вопросъ о чрезмѣрной высотѣ платы за университетское образованіе и настойчиво требуетъ его разрѣшенія. Въ текущемъ году русскому обществу опять пришлось быть свидѣтелемъ тяжелыхъ сценъ массоваго увольненія студентовъ за невзносъ платы, сценъ, прекращавшихся лишь вмѣшательствомъ общественной или частной благотворительности. Достаточно напомнить, что въ прошломъ полугодіи изъ юрьевскаго университета было уволено за невзносъ платы 208 чел., т. е. 14% всѣхъ студентовъ, а изъ петербургскаго предназначено

*) См. „Южный Край". Цитируемъ по „Р. Вѣд.", 11 февр. 1900.

къ увольненію 227 чел. *), чтобы представить себѣ размѣры этого явленія. Непосильная плата не только вынуждаетъ многихъ юношей бросать университеты, но многихъ, конечно, заставляетъ отказываться и отъ самой мысли искать общаго образованія. Такимъ образомъ создается новое и серьезное препятствіе къ распространенію въ массахъ знанія, потребность въ которомъ съ каждымъ годомъ даетъ себя знать между тѣмъ все ощутительнѣе. Стремясь найти способъ помирить интересы фиска съ все усиливающеюся среди юношества недостаточныхъ классовъ общества потребностью въ высшемъ образованіи, нѣкоторые органы періодической печати выдвинули въ послѣднее время мысль о государственномъ кредитѣ для студентовъ **). Едва-ли однако и эта мысль, въ основѣ своей безусловно практичная и заслуживающая сочувствія, можетъ разсчитывать на вниманіе министерства въ ближайшемъ будущемъ. То обстоятельство, что поднятый было года два назадъ вопросъ объ измѣненіи порядка уплаты студентами гонорара профессорамъ такъ и остался вопросомъ, достаточно ясно указываетъ, что реформа этой стороны студенческаго быта не входитъ въ планы и намѣренія министерства.

Итакъ, если предположенныя министерствомъ частичныя преобразованія и не возымѣли пока успѣха въ жизни нашихъ университетовъ, то въ оффиціальныхъ сферахъ это обстоятельство не вызываетъ мысли о необходимости и своевременности болѣе широкихъ реформъ университетскаго быта. Послѣдній признается въ главныхъ своихъ основаніяхъ поставленнымъ правильно и не нуждающимся въ какихъ-либо коренныхъ измѣненіяхъ. Этотъ взглядъ нашелъ себѣ отраженіе и въ новой мѣрѣ относительно университетовъ, слухъ о которой проникъ недавно въ печать. Мы разумѣемъ проектъ новыхъ правилъ для студентовъ и инспекціи университета, выработанный министерствомъ въ результатѣ состоявшагося въ іюнѣ 1899 г. совѣщанія попечителей учебныхъ округовъ и начальниковъ высшихъ учебныхъ заведеній. Судя по газетнымъ сообщеніямъ ***), проектъ этотъ вполнѣ сохраняетъ положеніе студентовъ, какъ отдѣльныхъ посѣтителей университета, и дисциплинарную власть надъ ними ректора, правленія и инспектора, внося лишь въ эти отношенія бóльшую регламентацію. До извѣстной степени новы въ этомъ проектѣ лишь нѣкоторыя постановленія, касающіяся университетской инспекціи. Воспитанники университетовъ, согласно проекту, обязаны „оказывать должное почтеніе начальству“ и инспекціи предписывается принимать всѣ зависящія отъ нея мѣры къ соблюденію студентами этой обязанности. „На инспектора студентовъ и его помощниковъ возлагается ближайшій надзоръ какъ въ стѣнахъ

*) „Россія“, 6 янв. и 21 янв. 1900 г.

**) „Сѣв. Курьеръ“, 31 янв.; „С. От.“, 1 февр. 1900 г.

***) См. „Кіевскую Газету“. Цитируемъ по „Од. Нов.“, 24 февр. 1900.

университета, такъ по мѣрѣ возможности и внѣ онаго". Инспекція *обязана* (курсивъ проекта) знать всѣхъ студентовъ въ лицо и по фамиліямъ; она должна дѣйствовать на студентовъ „преимущественно нравственнымъ вліяніемъ". Ей принадлежитъ надзоръ за правильнымъ посѣщеніемъ лекцій и практическихъ занятій. Особому вниманію инспекціи поручаются студенты, пользующіеся стипендіями, пособіями и льготами по освобожденію отъ платы: инспекція „должна быть знакома съ ходомъ ихъ занятій, ихъ поведеніемъ и той обстановкой, въ которой они живутъ". Инспекторъ, съ согласія попечителя учебнаго округа, можетъ замѣнить выдачу стипендій на руки студентамъ устройствомъ для нихъ общихъ квартиръ, подъ непосредственнымъ надзоромъ попечителя или инспекціи. Въ случаѣ сходокъ, инспекція составляетъ списки участвующихъ въ нихъ студентовъ; она же наблюдаетъ, чтобы собранія для занятій „не превращались въ сборища, обсуждающія посторонніе вопросы". Наконецъ, ей ввѣряется охраненіе входовъ во время безпорядковъ, а также указаніе лицъ, „кои наиболѣе участвовали въ нарушеніи правильнаго хода занятій". Эти постановленія проекта стоятъ, очевидно, въ тѣсной связи съ однимъ изъ лѣтнихъ циркуляровъ г. министра народнаго просвѣщенія, указывавшимъ на необходимость реформы университетской инспекціи, и съ послѣдовавшими затѣмъ мѣрами къ увеличенію состава инспекціи во всѣхъ университетахъ, на что израсходованы были въ текущемъ году не меньшія средства, чѣмъ и на усиленіе практическихъ занятій. Остается однако еще нерѣшеннымъ вопросъ, правильно-ли выбранъ путь этой реформы. Кіевская газета, впервые сообщившая свѣдѣнія объ изложенномъ проектѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ указала, что мѣстное университетское начальство не представило никакихъ возраженій противъ его существа. Возможно однако сильно сомнѣваться въ томъ, чтобы взгляды университетскаго начальства другихъ городовъ такъ же полно совпали съ мнѣніями авторовъ изложеннаго проекта. Въ самомъ дѣлѣ, послѣдній слишкомъ приближаетъ университетъ къ средней школѣ и даетъ инспекціи настолько широкія права надзора за студентами, что осуществленіе ихъ на практикѣ можетъ повлечь за собою серьезныя осложненія и недоразумѣнія. Трудно было бы, намъ кажется, признать естественнымъ и желательнымъ и то особое положеніе, какое создается проектомъ для стипендіатовъ. Напомнимъ, что въ университетахъ имѣется немалое количество частныхъ стипендій. Должны ли и получающіе ихъ студенты подвергаться особому надзору инспекціи, т. е. подчиняться условію, непредусмотрѣнному основателемъ стипендіи?

Не выходя изъ области вопросовъ высшаго образованія, мы должны отмѣтить въ ней еще одинъ крупный фактъ послѣдняго времени. 25 января—сообщалось въ газетахъ—въ московскомъ окружномъ судѣ слушалось дѣло по иску Е. И. Астраковой о

признаніи недѣйствительнымъ пункта 2-го завѣщанія ея брата В. Ив. Астракова. По этому пункту Астраковъ завѣщалъ 100.000 р. на устройство въ Москвѣ женскаго университета, который бы состоялъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія и заключалъ въ себѣ не менѣе трехъ факультетовъ, а именно математическій, естественный и медицинскій, съ программами, близкими къ университетскимъ. На судѣ уполномоченный министерства народнаго просвѣщенія проф. М. В. Духовской заявилъ, что министерство не встрѣчаетъ препятствій къ принятію денегъ на устройство въ Москвѣ женскаго университета и къ употребленію ихъ согласно волѣ завѣщателя. Въ виду такого заявленія повѣренный истицы отказался оспаривать второй пунктъ завѣщанія Астракова и судъ отказалъ г-жѣ Астраковой въ ея искѣ. Изъ позднѣйшихъ сообщеній выяснилось, что пока рѣчь идетъ объ устройствѣ въ Москвѣ женскихъ курсовъ, уже рѣшенномъ министерствомъ. Основаніе новаго высшаго заведенія, въ которомъ могли бы получать образованіе женщины, является какъ нельзя болѣе своевременнымъ. За послѣдніе годы болѣе или менѣе правильно организованные по университетскому образцу женскіе курсы существовали лишь въ Петербургѣ и наплывъ на нихъ ищущей высшаго образованія женской молодежи былъ такъ великъ, что, несмотря на всѣ ограниченія въ пріемѣ, они всегда оставались переполненными. Между тѣмъ для многихъ, конечно, уже одно переселеніе въ Петербургъ являлось непобѣдимымъ препятствіемъ на пути къ высшему образованію. Остается желать, чтобы проектированные въ Москвѣ курсы открылись возможно скорѣе и чтобы за этимъ первымъ шагомъ возобновленія высшаго женскаго образованія въ провинціи не замедлили послѣдовать дальнѣйшіе. На очереди стоитъ Кіевъ, гдѣ въ прежнее время уже существовали женскіе курсы и гдѣ теперь, какъ сообщали въ столичныя газеты *), уже организовано общество содѣйствія учрежденію и развитію въ Кіевѣ высшаго женскаго образованія.

Менѣе устойчивой представляется въ настоящій моментъ существующая система среднихъ учебныхъ заведеній. Правда, отношеніе министерства народнаго просвѣщенія къ вопросу о реформѣ средней школы продолжаетъ еще оставаться не вполнѣ выясненнымъ. Созванная при министерствѣ для разработки этого вопроса коммиссія педагоговъ засѣдаетъ и въ настоящее время, но, къ сожалѣнію, въ печати объ ней имѣются лишь свѣдѣнія, касающіяся чисто внѣшней стороны ея дѣятельности и не позволяющія судить о существѣ ея работъ. Извѣстно лишь, что комиссія въ полномъ своемъ составѣ разсматривала вопросы о цѣляхъ

*) „Россія“, 17 янв. 1900.

средне-общеобразовательной школы и о недостаткахъ существующихъ классическихъ гимназій и реальныхъ училищъ. Извѣстно еще, что коммиссія выдѣлила изъ своей среды нѣсколько подкоммиссій для разсмотрѣнія слѣдующихъ спеціальныхъ вопросовъ: 1) о подготовленіи преподавателей средней школы; 2) объ улучшеніи матеріальнаго и служебнаго положенія преподавателей средней школы; 3) о физическомъ воспитаніи учащихся; 4) объ экзаменахъ и отмѣткахъ, а также о функціяхъ педагогическихъ совѣтовъ и объ отношеніяхъ школы къ семьѣ; 5) объ организаціи учебнаго дѣла въ гимназін и 6) о преподаваніи Закона Божія. Въ какомъ направленіи совершается разборъ всѣхъ этихъ вопросовъ, насколько подвинулся онъ впередъ и въ какомъ видѣ намѣчаются его итоги,—обо всемъ этомъ имѣющіяся сообщенія хранятъ безусловное молчаніе. Въ виду этого пока трудно еще сказать, насколько совѣщанія коммиссіи выяснили въ глазахъ самого министерства характеръ предположенной реформы. Тѣмъ не менѣе мѣсяцы, истекшіе съ обнародованія циркуляра, которымъ министръ народнаго просвѣщенія созвалъ эту коммиссію, не прошли безслѣдно для вопроса о реформѣ средней школы. Упомянутый циркуляръ, ожививъ надежды на возможность преобразованія существующей системы среднихъ учебныхъ заведеній, вызвалъ въ обществѣ замѣтное движеніе. Въ періодической печати, въ дворянскихъ, земскихъ и городскихъ собраніяхъ, въ засѣданіяхъ педагогическихъ и медицинскихъ обществъ за послѣдніе мѣсяцы происходило оживленное обсужденіе вопроса о желательныхъ измѣненіяхъ дѣйствующей системы средняго образованія. Правда, въ этомъ обсужденіи часто проявлялась нѣкоторая нерѣшительность и неувѣренность; подчасъ оно было поставлено на черезчуръ узкую почву и нерѣдко страдало ощутительными пробѣлами. Но на это были и свои серьезныя причины. Голосъ общества въ вопросахъ школьнаго быта такъ долго и такъ настойчиво игнорировался, критика существующихъ порядковъ школы такъ систематически устранялась и заглушалась, что въ концѣ концовъ у общества неизбѣжно должно было сложиться представленіе о полной безполезности высказыванія своихъ мнѣній по этимъ вопросамъ. Въ теченіе долгаго ряда лѣтъ печати былъ закрытъ доступъ къ свободному обсужденію недостатковъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній и всякая попытка съ ея стороны коснуться этихъ темъ разсматривалась, какъ вторженіе въ область, неподлежащую ея вѣдѣнію, изъятую изъ-подъ общественнаго контроля. Теперь, когда главный руководитель министерства народнаго просвѣщенія открыто призналъ справедливость если не всѣхъ, то значительной части жалобъ общества на среднюю школу, этотъ взглядъ, конечно, не могъ удержаться въ прежней своей силѣ. Между прочимъ, по иниціативѣ самого министерства родители учениковъ были привлечены въ провинціи къ участію въ совѣ-

щаніяхъ съ мѣстными педагогами о недостаткахъ существующихъ школъ и способахъ устраненія этихъ недостатковъ. Но старыя традиціи не вывѣтрились еще вполнѣ и ихъ присутствіе не разъ давало знать о себѣ. Ходатайства нѣкоторыхъ земскихъ собраній о допущеніи ихъ депутатовъ въ созванную въ Петербургѣ коммиссію, въ качествѣ членовъ послѣдней, остались безъ удовлетворенія. Въ Саратовѣ внесенный губернскою управою на обсужденіе земскаго собранія докладъ, заключавшій въ себѣ подобное ходатайство, былъ даже снятъ съ очереди по распоряженію предсѣдателя собранія *). Между тѣмъ, если припомнить слова самого министра народнаго просвѣщенія, который въ своемъ циркулярѣ предупреждалъ объ опасности рѣшенія педагогическихъ вопросовъ исключительно съ точки зрѣнія спеціалистовъ, то нельзя будетъ, кажется, не согласиться, что земскія собранія, даже оставаясь вполнѣ вѣрными взглядамъ оффиціальныхъ руководителей школы, имѣли основаніе желать допущенія въ коммиссію педагоговъ представителей общества, которые не дали бы ей замкнуться въ черезчуръ тѣсный кругъ узко-спеціальныхъ вопросовъ. Указанныя условія, конечно, имѣли свою долю вліянія на общественное настроеніе и благодаря имъ инертность общества въ его отношеніи къ давно назрѣвшему вопросу реформы средняго образованія не въ такой мѣрѣ уступила свое мѣсто сознательному и живому интересу, какъ это могло-бы быть при другихъ обстоятельствахъ. При всемъ томъ выясненіе вопроса о желательныхъ реформахъ въ порядкахъ средней школы значительно подвинулось впередъ, благодаря наличности такого интереса въ обществѣ, и результаты этого выясненія едва-ли будутъ вполнѣ безразличны и для работъ правительственной коммиссіи. Въ предѣлахъ настоящей статьи мы не можемъ, конечно, обсуждать этотъ сложный вопросъ во всемъ его объемѣ, но мы попытаемся, по крайней мѣрѣ, отмѣтить важнѣйшія стороны желательной реформы, сформулированныя уже въ происходившемъ обсужденіи, и вмѣстѣ указать другія ея стороны, не менѣе важныя, не менѣе настоятельно выдвигаемыя жизнью, по почему-либо мало, или совсѣмъ не затронутыя въ этомъ обсужденіи.

Напомнимъ прежде всего, что исторія послѣдняго фазиса вопроса о школьной реформѣ начинается, какъ выяснилось это въ недавнее время, не съ изданія циркуляра г. министра народнаго просвѣщенія, а съ нѣсколько болѣе ранняго момента. Около двухъ лѣтъ тому назадъ, въ мартѣ 1898 года, нижегородскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, А. Б. Нейдгартомъ, представлено было на Высочайшее имя вѣрноподданнѣйшее ходатайство нижегородскаго дворянства о желательныхъ преобразованіяхъ средней школы **). „Программа нашей средней школы—говори-

*) „Нов. Вр.“, 25 Янв. 1900 г.
**) „Русск. Вѣд.“, 19 марта 1898 г.

лось въ этомъ ходатайствѣ—не соотвѣтствуетъ по своей обширности среднему умственному развитію и возрасту учащихся и требуетъ отъ нихъ столько напряженія, что большинство ихъ оказывается не въ силахъ окончить полнаго ея курса и образуетъ собою классъ недоучекъ, мало полезныхъ себѣ, своимъ семьямъ, отечеству. Изъ меньшинства же нѣкоторые достигаютъ выпуска лишь цѣною разстроеннаго здоровья. Усиленное преподаваніе древнихъ языковъ, поглощая массу учебнаго времени, отражается неблагопріятно на усвоеніи необходимыхъ каждому новѣйшихъ языковъ, а отсутствіе основныхъ познаній по законовѣдѣнію, естественнымъ наукамъ и гигіенѣ является пробѣломъ въ образованіи юноши. Изученіе въ средней школѣ родного языка весьма ограничено, и дѣти не выносятъ изъ нея ни истиннаго знанія, ни любви къ родной словесности. Въ ряду недостатковъ ученія въ нашей средней школѣ видное мѣсто занимаетъ какъ скудность оплаты труда учителя, заставляющая людей талантливыхъ избѣгать педагогической дѣятельности, такъ равно и отсутствіе теоретическаго знакомства учителя съ педагогикой и методикой; вмѣстѣ съ тѣмъ излишне подробная регламентація учебнаго дѣла въ нашей средней школѣ лишаетъ учителя самостоятельности и ослабляетъ въ немъ интересъ къ преподаванію. Но если наша средняя школа расходится съ жизнью по отношенію къ умственному воспитанію ввѣренныхъ ей дѣтей, то еще болѣе оставляетъ она желать по отношенію къ воспитанію физическому: юноши покидаютъ ее малокровными, переутомленными и неспособными къ энергической работѣ. Одною изъ главныхъ систематическихъ причинъ, подрывающихъ здоровье учащихся, являются переводныя испытанія, требующія отъ нихъ порывистаго непосильнаго труда и чрезмѣрнаго напряженія нервной системы. Вообще на физическое воспитаніе наша средняя школа смотритъ какъ на дѣло ей постороннее, и школьный врачъ, нравственно отвѣтственный за физическое развитіе учащихся, не имѣетъ даже права рѣшающаго голоса въ педагогическомъ совѣтѣ. Но стремленіе русскаго общества къ образованію растетъ съ такой быстротой, что наша средняя школа, не смотря на высказанныя слабыя ея стороны, не состояніи вмѣстить всѣхъ жаждущихъ просвѣщенія. Дальнѣйшее образованіе окончившихъ курсъ средней школы далеко не обезпечено: высшихъ спеціальныхъ заведеній мало, а двери университета закрыты для реалистовъ, не смотря на надлежащую ихъ подготовку къ поступленію на нѣкоторые его факультеты".

Особая коммиссія, избранная для разсмотрѣнія вопроса о недостаткахъ существующей средней школы нижегородскимъ дворянствомъ и работавшая подъ предсѣдательствомъ его губернскаго предводителя, въ результатѣ своихъ занятій пришла къ слѣдующимъ постановленіямъ: „1) признано желательнымъ оставленіе

двухъ типовъ школъ: одной—съ сокращеннымъ преподаваніемъ латинскаго языка и съ уничтоженіемъ греческаго, а другой—совсѣмъ безъ древнихъ языковъ; въ программахъ обоихъ типовъ школъ ввести преподаваніе законовѣдѣнія, естественныхъ наукъ, гигіены, усилить преподаваніе родного языка и сдѣлать французскій и нѣмецкій языкъ обязательными; 2) обратить вниманіе на физическое развитіе учащихся; 3) понизить требованія учебной программы, приравнявъ ее къ среднему умственному уровню учащихся, и сократить учебную программу, выкинувъ излишній балластъ, служащій напраснымъ обремененіемъ памяти учащихся никому ненужными фактами, именами и цифрами; 4) отмѣнить переходные экзамены; 5) ознакомлять учащихся съ мѣстными историческими памятниками, музеями и мѣстоположеніями посредствомъ прогулокъ и поѣздокъ; 6) улучшить личный составъ педагоговъ, для чего учредить учительскую семинарію для подготовленія учителей для среднихъ учебныхъ заведеній и увеличить окладъ жалованья учителей; 7) улучшить способъ преподаванія и отмѣнить стѣсняющія преподавателя распоряженія о прохожденіи курса въ точно опредѣленное время года и о высылкѣ изъ округа темъ на сочиненія для аттестата зрѣлости; 8) допустить врача заведенія до наблюденія не только за здоровьемъ ученика, но и за вліяніемъ ученія на него, для чего предоставить врачу въ педагогическомъ совѣтѣ учебнаго заведенія право рѣшающаго, а не только совѣщательнаго голоса, какъ теперь; 9) ходатайствовать о допущеніи реалистовъ въ университетъ на естественный, физико-математическій и медицинскій факультеты и, наконецъ, 10) коммиссія высказалась за увеличеніе числа высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній (какъ общеобразовательныхъ, такъ и спеціальныхъ)".

Эти постановленія и были положены въ основаніе приведеннаго выше ходатайства. Почти одновременно аналогичныя ходатайства были представлены и дворянствомъ нѣкоторыхъ другихъ губерній. При открытіи сессіи дворянскихъ собраній осенью 1899 года губернскіе предводители имѣли уже возможность доложить собравшемуся дворянству о благопріятной судьбѣ его просьбъ. „Наше ходатайство о преобразованіи средней школы—заявилъ г. Нейдгартъ въ нижегородскомъ дворянскомъ собраніи—получило за это сравнительно короткое время удовлетвореніе въ большей своей части, а въ остальномъ обѣщаетъ удовлетворить его циркуляръ г. министра народнаго просвѣщенія, которымъ поднятъ вопросъ о коренной реформѣ средней школы и притомъ именно въ желательномъ для насъ направленіи. Нѣкоторые пункты нашего ходатайства были въ разсмотрѣніи учебнаго комитета, причемъ изъ достовѣрныхъ источниковъ извѣстно, что въ министерствѣ обсуждается уже вопросъ о допущеніи реалистовъ въ университеты на естественный, физико-математическій

и медицинскій факультеты и есть основаніе ожидать утвердительнаго его разрѣшенія" *) Подобныя же заявленія были сдѣланы предводителями дворянства и въ другихъ губерніяхъ.

Итакъ, начальнымъ этапомъ предположенной реформы средней школы, первымъ толчкомъ къ возбужденію мысли объ этой реформѣ послужили дворянскія ходатайства. Легко можно ожидать въ виду этого, что они опредѣлятъ собою и самое содержаніе реформы, причемъ послѣдняя не выйдетъ изъ круга вопросовъ, поднятыхъ дворянствомъ. Сравнивая ходатайство нижегородскаго дворянства съ циркуляромъ министра народнаго просвѣщенія и имѣющимися на лицо скудными свѣдѣніями о работахъ созванной при министерствѣ педагогической коммиссіи, нетрудно въ самомъ дѣлѣ подмѣтить сходство ихъ преобразовательныхъ программъ и убѣдиться въ томъ, что пока, по крайней мѣрѣ, проектируемая реформа дѣйствительно идетъ въ направленіи, желательномъ для нижегородскихъ дворянъ. Ограниченіе классицизма, организація двухъ равноправныхъ типовъ средней школы, сокращеніе учебныхъ программъ, большее вниманіе къ реальной сторонѣ знанія, особенно къ новымъ языкамъ, и бо́льшая забота о физическомъ здоровьѣ учащихся—всѣ эти задачи, поставленныя представителями сословія, восприняты и министерскимъ проектомъ. Задача подготовки для школы учителей, путемъ сообщенія имъ спеціальнаго педагогическаго образованія, была поставлена на очередь министерствомъ еще въ прошломъ году. Но при всей цѣнности требованій, предъявленныхъ къ системѣ средняго образованія со стороны нижегородскаго дворянства, едва-ли возможно пожелать, чтобы будущая реформа осталась замкнутой исключительно въ кругѣ этихъ требованій, такъ какъ въ такомъ случаѣ въ ней оказались-бы весьма серьезные пробѣлы.

Начать съ того, что существующая средняя школа лишь по имени своему является среднею. Въ сущности же дѣйствующая у насъ система образовательныхъ заведеній страдаетъ полнымъ отсутствіемъ единства и средняя школа занимаетъ въ ней въ значительной мѣрѣ изолированное мѣсто. Ниже этой школы стоятъ народныя, сельскія и городскія училища, представляющія собою своего рода тупики, изъ которыхъ нѣтъ выхода наверхъ, ни въ гимназію, ни въ реальное училище; выше—университеты и высшія спеціальныя заведенія, изъ которыхъ въ первые доступъ открытъ лишь для гимназистовъ-классиконъ, но не для реалистовъ. Начальное образованіе такимъ образомъ отрѣзано отъ средняго, среднее на-половину разобщено съ высшимъ. Этотъ разрывъ между различными ступенями образованія, представленными разными учебными заведеніями, водворился въ нашей

*) „Р. Вѣд.", 24 дек. 1899 г.

школѣ лишь съ момента усиленія классицизма, ради котораго преподаваніе древнихъ языковъ было перенесено въ низшіе классы гимназіи. До того, въ первой половинѣ нынѣшняго вѣка, наши школы располагались въ довольно правильной концентрической системѣ, начинаясь приходскимъ училищемъ, продолжаясь уѣзднымъ и гимназіей и заканчиваясь университетомъ. Преимущества подобной концентрической системы, при которой ученикъ, смотря по его способностямъ и желанію, можетъ либо пройти всю лѣстницу учебныхъ заведеній, либо остановиться на одной изъ ступеней этой лѣстницы, получивъ не обрывокъ учебнаго курса, а болѣе или менѣе законченное образованіе, совершенно наглядны и едва ли требуютъ обстоятельнаго разъясненія. Въ свою очередь неудобства современной разобщенности разныхъ типовъ школъ находятъ себѣ почти единодушное признаніе и съ самыхъ различныхъ сторонъ предлагаются въ виду этого проекты возстановленія единства въ школьной системѣ. Общество бывшихъ воспитанниковъ С.-Петербургскаго учительскаго института, установивъ тезисъ, согласно которому „нормальная система преподаванія должна давать каждому возможность получить полное общее образованіе", полагало затѣмъ между низшей и средней школой поставить городскія училища, которымъ былъ бы приданъ обще-образовательный и самъ по себѣ законченный курсъ. Кіевское совѣщаніе педагоговъ предложило раздѣлить существующую среднюю школу на двѣ, низшую и высшую, каждая съ 4-лѣтнимъ законченнымъ курсомъ, причемъ низшая школа была бы единой для всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній. Аналогичный проектъ представило министерству и вятское губернское земское собраніе. На необходимости связи низшей школы съ среднею, иначе говоря, на введеніи концентрической системы школъ, настаивалъ и докладъ самарской губернской управы, принятый безъ преній земскимъ собраніемъ *).

Гораздо менѣе уже привлекла къ себѣ вниманія въ различныхъ совѣщаніяхъ другая, не уступающая въ значеніи только что указанной, сторона современнаго школьнаго быта,—именно, составъ учащихся въ средней школѣ. Въ теоріи безсословная и равно открытая для всѣхъ группъ населенія, наша средняя школа на практикѣ получила явственный отпечатокъ сословности. Отчасти эта особенность вырабатывалась какъ бы сама собою, въ результатѣ разрыва съ низшею школой и мертвенно-схоластической гимназической программы, отпугивавшей значительную часть общества, которая искала для своихъ дѣтей живого знанія, а не гимназическаго диплома. Но въ эту же сторону были обращены сверхъ того и прямыя мѣры учебной адми-

*) „СПБ. Вѣд.", 9 янв. 1900 г.; „Н. Вр.", 2 ноября 1899 г.; „Р. Вѣд.", 4 февр. 1900 г.; „СПБ. Вѣд.", 26 янв. 1900 г.

нистраціи, въ видѣ циркуляровъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія, гр. Делянова, которыми предписывалось не принимать въ гимназіи дѣтей недостаточныхъ или низко стоящихъ на общественной лѣстницѣ родителей. Не вездѣ и не всѣми примѣняемые, эти циркуляры пока однако же и не отмѣнены и порою еще получаютъ практическое значеніе. Доказывать, что правильно поставленная школа не можетъ считаться съ сословными отличіями, значило бы повторять давно избитые труизмы. Къ сожалѣнію, эти банальныя истины и до сихъ поръ не находятъ себѣ въ нашей жизни ни практическаго осуществленія, ни даже теоретическаго признанія. Трудно сказать при этихъ условіяхъ, войдутъ-ли онѣ въ школьную практику и послѣ предполагаемой реформы.

Съ вопросами о положеніи средней школы въ общей сѣти образовательныхъ заведеній и о составѣ учащихся этой школы тѣсно связанъ вопросъ объ общемъ характерѣ даваемаго ею образованія. Многолѣтняя практика классической школы дала богатый матеріалъ для сужденія о цѣлесообразности системы классицизма и въ сознаніи общества такое сужденіе сложилось въ безповоротный приговоръ надъ данною системой. Отсюда многочисленныя ходатайства дворянскихъ и земскихъ собраній о допущеніи реалистовъ въ университетъ, на всѣ факультеты, кромѣ филологическаго. Истинный смыслъ этихъ ходатайствъ станетъ понятенъ, если припомнить, что, по сознанію самого министерства народнаго просвѣщенія, сдѣланному еще въ 70-хъ годахъ, если бы данъ былъ доступъ изъ реальныхъ гимназій на три факультета, то „неминуемо возникли бы домогательства въ тѣхъ губерніяхъ, въ коихъ были бы настоящія гимназіи, чтобы эти учебныя заведенія были преобразованы въ реальныя училища". Немало также можно указать за послѣднее время и случаевъ рѣшительнаго высказыванія различныхъ общественныхъ группъ противъ сохраненія классическаго образованія. Самарское губернское земское собраніе постановило ходатайствовать передъ правительствомъ объ уничтоженіи привилегіи классическаго образованія и о расширеніи правъ реальной школы, которая давала бы оканчивающимъ курсъ одинаковыя права на поступленіе какъ въ высшія спеціальныя техническія училища, такъ и въ университеты. Въ Саратовѣ совѣщаніе о средней школѣ признало желательнымъ построить новый типъ средней школы на основѣ расширенной программы реальныхъ училищъ. Въ Курскѣ аналогичное совѣщаніе категорически высказалось противъ классицизма. Одинъ изъ немногочисленныхъ защитниковъ классицизма, выступавшихъ за послѣднее время въ періодической печати, гр. Капнистъ, съ ѣдкою ироніей говоритъ по этому поводу о „совѣщаніяхъ по школьному вопросу, подобныхъ тому, которое недавно собиралось въ Курскѣ, окончательно рѣшивъ, къ удо-

вольствію г.г. курскихъ обывателей, вопросъ не только о безполезности, но и о вредѣ изученія древнихъ языковъ“ *). Едва-ли однако эта ядовитая иронія не пропадаетъ даромъ. По крайней мѣрѣ, когда отъ широкихъ слоевъ общества, несомнѣнно заинтересованныхъ въ дѣлѣ средняго образованія, знакомыхъ съ постановкою этого образованія по опыту своему и своихъ дѣтей и съ нескрываемою враждебностью относящихся къ классической школѣ, мы обращаемся къ сравнительно тѣснымъ и, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, болѣе компетентнымъ педагогическимъ кружкамъ, мы и здѣсь встрѣчаемъ ту же враждебность къ дѣйствующей системѣ средняго образованія. На происходившемъ въ петербургскомъ общественномъ собраніи собесѣдованіи педагоговъ по вопросу о реформѣ средней школы „педагоги пришли къ заключенію, что наша средняя школа страдаетъ однимъ общимъ существеннымъ недостаткомъ, состоящимъ въ томъ, что въ ней преподается не то, что нужно и полезно для общаго образованія и подготовки къ высшему, и не такъ, какъ слѣдовало бы для успѣха дѣла“ **). Еще болѣе опредѣленно высказалось на этотъ счетъ московское педагогическое общество. „Теоретическая основа классицизма и его педагогическая доктрина — писала въ своемъ докладѣ избранная этимъ обществомъ коммиссія—не представляютъ собою чего-либо вполнѣ доказаннаго и безспорнаго и невозможно безъ колебаній строить на нихъ учебную систему“. На практикѣ же „классическая система потерпѣла полное и неслыханное еще въ исторіи русской школы крушеніе, удостовѣренное не только отзывами профессоровъ разныхъ университетовъ, но и самими директорами гимназій и учителями классическихъ языковъ“. Классическія гимназіи, по всеобщему единодушному признанію, не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ: преподаваніе древнихъ языковъ не только не достигаетъ тѣхъ цѣлей, какія обыкновенно для него выставляются,—формальнаго развитія ума и обогащенія его эстетическими представленіями,—но даже не сообщаетъ серьезныхъ знаній и по грамматикѣ этихъ языковъ. Считая невозможнымъ исправить эти недостатки путемъ частныхъ измѣненій, московская коммиссія предлагала поставить въ основу системы средняго образованія типъ реальной школы, причемъ преподаваніе въ ней покоилось бы на началѣ не механической концентраціи, а внутренней согласованности учебныхъ предметовъ, развивающихъ различныя стороны духа ***).

Въ самомъ дѣлѣ, господство классицизма въ средней школѣ было куплено неимовѣрно дорогой цѣной. Ради водворенія этого

---

*) „СПБ. Вѣд.“, 17 янв. 1900 г.
**) „Р. Вѣд.“, 1899 г., № 266.
***) „Р. Вѣд.“, 4, 5 и 8 февр. 1900 г.

экзотическаго растенія въ умахъ немногихъ избранныхъ гимназіи безпощадно изгоняли за свои стѣны десятки и сотни юношей, не поддававшихся классической муштровкѣ. Были гимназіи, въ которыхъ ежегодно увольнялось 40—60 воспитанниковъ. И въ результатѣ всей этой траты силъ и массы жертвъ немногіе юноши, благополучно оканчивавшіе курсъ гимназіи, переступали ея порогъ, какъ это много разъ было оффиціально засвидѣтельствовано въ послѣднее время, съ весьма недостаточнымъ запасомъ свѣдѣній по всѣмъ предметамъ, не исключая ни своего родного языка, ни тѣхъ древнихъ языковъ, на которыхъ и строилась вся учебная система. Мало того, наша школа, какъ выяснила практика, не поднимаетъ, а понижаетъ умственную самодѣятельность ученика и своею мертвенностью убиваетъ въ немъ всякій живой и сознательный интересъ къ наукѣ и къ явленіямъ окружающей его жизни. Хорошо извѣстно къ тому же, что, несмотря на неоднократно высказывавшееся гр. Д. А. Толстымъ мнѣніе о несовмѣстимости школы съ политикой, классицизмъ явился въ его рукахъ именно орудіемъ опредѣленной политической системы, направленнымъ къ искорененію вольномыслія въ умахъ молодыхъ поколѣній. Благодаря этому, вся школьная жизнь оказалась заключенною въ строгія рамки и подчиненной все опредѣляющимъ правиламъ. Учитель, опутанный въ своей дѣятельности сѣтью министерскихъ циркуляровъ, былъ обращенъ въ простой передаточный механизмъ между учебными планами и учебниками, съ одной стороны, и учениками—съ другой, ученикъ лишился всякой свободы развитія и во всѣхъ проявленіяхъ своей жизни былъ поставленъ подъ неослабный контроль, неумолимо стиравшій его индивидуальныя черты. Такой же контроль дѣйствовалъ и по отношенію къ учителямъ, причемъ преподаватели, не мирившіеся съ отведенною имъ пассивною ролью и стремившіеся вложить душу въ дѣло преподаванія, постепенно теряли почву подъ ногами и становились все болѣе рѣдкимъ явленіемъ. Съ теченіемъ времени и самому министерству пришлось считаться съ неудобными послѣдствіями чрезмѣрнаго формализма школьной жизни, явившагося въ результатѣ обращенія учителя—этого истиннаго хозяина школы—въ остроумно задуманную машину для постановки и подсчета ученическихъ отмѣтокъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ изъ министерскихъ циркуляровъ указывалъ такіе факты гимназическаго быта: „преподаватель французскаго языка въ V классѣ, въ которомъ всѣхъ учениковъ по списку значилось 27, на одномъ изъ своихъ уроковъ, при двухъ отсутствующихъ ученикахъ, выставилъ въ классномъ журналѣ нижеслѣдующія отмѣтки: двумъ ученикамъ по четыре (4) и четырнадцати ученикамъ по нулю (0); девять остальныхъ присутствовавшихъ на урокѣ учениковъ никакой отмѣтки не получили. Въ другой гимназіи преподаватель греческаго языка въ VI

классѣ отвѣты всѣхъ находившихся у него налицо 25 учениковъ оцѣнилъ въ классномъ журналѣ такъ, что одинъ изъ нихъ получилъ два съ минусомъ (2—), одинъ оставленъ безъ отмѣтки, всѣ же остальные числомъ 21, получили каждый по единицѣ (1)". „Нѣкоторые изъ преподавателей — разъяснялось по этому поводу въ циркулярѣ — думаютъ, что ихъ обязанность ограничивается объясненіемъ задаваемыхъ уроковъ, спрашиваніемъ учениковъ и постановкою въ журналахъ отмѣтокъ; никакой отвѣтственности за неуспѣхи учениковъ брать на себя они не желаютъ. Между тѣмъ отвѣтственность эта и лежитъ главнымъ образомъ на учителѣ, а потому исправить единицу или двойку, т. е. научить ученика тому, чего онъ не знаетъ, долженъ самъ учитель своими мѣрами, принятыми прежде всего во время урока" *). Нельзя, конечно, не согласиться съ министерскимъ разъясненіемъ, возстановляющимъ лишь одну изъ самыхъ начальныхъ истинъ педагогики, но возможно серьезно сомнѣваться въ какой либо пользѣ подобныхъ разъясненій, разъ ихъ приходится обращать къ людямъ, выступающимъ уже практическими дѣятелями на педагогическомъ поприщѣ. Основные педагогическіе пріемы едва-ли могутъ быть усвоены учителемъ изъ министерскихъ циркуляровъ. Но насколько далека бываетъ подчасъ современная школа отъ знанія этихъ пріемовъ, какіе уродливые цвѣты выростаютъ иногда въ ней подъ видомъ особыхъ методовъ преподаванія, объ этомъ даетъ возможность судить хотя бы недавно появившееся въ газетахъ письмо.

„Я живу—пишетъ его авторъ—на квартирѣ въ семьѣ, которая имѣетъ нѣсколько дѣтей-гимназистовъ. Ребятки прилежные и усердные. На-дняхъ они приходятъ опечаленные и унылые. Спрашиваю о причинѣ. Говорятъ, что не выучили стихотворенія и за это имъ поставили по единицѣ. Какое же это стихотвореніе—спрашиваю.—„Птичка" Пушкина. Недоумѣваю. Да отчего же вы не выучили, вѣдь такое коротенькое и легкое стихотвореніе? Ну, прочти сколько знаешь,—обращаюсь къ одному изъ мальчиковъ,—я послушаю. Гимназистъ бойко началъ: Птичка,—разъ, Божія—разъ, не—разъ... — Подожди, подожди! что ты читаешь, что такое за „разъ"?—Да такъ намъ учитель велѣлъ: читайте, говоритъ, съ разстановкой" и послѣ каждаго слова говорите — разъ, а если встрѣтится запятая, то—разъ, два; точка съ запятой, двоеточіе, то—разъ, два, три; если точка—разъ, два, три, четыре. Послѣ этого понятно, за что гимназисты получили по единицѣ: они не могли преодолѣть безсмыслицы" **).

Очевидно, школа попала въ своего рода порочный кругъ, изъ котораго нельзя выйти безъ коренныхъ перемѣнъ въ ея поло-

---

*) „Н. Вр.", 1893, № 6508.
**) „Р. В". 1899, 14 ноября.

ложеніи. Лишенный самостоятельности, придавленный формой, учитель оказался лишеннымъ и способности приносить практическую пользу на уровнѣ даже очень невысокихъ требованій. Требованіе улучшить преподавательскій составъ средней школы получаетъ въ виду этого серьезное значеніе. Но можно ли достичь этого улучшенія однимъ увеличеніемъ преподавательскаго жалованія и созданіемъ для учителей спеціальнаго педагогическаго образованія? Мы склонны думать, что не меньшее, если не гораздо большее еще значеніе, имѣетъ въ этомъ случаѣ общая перемѣна положенія учителя въ школѣ въ смыслѣ предоставленія ему большей самостоятельности и свободы въ учебномъ дѣлѣ и уничтоженія той атмосферы ревнивой подозрительности, которая окружаетъ въ настоящее время всякаго сколько-нибудь самостоятельнаго педагога. Такая перемѣна болѣе всего способствовала бы привлеченію въ составъ преподавателей не плохихъ ремесленниковъ, ищущихъ въ педагогикѣ лишь куска хлѣба, а людей, отдающихъ силы души на дѣло учителя и воспитателя молодыхъ поколѣній.

Сколько-нибудь хорошая школа немыслима безъ живого умственнаго и нравственнаго общенія между учащими и учащимися. Современная средняя школа—мы говоримъ, конечно, лишь объ общемъ правилѣ, допускающемъ и исключенія,—не знаетъ такого общенія. Царствующій въ ней формализмъ разъединилъ преподавателей и учениковъ и создалъ для нихъ положеніе не дружно работающихъ сообща людей, а скорѣе взаимно враждебныхъ сторонъ. Полное подавленіе умственной самодѣятельности ученика и усиленная опека надъ всѣмъ его душевнымъ міромъ на практикѣ въ лучшемъ случаѣ ведутъ къ полной отчужденности ученика отъ школы, создавая въ то же время не особенно лестную позицію и для представителей школьнаго режима.

Дѣло воспитанія поставлено въ современной школѣ столь же неудачно, какъ и дѣло обученія, и требуетъ столь же радикальныхъ реформъ. Мало развивая умъ ученика, школа вмѣстѣ съ тѣмъ не воспитываетъ въ немъ волю и чувство, а воздѣйствуетъ на его нравственную природу исключительно при помощи системы наградъ и наказаній, слишкомъ злоупотребляя послѣдними и съ чрезмѣрнымъ пренебреженіемъ относясь къ духовной жизни ввѣреннаго ея заботамъ молодого поколѣнія. Смягчить и ослабить этотъ сухой и властный формализмъ, знающій лишь кары тамъ, гдѣ должны бы существовать мѣры нравственнаго воздѣйствія, возможно было бы путемъ сближенія школы съ жизнью семьи и общества. Средства такого сближенія въ извѣстной мѣрѣ уже намѣчены и въ настоящее время. Самарское земство проектировало для этой цѣли устройство педагогическихъ обществъ и родительскихъ кружковъ, а равно открытіе доступа въ педагогическіе совѣты школъ членамъ тѣхъ обществъ и учрежденій, на

средства которыхъ содержатся эти школы *). При обсужденіи того же вопроса въ саратовскомъ санитарномъ обществѣ высказано было прежде всего мнѣніе о необходимости допущенія въ школьныхъ дѣлахъ полной гласности, которая „сама по себѣ принесетъ пользу обѣимъ сторонамъ—школѣ и родителямъ—и лучше поддержитъ авторитетъ преподавателей, чѣмъ современная канцелярская тайна. Вмѣстѣ съ тѣмъ собраніе выразило пожеланіе, чтобы педагогическимъ совѣтамъ было вмѣнено въ обязанность приглашать къ участію въ своихъ засѣданіяхъ родителей учениковъ во всѣхъ вообще важныхъ случаяхъ и въ особенности, когда рѣчь идетъ о проступкахъ ихъ дѣтей.“ **).

Вопросы, которые приходится рѣшать вновь образованной при министерствѣ народнаго просвѣщенія педагогической коммиссіи, какъ видно, велики и сложны. Поэтому чѣмъ скорѣе будетъ признано возможнымъ опубликовать проектируемыя ею рѣшенія, тѣмъ болѣе выиграетъ самое дѣло предполагаемой реформы, требующее самаго внимательнаго и разносторонняго обсужденія.

III.

Наша хроника настолько уже затянулась, что мы вынуждены отложить до слѣдующаго раза бесѣду о другихъ очередныхъ вопросахъ русской жизни, въ томъ числѣ и о выяснившихся за послѣднее время нуждахъ собственно народнаго образованія. Въ заключеніе отмѣтимъ лишь одинъ фактъ изъ другой области—финалъ громкой исторіи, разыгравшейся въ текущемъ году въ Липецкомъ уѣздѣ. Читатель догадается, что мы разумѣемъ рудную эпопею г. Кожина, въ свое время разсказанную на страницахъ „Р. Богатства“ (Р. Б., 1899, № 6 (9), с. 186—192). Теперь это дѣло вновь всплыло на поверхность, но уже не въ качествѣ только личной предпринимательской исторіи г. Кожина, использовавшаго свое званіе уѣзднаго предводителя дворянства въ цѣляхъ полученія торгово-промышленной прибыли, а съ извѣстнымъ участіемъ общественнаго или, точнѣе выражаясь, сословнаго элемента. Въ началѣ этого года нѣсколько дворянъ Липецкаго уѣзда послали г. Кожину письмо такого содержанія: „Вся Россія разбираетъ и оцѣниваетъ ваши дѣйствія по покупкѣ вами руды у крестьянъ и продажѣ ея иностранцамъ. Мы не судимъ васъ, но насъ, дворянъ, удручаетъ постоянное поношеніе въ печати имени предводителя: мы просимъ васъ сложить съ себя это званіе и тѣмъ устранить обвиненіе, что вы продолжаете пользоваться вашею должностью для вашихъ личныхъ интересовъ“. Вслѣдъ за-

*) „Спб. Вѣд.“, 1900, 26 янв.
**) „С. От.“, 1900, 20 янв.

тѣмъ „Тамб. Губ. Вѣдомости“ сообщили своимъ читателямъ слѣдующее извѣстіе:

„17 января, въ 6 час. вечера, дворяне Липецкаго уѣзда, съѣхавшіеся въ Тамбовъ на очередное дворянское собраніе, въ числѣ 13 человѣкъ, чествовали обѣдомъ своего заслуженнаго предводителя дворянства А. М. Кожина, которому истекаетъ 15 лѣтъ служенія въ должности предводителя дворянства. За обѣдомъ было прочитано и подано А. М. Кожину письмо за подписью всѣхъ дѣйствительно живущихъ въ Липецкомъ уѣздѣ потомственныхъ дворянъ, въ которомъ подписавшіеся высказываютъ протестъ противъ письма, полученнаго А. М. Кожинымъ нѣсколько времени тому назадъ отъ 5—6 дворянъ, изъ которыхъ нѣкоторые знакомы съ Липецкимъ уѣздомъ и А. М. Кожинымъ только по наслышкѣ, и, выражая своему предводителю полное уваженіе и симпатію, приносятъ благодарность за его 15-лѣтнее служеніе на пользу дворянъ Липецкаго уѣзда, при чемъ просятъ своего уважаемаго и старѣйшаго въ настоящее время въ Тамбовской губерніи предводителя дворянства вновь баллотироваться на предстоящихъ черезъ нѣсколько дней выборахъ. Обѣдъ закончился задушевной бесѣдой и затянулся до поздняго вечера“.

Прошло еще два дня послѣ этой задушевной бесѣды на обѣдѣ, и 19 января дворянинъ Липецкаго уѣзда г. Головнинъ внесъ въ собраніе дворянъ предложеніе объ исключеніи изъ дворянскаго собранія дворянина Кожина за его „неблаговидныя дѣйствія“, не соотвѣтствующія почетному званію дворянина. Но въ засѣданіи, происходившемъ при закрытыхъ дверяхъ, большинствомъ голосовъ рѣшено было не обсуждать этого предложенія. На слѣдующій день происходили выборы уѣзднаго предводителя дворянства, и г. Кожинъ былъ вновь избранъ въ эту должность большинствомъ 15 голосовъ противъ одного... Какъ бы то ни было, на этомъ фазисѣ дѣло еще не остановилось. Если липецкимъ дворянамъ дѣйствія г. Кожина представлялись вполнѣ нормальными и естественными, то дворяне другихъ уѣздовъ Тамбовской губерніи готовы были посмотрѣть на эти дѣйствія иными глазами и во всякомъ случаѣ не видѣли для себя большой чести въ совмѣстной работѣ съ „старѣйшимъ предводителемъ“, пока на немъ тяготѣютъ неопровергнутыя обвиненія. Въ виду этого въ томъ же январѣ мѣсяцѣ на депутатскомъ дворянскомъ собраніи два уѣздныхъ предводителя дворянства, темниковскій г. Новосильцевъ и тамбовскій г. Петрово-Соловово, внесли слѣдующее предложеніе: просить липецкаго уѣзднаго предводителя дворянства А. М. Кожина о томъ, чтобы онъ возбудилъ судебное преслѣдованіе противъ газетъ, въ которыхъ печатались статьи и корреспонденціи, направленныя противъ г. Кожина, какъ предводителя дворянства, злоупотреблявшаго своимъ положеніемъ. Собраніе приняло это предложеніе, но до сихъ поръ не слышно, чтобы г. Кожинъ испол-

нилъ обращенную къ нему просьбу. Едва-ли онъ и исполнитъ ее. Дѣло въ томъ, что, по смыслу этой просьбы, г. Кожину надо доказать присутствіе клеветы въ посвященныхъ ему газетныхъ статьяхъ.

Это одна сторона дѣла. Есть въ немъ еще и другая. Въ началѣ февраля газеты обошелъ слухъ, что на всѣхъ шахтахъ Липецкаго уѣзда работы прекращены и рабочіе получили разсчетъ. Причины неожиданнаго прекращенія работъ остались при этомъ неясны: рѣчь шла и объ опасеніяхъ обваловъ весною, и о недостачѣ денежныхъ средствъ у бельгійской компаніи. Черезъ нѣсколько недѣль дѣло, однако, разъяснилось. „Орловскій Вѣстникъ" сообщилъ, что въ устроенное г. Кожинымъ предпріятіе бельгійцевъ вмѣшался правительственный горный надзоръ и это-то вмѣшательство и вызвало пріостановку работъ. Послѣднія производились съ такою небрежностью, послѣдствіемъ которой былъ цѣлый рядъ несчастныхъ случаевъ, привлекшихъ, наконецъ, вниманіе горнаго надзора. Администраціи рудниковъ было указано на необходимость привести въ порядокъ дѣла послѣднихъ, осмотрѣть всѣ шахты, снять планъ всѣхъ выработокъ и т. п. Сверхъ того, по словамъ названной газеты, компаніи предложено на будущее время при возобновленіи работъ пригласить особое лицо, „горнаго надсмотрщика", который, постоянно наблюдая за производствомъ работъ, могъ бы въ случаяхъ замѣченнаго имъ несоблюденія правилъ по веденію горныхъ работъ немедленно доносить объ этомъ окружному инженеру. Мотивомъ такой мѣры послужило то обстоятельство, что окружный инспекторъ не имѣетъ возможности часто бывать на рудникахъ, а администрація ихъ и штейгера, находясь въ зависимости отъ компаніи, не только не даютъ знать ему своевременно о положеніи дѣла, но даже уклоняются отъ исполненія такихъ обязанностей, какъ сообщеніе о несчастныхъ случаяхъ.

Очевидно, то „оживленіе края", которое ставилось въ заслугу г. Кожину имъ самимъ и немногими поддерживавшими его органами печати, уже началось... Съ другой стороны, возможно сильно сомнѣваться въ томъ, чтобы одно усиленіе горнаго надзора вполнѣ гарантировало интересы рабочихъ на шахтахъ бельгійской компаніи. Впрочемъ, къ этому послѣднему вопросу мы разсчитываемъ вернуться особо въ ближайшемъ будущемъ.

II.

А. М. Жемчужниковъ.

Передъ святынею добра
Неугасимая лампада.
А. М. Жемчужниковъ.

Минувшаго 10 февраля не одни цѣнители истинной поэзіи, но и вся русская печать, вся лучшая часть нашего общества вспоминала о томъ, что ровно полвѣка назадъ на страницахъ литературы впервые мелькнуло имя нынѣ престарѣлаго и заслуженнаго поэта, Алексѣя Михайловича Жемчужникова. Какъ разъ въ этотъ же юбилейный день А. М. исполнилось 79 лѣтъ со дня рожденія...

Рѣдкіе изъ русскихъ писателей доживаютъ до такого преклоннаго возраста, но еще болѣе рѣдкое явленіе, чтобы до такихъ позднихъ лѣтъ писатель сберегалъ всю первоначальную свѣжесть таланта и душевныхъ силъ. Въ одномъ отношеніи А. М. не имѣетъ подобнаго себѣ даже въ европейскихъ литературахъ: лучшія его произведенія, почти все то, чѣмъ онъ сдѣлался дорогъ русскому обществу и съ чѣмъ несомнѣнно войдетъ въ исторію русской литературы, написано имъ въ два послѣднія десятилѣтія, т. е. уже на седьмомъ и восьмомъ десяткѣ жизни... Только что выпущенныя въ свѣтъ „Пѣсни Старости“ заключаютъ въ себѣ положительно лучшіе перлы поэзіи...

Съ рѣдкой чистосердечностью и скромностью поэтъ самъ объяснилъ намъ въ своей автобіографіи, почему такъ мало производителенъ былъ первый періодъ его литературной дѣятельности: „вторить Некрасову“, хотя бы и вполнѣ искреннимъ тономъ, казалось ему совершенно ненужнымъ и безполезнымъ дѣломъ. Правда, и при жизни знаменитаго „печальника народнаго горя“ бывали періоды, когда органическая потребность творить перевѣшивала разсудочныя, излишне-совѣстливыя соображенія, и А. М. писалъ и печаталъ очень хорошіе стихи; но настоящаго *себя*, того-Жемчужникова, котораго мы знаемъ и любимъ теперь, автора такихъ стихотвореній, какъ „Превращеніе“, „Сняла съ меня судьба“, „Конь Калигулы“, „Завѣщаніе“, „Духъ идѣже хощетъ, дышетъ“ и т. п., онъ нашелъ не раньше 80-хъ годовъ, этой печальной эпохи, когда въ нашей жизни началось такое идейное обнищаніе и нравственное омертвѣніе. Есть такіе цвѣты: поздней осенью, когда уже все умираетъ и никнетъ, они вдругъ распускаются, словно для того, чтобы напомнить о грядущей веснѣ...

Межъ тѣмъ, какъ мы въ разбродъ стезею жизни шли
На знамя, средь толпы, наткнулся я ногою.
Я подобралъ его, лежавшее въ пыли,
И съ той поры несу, возвысивъ надъ толпою.
Девизъ на знамени: „Духъ доблести храни!“
Такъ, воинъ рядовой за честь на бранномъ полѣ,
Я, счастливъ и смущенъ, явился въ наши дни
Знаменоносцемъ по-неволѣ.

Но это опять-таки излишняя скромность: свое „не знавшее побѣдъ, но незапятнанное знамя“ А. М. несъ всѣ эти грустные годы съ такой чисто-юношеской бодростью и силой, что его по всей справедливости слѣдуетъ назвать „знаменоносцемъ по призванію“. Любовь къ родинѣ, нелицемѣрная и дѣйственная любовь къ родному народу, непримиримая борьба съ его врагами—вотъ содержаніе этой жизнерадостной, воинственной поэзіи. Развѣ можетъ быть содержаніе выше, симпатичнѣе, человѣчнѣе?..

Жестокій патріотъ, не вѣрилъ онъ народу,—

съ горькой укоризной обращается поэтъ къ памяти знаменитаго публициста Страстного бульвара,—

Покорность лишь одну отдавъ ему въ удѣлъ,
За нимъ ни силу чувствъ, ни совѣсти свободу,
Ни право умствовать признать онъ не хотѣлъ.

Совсѣмъ не такъ понимаетъ патріотизмъ А. М.; поэтому и скорбь его—о другомъ:

Шумятъ лѣса свободнымъ шумомъ,
Играютъ птицы... О, зачѣмъ
Лишь воли нѣтъ народнымъ думамъ,
И человѣкъ угрюмъ и нѣмъ?

Это традиціонный мотивъ русской поэзіи, свѣтлой нитью проникающій произведенія Пушкина, Лермонтова, Некрасова, всѣхъ лучшихъ нашихъ поэтовъ; но, по обстоятельствамъ времени, онъ получилъ у А. М. Жемчужникова особенную остроту и силу; это самая громкая и властная струна его сердца и его музы...

Уподобляемся мы, баловни судьбы,
Надъ грязью дольнею стоящимъ на помостѣ;
Но снизу бережно насъ держатъ не столбы,
А мышцы рукъ людскихъ и спинъ согбенныхъ кости.
До нашей высоты порой доходитъ вздохъ,
Какъ будто кто-то тамъ, въ подпольѣ, тяжко дышетъ;
Но современникъ нашъ умышленно оглохъ...

„Святое безпокойство“ за жребій этихъ „тяжко дышущихъ въ въ подпольѣ“ людей выливается у нашего автора въ негодующія строфы противъ равнодушныхъ современниковъ; въ строфахъ этихъ встрѣчаются порою стихи, достойные самого Некра-

сова... Родная дѣйствительность, въ ея литературно-общественныхъ проявленіяхъ, кажется А. М. жалкой, недостойной комедіей.

Предметъ комедіи — Россія,
Ея заглавіе: — Назадъ!

На позорной сценѣ „шутъ носитъ званье гражданина, а гражданинъ слыветъ шутомъ“... Особенно возмущаютъ его представители литературы, стоящіе на сторонѣ реакціи, и ихъ мѣдные лбы бичуетъ онъ со всей страстью искренняго негодованія.

Встрѣчалъ я нищаго на людномъ перекресткѣ.
Чтобъ убѣдить, что онъ не лживъ,
И зная, что сердца людей счастливыхъ жёстки,
Онъ плакалъ, язвы обнаживъ.
Но русскій публицистъ ликуетъ, выставляя
Болѣзни родины своей...
Что-жъ это? Тупость ли? Политика ли злая,
Плодъ крѣпостническихъ затѣй?
Не даромъ, доблестью хвалясь предъ нами всуе,
Властямъ онъ лестію кадитъ
И лжетъ, въ плѣнительныхъ чертахъ живописуя
Былыхъ временъ порочный бытъ.

Но въ свѣтлое будущее родины поэтъ не перестаетъ вѣрить. Какъ, откуда придетъ возрожденіе? Вѣдь „Духъ своевластенъ, даруетъ Онъ избраннымъ много, другимъ не даетъ ничего“? Спасеніе должно придти отъ насъ самихъ, и оно придетъ, если времена „слѣпоты и гордыни“ смѣнитъ „сознанья пора“, если намъ ясно предстанетъ, наконецъ, „зрѣлище нашей пустыни, безъ думъ, безъ любви, безъ добра“.

Духъ дышетъ, гдѣ хочетъ; но въ людяхъ есть сила призыва.
Просите Его—и Онъ дастъ.
Лишь только бъ молитва была горяча и правдива,
Призывъ былъ настойчивъ и чистъ.
Разбудимъ отзывчивость въ сердцѣ пустомъ и холодномъ,
Изъ камня добудемъ огня
И, въ скорби о разумѣ праздномъ и дѣлѣ безплодномъ,
Помолимся сердцемъ стеня.
Ты дышешь, гдѣ хочешь, о Духъ призывающій къ жизни!
Дай жизни познать намъ пути;
Любви, правосудья и свѣта дай нашей отчизнѣ,
Дохнуть на нее захоти!

На фонѣ такой беззавѣтной любви къ родинѣ и горячей ненависти къ ея врагамъ другіе мотивы поэзіи Жемчужникова (любовь къ русской деревенской природѣ; личныя печали поэта — скорбь объ утраченныхъ друзьяхъ, думы о неизбѣжномъ и близкомъ концѣ) получаютъ какой-то особенно трогательный отпечатокъ, дѣлая симпатичную личность поэта, если можно такъ выразиться, интимно намъ близкой и дорогой... Какъ просто и задушевно рисуетъ онъ родную природу! Какъ сильны и ярки

выходятъ у него, при этой простой, почти наивной формѣ описаній, изображенія самыхъ тонкихъ, едва уловимыхъ человѣческихъ ощущеній и настроеній! Укажемъ, для образчика, на такія прелестныя вещи, какъ „Пауза", „Придорожная береза", „Ели", „Лѣтній зной", „Старость", „О, когда-бъ мнѣ было можно"... Если-бъ мы не были стѣснены мѣстомъ, то непремѣнно доставили бы удовольствіе и себѣ и, думаемъ, также читателямъ, приведя длинныя выписки изъ этихъ прекрасныхъ стихотвореній (всѣ они входятъ въ „Пѣсни Старости"); но приходится ограничиться указаніемъ, хотя бы, на слѣдующій удивительно-тонкій образъ. Говоря о „грусти и сладости" своихъ стариковскихъ лѣтъ, поэтъ замѣчаетъ:

Словно хожу по цвѣтистому лугу,
Но ни цвѣтовъ, ни травы ужъ не мну...

Пожелаемъ же отъ всей души нашему сердечному поэту еще долго ходить по „цвѣтистому лугу" жизни, озаряя и согрѣвая наши унывающія сердца. „Что я"? съ горечью спрашиваетъ въ одномъ мѣстѣ А. М. и отвѣчаетъ:

...Пѣвецъ былыхъ кручинъ,
Скрижалей брошенныхъ обломокъ;
Въ пустынномъ домѣ, въ часъ потемокъ,
Я потухающій каминъ.

Но мы, искренніе почитатели поэта, не согласимся съ такимъ скромнымъ самоопредѣленіемъ его поэзіи. Воспѣваемыя А. М. Жемчужниковымъ „кручины"—кручины не только былыя, но и настоящія; самъ же онъ не „потухающій въ пустынныхъ потемкахъ каминъ", а скорѣе — выражаясь его же чуднымъ стихомъ, обращеннымъ къ одному отошедшему въ вѣчность другу молодости—

Передъ святынею добра
Неугасимая лампада...

Изъ Франціи.

Я уже нѣсколько разъ изображалъ то съ той, то съ другой стороны жизнь французскихъ рабочихъ, преимущественно парижанъ и притомъ занятыхъ главнымъ образомъ тѣми ремеслами, которыя носятъ до сихъ поръ въ значительной степени характеръ мелкой промышленности и придаютъ особый отпечатокъ экономической жизни великаго города. Я говорю о ремеслахъ игрушечномъ, швейномъ, портняжномъ, пекарномъ, кондитерскомъ и т. п. Въ этомъ письмѣ мнѣ хотѣлось бы развернуть передъ читателями картину общаго положенія французскихъ пролетаріевъ.

Для здороваго оптимизма нѣтъ темы болѣе интересной, какъ выработка человѣка въ тѣхъ самыхъ существахъ, которыхъ до сихъ поръ такъ мало баловалъ стихійный процессъ общественнаго развитія. Когда вспомнишь, съ какой энергіей античная мысль отрицала всякую возможность истинно человѣческаго существованія для людей, подавленныхъ и даже вообще занимающихся физическимъ трудомъ; когда представишь себѣ ясно монотонное, одуряющее теченіе жизни современныхъ рабовъ экономической необходимости, жизни, которая оскорбляетъ нравственное и эстетическое чувство всякаго искренняго зрителя хотя бы самаго буржуазнаго образа мыслей,—то положительно приходится удивляться внутренней силѣ человѣческой природы у этихъ „пасынковъ цивилизаціи", неудержимо стремящихся, не смотря на гнетущія условія жизни, къ солнцу свѣта и счастія!..

Я упомянулъ только-что о взглядѣ древнихъ мыслителей. Въ самомъ дѣлѣ, Аристотель ставитъ идеаломъ настоящаго человѣка

не заниматься никакимъ ремесленнымъ искусствомъ, ибо признакъ свободнаго человѣка жить независимо отъ другого *).

Онъ произноситъ даже еще болѣе рѣзкій приговоръ надъ трудящимися:

невозможно заниматься доблестными дѣлами (или, если хотите, „добродѣтельными" тому, кто живетъ жизнію ремесленника или наемника **).

Въ свою очередь разсудительный Ксенофонтъ, любящій обосновывать свои мнѣнія не столько на отвлеченныхъ соображеніяхъ, сколько на практическихъ наблюденіяхъ, высказываетъ слѣдующую характерную мысль:

... ремесленныя искусства и пользуются худой славой, и по справедливости очень презираются въ государствахъ, ибо они разрушаютъ тѣло работающихъ или занимающихся ими, заставляя ихъ вести сидячую жизнь въ тѣни, а нѣкоторыя проводить цѣлые дни передъ огнемъ. Но когда ослабляется тѣло, то и душа становится гораздо слабѣе. Такъ называемыя ремесленныя искусства требуютъ черезчуръ много времени, чтобы можно было заботиться о друзьяхъ и о государствѣ, такъ что люди, занятые ими, не въ состояніи, кажется, ни пользоваться дружбой, ни быть защитниками отечества ***).

И пусть теперь читатель сопоставитъ съ этимъ классическимъ текстомъ его современный комментарій въ видѣ описанія знаменитаго завода въ Крёзо талантливымъ репортеромъ буржуазно-бульварнаго „Фигаро". Вотъ что пишетъ, дѣйствительно, Жюль Гюре (Huret), котораго нельзя заподозрить въ какихъ-либо тенденціонныхъ преувеличеніяхъ:

Въ теченіе цѣлаго дня я прошелъ километры по мастерскимъ, составляющимъ Крёзо. Мое восхищеніе передъ этой удивительной организаціей, передъ этими чудовищными и послушными орудіями, которыя превращаютъ глыбы желѣза, вѣсящія 50 тоннъ, въ такое же мягкое тѣсто, ка-

*) Rhet. I, 9 (стр. 1367 Бекк.).
**) Pol. III, 5 (стр. 1278 Бекк.).
***) Oeconom. IV, 2—3.

ковъ лѣпной воскъ, скоро улеглось, и я былъ исключительно поглощенъ и охваченъ кишѣньемъ окружавшей меня человѣческой массы. Я говорилъ себѣ: такъ вотъ что такое „рабочій"! Рабочій, это не только человѣкъ въ блузѣ и картузѣ, который проходитъ мимо васъ на улицѣ и который внушаетъ вамъ страхъ своею невоспитанностью; человѣкъ, который работаетъ руками, у котораго мало денегъ, но сильный аппетитъ. Это не только человѣкъ, лишенный образованія и обладающій самыми элементарными понятіями, который выполняетъ въ общемъ свою роль и свое соціальное назначеніе, утомляя мускулы тѣла. Нѣтъ, нѣтъ, рабочій, это вотъ тѣ тысячи существъ, которыя мелькаютъ передъ жерлами горнилъ на жгучемъ іюльскомъ солнцѣ; тѣ землистыя, испитыя лица, съ лихорадочно горящими глазами, почтительно смотрящими на проходящаго посѣтителя, любопытство котораго возбуждается этими мокрыми лбами, этими красными вѣками, этими обгорѣлыми бровями, этими туловищами, съ которыхъ потъ струится ручьями. Это они-то, они ѣдятъ безъ всякаго аппетита, въ двухъ шагахъ отъ раскаленной печи, сидя на кучѣ металла, ѣдятъ хлѣбъ, который чернитъ ихъ руки, посыпаетъ, словно перцомъ, пыль и отравляетъ ужасный дымъ. Это они встаютъ въ шесть часовъ утра всякій день, да, всякій день, съ самаго ранняго дѣтства, чтобы замуровывать себя въ этихъ гигантскихъ сараяхъ, гдѣ все или черно или багрово... И они будутъ такъ продолжать жизнь и завтра, и въ будущемъ году, и всегда, до глубокой старости, не имѣя двухъ недѣль, не имѣя даже недѣли отдыха. Никогда, никогда они не узнаютъ спокойной и оживляющей нѣги голубыхъ озеръ и нормандскаго побережья; для нихъ никогда не будутъ существовать густые лѣса, зелень которыхъ такъ свѣжа и порою даетъ пріютъ капиталистамъ и откуда пришелъ сюда и самъ я, да я! И почему? почему? потому что для нихъ день безъ работы— день безъ хлѣба! Потому что у нихъ много дѣтей, и отцы ихъ были такими же бѣдняками!.. Затѣмъ, покончивъ съ этими приливами жалости, я сказалъ себѣ, что нужно же, чтобы кто-нибудь работалъ, что это законъ природы, что если не они, то я обливался бы на ихъ мѣстѣ потомъ, я охалъ бы возлѣ горна, на іюльскомъ солнцѣ... Да, я, можетъ быть, былъ бы вотъ этимъ пудлинговщикомъ съ обнаженнымъ туловищемъ, который, вотъ уже цѣлый часъ, всовываетъ и страшно ворочаетъ громадными желѣзными клещами въ этой раскаленной до бѣла печи *).

И что же? Не смотря на эти тяжелыя условія жизни, мысль и чувство все больше и больше работаютъ среди трудящихся массъ, которыя, наравнѣ съ „вопросами желудка" стремятся рѣшать вопросы человѣческаго достоинства и развитія. Интересно кстати, что тѣ самые рабочіе Крёзо, которые въ 1892 г. признавались Гюре, что физическая и нравственная „усталость" препятствуетъ имъ думать о какомъ-нибудь улучшеніи судьбы, всего восемь лѣтъ спустя, осенью только что истекшаго года, впервые заявили своему хозяину, католическому и авторитарному заводчику Шнейдеру, требованія экономическаго и гуманитарнаго характера. И солидарность, проявленная ими при этомъ коллективномъ актѣ, вылилась въ такія достойныя и вмѣстѣ

*) Jules Huret, *Enquête sur la question sociale en Europe;* Парижъ, 1897, стр. 21—23. Эта интересная книга составилась изъ статей, печатавшихся въ 1892 г. въ „Фигаро" и представляющихъ, рядомъ съ личными наблюденіями автора, результаты устныхъ и писанныхъ опросовъ различныхъ лицъ, начиная съ Ротшильда и Шнейдера и вплоть до Гэда и Бебеля.

импозантныя формы, что республиканское правительство было вынуждено стать посредникомъ между капиталомъ и трудомъ и, въ лицѣ Вальдека-Руссо, признать большинство требованій рабочихъ вполнѣ основательными. Замѣтьте, дѣло идетъ о Крёзо, персоналъ котораго считался до послѣдняго времени самымъ забитымъ и безсловеснымъ. Что же сказать о болѣе развитыхъ группахъ пролетаріата, представители котораго начинаютъ все чаще и чаще поражать буржуазію не только живымъ пониманіемъ теоретическихъ вопросовъ, но и своими организаторскими и административными способностями?

Я надѣюсь, что, просмотрѣвъ мой этюдъ, читатель отдастъ себѣ отчетъ въ характерѣ общаго движенія среди четвертаго класса Франціи. Я начну съ матеріальной стороны его быта, чтобы перейти затѣмъ къ работѣ мысли этого сословія и защищающей его интересы интеллигенціи. Само самою разумѣется, что обиліе и сложность вопросовъ, поднимаемыхъ задачею, которую я ставлю себѣ въ этой статьѣ, вынуждаютъ меня быть по возможности краткимъ, въ ущербъ живописному элементу и конкретнымъ подробностямъ. Что касается до общей точки зрѣнія, я постараюсь быть по возможности объективнымъ, въ особенности когда рѣчь будетъ заходить о соперничающихъ, но родственныхъ теченіяхъ въ теоріи и практикѣ пролетаріата, ибо, къ сожалѣнію, и здѣсь подтверждается справедливость старинной латинской поговорки о частыхъ распряхъ между близкими — rara concordia fratrum!...

Въ статьѣ о крестьянствѣ я указалъ, что общая эволюція французской экономической жизни не отличается особою быстротою, и что отсюда вытекаетъ тотъ нерѣшительный, неопредѣленный характеръ, который обнаруживается въ развитіи матеріальныхъ условій страны. Приведенныя мною прошлый разъ цифры позволяютъ сдѣлать такое заключеніе о деревнѣ; данныя, которыя я сейчасъ поставлю передъ глазами читателя, говорятъ о томъ же самомъ по отношеніи къ городу и собственно такъ называемой промышленности. Я не буду приводить снова уже сообщенныхъ мною прошлый разъ цифръ, изъ которыхъ видно, какъ сравнительно медленно растетъ промышленное населеніе. Но еще медленнѣе происходитъ процессъ концентраціи средствъ производства въ сферѣ промышленности. Сильное распространеніе мелкихъ ремеслъ и отраслей труда во Франціи уже давно остановило на себѣ вниманіе наблюдателей. Это ясно видно изъ пропорціи хозяевъ и рабочихъ въ различныхъ отрасляхъ промышленности, согласно статистикѣ занятій по предпослѣдней переписи (1891 г.). Дѣйствительно, если взять общее число „активнаго“ промышленнаго населенія (т. е. лицъ, непосредственно живущихъ индустріей,

помимо ихъ семействъ, и пр.), то окажется, что изъ 4.548,098 лицъ этой категоріи 1.021,659 принадлежатъ къ классу хозяевъ, 207,222 къ классу служащихъ и 3.319,217 къ классу собственно рабочихъ, *) т. е. что на каждыя 100 лицъ, живущихъ промышленностью, приходится 22,5 капиталистовъ и 77,5 наемниковъ, или, иначе говоря, на каждаго фабриканта приходится лишь $3^1/_2$ рабочихъ.

Отношеніе это, само собою разумѣется, измѣняется по различнымъ отраслямъ промышленности, начиная отъ наиболѣе сконцентрированнаго производства, металлургіи, въ которой считается 5,7% капиталистовъ и 94,3% рабочихъ, т. е. на одного фабриканта 16 рабочихъ, и кончая наименѣе сконцентрированной отраслью,—обработкою дерева, въ которой 45% капиталистовъ соотвѣтствуютъ 55% рабочихъ, т. е. на одного капиталиста приходится немногимъ болѣе одного рабочаго (1,22) **). Незначительная степень концентраціи всей вообще французской промышленности и объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что типичныя формы современной индустріи, опирающіяся на сосредоточеніе громадныхъ средствъ производства въ рукахъ капиталиста, — напр. рудники, копи, металлическіе заводы,—не играютъ здѣсь подавляющей роли; тогда какъ отрасли промышленности, допускающія мелкое производство,—въ родѣ изготовленія платья, строительнаго ремесла, обработки кожи, дерева, производства пищевыхъ средствъ, предметовъ роскоши и т. п. — сильно распространены по всей странѣ, а особенно въ колоссальномъ рабочемъ ульѣ Парижа. Даже прядильно-ткацкая промышленность, являющаяся любимой ареной крупнаго капитализма, не смотря на свою безотносительную важность для Франціи, не въ состояніи придать сильно концентрированный характеръ общему промышленному складу страны: въ 1891 г. эта отрасль занимала 722210 рабочихъ, т. е. больше, чѣмъ какая-либо другая взятая въ отдѣльности, но все же лишь немногимъ болѣе одной пятой общаго рабочаго персонала, состоявшаго, какъ мы видѣли, изъ 3319217 человѣкъ. ***)

Крайне интересные выводы о характерѣ французской индустріи должна намъ дать подробная статистика занятій по послѣдней переписи (29 марта 1896 г.). Но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ вышелъ лишь первый томъ этой статистики, заключающій черновой матеріалъ таблицъ по 15 департаментамъ, лежащимъ на сѣверъ и востокъ отъ Парижа (включая и Сенскій департаментъ съ самимъ Парижемъ). Характеръ этихъ данныхъ, которыя потребовали бы очень большой и кропотливой работы для того, чтобы можно было изъ нихъ сдѣлать окончательныя

*) *Résultats statistiques du dénombrement de 1891;* Парижъ, 1894, стр. 430—431.

**) Ibid., см. таблицу на стр. 318.

***) Ibid. стр. 287.

заключенія относительно концентраціи производства и которыя, кромѣ того, обнимаютъ лишь пятую часть всѣхъ департаментовъ Франціи,—этотъ характеръ упомянутой статистики не позволяетъ мнѣ отважиться на подобные выводы для всей страны. Но я остановился на нѣкоторыхъ наиболѣе интересныхъ элементахъ, заключающихся въ этихъ рядахъ цифръ, и вычислилъ для каждаго изъ 15 департаментовъ въ отдѣльности и для всѣхъ вмѣстѣ: число промышленныхъ заведеній, занимающихъ болѣе 1 рабочаго; цифру ихъ рабочаго персонала; число рабочихъ, приходящихся на 1 такое заведеніе; число работающихъ въ одиночку мелкихъ хозяевъ и рабочихъ-одиночекъ; наконецъ, отношеніе числа одиночекъ къ рабочему персоналу болѣе крупныхъ заведеній (принимая эту послѣднюю величину за 100). Результаты этихъ вычисленій я выражаю въ нижеслѣдующей таблицѣ:

ДЕПАРТАМЕНТЫ.	% промышленнаго населенія въ общемъ составѣ активнаго населенія.	Число пром. заведеній, заключающихъ болѣе 1 рабочаго.	Число рабочихъ въ заведеніяхъ этой категоріи.	Число рабочихъ на 1 заведеніе.	Число одиночекъ (хозяевъ и рабочихъ).	Сколько одиночекъ на 100 раб. болѣе крупныхъ заведеній.
1) Сѣверный	63,4	30589	385969	12,5	63949	16
2) Сенскій a) Парижъ	—	61766	517800	8,4	94624	18
2) Сенскій b) Пригороды	—	13801	129198	9,4	34013	27
. . . . .	54,3	75567	646998	8,5	128637	19
3) Арденновъ	52,4	5792	45039	7,7	1135	13
4) Вогезовъ	51,0	6045	67571	11,1	27152	40
5) Мерты-и-Мозели	50,2	5997	65670	11,1	19970	30
6) Соммы	47,3	11069	71184	6,4	30071	42
7) Па-де-Калэ	46,7	13202	124544	9,4	27994	22
8) Уазы	46,1	8872	54447	6,1	19883	36
9) Энъ	44,8	10659	63589	5,9	27083	42
10) Объ	43,0	5187	29923	5,8	14130	47
11) Сены-и-Уазы	41,5	13018	77191	5,9	28638	37
12) Марны	40,6	6961	52613	7,5	19027	36
13) Верхней-Марны	38,0	3572	21769	6,1	12192	56
14) Масскій	38,0	4158	24348	5,8	12732	52
15) Сены-и-Марны	36,5	6954	33507	4,8	14027	42
Общій итогъ и среднія	45,2	207642	1764322	8,5	453614	26*)

*) Взято и вычислено по оффиціальному документу Министерства торговли: *Resultats statistiques du recensement des industries et professions (dénombrement general de la population du 29 mars 1896);* Парижъ, 1899, т. I.

Разсмотрѣніе этой таблицы вызываетъ на слѣдующія соображенія. Взятая въ общемъ, полоса пятнадцати департаментовъ на сѣверъ и востокъ отъ Парижа принадлежитъ къ наиболѣе промышленнымъ районамъ Франціи, какъ въ томъ убѣждаетъ, между прочимъ, самый бѣглый взглядъ на отношеніе промышленнаго населенія ко всему активному населенію департаментовъ, которые расположены нами какъ разъ въ нисходящемъ порядкѣ этой пропорціи *). И дѣйствительно, изъ 15 департаментовъ первые пять принадлежатъ къ разряду очень промышленныхъ, слѣдующіе три (№№ 6—8) къ разряду промышленныхъ, еще слѣдующіе четыре (№№ 9—12) къ разряду смѣшанныхъ, но съ преобладаніемъ промышленной дѣятельности въ трехъ изъ нихъ и земледѣлія въ четвертомъ; и, наконецъ, три послѣднихъ принадлежатъ къ разряду земледѣльческихъ. Группа разсматриваемыхъ нами департаментовъ должна въ цѣломъ значительно превосходить своимъ индустріальнымъ характеромъ всю остальную Францію, въ которой можно найти едва два-три департамента (Луары, Роны, Нижней Сены), обладающіе столь же развитою промышленностью, какая замѣчается, по крайней мѣрѣ, въ полдюжинѣ департаментовъ изучаемой нами группы.

Приведенная нами выше таблица должна поэтому выражать экономическія условія наиболѣе индустріальнаго, а потому и наиболѣе подвергшагося вліянію капитализма района. И что же? Посмотрите, какъ даже въ этихъ мѣстностяхъ „неизбѣжные законы“ концентраціи средствъ производства находятся сравнительно далеко отъ своего окончательнаго выраженія. Среднее число рабочихъ на фабрику разсматриваемаго нами района не превышаетъ 8,5 рабочихъ, лишь въ четырехъ департаментахъ (Сѣверномъ, Вогезовъ, Мерты-и-Мозели и Па-де-Калэ), превышая эту пропорцію, а въ десяти въ болѣе или менѣе значительной степени не достигая ея, причемъ лишь пятнадцатый, Сенскій, департаментъ удачно выражаетъ среднюю концентрацію фабрикъ въ данномъ районѣ, т. е. уже упомянутую пропорцію 8 съ половиною рабочихъ на заведеніе. Можно ли сказать, что эти умѣренные размѣры средней фабрики свидѣтельствуютъ о сильно продвинувшемся впередъ процессѣ технической концентраціи? Напомню для сравненія, что по послѣднимъ имѣющимся у меня подъ рукою даннымъ (Департамента торговли и мануфактуръ) въ

*) Замѣчу, что во введеніи къ упомянутой статистикѣ (стр. 214) оффиціальный авторъ совершаетъ крупную ошибку въ вычисленіи, дѣлая для департамента Уазы отношеніе въ 63% (вмѣсто 46,1%; въ этомъ департаментѣ промышленностью заняты, дѣйствительно, 86108 лицъ изъ 186548 всего активнаго населенія). Я даю настоящее отношеніе, которое сводитъ Уазу со 2-го мѣста на 8-е, что оставляетъ этому департаменту довольно почетный рангъ, но препятствуетъ разсматривать его, съ авторомъ статистики, въ качествѣ „очень рѣзко индустріальнаго“.

Россійской Имперіи считалось въ 1893 г. 22,483 фабрикъ и заводовъ съ 1.406,775 рабочихъ обоего пола, что даетъ болѣе 62 рабочихъ на фабрику; и что если даже прибавить къ упомянутому числу фабрикъ цифру мелкихъ заведеній сь оборотомъ менѣе 1,000 рублей въ годъ (въ 1891 г. такихъ производствъ насчитывалось 103,360), то, считая лишь по одному рабочему на каждое такое заведеніе, среднее число рабочихъ на 1 заведеніе въ Россіи будетъ равно 12 (1.406,775 + 103,360 = 1.510,135 рабочихъ, распредѣляющихся между 22,483 + 103,360 = 125,843 заведеніями). Здѣсь будетъ кстати прибавить, что если бы мы употребили такой же пріемъ по отношенію къ изслѣдуемой нами группѣ французскихъ департаментовъ, принявъ въ разсчетъ 453,644 мелкихъ хозяевъ и рабочихъ-одиночекъ, то общее число рабочихъ на заведеніе упало бы въ данномъ случаѣ болѣе чѣмъ въ два раза, едва превосходя 3,3 рабочихъ на фабрику.

Надѣюсь, что изъ этой сравнительно-статистической экскурсіи въ Россію никто не сдѣлаетъ вывода, будто я хочу доказать наивную мысль о большей распространенности капитализма на далекомъ Востокѣ *). Я лишь этимъ сопоставленіемъ хотѣлъ показать, что во Франціи, гдѣ промышленность играетъ несравненно болѣе крупную роль, чѣмъ въ Россіи, тѣмъ не менѣе концентрація средствъ производства въ рамкахъ капитализма далеко не такъ значительна, какъ то принимаютъ обыкновенно на вѣру приверженцы формулы „эксплуатаціи эксплуататоровъ“. Ремесло до сихъ поръ отличается немалою живучестью во Франціи, и болѣе подробное изслѣдованіе нашей таблицы позволяетъ намъ вскрыть нѣкоторыя другія интересныя стороны вопроса. Я обращу вниманіе читателей прежде всего на то обстоятельство, что число рабочихъ, приходящееся на 1 заведеніе, т. е. степень концентраціи производства, не обнаруживаетъ строгаго параллелизма съ большимъ или меньшимъ развитіемъ промысловъ въ данномъ департаментѣ. Этотъ параллелизмъ наиболѣе удачно обрисовызается лишь на самыхъ крайнихъ концахъ нашей лѣстницы, верхняя ступень которой занята Сѣвернымъ департаментомъ, гдѣ 63,4% производителей живутъ промышленностью, а средняя фабрика заключаетъ въ себѣ до 12 съ половиною рабочихъ; нижняя же ступень занята департаментомъ Сены-и-Марны, гдѣ промышленность питаетъ 36,5% производителей, а на фабрику не приходится и 5 человѣкъ рабочихъ.

Повторяю, на противоположныхъ концахъ нашей скалы соотвѣтствіе принимаетъ наиболѣе удачныя формы. Но всѣ промежуточные члены обнаруживаютъ упомянутый общій параллелизмъ лишь въ томъ смыслѣ, что въ промышленныхъ департаментахъ

*) Это можетъ, напр., только означать сильное, но спорадическое развитіе русскаго капитализма въ немногихъ промышленныхъ центрахъ.

размѣръ производствъ вообще крупнѣе, чѣмъ въ земледѣльческихъ; отклоненія же, скачки и частныя противорѣчія очень часты и порою значительны. Такъ напр., Сенскій департаментъ, который слѣдуетъ сейчасъ же за Сѣвернымъ по промышленному характеру населенія (54,3%), уступаетъ по концентраціи производства тремъ департаментамъ, Вогезамъ, Мёртѣ-и-Мозели и Па-де-Калэ, которые однако занимаютъ лишь 4-е, 5-е и 7-е мѣсто по пропорціи промышленнаго населенія (51%, 50,2% и 46,7%): дѣйствительно, въ первомъ изъ этихъ трехъ департаментовъ средняя фабрика заключаетъ болѣе 11 рабочихъ, во второмъ тоже болѣе 11 рабочихъ, а въ третьемъ почти 9 съ половиною, тогда какъ Сенскій, — какъ мы уже видѣли выше, — насчитываетъ только 8 съ половиною рабочихъ. Съ другой стороны, очень промышленный департаментъ Арденновъ, который занимаетъ 3-е мѣсто по отношенію промышленнаго населенія ко всему активному населенію (52,4%), отступаетъ на 6-е мѣсто по числу рабочихъ на фабрикѣ (немногимъ болѣе 7 съ половиною человѣкъ), приближаясь съ этой точки зрѣнія къ департаменту Марны, гдѣ преобладаетъ уже земледѣліе, а промышленностью заняты лишь 40,6% активнаго населенія. Тому же дапартаменту Марны уступаетъ по размѣрамъ фабрикъ и очень промышленный департаментъ Соммы, въ которомъ индустріею заняты 47,3% производителей, тогда какъ на 1 заведеніе не приходится и 6 съ половиною человѣкъ. Промышленная Уаза имѣетъ то же среднее число рабочихъ на фабрикѣ (6,1), что и земледѣльческая Верхняя-Марна, которая превосходитъ концентраціей средствъ производства Энъ, Объ и Сену-и-Уазу, не смотря на то, что въ этихъ департаментахъ смѣшаннаго типа все же преобладаетъ промышленность.

Еще менѣе параллелизма обнаруживается между размѣрами фабрикъ и отношеніемъ числа одиночекъ къ числу рабочихъ въ болѣе крупныхъ заведеніяхъ, хотя вообще казалось бы, что чѣмъ далѣе зашелъ процессъ концентраціи производства, тѣмъ менѣе должно оставаться мелкихъ хозяевъ и отдѣльныхъ рабочихъ внѣ сферы притяженія крупнаго капитала. Здѣсь нельзя даже замѣтить строгаго соотвѣтствія на двухъ крайнихъ концахъ нашей лѣстницы, потому что если Сѣверный департаментъ занимаетъ 1-е мѣсто по пропорціи промышленнаго населенія и размѣрамъ фабрикъ, то отношеніе одиночекъ къ болѣе или менѣе объединеннымъ рабочимъ (16:100) выше, чѣмъ въ менѣе промышленномъ департаментѣ Арденновъ, гдѣ фабрика насчитываетъ менѣе 8 рабочихъ, тогда какъ минимальная пропорція одиночекъ (13:100) указываетъ на наибольшую напряженность капиталистическаго притяженія. На другомъ концѣ нашей лѣстницы мы находимъ Сену-и-Марну, гдѣ сравнительно слабое развитіе индустріи, особенно въ смыслѣ капиталистической концентраціи,

заставляетъ насъ ожидать и наибольшей пропорціи одиночекъ, тогда какъ эта пропорція (42 : 100) на самомъ-то дѣлѣ ниже относительнаго числа одиночекъ въ менѣе земледѣльческихъ департаментахъ Маасскомъ (52 : 100) и Верхней-Марны (56 : 100), въ полу-промышленномъ Объ (47 : 100) и равна пропорціи одиночекъ въ очень промышленномъ департаментѣ Соммы. Еще болѣе промышленный департаментъ Вогезовъ, который отличается, кромѣ того, сравнительными размѣрами фабрикъ (11,1 рабочихъ на одно заведеніе), поражаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ изслѣдователя очень значительнымъ числомъ производителей, не пристегнутыхъ къ колесу крупной эксплуатаціи: пропорція одиночекъ въ немъ не меньше 40 : 100. Словомъ, если читатель продолжитъ это сопоставленіе, то онъ самъ убѣдится, что формула концентраціи можетъ приниматься во Франціи лишь съ немаловажными ограниченіями.

Но это, само собою разумѣется, нисколько не мѣшаетъ тому, что изученіе матеріальныхъ и нравственныхъ сторонъ рабочаго вопроса и здѣсь является настоятельною задачею современности. Очень интересно, прежде всего познакомиться съ экономическими условіями жизни французскаго пролетарія. Ибо если я не пренадлежу къ сторонникамъ, такъ называемаго, экономическаго матеріализма, противъ узкаго толкованія котораго начинаютъ, впрочемъ, слышаться протесты со стороны наиболѣе умныхъ и талантливыхъ представителей школы, то, съ другой стороны, я вовсе не желаю ради борьбы противъ этого односторонняго направленія умышленно перегибать палку въ другую сторону и презрительно фификать на то, что является до сихъ поръ для громаднаго большинства людей предметомъ первостепенной важности. Я позволю себѣ привести поэтому поводу очень интересный взглядъ Сэнтъ-Бёва, у котораго читатель, можетъ быть, и не ожидаетъ встрѣтить реабилитацію „вопроса желудка“. Вдумчивый и тонкій авторъ такъ изображаетъ и такъ критикуетъ отношеніе доктринеровъ либерализма, въ родѣ Токвиля, къ февральской революціи:

. . . Онъ (Токвиль) почти совсѣмъ не придавалъ значенія чувствамъ и побужденіямъ, воодушевлявшимъ массы, и 1-го мая 1848 г. писалъ къ одному изъ своихъ честныхъ друзей, жившихъ въ Версали, а именно къ г. Бушиттэ, который, какъ кажется, не былъ свободенъ отъ наивнаго резонерства: „Вы правы, говоря, что боитесь матеріалистическихъ интересовъ только-что совершившейся революціи. Революція 1789 г. вылилась изъ ума и сердца націи; но послѣдняя революція отчасти порождена желудкомъ, и вкусъ къ матеріальнымъ наслажденіямъ игралъ въ ней громадную роль“. Здѣсь мы останавливаемъ этого превосходнаго, деликатнаго, благороднаго человѣка и говоримъ ему: нѣтъ вещи, болѣе за-

служивающей уваженія, чѣмъ желудокъ, и нѣтъ голоса, который говорилъ бы громче, чѣмъ голосъ нищеты. Большинство человѣчества волнуется и дѣйствуетъ не столько еще для того, чтобы наслаждаться, сколько для того, чтобы жить и поддерживать свое существованіе, и въ этомъ-то и состоитъ современная задача, которая, повидимому, если и не такъ благородна и достойна фигурировать на знаменахъ, то тѣмъ не менѣе является коренной и священной. *)

Запасшись этой мыслію, мы и попробуемъ поставить передъ глазами читателя нѣсколько общихъ цифръ, касающихся матеріальнаго положенія рабочихъ, и прежде всего въ крупной и средней промышленности. Очень важнымъ подспорьемъ въ этомъ отношеніи служитъ недавнее оффиціальное изслѣдованіе о „заработной платѣ и длинѣ рабочаго дня“ въ упомянутой уже сферѣ крупной и средней промышленности. Мы воспользуемся четвертымъ и послѣднимъ томомъ этого изслѣдованія (предпринятаго въ 1891—1893 г.), а именно „общими результатами“ его **). Изслѣдованіе охватило 2957 промышленныхъ заведеній (изъ которыхъ 451 въ Сенскомъ департаментѣ, а 2506 во всѣхъ остальныхъ) и 471800 рабочихъ, а присчитывая сюда казенныя заведенія и перевозочныя предпріятія, 674000 рабочихъ, т. е. отъ одной четверти до одной трети всего рабочаго персонала, принадлежащаго крупной и средней промышленности. Отсюда уже мы можемъ заключить, что данныя этого изслѣдованія выражаютъ, если и не вполнѣ точно средніе результаты для всей Франціи, то очень значительно приближаются къ нимъ. Изслѣдованіе коснулось типичной области фабричнаго капитализма, а именно сравнительно очень крупныхъ фабрикъ и заводовъ. Въ самомъ дѣлѣ, на каждое изслѣдованное заведеніе приходится среднимъ числомъ 155 рабочихъ и 115 паровыхъ лошадиныхъ силъ. Итакъ, каковы же различныя матеріальныя условія жизни этой промышленной арміи, находящейся подъ командою крупнаго капитала?

Замѣчу прежде всего, что эта армія слагалась изъ 3% мастеровъ и 97% простыхъ рабочихъ, а именно 71% мужчинъ, 18% женщинъ и 8% дѣтей. Средняя длина рабочаго дня (за вычетомъ отдыха) колеблется между 10 и 11 часами въ Сенскомъ департаментѣ. Въ провинціи около четверти всѣхъ заведеній работаютъ 12 часовъ; и тогда какъ въ Парижѣ обыкновенно уже совсѣмъ не находишь фабрикъ, работающихъ болѣе 12 часовъ, въ провинціи онѣ составляютъ 3% всѣхъ заведеній: по большей части это мелкія фабрики. За то рабочій день не превышаетъ 9 часовъ въ 6% провинціальныхъ заведеній: эти заведенія принадлежатъ

*) C. A. Sainte-Beuve. *Nouveaux lundis*; Парижъ, изд. 1899 г., т. X, стр. 317—318.

**) *Salaires et durée du travail dans l'industrie francaise*; Парижъ, 1897, т. IV: *Résultats généraux* (изд. „бюро труда“ при Министерствѣ торговли и промышленности).

къ разряду очень крупныхъ и состоятъ изъ рудниковъ, металлическихъ и стеклянныхъ заводовъ. Очень интересенъ вопросъ о прочности положенія рабочихъ на фабрикѣ: извѣстно, что защитники капиталистическаго строя и свободной конкурренціи съ необыкновеннымъ паѳосомъ распространяются о соотвѣтствіи этого режима съ личными интересами производителей и увѣряютъ насъ, что только лѣнивецъ не находитъ себѣ работы. И что же говорятъ цифры? Что лишь 91% средняго числа рабочихъ, занятыхъ промышленностью, работаютъ правильно въ теченіе цѣлаго года, и, значитъ, почти одна десятая часть то притягивается, то отталкивается процессомъ капиталистическаго производства, являясь такимъ образомъ игрушкой экономическихъ стихійныхъ силъ; и что на 100 рабочихъ, составляющихъ средній персоналъ фабрики, приходится около 140 рабочихъ, прошедшихъ въ теченіе года черезъ фабрику, и, стало быть, капиталистическое производство, для своего нормальнаго хода, требуетъ существованія арміи, чуть не въ полтора раза болѣе многочисленной, чѣмъ та, которая собственно нужна при современныхъ техническихъ условіяхъ. Иначе говоря, настоящій экономическій строй, нисколько не разбирая между правыми и виноватыми, трудолюбивыми и лѣнивцами, воздержными и пьяницами, обрекаетъ чуть не третью часть всего рабочаго населенія на хронически неправильный образъ жизни, лишенія, опасенія и страданія безработицы. Этотъ фактъ является недурной иллюстраціей къ вопросу о „резервной арміи". И кромѣ того, замѣтьте это, мы говоримъ здѣсь не о всемъ полчищѣ резерва, а о той части его, которая успѣваетъ всетаки временно пристегнуть себя къ колесу капиталистической эксплуатаціи и не порадуется этому обстоятельству.

Какова же плата великой промышленной арміи? Среднимъ числомъ на каждаго рабочаго (независимо отъ пола, возраста и профессіи) приходится въ день 3 фр. 75 сантимовъ. Заработная плата взрослаго мужчины не превышаетъ 4 фр. 20 сант. (равняясь 6 ф. 15 сант. въ Сенскомъ департаментѣ, но падая до 3 фр. 90 сант. во всѣхъ другихъ департаментахъ); заработная плата взрослой женщины достигаетъ всего лишь 2 фр. 20 сант. (а именно 3 фр. въ Сенскомъ департаментѣ и 2 фр. 10 сант. въ провинціи). Что касается до пропорціи, въ которой рабочій персоналъ слагается изъ различныхъ и различно оплачиваемыхъ профессій, то оффиціальное изслѣдованіе не могло установить это распредѣленіе на категоріи для всей Франціи и всѣхъ родовъ труда. Если судить по нѣкоторымъ отраслямъ промышленности, то громадное большинство рабочихъ, а именно 85%, получаютъ задѣльную плату, которая колеблется вверхъ и внизъ—вокругъ суммы, представляющей около трехъ четвертей средней приведенной нами выше платы. Это достаточно показываетъ, какъ малочисленна должна быть рабочая аристократія, которой, по мнѣ-

нію буржуазныхъ экономистовъ, нѣтъ ничего легче, какъ перейти въ ряды предпринимателей, благодаря высокой якобы платѣ *).

Какъ бы то ни было, сравненіе величины заработной платы въ различныхъ отрасляхъ труда позволяетъ сдѣлать нѣсколько выводовъ, которые идутъ въ разрѣзъ съ ходячими представленіями. Такъ, напр., нѣкоторые виды промышленности, въ родѣ работы въ рудникахъ, копяхъ и каменоломняхъ, ясно показываютъ, что заработная плата отнюдь не возвышается сообразно длинѣ рабочаго дня, но, наоборотъ, обнаруживаетъ извѣстный антагонизмъ съ продолжительностію труда: наивысшій заработокъ замѣчается тамъ, гдѣ рабочій день короче **). Точно также казалось бы, что тѣ профессіи, которыя требуютъ болѣе долгой подготовки и обученія ремеслу, должны и оплачиваться лучше: не тутъ-то было, ибо, напр., рабочіе на писчебумажныхъ фабрикахъ, шерсточесы и шерстобиты, ткачи, токари по дереву получаютъ въ среднемъ не болѣе простыхъ поденщиковъ. За то извѣстное вліяніе оказываютъ не столько знаніе ремесла и простая привычка, сколько напряженность вниманія и величина усилія при нѣкоторыхъ очень интенсивныхъ родахъ труда, напр. работѣ кузнеца при паровомъ молотѣ: въ этой послѣдней профессіи наблюдается самая высокая заработная плата, доходящая порою до 15 фр. въ день.

Очень интересенъ слѣдующій выводъ, который вырывается у составителей отчета, не смотря на то, что ихъ нельзя заподозрить въ систематической враждѣ къ капиталистическому строю:

Казалось бы, что поштучная работа, увеличивая производительность труда, должна благопріятствовать высокой заработной платѣ. Но дѣло не *всегда* (курсивъ въ подлинникѣ) обстоитъ такъ. Въ обычныхъ отрасляхъ производства, которыя издавна остаются тѣми же самыми, нѣтъ вообще разницы между поштучной и поденной платой за ту же работу; иногда рабочіе, оплачиваемые поденно, получаютъ больше, чѣмъ работающіе поштучно, вслѣдствіе спеціальныхъ качествъ, требуемыхъ отъ нихъ. Какъ бы то ни было, поштучная работа въ общемъ (?), кажется, выгоднѣе съ точки зрѣнія заработной платы ***).

Мы можемъ оставить въ сторонѣ послѣднюю фразу, выражающую нерѣшительную уступку банальному утвержденію фабрикантовъ, которые стараются увѣрить насъ, будто поштучная плата выгодна для рабочихъ, тогда какъ на самомъ-то дѣлѣ она выгодна для капиталиста, заставляющаго рабочихъ при помощи этой приманки трудиться съ большимъ напряженіемъ и оставлять въ рукахъ фабриканта большую прибавочную стоимость. Замѣчу кстати, что авторы оффиціальной статистики основываютъ свое

---

*) См. въ графическомъ альбомѣ, составляющемъ дополненіе къ тексту (*Album graphique*; Парижъ, 1897), таблицу XVII, которая наглядно показываетъ, какъ мало есть хорошо оплачиваемыхъ профессій.

**) *Salaires et durée du travail*, стр. 143.

***) l. c., стр. 20.

предположеніе на „незначительной“ разницѣ между поштучной и поденной платой въ Сенскомъ департаментѣ; а съ другой стороны, вынуждены тутъ же сознаться, что подобнаго разсчета ими не было сдѣлано ни для одного промышленнаго заведенія провинціи. За то правительственный документъ прямо говоритъ, какъ мы видѣли, что въ „обычныхъ“ производствахъ—а такихъ громадное большинство—нельзя замѣтить разницы между двумя формами платы. Отсюда слѣдуетъ, что такъ какъ поштучная плата вызываетъ большую интенсивность труда рабочаго и, стало быть, большую трату его силы, то этотъ способъ платежа почти всегда вреденъ для рабочаго.

Коснемся, наконецъ, вопроса о движеніи заработной платы и цѣны средствъ существованія за послѣдніе полвѣка. Это дастъ намъ возможность опредѣлить, улучшилось-ли положеніе рабочаго въ этотъ періодъ времени.

Съ формальной точки зрѣнія заработная плата увеличилась въ два раза (немного меньше для мужчины, немного больше для женщины: извѣстно, впрочемъ, что до сихъ поръ плата работницы почти въ два раза меньше платы рабочаго, хотя производительность мужского и женскаго труда отличается въ гораздо слабѣйшей степени; капиталистъ пользуется съ большою охотой трудомъ женщины, которая соглашается на болѣе тяжелыя условія эксплуатаціи). Итакъ, повторяю, заработная плата, выраженная формально, въ деньгахъ, увеличилась въ два раза. Но слѣдуетъ-ли изъ этого, что среднія условія жизни рабочаго, его среднія потребности, являющіяся необходимыми для даннаго историческаго момента, удовлетворяются въ два раза лучше? Нисколько. Въ самомъ дѣлѣ, какъ тратится въ настоящее время удвоенная заработная плата? Авторы отчета говорятъ, правда, намъ, что цѣнность „необходимыхъ издержекъ на квартиру, пищу, отопленіе, освѣщеніе, одежду“ увеличилась всего на 25%, т. е. лишь на четверть прежней цѣны. Но сейчасъ же вынуждены прибавить:

> Нельзя, однако, остаться при этой констатировкѣ. Въ дѣйствительности потребности увеличились и увеличиваются безпрерывно; то, что казалось излишкомъ раньше, стало необходимостью. И для насъ важно разсмотрѣть, сколько рабочій издерживаетъ въ настоящее время для удовлетворенія основныхъ потребностей существованія по сравненію съ тѣмъ, сколько онъ издерживалъ на тотъ же предметъ раньше *).

Резюмируя детальные результаты сравненія издержекъ въ половинѣ и въ концѣ этого вѣка, оффиціальный отчетъ заключаетъ, что „сумма, идущая на пищу и жилище, тоже удвоилась, т. е. потерпѣла то же самое измѣненіе, какъ и заработная плата“ **). Иначе говоря, все, что получаетъ рабочій, тратится имъ на под-

*) l. c., стр. 288.
**) l. c., стр. 290.

держаніе жизни, на удовлетвореніе насущныхъ потребностей, и ему ничего не остается на высшія потребности, не говоря уже о пресловутомъ сбереженіи. И этому удивляться нечего: потребности растутъ въ такой степени вмѣстѣ съ развитіемъ цивилизаціи, что организмъ потомковъ испытываетъ рѣшительныя лишенія и подвергается физіологическому недомоганію отъ неудовлетворенія тѣхъ потребностей, которыя предкамъ даннаго поколѣнія казались роскошью. Абсолютное повышеніе уровня комфорта для трудящихся массъ нисколько не исключаетъ его относительнаго пониженія по сравненію съ привилегированнымъ меньшинствомъ, которое только и пользуется цѣликомъ благами матеріальнаго прогресса. Вспомните знаменитый примѣръ куска мыла, приведенный Лассалемъ, который такъ удачно намылилъ этимъ предметомъ роскоши для дикаря и необходимости для европейца голову апологетовъ капиталистическаго строя.

Я хотѣлъ бы коснуться матеріальнаго быта рабочихъ въ мелкой промышленности. Но въ этой области у насъ нѣтъ до сихъ поръ такого изслѣдованія, которое охватило бы всю современную Францію. Съ другой стороны, я уже далъ нѣсколько статей, изображающихъ экономическія условія цѣлыхъ группъ парижской мелкой индустріи. Къ приведеннымъ уже мною въ прежнихъ корреспонденціяхъ работамъ Маруссэма объ игрушечникахъ, Бенуа о швеяхъ, оффиціальному изслѣдованію о производствѣ пищевыхъ средствъ, я могу, пожалуй, лишь прибавить оффиціальное же изслѣдованіе о всѣхъ отрасляхъ производства одежды въ Парижѣ. Общій выводъ изъ разсмотрѣнія условій мелкой промышленности тотъ, что экономическое положеніе трудящихся здѣсь еще хуже, чѣмъ въ крупной промышленности: рабочій день продолжительнѣе, заработная плата ниже и вообще формы эксплуатаціи безпощаднѣе. И это понятно, такъ какъ мелкій фабрикантъ можетъ выдерживать конкурренцію съ крупнымъ, лишь надрываясь самъ надъ самымъ ожесточеннымъ трудомъ и заставляя своихъ наемниковъ и помощниковъ зарабатываться до полнѣйшаго изнеможенія...

Посмотримъ теперь, какъ реагируетъ на эти условія французскій рабочій; и прежде всего, къ какимъ совершенно естественнымъ пріемамъ и формамъ практической солидарности онъ прибѣгаетъ, чтобы отстоять себя въ борьбѣ съ тяжелыми, только что изображенными нами условіями. Эти пріемы и формы можно уложить въ двѣ категоріи: это, во-первыхъ, стремленіе къ ассоціаціи и кооперативной дѣятельности, путемъ которой рабочіе надѣются уже въ рамкахъ современнаго строя выработать солидарную организацію труда; это, во-вторыхъ, стремленіе къ

временнымъ и постояннымъ коалиціямъ, къ стачкамъ и синдикатамъ, при помощи которыхъ пролетаріатъ борется за непосредственное улучшеніе условій своего быта: повышеніе заработной платы, сокращеніе рабочаго дня, охраненіе личнаго достоинства рабочихъ, и т. п. Но прежде, чѣмъ перейти къ изложенію результатовъ, которыхъ добилось четвертое сословіе въ обѣихъ только что упомянутыхъ сферахъ дѣятельности, мы должны дать самый бѣглый очеркъ общественной среды, въ которой развивалось рабочее движеніе во Франціи за истекающее столѣтіе, и главнымъ образомъ законодательства, регулировавшаго или, вѣрнѣе сказать, стѣснявшаго до самаго послѣдняго времени проявленія духа солидарности и ассоціаціи. Я воспользуюсь для этого историческаго очерка предисловіемъ къ оффиціальному изслѣдованію о „профессіональныхъ рабочихъ ассоціаціяхъ“ *) и обстоятельнымъ трудомъ Поля-Бонкура объ „экономическомъ федерализмѣ“ **),—трудомъ, который интересенъ особенно въ томъ смыслѣ, что авторъ его, занимающій крупное оффиціальное положеніе (при Вальдекѣ-Руссо), выражаетъ взгляды современнаго республиканскаго правительства.

Извѣстно, что дѣятели Великой революціи, разрушивъ цехи и корпораціи среднихъ вѣковъ и декретировавъ (по закону 2—17 марта 1791 г.) полнѣйшую свободу труда и профессіи для каждаго гражданина, скоро, подъ вліяніемъ тогдашнихъ экономическихъ и политическихъ условій, ступили на ложный путь подавленія кооперативныхъ стремленій. Декретъ національнаго собранія отъ 19-го ноября 1790 г., дававшій „право гражданамъ вступать въ мирныя ассоціаціи и образовывать свободныя общества между собою“ подъ условіемъ подчиненія законамъ, этотъ декретъ уступилъ мѣсто закону 14—17 іюня 1791 г., который строго воспрещалъ какую бы то ни было форму коллективной организаціи труда и даже простое соглашеніе между трудящимися, подъ тѣмъ предлогомъ, что новая конституція уничтожила „всякаго рода корпораціи гражданъ того же положенія и той же профессіи“. Какъ стачка рабочихъ, такъ и коалиціи фабрикантовъ наказываются безъ различія довольно тяжелыми штрафами, а въ извѣстныхъ случаяхъ и тюрьмой. Но уже законъ 22-го Жерминаля XI года (12 апрѣля 1803), вышедшій незадолго до превращенія перваго консула въ императора Наполеона I-го, проводитъ рѣзкую разницу между наказаніемъ рабочихъ и наказаніемъ патроновъ: первымъ грозитъ тюрьма во всякомъ случаѣ; вторымъ же лишь штрафъ, и притомъ только въ томъ случаѣ,

*) *Les associations professionnelles ouvrières,* I; Парижъ, 1899 (изд. бюро труда при Министерствѣ торговли).

**) J. Paul-Boncour; *Le fédéralisme économique. Étude sur les rapports de l'individu es des groupements professionnels;* Парижъ, 1900.

если бы они „путемъ несправедливости и злоупотребленія" пытались понизить плату. Этотъ духъ реакціи и неравенства передъ закономъ двухъ классовъ гражданъ еще рѣзче выражается въ статьяхъ 414—416 уголовнаго Свода законовъ, обнародованнаго при концѣ имперіи въ февралѣ 1810 г.: для зачинщиковъ стачки срокъ тюремнаго заключенія увеличивается съ 1—3 мѣсяцевъ до двухъ и даже до пяти лѣтъ; тогда какъ соглашеніе между капиталистами съ цѣлью исключенія извѣстныхъ рабочихъ считается вполнѣ дозволеннымъ. Замѣчу кстати, что тотъ же уголовный сводъ 1810 г. опредѣляетъ рядъ мѣръ противъ ассоціаціи вообще, и что до сихъ поръ всѣ ассоціаціи, кромѣ профессіональныхъ синдикатовъ (и то начиная лишь съ 1884 г.: см. объ этомъ ниже), находятся подъ ударомъ статей 291—294, которыя ставятъ существованіе общества, насчитывающаго болѣе 20 человѣкъ, въ полнѣйшую зависимость отъ согласія правительства.

Мѣщанская монархія, прикрывавшая знаменитымъ зонтикомъ „короля-гражданина" необузданную оргію буржуазіи, еще отягчила закономъ отъ 10 апрѣля 1834 г. (послѣ ліонскаго возстанія) кары, назначаемыя членамъ недозволенныхъ ассоціацій, даже разбивавшихся на группы менѣе, чѣмъ изъ 20 человѣкъ. И надо было стать во главѣ правленія временному правительству, выросшему изъ баррикадъ февральской революціи, чтобы законъ (собственно говоря, декретъ отъ 25-го февраля 1848 г.) призналъ за рабочими право „вступать въ ассоціаціи между собою съ цѣлью пользоваться выгодами труда". Декретъ отъ 4-го марта ограничилъ длину рабочаго дня для всѣхъ категорій трудящихся 10 часами для Парижа и 11 часами для провинціи. Іюньскіе и іюльскіе декреты представляли собою попытку способствовать, при помощи правительственнаго кредита и т. п., образованію и развитію производительныхъ ассоціацій. Но начавшаяся сейчасъ же послѣ іюльскаго возстанія реакція уже снова показала свои когти, и уступки, сдѣланныя было господствующими классами четвертому сословію, были очень скоро взяты назадъ. Декретъ 2-го августа 1848 г. съузилъ право собранія, тогда какъ декретъ 9-го сентября отмѣнилъ мартовскую мѣру, ограничивавшую 10 часами рабочій день, который могъ быть доведенъ теперь до 12 часовъ дѣйствительнаго труда. Что касается до права коалицій и стачекъ, то законъ 27-го ноября 1849 г., поставилъ на равную ногу рабочихъ и фабрикантовъ, наказывая одинаково и тѣхъ и другихъ за соглашеніе нарушить условія договора, „если была сдѣлана попытка или начало выполненія" такого соглашенія.

Имперія декабрьской ночи, заигрывая съ рабочими по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ, держала пролетаріатъ вообще въ ежовыхъ рукавицахъ, по крайней мѣрѣ въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ: такъ, если январьскій декретъ 1852 г. отдавалъ на ор-

ганизацію обществъ взаимопомощи часть конфискованныхъ имуществъ Орлеановъ, то апрѣльскій декретъ того же года возстановлялъ во всей силѣ статьи 291—294 уголовнаго свода, равно какъ законъ 1834 г. Смягченіе драконовскаго законодательства о коалиціяхъ и стачкахъ выразилось въ первый разъ въ законѣ 25-го мая 1864 г., который караетъ эти пріемы лишь въ томъ случаѣ, если они сопровождались „насиліемъ, оскорбленіемъ дѣйствіемъ, угрозами или недобросовѣстными маневрами,“ или если въ дѣло были пущены „штрафы, запрещенія и т. д. по заранѣе обдуманному плану“ (ст. 416). А въ послѣдніе годы уже начавшей играть въ либерализмъ имперіи было издано нѣсколько мѣръ, расширявшихъ границы коллективной дѣятельности. Такъ, законъ 6-го іюня 1868 г. далъ право организовывать публичныя собранія „безъ предварительнаго разрѣшенія“, хотя и подъ условіемъ заявленія мѣстнымъ властямъ объ „опредѣленномъ и спеціальномъ предметѣ собранія“; а нѣсколько раньше того, законъ 24-го іюля 1867 г. въ значительной степени облегчилъ образованіе рабочихъ производительныхъ ассоціацій. Рядомъ съ этимъ, администрація стала обнаруживать гораздо большую терпимость по отношенію къ профессіональнымъ рабочимъ ассоціаціямъ, извѣстнымъ подъ именемъ синдикальныхъ палатъ, которыя аналогичны подобнымъ же союзамъ капиталистовъ.

Новая и огромная волна реакціи, послѣдовавшая за подавленіемъ движенія 18-го марта 1871 г., смыла большинство этихъ уступокъ, и законъ объ Интернаціоналѣ отъ 14-го марта 1872 г., благодаря своей эластичной редакціи и строгимъ карамъ, отнялъ у рабочихъ всякую возможность преслѣдовать коллективныя стремленія на легальной почвѣ. Болѣе либеральныя мѣры охарактеризовали переходъ „республики безъ республиканцевъ“ къ демократической республикѣ, хотя до сихъ поръ на ея законодательствѣ тяготѣетъ кошмаръ страховъ и опасеній прошлаго. Какъ бы то ни было, законъ 30-го іюня 1881 г. облегчилъ условія для организаціи публичныхъ собраній (напр., отмѣнивъ необходимость заявленія о „предметѣ“ собранія, и т. п.). А продолжительныя усилія умѣренныхъ и радикальныхъ республиканцевъ между 1876 и 1884 г. привели, наконецъ, къ закону 21-го марта 1884 г., который далъ легальную почву для дѣятельности синдикатовъ. Этотъ законъ, при проведеніи котораго игралъ такую видную роль Вальдекъ-Руссо, отмѣняетъ статью 416 Уголовнаго свода,—статью, воспрещающую и фабрикантамъ и рабочимъ безъ различія „мѣшать свободѣ труда или промышленности путемъ штрафовъ, запрещеній и т. п., произносимыхъ по заранѣе обдуманному плану“,—и изнимаетъ профессіональные синдикаты изъ-подъ дѣйствія законовъ объ ассоціаціяхъ.

Согласно закону 1884 г., который регулируетъ существованіе

современныхъ синдикатовъ, эти синдикаты характеризуются тѣмъ, что „предметомъ ихъ являются исключительно изученіе и защита экономическихъ, промышленныхъ, торговыхъ и земледѣльческихъ интересовъ"; при чемъ члены ихъ принадлежатъ къ одной и той же или близко связанной съ нею профессіи, и въ качествѣ таковыхъ, даже будучи болѣе, чѣмъ въ числѣ 20, имѣютъ право „свободно организоваться безъ разрѣшенія правительства". Эти профессіональные синдикаты признаются юридическою личностью, хотя съ большими ограниченіями. Такъ, они могутъ производить сборъ съ своихъ членовъ и давать извѣстное употребленіе собраннымъ суммамъ, защищать свои интересы по суду, устраивать спеціальныя кассы взаимопомощи и пенсіонныя кассы; но пріобрѣтать недвижимую собственность они могутъ лишь такую, какая строго необходима имъ для собраній, библіотекъ, профессіональныхъ курсовъ, и т. п. Что касается до болѣе обширныхъ группъ, соединяющихъ въ одно цѣлое нѣсколько синдикатовъ, то эти союзы не обладаютъ правами юридической личности: они не могутъ пріобрѣтать никакой собственности, какъ не могутъ являться передъ судомъ. Въ настоящее время правительство „республиканской защиты" и занято вопросомъ о предоставленіи всѣхъ правъ юридической личности синдикатамъ и о распространеніи ихъ на союзы синдикатовъ.

Изъ послѣдующихъ (съ 1884 г.) мѣръ, касающихся пролетаріата, мы можемъ указать на законъ 2-го ноября 1892, который ставитъ предѣлы эксплуатаціи дѣтскаго и женскаго труда, ограничивая рабочій день подростковъ обоего пола, имѣющихъ менѣе 16 лѣтъ отъ роду, 10 часами дѣйствительнаго труда, а рабочій день женщинъ 11 часами и предписывая, чтобы для молодыхъ работниковъ и работницъ между 16 и 18 годами число недѣльныхъ часовъ не превышало 60 часовъ, а ежедневныхъ 11 часовъ *); на законъ 27-го декабря 1892 г., устанавливающій третейскій (необязательный) судъ между рабочими и капиталистами, и на учрежденіе при министерствѣ торговли бюро или, если хотите, департамента труда (office du travail), декретъ объ организаціи котораго появился въ Journal officiel 21-го августа 1891 г. Первый шагъ къ демократизаціи состава этого учрежденія, члены котораго назначались министромъ, былъ сдѣланъ осенью прошлаго года, по декрету отъ 1-го сентября 1899 г., изданному по иниціативѣ Милльерана и предоставлявшему треть мѣстъ (22 изъ 66) лицамъ, избраннымъ рабочими (другая треть должна заполняться лицами, выбранными капиталомъ, а послѣдняя лицами, назначенными парламентомъ и администраціей). Подъ влія-

*) См. интересныя подробности о перипетіяхъ выработки этого закона въ сборникѣ: A. Hamon, *La France sociale et politique* (1891); Парижъ, 1893, стр. 52—64.

ніемъ же Мильерана былъ вотированъ (22-го декабря 1899 г.) палатою и переданъ на обсужденіе сената законопроектъ, измѣнявшій законъ 2-го ноября 1892 г. и возбудившій такія страстныя пренія среди соціалистической партіи Франціи. Согласно этому проекту, для всѣхъ категорій рабочихъ, въ томъ числѣ и для взрослыхъ, продолжительность дѣйствительнаго рабочаго дня опредѣлена въ 11 часовъ, причемъ черезъ два года эта цифра должна быть сведена до 10½ часовъ, а еще черезъ два года до 10 ч. Пока, значитъ, продолжительность труда увеличена для дѣтей на 1 часъ, но за то день взрослыхъ рабочихъ легально пониженъ до 11 часовъ, съ тѣмъ, чтобы черезъ четыре года упасть до общаго десятичасоваго уровня. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ критику свѣтлыхъ и темныхъ сторонъ новаго законопроекта. Но важно отмѣтить указаніе защитниковъ его на злоупотребленія фабрикантовъ, выроставшія по почвѣ неодинаковой длины труда для взрослыхъ и дѣтей, и невозможность контролировать выполненіе на практикѣ закона 1892 г., вслѣдствіе чего дѣти фактически работали въ громадномъ большинствѣ случаевъ столько же, сколько и взрослые. Новый проектъ, по мнѣнію его авторовъ, и долженъ путемъ однообразнаго для всѣхъ рабочихъ дня искоренить эти злоупотребленія.

Итакъ, мы разсмотрѣли тѣ юридическія условія, въ рамкахъ которыхъ французскій пролетаріатъ долженъ былъ проявлять свои коллективныя стремленія. Посмотримъ теперь на различныя формы тѣхъ стремленій, начиная, какъ мы уже то рѣшили раньше. съ производительныхъ рабочихъ ассоціацій. Въ оффиціальномъ изслѣдованіи этихъ организацій *) мы находимъ интересныя данныя, которыя позволяютъ намъ видѣть сравнительную слабость этого движенія. Дѣйствительно, число этихъ производительныхъ группъ очень малочисленно, и развитіе ихъ задерживалось не одними только политическими условіями,—напр., большею или меньшею терпимостью властей и буржуазіи, но и внутренними чисто-экономическими причинами, о которыхъ мы скажемъ ниже. Исторія производительныхъ ассоціацій можетъ быть обрисована нѣсколькими словами и цифрами.

Практическую иниціативу кооперативнаго движенія приписываютъ обыкновенно католическому соціалисту Бюшэ (Buchez), основавшему въ сентябрѣ 1831 г. ассоціацію столяровъ, Но ассоціація эта въ сущности никогда не функціонировала, и приложеніе кооперативной идеи къ дѣйствительности принадлежитъ группѣ ювелировъ, которые въ 1834 г. основали

*) *Les associatons ouvrières de production;* Парижъ, 1897 (изд. бюро труда).

ассоціацію, проявившую значительную солидарность между членами и продержавшуюся въ теченіе сравнительно долгаго времени. Идея кооперативной организаціи, что называется, дремала до самаго 1848 г. Затѣмъ, подъ вліяніемъ радужныхъ иллюзій, возбужденныхъ февральской революціей, это теченіе сразу усилилось, и въ промежутокъ между 1848 и 1851 г. создалось около двухъ-сотенъ рабочихъ обществъ. Декабрьскій переворотъ и императорская реакція безжалостно растоптали ростки молодыхъ организацій, и съ 1852 по 1863 г. число рабочихъ ассоціацій не превышало двадцати. Ослабленіе политическаго гнета, возвѣщавшее наступленіе либеральнаго періода второй имперіи, сказалось на возрастаніи цифры производительныхъ обществъ: въ 1865 г. къ двумъ-тремъ десяткамъ уже существовавшихъ организацій прибавилось тридцать вновь основанныхъ, и движеніе постепенно усиливалось вплоть до 1870 г. Новый крахъ надеждъ пролетаріата парализуетъ на цѣлые годы кооперативное теченіе, которое начинаетъ крѣпчать понемногу лишь съ 1881 г., когда на сцену выступаютъ около двадцати новыхъ обществъ; но и на этотъ разъ теченіе продолжается, все слабѣя и слабѣя, приблизительно до 1885 г. Съ 1886 г. волна коопераціи идетъ рѣшительно на убыль, и нѣкоторое оживленіе обнаруживается лишь ко времени парижской выставки 1889 г. Съ тѣхъ поръ, стремленіе къ ассоціаціи обнаруживаетъ извѣстную жизненность, особенно съ 1893 г.

Самыя послѣднія статистическія данныя, относящіяся къ 1-му января 1897 г., указываютъ на существованіе 184 производительныхъ рабочихъ обществъ. Подробная статистика за 1895 г. высчитываетъ цифру ихъ въ 172; число членовъ превосходитъ нѣсколько 9.000 человѣкъ, изъ которыхъ половина работаетъ въ кооперативныхъ мастерскихъ, тогда какъ цифра рабочихъ со стороны, оплачиваемыхъ ассоціаціями, колеблется между 6,700 и 4.300 человѣкъ. Номинальный капиталъ обществъ равняется 13.050.000 фр., изъ которыхъ 11.715.000 фр. уже внесено; годовой оборотъ уже простирается до 29.900.000 фр., а прибыль 100 обществъ, дающихъ барыши, составляетъ 2.410.000 фр. Эти цифры, не смотря на свою довольно большую абсолютную важность, поражаютъ своею незначительностію, если сравнить ихъ съ общимъ экономическимъ складомъ страны. Въ самомъ дѣлѣ, что такое 9.000 членовъ ассоціацій на 3.600.000 рабочихъ, занятыхъ во Франціи промышленностью и перевозкою? Четверть процента *), или капля въ морѣ! И къ подобному же заключенію приходишь, сравнивая ассоціаціонный капиталъ съ общимъ капиталомъ страны, вложеннымъ въ промышленныя предпріятія.

Обратите, съ другой стороны, вниманіе на самый характеръ

*) l. c., стр. 551.

организаціи, носящей звучное названіе производительной ассоціаціи. Настоящими представителями труда въ этихъ обществахъ являются лишь тѣ члены, которые, дѣйствительно, работаютъ въ кооперативныхъ мастерскихъ; но такихъ, какъ мы видѣли, не болѣе половины. Остальная же половина представляетъ собою капиталистовъ, нуждающихся для своего существованія въ наемныхъ рабочихъ, которые почти также эксплуатируются ассоціаціями, какъ и заправскими капиталистами. Я хотѣлъ бы еще указать на одну темную сторону современныхъ коопераций, сторону, значеніе которой невѣрно оцѣнивается авторами отчета *), находящимися подъ давленіемъ буржуазныхъ идей. Среди ассоціацій происходитъ безпрестанный процессъ выработки дѣловой аристократіи, которая вербуется изъ директоровъ, кассировъ, техниковъ и вообще административнаго штаба и, не довольствуясь крупною ролью, играемою ею въ организаціи, стремится извлекать непосредственныя матеріальныя выгоды изъ своего положенія.

Всѣ эти обстоятельства тяжело давятъ на развитіе настоящей коопераціи, которая, по мнѣнію самихъ же авторовъ изслѣдованія, должна представлять собою „попытки, дѣлаемыя рабочими съ цѣлію постепенной замѣны наемнаго труда ассоціаціей.“ И можно понять отрицательное отношеніе къ коопераціи со стороны многихъ послѣдовательныхъ соціалистовъ, которые полагаютъ, что ассоціація въ рамкахъ современнаго строя осуждена на безсиліе, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ рабочимъ не достаетъ капиталовъ; а это, при господствѣ свободной конкурренціи, заставляетъ кооперацію фатально гибнуть подъ ударами крупныхъ фабрикантовъ, въ лучшемъ же случаѣ превращаетъ рабочую организацію въ каррикатуру буржуазнаго производства съ его дѣленіемъ на капиталистовъ, директоровъ, техниковъ и простыхъ наемниковъ **).

Но тутъ, мнѣ кажется, не мѣшаетъ внести поправку и сказать, что по мѣрѣ того, какъ рабочій классъ вырабатываетъ свое самосознаніе, по мѣрѣ того, какъ онъ начинаетъ понимать, что кооперація, дѣйствующая въ рамкахъ современнаго строя, не можетъ именно по этому самому вытѣснить настоящую экономическую организацію; по мѣрѣ этого и увлеченіе принципомъ непосредственнаго коллективнаго производства теряетъ свои вредныя стороны, и кооперація начинаетъ играть свою настоящую воспитательную роль: служить школой для выработки техническаго умѣнья руководить общимъ предпріятіемъ и для

*) l. c., стр. 9 предисловія (обращенія къ министру).

**) См. страстную критику коопераціи Гэдомъ въ сборникѣ его старыхъ статей: Jules Guesde, *Le socialisme au jour le jour*; Парижъ, 1899, стр. 327—332.

воспитанія чувствъ дѣятельной, практической, а не отвлеченной только солидарности.

Замѣчу, что знаменитый стеклянный заводъ въ Альби, устроенный главнымъ образомъ по иниціативѣ и благодаря усиліямъ Жореса, является яркимъ доказательствомъ того, что пролетаріатъ начинаетъ становиться именно на только что указанную мною точку зрѣнія: согласно уставу этого заведенія, оно дѣйствуетъ вовсе не съ цѣлію доставлять дивиденды рабочимъ акціонерамъ, но съ цѣлію служить потребностямъ всего пролетаріата и всего рабочаго класса Франціи. Рабочіе получаютъ на немъ высшую плату, чѣмъ въ сосѣднихъ заводахъ, принадлежащихъ капиталистамъ, но отнюдь не представляютъ собою собственниковъ заведенія; всѣ барыши идутъ членамъ синдикатовъ, производительныхъ и потребительныхъ коопераций, являющихся въ совокупности акціонерами завода *).

Гораздо большее значеніе, чѣмъ кооперація, имѣютъ временные и постоянные союзы рабочихъ (стачки, синдикаты и т. п.), которые, не претендуя на коренное измѣненіе современнаго строя, стремятся при настоящихъ условіяхъ и въ сферѣ наемнаго труда улучшить матеріальное и нравственное положеніе пролетаріата. Что касается до стачекъ, то мы ниже коснемся ихъ причинъ. А пока читатель можетъ бросить взглядъ на статистику преслѣдованій противъ стачечниковъ за четыре разные періоды законодательства. Съ 1825 по 1847 г. включительно, т. е. за 23 года, число судебныхъ преслѣдованій (за „коалиціи") равнялось 1,251, или 54 въ годъ, число обвинявшихся 7,148, или 301 въ годъ, а число оправданныхъ 1,987, что составляетъ 27% всего числа привлекавшихся къ суду. Въ теченіе 17-лѣтняго періода между 1848 и 1864, число преслѣдованій (за „коалиціи") равнялось 1,144, или 67 въ годъ, число обвинявшихся 6,812, или 401 въ годъ, а число оправданныхъ 1,034, т. е. 15% всего числа судившихся. За 21 годъ, между 1864 и 1884 г., число дѣлъ (по „нарушенію свободы труда и промышленности") равнялось 1,027, или 49 въ годъ, число привлекавшихся къ отвѣтственности 3,014, или 143 въ годъ, а число оправданныхъ 313, т. е. 10% всего числа судившихся. Наконецъ, съ 1884 по 1896, за 12 лѣтъ число преслѣдованій (за „насилія, угрозы, злостные маневры") равно 1,329, или 111 въ годъ, число преслѣдовавшихся 2,652, или 221 въ годъ, а число оправданныхъ 215, т. е. 8% всего числа привлекавшихся къ отвѣтственности *). Если сопоставить по пе-

*) *Les associations ouvrières de production*, стр. 308.

**) Вычислено мною по таблицамъ на стр. 27, 40, 49, 50 оффиціальнаго изслѣдованія *Les associations professionelles ouvrières*.

ріодамъ добытые нами результаты, то окажется, что, не смотря на разницу законодательствъ въ различныя эпохи, колебанія въ среднемъ числѣ разбиравшихся дѣлъ и судившихся лицъ значительны, но не чрезмѣрны; а главное обнаруживаются то въ ту, то въ другую сторону, хотя измѣненіе законодательства шло, наоборотъ, въ одномъ направленіи, а именно къ смягченію каръ и расширенію права стачки. Такъ, во второй періодъ, когда наказаніе за коалиціи распространилось и на фабрикантовъ, число дѣлъ по стачкамъ рабочихъ возрасло; а въ третій періодъ, отмѣченный ослабленіемъ каръ по закону 1864 г., наоборотъ, уменьшилось; въ послѣдній же періодъ, характеризующійся (начиная съ закона 1884 г. о синдикатахъ) полнымъ признаніемъ правъ стачки, кромѣ прямого „насилія" и т. п., число дѣлъ опять поднялось. За то очень интересно постепенное и правильное паденіе пропорціи оправданныхъ по періодамъ (27%, 15%, 10% и, наконецъ, 8%): законъ становится мягче, но строгость преслѣдованія въ предѣлахъ смягчающагося законодательства какъ бы возрастаетъ. Я думаю, эта видимая аномалія объясняется тѣмъ, что свирѣпость болѣе ранняго законодательства, наказывавшаго за голый фактъ стачки, должна была втягивать въ преслѣдованія и правыхъ, и виноватыхъ безъ разбора, и судьи были вынуждены оправдывать болѣе значительное число лицъ, посаженныхъ какъ попало на скамью подсудимыхъ.

Самое число стачекъ растетъ съ каждымъ годомъ, но прямая успѣшность ихъ колеблется изъ года въ годъ. По послѣднимъ даннымъ оффиціальной статистики, относящимся къ 1898 г., число стачекъ въ этомъ послѣднемъ году дошло до 368; онѣ захватили 1967 заведеній и 82065 рабочихъ. (Въ 1897, число стачекъ равнялось 356, число заведеній, затронутыхъ стачкой 2568, число стачечниковъ 68875). Въ 1898 г. пропорція удачныхъ забастовокъ составляла 20,38%, пропорція неудачныхъ 46,20%, пропорція забастовокъ, завершившихся компромиссомъ между фабрикантомъ и рабочими, 33,42%. *) Такимъ образомъ, вопреки обычному мнѣнію о фатальномъ неуспѣхѣ стачекъ, лишь менѣе половины забастовокъ кончились полнымъ фіаско. Но было бы наивно отрицать, что непосредственные результаты стачки по большей части не окупаютъ принесенныхъ жертвъ, и въ этомъ отношеніи буржуазные экономисты совершенно правы...

Наиболѣе мыслящіе представители пролетаріата вовсе не смотрятъ однако на стачки, какъ на отрадное явленіе, какъ на благо для трудящихся, но какъ на неизбѣжное зло, къ которому порою нужно прибѣгать, чтобы избѣгнуть еще большаго зла...

Всевозможные разсказы о вожакахъ пролетаріата, якобы

---

*) *Statistique des grèves et des recours à l'arbitrage survenus pendant l'annee 1898;* Парижъ, 1899, стр. VII—VIII.

развозящихъ ядъ стачечной эпидеміи по всей Франціи, должны быть отнесены къ разряду легендъ, которыми буржуазная печать старается навести страхъ на душу имущихъ классовъ. И къ этой же категоріи фантастичныхъ сказаній должно отнести увѣренія той же печати на счетъ громадной роли, которую будто бы играютъ въ возбужденіи стачекъ рабочіе синдикаты. Даже осторожные авторы оффиціальной статистики указываютъ на неосновательность подобныхъ соображеній:

. . . во многихъ умахъ, склонныхъ къ черезчуръ легкому обобщенію, слово „синдикатъ" вызываетъ идею о столкновеніи и стачкѣ. Но что это сближеніе далеко не всегда основательно, показываетъ статистика стачекъ, ежегодно публикуемая бюро труда, ибо въ 47% отмѣченныхъ стачекъ было констатировано, что въ профессіи стачечниковъ совсѣмъ не существовало синдиката; а что въ другихъ случаяхъ синдикаты не всегда вмѣшивались и не всегда оказывали стачечникамъ нравственную или матеріальную поддержку. *)

Въ сущности говоря, приходится сказать даже совершенно обратное: дѣятельность синдикатовъ зачастую прекращаетъ стачку въ самомъ началѣ, заставляя организованныхъ рабочихъ вести съ большею цѣлесообразностію переговоры съ капиталистомъ и создавая почву для обращенія къ третейскому суду. Въ настоящее время среди пролетаріата замѣчается все болѣе и болѣе стремленіе прибѣгать къ посредничеству, которое установлено уже упомянутымъ нами закономъ отъ 27-го декабря 1892 г. и хорошимъ образчикомъ котораго является третейскій приговоръ, произнесенный Вальдэкомъ-Руссо по желанію рабочихъ въ Крёзо и ихъ хозяина, заводчика Шнейдера. Мы такимъ образомъ естественно переходимъ къ дѣятельности и значенію синдикатовъ. Насъ, собственно говоря, интересуютъ въ данной статьѣ лишь синдикаты рабочихъ; но мы сопоставимъ данныя и о другихъ синдикатахъ. По послѣднимъ оффиціальнымъ даннымъ, къ 1-му января 1899 г. насчитывалось 2361 рабочихъ синдикатовъ съ 419761 членовъ, тогда какъ синдикатовъ капиталистовъ было 1965 съ 151624 членовъ, смѣшанныхъ синдикатовъ 176 съ 34236 членовъ, земледѣльческихъ 1824 съ 491692 членовъ. **) Если оставить въ сторонѣ земледѣльческіе синдикаты, о которыхъ я говорилъ въ недавной статьѣ о крестьянствѣ, то сейчасъ же бросается въ глаза преобладаніе рабочихъ синдикатовъ и въ особенности ихъ сравнительно быстрое распространеніе. Въ 1884 ихъ насчитывалось 68, тогда какъ хозяйскихъ синдикатовъ было 101, въ 1890 число рабочихъ синдикатовъ уже дошло до 1006, перегнавъ такимъ образомъ тоже значительно возросшее число хозяйскихъ синдикатовъ (1004), и еще болѣе сильное дви-

*) *Les assoeiaionss professionnelles ouvrières*, стр. I.

**) См. издаваемый министерствомъ торговли ежегодникъ: *Annuaire des syndicats professionels industriels, commerciaux et agricoles;* Парижъ, 1899, годъ X (1898—1899), стр. XXXI.

женіе обнаружилось въ числѣ членовъ, которыхъ къ тому времени насчитывалось уже 139692 въ рабочихъ синдикатахъ (сравнительно съ 93411 членами хозяйскихъ синдикатовъ). Наконецъ, въ 1899, какъ мы видѣли, число рабочихъ синдикатовъ превосходило болѣе чѣмъ на одну пятую число хозяйскихъ (2361 и 1965), а число членовъ ихъ было чуть не въ три раза болѣе числа членовъ хозяйскихъ (419761 съ 151624).

Не мѣшаетъ замѣтить, впрочемъ, что за послѣдніе три года синдикальное движеніе рабочихъ потерпѣло нѣкоторый застой, и даже прямо пошло на убыль по числу членовъ съ 1-го января 1898 г. по 1-е января 1899 г.: это уменьшеніе превосходитъ 18000, такъ какъ въ предпослѣднемъ году статистики число членовъ достигало 437793. Правда, еще болѣе сильное паденіе замѣчается за послѣдній годъ въ числѣ членовъ хозяйскихъ синдикатовъ: съ 189514 въ началѣ 1898 г. оно упало до 151624 въ началѣ 1899, что составляетъ почти 38000, или болѣе одной пятой всего числа. Насколько можно судить по нѣкоторымъ частнымъ явленіямъ, ослабленіе синдикальнаго рабочаго движенія объясняется страшнымъ усиліемъ фабрикантовъ сломить ростущую организацію пролетаріата. Но это усиліе стоило крупныхъ жертвъ и самимъ капиталистамъ, значительная часть которыхъ покинула армію своей коалиціи.

Замѣчу, что, кромѣ простыхъ синдикатовъ, функціонируютъ еще и синдикальные союзы, представляющіе федерацію синдикатовъ одной и той же профессіи, но разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ, а также такъ называемыя „биржи труда", являющіяся организаціей синдикатовъ различныхъ профессій, но дѣйствующихъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Въ этой сферѣ, такъ сказать, сложныхъ экономическихъ организмовъ, по отношенію къ которымъ простой синдикатъ играетъ роль основной клѣточки, рабочіе берутъ рѣшительный перевѣсъ надъ капиталистами: на 96588 фабрикантовъ, состоящихъ членами синдикальныхъ союзовъ своего класса, приходится 312185 членовъ рабочихъ союзовъ, т. е. въ три съ половиною раза больше; что касается до „биржъ труда", то онѣ представляютъ собой исключительно рабочую группировку, заключающую въ 1899 г. 159284 членовъ.

И немудрено, если это движеніе начинаетъ останавливать на себѣ взоры и друзей, и враговъ, и просто безпристрастныхъ наблюдателей рабочаго класса: въ противоположность ничтожной пропорціи пролетаріевъ, захваченныхъ кооперативнымъ движеніемъ, армія синдикатовъ заключаетъ въ своихъ рядахъ около 12%, или, по крайней мѣрѣ, одну восьмую часть всего промышленнаго пролетаріата Франціи. Интересно, что уже цитированный нами авторъ „Экономическаго федерализма", не ограничиваясь этимъ многозначительнымъ заглавіемъ своей книги, очень умѣло и обстоятельно доказываетъ, что это движеніе нисколько не про-

тиворѣчитъ принципамъ великой французской революціи, столь часто призываемымъ всуе либеральными и даже консервативными буржуа. Онъ приглашаетъ читателей обращать вниманіе не на букву, а на духъ знаменитаго переворота и объясняетъ отрицательное отношеніе законодателей этой эпохи къ ассоціаціи тогдашними условіями дѣйствительности. Громадное большинство рабочаго класса принадлежало въ то время къ разряду мелкихъ ремесленниковъ, которымъ мѣшала свободно жить своимъ трудомъ средневѣковая регламентація. Уничтоженіе корпорацій было поэтому встрѣчено трудящимися этой многочисленной категоріи съ большимъ восторгомъ. Съ другой стороны, крупная фабрика существовала тогда развѣ въ формѣ монопольныхъ мануфактуръ, и число рабочихъ въ этихъ предпріятіяхъ было ничтожно. Этимъ и объясняется, почему „запрещеніе профессіональной группировки произвело такъ мало волненія въ странѣ“ *). Не было еще опредѣленнаго и обособленаго класса пролетаріевъ, для которыхъ лишь по мѣрѣ концентраціи средствъ производства въ рукахъ капиталистовъ вопросъ о правѣ и возможности организоваться пріобрѣлъ громадное значеніе.

Авторъ, изучая общественную эволюцію, приходитъ къ заключенію, что въ настоящее время рабочіе неотразимо сливаются въ группы, которымъ и принадлежитъ задача защиты интересовъ каждаго отдѣльнаго члена, и ставитъ смѣло необходимымъ требованіемъ современности „признаніе со стороны французскаго законодательства экономическаго господства профессіональныхъ группъ“ **). Съ этой точки зрѣнія авторъ и признаетъ за рабочими организаціями,—какъ временными, такъ и постоянными, какъ стачками, такъ и синдикатами, — право предписывать большинствомъ голосовъ извѣстное поведеніе меньшинству и отдѣльнымъ членамъ и принимать коллективныя мѣры штрафовъ, запрещеній и т. п. противъ ослушниковъ. Если мы обратимъ вниманіе на то, что въ предисловіи къ книгѣ, принадлежащемъ перу Вальдэка-Руссо, теперешній министръ внутреннихъ дѣлъ увѣщеваетъ читателей Бонкура „не бояться возможности“ экономическаго господства ассоціацій, то этотъ фактъ уже является яркимъ знаменемъ времени и симптомомъ крупнѣйшихъ перемѣнъ, которыя назрѣваютъ въ мірѣ труда. Кстати, не знаменательно-ли, что такой отчаянный индивидуалистъ, такой противникъ коллективной организаціи человѣческой дѣятельности, какъ Ивъ Гюйо, проектируетъ въ свою очередь полезность и необходимость договора фабриканта со всей совокупностью рабочихъ заведенія, такъ чтобы капиталистъ условливался платить извѣстную сумму за извѣстное количество труда всей своей рабочей арміи и уже не вмѣшивался бы въ контроль и внутренніе распорядки фабрики?

Н. Кудринъ.

---

*) Boncour, l. c., стр. 57.
**) l. c. стр. 329.

Письмо въ редакцію.

Милостивый Государь

Господинъ Редакторъ.

Въ январьской книжкѣ журнала „Наблюдатель" въ отдѣлѣ „Отголоски" напечатано письмо полковника Арсенія Сташевскаго, бывшаго командира 5 полка Оренбургскаго казачьяго войска, осужденнаго Туркестанскимъ военно-окружнымъ судомъ за убійство редактора-издателя газеты „Русскій Туркестанъ", Аарона Александровича Сморгунера. Въ этомъ письмѣ находятся, между прочимъ, слѣдующія строки:

„Что же касается того, что будто бы „возлѣ г. Сморгунера сгруппировалась вся мѣстная интеллигенція, чуждая интригъ, низкопоклонничества и заискиваній" *), то я скажу, что едва-ли можно назвать „интеллигенціей" *полуеврейскій кружокъ* **), сплотившійся вокругъ довольно темной личности, высланной административнымъ порядкомъ изъ г. Вѣрнаго и неизвѣстно даже имѣвшей ли право жительства въ г. Ташкентѣ (!!)... Удивляюсь теперь только тому ореолу, которымъ стараются окружить память человѣка съ довольно сомнительной репутаціей".

Для возстановленія истины просимъ напечатать слѣдующее.

Ааронъ Александровичъ Сморгунеръ *никогда административнымъ порядкомъ изъ г. Вѣрнаго не высылался.* Тамъ онъ прожилъ около десяти лѣтъ ***), занимаясь адвокатурой, и на этомъ поприщѣ завоевалъ себѣ видное общественное положеніе: былъ юрисконсультомъ и гласнымъ Вѣрненской городской думы, а также членомъ Семирѣченскаго областного по городскимъ дѣламъ присутствія, былъ даже избираемъ въ

---

*) Арсеній Сташевскій цитируетъ статью Вл. Короленко „Два убійства" (См „Рус. Бог.", октябрь 1899 г.).

**) Курсивъ г-на Сташевскаго.

***) Юристъ-самоучка онъ въ 1887 г. былъ юрисконсультомъ Ташкентскаго отдѣленія государственнаго банка, которымъ въ 1888 году былъ командированъ въ г. Вѣрный для собранія свѣдѣній о возможности открыть отдѣленіе банка въ Вѣрномъ. Заведя тамъ знакомства и связи и получивъ отъ Семирѣченскаго областного правленія свидѣтельство частнаго повѣреннаго, Сморгунеръ остался въ г. Вѣрномъ.

городскіе головы, но просилъ думу освободить его отъ сложныхъ обязанностей головы, добросовѣстное исполненіе которыхъ (а иначе онъ къ общественнымъ дѣламъ не относился) мѣшало бы ему заниматься его излюбленнымъ дѣломъ—адвокатурой. Это общественное положеніе покойный промѣнялъ на жизнь въ г. Ташкентѣ, гдѣ ему приходилоось завоевывать такое же положеніе упорнымъ трудомъ, и промѣнялъ единственно потому, что рѣшилъ, помимо адвокатуры, вести газетное дѣло. Пріѣхалъ онъ въ г. Ташкентъ въ 1897 г. сначала для изданія газеты „Окраина", но потомъ, когда передача ему уже купленный имъ „Окраины" не состоялась, онъ въ 1898 г. основалъ новую газету „Русскій Туркестанъ".

Имѣлъ-ли покойный Сморгунеръ право жить въ г. Ташкентѣ, объ этомъ можно судить уже по тому одному, что онъ былъ частнымъ повѣреннымъ при Ташкентской судебной палатѣ и Ташкентскомъ окружномъ судѣ, а также издателемъ газеты „Русскій Туркестанъ", которой *былъ утвержденъ* временнымъ редакторомъ.

Также не вѣрны сужденія Арсенія Сташевскаго и о лицахъ, сгруппировавшихся около покойнаго и около основанной имъ газеты. Сташевскій не считаетъ сотрудниковъ газеты интеллигенціей, а называетъ *полуеврейскимъ кружкомъ*. Хотя въ послѣднемъ названіи и нѣтъ ничего ни позорнаго, ни оскорбительнаго, но въ данномъ случаѣ и это не правда. Ближайшими сотрудниками Сморгунера по газетѣ, кромѣ насъ, нижеподписавшихся, были еще слѣдующія лица: Морозовъ, Лыкошинъ, Лидскій. Многіе изъ насъ получили университетское образованіе, занимаемъ извѣстное служебное положеніе (податные инспектора, мировой судья, совѣтникъ областнаго правленія, помощникъ уѣзднаго начальника, чиновникъ по сельско - хозяйственной и оброчной частямъ при областномъ правленіи—все должности VI и VII классовъ) и извѣстны въ краѣ, какъ литературные работники, помѣщавшіе свои статьи не только въ мѣстныхъ частныхъ газетахъ, но также въ обще-россійской прессѣ и въ мѣстныхъ оффиціальныхъ изданіяхъ, каковы „Туркестанскія Вѣдомости" и „Сборникъ матеріаловъ для статистики Сыръ-Дарьинской Области", издаваемый мѣстнымъ Статистическимъ комитетомъ. Полагаемъ, что эти данныя позволяютъ причислить насъ къ мѣстной интеллигенціи и при томъ не еврейскаго происхожденія.

Къ этому позволимъ себѣ добавить еще слѣдующее:

Послѣ кровавой расправы, совершенной 4 сентября 1899 г. Сташевскимъ надъ Сморгунеромъ, память послѣдняго не разъ подвергалась со стороны немногихъ лицъ въ г. Ташкентѣ различнымъ нападкамъ и инсинуаціямъ, опровергать которыя мы не считали нужнымъ, такъ какъ въ подавляющемъ большинствѣ ташкентскаго общества мы видѣли искреннее сожалѣніе о без-

временной кончинѣ нашего товарища. Симпатіи общества нагляднѣе всего выразились въ день похоронъ Сморгунера, когда его гробъ провожала многолюдная толпа лицъ различныхъ званій, не исключая и военныхъ, когда гробъ съ останками покойнаго на протяженіи болѣе четырехъ верстъ несли на рукахъ вмѣстѣ съ нами чины судебнаго вѣдомства, студенты и лица другихъ званій, которыхъ мы раньше никогда не встрѣчали въ помѣщеніи редакціи, и когда крестъ на могилѣ безвременно-погибшаго ратоборца печатнаго слова былъ украшенъ множествомъ вѣнковъ съ такими надписями, какъ: „честному общественному дѣятелю", „честному борцу права и правды", „безвременно-погибшему" и т. п., вѣнками отъ различныхъ слоевъ ташкентскаго общества.

Но оскорбительные и ложные для памяти покойнаго толки не остались только толками. Уже на судебномъ слѣдствіи нѣкоторыми свидѣтелями были вылиты на свѣжую могилу Аарона Александровича ушаты грязныхъ инсинуацій, а нынѣ убійца Сморгунера на страницахъ петербургскаго журнала выступаетъ съ такими же грязными инсинуаціями по адресу покойнаго, называя его „темной личностью", „съ довольно сомнительной репутаціей".

Характеристика покойнаго, сдѣланная на судѣ нѣкоторыми свидѣтелями, на совѣсти которыхъ оставляемъ сказанныя ими слова, конечно, должна была имѣть въ глазахъ Сташевскаго важное значеніе, такъ какъ въ ней онъ хотя отчасти находитъ оправданіе своего преступленія. Убилъ человѣка, но не такого, чтобы можно было особенно скорбѣть о своемъ поступкѣ, а убилъ какую-то „темную личность" „съ довольно сомнительной репутаціей". Вотъ психологія Сташевскаго, въ которой онъ хочетъ найти оправданіе своего преступленія. Повторяемъ: это намъ до извѣстной степени понятно. Но не удивительно-ли, что находятся печатные органы, которые даютъ мѣсто этимъ инсинуаціямъ, шитымъ бѣлыми нитками,—не задумываясь надъ тѣмъ, какъ могла „темная личность, съ довольно сомнительной репутаціей", не имѣющая права даже проживать въ Ташкентѣ—быть повѣреннымъ при судебной палатѣ и окружномъ судѣ и редакторомъ-издателемъ газеты въ такомъ крупномъ административномъ центрѣ, какъ г. Ташкентъ, находящемся къ тому же на положеніи усиленной охраны.

Достаточно, слишкомъ даже достаточно и тѣхъ инсинуацій, которыя были вылиты въ г. Ташкентѣ на свѣжую могилу Аарона Александровича Сморгунера... Довольно и этого! А между тѣмъ мы видимъ новыя клеветы даже на страницахъ столичной прессы, дающей мѣсто письму убійцы дѣятеля печати,—той прессы, которая должна была бы правдивѣе отнестись къ кровавой расправѣ, совершенной 4 сентября 1899 г. въ канцеляріи окружнаго суда надъ ратоборцемъ печатнаго слова.

Мы протестуемъ противъ неприличныхъ инсинуацій, не останавливающихся передъ могилой человѣка, память котораго дорога не однимъ намъ.

Примите увѣреніе въ совершенномъ нашемъ почтеніи и уваженіи.

Сотрудники „Русскаго Туркестана“: *Ор. Шкапскій, И. Гейеръ, Н. Касьяновъ, Н. Прединскій, П. Ивановъ Смирновъ, Ал. Кречетовъ, И. Аничковъ.*

Издатели: Вл. Г. Короленко. Редакторы: П. Быковъ.
Н. К. Михайловскій. С. Поповъ.

Отчетъ

Конторы редакціи журнала «Русское Богатство»

по сбору пожертвованій въ пользу крестьянъ, пострадавшихъ отъ неурожая въ 1899 году.

Поступило въ январѣ, февралѣ и мартѣ 1900 г.:

На имя конторы редакціи: отъ „нѣкоторыхъ людей“—5 р. 50 к., отъ служащихъ спиртоочистительнаго завода Половцова въ Мелитополѣ—3 р., отъ подписчика № 7626 В. Г. Татаринова—3 р., отъ В. М. Ровинскаго—1 р. *Итого 12 р. 50 к.*

На имя Вл. Г. Короленко: отъ г. Гринъ изъ Лондона—98 р. 80 к., отъ служащихъ и рабочихъ Кодорскаго лѣсопильнаго завода н-ковъ В. Р. Максимова—31 р., отъ М. Я. Гречкиной—22 р., отъ г-жи Поляковой—20 р., отъ М. К. Писаревской изъ Курска—2 р., отъ А. Ю. Рудзкаго изъ Кривого-Рога—2 р. *Итого 175 р. 80 к.*

Всего 188 р. 30 к.

Изъ нихъ передано В. А. Мякотиной для ликвидаціи дѣла помощи въ Вятской губ.—10 р. и послано А. И. Успенской въ м. Татарбунары, Бессарабской губ. 178 р. 30 к.

Всего 188 р. 30 к.

ОПЕЧАТКИ

Въ статьѣ **А. Зотова** „Камера соглашенія и третейскаго суда въ желѣзодѣлательной промышленности Сѣверной Англіи“, въ № 2—февраль.

			напечатано	*слѣдуетъ*
Стр.	77 стр.	7 сверху	отмѣнять	измѣнять
„	84 „	20 „	эффективной	эффектной
„	67 „	11 снизу	**Т** Eduard'a Trow	г. Eduard'**a** **Trow**
„	68 „	5 сверху	**Т** Cox'a	г. **Cox'a**

ГАЗЕТЫ,

выразившія желаніе на взаимный обмѣнъ изданіями и объявленіями

на 1900 г.

въ г. *Астрахани*:

„АСТРАХАНСКІЙ ЛИСТОКЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *В. И. Склабинскій*. На годъ 7 р. 50 к., на 1/2 года 5 р., на 1 мѣс. 1 р. 25 к.

въ г. *Асхабадѣ*:

„АСХАБАДЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *З. Д. Джавровъ*. На годъ 7 р., на 1/2 года 4 р., на мѣс. 1 р. 50 к.

въ г. *Баку*:

„КАСПІЙ“ (ежедневно). На годъ 8 р. 50 к., на 1/2 года 5 р., на 1 мѣс. 1 р. 50 к.; за границу на годъ 13 р., на 1/2 года 7 р.

въ г. *Благовѣщенскѣ*:

„АМУРСКІЙ КРАЙ“ (три раза въ недѣлю). Редакторъ-издатель *Г. И. Клитчогло*. На годъ 9 р., на 1/2 года 5 р., на 1 мѣс. 1 руб.

въ г. *Вильнѣ*:

„ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *П. Бывалькевичъ*. На годъ 8 р., на 1/2 года 4 р., на 1 мѣс. 1 р.

„СѢВЕРО-ЗАПАДНОЕ СЛОВО“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *Г. Е. Клочковскій*. На годъ 8 р., на 1/2 года 4 р. 50 к., на мѣс. 1 р.

въ г. *Владивостокѣ*:

„ВЛАДИВОСТОКЪ“ (разъ въ недѣлю). Редакторъ-издатель *Н. В. Ремезовъ*. На годъ 11 р. 50 к., на 1/2 года 7 р. на 3 мѣс. 4 р.

„ВОСТОЧНЫЙ ВѢСТНИКЪ“ (четыре раза въ недѣлю). Редакторъ-издатель *В. Сущинскій.* На годъ 9 р., на 1/2 года 4 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р. 50 к.

въ г. *Владикавказѣ*:

„КАЗБЕКЪ“ (ежедневно). Издатель *С. І. Казаровъ.* На годъ 7 р., на 1/2 года 4 р.

въ г. *Воронежѣ*:

„ДОНЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *В. Веселовскій* На годъ 7 р., на 1/2 4 р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Екатеринославѣ*:

„ПРИДНѢПРОВСКІЙ КРАЙ“ (ежедневно). Редакторъ *В. В. Святловскій.* Издатель *М. С. Копыловъ.* На годъ 12 р., на 1/2 года 6 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р. 40 к.; за границу на годъ 23 р., на 1/2 года 12 р., на 1 мѣс. 2 р. 50 к.

„ДНѢПРОВСКАЯ МОЛВА“ (разъ въ недѣлю). Редакторъ-издатель *Н. В. Быковъ.* На годъ 5 р., на 1/2 года 2 р. 50 к., на 3 мѣс. 1 р. 25 к.

въ г. *Екатеринбургѣ*:

„УРАЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *П. И. Пѣвинъ.* На годъ 5 р., на 1/2 года 3 р., на 1 мѣс. 75 к.

въ г. *Иркутскѣ*:

„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *И. И. Поповъ.* На годъ 9 р., на 1/2 года 5 р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Казани*:

„ВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ (ежедневно). Издательница *Л. П. Рейнгардтъ.* Редакторъ *Н. В. Рейнгардтъ.* На годъ 9 р., на 1/2 года 5 р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Карсѣ*:

„КАРСЪ“. Редакторъ *А. Островскій.* На годъ 3 р.

въ г. *Кишиневѣ:*

„БЕССАРАБЕЦЪ“. (ежедневно). Редакторъ-издатель *П. Крушеванъ.* На годъ 9 р., на 1/2 года 5 р., на 3 мѣс. 3 р.

въ г. *Красноярскѣ:*

„ЕНИСЕЙ“ (три раза въ недѣлю). Редакторъ-издатель *Е. Ф. Кудрявцевъ.* На годъ 7 р., на 1/2 года 4 р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Костромѣ*:

„КОСТРОМСКОЙ ЛИСТОКЪ (ежедневно). Редакторъ-издательница *Т. П. Андроникова.* На годъ 4 р. 20 к., на ½ года 2 р. 20 к., на 1 мѣс. 50 к.

въ г. *Самарѣ*:

„САМАРСКАЯ ГАЗЕТА“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *С. И. Костеринъ.* На годъ 7 р., на ½ года 3 р. 50 к., на 1 мѣс. 70 к.

въ г. *Самаркандѣ:*

„ЗАКАСПІЙСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *Н. М. Федоровъ.* На годъ 8 р., на ½ года 5 р.

въ г. *Саратовѣ*:

„САРАТОВСКІЙ ЛИСТОКЪ“ (ежедневно). Редакторъ *П. О. Лебедевъ.* Издатели: *П. О. Лебедевъ* и *И. П. Горизонтовъ.* На годъ 8 р., на ½ года 4 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р. 20 к.

въ г. *Симбирскѣ*:

„СИМБИРСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ“. Неоффиціальная часть (два раза въ недѣлю). Редакторъ *Д. А. Горчаковъ.* На годъ 3 р., на ½ года 1 р. 75 к.

въ г. *Севастополѣ*:

„КРЫМСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *С. М. Спиро.* На годъ 8 р., на ½ года 5 р., на 1 мѣс. 1 р. 25 к.

въ г. *Смоленскѣ*:

„СМОЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ (ежедневно). Редакторъ *В. В. Гулевичъ.* Издательница *Ю. П. Азанчевская.* На годъ 6 р.

въ губ. г. *Ставрополѣ:*

„СѢВЕРНЫЙ КАВКАЗЪ“ (три раза въ недѣлю). На годъ 5 р. 50 к., на ½ года 3 р., на 3 мѣс. 1 р. 75 к.

въ г. *Таганрогѣ*:

„ТАГАНРОГСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ (три раза въ недѣлю). Редакторъ *М. М. Красновъ.* Издатели наслѣдники *Миронова.* На годъ 7 р., на ½ года 4 р., на 1 мѣс. 85 к.

въ г. *Тифлисѣ*:

„ТИФЛИССКІЙ ЛИСТОКЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *Х. Г. Хачатуровъ.* На годъ 7 р., на ½ года 3 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Тобольскѣ*:

„СИБИРСКІЙ ЛИСТОКЪ“ (два раза въ недѣлю). На годъ 5 р., на 1/2 года 2 р. 75 к., на 3 мѣс. 1 р. 50 к.

въ г. *Курскѣ*:

„КУРСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ“. Неоффиціальная часть (ежедневно). За редактора *С. П. Корниловъ*. На годъ 4 р., на 1/2 года 2 р., на 3 мѣс. 1 р. 50 к.

въ губ. г. *Минскѣ*:

„МИНСКІЙ ЛИСТОКЪ“ (три раза въ недѣлю). Редакторъ-издатель *И. Фотинскій*. На годъ 4 р., на 1/2 года 2 р. 50 к., на 1 мѣс. 75 к.

въ г. *Нижнемъ-Новгородѣ*:

„НИЖЕГОРОДСКІЙ ЛИСТОКЪ“ (ежедневно). Редакторъ *Г. Н. Казачковъ*. На годъ 7 р., на 1/2 4 р., на 1 мѣс. 1 р. 25 к.

„ВОЛГАРЬ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *С. И. Жуковъ*. На годъ 8 р., на 1/2 года 5 р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Орлѣ*:

„ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *А. Аристовъ*. На годъ 7 р., на 1/2 года 4 р., на 1 мѣс. 90 к.

въ г. *Перми*:

„ПЕРМСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ“. Неоффиціальная часть (ежедневно). Редакторъ *Функъ*. На годъ 7 р., на 1/2 года 4 р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Петербургѣ*:

„ВРАЧЪ“. Редакторъ *В. А. Манассеинъ*. Издательница *О. А. Риккеръ*. На годъ 9 р., на 1/2 года 4 р. 50 к., на 3 мѣс. 2 р. 25 к. Адресъ: Невскій пр., 14.

въ г. *Петрозаводскѣ*:

„ОЛОНЕЦКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ“. Неоффиціальная часть. Редакторъ *С. А. Левитскій*. На годъ 5 р., на 1/2 года 3 р.

въ г. *Ригѣ*:

„ПРИБАЛТІЙСКІЙ ЛИСТОКЪ“ (ежедневно). На годъ 7 р. на 1/2 года 3 р. 50 к., на 1 мѣс. 75 к.; за границу на годъ 14 р., на 1/2 года 8 р., на 1 мѣс. 2 р. 50 к.

въ г. *Ростовѣ на Дону*:

„ДОНСКАЯ РѢЧЬ“ (ежедневно). За редактора *А. Шепкаловъ*. На годъ 8 р., на 1/2 года 4 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Томскѣ*:

„СИБИРСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *Г. В. Прейсманъ*. На годъ 9 р., на 1/2 года 4 р. 50 к. на 1 мѣс. 75 коп.

„СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ“ (ежедневно). Издатель *П. И. Макушинъ*. Редакторы: *П. И. Макушинъ* и *А. И. Макушинъ*. На годъ 5 р., на 1/2 года 3 р.; за границу на годъ 9 р., на 1/2 года 5 р.

въ г. *Ялтѣ*:

„КРЫМСКІЙ КУРЬЕРЪ“ (ежедневно). Ближайшее участіе въ редакціи принимаютъ: А. Я. Безчинскій, С. Я. Елпатьевскій, В. В. Келлеръ, М. М. Копотиловъ, П. П. Розоновъ и Ант. Пав. Чеховъ. На годъ 6 р., на 1/2 года 4 р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Ярославлѣ*:

„СѢВЕРНЫЙ КРАЙ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *Э. Г. Фалькъ*. На годъ 8 р., на 1/2 года 5 р., на 1 мѣс. 1 р.

Отъ конторы редакціи.

Гг. подписчиковъ, уплатившихъ при подпискѣ 3 руб., контора редакціи покорнѣйше проситъ поспѣшить уплатой слѣдующаго взноса, **съ приложеніемъ печатнаго адреса**, по которому высылается журналъ.

Подписчики, **живущіе въ Москвѣ**, для избѣжанія лишнихъ хлопотъ и расходовъ по пересылкѣ денегъ, могутъ вносить доплаты въ отдѣленіе нашей конторы (*Никитскія ворота, д. Гагарина*), **обязательно** представляя **печатный адресъ**, по которому высылается журналъ изъ Петербурга.

Лицамъ, не приславшимъ своевременно второго взноса, **высылка журнала** съ апрѣльской книжки **будетъ прекращена.**